БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ

ЮРЫДЫЧНАЯ НАВУКА І АДУКАЦЫЯ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

ДА 95-ГОДДЗЯ ЮРЫДЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА

ЗБОРНІК НАВУКОВЫХ ПРАЦ

МІНСК
БДУ
2020

УДК 34(082)+34:378.016(082)
ББК 67я43+67р30я43
Ю84

Пад рэдакцыяй Т. М. Міхалёвай,
Т. І. Доўнар, С. А. Калініна, Л. Л. Голубевай

Рэдакцыйная калегія:
Т. М. Міхалёва (*галоўны рэдактар*), Н. А. Антановіч, С. А. Балашэнка,
Р. А. Васілевіч, Л. Л. Голубева, І. А. Грунтоў, А. А. Данілевіч,
Т. І. Доўнар, С. А. Калінін, В. С. Камянкоў, Т. І. Макарава,
М. В. Мяшчанава, А. А. Піліпенка, А. А. Пухаў,
В. М. Раманава, С. В. Рашэтнікаў, Т. А. Чарвякова, В. Б. Шабанаў

Ю84 **Юрыдычная** навука і адукацыя ў Беларускім дзяржаўным універсітэце: гісторыя і сучаснасць: да 95-годдзя юрыдычнага факультэта : зб. навук. прац / рэдкал.: Т. М. Міхалёва (гал. рэд.) [і інш.] ; пад рэд. Т. М. Міхалёвай [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2020. – 535 с.
ISBN 978-985-566-973-0.

Юбілейнае выданне да 95-годдзя юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта змяшчае апублікаваныя работы знакамітых выкладчыкаў і навукоўцаў, што раней працавалі ў БДУ і з'яўляліся заснавальнікамі юрыдычных навуковых школ, а таксама артыкулы прадаўжальнікаў іх дзейнасці – сучасных вядомых даследчыкаў у сферы юрыдычнай навукі і адукацыі.

УДК 34(082)+34:378.016(082)
ББК 67я43+67р30я43

ISBN 978-985-566-973-0

© БДУ, 2020

ПРАДМОВА

РАЗВІЦЦЁ ЮРЫДЫЧНАЙ НАВУКІ І НАВУКОВЫХ ШКОЛ У БДУ

Вытокі айчыннай юрыдычнай навукі і адукацыі знаходзяцца ў старажытнасці і перш за ўсё абумоўлены з'яўленнем у XVI ст. Полацкага, Віленскага і іншых калегіумаў, а пазней – Віленскага ўніверсітэта.

Актывізацыя навуковых даследаванняў на пачатку XX ст. была непасрэдна звязана з адкрыццём у 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, у складзе якога былі тры факультэты: рабочы, медыцынскі і грамадскіх навук. Наркам асветы У. М. Ігнатоўскі стаў першым дэканам факультэта грамадскіх навук. На факультэце функцыянавала і прававое аддзяленне, дзе першымі выкладчыкамі сталі Г. С. Гурвіч (савецкае дзяржаўнае права), У. М. Дурдзянеўскі (дзяржаўнае права буржуазных краін), М. Б. Кроль (судовая псіхіятрыя), І. Т. Цітоў (судовая медыцына), М. В. Грэдзінгер (грамадзянскае права і працэс), Б. В. Чрэдзін (рымскае права) і інш. Усе выкладчыкі займаліся не толькі пытаннямі падрыхтоўкі юрыдычных кадраў, але і навуковымі даследаваннямі. Напрыклад, першы рэктар універсітэта У. І. Пічэта распрацоўваў гісторыю дзяржаўнасці Беларусі.

У 1925–1926 навучальным годзе на факультэце працавалі ўжо 12 прафесараў: У. І. Пічэта, С. Я. Вальфсон, А. В. Гарбуноў, М. В. Грэдзінгер, У. М. Дурдзянеўскі, М. В. Доўнар-Запольскі, С. Я. Кацэнбоген, М. М. Краўчанка, М. А. Прыляжаеў, У. М. Перцаў, В. М. Шыраеў, Б. В. Чрэдзін, а таксама дацэнты і асістэнты (А. М. Арцымовіч, Ф. І. Гаўзэ, М. А. Канаплін і інш.). Навуковыя даследаванні 1920–30-х гг. былі адказам на пытанні, якія ставілі ў той час практыка савецкага дзяржаўнага будаўніцтва і правапрымяняльная дзейнасць. Так, працы У. М. Дурдзянеўскага, М. М. Гуткоўскага, П. М. Галанзы, І. І. Крыльцова, М. А. Канапліна, Л. А. Рудзіцкага, Р. Я. Парэчына былі прысвечаны савецкаму дзяржаўнаму праву, М. В. Грэдзінгера – грамадзянскаму праву і працэсу БССР, В. М. Шыраева – крымінальнаму праву і працэсу, М. М. Краўчанкі, І. В. Зайчык – працоўнаму праву, Ф. І. Гаўзэ, А. І. Таўсталес – шлюбна-сямейнаму і грамадзянскаму праву і г. д.

Навуковыя даследаванні працягваліся ў Мінскім інстытуце савецкага будаўніцтва і права (1931), які ў 1932 г. быў пераўтвораны ў Мінскі юрыдычны інстытут, а некалькі пазней – на юрыдычным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (1954). З канца 1950-х гг. навуковая дзейнасць актывізавалася па ўсіх кірунках прававой навукі, у тым ліку па тэорыі і гісторыі

дзяржавы і права (А. М. Абрамовіч, Б. Я. Бабіцкі, В. А. Дарогін, С. Р. Драбязка, Э. А. Калініна, С. П. Маргунскі, У. П. Сярэбранікаў, А. С. Фарфель, І. А. Юхо і інш.), канстытуцыйным і адміністрацыйным праве (С. Р. Віхараў, А. А. Галаўко, П. К. Еўдакімаў, А. Ц. Лейзераў, А. М. Крамнік, Л. А. Прыходзька, Я. М. Тагуноў, А. Г. Цікавенка і інш.), грамадзянскім і сямейным праве (Ф. І. Гаўзэ, В. Ф. Чыгір, В. В. Левы, А. М. Рамановіч, М. Р. Юркевіч і інш.), грамадзянска-працэсуальным і працоўным праве (С. В. Курылёў і інш.), крымінальным праве (І. І. Гарэлік, П. А. Дубавец, К. В. Кічыгіна, М. М. Меркушаў, В. А. Шкурко, С. Цішкевіч і інш.), крымінальным працэсе, судовым ладзе і судаводстве (С. П. Бякешка, І. І. Марціновіч, Я. А. Мацвіенка, В. М. Шпілёў і інш.), крыміналістыцы і судовай псіхалогіі (А. В. Дулаў, М. М. Гапановіч, І. А. Матусевіч і інш.). Даследаваліся пытанні землекарыстання і аховы прыроды (М. В. Сторажаў і інш.), міжнароднай дзейнасці БССР (Ю. П. Броўка, Л. В. Паўлава) і інш. Вучоныя факультэта прымалі ўдзел у распрацоўцы і навуковым каменціраванні нарматыўных актаў, у падрыхтоўцы энцыклапедычных выданняў і інш.

Паступова ў БДУ пачалі фарміравацца юрыдычныя навуковыя школы пад кіраўніцтвам вядучых даследчыкаў. Так, навуковымі школамі кіравалі: у сферы гісторыі дзяржавы і права – І. А. Юхо (з 1963); тэорыі права – С. Р. Драбязка (з 1972), А. М. Абрамовіч (з 1988); канстытуцыйнага права – А. А. Галаўко (з 1965), Р. А. Васілевіч (з 1994); крымінальнага права – І. С. Цішкевіч, І. І. Гарэлік, В. А. Шкурко (з 1965); крымінальнага працэсу – Я. А. Мацвіенка, В. М. Шпілёў (з 1974); крыміналістыкі – А. В. Дулаў (з 1965); грамадзянскага працэсу і працоўнага права – М. Р. Юркевіч, В. Г. Ціхіня (з 1974); грамадзянскага права – В. Ф. Чыгір (з 1983); экалагічнага права – М. В. Сторажаў (з 1991); фінансавага права і прадпрымальніцкай дзейнасці – В. С. Камянкоў (з 2004); у сферы палітычных навук – С. В. Рашэтнікаў (з 1995). Некаторыя навуковыя школы ў далейшым узначалілі вучні гэтых знакамітых даследчыкаў.

У канцы XX ст. пачаўся якасна новы этап развіцця беларускай юрыдычнай навукі. Аб гэтым сведчаць шматлікія публікацыі супрацоўнікаў юрыдычнага факультэта (манаграфіі, падручнікі, вучэбныя дапаможнікі і інш.), якія адлюстравалі новыя тэндэнцыі ў айчыннай прававой навуцы і былі скіраваны на выпрацоўку тэарэтычных падстаў прававой рэформы і пошук найбольш эфектыўных сродкаў рэфармавання грамадскіх адносін для забеспячэння суверэннага і паступальнага развіцця Рэспублікі Беларусь. У публікацыях тэарэтыкаў права А. М. Абрамовіча, С. Р. Драбязкі, С. А. Калініна, Д. А. Лагуна, А. Г. Цікавенкі і інш. надавалася ўвага праблемам удасканалення дзяржаўнага апарату, шляхам пабудовы дэмакратычнай сацыяльнай прававой дзяржавы ў Рэспубліцы Беларусь. Гісторыкі права А. І. Арлоўская, Л. Л. Голубева, Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, І. А. Юхо і інш. даследавалі пытанні айчыннай і замежнай дзяржаўна-прававой гісторыі.

Пад кіраўніцтвам прафесара Р. А. Васілевіча, які выдаў шмат манаграфій і падручнікаў, вучоныя кафедры канстытуцыйнага права (А. М. Крамнік, Н. М. Кандратовіч, Д. А. Плецянёў, Л. А. Прыходзька, В. І. Чупрыс, А. В. Шаўцова і інш.) праводзілі даследаванні ў сферы канстытуцыйнага і адміністрацыйнага права.

Праблемы грамадзянскага і сямейнага права актыўна распрацоўвалі В. М. Гадуноў, С. Р. Драбязка, А. У. Лаеўская, У. А. Раманенка, А. М. Рамановіч, С. П. Сакалоў, І. П. Трацякова, І. М. Шчамялёва і інш.

У публікацыях В. П. Дуюна, В. С. Курылёвай, А. А. Войціка, Х. Т. Мялешка, Т. М. Петачэнка, К. Л. Тамашэўскага, Г. Б. Шышко і іншых разглядаліся пытанні працоўнага права. Праблемам грамадзянска-працэсуальнага права прысвечаны даследаванні Т. А. Бяловай, І. М. Калядкі, І. М. Казей, В. В. Ціхановіча, В. Г. Ціхіні, М. Р. Юркевіча і інш.

Актуальныя пытанні крымінальнага права і крымінальнага працэсу знайшлі адлюстраванне ў шматлікіх працах А. У. Баркова, М. А. Бабія, В. М. Бібілы, І. А. Грунтова, А. А. Данілевіча, Л. Л. Зайцавай, І. І. Марціновіч, В. В. Марчука, В. І. Самарына, У. М. Хоміча, А. В. Шыдлоўскага і інш.

Праблемы крыміналістыкі даследавалі І. Р. Вярэнчыкаў, А. А. Гучок, А. В. Дулаў, А. В. Лапін, А. С. Рубіс, А. М. Хлус, Р. А. Шумак і інш.

Пад навуковым кіраўніцтвам В. С. Камянкова вывучаліся пытанні фінансавага, падатковага і банкаўскага права, аб чым сведчаць манаграфіі В. С. Камянкова, Ю. П. Гаўрыльчанкі, С. К. Лешчанкі, А. А. Піліпенкі, Я. І. Функа.

Новым кірункам юрыдычнай навукі Беларусі сталі навуковыя працы ў сферы экалагічнага права і аховы навакольнага асяроддзя (С. А. Балашэнка, Н. А. Карповіч, В. Я. Лізгара, Т. І. Макарава, Н. А. Шынгель і інш.).

Актыўныя даследаванні ў сферы палітычных навук з 1995 г. праводзіліся пад кіраўніцтвам прафесара С. В. Рашэтнікава (заснавальнік кафедры паліталогіі) і прафесара Н. А. Антановіч (зараз загадчык кафедры), аб чым сведчыць выданне шэрагу навуковых артыкулаў і калектыўных манаграфій.

Важным кірункам дзейнасці юрыдычнага факультэта можна лічыць удзел яго супрацоўнікаў у навуковым каменціраванні кодэксаў, законаў і іншых нарматыўных прававых актаў Рэспублікі Беларусь, а таксама ў распрацоўцы і навуковай экспертызе праектаў нарматыўных прававых актаў.

На юрыдычным факультэце штогод праходзяць навуковыя і навукова-практычныя канферэнцыі, на якіх абмяркоўваюцца важнейшыя праблемы юрыдычнай навукі, адбываецца абмен вопытам з вучонымі іншых краін. Традыцыяй факультэта стала ўшанаванне тых навукоўцаў старэйшага пакалення, якія ўнеслі самы значны ўклад у развіццё айчыннай прававой навукі. Былі скліканы міжнародныя канферэнцыі, прысвечаныя памяці прафесараў І. А. Юхо, М. В. Сторажава (2011, 2014). Адбыліся канферэнцыі, прысвечаныя 90-годдзю з дня нараджэння заснавальнікаў навуковых школ, дактароў юрыдычных навук, прафесараў С. Р. Драбязкі (тэарэтыка-прававая школа), В. Ф. Чыгіра (цывілістычная школа), А. В. Дулава (крыміналістычная школа). Былі выдадзены працы гэтых навукоўцаў.

У складзе БДУ юрыдычны факультэт з'яўляецца флагманам па падрыхтоўцы юрыдычных кадраў і навуковых кадраў вышэйшай кваліфікацыі. Вядучыя навукоўцы факультэта кіруюць аспірантамі і саіскальнікамі навуковых ступеняў, прымаюць удзел у экспертызе і апаніраванні дысертацыйных даследаванняў і інш. Пры БДУ актыўна дзейнічаюць тры доктарскія саветы па абароне дысертацый па прававых навуках, а таксама адзін савет па палітычных навуках.

Аб поспехах у навуковых даследаваннях на юрыдычным факультэце сведчыць не толькі фарміраванне шэрагу навуковых школ і абарона шматлікіх дысертацый, але і распрацоўка падручнікаў і дапаможнікаў (толькі за апошнія дзесяць гадоў пабачылі свет звыш 20 падручнікаў з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь), выданне вучэбна-метадычных комплексаў, навукова-практычных каментарыяў, практыкумаў, разнастайных даведнікаў па прававых пытаннях, чатырохтомнай «Белорусской юридической энциклопедии» (2007–2014), калектыўных навуковых прац, у тым ліку 27 выпускаў зборніка «Право и демократия» (1988–2016). З 1969 г. выходзіў «Веснік БДУ. Серыя 3. Гісторыя. Эканоміка. Права» (тры разы на год), а з 2017 г. на базе пералічаных зборніка і часопіса створаны «Журнал Белорусского государственного университета. Право» (галоўны рэдактар С. А. Балашэнка). Неаднойчы навуковыя выданні супрацоўнікаў юрыдычнага факультэта БДУ станавіліся лаўрэатамі нацыянальных і міжнародных прэмій.

Юрыдычны факультэт выконваў шмат дзяржаўных праграм навуковых даследаванняў, удзельнічаў у міжнародных праектах, у тым ліку займаўся прыкладнымі даследаваннямі. Адзначым, што ў наступныя пяць гадоў запланавана ажыццявіць галоўнае кіраўніцтва шасцю рэспубліканскімі праграмамі навуковых даследаванняў.

Сёння Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, які стаіць на парозе 100-гадовага юбілею, застаецца флагманам айчыннай вышэйшай адукацыі, культурным і навуковым асяродкам рэспублікі. Яго роля як вядучага цэнтра вышэйшай адукацыі і навуковых даследаванняў, у тым ліку ў сферы права, пастаянна ўзрастае.

Прадстаўленыя ў кнізе публікацыі знакамітых навукоўцаў мінулага (тэкст артыкулаў падаецца з захаваннем арфаграфіі і пунктуацыі арыгінала) і сучасных вядучых вучоных-юрыстаў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта сведчаць аб значнай ролі пераемнасці ў юрыдычнай навуцы, захаванні гістарычных традыцый, а таксама з'яўляюцца доказам істотнага месца ўніверсітэцкай юрыдычнай навукі ў працэсе ўдасканалення грамадскіх адносін на шляху пабудовы сацыяльнай прававой дзяржавы ў Рэспубліцы Беларусь.

Міхалёва Таццяна Мікалаеўна,
дэкан юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага
ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Доўнар Таісія Іванаўна,
прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права
юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
доктар юрыдычных навук, прафесар

КАФЕДРА ТЭОРЫІ І ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА

А. М. Абрамовіч
(1944–2018)
доктар юрыдычных навук

КАНСТЫТУЦЫЙНАЯ РЭФОРМА: ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ[1]

Сучасныя грамадскія працэсы ў Рэспубліцы Беларусь, іх дынамізм патрабуюць адпаведнага навуковага аналізу з пункту гледжання юрыдычнага афармлення гэтых працэсаў, стварэння належнай прававой базы, ажыццяўлення далейшых прагрэсіўных пераўтварэнняў. Асаблівую актуальнасць набыла праблема прывядзення ў адпаведнасць з сучаснымі патрабаваннямі асновы дзеючай сістэмы беларускага заканадаўства – Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Прынятая 15 сакавіка 1994 г. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь замацавала змены ў эканамічнай, палітычнай і іншых сферах грамадскага жыцця: фармаванне шматукладнай эканомікі, забеспячэнне роўнасці ўсіх форм уласнасці, паступовае ўсталяванне палітычнага плюралізму і, галоўнае, замацаванне шырокага кола правоў і свабод грамадзян.

Адносна невялікі гістарычны тэрмін (два з паловай гады), які прайшоў з моманту прыняцця дзеючай канстытуцыі, мае шматзначную спецыфіку. Гэта тэрмін пераходнага перыяду, змены ў які адбываюцца, асабліва ў палітычнай сферы, з дастатковай і часта імклівай хуткасцю. З'явіўся шэраг аб'ектыўных прадпасылак, якія запатрабавалі канстытуцыйных змен.

Усё больш акрэсленае азначэнне агульнага напрамку грамадскага развіцця краіны дае магчымасць больш змястоўна вызначыць на канстытуцыйным узроўні асноўныя правы і свабоды грамадзян і значна іх пашырыць, маючы на ўвазе пабудову сацыяльнай прававой дзяржавы і грамадскай супольнасці. Таму замацаванне на канстытуцыйным узроўні, напрыклад, аднаго з найбольш фундаментальных правоў чалавека – права на свабоднае і годнае існаванне – можа мець выключнае значэнне для ўсёй сістэмы эканамічных і сацыяльна-культурных

[1] Друкуецца паводле: *Абрамовіч А. М.* Канстытуцыйная рэформа: праблемы і перспектывы // Весн. БДУ. Сер. 3. 1996. № 3. С. 81–83.

правоў грамадзян рэспублікі. Аб сацыяльна арыентаванай палітыцы дзяржавы, несумненна, можа сведчыць падыход, накіраваны на ўсталяванне ў Асноўным Законе палажэнняў аб гарантаванні працоўным магчымасцей прымаць удзел у кіраванні вытворчасцю, атрымліваць заработную плату, якая павінна складаць справядлівую долю ў выніках грамадскай эканамічнай працы, аб сапраўднай абароне адпаведных сацыяльных груп і моладзі, маламаёмасных і інш. Усе гэтыя і іншыя сацыяльныя аспекты канстытуцыйнага забеспячэння прававога статусу асобы зусім лагічна вынікаюць з той зыходнай пасылкі, якая вызначае ўвесь змест перспектыўных змяненняў Асноўнага Закона, – народ не толькі крыніца ўлады, але і носьбіт суверэнітэту.

Практыка дзяржаўнага будаўніцтва за мінулы перыяд выявіла сур'ёзныя недахопы ў канстытуцыйным забеспячэнні і функцыянаванні цэнтральных дзяржаўных органаў – як ва ўзаемадзеянні іх паміж сабой, так і ў рэалізацыі іх непасрэдных функцый. Агульнавядома, што Канстытуцыя 1994 г., хаця і дэкларавала прынцып падзелу ўлад і ўвяла пасаду прэзідэнта ў якасці кіраўніка дзяржавы і выканаўчай улады, тым не менш па зместу засталася канстытуцыяй, заснаванай на монаўладзе, пры якой усе іншыя органы фактычна і юрыдычна падкантрольны і падсправаздачны адной уладзе, у нашым выпадку – саветам дэпутатаў. На вышэйшым узроўні вярхоўны савет застаўся па-ранейшаму тым звяном, якое з'яўляецца і тлумачэннем нормаў канстытуцыі, а таксама законаў, што дае вярхоўнаму савету дадатковыя магчымасці ў накірунку забеспячэння яго верхавенства ў агульнай сістэме дзяржаўных органаў.

Кардынальныя змены канстытуцыйных палажэнняў, лагічна патрабуючы дакладнага акрэслення паўнамоцтваў прэзідэнта, парламента, выканаўчай улады, павінны зыходзіць з гранічнага абмежавання гэтых паўнамоцтваў. Гэта азначае, што ў канстытуцыі не павінна адносна кампетэнцыі дадзеных органаў прымяняцца формула «вырашае іншыя пытанні, калі гэта прадугледжана канстытуцыяй».

Вядома, што кожная галіна ўлады як пэўны сацыяльны арганізм імкнецца расшырыць свае функцыі, а значыць, і паўнамоцтвы, гэта аб'ектыўны закон, ён дзейнічае і ў іншых краінах. Аднак у аптымальна арганізаваных дзяржаўных сістэмах прадугледжваюцца механізмы, якія функцыянуюць як стрымліваючыя не толькі паміж рознымі галінамі ўлады, але і ўнутры саміх гэтых галін улад. На наш погляд, такія механізмы патрэбны не толькі заканадаўчай, але і выканаўчай уладзе.

Такім стрымліваючым механізмам для заканадаўчай улады з'яўляецца двухпалатная сістэма. Радзімай двухпалатнага парламента ў яго сучасным выглядзе з'яўляецца, як вядома, Вялікабрытанія. У большасці дэмакратычных краін парламенты двухпалатныя. Гэта ЗША, ФРГ, Францыя, Італія, Іспанія, Японія і інш. Сярод больш «маладых» у гэтай сферы можна назваць Польшчу, Расійскую Федэрацыю, Казахстан, якія таксама выбралі сістэму двухпалатнага парламента. Пры двухпалатнай сістэме парламента, з аднаго боку, існуе спецыяльны прафесіянальны орган, які працуе ў галіне заканатворчасці, – гэта палата дэпутатаў або прадстаўнікоў; другая палата выконвае, па-першае, экспертна-кантрольныя функцыі. Яна, напрыклад, на нейкі момант можа за-

трымаць увядзенне ў жыццё не адпавядаючых яго патрабаванням законаў. Але ў канчатковым выніку палата прадстаўнікоў павінна мець магчымасць рухаць, калі гаварыць умоўна, закон нават тады, калі другая палата яго адхіляе, іншым канстытуцыйным шляхам праз узгадняльную камісію і інш. і ў адпаведных абставінах прымаць, нягледзячы на адмоўныя адносіны да законапраекта другой палаты. Другая палата магла б таксама вырашаць пытанні, звязаныя з прызначэннем вышэйшых службовых асоб дзяржавы ў межах кампетэнцыі парламента. І нарэшце, падкрэслім: другая палата адлюстроўвала б пераважна не столькі палітычныя, колькі рэгіянальныя інтарэсы, што вельмі важна для ўстойлівага функцыянавання дзяржаўнага механізма.

Пры такім становішчы забяспечваецца большая эфектыўнасць работы парламента, перш за ўсё за кошт яго якасных, калі можна так сказаць, заканатворчых і кадравых рашэнняў.

Стрымліваючы механізм павінен быць і ў сістэме «прэзідэнт – выканаўчая ўлада». Такім механізмам з'яўляецца наяўнасць магутнага выканаўчараспарадчага органа – кабінета міністраў. З органа, утворанага пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, кабінет міністраў павінен атрымаць статус самастойнага органа, які мае права ўносіць праекты законаў непасрэдна ў парламент, мінуючы прэзідэнта. Толькі праект закона аб бюджэце ў сувязі з яго выключнай важнасцю мэтазгодна – і гэта павінна мець канстытуцыйнае замацаванне – ураду ўносіць у парламент са згоды прэзідэнта. У інтарэсах дзяржавы патрэбна, каб урад быў не толькі падкантрольны прэзідэнту, але і падсправаздачны парламенту. Гэта азначае, што парламент можа выказваць кабінету міністраў вотум недаверу ці адказваць яму ў даверы. Парламент можа адобрыць або адхіліць праграму, прапанаваную ўрадам і інш. Больш за тое, у пэўных сітуацыях кабінет міністраў і яго прэм'ер становяцца стрымліваючымі фактарамі ў рамках сістэмы «прэзідэнт – выканаўчая ўлада».

Прэзідэнт жа ў новай сістэме ўлады, па прапанаваных ім зменах у канстытуцыі, застаецца кіраўніком дзяржавы. Улічваючы, што ў яго фактычна адпадаюць многія паўнамоцтвы кіраўніка выканаўчай улады, дакладней было б гаварыць аб змяненні арыентаванасці паўнамоцтваў прэзідэнта менавіта на паўнамоцтвы кіраўніка (па-руску «главы») дзяржавы, а не аб істотным пашырэнні яго паўнамоцтваў наогул. Напрыклад, прэзідэнт не атрымлівае неабмежаванага права роспуску парламента. Ён можа рабіць гэта толькі ў выпадках, канстытуцыйна абмежаваных: калі дэпутаты выказваюць вотум недаверу ўраду ці адмаўляюць ураду ў даверы і, нарэшце, за грубае і сістэматычнае парушэнне канстытуцыі. Аднак апошняе прэзідэнт можа ажыццяўляць толькі паводле заключэння канстытуцыйнага суда. Такая норма характэрна для сталых дэмакратычных дзяржаў. Тым не менш яна заснавана на выніках мінулагоднягa рэферэндуму.

Пытанне, звязанае з выданнем кіраўніком дзяржавы ў адпаведных умовах нарматыўных актаў, роўных па юрыдычнай сіле законам, не новае для дэмакратычных краін. Гэта могуць рабіць нават урады некаторых краін, напрыклад Іспаніі. Аднак такія акты-дэкрэты і інш. будуць дзейнічаць толькі тады, калі парламент не адменіць іх ці не пацвердзіць – у розных краінах пытанне

вырашаецца па-рознаму. Для ўмоў Рэспублікі Беларусь абодва гэтыя варыянты могуць быць прымальнымі, але галоўнае – каб парламент у такіх выпадках меў рэальныя магчымасці (і юрыдычныя, і фактычныя) гэта зрабіць. Іначай можа ўсталявацца неапраўданы ўхіл у бок гіпертрафіравання паўнамоцтваў кіраўніка дзяржавы.

І вось тут набывае актуальнасць і значнасць пытанне аб магчымасці старшынь палат збіраць іх нечарговыя пасяджэнні. Улічваючы тыя абставіны, што чарговыя пасяджэнні палат склікаюцца прэзідэнтам, менавіта гэтае права старшынь палат забяспечвае прадстаўнічай уладзе магчымасць прыняць рашэнні, адэкватныя сітуацыі, у тым ліку і па ўзаемаадносінах з кіраўніком дзяржавы і іншымі галінамі ўлады. Апраўданасць жа прыняцця кіраўніком дзяржавы ў абмежаваных канстытуцыяй выпадках нарматыўных актаў, што маюць сілу закона, прадвызначаецца і тым, што парламент працуе строга абмежаваны тэрмін у летнюю і зімовую сесіі: 90 і 80 дзён адпаведна. Падкрэслім: канстытуцыя павінна вызначаць і кола пытанняў, па якіх кіраўнік дзяржавы не зможа выдаваць нарматыўныя акты, якія маюць сілу закона, нават на абмежаваны тэрмін. Гэта тыя пытанні, якія з'яўляюцца ключавымі для зберажэння канстытуцыйнага ладу, правоў і свабод чалавека.

Важным з'яўляецца ўдакладненне працэдуры ўзаемаадносін паміж прэзідэнтам і парламентам у галіне заканатворчасці, што складае таксама прадмет канстытуцыйнага рэгулявання. Тут многае можа даць тыповая практыка сталых дэмакратычных дзяржаў забеспячэння руху законапраектаў і іх прыняцця. У прыватнасці, накіраваны прэзідэнтам ці ўрадам праект закона, калі ён будзе названы імі тэрміновым, павінен тэрмінова і разглядацца парламентам незалежна ад таго, ці апраўданай з'яўляецца канстытуцыйная практыка, калі праект закона, накіраваны прэзідэнтам ці ўрадам, галасуецца ў цэлым ці толькі з тымі папраўкамі, на якія даюць згоду названыя суб'екты заканадаўчай ініцыятывы.

Важным момантам з'яўляецца рэалізацыя заканадаўчай ініцыятывы дэпутатаў парламента, звязанай з выдаткамі дзяржаўных сродкаў, калі такія выдаткі папярэдне не закладзеныя ў зацверджаны парламентам дзяржаўны бюджэт. Значыць, яны не могуць быць зрасходаваны па напрамках, не прадугледжаных бюджэтам. Адсюль вынікае, што і законапраекты, якія патрабуюць дадатковых расходаў дзяржаўных сродкаў, могуць уносіцца толькі са згоды прэзідэнта ці ўрада. Менавіта апошнія могуць вызначыць і рэальна забяспечыць дадатковыя крыніцы фінансавання затрат, якія цягне за сабой рэалізацыя ўнесенага законапраекта.

Збалансаванасць паўнамоцтваў прэзідэнта і парламента мае важнае значэнне і пры разглядзе кадравых прызначэнняў на вышэйшыя службовыя пасады. Мяркуем, что аптымальным тут з'яўляецца варыянт, згодна з якім такія пасады, як старшыня і члены вярхоўнага суда, генеральны пракурор, кіраўнік вышэйшай фінансавай кантрольнай службы (камітэта, палаты ці інш.), а таксама некаторыя іншыя, замяшчаюцца шляхам прызначэння прэзідэнтам, але

толькі са згоды адной з палат парламента. І зразумела, што пры такой мадэлі арганізацыі дзяржаўнай улады прызначэнне прэзідэнтам, але толькі са згоды парламента – гэта адна з асноўных гарантый падсправаздачнасці ўрада заканадаўчаму органу. Такі варыянт узаемаадносін улад, на наш погляд, забяспечвае найбольш удалае спалучэнне функцый кіраўніка дзяржавы і парламента, іх узаемадзеянне. Менавіта апошняе павінна папярэднічаць гістарычна апраўданаму прынцыпу падзелу ўлады і зыходзячаму з гэтага палажэнню аб ураўнаважанні, стрымліванні імі адзін другога. Мяркуем, што ў гэтым накірунку можа мець пазітыўнае значэнне канстытуцыйна замацаваная магчымасць дэпутата парламента займаць пасады міністраў і такім чынам забяспечваць узаемадзеянне на верхнім узроўні выканаўчай улады і заканадаўчай. Такое ўзаемадзеянне можа стаць не толькі ўсебаковым, але і трывалым, што прынцыпова важна.

Такім чынам, рэалізацыя ў канстытуцыйным плане выказаных поглядаў зрабіла б дзеючую Канстытуцыю Рэспублікі Беларусь не толькі больш узважанай у сферы размеркавання функцый і паўнамоцтваў паміж рознымі галінамі ўлады, што само па сабе мае выключна вялікае значэнне. Улік ва ўстаноўленым парадку змяненняў і дапаўненняў да Канстытуцыі 1994 г. можа даць дадатковыя гарантыі далейшай дэмакратызацыі нашага грамадства, паляпшэння прававога становішча грамадзян і, нарэшце, надасць дзеючаму Асноўнаму Закону належны міжнародны прэстыж.

М. М. Аваков
(1925–1987)
доктор юридических наук

ТЕОРИЯ ПРАВОПРЕЕМСТВА ГОСУДАРСТВА ПРИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Вопрос о правопреемстве в международном праве возникает обычно при появлении новых, ранее не фигурировавших в международном общении, субъектов международного права.

При разделении какого-либо государства на два или несколько государств и при слиянии нескольких государств в одно встает вопрос о правопреемстве. Например, при распаде Нидерландов образовались в 1831 году Бельгия

[1] Друкуецца паводле: *Аваков М. М.* Правопреемство Советского государства. М., 1961.

и Голландия; вместо Австро-Венгрии в 1919 году образовался ряд новых, самостоятельных субъектов международного права; в 1918 году Черногория и Сербия слились с Хорватией и образовали новый субъект международного права – Югославию. В указанных случаях кардинальным образом изменялись состав населения и территория государства, причем социально-экономическая сущность государства оставалась неизменной, следовательно, не менялась в основном и внешняя политика нового субъекта международного права.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции на международной арене появился новый субъект международного права – Советское социалистическое государство. В этом случае население и территория в основном остались прежними, однако социально-экономическая сущность старого субъекта международного права в корне изменилась, так как возник новый тип государства – социалистическое государство. Соответственно этому изменились внутренние и внешние функции государства.

Таким образом, понятие правопреемства в результате появления Советского государства качественно отличается от понятия правопреемства, выдвигаемого буржуазной международно-правовой теорией, которая обычно говорит о возникновении правопреемства при территориальных изменениях[1].

В буржуазной науке международного права широко использовались цивилистические конструкции применительно к институту правопреемства. Традиционное определение правопреемства в гражданском праве говорит, что приобретенные членами гражданского общества права и обязанности передаются ими друг другу в раз установленном составе, причем передача происходит в виде уступки отдельных прав и обязанностей.

Гражданское право определяет правопреемство как переход прав и обязанностей от одного лица к другому, причем различает универсальное и сингулярное преемство. Сингулярным правопреемником является лицо, к которому переходят отдельные права и обязанности. Универсальным правопреемником признается лицо, к которому переходит вся совокупность имущественных прав и обязанностей другого лица.

Буржуазные специалисты по международному праву определение правопреемства обычно механически переносят из гражданского права. Так, например, А. Геффтер делит правопреемство по типу гражданского права на универсальное и частное[2]. Английский юрист Л. Оппенгейм в своем курсе международного права отмечает, что «преемство международных лиц имеет место тогда, когда одно или несколько международных лиц занимает место другого международного лица в результате определенных изменений в положении последнего»[3]. Немецкий юрист В. Шёнборн говорит, что «правопреемство есть преемство государством прав и обязанностей другого государства, как следствие распространения

[1] В дальнейшем мы будем употреблять термин «правопреемство» как правопреемство Советского государства, нового субъекта международного права неэксплуататорского типа, коренным образом отличающегося от правопреемства, возникающего при образовании нового субъекта международного права эксплуататорского типа.

[2] *Геффтер А. В.* Европейское международное право. СПб., 1880. С. 50.

[3] *Оппенгейм Л.* Международное право. М., 1948. Т. 1, полут. 1. С. 163.

его государственной власти (полного или частичного) на территорию, которая до сих пор подчинялась государственной власти другого государства»[1]. Профессор Одесского университета П. Е. Казанский давал следующее определение правопреемства: «Вопрос о наследовании (правопреемстве. – *М. А.*) есть, таким образом, вопрос о том, какие изменения может претерпевать общество, называющееся государством, не теряя вполне ранее приобретенного юридического положения»[2]. Новозеландский юрист О'Коннелл пишет, что «нормы права, созданные для разрешения проблем, возникающих в результате передачи территории, имеют своей целью свести к минимуму последствия такой перемены. Эти нормы права известны под названием правопреемства государств»[3].

Все перечисленные буржуазные определения правопреемства страдают пороками, характерными для всей буржуазной науки в целом, – догматизмом, юридизмом и анализом «чистой» правовой нормы. Они имеют в виду понятие правопреемства вне связи с изменением социально-экономического строя в стране.

По вопросу о правопреемстве имеются определения и советских юристов, коренным образом отличающиеся от определений буржуазных авторов. Советские юристы вскрывают классовую сущность института правопреемства, разоблачают агрессивную политику буржуазных государств. Однако в советской науке международного права до сих пор нет точного и полного определения понятия правопреемства: «В связи с полным исчезновением тем или иным путем суверенного государства, – говорит проф. Ф. И. Кожевников, – возникает вопрос о правопреемстве, т. е. вопрос о том, переходят или нет права и обязательства прежнего государства на его преемника или преемников»[4]. Автор указывает, где и каким путем исчезает государство, не учитывая возникновения нового типа государства в результате слома старой государственной машины в той стране, где произошла социальная революция.

В. И. Лисовский определяет правопреемство следующим образом: «В международном праве под правопреемством понимается переход прав от одного субъекта международного права к другому». Далее он добавляет, что «при смене одного исторического типа государства другим правопреемства нет, поскольку государство нового исторического типа, свергнув прежний строй, создает свой государственный аппарат, свою внешнюю и внутреннюю политику в интересах нового, пришедшего к власти класса»[5]. Автор в данном случае смешивает понятия правопреемства и возникновения нового субъекта международного права. Ведь правопреемство, само по себе, возможно только в случае гибели одного субъекта и «рождения» другого. Если же нет нового субъекта, то не возникает вопрос о правопреемстве. Кроме того, государство нового исторического типа преемлет часть прав и обязанностей старого субъекта международного права.

---

[1] *Schoenborn W.* Staatensukzessionen. Leipzig, 1913. S. 6.

[2] *Казанский П. Е.* Учебник международного права публичного и гражданского. Одесса, 1904. С. 50.

[3] *О'Коннелл.* Правопреемство государств. М., 1957. С. 33.

[4] *Кожевников Ф. И.* Учебное пособие по международному публичному праву. М., 1947. С. 81.

[5] *Лисовский В. И.* Международное публичное право. М., 1949. С. 58–59.

Нам представляется возможным дать следующее определение правопреемства при возникновении нового субъекта международного права в результате социальной революции.

Правопреемство при возникновении нового субъекта международного права в результате социальной революции есть переход прав и обязанностей от старого субъекта международного права к новому, причем пределы такого преемства определяются классовой сущностью этого вновь возникшего государства и общепризнанными нормами международного права.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции возник качественно новый субъект международного права – Советское государство.

Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила экономический строй капитализма. Рабочий класс России под руководством Коммунистической партии ликвидировал частную собственность на орудия и средства производства, уничтожил класс помещиков и капиталистов. В. И. Ленин говорил: «Теперь, когда сама масса берет в свои руки оружие и начинает беспощадную борьбу с эксплуататорами, когда применяется новая власть народа, ничего не имеющая общего с парламентской властью, – в это время перед нами уже не старое, отжившее по своим традициям и формам государство, а нечто новое, основанное на творческой силе низов»[1].

Пролетариат России ликвидировал старое буржуазное государство и создал новое, Советское государство.

Советское социалистическое государство имеет иные функции, коренным образом отличающиеся от функций государств всех предшествующих исторических типов.

Главнейшими функциями социалистического государства в области внешней политики являются: последовательное проведение ленинского курса на мирное сосуществование стран с различными общественно-политическими системами, упрочение мира, укрепление дружбы, братского сотрудничества и взаимопомощи стран мировой системы социализма[2]. В отличие от агрессивной политики империалистических государств Советское государство никогда не ставило и не ставит такой цели, как насильственный захват чужих территорий.

В. И. Ленин указывал на то, «…что наша международная политика не имеет ничего общего ни с царской, ни с политикой русских капиталистов или русской буржуазии, хотя бы и демократической. Мы доказали перед всем миром, что наша внешняя политика не имеет ничего общего с той, которую нам постоянно приписывают все буржуазные газеты»[3].

Советское государство провозгласило политику равноправия и дружбы народов, сотрудничества между народами – внешнюю политику, качественно отличную от внешней политики царской России.

Советское государство ввело новые, прогрессивные принципы международного права и международной политики, добилось воплощения их в конкрет-

---

[1] *Ленин В. И.* Соч. Т. 26. С. 432.

[2] См.: *Хрущев Н. С.* Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции: доклад на юбилейной сессии Верховного Совета СССР 6 ноября 1957 года. М., 1957. С. 54.

[3] *Ленин В. И.* Соч. Т. 31. С. 110.

ные международно-правовые нормы, содействуя тем самым прогрессу в области международного права.

В Декрете о мире, принятом Вторым Всероссийским съездом Советов в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г., были провозглашены основы внешней политики Советского государства. В этом декрете, написанном В. И. Лениным, Советское правительство обращалось ко всем воюющим народам и правительствам с предложением начать переговоры о прекращении войны и заключении справедливого демократического мира. Декрет закреплял то положение, что Советское правительство признает справедливым и демократическим мир «без аннексий... и без контрибуций»[1]. Декрет о мире заклеймил агрессивную войну как величайшее преступление против человечества.

Принципы внешней политики, заложенные в первых международно-правовых документах Октября, являются основополагающими во внешней политике Советского государства на протяжении всей истории его существования.

Н. С. Хрущев на XXI съезде КПСС отмечал: «Политика мира и мирного сосуществования, проводимая странами социализма, – не случайное, преходящее явление, она органически присуща социалистическому обществу. Политика мира неотделима от социализма, как политика агрессии и войны неотделима от империализма»[2].

Внешняя политика Советского государства является качественно новой политикой нового субъекта международного права – первого в мире социалистического государства – Союза Советских Социалистических Республик.

Советское государство появилось не на пустом месте. Как справедливо указывает Р. Л. Бобров, возникающее в результате социалистической революции новое правительство возглавляет «...уже ранее государственно объединенный народ – субстрат международной правосубъектности государства»[3].

Общеизвестно, что государство является не только политической организацией господствующего класса, но и исторически обусловленной формой существования наций, следовательно, Советское государство, как новый тип организации многонационального объединения страны, возникло на базе старой России, на базе старого субъекта международного права – бывшей Российской империи. Оно образовалось в пределах территории России, и в состав его вошли почти все народы бывшей царской России (кроме выделившихся на основании права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения), те самые народы, которые взяли в Октябре 1917 года свою судьбу в собственные руки.

Новое, Советское государство является законным преемником всех богатств, созданных трудом народных масс России.

Однако это нисколько не отменяет того положения, что Советское государство есть качественно новый субъект международного права, так как государство есть прежде всего политическая организация господствующего класса,

---

[1] *Ленин В. И.* Соч. Т. 26. С. 217.

[2] Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 249.

[3] *Бобров Р. Л.* Два вопроса теории признания новых государств и правительств // Совет. государство и право. 1958. № 1. С. 82.

и смена господствующего класса означает вместе с тем смену социально-экономического строя, а следовательно, и государственного строя в стране.

В свете сказанного представляется правильной точка зрения проф. С. Б. Крылова, согласно которой смена государства одного исторического типа другим влечет за собою прекращение старого субъекта международного права и возникновение нового[1].

Трудно согласиться с концепцией неизменности правосубъектности, выдвинутой проф. Ф. И. Кожевниковым в работе «Советское государство и международное право» (1948 год). Автор говорит, что Великая Октябрьская социалистическая революция не создает в юридическом смысле нового субъекта международного права, что субъектом этого права остается Россия, но уже теперь новая, социалистическая[2]. При этом Ф. И. Кожевников ссылается на работу проф. Е. А. Коровина «Международное признание СССР и юридические его последствия». Следует отметить, что Е. А. Коровин исходил из ошибочного, на наш взгляд, предположения, что РСФСР является старым субъектом международного права, и только с образованием Советского Союза появляется новый субъект международного права. «Признание Советского государства или правительства, – пишет Е. А. Коровин, решается в зависимости от того, идет ли речь о времени до 30 декабря 1922 г. или после, иначе говоря, об РСФСР или же об СССР. РСФСР в международно-правовом смысле тот же самый правовой субъект, что и Российская империя… Юридическая ситуация резко меняется после заключения договора 30 декабря 1922 г. об образовании СССР. Мы полагаем, что с момента образования нового "союзного государства" вопрос должен ставиться как вопрос признания нового государства»[3].

Это представляется неверным, так как Советское государство с самого начала своего возникновения является принципиально новым субъектом международного права в социально-классовом смысле этого слова, вне зависимости от того, идет ли речь об РСФСР или об СССР.

Неизбежным следствием точки зрения о неизменной международной правосубъектности государства является отпадение вопроса о правопреемстве, так как субъект остается тем же, то не у кого и некому наследовать в правах и обязанностях.

Ф. И. Кожевников совмещает свою концепцию с постановкой вопроса о правопреемстве. Говоря о преемственности – полной в отношении международных прав и ограниченной в отношении международных обязательств[4], автор противоречит созданной им теории, в соответствии с которой при социальной революции не возникает нового субъекта международного права. Речь о правопреемстве в международно-правовом аспекте может идти лишь в том случае,

---

[1] См.: Международное право / под ред. В. Н. Дурденевского и С. Б. Крылова. М., 1947. С. 153.

[2] *Кожевников Ф. И.* Советское государство и международное право. М., 1948. С. 32.

[3] Совет. право. 1922. № 3/9. С. 82–84.

[4] *Кожевников Ф. И.* Советское государство и международное право. С. 42–44.

если имеются два субъекта международного права, если новый субъект приемлет определенные права и обязанности старого субъекта.

Представляется необоснованным утверждение Ф. И. Кожевникова о полном восприятии новым субъектом прав старого субъекта. Вся история международно-правовой практики Советского государства говорит не в пользу этой точки зрения. Так, например, Советское государство отказалось от ряда прав, принадлежавших ему в силу преемства от бывшей Российской империи в отношении стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, а также отделившихся после Октябрьской революции на основе права наций на самоопределение Польши, Финляндии и Прибалтийских стран.

Правильным, с нашей точки зрения, в рассмотренных выше вопросах является положение о том, что Советское государство – качественно новый субъект международного права, возникший на основе уже ранее созданного Российской империей многонационального объединения, и для практического определения границ правопреемства во взаимоотношениях Советского государства с иностранными государствами нужно исходить из этого положения.

В ряде международно-правовых документов имеется указание на прямое преемство Советским государством прав и обязанностей царской России. Иногда употреблялся термин «преемственность», «преемник» или же предполагалась преемственность как таковая. Так, в ст. 1 Протокола между РСФСР и Монголией от 31 мая 1922 г. о принадлежности различного рода имущества указывалось на то, что «все дома и имущество на территории Внешней Монголии, принадлежащие ранее бывшему Российскому правительству и находящиеся в ведении консульств последнего, признаются по праву преемственности собственностью РСФСР». Статья 2 говорила о том, что «все дома и имущество бывших русских общественных самоуправлений, находящиеся в г. Урге и в других местах, поступают по праву преемственности в собственность РСФСР»[1].

Термин «преемственность» встречается также в дипломатических документах иностранных государств. Например, в телеграмме председателя Совета Министров и Министра иностранных дел Франции Эррио в октябре 1924 года говорилось, что «правительство республики, верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, признает де-юре, начиная с настоящего дня, правительство Союза Советских Социалистических Республик как правительство территории бывшей Российской империи, где его власть признана жителями, и как преемника в этих территориях предшествующих российских правительств»[2].

В ответе русской делегации на майский меморандум союзников на Генуэзской конференции указывалось, что «…российская делегация вынуждена напомнить о том основном принципе права, что революции, составляющие насильственный разрыв с прошлым, несут с собой *новые правовые условия* внутренних и внешних отношений государств»[3].

---

[1] Сборник действующих договоров, соглашений и концепций, заключенных СССР с иностранными государствами. Изд. 2-е. М., 1928. № 67. Вып. 1–2.

[2] Внешняя политика СССР : сб. док. М., 1994. Т. 2, № 247. С. 940.

[3] Там же. № 90. С. 413.

При решении проблемы правопреемства Советское государство исходило из следующих основных принципов: взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и, наконец, мирного сосуществования.

Права и обязанности, принадлежащие «умершему» государству Российской империи, переходят к Советскому государству в объеме и пределах, не противоречащих его новому социально-экономическому строю, классовым интересам трудящихся, общепризнанным нормам международного права и уважению суверенных прав других народов. Установление пределов правопреемства является неотъемлемым правом суверенного государства. От суверенной воли Советского государства зависело принять или не принять обязательства царской России.

Говоря об общей теории правопреемства в международном праве, следует сказать, что универсального правопреемства в данном случае не возникает. Советское государство не могло согласиться принять на себя политическую ответственность за кабальные обязательства царского и Временного правительств, оно приняло обязательства, не ущемляющие суверенных прав Советского государства и совместимые с его социальной сущностью.

Вместе с тем Советское государство отстаивало не все права, принадлежащие ему в силу преемства, а только те справедливые права, которые соответствовали общепризнанным нормам международного права; от прав же царской России, которые были приобретены ею в нарушение суверенитета других государств, Советское государство, как известно, добровольно отказалось (например, оно отказалось от прав царской России в отношении Ирана, Турции, Китая и ряда других стран).

Продолжать действовать могли только те соглашения, которые укладывались в рамки договорных отношений между государствами различных социально-экономических систем, ибо независимо от того, кто раньше подписывал то или иное соглашение от имени России, раз Советское правительство признало данное соглашение, оно брало на себя ответственность за его выполнение. А взять на себя ответственность Советское правительство могло только за те соглашения, осуществление которых не противоречит внешней политике Советского государства и общепризнанным нормам международного права.

Международная буржуазия требовала вопреки международному праву ответственности Советского государства за все обязательства царской России, опираясь на теорию континуитета.

Положение о неизменной правосубъектности – теория континуитета (продления) – является реакционной буржуазно-догматической доктриной. Она отстаивает неизменность и полную сохранность прав и обязанностей государств – субъектов международного права вне зависимости от социально-экономических изменений в стране.

Теория континуитета исходит из того, что конституционные изменения, изменения государственного строя не меняют международно-правовой сущности государства согласно старинному правилу: *forma regiminis mutata non mutatur ipsa civitas* (с переменой формы правления не меняется само государство). Эта доктрина направлена своим острием на сохранение международно-правовых от-

ношений от изменений, вызываемых переменой монархов, правительств, форм правления. Теория континуитета не обращает внимания на такие великие события, происходящие в истории человечества, как революции и смена одной социально-экономической формации другой. Теория континуитета консервативна, догматична, она не допускает изменений в правах и обязанностях государств (исключением является изменение прав и обязанностей договорным путем).

Теория эта не нова. Еще Гуго Гроций говорил о том, что личность народа не изменяется и не прекращает своего существования в зависимости от перемен, происходящих в его внутреннем государственном устройстве[1].

Ту же мысль выражают и другие буржуазные юристы. Р. Филлимор говорил о том, что внутренние государственные перемены, по общему правилу, не оказывают влияния на юридическое международное положение государства[2]. Ф. Мартенс также писал о том, что «сами по себе преобразования или перевороты в государстве не изменяют юридического его положения, его права и обязанностей в отношении других государств»[3]. А. Ривье указывал на то, что перемены внутреннего характера в государстве не влияют на его международно-правовое положение[4]. Ш. Кальво отмечал неизменность государства как юридической личности независимо от происходящих в нем внутренних перемен[5]. Л. Оппенгейм говорил: «Государство остается тем же международным лицом, несмотря на перемены главы, династии, формы правления, ранга, титула и территории»[6].

Реакционность теории континуитета очевидна. Опираясь на нее, буржуазия требовала ответственности Советского государства за все договоры и долги антинародных царских правительств бывшей Российской империи.

Молодое Советское государство совершенно справедливо отвергло эти неправомерные домогательства империалистов и доказало, что оно является новым полноправным субъектом международного права, законным преемником тех прав и обязанностей царской России, которые не противоречат социальной сущности Советского государства, как государства нового исторического типа и соответствуют демократическим принципам международного права.

Некоторые буржуазные политики пытались вообще отрицать за Советским государством его правосубъективность.

Как известно, американские реакционные круги встретили в штыки появление молодого Советского государства и не признавали его правосубъектности. Агрессивная политика правящих кругов Соединенных Штатов Америки и других империалистических государств имела своей целью лишить молодое Советское государство ряда его прав, которые в силу преемственности перешли к советской стране. Попытка США и других государств не признать суверенные права Советского государства нашла отражение, например, в 14 пунктах Вильсона.

---

[1] См.: *Горовцев К. Н.* Международное право: краткая энциклопедия. СПб., 1909. С. 779.

[2] Там же. С. 394.

[3] *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. Изд. 5-е. СПб., 1904. Т. 1. С. 282.

[4] *Горовцев К. Н.* Международное право: краткая энциклопедия. С. 569.

[5] Там же. С. 290.

[6] *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1, полут. 1. С. 159.

Российская Федерация неоднократно заявляла через Народный комиссариат иностранных дел решительные протесты против всякого рода беззаконий в отношении Советского государства. Только само Советское правительство может добровольно отказаться от прав, принадлежащих ему в порядке преемства от Российской империи. Пределы же правопреемства определяются лишь Советским государством. Поэтому Советское правительство не раз заявляло решительные протесты против игнорирования законных его прав по вопросам об Аландских островах, об островах Шпицберген, об обсуждении статуса Восточно-Китайской железной дороги на Вашингтонской конференции без участия РСФСР, о режиме международной реки Неман, о режиме Черноморских проливов и т. д.

В требовании РСФСР об участии в решениях, которые могут быть приняты по «аландскому вопросу», от 22 июня 1921 г. говорилось: «Российское правительство обладает неоспоримыми правами, чтобы требовать своего участия во всяком международном обсуждении, касающемся юридического положения Аландских островов. Если предполагается прийти к новому решению относительно их принадлежности, то этим самым непосредственно затрагиваются права России, связанные с этими островами, и никакое решение, касающееся их международного положения, не может быть правомерно принято без участия России»[1]. Поэтому только Советское государство как преемник прав царской России вправе решать этот вопрос. Советское правительство также заявляло 6 января 1923 г. о том, что оно не признает юридической силы за решениями, принятыми по вопросу о Шпицбергене без участия и согласия России, и не будет подчиняться постановлениям, наносящим ущерб интересам российских граждан и предприятий[2].

В Протесте против обсуждения на Вашингтонской конференции вопроса о Восточно-Китайской железной дороге, адресованном министерствам иностранных дел Великобритании, Франции, Соединенных Штатов, Японии, Бельгии и Италии, правительство РСФСР 8 декабря 1921 г. заявляло о том, что Российское правительство готово передать железную дорогу китайским властям в момент, когда состоится соглашение по этому вопросу между русской делегацией и Китайским правительством. Пока же эти права остаются теми же, какими они были до сих пор[3].

Советское правительство также заявляло о том, что не может допустить решения вопроса о режиме реки Неман без его участия.

«Международный характер реки Неман установлен еще более ста лет тому назад статьей 14-й актов Венского конгресса, имеющих… подпись России…

Российское правительство всегда твердо стояло на той точке зрения, что никакие международные акты, в свое время подписанные при участии России, не могут быть изменены без такового же участия Российского правительства»[4].

Все вышеприведенные примеры из международно-правовой практики Советского государства подтверждают факт преемства прав и обязанностей от Российской империи. И никакие попытки империалистов ущемить законные права социалистического государства не увенчались и не могли увенчаться успехом.

---

[1] Внешняя политика СССР. Т. 2, № 27. С. 147.

[2] Там же. № 90. С. 413.

[3] См.: Внешняя политика СССР. Т. 2, № 46. С. 208–209.

[4] Там же. № 104. С. 615.

Б. Е. Бабицкий
(1908–1964)
кандидат юридических наук

УЧАСТИЕ БССР В ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА ССР. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ БССР[1]

В период иностранной интервенции и гражданской войны советские республики были объединены в военный союз. Но уже тогда РСФСР и БССР выступали в ряде случаев совместно и в дипломатической области. В частности, во время мирных переговоров с Польшей БССР уполномочила делегацию РСФСР защищать ее интересы и подписать от имени БССР мирный договор. Некоторые дипломатические шаги против враждебной политики Польши были подготовлены летом 1921 г. совместной деятельностью Наркоминделов РСФСР и БССР. Когда же капиталистические государства, потерпев поражение в вооруженной борьбе и интервенции, попытались добиться восстановления капиталистической собственности в советских республиках дипломатическим путем, тогда военный союз был дополнен дипломатическим объединением всех советских республик.

Следуя принципу возможности мирного сосуществования советских республик с капиталистическими странами, разработанному В. И. Лениным, Советское государство согласилось в начале 1922 г. участвовать в Генуэзской конференции. Чтобы защитить свои интересы на международной арене и организовать отпор империалистической реакции, которая надеялась посеять рознь между советскими народами, необходимо было обеспечить единую внешнюю политику молодых советских республик. С этой целью Украина, Белоруссия, Грузия, Армения и другие советские республики приняли решение о передаче защиты своих интересов на Генуэзской конференции делегации РСФСР.

В январе 1922 г. Чрезвычайная сессия ЦИК БССР, собравшаяся для обсуждения своего отношения к Генуэзской конференции, уполномочила своего представителя принять участие в созываемом правительством РСФСР совещании советских республик для выработки договора об объединении внешней политики всех республик и подписать от имени БССР договор, который будет выработан на этом совещании[2].

Переход к мирному хозяйственному строительству укрепил стремление народов России к дальнейшему объединению. Во всех советских республиках сознавалась необходимость установления более тесных государственных связей, без чего невозможно было восстановить разрушенную войной экономику

[1] Друкуецца паводле: Очерки по истории государства и права Белорусской ССР / Б. Е. Бабицкий [и др.] ; отв. ред.: Б. Е. Бабицкий, В. А. Дорогин. Минск, 1958. Вып. 1.

[2] Звезда. 1922. № 23.

и наладить плановое социалистическое хозяйство. Надо было создать постоянно действующие союзные органы, могущие направить хозяйственную жизнь по единому пути развития и укрепления социалистического строя.

Союзный договор между РСФСР и БССР, заключенный 16 января 1921 г., содержал, кроме военных, также элементы хозяйственного объединения. РСФСР оказала огромную помощь в восстановлении разрушенной промышленности и сельского хозяйства Белоруссии. Для укрепления материальной базы промышленности БССР и для перевода ее на хозрасчет РСФСР выделила на создание оборотного фонда двадцать миллиардов рублей, из которых десять миллиардов – деньгами, а остальные – сырьем и оборудованием[1]. Для проведения весенней посевной кампании 1921 г. было переброшено из РСФСР большое количество семян. Вопросы промышленности, сельского хозяйства, финансов, продовольствия БССР разрешались совместно с центральными органами РСФСР.

В результате этой совместной деятельности появился ряд соглашений. Так, 26 июля 1921 г. было заключено «в развитие ст. 5 Рабоче-крестьянского союзного договора» от 16 января 1921 г. соглашение по финансовым вопросам; 19 января 1922 г. было заключено соглашение об участии БССР в учрежденном Совнаркомом РСФСР федеральном комитете по земельному делу, что должно было привести к согласованию мероприятий по развитию производительных сил в сельском хозяйстве обеих республик. В марте 1921 г. было создано при правительстве РСФСР постоянное представительство БССР.

Хотя по союзному договору от 16 января 1921 г. народные комиссариаты продовольствия союзных республик не входили в число объединенных наркоматов, их деятельность направлялась из единого центра. Доказательством этого является постановление СНК БССР от 2 июля 1921 г., согласно которому декреты РСФСР по продовольственным вопросам признаются действующими в БССР без утверждения их правительством БССР[2].

Союз БССР с РСФСР фактически выходил за пределы хозяйственных интересов. Он сыграл огромную роль и в области культурного строительства Белоруссии. Все важнейшие задачи развития белорусской культуры: создание университета, издание книг на белорусском языке, расширение сети школ и т. п. – разрешались с помощью РСФСР.

Для работы в Белорусском университете выехала в Минск большая группа профессоров. Наркомпросом РСФСР было предоставлено университету научное оборудование, а также денежные средства на приобретение его в РСФСР и за границей. Совнарком РСФСР издал постановление об откомандировании в распоряжение Наркомпроса БССР работающих в РСФСР белорусских работников культуры. Для издания белорусской литературы СНК РСФСР предоставил типографии Москвы и Петрограда и выделил соответствующие средства. II сессия ЦИК БССР 2-го созыва постановила обратиться к Наркомпросу РСФСР с просьбой о выдаче из книгохранилищ РСФСР книг на белорусском языке или касающихся Белоруссии. Это ходатайство было удовлетворено.

[1] Звезда. 1921. 22 окт.

[2] ЦГАОР БССР. Ф. Р-6. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 213.

Таким образом, связь РСФСР и БССР была чрезвычайно тесной и охватывала в той или иной степени все области государственной деятельности. Она базировалась на братской связи народов, ставящих перед собою цель построения социалистического общества. Эта связь сказалась и в той братской помощи, которую трудовой народ Белоруссии оказал центральным районам РСФСР в 1921 г. во время голода в Поволжье, когда трудящиеся Белоруссии собрали и направили голодающим большие денежные средства и продовольствие. Этому вопросу уделил особое внимание III Всебелорусский съезд Советов, который принял ряд конкретных решений об оказании действенной помощи населению Поволжья.

Создание единого советского многонационального государства диктовалось и международным положением советских республик. Каждая советская республика отдавала себе отчет в том, что только путем тесного сплочения и создания мощного союзного государства можно отстоять свою свободу и независимость в условиях капиталистического окружения, экономического и дипломатического давления со стороны буржуазных государств.

Стремление советских республик к более тесному объединению определялось не только хозяйственными потребностями и интересами обороны, но и вытекало из интернациональной, социалистической природы Советской власти. Уничтожив социальное и национальное неравенство, Советская власть создала все необходимые условия для объединения народов, для плодотворного сотрудничества и успешного развития их в рамках единого союзного государства. Нужно было только найти правильные пути и методы объединения советских республик. Эта задача была успешно решена Коммунистической партией во главе с В. И. Лениным.

Идея создания более тесного федеративного союза республик, основанного на добровольном сотрудничестве равноправных и суверенных наций, принадлежит В. И. Ленину, а само образование СССР является неотъемлемой составной частью ленинского плана построения социализма в нашей стране.

В «Первоначальном наброске тезисов по национальному и колониальному вопросам», составленном в 1920 г. для Второго конгресса Коминтерна, В. И. Ленин указывал, что необходимо стремиться «к более и более тесному федеративному союзу», так как без такого союза невозможно отстоять существование советских республик, окруженных более сильными в военном отношении империалистическими державами, нельзя восстановить разрушенные империалистами производительные силы и обеспечить благосостояние трудящихся, невозможно создать единое плановое хозяйство.

Ленинские указания о советской федерации как государственной форме устройства народов нашли свое воплощение в резолюции X съезда РКП(б) по докладу И. В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Федерация советских республик, говорилось в резолюции съезда, может быть общей формой их государственного союза; непременным условием такой федерации должно быть доверие и добровольное согласие входящих в нее республик. X съезд партии решительно осудил уклоны как в сторону великодержавного шовинизма, так и в сторону местного национализма.

В середине 1922 г. во всех советских республиках развернулось широкое объединительное движение. На партийных и рабочих собраниях, на съездах

Советов вносились предложения и принимались решения о необходимости объединить материальные и духовные ресурсы всех республик во имя строительства и победы социализма. Однако сами формы связей и взаимоотношений советских республик были выработаны не сразу. По этому вопросу среди отдельных партийных и советских работников существовали различные мнения, что объяснялось прежде всего отсутствием достаточного опыта в деле строительства союзного многонационального государства.

Следует отметить, что в тот период (с середины и до конца 1922 г.), когда в ЦК РКП(б) и в ЦК компартий национальных республик шла подготовительная работа к образованию СССР, В. И. Ленин был серьезно болен и не мог давать непосредственных указаний по этому вопросу. Когда же Ленин познакомился в Горках с «Проектом резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», принятым 23–24 сентября комиссией ЦК, он подверг его серьезной критике.

В основу названного проекта резолюции была положена ошибочная идея «автономизации». Сущность этой идеи сводилась к тому, что все советские республики (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения и Грузия) должны войти в состав РСФСР на автономных началах. Проект резолюции предусматривал заключение союзного договора, по которому компетенция Центральных органов РСФСР в важнейших хозяйственных и политических вопросах распространялась на все республики, а постановления ЦИК РСФСР признавались для них обязательными. Представители республик должны были войти в состав ВЦИК и СНК РСФСР, в результате чего эти органы власти приобретали значение общефедеральных.

Таким образом, в проекте резолюции комиссии не ставился вопрос о добровольном и равноправном объединении советских республик в новое, союзное государство; речь шла только о расширении в рамках РСФСР ранее установленных федеральных связей между республиками.

Нужно сказать, что идея «автономизации» не встретила одобрения в некоторых национальных советских республиках. Против «автономизации» высказались Политбюро ЦК КП(б) Украины, ЦК Компартии Грузии, а также ЦБ Компартии Белорусии.

Трудности, возникшие на пути образования первого в мире союзного многонационального государства, осложнялись тем, что великодержавные шовинисты и местные националисты, прикрываясь борьбой за форму объединения, протаскивали свои антиленинские взгляды, пытаясь ослабить, подорвать интернациональные связи трудящихся.

Наибольшую опасность представлял великодержавный шовинизм, выражавший стремление добиться коренного изменения национальной политики Коммунистической партии, образования «единой», «неделимой» России и обеспечения привилегированного положения господствовавшей прежде нации. Местные националисты, поднимая шум о равноправии республик, хотели разрушить братский союз советских народов.

Руководствуясь учением Ленина, Коммунистическая партия повела решительную борьбу против всех разновидностей шовинизма и национализма, представлявших опасность для строительства Советского государства, для дела социализма.

Не согласившись с проектом «автономизации», так как его осуществление привело бы к умалению и ущемлению прав национальностей, В. И. Ленин предложил принципиально иное решение вопроса. В письме от 27 сентября 1922 г., адресованном членам Политбюро ЦК РКП(б), он предложил, чтобы советские республики объединились в новое государственное образование на основе полного равноправия. «Мы, – писал Ленин, – признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию…»[1]. Не «автономизация», т. е. не вступление УССР, БССР, Закавказской федерации в РСФСР, а образование СССР на началах строгой добровольности, полного равноправия, последовательного социалистического демократизма – таковы важнейшие ленинские принципы создания Советского союзного государства. При этом В. И. Ленин подчеркивал, что малейшее отступление от этих принципов чревато опасностью великодержавно-шовинистического извращения идеи объединения, нарушения основ пролетарского интернационализма и равноправия советских республик.

В своих письмах «К вопросу о национальностях, или Об “автономизации”», написанных в последних числах декабря 1922 г., Владимир Ильич обращал внимание на то, что по отношению к ранее угнетенным нациям необходима особо внимательная, бережная и чуткая политика и что провозглашаемое формальное равенство народов должно быть обязательно дополнено равенством фактическим. Он советовал «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». В. И. Ленин считал, что правильное решение национального вопроса в строительстве Советского государства, установление прочной дружбы народов нашей страны имеют громадное международное значение. Опыт образования СССР должен служить вдохновляющим примером для угнетенных империализмом народов и, в частности, для сотен миллионов людей Азии, которым, как говорил Ленин, предстоит «выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами»[2].

Руководствуясь ленинской идеей добровольности и равноправности объединения республик в союзное государство, комиссия ЦК партии коренным образом изменила проект резолюции, который и был принят Пленумом ЦК РКП(б) в октябре 1922 г. Первая статья проекта резолюции была сформулирована теперь так: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в “Союз Советских Социалистических Республик” с оставлением за каждой из них права свободного выхода из “Союза”». Этот проект был единодушно одобрен Центральными Комитетами Компартий всех национальных республик и широкими массами трудящихся.

Многочисленные собрания рабочих и крестьян Белоруссии, как и других советских республик, горячо поддержали идею объединения советских республик в Союз ССР. На рабочей конференции в Минске 10 декабря 1922 г. была единодушно принята следующая резолюция: «Собрание констатирует, что вся работа Советской Белоруссии до настоящего времени имела положительные результаты

[1] Коммунист. 1956. № 9. С. 26.

[2] Там же.

в значительной степени благодаря тесной связи Белоруссии со всеми советскими республиками. Принимая во внимание необходимость большого напряжения сил… для дальнейшей трудовой работы, а также учитывая то, что развитие и усиление всех советских республик, в том числе и Советской Белоруссии, находится в зависимости от укрепления Советской России в международных отношениях… собрание считает, что Белорусский съезд Советов должен принять решение, которое создало бы еще более тесную связь всех советских республик… сохраняя в то же время влияние каждой союзной республики на дела всего Союза Советских Республик»[1]. Аналогичную резолюцию принял Минский городской Совет[2].

16 декабря 1922 г. вопрос об образовании Союза ССР рассматривался на IV Всебелорусском съезде Советов. Обсуждение этого вопроса на съезде превратилось в грандиозную демонстрацию единства трудящихся Белоруссии с трудящимися всех советских республик. С большим единодушием выступали делегаты, представители разных уездов БССР, Красной Армии, рабочие и крестьяне, за образование союзного государства. Хорошо и лаконично выразил мнение всего съезда рядовой крестьянин – депутат съезда, заявивший: «Что не может сделать один палец, то сделает вся рука».

Предложение об образовании Союза и «Основные пункты Конституции Союза» были приняты единогласно. Съезд признал, что «предложение Всеукраинского съезда Советов о немедленном оформлении уже фактически существующего Союза Советских Республик… отвечает жизненным интересам Советской Белоруссии», и избрал делегацию, которой поручил «совершить формальные акты, закрепляющие братский Союз Советских Социалистических Республик». Съезд принял также обращение к братским республикам, в котором выразил уверенность, что «в результате работ съездов республик единство революционной воли трудовых масс братских республик еще более укрепится и будет закреплено организационно».

26 декабря 1922. г. состоялся X Всероссийский съезд Советов. На этом съезде выступили представители всех советских республик и заявили о непреклонной воле трудящихся образовать единый и могучий Союз Советских Социалистических Республик. Съезд Советов единодушно высказался за включение РСФСР в состав Союза ССР. По поводу этого исторического события Михаил Иванович Калинин на X съезде Советов произнес следующие волнующие слова: «Для нас, делегатов X съезда Советов, разве не дорого имя РСФСР? Оно дорого нам. Это имя завоевано нами в огне военных битв. Я вижу, как над нами развевается красное знамя с пятью священными буквами РСФСР… и мы… склоняем это дорогое, овеянное битвами и победами, укрепленное жертвами рабочих и крестьян знамя перед Союзом Советских Социалистических Республик…»[3].

Утром 30 декабря 1922 г. полномочные делегации всех советских республик подписали Декларацию и Договор об образовании СССР. В тот же день I Всесоюзный съезд Советов принял эти исторические документы, составленные на ос-

[1] Звезда. 1922. № 293.

[2] Там же. № 296.

[3] Стенографический отчет X Всероссийского съезда Советов. С. 194.

нове ленинской идеи союза суверенных и равноправных народов, и образовал единое союзное многонациональное государство – Союз Советских Социалистических Республик.

Принятие на I Всесоюзном съезде Декларации и Договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик знаменовало собою переход к более тесному объединению советских республик.

Декларация и Договор оформили создание единого союзного социалистического государства, в котором добровольно объединившиеся советские республики передавали ряд своих полномочий в одинаковом для всех республик объеме Союзу ССР.

Ввиду чрезвычайной важности принятой Декларации и заключенного Договора I съезд Советов Союза постановил передать эти документы на дополнительное рассмотрение Центральных Исполнительных Комитетов союзных республик с тем, чтобы окончательный текст был представлен на утверждение II съезда Советов Союза.

Надо было тщательно продумать структуру высших органов государственной власти и органов государственного управления, компетенцию каждого из них, формы связи между союзными республиками. Эти вопросы обсуждались в течение первой половины 1923 г. в общесоюзных и республиканских партийных и советских органах. Огромную роль в правильном их разрешении сыграли XII съезд партии и IV совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей.

В § 10 своего постановления XII съезд рекомендовал «членам партии… добиться того, чтобы… в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик»[1].

Переработанный в соответствии с решениями XII съезда партии проект Конституции Союза ССР был разослан на заключение республик. Все республики приняли деятельное участие в обсуждении проекта новой Конституции. В Белоруссии была создана специальная комиссия, которая разработала проект Конституции Союза ССР. Комиссия ЦИК БССР стояла на точке зрения проекта конституционной комиссии ЦИК Союза по ряду принципиальных вопросов: о субъектах союзного объединения, о количестве слитных наркоматов, о едином Президиуме ЦИК Союза, но в ряде вопросов отступала от этого проекта.

Следует отметить, что в отличие от других союзных республик сессия ЦИК БССР не обсуждала составленный проект Конституции, так как она была созвана уже после заседания расширенной комиссии Президиума ЦИК Союза. Эта комиссия, в которой участвовали представители союзных республик, в том числе и БССР, приняла за основу проект, предложенный комиссией ЦИК Союза, и внесла в него некоторые исправления.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7-е. Ч. I. С. 716.

6 июля 1923 г. 2-я сессия ЦИК Союза 1-го созыва рассмотрела проект Конституции, разработанный расширенной комиссией, и ввела Конституцию в действие. Сессия постановила внести Конституцию на окончательное утверждение II съезда Советов Союза ССР.

В январе 1924 г. V Всебелорусский съезд Советов одобрил Конституцию Союза; она была одобрена также всеми союзными республиками. II Всесоюзный съезд Советов 31 января 1924 г. окончательно утвердил Конституцию Союза ССР.

В соответствии с общесоюзной Конституцией Президиум ЦИК БССР реорганизовал наркоматы республики. Ранее существовавшие управления уполномоченных НКвоена, НКвнешторга, НКпути и НКпочтеля РСФСР были реорганизованы в Управления уполномоченных одноименных наркоматов Союза ССР, так как эти наркоматы являлись по Конституции 1924 г. общесоюзными. Управления уполномоченных НК финансов, НК труда и ВСНХ РСФСР реорганизованы были в наркоматы финансов, труда и Высший Совет Народного хозяйства БССР, поскольку эти наркоматы являлись по Конституции СССР объединенными[1] или союзно-республиканскими (по терминологии ныне действующей Конституции СССР).

К объединенным наркоматам отнесены были также Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции и Народный комиссариат по внутренней торговле. Все объединенные народные комиссариаты БССР непосредственно подчинялись ЦИК БССР, его Президиуму и СНК БССР и руководствовались в своей деятельности директивами соответствующих наркоматов СССР. В качестве необъединенных (самостоятельных) наркоматов БССР действовали наркоматы: земледелия, внутренних дел, юстиции и просвещения.

В марте 1924 г. Чрезвычайный VI съезд Советов Белоруссии внес ряд изменений в Конституцию БССР, определил состав ЦИК и его Президиума, отменил существовавшее до того времени объединение в одном лице постов Председателя ЦИК и Председателя Совнаркома, реконструировал Совет Народных Комиссаров, включив в его состав народных комиссаров объединенных и необъединенных наркоматов республики, а также уполномоченных общесоюзных наркоматов, и определил в полном соответствии с Конституцией Союза ССР взаимоотношения объединенных наркоматов республики с одноименными наркоматами Союза[2].

Одновременно съезд предложил ЦИК внести на утверждение Всебелорусского съезда Советов проект новой Конституции БССР.

Перед правительством БССР в самом начале его деятельности встал вопрос о создании республиканского законодательства, которое бы закрепило и охраняло права трудящихся.

За три года, прошедшие с момента Великой Октябрьской социалистической революции, были выработаны в РСФСР законы, регулировавшие различные стороны общественной жизни. Не все эти законы могли формально считаться действующими в БССР, поскольку Белоруссия с 1 января 1919 г. являлась

[1] СУ БССР. 1924. № 1. Ст. 1.

[2] Всебелорусский Чрезвычайный съезд Советов: стенографический отчет. С. 5–6. На основе постановления VI Чрезвычайного съезда Советов Белоруссии III сессия ЦИК БССР 6-го созыва утвердила общее положение о наркоматах БССР и положения о каждом наркомате в отдельности (СУ БССР. 1924. № 25–26. Ст. 221–234).

независимым государством. Однако общность задач и совместная борьба за их осуществление подсказывали правильное решение этого вопроса. Сразу же после освобождения от оккупантов и восстановления Советской власти в Белоруссии до принятия республиканских законодательных актов применяются законы РСФСР. Земельные, трудовые, брачно-семейные и другие отношения фактически регулировались на основе законодательства РСФСР. Учитывая сложившуюся практику, правительство БССР часто ссылалось на законодательные акты РСФСР, хотя формально они не были приняты в Белоруссии.

Не следует все же думать, что законы РСФСР воспринимались в Белоруссии стихийно. Уже в декларацию от 1 января 1919 г., объявившую недействительными все «законы» Рады и оккупантов, были включены основные правовые нормы, соответствовавшие законодательству РСФСР: о ликвидации частной собственности на орудия и средства производства, о национализации земли, фабрик, заводов и об установлении восьмичасового рабочего дня. Декларация признала действующими на территории БССР все декреты РСФСР по обеспечению рабочего класса.

Как уже указывалось выше, I Всебелорусский съезд Советов целиком воспринял знаменитую «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Образцом при разработке Конституции БССР явилась Конституция РСФСР. Конституция БССР признала обязательными и для Белоруссии постановления Всероссийских съездов Советов. Ссылки на законодательные акты РСФСР содержались в Положениях о Совете Народных Комиссаров БССР и горсоветах и в ряде других актов. Таким образом, еще до Союзного договора на территории БССР были введены в действие многие законы РСФСР.

Союзный договор от 16 января 1921 г. и договор по финансовым вопросам от 26 июня того же года способствовали еще большему распространению на территории БССР законов РСФСР.

Таким образом, если по тому или иному вопросу не было законов БССР, применялось законодательство РСФСР. Основанием для такого применения нередко служило постановление правительства БССР о воспринятии соответствующих актов РСФСР. Однако очень часто такого постановления не было. В этих случаях применение законов РСФСР основывалось на однородности политического и экономического строя РСФСР и БССР, на единстве интересов трудящихся обеих республик. К тому же РСФСР шла впереди в решении задач социалистического строительства, и, естественно, ее опыт заимствовали другие республики.

Новый период в развитии законодательства БССР начинается с момента опубликования 24 января 1922 г. декрета ЦИК БССР «О силе для БССР декретов и распоряжений РСФСР»[1]. Согласно ст. 1 этого декрета, постановления объединенных наркоматов имеют силу на территории БССР без подтверждения. Что же касается законодательных актов ВЦИК, его Президиума, СНК РСФСР, а также постановлений необъединенных наркоматов, то они вступают в силу на территории БССР лишь после подтверждения их правительством БССР (ст. 2). Однако принцип подтверждения законов РСФСР не удалось полностью осуществить. Белорусская ССР широко использовала практику государственного строительства

[1] СУ БССР. 1922. № 1. Ст. 1.

РСФСР. В этот период вплоть до образования центральных органов власти Союза ССР правительство БССР часто воспринимало законодательные акты РСФСР в области необъединенного управления. Сюда относятся и такие крупные законодательные акты, как Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Гражданско-процессуальный и другие кодексы.

Вместе с тем БССР в своей законодательной деятельности учитывала национальные особенности, что приводило к некоторым различиям между законодательством РСФСР и БССР.

24 января 1922 г. Президиум ЦИК БССР утвердил декрет об издании Собрания узаконений БССР, в котором подлежали опубликованию все законы БССР, а также декрет, регулировавший время вступления законов в силу. 4 февраля 1922 г. Совет Народных Комиссаров БССР издал декрет о порядке рассмотрения законопроектов и опубликования принятых законодательных актов.

Окончательно был разрешен вопрос о законодательстве после образования Союза ССР и создания в июле 1923 г. центральных органов власти СССР. В соответствии с Конституцией СССР о законодательной компетенции Союза ССР и союзных республик Президиум ЦИК БССР отменил декрет от 24 января 1922 г. и установил, что не имеют силу на территории БССР постановления ВЦИК, утвержденные после образования СНК и наркоматов СССР. С этого времени на территории БССР вступают в силу лишь законодательные акты Союза ССР и БССР[1]. Вместе с тем следует указать, что и в дальнейшем законодательство РСФСР оказывало большое влияние на развитие законодательства БССР.

В. А. Дорогин

(1912–1995)

кандидат юридических наук

ЕДИНСТВО СУВЕРЕНИТЕТА СОЮЗА ССР И СУВЕРЕНИТЕТА СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК[2]

…В Советском союзном государстве суверенитет принадлежит Союзу ССР и суверенитет принадлежит союзным республикам. Союз ССР есть суверенное государство; союзные республики являются также суверенными государствами. Суверенитет Союза ССР носит реальный, фактический характер; суверенитет союзных республик носит также реальный, фактический характер.

---

[1] СУ БССР. 1923. № 12. Ст. 111.

[2] Друкуецца паводле: *Дорогин В. А.* Единство суверенитета Союза ССР и суверенитета союзных республик // Суверенитет в советском государственном праве / под ред. чл.-кор. Акад. наук СССР М. Аржанова ; Акад. обществ. наук при ЦК ВКП(б). М., 1948. С. 149–154.

Эти положения сохраняют свою силу и тогда, когда характеризуется суверенитет Союза ССР в единстве с суверенитетом союзных республик. Но здесь возникают вопросы: не противоречит ли суверенитет союзных республик суверенитету СССР? Не означает ли обладание Союзом ССР и союзными республиками суверенитетом разделения его между ними? Не означает ли это, что одной частью суверенитета обладает Союз ССР, а другой частью суверенитета обладают союзные республики? Не ведет ли такая постановка вопроса к признанию Союза ССР и союзных республик полусуверенными государствами?

Ленинско-сталинская теория национального вопроса, история создания и укрепления Советского союзного государства и нормы советского государственного права содержат в себе отрицательный ответ на поставленные вопросы.

Суверенитет Союза ССР нельзя противопоставлять суверенитету союзных республик. Суверенитет Союза ССР заключается не в том, что он нарушает гарантированный Конституцией СССР суверенитет союзных республик. Суверенитет союзных республик заключается не в том, что они не обеспечивают за Союзом ССР тех прав, которые закреплены за Союзом Конституцией СССР и конституциями союзных республик. Суверенитет Союза ССР и суверенитет союзных республик заключается в самостоятельном и независимом осуществлении прав, закрепленных за ними Конституцией СССР и конституциями союзных республик.

Суверенитет не означает отсутствия правовой регламентации деятельности государственной власти. Суверенитет означает, что верховная государственная власть сама устанавливает правовой порядок своей деятельности. Поэтому закрепление Конституцией СССР определенных прав за союзными республиками не превращает суверенитет Союза ССР в «урезанный», «неполный» суверенитет. Конституционное закрепление Союзом ССР суверенных прав за союзными республиками есть проявление суверенитета Союза ССР.

Обеспечение союзными республиками прав за Союзом ССР не превращает их суверенитет в «урезанный», «неполный» суверенитет. Добровольная передача союзными республиками прав Союзу ССР есть проявление их суверенитета. Собственно, в этом акте и в праве односторонним актом взять обратно переданные Союзу права и заключается сущность суверенитета союзных республик.

Демократические принципы Советского союзного государства исключают противопоставление суверенитета Союза ССР суверенитету союзных республик. Добровольное объединение, равноправное положение союзных республик в СССР и их право свободного выхода из Союза ССР (а в этом сущность их суверенитета) не только не противоречат суверенитету Союза ССР, а являются гарантией суверенитета СССР. Верховенство власти Союза ССР и его независимость от внешней власти не только не противоречат суверенитету союзных республик, а являются гарантией охраны Союзом ССР суверенитета союзных республик. Вступление советских республик в Союз ССР диктовалось именно необходимостью поставить под охрану Союза ССР суверенитет союзных республик.

Ошибочно сводить суверенитет к перечню прав, подлежащих ведению Союза ССР и ведению союзных республик. Если суверенитет есть сумма прав, то

тогда действительно Союз ССР и союзные республики есть «полусуверенные» государства, ибо между Союзом ССР и союзными республиками произошло разделение прав. Союз ССР в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления имеет одни права, а союзные республики в лице своих высших органов государственной власти и органов государственного управления имеют другие права. Как Союз ССР, так и союзные республики не обладают полным перечнем прав государственной власти.

Суверенитет не сводится к перечню прав, закрепленных за высшей властью. Суверенитет есть определенное свойство государственной власти быть самостоятельной и независимой. В силу этого свойства государственная власть Союза ССР закрепляет за союзными республиками права, ибо только как власть самостоятельная и независимая она и может определить, какие права закрепить за союзными республиками, а какие сохранить за Союзом ССР. Поскольку государственная власть союзной республики самостоятельно и независимо решает вопрос об обеспечении части своих прав за Союзом ССР, постольку она также выступает как суверенная государственная власть.

Между Союзом ССР и союзными республиками имеется разделение компетенции, а не разделение суверенитета. Это не значит, что между суверенитетом и правами государственной власти нет связи. Суверенитет государственной власти находит выражение в ее компетенции, в ее правах. Объем прав, который оставляет себе суверенная государственная власть, должен соответствовать ее значению как именно суверенной власти. Но суверенитет не сводится к этим правам. Существенным здесь необходимо признать то, что суверенная власть сама устанавливает свои права и определяет правовое положение других властей, организаций, учреждений и лиц, существующих в государстве.

Утверждение о разделении суверенитета между Союзом ССР неверно теоретически и вредно практически. Суверенитет включает в себя единство и не может быть разделен. Утверждение противоположного понимания суверенитета не выдерживает критики. Утверждение о разделении суверенитета между Союзам ССР и союзными республиками противоречит нормам советского государственного права и юридической практике. Государственная власть Союза ССР внутри государства и вне его выступает как полновластная. Ни внутри государства, ни вне СССР никто не имеет права усомниться в правомерности выраженной ею воли. Утверждение о разделении суверенитета ставит под сомнение правомерность воли государственной власти Союза ССР как якобы не обладающей «полным суверенитетом». Такое же сомнение возникает из этого утверждения и в правомерности воли государственной власти союзной республики. Утверждение о разделении суверенитета между Союзом ССР и союзными республиками ошибочно теоретически и вредно практически, так как подрывает доверие к верховной государственной власти и вредит интересам Союза ССР и союзных республик в международных сношениях.

Политика партии Ленина – Сталина в национальном вопросе исходит из общности интересов между нациями в условиях Советской власти, она направлена на дальнейшее укрепление дружбы между народами. В соответствии с политикой партии нормы советского государственного права обеспечивают

равноправие народов в СССР, юридически закрепляют их единство в Советском многонациональном государстве, выражают общие интересы всех народов Советского Союза.

Нормы государственного права не противопоставляют также суверенитет Союза ССР суверенитету союзных республик. Они обеспечивают их единство. Статья 15 Конституции СССР закрепляет самостоятельность государственной власти союзных республик и возлагает охрану суверенных прав союзных республик на Союз ССР. Глава 11 Конституции СССР обеспечивает единство суверенитета Союза ССР и суверенитета союзных республик. Статья 13 конституций союзных республик закрепляет суверенитет союзных республик и обеспечивает права Союза ССР. Организация и построение высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР и союзных республик соответствуют единству суверенитета Союза ССР и суверенитета союзных республик.

Суверенитет Союза ССР и суверенитет союзных республик не есть каких-то два особых, параллельных суверенитета в Советском союзном государстве. В Советском государстве государственная власть – единая власть сверху донизу. У нас нет двух систем органов государственной власти. Все органы государственной власти построены на одних принципах и включаются в единую систему Советской власти. В условиях демократической советской системы установлено такое высшее единство суверенитета Союза ССР и суверенитета союзных республик, при котором суверенитет Союза ССР по своему существу предполагает суверенитет союзных республик, а суверенитет союзных республик предполагает суверенитет Союза ССР.

В Советском государстве носителем суверенитета является многонациональный советский народ. Носителем суверенитета союзной республики является народ союзной республики как составная часть единого многонационального советского народа. Единая воля народа СССР обусловливает и единство государственной власти Союза ССР, ее суверенитет, предполагающий суверенитет союзных республик.

Такое внутреннее единство суверенитета Союза ССР с суверенитетом союзных республик объясняет тот факт, что расширение прав Союза ССР и расширение прав союзных республик происходят одновременно, причем в результате такого расширения укрепляются суверенитет Союза ССР и суверенитет союзных республик.

Если сравнить ст. 1 Конституции Союза ССР 1924 г. со ст. 14 Конституции СССР1936 г., то мы увидим расширение круга ведения Союза ССР. По Конституции 1936 г. Союз ССР дополнительно получил права: контроль за исполнением Конституции СССР и обеспечение соответствия конституций союзных республик Конституции СССР, охрана государственной безопасности, управление предприятиями общесоюзного значения, законодательство о судопроизводстве и судоустройстве, Уголовный и Гражданский кодексы и др.

В результате изменения и дополнения текста Конституции Союза ССР 1936 г. была дополнена ст. 14 Конституции СССР предоставлением прав Союзу ССР: денонсации договоров, утверждения образования новых автономных областей в составе союзных республик, утверждения отчета об исполнении бюджета, установления основ законодательства о браке и семье.

Вместе с тем происходило расширение прав союзных республик в области законодательства, в области бюджетных прав, управления предприятиями республиканского подчинения, планирования народного хозяйства, охраны государственного порядка и прав граждан, руководства научными организациями и учреждениями, организациями физической культуры и др. Наиболее существенное расширение прав союзных республик произошло в 1944 г., когда им было предоставлено право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и иметь свои республиканские войсковые формирования (ст. 18-а и 18-б Конституции СССР).

Расширение прав Союза ССР и союзных республик проводилось в интересах Союза ССР и союзных республик; в результате укрепился суверенитет СССР и суверенитет союзных республик. Говоря о преобразовании наркоматов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские, В. М. Молотов указывал в Верховном Совете СССР 1 февраля 1944 года: «Это преобразование стало возможным не просто в результате укрепления наших республик. Оно стало возможным в результате достигнутого укрепления нашего общесоюзного государства в целом». «Преобразование Наркоминдела и Наркомата обороны, вытекающее из расширения задач и функций союзных республик внутри страны и за ее пределами, не только не противоречит интересам укрепления нашего Союза, а, напротив, проводится во имя и для дальнейшего укрепления нашего великого государства»[1].

Расширение прав Союза ССР и прав союзных республик, одновременное укрепление суверенитета Союза ССР и суверенитета союзных республик – свидетельство единства суверенитета Союза ССР с суверенитетом союзных республик, исключающее их противопоставление.

Социалистический общественный строй и демократизм Советского государства обусловливают и тот исторический факт, что суверенитет Советского Союза является одной из существенных гарантий суверенитета демократических государств в любой части света. Суверенитет Советского государства ничего общего не имеет также с изоляционизмом. СССР стоит за развитие международных связей между государствами на основе их равноправия и суверенитета[2].

Суверенитет Союза ССР является юридической формой единства Советского союзного государства, юридическим выражением монолитной сплоченности многонационального советского народа вокруг партии Ленина – Сталина и Советского правительства. Опыт строительства Советского союзного государства является примером для народов Востока и Запада. Этот положительный опыт уже воспринимается и практически применяется наиболее демократическими государствами.

Сила, мощь, независимость Союза ССР опираются на дружбу народов СССР, на их неиссякаемый патриотизм. «Сила советского патриотизма состоит в том, что он имеет своей основой не расовые или националистические предрассудки, а глубокую преданность и верность народа своей советской Родине, братское

[1] *Молотов В. В.* О преобразовании Наркомата Обороны и Наркоминдела из общесоюзных в союзно-республиканские наркоматы. Изд. 1944. С. 14.

[2] Правда. 1947. 3 июля.

содружество трудящихся всех наций нашей страны. В советском патриотизме гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза»[1].

Советский патриотизм – духовная основа единства суверенитета Союза ССР и суверенитета союзных республик.

Т. І. Доўнар

доктар юрыдычных навук

НАВУКА І НАВУКОВАЯ ШКОЛА ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ

З усіх прававых навук асаблівае значэнне мае гісторыка-прававая навука, паколькі яна на падставе аналізу папярэдняга ходу гістарычнай эвалюцыі дзяржаўнасці і асэнсавання ранейшых недахопаў у яе развіцці паказвае шляхі ўдасканалення дзяржавы і права.

Адносна маладая гісторыка-прававая навука Беларусі складвалася на дасягненнях агульнаеўрапейскай гістарычнай навукі, аднак у параўнанні з еўрапейскімі народамі, якія заўсёды мелі права на ўласную гісторыю, толькі датычна беларускага народа па тых ці іншых прычынах, як неаднойчы падкрэсліваў І. А. Юхо, рабілася выключэнне [1, с. 4].

Нягледзячы на тое што замежныя навукоўцы на працягу мінулых стагоддзяў закраналі ў сваіх працах гісторыю Беларусі, часцей яе вывучэнне адбывалася ў кантэксце расійскай ці польскай гісторыі. Асабліва стрымлівалася шэрагам аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў даследаванне прававой спадчыны, якая з'яўляецца не проста складовай, але важнейшай часткай гісторыка-прававой навукі. Доўгі перыяд амаль не друкаваўся айчынны гістарычны дакументальна-прававы матэрыял і далёка не ўсе архіўныя матэрыялы, якія ў большасці былі вывезены з Беларусі, былі даступнымі даследчыкам. Пры гэтым шмат гістарычных пытанняў асвятлялася павярхоўна і аднабакова, а многія гістарычныя факты і падзеі адносна Беларусі трактаваліся замежнымі навукоўцамі, як шматразова адзначалі беларускія даследчыкі, даволі адвольна і тэндэнцыйна, а некаторыя з іх увогуле замоўчваліся [2, с. 12]. У сувязі з гэтым айчынная гісторыка-прававая навука доўгі перыяд развівалася слаба, у ёй мелі месца шматлікія і значныя прабелы і недахопы.

Звяртаючыся да гісторыі станаўлення гісторыка-прававой навукі, даследчыкі перш за ўсё пазначалі, што яе асновы закладваліся яшчэ ў далёкай старажытнасці

[1] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5. С. 141–142.

многімі айчыннымі мысліцелямі і дзяржаўнымі дзеячамі, аб чым сведчаць звесткі аб Кірыле Тураўскім, Кліменце Смаляцічу, Ефрасінні Полацкай [2, с. 14], якія дашлі да нашага часу.

Больш актыўна пачала развівацца навуковая дзейнасць у Вялікім Княстве Літоўскім – дзяржаве, палітыка-эканамічным цэнтрам якой сталі беларускія землі. Асабліва гэта тычыцца XVI ст., падчас якога ў грамадстве ўзнікла новае, больш якаснае філасофскае і прававое мысленне. Гэтаму садзейнічала эпоха Адраджэння і Рэфармацыі, якая высвеціла новае кола айчынных мысліцеляў (Ф. Скарына, М. Гусоўскі, А. Валовіч, Л. Сапега, А. Волан, М. Радзівіл Чорны і інш.), што ў сваіх творах выпрацоўвалі ўласнае разуменне сутнасці і значэння дзяржавы і права. Так, на думку многіх з іх, асноўнае прызначэнне права заключаецца ў гарантаванасці свабоды і асабістай бяспекі чалавека, што ў сваю чаргу з'яўляецца асновай агульнага грамадскага дабрабыту. Некаторыя з іх (напрыклад, Андрэй Волан) лічылі, што толькі наяўнасць у дзяржаве прыватнай уласнасці можа гарантаваць чалавеку сапраўдную свабоду і бяспеку [3, с. 76]. Пры гэтым многія з іх пачалі ставіцца да дзяржавы і права як да сацыяльна-палітычных інстытутаў, якія можна і неабходна ўдасканальваць. Увогуле, кола тагачасных айчынных мысліцеляў заклала грунтоўныя падставы распрацоўкі новай прававой тэорыі і аб'яднання яе з практыкай. Адной з іх галоўных мэт было рэфармаванне грамадскіх адносін шляхам выпрацоўкі больш дасканалых законаў, што ў рэшце рэшт і прывяло да сістэматызацыі права ВКЛ і стварэння дасканалых для свайго часу зводаў законаў – Статутаў 1529, 1566, 1588 гг. Пры гэтым удалая сістэматызацыя на беларускай мове нарматыўна-прававога матэрыялу, заснаванага на мясцовым звычаёвым праве і традыцыях народа, павялічвала каштоўнасць нацыянальнага права.

Перыяд знаходжання беларускіх зямель у складзе Рэчы Паспалітай таксама пазначыўся пэўнымі дасягненнямі ў дзяржаўна-прававым развіцці. Айчынныя навукоўцы (А. Алізароўскі, Л. Зізаній, П. Скарга, М. Сматрыцкі, С. Будны і інш.) унеслі значны ўклад у далейшую тэарэтычную распрацоўку прававых палажэнняў і новых нарматыўных актаў (асабліва канстытуцыйнага накірунку) больш значнай якасці і прагрэсіўнага зместу. Аднак у гэты ж перыяд на беларускіх землях пашыраўся паланізацыйны працэс, у сувязі з чым праявілася і негатыўная тэндэнцыя ў гістарычнай навуцы – беларускія землі пачалі разглядацца польскімі навукоўцамі як частка тэрыторыі Польшчы. Усё гэта аказала значны ўплыў на далейшую гісторыю Беларусі.

Пасля далучэння беларускіх зямель да Расіі прававыя, у тым ліку гісторыка-прававыя, пытанні распрацоўваліся ў расійскіх універсітэтах, прычым унеслі значны ўклад у развіццё ўсіх кірункаў расійскай прававой навукі многія выхадцы з Беларусі (У. Д. Спасовіч, Л. І. Петражыцкі і інш.) [4, с. 150–154]. Расійскія вучоныя, у тым ліку выхадцы з Украіны і Беларусі (А. Каравіцкі, Ю. Ярашэвіч, М. Кастамараў, М. Ф. Уладзімірскі-Буданаў, М. П. Дашкевіч, М. В. Доўнар-Запольскі, Р. В. Дземчанка, М. В. Каяловіч, І. І. Лапо, Ф. І. Леантовіч, М. К. Любаўскі, М. А. Максімейка, І. А. Маліноўскі, Т. Чацкі, М. М. Ясінскі, Т. Нарбут і інш.),

у сваіх працах закраналі, у адпаведнасці са сваімі агульнымі поглядамі, прававую гісторыю Беларусі [2, с. 17]. Несумненнай заслугай іх стала апублікаванне шматлікага гістарычнага дакументальна-прававога матэрыялу, што значна актывізавала гісторыка-прававыя даследаванні. Асабліва трэба адзначыць беларуса Ігната Даніловіча, які выявіў і апублікаваў шэраг помнікаў права Беларусі, у тым ліку тэкст Судзебніка 1468 г., Статут 1529 г. і інш.

Перыяду знаходжання беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі былі характэрны як адступленне ад набыткаў папярэдняга дзяржаўна-прававога развіцця, так і актыўная русіфікатарская палітыка, у тым ліку забарона беларускай мовы і назвы «Беларусь», адмена дзеяння папярэдняга заканадаўства, забарона ўніяцкай царквы, так званы разбор шляхты, вынікам якога стала пазбаўленне дваранскай годнасці мноства шляхціцаў і інш. На падставе гэтага адбываліся значныя змены ў светапоглядзе беларускага грамадства і народным менталітэце.

Аднак у другой палове XIX – пачатку XX ст. у кантэксце ўзмацнення рэвалюцыйнага і нацыянальна-вызваленчага руху ў Беларусі актывізуецца так званая беларуская ідэя, якую прапагандавалі многія айчынныя дзеячы, мысліцелі, навукоўцы. У гэты перыяд знакаміты гісторык М. В. Доўнар-Запольскі шматлікімі публікацыямі, асабліва ў кнізе «Беларускае мінулае» (1888), стварае «асноўнае ядро канцэпцыі гістарычнага развіцця беларускага народа» і ставіць праблему неабходнасці нацыянальнага адраджэння Беларусі [5, с. 272].

Дзякуючы намаганням многіх айчынных навукоўцаў і палітычных дзеячаў ідэя нацыянальнага адраджэння пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. прывяла да абвяшчэння БНР, а потым – да стварэння БССР, адным з вынікаў чаго было станаўленне айчыннага савецкага права, заканадаўства і прававой навукі. З узнаўленнем беларускай дзяржаўнасці, а потым з адкрыццём у 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта пачаўся больш значны і якасны этап развіцця гістарычнай і гісторыка-прававой навукі Беларусі. Актывізацыі даследаванняў садзейнічала і заснаванне ў 1922 г. Інстытута беларускай культуры, дзе разам з вывучэннем актуальных праблем дзяржаўна-прававога будаўніцтва на Беларусі даследаваліся пытанні прававой гісторыі. У сувязі з гэтым пачалося і выданне дзяржаўна-прававых актаў XVI–XVII стст., якія ўваходзілі ў склад Літоўскай метрыкі. Напрыклад, быў выдадзены трохтомны «Беларускі архіў» (1927–1930).

Патрэбна адзначыць, што ў мэтах плённай навуковай працы кіраўніцтва БДУ і Інбелкульта змагло аб'яднаць розных па палітычных поглядах людзей, асабліва дзеячаў Рады БНР, што вярнуліся з эміграцыі: В. Ю. Ластоўскага, А. І. Цвікевіча, А. А. Смоліча і інш. Да гэтай працы таксама было прыцягнута кола высокакваліфікаваных навукоўцаў з Расіі і Украіны, у тым ліку гісторыкаў з так званай старой прафесуры: М. В. Доўнар-Запольскі, У. М. Перцаў, У. І. Пічэта, А. М. Ясінскі [6, с. 6]. Менавіта яны заклалі падмурак беларускай савецкай гістарычнай і гісторыка-прававой навукі.

Асаблівы ўклад у развіццё айчыннай навукі зрабіў першы рэктар БДУ У. І. Пічэта, які асабіста выкладаў студэнтам-правазнаўцам на прававым аддзяленні

фактычна гісторыю беларускага заканадаўства, бо займаўся са студэнтамі аналізам мінулага дакументальна-прававога матэрыялу. Увогуле, значнае месца ў даследаваннях многіх навукоўцаў БДУ займала гісторыя беларускага народа, і пачатак гэтаму быў пакладзены працамі У. І. Пічэты. Навуковец выдаў больш за 130 навуковых прац, прысвечаных гісторыі права, эканомікі, культуры і палітычнай гісторыі Беларусі (у 1961 г. выйшаў збор яго прац «Белоруссия и Литва XV–XVI вв.»). Вельмі важным было тое, што вакол У. І. Пічэты сфарміравалася сапраўдная навуковая гістарычная школа – кола даследчыкаў (А. В. Бурдзейка, Д. І. Даўгяла, В. Д. Дружчыц, Т. І. Забела, А. І. Таўсталес і інш.), якія актыўна распрацоўвалі шматлікія пытанні гісторыі Беларусі, закранаючы пры гэтым і гісторыка-прававыя праблемы. Напрыклад, В. Д. Дружчыц унёс значны ўклад у даследаванне пытанняў аб магдэбурскім праве ў гарадах Беларусі, Т. І. Забела і А. І. Таўсталес – аб гісторыі шлюбна-сямейнага права і г. д. [7, с. 79]. Навуковыя даследаванні 1920–30-х гг. былі ў асноўным адказам на пытанні, якія ставіла ў той час практыка савецкага дзяржаўнага будаўніцтва.

Актывізацыі навуковай дзейнасці ў Беларусі спрыяла стварэнне пры БДУ навуковага таварыства, якое мела і юрыдычную секцыю. Так, да 1930 г. было выдадзена 25 выпускаў навуковых прац. Сярод аўтараў асабліва адзначым прафесараў У. І. Пічэту, М. В. Грэдзінгера, В. М. Шыраева і інш.

Для развіцця айчыннай юрыдычнай навукі важнае значэнне мела заснаванне ў 1929 г. Беларускай акадэміі навук, у складзе якой была створана кафедра савецкага будаўніцтва і права, дзе даследаваліся пытанні арганізацыі і дзейнасці дзяржаўнага апарату, развіцця заканадаўства, прычыны злачыннасці, абагульняўся вопыт правапрымяняльнай дзейнасці. Перад навукоўцамі ў гэты перыяд ставілася задача цеснага ўзаемадзення навукі і практыкі, прыкладам чаго стала выдадзеная ў 1929 г. праца М. М. Гуткоўскага «Сістэматычны паказчык (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай ССР за 1919–1928 гг.», якая паклала пачатак сістэматызацыі заканадаўства рэспублікі. Аднак з канца 1920-х гг. навуковыя даследаванні скарачаюцца.

Больш значныя зрухі ў сферы распрацоўкі айчыннай дзяржаўна-прававой гісторыі пачаліся толькі ў пасляваенны перыяд. Намаганнямі беларускіх навукоўцаў у рэспубліцы быў пакладзены пачатак новаму кірунку гісторыка-прававой навукі – гісторыі дзяржавы і права Беларускай ССР, аб чым сведчыць выдадзеная ў 1958 г. у БДУ калектыўная праца «Очерки по истории государства и права БССР» (Б. Я. Бабіцкі, Ф. І. Гаўзэ, І. І. Гарэлік, Г. А. Павецьеў, Л. А. Рудзіцкі, І. С. Тышкевіч, Ю. П. Смірноў, В. Ф. Чыгір). У выдавецтве БДУ ў 1969 г. калектывам аўтараў (Б. Я. Бабіцкі, А. А. Галаўко, Ф. І. Гаўзэ, В. А. Дарогін і інш.) была выдадзена другая кніга «Очерки по истории государства и права БССР». Адказным рэдактарам і суаўтарам гэтай кнігі быў І. А. Юхо, які з 1963 г. першым пачаў выкладаць на юрыдычным факультэце БДУ новую вучэбную дысцыпліну – «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» [7, с. 80].

У гэты ж час пад кіраўніцтвам І. А. Юхо пачаў дзейнічаць і навуковы гурток па гісторыі дзяржавы і права Беларусі, які меў галоўнай мэтай далучэнне студэнтаў да навукова-даследчай працы адносна актуальных і праблем-

ных пытанняў гісторыі айчыннага дзяржаўна-прававога развіцця. Навуковец у размовах са студэнтамі, на лекцыях і семінарскіх занятках тлумачыў, чаму ў айчыннай гісторыка-прававой навуцы ўзніклі белыя плямы, звяртаў увагу на прычыны суб'ектыўных адносін да айчыннай навукі, замоўчвання і нават фальсіфікаванасці беларускай гісторыі. Пры гэтым у сваёй педагагічнай і навуковай дзейнасці І. А. Юхо імкнуўся абудзіць у кожным студэнце любоў да роднай Беларусі і яе гісторыі. Менавіта таму шэраг яго былых студэнтаў прысвяцілі сваю дзейнасць навуцы, а некаторыя з іх абаранілі пад яго кіраўніцтвам дысертацыі.

Асабліва важным для гісторыка-прававой навукі было тое, што за перыяд навуковай і педагагічнай дзейнасці І. А. Юхо выказаў шмат цікавых і арыгінальных думак па многіх праблемных пытаннях айчыннай гісторыі. Яго навуковыя працы былі прысвечаны самым актуальным пытанням гісторыі дзяржавы і права Беларусі: паходжанню назвы «Беларусь», станаўленню беларускай дзяржаўнасці, фарміраванню тэрыторыі Беларусі, прававому становішчу насельніцтва, гісторыі заканадаўства, палітыка-прававым поглядам беларускіх мысліцеляў, уніям Вялікага Княства Літоўскага з Польшчай, уплыву Польшчы і Расіі на гісторыю беларускага народа і інш. Перш за ўсё навуковец звяртаў увагу на маладаследаваныя пытанні гісторыі беларускага народа. Пры гэтым ён выказваў і абгрунтоваў вельмі самастойныя думкі і цікавыя меркаванні па многіх пытаннях айчыннай гісторыі, часам такія, што супярэчылі афіцыйным поглядам савецкай гістарычнай навукі. Так, ён выказаў свае пазіцыі па праблеме фарміравання тэрыторыі Беларусі, абгрунтаваў тэзіс аб значна больш старажытным паходжанні беларускай дзяржаўнасці, чым афіцыйна вызначанае ў гістарычнай навуцы, аб пераважна беларускім этнічным характары Вялікага Княства Літоўскага і інш. У публікацыях ён падкрэсліваў і даказваў значнасць і прагрэсіўнасць поглядаў шматлікіх беларускіх мысліцеляў і інш. Ім упершыню была выказана думка аб непасрэдным удзеле вялікага беларускага гуманіста і мысліцеля Ф. Скарыны ў падрыхтоўцы знакамітага зводу законаў – Статута 1529 г. На падставе сістэмнага аналізу помнікаў права Беларусі І. А. Юхо зрабіў вывад аб нацыянальнай адметнасці беларускага права, аб параўнальна высокай прававой культуры беларускага народа і інш. [8]. Некалькі навуковых прац ён прысвяціў выдатнаму дзеячу нацыянальна-вызваленчага руху Тадэвушу Касцюшку і інш. У шэрагу артыкулаў навуковец разглядаў гісторыю юрыдычнай навукі ў Беларускім дзяржаўным універсітэце і ўклад навукоўцаў у яе развіццё. Акрамя таго, І. А. Юхо рабіў намаганні па папулярызацыі навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Так, вучоны ў 2005 і 2006 гг. прыняў удзел у выданні на англійскай мове кніг аб айчыннай гісторыі і гістарычным шляху беларускага народа [7, с. 81].

Усё гэта служыла падставай для зацікаўленасці іншых даследчыкаў і актывізацыі навуковых даследаванняў. Вакол І. А. Юхо сфарміравалася кола навукоўцаў, якія працягвалі вывучэнне айчыннай гісторыі права. Абараніўшы кандыдацкую дысертацыю ў 1956 г., а затым у 1980 г. доктарскую дысертацыю,

І. А. Юхо стаў заснавальнікам беларускай гісторыка-прававой школы, у межах якой падрыхтаваў двух дактароў юрыдычных навук і дзесяць кандыдатаў юрыдычных навук.

Удзельнікі навуковай школы ў публікацыях акцэнтавалі ўвагу на самых актуальных і маладаследаваных пытаннях дзяржаўна-прававога развіцця Беларусі на папярэдніх гістарычных этапах, у тым ліку на эвалюцыі дзяржаўных і судовых органаў, прававым становішчы насельніцтва, развіцці асобных галін права – грамадзянскага, крымінальнага, канстытуцыйнага, сямейнага, ваеннага заканадаўства і інш. Так, у працах І. І. Марціновіч характарызавалася гісторыя судовых устаноў Беларускай ССР. С. Ф. Сокал прысвяціў кнігі развіццю палітыка-прававой думкі Беларусі і пэўным этапам яе гісторыі. А. Ф. Вішнеўскі выдаў некалькі кніг па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. І. А. Вішнеўская даследавала гісторыка-прававую думку Беларусі. У кнігах Т. І. Доўнар раскрываліся характэрныя рысы і тэндэнцыі развіцця права Беларусі ў феадальны перыяд, адзначаліся асаблівасці кадыфікацыі заканадаўства ў XVI ст., адметнасць прававой гісторыі і прававой культуры Беларусі і іх узаемасувязь з агульнаеўрапейскім працэсам эвалюцыі права і інш. Асобныя яе працы былі прысвечаны гісторыі канстытуцыйнага, крымінальнага, грамадзянскага права.

У працах гісторыкаў права засяроджвалася ўвага на выяўленні характэрных рыс і асаблівасцей у гістарычным дзяржаўна-прававым развіцці Беларусі, на дасягненнях у развіцці права і прававой культуры беларускага народа. Увогуле, гісторыкамі-правазнаўцамі (А. Ф. Вішнеўскі, Т. І. Доўнар, В. А. Круталевіч, М. У. Сільчанка, В. А. Шаўкапляс, І. А. Юхо і інш.) былі апублікаваны шматлікія навуковыя артыкулы і выдадзены шэраг вучэбных дапаможнікаў па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Выхад у 2001 г. кнігі «Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі» (Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, І. А. Юхо), а таксама перавыданне ў 2003 г. Статута 1566 г. (Т. І. Доўнар, І. А. Юхо, У. М. Сатолін) сталі падставай для актывізацыі навуковых даследаванняў у сферы гісторыі канстытуцыяналізму.

Навукоўцы прыкладвалі намаганні для перавыдання помнікаў Беларусі, прынялі актыўны ўдзел у падрыхтоўцы шэрагу энцыклапедычных выданняў: «Юрыдычны слоўнік» (1989), «Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 г.» (1989), «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (1993–2003), «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» (1995), «Асветнікі зямлі беларускай» (2001) і інш.

Працягваючы кіраўніцтва навуковай школай, у сучасны перыяд прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ Т. І. Доўнар ажыццяўляе каардынацыю навуковых даследаванняў у сферы гісторыка-прававой навукі, кіруе аспірантамі і саіскальнікамі. Пад яе кіраўніцтвам былі абаронены адна доктарская і дзевяць кандыдацкіх дысертацый па спецыяльнасці 12.00.01. – тэорыя і гісторыя права і дзяржавы; гісторыя палітычных і прававых вучэнняў. Так, у пачатку XXI ст. у БДУ пад кіраўніцтвам прафесара Т. І. Доўнар былі паспяхова абаронены кандыдацкія дысертацыі: па прававым становішчы маёмасці праваслаўнай царквы (М. Г. Шукан, 2007), гісторыі ваен-

нага права і ваеннай юстыцыі (В. В. Каляда, 2010, А. І. Адамюк, 2012), гісторыі грамадзянскага права БССР (Ю. І. Кавалеўская, 2011), гісторыі крымінальнага права БССР (С. А. Гур'еў, 2016), гісторыі айчыннага натарыята (У. М. Ангельскі, 2016), гісторыі адвакатуры Беларусі (А. А. Гур'ева, 2017).

Прафесар Т. І. Доўнар апублікавала звыш 300 навуковых прац, у тым ліку восем манаграфій, падручнік, два курсы лекцый і звыш 15 вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў. У тым ліку ў 2014 г. быў выдадзены падручнік «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, у 2018 г. – манаграфія «Права Беларусі ў кантэксце гістарычнай эвалюцыі дзяржаўнасці» (2018). Зараз Т. І. Доўнар прымае ўдзел у падрыхтоўцы калектыўнай манаграфіі ў пяці тамах «Курс уголовного права. Общая часть». У 2018–2019 гг. выйшлі два тамы «Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении» и «Курс уголовного права. Общая часть. Учение о наказании».

Непасрэдна ўдзельнікамі навуковай школы былі апублікаваны шматлікія навуковыя артыкулы, а таксама манаграфіі і вучэбныя дапаможнікі. Напрыклад, у пачатку XXI ст. былі выдадзены манаграфіі Л. Л. Голубевай «Наследственное право феодальной Беларуси: по законодательству Великого княжества Литовского» (2002), Ю. П. Доўнар «Судовая рэформа XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім» (2007), А. І. Адамюка «Военно-уголовная юстиция Беларуси» (2006) і інш. Навукоўцы прынялі ўдзел ў выданні «Беларускай юрыдычнай энцыклапедыі» ў чатырох тамах (2007–2013).

Прадстаўнікамі навуковай школы былі арганізаваны і праведзены шматлікія навуковыя і навукова-практычныя канферэнцыі і круглыя сталы па актуальных пытаннях гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Так, кафедрай тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта БДУ ў 2011 г. была праведзена міжнародная навуковая канферэнцыя «Гісторыя і сучаснасць: беларуская дзяржаўнасць ва ўсходнееўрапейскім цывілізацыйным кантэксце», прысвечаная памяці заснавальніка нацыянальнай гісторыка-прававой навуковай школы прафесара І. А. Юхо; у 2016 г. – рэспубліканскі навукова-практычны круглы стол «Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1566 г.: да 450-годдзя выдання»; у 2018 г. – міжнародная навуковая канферэнцыя «Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамоцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання»; у 2019 г. – міжнародны навукова-практычны круглы стол «Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне», прысвечаны юбілею прафесара Т. І. Доўнар. На гэтых навуковых форумах абмяркоўваліся актуальныя і праблемныя пытанні гісторыка-прававой навукі, узнікалі новыя ідэі, у тым ліку адносна пошуку больш эфектыўных метадаў даследавання, і г. д.

Беларускія гісторыкі права друкавалі навуковыя артыкулы ў замежных часопісах, прымалі актыўны ўдзел у шматлікіх навуковых канферэнцыях, якія ладзілі іншыя ўніверсітэты, у тым ліку замежныя (напрыклад, у 2017 г. удзельнічалі ва Усерасійскай навуковай канферэнцыі «РУДН: Жидковские чтения»).

У межах навуковай школы не толькі ажыццяўляецца навукова-даследчая дзейнасць і падрыхтоўка навуковых кадраў, але і выпрацоўваюцца кірункі далейшых навуковых даследаванняў шляхам абмену вопытам, цеснага ўзаемадзеяння з навукоўцамі ВНУ Рэспублікі Беларусь і замежнымі вучонымі. Аб гэтым сведчаць падрыхтаваныя разам з Нацыянальным цэнтрам прававых даследаванняў, Беларускім дзяржаўным эканамічным універсітэтам, Беларускім інстытутам правазнаўства, Акадэміяй МУС Рэспублікі Беларусь, Гродзенскім дзяржаўным універсітэтам і іншымі ВНУ шматлікія навуковыя і навукова-практычныя канферэнцыі, круглыя сталы, а таксама сумесныя публікацыі навукоўцаў і інш.

Увогуле, у сферы айчыннай гісторыка-прававой навукі акрэслілася тэндэнцыя да павелічэння колькасці навуковых прац і амплітуды навуковай тэматыкі, аб чым сведчаць інтэнсіўнасць і тэматыка публікацый і дысертацыйных даследаванняў.

Важным кірункам навукова-даследчай работы вучоных-правазнаўцаў з'яўляецца ўдзел у дзяржаўных праграмах навуковых даследаванняў, у распрацоўцы, навуковай экспертызе і навуковым каменціраванні праектаў нарматыўных прававых актаў і інш. Праводзіцца праца па ўкараненні вынікаў даследаванняў у практыку. Так, на працягу 2006–2010 гг. у кантэксце дзяржаўнай праграмы «Эканоміка і грамадства» пад кіраўніцтвам прафесара Т. І. Доўнар навукоўцамі кафедры распрацоўвалася тэма «Гісторыя ўзнікнення і развіцця дзяржаўнасці і нацыянальнай прававой сістэмы Беларусі», у выніку чаго быў вынесены шэраг прапаноў па ўдасканаленні заканадаўства, яго сістэматызацыі і інш. У 2011–2015 гг. праводзіліся даследаванні па тэме «Асновы ўстойлівага развіцця нацыянальнай прававой сістэмы ў XXI стагоддзі: метадалогія, тэорыя, практыка». Шэраг палажэнняў і вывадаў быў укаранёны навукоўцамі ў вучэбны працэс, а таксама прадстаўлены ў праваторчыя органы Рэспублікі Беларусь.

У сучасны перыяд кафедрай тэорыі і гісторыі дзяржавы і права распрацоўваецца новая навуковая тэма ў сферы права і гісторыі права. На падставе гістарычнай пераемнасці працягваюцца даследаванні шматлікіх прававых праблем, у тым ліку адносна развіцця беларускага канстытуцыяналізму, шляхоў і сродкаў удасканалення палітычнай сістэмы, тэарэтычных падстаў праваторчасці, забеспячэння самастойнага развіцця Рэспублікі Беларусь, эканамічных, прававых і сацыяльных гарантый яе суверэнітэту, а таксама адносна ўдасканалення дзеючага заканадаўства і інш.

Неабходна адзначыць, што, нягледзячы на пэўныя дасягненні, у айчыннай гісторыка-прававой навуцы маюцца значныя недахопы, якія перш за ўсё звязаны з малой колькасцю навуковых кадраў – гісторыкаў права. Пераважна выкладчыкі ВНУ займаюцца і асноўнай дзейнасцю, і навуковымі даследаваннямі ў сферы гісторыі дзяржавы і права. Даволі шмат студэнтаў на працягу вучобы ва ўніверсітэце займаецца навуковай дзейнасцю, аднак яны неахвотна ідуць у аспірантуру, выбіраючы сферу практычнай дзейнасці.

Акрамя таго, у большасці беларускіх ВНУ, што падкрэслівалі навукоўцы, адсутнічаюць спецыяльныя кафедры гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Не садзейнічае развіццю навукі адсутнасць акадэмічнага цэнтру, які б не толькі непасрэдна займаўся даследаваннямі гісторыі дзяржавы і права Беларусі, але

і ажыццяўляў бы каардынацыю навуковых даследаванняў у межах Рэспублікі Беларусь. На наш погляд, вельмі патрэбен і спецыяльны навуковы часопіс па гісторыі дзяржавы і права.

Менавіта таму ў гісторыка-прававой навуцы да гэтага часу застаюцца значныя прабелы, на што неаднойчы звярталі ўвагу многія навукоўцы (І. А. Юхо, Т. І. Доўнар, А. Ф. Вішнеўскі, І. А. Саракавік і інш.). Так, маладаследаванымі застаюцца пытанні гісторыі беларускага канстытуцыяналізму і парламентарызму, эвалюцыі палітычных інстытутаў, асобных інстытутаў і галін права, гісторыі самакіравання, магдэбургскага права ў Беларусі як спецыфікі спалучэння мясцовых і агульнадзяржаўных інтарэсаў, дзейнасці цэнтральных, мясцовых органаў і судовых устаноў і інш. Патрабуе вывучэння гісторыя адміністрацыйна-тэрытарыяльных, зямельных, судовых, ваенных і іншых дзяржаўных рэформаў на тэрыторыі Беларусі. Да гэтага часу актуальнымі з'яўляюцца пытанні гісторыі прававой думкі, развіцця прававой культуры ў Беларусі і яе ўзаемадзеяння з заходнееўрапейскай культурай. Нягледзячы на існуючыя на сёння даследаванні, неабходны таксама намаганні многіх навукоўцаў для напісання гістарыяграфіі навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі з акцэнтацыяй увагі на яе праблемных пытаннях.

Акрамя таго, нельга не адзначыць недастатковае даследаванне пытанняў гісторыі ўзаемаадносін дзяржавы і царквы ў Беларусі. Рэлігійны фактар вельмі ўзаемазвязаны і часам цесна пераплецены з нацыянальным фактарам, які заўсёды з'яўляўся, як сведчыць уся сусветная гісторыя, адной з асноўных прычын уздзеяння на ход гістарычнага працэсу. Між тым у савецкі перыяд вельмі мала ўвагі звярталася як на рэлігійны фактар, так і на нацыянальна-вызваленчы рух, складаны характар мэт і ідэалогій якога пастаянна аказваў значны ўплыў на развіццё дзяржаўнасці і сусветны гістарычны працэс. Пацвярджэннем гэтаму з'яўляецца як сусветная, так і беларуская гісторыя. Напрыклад, адносна Беларусі пазначым, што, калі ў Раннім сярэднявеччы на змену паганству на нашых землях прыйшла хрысціянская рэлігія візантыйскага кірунку, вынікам стала рэзкая змена менталітэту беларускага народа. Пачаў таксама змяняцца менталітэт з XIV ст., калі прымусовым шляхам стаў уводзіцца заходні кірунак хрысціянства – каталіцызм, а затым у XVI ст., у перыяд Рэфармацыі, калі ўзнікла моцная плынь пратэстантызму. Усё гэта не толькі значна адлюстроўвалася на народным менталітэце, але і аказвала ўздзеянне на грамадства і дзяржаву. Гэтыя праблемныя пытанні навукоўцам неабходна даследаваць, тым больш што рэлігійны фактар і ў наш час значна ўплывае на ўсе грамадскія працэсы.

Патрабуюць пераасэнсавання таксама многія пытанні савецкага перыяду развіцця дзяржавы і права Беларусі, у тым ліку праблемы ўзнаўлення беларускай дзяржаўнасці ў пачатку XX ст., фарміравання тэрыторыі Беларускай ССР, міжнародных адносін БССР, узаемаадносін БССР з іншымі савецкімі рэспублікамі і інш. Акрамя таго, неабходны навуковы аналіз сутнасці і кірункаў развіцця савецкага заканадаўства, гісторыі беларускіх урадаў, міністэрстваў і іншых дзяржаўных устаноў і г. д. Патрэбны асобныя даследаванні адносна гісторыі развіцця айчыннай юрыдычнай навукі і юрыдычнай адукацыі ў Беларусі.

Несумненна, ліквідацыя пазначаных вышэй белых плям у гісторыка-прававой навуцы і іншых яе недахопаў стане падставай для больш дакладных уяўленняў пра гістарычную эвалюцыю нацыянальнай дзяржаўнасці і перспектывы айчыннага дзяржаўна-прававога развіцця. Увогуле, зараз наспела неабходнасць актывізацыі навуковых даследаванняў і сістэмнага аналізу паэтапнага дзяржаўна-прававога развіцця Беларусі. Асабліва гэта важна на сучасным этапе развіцця беларускай дзяржаўнасці, бо цяпер прававая навука ў большай ступені прызвана фарміраваць адносіны да права як да сродку ўдасканалення і гарманізацыі грамадскіх адносін у кантэксце пабудовы прававой сацыяльнай дзяржавы. Пастаянныя трансфармацыі дзяржаўна-прававой сферы патрабуюць ад усіх навукоўцаў-правазнаўцаў перш за ўсё пераасэнсавання мінулага і папярэдніх навуковых падыходаў адносна такіх палітычных інстытутаў, як права і дзяржава. Менавіта таму ў наш час існуе неабсяжная прастора для прававых даследаванняў, асабліва гэта тычыцца айчыннай гісторыі дзяржавы і права. Пры гэтым трэба мець на ўвазе, што ў апошнія дзесяцігоддзі вельмі актывізаваліся замежныя даследаванні нашай гісторыі, у якіх часам выказваюцца або паўтараюцца даволі супярэчлівыя і недакладныя меркаванні, таму айчынным навукоўцам у сучасных працах давядзецца больш упэўнена і па-новаму абгрунтоўваць уласныя пазіцыі.

У заключэнне адзначым, што патрэба ў навуковых пошуках у сферы права існуе заўсёды. Актывізацыя ж айчынных гісторыка-прававых даследаванняў і павелічэнне эфектыўнасці дзейнасці навуковай школы гісторыі дзяржавы і права Беларусі, несумненна, будзе садзейнічаць больш дакладным уяўленням пра гістарычную эвалюцыю нацыянальнай дзяржаўнасці і перспектывы айчыннага дзяржаўна-прававога развіцця.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Юхо Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 1992.
2. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 2014.
3. Доўнар Т. І. Андрэй Волан (Валян) – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя // Юстыцыя Беларусі. 2012. № 8. С. 75–77.
4. Саракавік І. А. Станаўленне і развіццё юрыдычнай навукі і адукацыі ў Беларусі. Мінск, 2013.
5. Ліс А. Доўнар-Запольскі Мітрафан Віктаравіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. Мінск, 1996. Т. 3 / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. С. 272.
6. Інстытут беларускай культуры. 1922–1928: дакументы і матэрыялы / склад.: В. У. Скалабан, М. У. Токараў. Мінск, 2011.
7. Доўнар Т. І. Гісторыка-прававая навука ў Беларускім дзяржаўным універсітэце // Традиции университета: от Франциска Скорины до современности : сб. материалов междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. / редкол.: С. Н. Ходин [и др.]. Минск, 2017. С. 77–82.
8. Доўнар Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў працах прафесара БДУ І. А. Юхо // Весн. БДУ. Сер. 3, Права. 2011. № 3. С. 132–137.

Т. І. Доўнар
доктар юрыдычных навук

С. А. Калінін
кандыдат юрыдычных навук

ТЭАРЭТЫЧНЫЯ І ГІСТОРЫКА-ПРАВАВЫЯ ДАСЛЕДАВАННІ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ

Перадумовы юрыспрудэнцыі як сістэмы ведаў аб праве (як пазнанне боскіх і чалавечых спраў, справядлівага і несправядлівага) закладваліся ў Старажытным Рыме. У працэсе гістарычнага развіцця яна падзялілася на шматлікія самастойныя прававыя навукі: агульнатэарэтычныя, гістарычныя, галіновыя, прыкладныя (комплексныя), міжнародныя. Кожная з іх мае ўласную гісторыю і дасягненні. Тэорыя права, прадметам якой з'яўляюцца сутнасць, прынцыпы, змест, формы (крыніцы) права, заканамернасці яго ўзнікнення, развіцця і функцыянавання, займаецца пазнаннем права ў самай агульнай, а значыць, самай важнай, сутнаснай яго характарыстыцы. Менавіта таму яна мае метадалагічнае значэнне не толькі пры пазнанні адпаведных прававых праблем усімі юрыдычнымі навукамі, але і для юрыдычнай практыкі (асабліва ў праватворчай і праварэалізуючай дзейнасці дзяржаўных органаў).

Важнае значэнне мае і гісторыка-прававая навука, паколькі яна на падставе аналізу папярэдняга ходу гістарычнай эвалюцыі дзяржавы і права і асэнсавання ранейшых недахопаў у іх развіцці дае магчымасць удасканальваць і прагназаваць далейшае развіццё дзяржаўнасці.

На працягу стагоддзяў у цэнтры ўвагі навукоўцаў розных гістарычных эпох былі разнастайныя тэарэтыка- і гісторыка-прававыя праблемы, асабліва звязаныя з прызначэннем дзяржавы і права і пошукам іх удасканалення. Адпаведна гістарычным эпохам мелі месца розныя суадносіны права і дзяржавы ў грамадскім жыцці, розная іх роля і сутнасць, а тым самым – розная ступень увагі навукоўцаў да тых ці іншых тэарэтычных і гісторыка-прававых пытанняў. Гістарычнае развіццё прававых ідэй сведчыць аб складаным і працяглым працэсе спасціжэння сутнасці і прызначэння права мысліцелямі мінулых эпох, што ў якасці прававых ідэй сутнаснай асновы права выкарыстоўвалі разнастайныя каштоўнасці цывілізаванага грамадства: справядлівасць (Арыстоцель), агульную волю (Ж.-Ж. Русо), свабоду (Г. Гегель), юрыдычна абаронены інтарэс (Р. Іерынг), імператыўна-атрыбутыўныя пераживанні (выхадзец з Беларусі Л. Петражыцкі) і інш.

Прававыя даследаванні ў Беларусі вяліся са старажытных часоў. Увогуле, у сваім гістарычным развіцці беларуская юрыспрудэнцыя прайшла доўгі

перыяд станаўлення і пэўныя этапы развіцця. Вытокі яе знаходзяцца ў далёкай старажытнасці, калі з узнікненнем дзяржаў і пісьменства на тэрыторыі Беларусі з'явілася і патрэба ў асобнай групе людзей – захавальнікаў і тлумачальнікаў звычаяў. Думкі першых вядомых нам старажытных мысліцеляў (Ефрасіння Полацкая, Кірыла Тураўскі, Клімент Смаляціч і інш.) былі накіраваны на пашырэнне хрысціянскай ідэалогіі, удасканаленне грамадскіх адносін, тэарэтычнае вызначэнне і пошук найбольш ідэальнай формы дзяржаўнага кіравання і інш. Пазней, калі беларускія землі сталі палітыка-эканамічным цэнтрам буйной феадальнай дзяржавы – Вялікага Княства Літоўскага, узнікаюць юрыдычныя навучальныя ўстановы, з'яўляюцца прафесійныя юрысты (суддзі, следчыя, адвакаты), а самае галоўнае – фарміруецца кола мысліцеляў і асветнікаў, якія непасрэдна займаюцца навуковай распрацоўкай тэарэтыка-прававых праблем (Францыск Скарына, Міхалон Літвін, Сымон Будны, Андрэй Волан, Мікалай Радзівіл Чорны, Леў Сапега і інш.). Так, адным з першых распрацоўшчыкаў беларускай прававой навукі з'яўляецца Францыск Скарына. У сваіх творах Ф. Скарына выказаў думкі аб ролі народа, народным суверэнітэце, справядлівасці закона, адпаведнасці яго мясцовым звычаям і накіраванасці на карысць усяго народа і г. д., якія пераклікаліся з тэорыяй натуральнага права. Ён падзяляў права на натуральнае, уласцівае кожнаму чалавеку ў роўнай ступені ад нараджэння, і пісанае. Апошняе падзяляў на боскае, царкоўнае і земскае, што мела глыбокае тэарэтычнае і практычнае значэнне. Важным было тое, што Ф. Скарына прыняў удзел у падрыхтоўцы першага ў Еўропе зводу законаў высокага ўзроўню – Статута 1529 г. [1, с. 31]. Яго ідэі аказалі значны ўплыў на наступнае развіццё палітыка-прававой думкі.

У перыяд Сярэднявечча развіццё на Беларусі рэфармацыйных, ренесансных і гуманістычных тэндэнцый мела вынікам узмацненне свецкай інтэрпрэтацыі палітыка-прававых інстытутаў, у тым ліку і свецкую трактоўку натуральнага права, што знайшло адлюстраванне ў навуковых працах А. Волана, А. Алізароўскага і іншых мысліцеляў. Так, у трактаце А. Волана «Аб палітычнай або грамадзянскай свабодзе» гаворыцца аб імкненні да свабоды як важнейшай натуральнай уласцівасці чалавека і неабходнасці яе ўсебаковай абароны, для чаго і прызначана права. У натуральна-прававой дактрыне А. Волана вылучаюцца тры важнейшыя элементы права: яно павінна быць справядлівым, разумным і абараняць (быць гарантам) свабоду і роўнасць людзей [2, с. 76]. Значны ўклад у развіццё прававой навукі таксама ўнеслі такія прадстаўнікі рэфармацыйнага руху на Беларусі, як П. Гезка, М. Чаховіц, С. Будны, В. Цяпінскі і інш., што ўжо непасрэдна займаліся праблемамі праваразумення, крыніц права, прававога рэгулявання грамадскіх адносін і г. д.

Пасля далучэння Беларусі ў Галоўнай школе былога Вялікага Княства Літоўскага, а затым з 1803 г. у Віленскім універсітэце вучоныя займаліся прававымі пытаннямі, аб чым сведчаць працы І. Анацэвіча, М. Баброўскага, І. Даніловіча, І. Лялевеля, Т. Чацкага, Ю. Ярашэвіча. Пазначым, што з 47 прафесараў універсітэта 36 былі ўраджэнцамі Беларусі і Літвы. Асаблівая заслуга ў даследаванні прававой гісторыі Беларусі належыць І. Даніловічу, які з верас-

ня 1814 г. пачаў выкладаць у Віленскім універсітэце мясцовае (г. зн. беларускалітоўскае) права. Айчынныя навукоўцы займаліся тэарэтычнымі і гістарычнымі даследаваннямі, практычным удасканаленнем заканадаўства, прыкладам чаго можа служыЯць навуковая дзейнасць І. М. Даніловіча і яго ўдзел у падрыхтоўцы Зводу мясцовых законаў заходніх губерняў. Аб гэтым жа сведчаць даследаванні па гісторыі права, крымінальным і грамадзянскім праве У. Д. Спасовіча, а таксама тэарэтычная распрацоўка псіхалагічнай школы права Л. І. Петражыцкім і інш.

Некалькі пазней у расійскіх універсітэтах пачаў выкладацца прадмет агульнай тэорыі права, у сувязі з чым выдаваліся падручнікі знакамітых вучоных-тэарэтыкаў права – М. М. Каркунова, С. А. Мурамцава, Г. Ф. Шаршаневіча, В. М. Хвастова і інш. Адначасова выкладаліся асобныя курсы – «Гісторыя палітычных вучэнняў» (прафесар Маскоўскага ўніверсітэта Б. М. Чычэрын), «Гісторыя філасофіі права» (у Маскве – прафесар Г. Ф. Шаршаневіч, у Санкт-Пецярбургу – прафесар М. М. Каркуноў).

Гісторыка-прававыя даследаванні ў Расійскай імперыі вяліся ў асноўным адносна расійскай гісторыі. Толькі некаторыя навукоўцы (асабліва выхадцы з Беларусі) закраналі пытанні айчыннай гісторыі дзяржавы і права, прычым пераважна ў кантэксце гісторыі Расіі.

Больш значны перыяд у сферы айчыннай навуковай распрацоўкі прававых пытанняў пачаўся з узнаўленнем беларускай дзяржаўнасці на пачатку XX ст. і адкрыццём у 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Разам з У. І. Пічэтам, які стаў першым рэктарам БДУ, у БССР быў накіраваны шэраг вучоных, якія прымалі непасрэдны ўдзел у стварэнні БДУ, а потым займаліся выкладчыцкай і навуковай дзейнасцю. Напрыклад, Ф. Ф. Турук разам з У. І. Пічэтам ажыццяўляў падбор выкладчыцкіх кадраў, набываў кнігі для бібліятэкі і інш. Ён увайшоў у склад першага праўлення БДУ, зацверджанага ў ліпені 1921 г., а таксама стаў прафесарам па кафедры гісторыі Беларусі. Менавіта ён на факультэце грамадскіх навук у 1921–1922 гг. вёў заняткі па вывучэнні гістарычных крыніц права (прывілеяў і іншых заканадаўчых актаў ВКЛ). У. І. Пічэта і ўдзельнікі яго навуковай гістарычнай школы (А. В. Бурдзейка, Д. І. Даўгяла, В. Д. Дружчыц, Т. І. Забела, А. І. Таўсталес і інш.) унеслі значны ўклад у распрацоўку гісторыі Беларусі [3, с. 80].

Навуковыя даследаванні 1920–30-х гг. у БССР вельмі актывізаваліся з адкрыццём у 1922 г. Інстытута беларускай культуры, у складзе якога была створана камісія па савецкім будаўніцтве (пераўтвораная потым у прававую секцыю). У яе ўваходзілі не толькі штатныя супрацоўнікі ІБК, але і прадстаўнікі БДУ і дзяржапарату. Увогуле, з моманту адкрыцця Інбелкульта адбывалася самае цеснае ўзаемадзеянне і навуковае супрацоўніцтва ІБК і БДУ. Рэктар БДУ У. І. Пічэта, а таксама іншыя супрацоўнікі ўніверсітэта паспяхова сумяшчалі выкладчыцкую дзейнасць з працай у Інбелкульце. У. І. Пічэта стаў адным з 14 правадзейных членаў ІБК (па кафедры гісторыі права і гаспадаркі).

Нягледзячы на тое што кафедра тэорыі і гісторыі дзяржавы і права была аформлена ў БДУ толькі ў 1954 г., з моманту заснавання БДУ навукоўцы даследавалі тэарэтыка-прававыя і гістарычныя пытанні. Так, наркам асветы У. М. Ігнатоўскі, які стаў першым дэканам факультэта грамадскіх навук, займаўся не толькі

пытаннямі падрыхтоўкі юрыдычных кадраў, але і навуковымі даследаваннямі. Яго кнігі «Кароткі нарыс гісторыі Беларусі» (1919), «Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі» (1921), «Гісторыя Беларусі ў XIX і ў пачатку XX стагоддзя» (1923) выкарыстоўвалі і студэнты прававога аддзялення. Доўгі час (1921–1930) У. М. Ігнатоўскі з'яўляўся членам праўлення БДУ. У 1924 г., не парываючы сувязі з БДУ, ён узначаліў Інбелкульт, стаў яго старшынёй, прэзідэнтам [гл. падрабязн.: 4].

У гэты час даследаванні ў большасці былі адказам на пытанні, што ставіла практыка савецкага дзяржаўнага будаўніцтва. Так, праца М. М. Гуткоўскага «Сістэматычны паказчык (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай ССР за 1919–1928 гг.» (1929) з'яўлялася прыкладам цеснай сувязі навукі і практыкі. Адначасова правазнаўцаў цікавілі пытанні аб канстытуцыйным будаўніцтве, прававых формах узаемаадносін савецкіх рэспублік, прыродзе іх дзяржаўнага саюза і інш. Акрамя таго, Інбелькульт займаўся пытаннямі прававой гісторыі і пачаў выданне дзяржаўна-прававых актаў XVI–XVII стст., якія ўваходзілі ў склад Літоўскай метрыкі. Былі выдадзены тры тамы кнігі «Беларускі архіў» (1927–1930). Адметнай з'явай у сферы юрыдычных даследаванняў Інбелкульта былі таксама «Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы кафедры сучаснага права» – збор артыкулаў па розных галінах юрыдычнай навукі: дзяржаўнага, адміністрацыйнага, крымінальнага, цывільнага, зямельнага права, судаводства, гісторыі і тэорыі дзяржавы і права, якія выйшлі ў 1929 г. (М. В. Грэдзінгер, Р. Я. Парэчын, М. А. Каноплін, В. М. Шыраеў, С. Слупскі, Ф. І. Гаўзэ, М. М. Гуткоўкі, Е. А. Вішнеўскі, Р. А. Бонч-Асмалоўскі) [3, с. 80].

Аднак толькі ў пасляваенны перыяд пачаліся больш актыўныя навуковыя даследаванні ў сферы тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, асабліва пасля стварэння адпаведнай кафедры. Патрэбна адзначыць, што ў савецкі перыяд у вышэйшых навучальных установах СССР курс тэорыі і гісторыі дзяржавы і права вывучаўся на падставе тагачасных прававых уяўленняў і марксісцка-ленінскай ідэалогіі. Пры гэтым расійская тэарэтыка-прававая навука была вядучай і галоўным чынам яе прадстаўнікі (С. С. Аляксееў, У. К. Бабаеў, Р. З. Ліфшыц, В. В. Лазараў, М. М. Марчанка, А. В. Палякова, А. С. Пігалкін, С. В. Паленіна, Ю. А. Ціхаміраў, У. А. Чацвярнін і інш.) выдавалі розныя кнігі, у тым ліку і падручнікі для ВНУ, якімі карысталіся ва ўсім СССР. Па расійскіх падручніках у БДУ таксама вывучалася толькі гісторыя дзяржавы і права СССР.

Нягледзячы на гэта, у БДУ паступова пашыраюцца даследаванні па ўсіх кірунках прававой навукі, у тым ліку па тэорыі дзяржавы і права (В. А. Дарогін, С. Р. Драбязка), а некалькі пазней – па гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Так, складаным і супярэчлівым пытанням савецкага будаўніцтва і права прысвяцілі навуковыя працы В. А. Дарогін («Суверенитет в советском государственном праве», 1948), С. Р. Віхараў («Суверенитет Белорусской ССР в составе Союза ССР», 1958), С. Р. Драбязка («Право и материально-техническая база коммунизма», 1967), А. М. Абрамовіч («Государственное управление строительством в СССР», 1982), А. Г. Цікавенка («Начальник и подчиненный. Правовые аспекты служебных отношений», 1984). У 1958 г. у БДУ была выдадзена калектыўная праца «Очерки по истории государства и права БССР» (Б. Я. Бабіцкі, Ф. І. Гаўзэ, І. І. Гарэлік,

Г. А. Павецьеў, Л. А. Рудзіцкі, І. С. Тышкевіч, Ю. П. Смірноў, В. Ф. Чыгір), у якой з пазіцый тагачаснай савецкай гісторыка-прававой навукі разглядаліся пытанні развіцця дзяржавы і права БССР з моманту яе ўзнікнення да 1934 г. Больш актыўна пачалася распрацоўка гісторыка-прававых пытанняў пасля ўвядзення ў 1963 г. у БДУ вучэбнага курса «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», які распрацаваў І. А. Юхо. У 1969 г. калектывам аўтараў (Б. Я. Бабіцкі, А. А. Галаўко, Ф. І. Гаўзэ, В. А. Дарогін і інш.) была выдадзена другая кніга «Очерки по истории государства и права БССР», дзе разглядаліся пытанні развіцця дзяржавы і права Беларускай ССР з 1936 па 1968 г. Адказным рэдактарам і суаўтарам гэтай кнігі быў І. А. Юхо [3, с. 81].

Акрамя таго, асвятлялася міжнародная дзейнасць Беларускай ССР у працах Ю. П. Броўкі, Л. В. Паўлавай і іншых выкладчыкаў кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права БДУ. Значным дасягненнем у гэтай сферы сталі манаграфіі Ю. П. Броўкі «Международная правосубъектность БССР» (1967) і «Белорусская ССР – суверенный участник международного общения» (1974).

Пад кіраўніцтвам вядучых дактароў юрыдычных навук на кафедры сфарміраваўся шэраг навуковых школ, у тым ліку: «Прававое заканадаўства і заканамернасці яго ўдасканалення» (заснавальнік С. Р. Драбязка, 1972), «Праблемы тэорыі і метадалогіі дзяржавы і права» (А. М. Абрамовіч, 1988), «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» (І. А. Юхо, 1963).

Патрэбна адзначыць, што толькі з пачаткам перабудовы, а потым абвяшчэння суверэнітэту савецкіх рэспублік сталі пераглядацца адносіны да тэарэтыка-прававой навукі ў сувязі з неабходнасцю пераадолення прававых уяўленняў, несумяшчальных з каштоўнасцямі прававой сацыяльнай дзяржавы. У Расійскай Федэрацыі на падставе напрацовак дарэвалюцыйных вучоных пачаў выкладацца курс агульнай тэорыі права, сталі выдавацца новыя кнігі і падручнікі шматлікіх расійскіх тэарэтыкаў права (С. С. Аляксеева, У. К. Бабаева, М. І. Байціна, А. Б. Венгерава, В. В. Лазарава, А. Э. Лейста, Р. З. Ліфшыца, А. А. Лукашовай, А. В. Малько, М. І. Матузава, М. М. Марчанкі, А. А. Мацюхіна, У. С. Нерсесянца, С. В. Паленінай, А. В. Палякова, А. С. Пігалкіна, Ю. А. Ціхаміра ва, У. А. Чацверніна, Ю. В. Кудраўцава, В. М. Храпанюка і інш.).

У гэты перыяд актывізаваліся беларускія прававыя даследаванні. Так, істотны ўклад у распрацоўку тэарэтыка-прававой навукі ўнеслі айчынныя тэарэтыкі права (А. М. Абрамовіч, В. М. Арцёмава, А. Ф. Вішнеўскі, М. А. Гарбаток, С. Р. Драбязка, А. А. Зорчанка, С. В. Ліпень, А. У. Матусевіч, Н. У. Сільчанка, А. А. Сакалова і інш.). Па агульнай тэорыі права пачалі выдавацца вучэбныя дапаможнікі, у тым ліку А. Ф. Вішнеўскага, М. А. Гарбатка, У. А. Кучынскага (1998, 1999), С. Р. Драбязкі і В. С. Казлова (2003) і інш.

У публікацыях навукоўцаў БДУ (А. М. Абрамовіча, С. Р. Драбязкі, А. Г. Цікавенкі і інш.) пачала надавацца ўвага сутнасці і прызначэнню права, шляхам пабудовы дэмакратычнай сацыяльнай прававой дзяржавы ў Рэспубліцы Беларусь, праблеме сістэматызацыі права, тэарэтычным падставам удасканалення дзяржаўнага апарату і заканадаўства і інш. Напрыклад, С. Р. Драбязка ў сваіх працах вызначаў прыроду і сутнасць права як агульнасацыяльную палітычную

справядлівасць, пад чым разумеўся кампраміс, баланс інтарэсаў, што набывае характар агульнасацыяльнага, калі забяспечвае спалучэнне інтарэсаў індывіда, сацыяльных груп і дзяржавы, які ў сучасным грамадстве выражаецца шляхам дзяржаўнага ўстанаўлення прававога заканадаўства і яго ўдасканалення. А. М. Абрамовіч прысвяціў работы распрацоўцы праблем прававога забеспячэння дзяржаўнага кіравання, узаемаадносін цэнтральных і мясцовых органаў дзяржаўнага кіравання і інш. У працах А. Г. Цікавенкі разглядаліся пытанні кадравай палітыкі ва ўмовах перабудовы, прававых аспектаў службовых адносін і інш. Увогуле, усе члены кафедры (С. А. Калінін, У. М. Дубавіцкі, І. Л. Вяршок, Д. А. Лагун, В. Н. Матарас і інш.) у публікацыях падымалі і даследавалі шматлікія тэарэтыка-прававыя праблемы. У 2009 г. дацэнтам кафедры Д. А. Лагуном быў выдадзены курс лекцый «Общая теория права». Істотным дасягненнем кафедры стаў выхад у 2013 г. вучэбнага дапаможніка «Общая теория права».

Адбыліся якасныя змены ў сферы гісторыі дзяржавы і права. Так, І. А. Юхо, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубева, А. І. Арлоўская, У. М. Сатолін пачалі публікаваць шматлікія навуковыя артыкулы па праблемных пытаннях айчыннай гісторыі. Адначасова навукоўцы кафедры прымалі ўдзел у выданні вучэбных дапаможнікаў, перавыданні гістарычных нарматыўных актаў і падрыхтоўцы энцыклапедычных выданняў. Так, па ініцыятыве юрыстаў-гісторыкаў у 1989 г. быў выдадзены «Юрыдычны слоўнік». Яны ўдзельнічалі ў перавыданні знакамітага помніка права – Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588 г. (1989), падрыхтоўцы шэрагу энцыклапедычных выданняў: «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» ў 6 тамах (1994–2003), «Мысліцелі і асветнікі Беларусі» (1995), «Вялікае Княства Літоўскае» ў 2 тамах (2005–2006) і інш.

Удзельнікамі навуковай школы гісторыі дзяржавы і права быў апублікаваны шэраг манаграфій і вучэбных дапаможнікаў. Напрыклад, былі выдадзены манаграфіі Л. Л. Голубевай «Наследственное право феодальной Беларуси: по законодательству Великого княжества Литовского» (2002), Ю. П. Доўнар «Судовая рэформа XVI ст. у Вялікім Княстве Літоўскім» (2007), А. І. Адамюка «Военно-уголовная юстиция Беларуси» (2006) і інш. Прафесар Т. І. Доўнар апублікавала звыш 300 навуковых прац, у тым ліку восем манаграфій, падручнік, два курсы лекцый і звыш 15 вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў. У 2014 г. Т. І. Доўнар быў апублікаваны аўтарскі падручнік «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, у 2018 г. – манаграфія «Права Беларусі ў кантэксце гістарычнай эвалюцыі дзяржаўнасці». У 2017–2018 гг. ёй сумесна з дацэнтам А. І. Арлоўскай было выдадзена некалькі вучэбных дапаможнікаў «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі», прызначаных для юрыдычных устаноў вышэйшай адукацыі, а таксама сярэдняй спецыяльнай адукацыі. У 2018–2019 гг. Т. І. Доўнар прыняла ўдзел у падрыхтоўцы 1-га і 2-га тамоў пяцітомнай калектыўнай манаграфіі «Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении» і «Курс уголовного права. Общая часть. Учение о наказании».

На сучасным этапе супрацоўнікі кафедры не толькі забяспечваюць адукацыйны працэс для студэнтаў юрыдычнага факультэта па шэрагу вучэбных дысцыплін, але і паспяхова займаюцца навуковай распрацоўкай фундаментальных тэарэ-

тычных і гісторыка-прававых праблем, якія ў значнай ступені складаюць тэарэтычную аснову іншых галін права і прававых дысцыплін. З улікам айчыннага гістарычнага вопыту і прагрэсіўных напрацовак сусветнай юрыспрудэнцыі навукоўцы даследуюць фундаментальныя тэарэтычныя і гістарычныя праблемы дзяржавы і права, ствараюць практычныя рэкамендацыі па ўдасканаленні дзеючага заканадаўства і інш. Намаганні вучоных перш за ўсё накіраваны на выпрацоўку тэарэтычных падстаў найбольш эфектыўных спосабаў рэфармавання грамадскіх адносін у мэтах забеспячэння суверэнітэту і паступальнага развіцця Рэспублікі Беларусь, у тым ліку адносна ўдасканалення палітычнай сістэмы, пошукаў сродкаў больш эфектыўнай праватворчасці і г. д. Вучоныя-юрысты ўносяць пасільны ўклад у працэс удасканалення арганізацыі і дзейнасці дзяржаўнага апарату, кадыфікацыю заканадаўства, распрацоўку новых формаў і сродкаў забеспячэння законнасці як неабходнай умовы фарміравання грамадзянскай супольнасці і сацыяльнай прававой дзяржавы і інш.

Даследаванні праблемных і актуальных пытанняў у сферы юрыспрудэнцыі ажыццяўляюцца прадстаўнікамі навуковых школ кафедры ў кантэксце сусветных прававых тэндэнцый і цесным узаемадзеянні з усімі айчыннымі навуковымі арганізацыямі і міжнародным навуковым супольніцтвам, аб чым сведчаць сумесныя праекты навуковых даследаванняў і навуковыя публікацыі, навуковыя і навукова-практычныя канферэнцыі, на якіх падымаюцца і абмяркоўваюцца важнейшыя праблемы юрыдычнай навукі, адбываецца абмен вопытам з вучонымі іншых краін.

Важнай традыцыяй юрыдычнага факультэта стала ўшанаванне тых навукоўцаў старэйшага пакалення, якія ўнеслі самы значны ўклад у развіццё айчыннай прававой навукі. Пачатак гэтаму быў пакладзены менавіта кафедрай тэорыі і гісторыі дзяржавы і права, па ініцыятыве якой у 2011 г. была склікана міжнародная навуковая канферэнцыя «Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі», прысвечаная памяці заснавальніка навуковай гісторыка-прававой школы Беларусі, доктара юрыдычных навук, прафесара І. А. Юхо. Была выдадзена кніга, што апісвала яго жыццё і навуковую дзейнасць, а таксама матэрыялы канферэнцыі, галоўныя артыкулы якіх характарызавалі даследаванні І. А. Юхо, яго ўклад у развіццё навукі гісторыі дзяржавы і права Беларусі, значэнне і пераемнасць яго ідэй у сучаснай гісторыка-прававой навуцы і інш. [3, с. 81]. У 2012 г. адбылася міжнародная навуковая канферэнцыя «Актуальные вопросы совершенствования правовой системы на современном этапе», прысвечаная 90-годдзю з дня нараджэння заснавальніка навуковай школы тэорыі дзяржавы і права, доктара юрыдычных навук, прафесара С. Р. Драбязкі. У 2019 г. прайшла аналагічная канферэнцыя, прысвечаная сучаснаму кіраўніку навуковай школы гісторыі дзяржавы і права, доктару юрыдычных навук, прафесару Т. І. Доўнар.

Акрамя таго, навукоўцы кафедры сістэматычна ладзілі навуковыя канферэнцыі, прысвечаныя знакамітым айчынным помнікам права. Напрыклад, у 2018 г. адбылася міжнародная навуковая канферэнцыя «Статут Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага 1588 г.: да 430-годдзя выдання», у 2019 г. – «Статут Вялікага Княства Літоўскага 1529 года і яго гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне». Увогуле, толькі за апошнія пяць гадоў навукоўцы кафедры прынялі

ўдзел звыш як у 30 навуковых, навукова-практычных канферэнцыях і круглых сталах, у тым ліку: «Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества» (Яраслаўль, 2015), «Теоретико-методологические и конституционные основы устойчивого развития национальной правовой системы в условиях региональных и глобальных процессов в контексте защиты прав человека и построения правового государства» (Мінск, 2015), «Правотворчество и правоприменение как фактор эффективного развития современных экономических систем» (Гродна, 2016), «Конституционные права и свободы: проблемы интепретации и реализации в национальных правовых системах» (Наваполацк, 2016), «Устойчивость и прогрессивное развитие правовых систем в контексте интеграционных процессов» (Гродна, 2017), «Традиции университета: от Франциска Скорины до современности» (Мінск, 2017), «1917 год у гістарычных лёсах Беларусі» (Мінск, 2017), «Тенденции развития права в социокультурном пространстве: Жидковские чтения» (Масква, 2017), «Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития» (Гродна, 2018), «Роль университетского образования и науки в современном обществе» (Мінск, 2019), «Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях», «Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества» (Минск, 2019) і інш. Тэматыка канферэнцый і навуковых дакладаў сведчыць аб актуальных кірунках прававых даследаванняў кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права.

Патрэбна адзначыць, што навукоўцы кафедры не толькі паспяхова распрацоўваюць усе напрамкі прававой навукі, але і займаюцца падрыхтоўкай і навуковай экспертызай праектаў новых нарматыўных актаў. Акрамя таго, яны прымалі ўдзел у выданні «Беларускай юрыдычнай энцыклапедыі» (т. 1–4, 2007–2013), рэцэнзіраванні і рэдагаванні манаграфій, вучэбных дапаможнікаў, экспертызе і апаніраванні шматлікіх дысертацыйных даследаванняў, экспертызе і ацэнцы вынікаў навукова-даследчай работы і інш.

Важным кірункам дзейнасці кафедры з'яўляецца сістэматычны ўдзел у выкананні дзяржаўных комплексных праграм навуковых даследаванняў. Навукоўцы ўдзельнічалі таксама ў прававых даследаваннях у складзе ЧНК па дагаворах з Беларускім рэспубліканскім фондам фундаментальных даследаванняў, выконвалі навукова-даследчыя працы па заказе шэрагу міністэрстваў і г. д.

У выніку кафедральных даследаванняў былі зроблены дасканалыя і аргументаваныя навуковыя вывады і прапановы. Напрыклад, былі сфармуляваны базавыя палажэнні антрапалагічнага і аксіялагічнага падыходаў да вывучэння і ўдасканалення сацыяльна-прававой рэчаіснасці; паказаны шэраг асаблівасцей змен і развіцця беларускай дзяржаўнасці пад уплывам усходняй і заходняй традыцый хрысціянскай дзяржаўнасці; выяўлены асаблівасці развіцця беларускай дзяржаўнасці і прававой сістэмы ў кантэксце асаблівага геапалітычнага становішча яе тэрыторыі; выяўлены тэндэнцыі развіцця і трансфармацыі сістэм нацыянальнага права і дзяржавы ў межах цывілізацыйнага падыходу, іх дынамікі ва ўмовах глабалізацыі і рэгіяналізацыі і інш. Па выніках даследаванняў быў выпрацаваны шэраг навуковых рэкамендацый і прапаноў, у тым ліку па пытаннях юрыдычнай тэрміналогіі, сістэматызацыі заканадаўства,

эфектыўнай нормatворчасці і правапрымянення, удасканаленні прававой сістэмы Рэспублікі Беларусь і інш. Навуковыя рэкамендацыі і практычныя прапановы кафедры накіроўваліся ў праватворчыя органы Рэспублікі Беларусь, у Канстытуцыйны Суд Рэспублікі Беларусь, Вярхоўны Суд і Вышэйшы Гаспадарчы Суд Рэспублікі Беларусь, Міністэрства юстыцыі і Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і іншыя рэспубліканскія ўстановы. Многія з іх былі ўхвалены (напрыклад, рашэннем НЦЗіПД ад 23.04.2013 па пытаннях тэарэтыка-прававых асноў удасканалення прававой сістэмы Рэспублікі Беларусь), а затым выкарыстаны пры падрыхтоўцы праектаў нарматыўных актаў Рэспублікі Беларусь. Тым самым яны былі рэалізаваны як у заканадаўстве, так і на практыцы.

Акрамя таго, вынікі навуковых даследаванняў былі ўкаранёны ў вучэбны працэс і зараз выкарыстоўваюцца пры выкладанні юрыдычных дысцыплін, падрыхтоўцы падручнікаў, вучэбных дапаможнікаў і іншых вучэбных і вучэбна-метадычных матэрыялаў.

У сувязі з актыўнай дзейнасцю кафедры і навуковых школ адбылося іх грамадскае прызнанне. Аб гэтым сведчыць, напрыклад, удзел яе прадстаўнікоў у важных дзяржаўных органах і грамадскіх арганізацыях. Так, прафесар А. М. Абрамовіч з'яўляўся членам Камітэта канстытуцыйнага нагляду СССР, старшынёй Цэнтральнай камісіі па выбарах народных дэпутатаў Рэспублікі Беларусь, намеснікам кіраўніка Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, намеснікам старшыні Савета Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, членам экспертнага савета ВАК Рэспублікі Беларусь і інш. Ён быў адным з распрацоўшчыкаў канцэпцыі ўдасканалення Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, якая знайшла адлюстраванне ў новай рэдакцыі Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, прынятай на рэферэндуме 24 лістапада 1996 г. Пад яго кіраўніцтвам была праведзена комплексная сістэматызацыя і кадыфікацыя нацыянальнага заканадаўства ў 1996–2003 гг. Прафесары С. Р. Драбязка і І. А. Юхо прымалі ўдзел у распрацоўцы Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь 1994 г., уносілі прапановы па ўдасканаленні дзеючага заканадаўства. Загадчык кафедры С. А. Калінін з'яўляецца членам навукова-кансультацыйнага савета Нацыянальнага цэнтра прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь, членам вучонага савета Нацыянальнага цэнтра заканадаўства і прававых даследаванняў Рэспублікі Беларусь, членам навукова-кансультацыйнага савета Парламенцкага сходу Саюза Беларусі і Расіі і інш. Увогуле, многія члены кафедры прымаюць актыўны ўдзел у рабоце грамадскіх арганізацый, кансультацыйных саветаў дзяржаўных органаў, рэдакцыйных саветаў айчынных і замежных навуковых часопісаў і інш.

Важна, што навуковыя працы многіх удзельнікаў кафедры цытуюцца ў замежных публікацыях, даследаваннях маладых навукоўцаў, аспірантаў, саіскальнікаў навуковых ступеняў кандытатаў і дактароў юрыдычных навук. Прадстаўнікі кафедры запрашаюцца ў якасці арганізатараў і ўдзельнікаў міжнародных і рэспубліканскіх навуковых, навукова-практычных канферэнцый, круглых сталоў і інш.

У цэлым навуковая дзейнасць кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права БДУ ажыццяўляецца ў цеснай сувязі з айчыннымі навуковымі арганізацыямі, адукацыйнымі ўстановамі і міжнароднымі навуковымі згуртаваннямі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Юхо І. Хто складаў Літоўскі Статут // Беларусь. 1958. № 3. С. 31.
2. Доўнар Т. І. Андрэй Волан (Валян) – беларускі філосаф і правазнаўца XVI стагоддзя // Юстыцыя Беларусі. 2012. № 8. С. 75–77.
3. Доўнар Т. І. Гісторыка-прававая навука ў Беларускім дзяржаўным універсітэце // Традиции университета: от Франциска Скорины до современности : сб. материалов междунар. науч. конф., Минск, 26–27 окт. 2017 г. / редкол.: С. Н. Ходин [и др.]. Минск, 2017. С. 77–82.
4. Інстытут беларускай культуры. 1922–1928: дакументы і матэрыялы / склад.: В. У. Скалабан, М. У. Токараў. Мінск, 2011.

С. Г. Дробязко

(1922–2019)

доктор юридических наук

ПРИНЦИПЫ В ПРАВЕ[1]

Термин «принцип» (от лат. *principium* – начало, первооснова) воспринят всеми науками, в том числе юриспруденцией. Теоретическую и практическую значимость этого понятия, а точнее категории, переоценить невозможно. Правильное понимание принципов и руководство ими имеют колоссальное значение для каждого человека. Академик А. И. Берг по этому выводу высказался так: «Без принципов человек похож на корабль без руля и компаса», а Н. Г. Чернышевский справедливо заметил: «У кого не уяснены принципы во всей логической полноте и последовательности, у того не только в голове сумбур, но и в делах чепуха». «Армия принципов, – утверждал Т. Пейн, один из теоретиков и разработчиков конституции США, – прорвется там, где не пройдет армия солдат».

Принципы присущи абсолютно всем явлениям и процессам.

Значимость для человечества тех или иных явлений и процессов как таковых непосредственно и представляется важностью именно их принципов, поскольку они олицетворяют динамическое, а значит главное, проявление их сущности. От правильного, истинного теоретического понимания принципов напрямую зависит и их претворение в жизнь.

---

[1] Друкуецца паводле: *Дробязко С. Г.* Принципы в праве // Проблемы развития юридической науки и совершенствование правоприменительной практики : сб. науч. тр. Минск, 2005. С. 27–33.

Из всех принципов, свойственных тем или иным явлениям, особо важное значение имеют правовые принципы, потому что только право является единственным базовым общесоциальным, универсальным, интегративным, обязательным, охраняемым государством, самым справедливым и постоянно совершенствуемым регулятором всех жизненно важных общественных отношений.

Исключительно важное значение принципы права обретают в условиях объективной необходимости усиления роли права в контексте формирования правового государства и правового гражданского общества.

В новейшей же юридической литературе, особенно учебной, правовые принципы либо вовсе не рассматриваются, либо характеризуются усеченно – только собственно-правовые (специально-юридические), оставляя в стороне социально-правовые.

Так, в курсе лекций по общей теории государства и права под редакцией А. Ф. Вишневского о принципах права не сказано ни одного слова[1]. Не рассматриваются принципы права как таковые и в весьма объемистом курсе лекций по общей теории права А. В. Полякова, хотя в разделе «Право и ценности» о некоторых из правовых принципов и говорится (свобода, равенство и др.)[2].

Всего шесть принципов права характеризуются В. К. Бабаевым (демократизм в формировании и реализации права, законность, национальное равноправие, гуманизм, равенство граждан перед законом, взаимная ответственность государства и личности)[3]. Шесть принципов права называет и О. И. Цибулевская, но они отличаются от вышеназванных (социальная справедливость, равноправие граждан, единство прав и обязанностей, гуманизм, сочетание убеждения и принуждения в праве, демократизм)[4]. В. Д. Перевалов и В. И. Леушин усматривают в праве также шесть принципов, но они не однозначны в сравнении с другими названными выше «шестерками»: справедливость, уважение прав человека, равноправие, законность, правосудие, правовые аксиомы (закон обратной силы не имеет; дозволено все, что не запрещено законом; никто не может быть судьей в собственном деле; нельзя осуждать дважды за одно и то же правонарушение)[5].

Приведенные шесть разноречивых принципов права в интерпретации различных правоведов свидетельствуют о том, что у права значительно больше шести принципов. И не случайно уже о семи принципах правового регулирования (специально-юридических принципах) речь идет в учебнике под редакцией А. С. Пиголкина (свобода, справедливость, юридическое равенство, ответственность за

---

[1] Общая теория государства и права : курс лекций / под общ. ред. А. Ф. Вишневского. Минск, 1998.

[2] *Поляков А. В.* Общая теория права. СПб., 2003. С. 319–340.

[3] Общая теория права / под ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 128–121.

[4] Курс лекций по теории государства и права / под ред. Н. Т. Разгельдеева. Саратов, 1993. Ч. 1. С. 67–68.

[5] Теория государства и права / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. М., 1997. С. 239.

вину, единство юридических прав и обязанностей, законность, единство объективного и субъективного права, государственная гарантированность)[1].

В. Н. Хропанюк выделяет восемь правовых принципов (социальная свобода, социальная справедливость, демократизм, гуманизм, равноправие, единство юридических прав и обязанностей, ответственность за вину, законность)[2].

Девять специальных юридических принципов формулирует М. Н. Марченко: непротиворечивость норм, составляющих действующую правовую систему государства, и приоритет закона перед иными нормативными правовыми актами; подразделение правовой системы государства на публичное и частное право, на относительно самостоятельные отрасли и институты права; соответствие между объективным и субъективным правом, между нормами права и правовыми отношениями, между правом и его осуществлением; социальная свобода, выраженная в системе субъективных прав субъектов общественных отношений, равенство перед законом и судом – равноправие; законность и юридическая гарантированность прав и свобод личности, зафиксированных в законе, связанность нормами законодательства деятельности всех должностных лиц государственных органов; справедливость, выраженная в равном юридическом масштабе поведения и строгой соразмерности юридической ответственности допущенному правонарушению; юридическая ответственность только за виновное противоправное поведение и признание каждого невиновным до тех пор, пока вина не будет установлена в судебном порядке – презумпция невиновности; недопустимость обратной силы законов, устанавливающих новую или более тяжелую юридическую ответственность, и гуманность наказания, способствующего исправлению осужденного[3].

Л. С. Явич характеризовал в социалистическом праве 19, а затем – 22 принципа[4].

Л. Р. Сюкияйнен утверждает, что в мусульманском праве из пяти основных принципов со временем были выделены 99 принципов и затем в XIX в. канонизированы[5]. Каковы же причины такого разнобоя в интерпретации правовых принципов и из чего же следует исходить при их выявлении и осмыслении?

Причин много, но главные заключаются в том, что, во-первых, само понятие правовых принципов некоторыми правоведами дается расплывчато и разноречиво в силу усеченного понимания сущности права, особенно теми, кто под сущностью понимает государственную волю и нормативность; во-вторых, недооценивается значение природы права как фактора, непосредственно предопределяющего характер правовых принципов; в-третьих, не определяется место принципов в соотношении между сущностью права и его содержанием (норма-

---

[1] Общая теория права : учеб. для юрид. вузов / под ред. А. С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 280.

[2] *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. М., 1995. С. 216–218.

[3] Общая теория государства и права : акад. курс : в 2 т. М., 1998. Т. 2 : Теория права. С. 24–25.

[4] Теория государства и права / отв. ред. А. И. Королев, Л. С. Явич. Л., 1982. С. 216–218 ; Теория государства и права. 2-е изд. Л., 1988. С. 288–291.

[5] Государство и право. 1996. № 5. С. 107.

ми); в-четвертых, не учитывается значимость для понимания правовых принципов сущности регулируемых правом предметов, сфер, объектов.

Согласно М. И. Байтину, «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права»[1]. Исходя из этой дефиниции, принципы права непосредственно предопределяются не сущностью права, а некоей основой (нравственной и организационной), неизвестно откуда и каким образом появившейся и представляющей собой исходные, определяющие идеи, положения, установки, относящиеся и к возникновению, и к развитию, и к функционированию права.

По В. К. Бабаеву, «принципы права – основополагающие идеи, начала, выражающие сущность права и вытекающие из генеральных идей справедливости и свободы»[2]. Правильно подчеркивая выражение принципами права его сущности, автор почему-то наряду с природой права ведет речь о справедливости и свободе как о каких-то генеральных идеях, неизвестно откуда почерпнутых. В. Н. Хропанюк утверждает: «Принципы права – это основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни»[3]. Принципы права, безусловно, связаны с закономерностями общественной жизни. И в ряде случаев принципы юридически закрепляют объективные законы, но лишь тогда, когда принципы и закономерности совпадают. Но, как правило, принципы конкретизируют закономерности. В действительности же правовые принципы, а точнее – социально-правовые принципы, в процессе правового упорядочения регулируемых сфер юридически закрепляют их принципы (экономические, политические и иные), что особенно характерно отражается в основных законах – конституциях.

Чтобы точнее определить принципы в праве, необходимо исходить из истинной его природы. В понимании сущности права до сих пор продолжается спор. Но в этом споре следует все-таки считаться, во-первых, с позицией наиболее выдающихся, гениальных умов человечества на протяжении всей истории цивилизации, а во-вторых, видеть реальную тенденцию во всемирном законодательстве – его гуманизацию, а значит, торжество справедливости.

Гениальные мыслители всех эпох, начиная с рабовладельческой, особенно с Сократа, Платона, Аристотеля, Цицерона, Папиниана, Ульпиана, Гая, Модестина, Павла; феодальной – А. Августина, Ф. Аквинского, М. Падуанского; буржуазной – Г. Гроция, Б. Спинозы, Т. Гоббса, Д. Локка, Ж. Ж. Руссо, Ш. Монтескье и кончая известными современными правоведами (Р. Дворкин, В. С. Нерсесянц и многие другие), – все они исходят из того, что главное в праве – справедливость. Академик В. С. Нерсесянц справедливо подчеркивает: «справедливость – внутреннее свойство и качество права», «более того, только право и справедливо», «справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву»,

---

[1] *Байтин М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 123.

[2] Общая теория права. Н. Новгород, 1993. С. 128.

[3] *Хропанюк В. Н.* Теория государства и права. С. 215.

«право – это всеобщая справедливость»[1]. Конечно, для каждой эпохи существует своя социальная справедливость. Но она всегда остается как таковая по понятию, не говоря уже о поистине вечных общечеловеческих ценностях (свобода, равенство, безопасность и многие другие).

Итак, сущностью права как фактора, непосредственно предопределяющего его принципы, в известной мере конкретизирующегося в них, является справедливость, а точнее – политическая общесоциальная справедливость как баланс интересов всех социальных групп, личности и общества, которую и должны выражать посланцы народа – депутаты парламентов в процессе их законодательной деятельности. В связи с этим принципы должны быть включены и в дефиницию права, ибо право – это не только нормы, но и принципы и, пожалуй, прежде всего принципы.

Право – это верховенствующий, универсальный, интегративный, охраняемый государством регулятор, выражающий политическую общесоциальную справедливость в системе принципов и формально определенных норм, точно определяющих круг субъектов права и правовых отношений, их юридические права, обязанности и гарантии с целью обеспечения социального прогресса.

В дефиниции принципов права следует четко определить их место между сущностью и содержанием права.

Предпринятая в юридической литературе попытка отразить в дефиниции соотношение принципов права не только с его сущностью, но и содержанием имеет место тогда, когда их определяют как «руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение в обществе»[2]. Однако такое определение принципов права не дает четкого понимания их места и роли в соотношении между сущностью и содержанием права. Реально же принципы права вытекают, выводятся из его сущности, конкретизируют ее и напрямую предопределяют, ориентируют, направляют содержание права, т. е. устанавливаемые нормы. Если нормы образуют правовое «тело», то принципы – его «душу». Это – собственно-правовые, сугубо юридические принципы права в узком смысле, или, как их еще именуют, специальные юридические принципы.

Таких принципов, как уже отмечалось в московских учебниках под редакцией А. С. Пиголкина, семь, а под редакцией М. Н. Марченко – девять. В действительности же их значительно больше. И чем конкретнее подходить к существующим в праве собственно-правовым принципам, тем лучше они будут служить практическому установлению именно правовых норм и их эффективной реализации.

К собственно-правовым принципам следует отнести: точность в определении круга субъектов права и субъектов правовых отношений, их юридических прав, обязанностей и гарантий; единство юридических прав и обязанностей; формальная определенность юридических норм; иерархичность принципов, источников (форм); приоритет закона; презумпция невиновности; юридическая ответственность за вину; взаимная ответственность государства и личности; соответствие наказания тяжести, опасности содеянного правонарушения; сочетание убеждения и принуждения; последующий закон отменяет преды-

[1] *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 65–66, 71.

[2] Теория государства и права / отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. М., 1997. С. 237.

дущий; закон, устанавливающий усиление юридической ответственности, обратной силы не имеет; неотвратимость ответственности за совершенное правонарушение; системность в правовом регулировании; законность в правовой регламентации; правовой порядок в упорядочении всех общественных отношений, нуждающихся в правовой защите; систематизация законодательства; конституционализм; верховенство права.

Кроме сугубо юридических (собственно-правовых) принципов в праве имеются социально-правовые принципы. Их наличие обусловлено интегративным характером природы права, неизбежно аккумулирующего в себе как общесоциальном регуляторе, во-первых, все самое справедливое, что имеется у других регуляторов (обычаи, нравственность, религия и др.), а во-вторых, те принципы, которые присущи регулируемым правом сферам, явлениям (экономической, политической, нравственной и др.).

Для современных правовых систем, как свидетельствуют об этом конституции цивилизованных государств, характерны следующие группы социально-правовых принципов: 1) нравственно-правовые (общечеловеческая справедливость, свобода, юридическое равенство всех перед законом, социальная солидарность, безопасность, гласность, гуманизм (человек – высшая ценность), веротерпимость, защита социально слабых, гармоническое сочетание личных и общественных интересов, стимулирование социально полезной активности субъектов правоотношений;

2) политико-правовые (народовластие, самоуправление, подконтрольность государственной власти народу, политический плюрализм, разделение властей, сочетание национального и интернационального, интересов региона и центра; 3) экономико-правовые (экономический плюрализм, паритетность форм собственности, свобода конкуренции, свободный труд, безопасность труда, оплата по труду, экономическое содействие развитию малого и среднего предпринимательства, антимонополизм); 4) эколого-правовые (охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов).

Из вышесказанного следует, что принципы в праве – это исходные, непререкаемые положения, наиболее характерно выражающие его сущность и сущность регулируемых им объектов, предопределяющих содержание права, установление и реализацию его норм.

Собственно-правовые и социально-правовые – это два типа, две большие группы общеправовых принципов.

Кроме такой классификации, в частности, М. И. Байтин подразделяет принципы на морально-этические (нравственные) и организационные. М. И. Марченко группирует принципы в зависимости от их характера, типа правовой системы, сферы распространения. П. М. Рабинович выделяет типологические, конкретно-исторические, отраслевые, межотраслевые, общечеловеческие.

Вычленяются и другие виды правовых принципов в зависимости от множества критериев, закладываемых в их классификацию.

Если исходить из иерархичности принципов в праве, то их следует разграничивать на общеправовые, международно-правовые, правовой семьи, национальной правовой системы, а в пределах отдельной правовой системы –

на общесистемные, межотраслевые, отраслевые, институциональные, а также глобально-системные, общечеловеческие, исторические (эпохальные, формационные, этапные, переходного периода).

Принципы права вырабатываются людьми сознательно на основе объективно обусловленных потребностей развития общества по пути обеспечения социального прогресса, исходя из закономерностей развития и функционирования права и механизма действия объективных законов возникновения, развития и функционирования упорядочиваемых правом объектов в конкретных исторических условиях. Правовые принципы формулируются в нормах-принципах права или же выводятся из духа права.

І. М. Ігнаценка
(1919–2002)
доктар гістарычных навук

НАША ГІСТОРЫЯ[1]

Рэвалюцыя ў Германіі стварыла ў заходняй частцы Савецкай Расіі новую палітычную сітуацыю. Урад РСФСР ануляваў Брэсцкі мірны дагавор з Германіяй. У вызваленых ад германскай акупацыі раёнах аднаўлялася Савецкая ўлада. У тэлеграме галоўкому І. І. Вацэцісу ад 29 лістапада 1918 г. У. І. Ленін указваў: «З прасоўваннем нашых войск на Захад і на Украіну ствараюцца абласныя часовыя Савецкія ўрады, закліканыя ўмацоўваць Саветы на месцах. Гэта акалічнасць мае той добры бок, што пазбаўляе магчымасці шавіністаў Украіны, Літвы, Латвіі, Эстляндыі разглядаць рух нашых часцей як акупантаў і стварае спрыяльную атмасферу для далейшага прасоўвання нашых войск»[2].

У пастанове УЦВК аб ануляванні Брэсцкага міру было падкрэслена, што працоўныя масы Расіі, Ліфляндыі, Эстляндыі, Польшчы, Літвы, Украіны, Фінляндыі, Крыма, Каўказа «прызначаны цяпер самі вырашаць свой лёс»[3].

Але ні ў тэлеграме І. І. Вацэцісу, ні ў пастанове УЦВК аб ануляванні Брэсцкага міру нічога не гаварылася пра Беларусь. Вядома, што пасля таго, як А. Луцкевіч ухіліўся ад працягу і завяршэння перагавораў з урадам РСФСР, эвакуацыі Урада

---

[1] Друкуецца паводле: *Ігнаценка І. М.* Старонкі гісторыі: да 80-годдзя ўтварэння БССР. Мінск, 1998.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 237.

[3] Советско-германские отношения. 1917–1918 гг. : сб. док. М., 1968. Т. 1. С. 679–680.

Народных міністраў БНР у Вільню, у Беларусі складвалася новая палітычная абстаноўка: Урад БНР пакінуў яе тэрыторыю, і ў Мінск усё яшчэ не вяртаўся са Смаленска Албвыканкомзах. Уладу ўзяў у свае рукі Мінскі губрэўком.

Як цяпер стала вядома, гэта не з'яўлялася выпадковасцю. У той час ЦК РКП(б) і Савецкім урадам РСФСР выпрацоўвалася іншая палітыка ў адносінах да Беларусі. Ёсць падстава лічыць, што перспектыва Беларусі непасрэдна звязвалася са спадзяваннем на рэвалюцыйныя падзеі ў Польшчы і Літве. Са Звароту Краявога Камітэта КП(б) Заходняй Беларусі і Літвы і Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта польскіх камуністычных груп у Расіі «Да працоўных мас Беларусі» можна меркаваць, што ЦК РКП(б) праводзіў лінію на максімальнае выкарыстанне рэвалюцыйнай энергіі беларускага народа ва ўсеагульнай барацьбе разам з польскімі і літоўскімі працоўнымі, не абмяжоўваў яе толькі ўпарадкаваннем «сваіх беларускіх спраў».

У. І. Ленін разлічваў, што пасля адыходу германскіх войск з Польшчы польская нацыянальная буржуазія не зможа ўстанавіць сваю ўладу. Ён пісаў: «...Польшча ведае, што гэтай нацыянальнай буржуазіі не пратрымацца аднаго дня, калі адыдуць нямецкія акупацыйныя войскі...». Ленін ведаў, што ўрад ЗША развіў дыпламатычную актыўнасць у мэтах падтрымкі польскай буржуазіі, што Антанта і ўрад Вільсана «...засыпалі тэлеграмамі з просьбай аб тым, каб пакінуць нямецкія войскі ў Польшчы»[1].

У гэтых абставінах пад націскам маршала Фоша нямецкія войскі, якія адступалі з тэрыторыі Беларусі, усяляк спрабавалі затрымацца на заходніх межах Гродзенскай губерні, каб пазбавіць магчымасці Чырвоную Армію рухацца далей на Захад, у Польшчу, усходняя частка якой да самавызначэння ўваходзіла ў склад Расіі.

Тым часам у Польшчы пры падтрымцы Антанты і ЗША адбыўся дзяржаўны пераварот. Упаду захапілі рэакцыйныя сілы, якія разгарнулі падрыхтоўку вайсковай інтэрвенцыі ў Савецкую Расію.

У гэтых абставінах Савецкі ўрад тэрмінова выпрацоўваў новую палітыку, палітыку абароны рэвалюцыі, якая адбылася ў Расіі. ЦК РКП(б) і ўрад РСФСР прызналі неабходным утварыць уздоўж заходняй граніцы ланцуг савецкіх рэспублік. Па стану на канец лістапада 1918 г. ужо былі створаны Эстонская, Латвійская, Літоўская рэспублікі, у снежні 1917 г. – Украінская рэспубліка. Але ў гэтым ланцугу адсутнічала адно звяно – Беларуская рэспубліка. У новых умовах, калі ўсе надзеі на неадкладную рэвалюцыю ў Польшчы аказаліся нерэальнымі, ЦК РКП(б) і Савецкі ўрад павінны былі шукаць выйсце з таго становішча, якое стварылася. Закрыць акно на граніцы з Польшчай можна было абвяшчэннем Беларускай рэспублікі. На гэты час у ЦК РКП(б) і ўрада Расіі канкрэтнага плана вырашэння беларускага пытання яшчэ не было.

Між тым яно хвалявала грамадскасць у самой Беларусі. 13 снежня 1918 г. Мінскі губрэўком накіраваў тэлеграму Паўночна-Заходняму АК РКП(б), у якой

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 150.

уносіў прапанову ўключыць у парадак дня VI абласной партыйнай канферэнцыі пытанне аб утварэнні Беларускай рэспублікі. Не атрымаўшы адказу, губрэўком зараз жа звярнуўся з гэтай прапановай да старшыні УЦВК, сакратара ЦК РКП(б) Я. М. Свярдлова. Але і ён не даў адказу на зварот губрэўкома. На нашу думку, гэта не азначала, што ЦК РКП(б) і ўрад Расіі негатыўна адносіліся да самавызначэння Беларусі.

Больш верагодным з'яўлялася другое: да пытання аб самавызначэнні Беларусі прымешвалася палітыка, якую праводзіў ЦК РКП(б) у мэтах экспарту рэвалюцыі ў заходнія краіны. Вырашэнне пытання аб самавызначэнні Беларусі затрымлівалася ў сувязі з тым, што ў ЦК РКП(б) усё яшчэ не было дадатковых падстаў лічыць, што ў Польшчы адсутнічалі ўмовы для пралетарскай рэвалюцыі. Такі вывад стаў фактам толькі ў трэцяй дэкадзе снежня. Пасля гэтага з маланкавай хуткасцю пачаў развівацца працэс вырашэння лёсу Беларусі.

Утварэнне Беларускай рэспублікі дыктавалася ваенна-палітычнай сітуацыяй. Патрабавалася неадкладна закрыць акно на граніцы з Польшчай, каб зрабіць немагчымым пранікненне імперыялістычных сіл непасрэдна на тэрыторыю Беларусі. ЦК РКП(б) меркаваў, што абвяшчэнне Беларускай рэспублікі менавіта ў гэты час будзе садзейнічаць умацаванню міжнароднага становішча Савецкай краіны, абароне Савецкай улады. Вырашаючы пытанне аб самавызначэнні Беларусі, ЦК РКП(б) кіраваўся многімі меркаваннямі.

Тэрміновае ўтварэнне ў канцы 1918 – пачатку 1919 г. Беларускай рэспублікі быццам бы выклікана ўнутранымі заканамернасцямі будаўніцтва новага жыцця, бо самавызначэнне яе быццам бы стварала найбольш спрыяльныя ўмовы для развіцця эканомікі, культуры беларускага народа. Такі погляд выказаны ў гістарычнай літаратуры.

Між тым у канцы 1918 – пачатку 1919 г. у дзейнасці ЦК РКП(б) і ўрада Расіі галоўнай задачай было не сацыялістычнае будаўніцтва, а мабілізацыя ўсіх сіл для вядзення вайны. Па свайму характару ў гэтай вайне рашаліся не ўнутраныя, а міжнародныя пытанні. Палітыка РКП(б) і Савецкага ўрада на чале з У. І. Леніным была скіравана на захаванне любымі сродкамі Савецкай улады. Дзевяць дзесятых увагі і практычнай дзейнасці партыі і ўрада былі прысвечаны ўсталяванню ўлады пралетарыяту, ліквідацыі ўсялякай магчымасці вяртання да ўлады буржуазіі і памешчыкаў.

Адносна гэтага пытання ў прамове на I Усебеларускім з'ездзе Саветаў 2 лютага 1919 г. Я. М. Свярдлоў гаварыў, што ва ўмовах затрымкі рэвалюцыі ў буйных краінах Еўропы неабходнасць абароны вынікаў Кастрычніцкай рэвалюцыі станавілася яшчэ больш актуальнай, а магчымасці такой абароны вельмі ўскладняліся. Менавіта таму ўтварэнне савецкіх рэспублік дыктавалася міжнароднымі ўмовамі.

Аб гэтым выразна сказана ў рэзалюцыі I з'езда КП(б)Б. «Каб абараніць свабоду працоўных слаёў, народаў, якія падымаюцца, каб процістаяць націску банд і цёмных полчышчаў імперыялізму, што цесным кальцом акружаюць нас, каб яшчэ больш умацаваць заваёвы расійскага пралетарыяту і садзейнічаць спыненню ім наступлення драпежніцкага ворага, які паставіў задачу зневажання заваёў пралетарыяту і свабодных правоў нацый з мэтай усталявання

фактычна буржуазнага самавызначэння народа, тым самым беспрасветнага разгулу капіталу, VI абласная канферэнцыя бальшавікоў лічыць неабходным, – гаварылася ў рэзалюцыі, – абвясціць самастойную сацыялістычную рэспубліку Беларусь…»[1].

Утвораны Часовы Рабоча-Сялянскі ўрад, які ўзначаліў З. Ф. Жылуновіч, у ноч з 1 на 2 студзеня 1919 г. абнародаваў Маніфест аб абвяшчэнні Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі.

8 студзеня Часовы ўрад і ЦБ КП(б)Б пераехалі з Смаленска ў Мінск – сталіцу БССР. Пачалася падрыхтоўка да І Усебеларускага з'езда Саветаў, адкрыццё якога было прызначана на 2 лютага. У сувязі з гэтым на месцах адбыліся павятовыя з'езды Саветаў, на якіх выбіраліся дэлегаты на Усебеларускі з'езд.

Але яшчэ да адкрыцця з'езда, без папярэдняга абмеркавання з урадам БССР і ЦБ КП(б)Б, 16 лютага ЦК РКП(б) прыняў рашэнне аб выдзяленні з БССР Віцебскай, Смаленскай і Магілёўскай губерняў. У складзе засталіся Мінская і Гродзенская губерні. ЦК РКП(б) прапанаваў, каб БССР звярнулася да РСФСР з прапановай пачаць перагаворы аб федэрацыі. З такой жа прапановай з'езду Саветаў БССР было рэкамендавана звярнуцца да Літвы, Латвіі і Эстоніі. На з'ездзе Саветаў Беларусі было прапанавана вынесці рашэнне аб аб'яднанні Беларусі з Літвой[2].

Цэнтральнае бюро КП(б)Б не пагадзілася з рашэннем, якое прыняў ЦК РКП(б). Яно выступала або за БССР у складзе пяці губерняў, або за аднаўленне былой Заходняй вобласці. У сувязі з гэтым была накіравана дэлегацыя ў ЦК РКП(б). Дэлегацыю прыняў У. І. Ленін. Пасля азнаямлення з усімі меркаваннямі ЦБ КП(б)Б У. І. Ленін адзначыў, што рэспубліка патрэбна пастолькі, паколькі мяжуе з іншымі краінамі. Паколькі Смаленская, Віцебская і Магілёўская губерні з іншымі краінамі не мяжуюць, то іх можна выключыць.

Такім чынам, прычынай утварэння БССР на рубяжы 1918–1919 гг. былі небяспечныя для Савецкай краіны знешнепалітычныя абставіны, якія склаліся на той час. Для ажыццяўлення Беларуссю свайго права на самавызначэнне палітычная сітуацыя была надзвычай неспрыяльнай. Яе тэрыторыя яшчэ не была поўнасцю вызвалена ад германскіх інтэрвентаў, а ўжо навісла пагроза інтэрвенцыі Польшчы, якая прэтэндавала на Віленскую, Гродзенскую і Мінскую губерні. У лютым 1919 г. пачалося ўварванне польскіх інтэрвентаў на беларускія землі. Тэрыторыя Беларусі зноў станавілася тэатрам ваенных дзеянняў. Яна падпадала пад цяжкую і працяглую акупацыю.

Абагульняючы сказанае, трэба адзначыць, што абвяшчэнне БССР было абумоўлена не столькі аб'ектыўнымі і суб'ектыўнымі фактарамі, колькі неабходнасцю абароны рэвалюцыі, якая перамагла ў Расіі. Калі б працэс самавызначэння рыхтаваўся з улікам аб'ектыўных і суб'ектыўных фактараў, усёй папярэдняй гісторыі народа, заканамерна вынікаў з яе, то ён праходзіў бы спакойна, без глыбокіх катаклізмаў. Паколькі рэальна для дасягнення пастаўленай мэты выкарыстоўваліся любыя сродкі, Беларусь панесла значныя тэрытарыяльныя страты. Для выратавання Савецкай улады ў Расіі яе ўрад пагадзіўся

[1] ДА Смаленскай вобласці. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 9.
[2] ДАРФ. Ф. 17. Воп. 2. Спр. 8. Арк. 1.

з тым, што ў Эстоніі, Латвіі, Літве, Заходняй Беларусі і Заходняй Украіне, Малдавіі была адноўлена ўлада буржуазіі.

На пытанне «што вышэй – права нацый на самавызначэнне або сацыялізм?» У. І. Ленін адказваў: «Сацыялізм вышэй». «Ці дазволена з-за парушэння права нацый на самавызначэнне аддаваць на з'яданне Савецкую сацыялістычную рэспубліку, падстаўляць яе пад удары імперыялізму ў момант, калі імперыялізм заведама мацнейшы, Савецкая рэспубліка заведама слабейшая? Не. Не дазволена. Гэта не сацыялістычная, гэта буржуазная палітыка»[1].

З такім тлумачэннем У. І. Леніна можна было б пагадзіцца толькі пры адной умове, калі б размова ішла аб абароне сацыялістычнага грамадскага ладу. Але ў той час такая ўмова адсутнічала. Рэвалюцыя, якая адбылася ў кастрычніку 1917 г., не з'яўлялася сацыялістычнай, не было таксама і сацыялістычнага грамадскага ладу.

Да 1920 г. У. І. Ленін быў упэўнены ў тым, што ў кастрычніку 1917 г. сацыялістычнай рэвалюцыі ў Расіі не было, што сусветная сацыялістычная рэвалюцыя ў той час не магла адбыцца, што для ўвядзення сацыялізму ніякіх рэальных перадумоў, асабліва ў Расіі, не было. У краіне наспеў час для нацыянальнага самавызначэння народаў. З гэтага вынікае, што тэрытарыяльныя страты былі вынікам памылковай палітыкі ЦК РКП(б) і Савецкага ўрада. Вядома, што ўнутраныя «контррэвалюцыйныя» сілы і інтэрвенты вялі вайну ў імя ліквідацыі Савецкай улады, «сацыялістычнай» рэспублікі. Таму працэс самавызначэння Беларусі быў складаны, праходзіў у абставінах, якія не вынікалі з рэальных перадумоў.

Усебеларускі з'езд, які адбыўся 2–3 лютага 1919 г., адобрыў утварэнне БССР, зацвердзіў Канстытуцыю рэспублікі, а таксама прыняў пастанову аб аб'яднанні Беларусі з Літвой. Гэту пастанову падтрымаў першы з'езд Саветаў Літвы (17–21 лютага). 27 лютага ЦВК БССР і ЦВК ЛССР аб'ядналіся. Быў арганізаваны Рабоча-Сялянскі ўрад Літвы і Беларусі, які ўзначаліў В. С. Міцкявічус-Капсукас. 4–6 сакавіка адбыўся аб'яднаны з'езд КП(б)Б і КП(б)Л, які абраў ЦК КП(б)ЛіБ.

Утварэнне Літоўска-Беларускай ССР не з'яўлялася арганічнай патрэбнасцю двух народаў, якія заўсёды былі добрымі суседзямі. Яно вынікала з Пастановы ЦК РКП(б) ад 16 студзеня 1919 г. Гэта азначае, што аб'яднанне дзвюх рэспублік было абумоўлена іншымі меркаваннямі, а не імкненнем іх народаў. Пастанова ЦК РКП(б) не выклікала адабрэння як у БССР, так і ў Літоўскай ССР[2]. ЦБ КП(б)Б, Урад БССР, як і ЦК КП(б) Літвы і Літоўскі ўрад, былі абавязаны выконваць пастанову ЦК РКП(б).

У абставінах 1919 г., калі працягвалася грамадзянская вайна і інтэрвенцыя, Літоўска-Беларуская ССР аказалася кароткатэрміновым аб'яднаннем, якое не магло затрымаць наступленне польскіх інтэрвентаў. 26 красавіка ўрад Літвы пераехаў у Мінск. Пачалося ўмацаванне абароны горада, але гэта мера не дала станоўчых вынікаў. Чырвоная Армія працягвала адыходзіць на ўсход. Да сярэдзіны ліпеня 1919 г. 3/4 тэрыторыі рэспублікі былі акупіраваны інтэрвентамі.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 352.

[2] ДАРФ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 658. Арк. 19.

16 ліпеня СНК Літбел спыніў сваю дзейнасць, кіраванне неакупіраванымі паветамі было перададзена Мінскаму губрэўкому. Кадры СНК былі накіраваны на фронт і ў тыл ворага на падпольную работу.

Масавая ўзброеная барацьба рабочых і сялян Беларусі ў тыле польскіх інтэрвентаў, ігнараванне імі ўсіх эканамічных, палітычных і культурных мерапрыемстваў польскай адміністрацыі на акупіраванай тэрыторыі, актыўная іх дапамога наступаўшай Чырвонай Арміі адыгралі рашаючую ролю ў вызваленні Беларусі. У гэтай барацьбе прымала ўдзел беларуская сельская інтэлігенцыя, якая пайшла на збліжэнне з Савецкай уладай. Арганізацыя «Маладая Беларусь», якая існавала пры Мінскім настаўніцкім інстытуце, у час польскай акупацыі дзейнічала ў падполлі, разгортвала паўстанцкі рух супраць інтэрвентаў. Летам 1920 г. БКА прыняла праграму і статут РКП(б) і рашыла ўліцца ў склад Кампартыі Беларусі. Пастановай ЦК КП(б)ЛіБ яна была прынята ў рады бальшавікоў[1].

Партыя беларускіх левых сацыялістаў-рэвалюцыянераў, якая ў час нямецкай і польскай акупацый існавала легальна, адначасова ўваходзіла ў Раду БНР, урад В. Ю. Ластоўскага. Спрабуючы здавацца лаяльнай да Савецкай улады, яна ў той жа час падтрымлівала мясцовы нацыяналізм. Яе палітычная платформа была блізкая да платформы рускіх эсэраў і ўкраінскіх барацьбістаў. Іх патрабаванні прадугледжвалі «дыктатуру працоўных», сацыялізацыю зямлі, кааперацыю сялянства, незалежную Беларускую рэспубліку ў этнаграфічных межах. У 1919 г. партыя выдавала газеты «Грамадзянін» у Вільні, «Родны край» у Гродне, «Наша Каляіна» ў Слуцку[2].

Пры фарміраванні 30 ліпеня 1920 г. Ваенна-рэвалюцыйнага камітэта Беларускай рэспублікі ў яго склад побач з А. Г. Чарвяковым (старшыня), В. Г. Кнорыным, І. А. Адамовічам, І. Г. Клішэўскім (ад бальшавікоў), А. І. Вайнштэйнам (Бунд), У. М. Ігнатоўскім (БКА) ад беларускіх левых эсэраў абмяркоўвалася кандыдатура А. Трафімава. Але, калі ў ходзе абмеркавання было ўстаноўлена поўнае непрызнанне левымі эсэрамі прынцыпаў Савецкай улады, пастанавілі прадстаўніка гэтай партыі ў склад ваенрэўкома не ўключаць[3].

Выклікаюць цікавасць тэзісы[4] да абвяшчэння рэспублікі, якія падрыхтавалі па даручэнню ЦК КП(б)ЛіБ Р. В. Пікель і І. І. Рэйнгольд, дзе прадугледжваўся другі падыход да пытання абвяшчэння Беларускай Савецкай Рэспублікі, чым гэта было ў Маніфесце 1 студзеня 1919 г. За паўтара года міжнародныя абставіны і суадносіны сіл паміж Савецкай Расіяй і заходнімі капіталістычнымі краінамі ў параўнанні з канцом 1918 г. карэнным чынам змяніліся. Калі ў канцы 1918 г. утварэнне БССР дыктавалася ў першую чаргу неабходнасцю мець паміж Савецкай Расіяй і буржуазна-памешчыцкай Польшчай буферную дзяржаву, і таму этнаграфічныя, эканамічныя і культурныя фактары не ўлічваліся, пасля завяршэння савецка-польскай вайны перш за ўсё адпала неабходнасць існавання буфернай рэспублікі. У новых умовах Беларуская Савецкая Рэспубліка павінна

[1] ДАРБ. Ф. 4. Воп. 2. Спр. 8. Арк. 3.
[2] ДАРБ. Ф. 459. Воп 1. Спр. 93. Арк. 35.
[3] ДАРБ. Ф. 4. Воп. 1. Спр. 40. Арк. 14.
[4] Борьба за Советскую власть в Белоруссии. Т. 2. С. 416–418.

была будавацца на аснове ўліку этнаграфічных, эканамічных і культурных перадумоў.

31 ліпеня 1920 г. у гарадскім тэатры Мінска адбылося ўрачыстае пасяджэнне Цэнтральнага Камітэта КП(б)ЛіБ, ЦК Беларускай Камуністычнай арганізацыі, ЦБ прафсаюзаў Мінска і Мінскай губерні, ЦК Бунда. Удзельнікі ўрачыстага пасяджэння прынялі Дэкларацыю аб абнародаванні незалежнасці Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі Беларусь[1]. У Дэкларацыі адзначалася: «Рабоча-сялянскі народ Беларусі цяпер можа свабодна выявіць сваю волю і сам вызначаць свой лёс, формы свайго далейшага існавання і свае ўзаемаадносіны з суседзямі».

Да склікання з'езда Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў уся дзяржаўная ўлада ў рэспубліцы ўручалася ваенна-рэвалюцыйнаму камітэту Беларусі.

Арганізацыі, якія падпісалі Дэкларацыю, заклікалі ўсіх працоўных Беларусі аб'яднаць сілы для пераможнага заканчэння вайны, аднаўлення гаспадаркі і павышэння культурнага ўзроўню краіны.

У параўнанні з Маніфестам 1 студзеня 1919 г. у Дэкларацыі разам з задачамі абароны Савецкай улады і дасягнення перамогі ў барацьбе з інтэрвентамі ставілася задача мабілізацыі сіл працоўных на аднаўленне разбуранай народнай гаспадаркі, матэрыяльна-тэхнічнай базы культуры, паляпшэння дабрабыту народа. Гэтым падкрэслівалася, што Савецкая краіна ўступала ў новы гістарычны перыяд, калі галоўным фактам барацьбы за ўмацаванне перамогі Кастрычніцкай рэвалюцыі станавілася мірнае гаспадарчае і культурнае будаўніцтва.

Беларуская Савецкая Сацыялістычная Рэспубліка была абвешчана на тэрыторыі, заходняя граніца якой была ўстаноўлена на этнаграфічнай мяжы паміж Беларуссю, Польшчай і Літвой. Граніцу з РСФСР і Украінскай ССР меркавалася вызначыць па свабоднаму выяўленню волі беларускага народа на павятовых і губернскіх з'ездах Саветаў у пэўнай згодзе з урадамі РСФСР і УССР.

Рашэнне пытання аб заходніх граніцах БССР у 1920 г. ускладнялася радам часовых абставін. Наступ арміі Ю. Пілсудскага, які пачаўся ў жніўні з-пад Варшавы, прымусіў Чырвоную Армію адступіць. Заходняя Беларусь зноў стала акупіраванай. У гэтых умовах Польшча пагадзілася на перагаворы аб заключэнні перамір'я, якое было падпісана 12 кастрычніка 1920 г.

Аднак і пасля гэтага правакацыйныя выпады з боку Польшчы ў адносінах да БССР працягваліся. У лістападзе ў беларускае Палессе ўварвалася армія Булах-Булаховіча. Ю. Пілсудскі разлічваў, што Булаховіч адыграе ў Беларусі такую ж ролю, як генерал Жэліхоўскі ў Вільні: захопіць для Польшчы Усходнюю Беларусь. На тэрыторыі Савецкай Беларусі шырока распаўсюдзіўся палітычны бандытызм, які быў падтрыманы Польшчай і накіраваны на ліквідацыю Савецкай улады.

Але паступова ўсе пачыналі разумець, што войны, паўстанні да паляпшэння жыцця не могуць прывесці. Гэтага трэба было шукаць толькі на аснове росту працоўнага энтузіязму. У абстаноўцы вайны для гэтага не было ніякіх умоў.

[1] Борьба за Советскую власть в Белоруссии. Т. 2. С. 416–418.

Мір быў неабходны. Пераход ад вайны да міру, да новай гаспадарчай палітыкі стаў усеагульным патрабаваннем народа.

30 снежня 1922 г. БССР, ЗСФСР, РСФСР, УССР аб'ядналіся ў саюзную дзяржаву – СССР. У дваццатыя гады ў СССР увайшлі Узбекская, Туркменская і Таджыкская ССР. У трыццатыя гады ў выніку рэарганізацыі ЗСФСР і часткова РСФСР былі ўтвораны Грузінская, Азербайджанская, Армянская, Казахская і Кіргізская ССР, а пазней – Малдаўская, Літоўская, Латвійская, Эстонская ССР.

У 1991 г. СССР распаўся. Утварыліся незалежныя нацыянальныя дзяржавы. У сувязі з гэтым у адпаведнасці з Дэкларацыяй аб незалежнасці БССР стала незалежнай Рэспублікай Беларусь.

С. А. Калинин

кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВЫЗОВЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Неустойчивый динамизм государственного развития объективно требует постоянного обновления правовой системы. Это соответствует такому игнорируемому догматической юриспруденцией параметру, как время (предел) адекватного функционирования механизма правового регулирования, достижение которого качественно снижает регулятивные свойства права, препятствуя развитию государства и социума. Наличие такого предела требует постоянного перспективного планирования деятельности по актуализации правового регулирования. Однако даже при отсутствии такого института в определенный момент возникает задача по изменению права, включая его самые устойчивые элементы. Например, в государствах ядра евразийской интеграции во второй половине 2010-х годов сложились предпосылки по пересмотру основных законов. Так, Казахстан провел конституционную реформу в 2017 году, Россия – в 2020 году, в Беларуси также создана соответствующая рабочая группа.

Обеспечение успешности будущей конституционной реформы требует привлечения наряду с традиционным качественно нового теоретико-методологического инструментария, позволяющего анализировать как общие процессы, так и уникальные, присущие лишь данному времени факторы и тенденции. В теоретической юриспруденции развитие законодательства в частности и правовой системы в целом описывается через три основные категории – совершенствование, систематизацию и реформирование. Совершенствование,

как правило, касается отдельных актов. Систематизация охватывает институты и отрасли. Реформирование качественно изменяет общеправовое (отраслевое) регулирование и направлено на создание новых механизмов преодоления объективно существующих противоречий в интересах успешного развития государства и социума. Развитие законодательства может осуществляться в рамках взаимодополняемых инструментальной и содержательной стратегий. В первом случае за счет средств юридической техники совершенствуется структура изложения правовых предписаний. Во втором случае изменяется содержание норм права, а развитие структуры и системы права (законодательства) отходит на второй план, актуализируясь в отдаленной перспективе.

При переходе к анализу реформирования правовой системы и определения места изменения Конституции в данном процессе предварительно отметим наличие в нем [процессе] идеографических (уникальных, исторических) и номотетических (существующих в виде общих закономерностей, логических) аспектов, взаимодействие которых определяет успешность (неуспешность) реагирования на стоящие перед государством и обществом вызовы. В номотетической логике в любой правовой реформе всегда присутствует ряд направлений (конституционное, судебно-правовое и содержательное) и стадий. На первой стадии обычно изменяется содержание правового регулирования, нередко прерывающее предыдущую правовую традицию и, как правило, игнорирующее структурно-системные требования (содержательная стратегия). На второй стадии реформируется и совершенствуется система права (законодательства) (инструментальная стратегия). При этом первая (содержательная) стадия обычно включает два этапа, выделение которых обусловлено двумя факторами. С одной стороны, любая реформа по мере реализации нуждается в уточнении. С другой стороны, среди инициаторов реформ, предполагающих внедрение новых норм и институтов, особенно имеющих источником «передовые общественные и научные идеи» либо заимствованных без должной адаптации в «цивилизованных» странах, как правило, присутствует высокий уровень правового идеализма. Взаимодействие данных факторов порождает феномен «контрреформ», якобы противостоящих изначальным идеям реформаторов[1], но лишь корректирующих цели и задачи реформы. Однако в кругах, причастных к изначальным концепциям либо находящихся в оппозиции, может сохраняться подчеркнуто позитивное отношение к первоначальным идеям и чрезмерная критичность к последующим трудностям в государственном строительстве, рассматриваемым в качестве «платы» за отказ от первоначальных, исключительно верных идей. В Беларуси данный феномен присутствует в виде внесения изменений и дополнений в национальную Конституцию на республиканском референдуме 1996 года и приостановления (корректи-

[1] Термин «контрреформы» был введен в конце XIX – начале XX века либеральными мыслителями для противопоставления реформ Александра II Освободителя и Александра III Миротворца. Данная схема, имеющая четкую ценностную ориентацию, оказалась востребованной в русской дореволюционной, советской и частично постсоветской науке.

ровки) ряда мероприятий, рекомендованных Концепцией судебно-правовой реформы в Республике Беларусь, реализованных в дальнейшем по мере складывания объективных предпосылок.

Одновременно в идеографической логике отметим концептуальное авторство названных изменений, принадлежащее заместителю главы Администрации Президента Республики Беларусь доктору юридических наук, профессору А. М. Абрамовичу, который, по сути, обеспечил взвешенное и последовательное, содержательное и инструментальное реформирование национальной правовой системы. В частности, в рамках совершенствования Основного Закона была предложена французская модель разделения властей, позволившая преодолеть идею верховенства Советов как единственной высшей власти и минимизировать причины политических конфликтов между различными ветвями власти, президент как глава государства получил действенные механизмы своевременного реагирования на возникающие социальные проблемы, реализована идея верховенства национального права, признающего приоритет общепризнанных принципов международного права и не сводимого лишь к закону, и т. д. [1]. Это позволило Беларуси получить 25 лет устойчивого развития, в то время как отсутствие подобных конституционных механизмов и (или) воли к противодействию внешней и внутренней агрессии ввергло ряд сопредельных стран посредством «демократических» цветных революций и иных инструментов управляемого хаоса в ситуацию несостоявшейся государственности.

В глобальной перспективе любая правовая реформа, а конституционная реформа в особенности, является составной частью инновационного развития державы и должна рассматриваться в логике субъектной потребности в качественно ином, отвечающем современным вызовам механизме правового регулирования, обеспечивающем бытие государства в изменяющихся условиях и вызовах. Это налагает повышенные требования к концептуальному обеспечению развития государства и общества и позволяет рассматривать любую реформу в качестве элемента «высоких гуманитарных технологий» [2; 3] и «большой стратегии» [4–6], соответствующих постнеклассической научной и управленческой рациональности и основанных на целеполагаемой самоорганизации государства как уникального пространственно детерминированного субъекта, инструментально использующего право [7].

Следовательно, конституционная реформа должна иметь своей целью не столько модернизацию текста Основного Закона, сколько усиление субъектности Беларуси на долгую перспективу, создания определенного проекта Будущего и институционализации предпосылок его формирования в Настоящем. При этом нужно учитывать возможность целенаправленных либо просто ошибочных решений, ведущих к снижению субъектности государства, переводу государства в статус объекта воздействия и управления со стороны активных субъектов [8]. Например, путем признания верховенства норм наднациональных и международных организаций и юрисдикций либо недостаточности конституционных и иных инструментов по противодействию различного рода угрозам, в том

числе стратегиям управляемого хаоса и гибридных войн, позволяющих внешним субъектам перехватить управление в стране, блокировать потенциальную и реальную способность государства к развитию [9–11], что влечет переход государства в разряд периферии и несостоявшейся государственности.

Реализация конституционной реформы требует пересмотра многозначного концепта «конституция». С одной стороны, любое государство и общество всегда основано на определенных неписаных антрополого-аксиологических мировоззренческих и психоисторических аксиомах. С другой стороны, конституция – это письменный акт, присущий новоевропейской государственности и характеризующий постепенное «прогрессивное» ограничение «произвола» верховной власти путем закрепления прав человека, разделения властей (сдержек и противовесов) и трансформации абсолютистских («новых») монархий в либерально-демократические режимы. Поэтому обращение к данному концепту объективно подчиняет государство логике развития западной цивилизации эпохи Модерна (капиталистической мир-экономики), преобразовавшей в собственных интересах весь мир на основе либеральной геокультуры (идея прогресса, бесконечность прибыли, крайний индивидуализм, человекоцентризм и атомизм в понимании личности, обладающей неограниченной свободой, негативное отношение к различным формам коллективной самоорганизации и солидарности, понимаемых в качестве зародышей тоталитаризма) [12].

В рамках Модерна сущность конституции различается применительно к входящим в нее странам. С одной стороны, в англосаксонской традиции важную роль играют обычаи и судебная деятельность, позволяющие, сохраняя изначальный и нередко «неписаный» текст, изменять его содержание путем толкования и политической борьбы. При этом государства романо-германской правовой семьи, а также государства, либо освободившиеся от колониальной зависимости, либо порвавшие с «тоталитарным» прошлым, придают важную роль тексту Конституции, стремясь отразить в нем «передовые научные идеи» и рекомендации «международного сообщества». С другой стороны, сущность и роль конституции детерминируются типом государственности в мир-системе (ядро во главе с гегемоном, периферия и полупериферия). Так, ядро, вынося собственные проблемы на периферию и используя ее ресурсы в ходе неэквивалентного обмена, позиционирует себя в качестве «свободного мира». Периферия – это зависимые и колониальные образования с компрадорским правлением, которые конституционно артикулируют себя суверенными демократическими и свободными государствами. Полупериферия для проведения суверенной политики акцентирует внимание преимущественно на императивных и директивных методах управления.

Отметим, что все постсоциалистические конституции, включая Основной Закон Республики Беларусь, были приняты в логике либеральной геокультуры, окончательная идеологическая победа которой казалась на конец 80-х – начало 90-х годов XX века окончательной и бесповоротной [13]. Однако практика показала, что, несмотря на ряд позитивных аспектов, любая не западная

государственность понимается данной геокультурой как изначально ущербная и обязанная воспринимать западные модели, влекущие десуверенизацию и подчинение ядру мир-системы. Так, С. Манн прямо соотносит с инструментами управляемого хаоса содействие уважению индивидуальных прав человека и демократии в форме либерального тоталитарного фундаментализма, создающей антагонистический идейный плюрализм; поддержку рыночных реформ в целях снижения (потери) управляемости экономикой; вытеснение ценностей и идеологии, поддерживающих историческую память и способность к самоорганизации на основе определенных ценностей [14]. Поэтому создание Беларусью в 1996 году на основе ряда западных идей эффективной и социально ориентированной модели государственной власти вызывало резкую критику по причине якобы «неготовности» нашей страны к восприятию передовых правовых идей [15].

Конституционная реформа, на наш взгляд, должна учитывать такую уникальную характеристику современности, как объективное завершение бытия в силу конечности Земли цивилизации Модерна, гегемоном которой в настоящее время являются США (терминальная фаза капиталистической мир-экономики). Это требует поиска новых форм публичной власти и социальной жизни, адекватность (неадекватность) которых будет понятна значительно позже, в условиях неопределенности Будущего и потенциальной новой Тридцатилетней войны за гегемонию в мир-системе.

Конституция, по сути, должна отражать цель, сущность и легитимность государства как политико-территориальной проекции конкретного народа (этноса), порожденной развертыванием мировоззренческих антрополого-аксиологических аксиом в рамках исторических вызовов. Так, Беларуси следует, адекватно и желательно упреждающе реагируя на различные угрозы и вызовы, устойчиво поддерживать основанное на имманентных, выступающих безусловным «фильтром» государственно-правового строительства антрополого-аксиологических аксиомах, справедливом приумножении и распределении богатств и благ, соотношении прав, свобод и ответственности историческое бытие белорусского народа. На наш взгляд, такую роль может играть указание в Преамбуле либо отдельных нормах на приверженность Беларуси традиционным христианским ценностям православной и католической конфессий, содержательное описание ценностей, признаваемых в качестве общечеловеческих[1], включая безусловную ценность семьи, акцент на преимущественный коллективизм и взаимопомощь, свойственные белорусскому народу, указание на необходимость баланса прав и обязанностей, частных и публичных интересов, запрета злоупотребления правом, солидарную и взаимную ответственность человека, общества, в том числе и предпринимательского сообщества, и государства за обеспечение безопасности существования

[1] Такое уточнение необходимо по той причине, что содержательно идея общечеловеческих ценностей отражает ценности и интересы ведущих мировых держав.

и постоянного развития Беларуси, многонациональную природу народа Беларуси, роль белорусов как титульной и государствообразующей нации, обязанность всех находящихся на территории Беларуси знать, изучать и уважать белорусские национальные традиции.

Некритическое заимствование (использование) антрополого-аксиологических аксиом, свойственных иным народам (цивилизациям), может привести к гибели государства, в том числе и при достижении таким государством своих краткосрочных целей. В частности, именно такие модели взаимодействия культурно-исторических типов описывались Н. Я. Данилевским [16, с. 91–111] и присутствовали в отечественной истории. Например, Кревская уния, решавшая для Великого княжества Литовского определенные тактические задачи и отвечавшая личным притязаниям Великого князя Ягайлы, подчинила православную Русь, полуязыческую Литву и языческую Жмудь логике развития польского католического проекта, последствия которого влияют на Беларусь до настоящего времени. С другой стороны, СССР, нуждавшийся в признании нерушимости послевоенных границ в Европе и поверивший (как оказалось, безосновательно, ибо война, по Сунь Цзы, – это путь обмана) в возможность «мирного сосуществования» с капиталистической системой, согласился с включением либеральной трактовки прав человека (VII. Уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений) в Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.), проигнорировав высокий уровень социально-экономического развития в социалистических странах. В результате мониторинг нарушений («нарушений») прав человека, проводимый Хельсинкскими комитетами, стал основой для критики и будущей демонизации социалистического блока, поставив его субъектов в положение вечных «нерадивых учеников» и «дикарей». Однако, как показывает практика борьбы с COVID-19, успешная государственность не может существовать без развитой и доступной инфраструктуры.

В легитимации государства важную роль играют исторические события, которые конституируют и детерминируют его бытие. В действующем Основном Законе, кроме указания в Преамбуле на «многовековую историю развития белорусской государственности», основания исторической суверенной легитимации Республики Беларусь представлены, на наш взгляд, недостаточно. По сути, такая формулировка позволяет отметить нелинейность исторического развития в целом и отсутствие единой нарративной линейности в белорусской истории, указывать и политически реализовывать идею важности учета всей (без изъятий и отречений) ретроспективы бытия государственности на белорусских землях, несмотря на отношение отдельных событий и тенденций к современной национальной государственности.

Основу суверенной легитимности Республики Беларусь, предопределяющей сущность ее социально ориентированной коллективистской («соборной») политики, составляет Победа СССР (и белорусского народа как неотъемлемой части советского народа) в Великой Отечественной войне. Поэтому любые попытки

отрицания значения Победы и роли в ней СССР, навязывание идей о «тождественности» тоталитарных режимов СССР и Третьего рейха в перспективе подрывают легитимность нашего государства и проводимую им политику. При этом осмысление Победы невозможно без понимания специфики общерусской государственности, находящейся на (полу) периферии мир-системы [17] и постоянно в условиях отражения внешних агрессий догоняющей «цивилизованные государства», либо «входящей» в мировую историю [18]. По сути, Победа была обеспечена чрезвычайной и мобилизационной сущностью как общерусской, так и советской государственности, а также созданием в рамках последней собственной материально-технической базы, обеспечивших на основе социалистических идей о всеобщем равенстве и справедливости выживание народа и государства в условиях перспектив духовного и физического уничтожения [19, с. 39]. Одновременно Победа, противопоставившая антропологию коллективизма и жертвенности античеловеческому расизму и нацизму, накладывает ограничения на государственную политику (поддержание связей с Россией и постсоветским пространством как наследниками победителей, сохранение социальных функций государства и преодоление крайнего индивидуализма; минимизация негативных сторон капитализма и т. д.).

Одновременно бытие любого государства зависит в том числе и от его способности эффективно организовать экономическую деятельность, создать необходимую инфраструктуру и обеспечить справедливое накопление и перераспределение благ, стимулировать и поощрять активное инициативное поведение человека, а также обеспечить необходимую и достаточную помощь лицам, находящимся в социально опасных ситуациях. Это требует включения в Основной Закон норм, предопределяющих принципы регулирования экономической деятельности в индустриально-техногенном информационном обществе. Собственность, особенно крупная либо касающаяся критически важной инфраструктуры, не должна быть безусловным правомочием, но и не должна быть обязанностью, а пользование ею должно одновременно служить общему благу. Это требует закрепления соответствующих обязанностей инвесторов, в том числе иностранных, особенно в сфере использования природных ресурсов, либо в тех сферах, где деятельность носит монопольный либо публичный характер, участвовать в реализации социальных функции и реинвестировать часть полученной прибыли в социальную сферу. На наш взгляд, объекты критической инфраструктуры должны находиться в собственности государства, либо их собственники должны обеспечить государству возможность управления данными объектами в национальных, общественных, иных публичных интересах в целях их бесперебойного функционирования и обеспечения доступа к предоставляемым ими услугам на социально обоснованных и справедливых условиях.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что основой успешного совершенствования национального Основного Закона является выработка адекватной долговременным потребностям белорусского народа концепции, подобной той,

которая и была предложена в 1996 г. профессором А. М. Абрамовичем. На наш взгляд, важная роль в данном процессе, одновременно требующем радикального переосмысления либеральных концептуально-методологических оснований современной юриспруденции, должна быть отведена историческим основаниям национальной легитимности (Победа СССР во Второй мировой войне), основам перспективного социально-экономического регулирования в условиях техногенной цивилизации и терминальной фазы современной капиталистической мир-экономики, а также традиционному антрополого-аксиологическому содержанию.

Библиографические ссылки

1. Абрамовіч А. М. Кастытуцыйная рэформа: праблемы і перспектывы // Весн. БДУ. Сер. 3. 1996. № 3. С. 81–84.
2. Лепский В. Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.
3. Цыганов В. В., Шульц В. Л. Социология общественной безопасности: [теория и высокие гуманитарные технологии общественной безопасности при изменениях и пределах роста]. М., 2014.
4. Люттвак Э. Н., Платошкин Н. Н. Стратегия: логика войны и мира. М., 2012.
5. Лиддел Гарт Б. Стратегия непрямых действий. М. ; СПб., 2008.
6. Фурсов А. И. Мировая борьба. Англосаксы против планеты. М., 2017.
7. Калинин С. А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции // Правоведение. 2015. № 2. С. 6–21.
8. Неклесса А. Поражение России [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. Гуманитарные технологии и развитие человека. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/467 (дата обращения: 25.05.2012).
9. Кляйн Н. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф. М., 2009.
10. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы. 5-е изд., стер. М., 2007.
11. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. 3-е изд., испр. и доп. М., 2013.
12. Валлерстайн И. Мир-система Модерна = The Modern world-systhem. М., 2015–2016. Т. 1–4.
13. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010.
14. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление [Электронный ресурс]. URL: http://spkurdyumov.ru/what/mann/ (дата обращения: 07.06.2020).
15. Абрамович А. М. Политика «двойных стандартов» для Беларуси неприемлема // Нар. газ. 1998. 10 июня. С. 8.
16. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.
17. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2004.
18. Перевезенцев С. В. Русские смыслы: духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2019.
19. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 29–42.

В. И. Пичета
(1878–1947)
доктор истории

ВОЛОЧНАЯ УСТАВА КОРОЛЕВЫ БОНЫ И УСТАВА НА ВОЛОКИ[1]

Систематические попытки создать новые формы землепользования и землевладения в Литовско-Белорусском государстве были предприняты королевой Боной на территории Пинского и Клецкого княжеств.

Аграрная реформа была начата весной 1552 г. и закончена весной 1555 г. Ответственная работа по проведению в жизнь задуманной аграрной реформы была возложена на пана Станислава Хвальчевского, в данное время бывшего старостой пинским, кобринским, клецким, городецким, державцем селецким. Его помощниками были Иван Горецкий, составивший под надзором пана старосты писцовую книгу, и мерчие Ян Дубовский и Богушь. Королева Бона не ограничилась только одним распоряжением произвести аграрную реформу. Для такой большой и ответственной работы надо было составить общее руководство, без которого деятели реформы, конечно, обойтись не могли. В свою очередь принципы, положенные в основу хозяйственного руководства, были приняты во внимание и правительством Сигизмунда II при производстве соответствующей реформы на собственно господарских землях.

Экономическое наставление королевы Боны невелико по объему. Составители его не интересовались деталями и разными административно-хозяйственными наставлениями. Они ограничились лишь формулировкой общих принципов, положенных в основу реформы, предоставляя деятелям последней проводить их на практике по собственному усмотрению. В хозяйственном наставлении указания были высказаны в виде общих мыслей, несколько несмело, тогда как в уставе на волоки они получили дальнейшее развитие и детализацию.

Хозяйственные указания королевы Боны, с одной стороны, практическое руководство при производстве аграрной реформы, с другой стороны, отчасти и теоретико-экономический трактат в области сельскохозяйственной политики, содержащий в себе новые принципиальные положения. Такой же точно характер носит и волочная устава Сигизмунда-Августа, хотя в последней практический характер выступает еще отчетливее и теоретические основания как-то незаметно растворяются среди ряда административно-хозяйственных советов и указаний. Королеве Боне нельзя отказать в большой хозяйственной

[1] Друкуецца паводле: Труды Белорусского государственного университета. Т. 1. Минск, 1922.

предусмотрительности и решимости: она порвала со старыми хозяйственными отношениями и поставила сельское хозяйство в несколько иные условия в целях поднятия доходности и увеличения производительности дворцового хозяйства. Ее сыну оставалось воспользоваться опытом матери и повсеместно произвести ту же аграрную реформу, которая была частично проведена королевой Боной на территории Пинского и Клецкого княжеств. Опыт королевы Боны не мог пройти бесследно для ее сына и его сотрудников.

Аграрная реформа королевы Боны является в некотором отношении аграрной революцией, насильственно разрывавшей со старинными формами землепользования и землевладения, уничтожавшей чересполосицу и положившей конец незаконному владению землей. Задевая интересы и шляхетского, и крестьянского землевладения и землепользования, аграрная реформа, вызывая общее недовольство, однако, не вызвала нигде активного сопротивления, что и позволило сравнительно быстро, в три года, осуществить грандиозную аграрную реформу. Это спокойное осуществление реформы могло, вероятно, в некотором отношении оказать влияние и на Сигизмунда-Августа, который мог не опасаться активного противодействия при производстве задуманной аграрной реформы как со стороны шляхетства, так и господарского крестьянства.

Королева Бона, приступая к реформе, действует как рачительный хозяин-предприниматель, который заботится о планомерной эксплуатации своих доходных статей, считаясь с условиями и потребностями как внешнего, так и внутреннего рынка. Сигизмунд-Август, производя волочное измерение, находился под давлением пустоты своего скарба, и стремление поднять доходность и производительность господарских имений связано с крайней нуждой в деньгах и с необходимостью в ближайшее время пополнить пустоту господарского скарба[1]. Этим объясняется, почему аграрная реформа Сигизмунда-Августа не могла носить только локальный характер. Она должна была стать повсеместной в тех частях государства, где для этого были соответствующие условия.

Устава королевы Боны начинается с определения размеров волоки. Последнее делается в чрезвычайно общей форме. Затем в уставе идет речь о денежных платах, которые падают на городские огороды и волоки. Далее устава переходит к определению размера тяглой службы и чиншов с каждой волоки, считаясь с качеством почвы, а также и тех натуральных повинностей, которые падают на волоку земли. Устава считается с наличностью специальных разрядов населения и выясняет их повинностные отношения к скарбу. Указаниями на необходимость давать отмены частным землевладельцам и на способ их производства заканчиваются экономические предписания королевы Боны. Самое примитивное знакомство с уставой королевы Боны обнаруживает неполноту ее и полное умалчивание о ряде практических вопросов, которые могли возникнуть на местах при осуществлении реформы. Эту пустоту должна была заполнить устава на волоки. В ней нет стройности и логико-экономической последовательности, но зато налицо детализация отдельных положений, о которых ни

[1] *В. И. Пичета.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа ... .

слова не говорится в уставе королевы Боны, как, например, о сборе поступлений, отчетности, взысканий недоимок с управителей, порядке выполнения населением лежавших на нем тяглых и других повинностей и т. д.[1] Впрочем, королева Бона могла и не касаться этих вопросов, так как в частновладельческом хозяйстве все эти вопросы могли быть разрешены специальными распоряжениями королевы Боны как собственницы имений. Естественно, что и вопрос об ответственности старост не мог быть особенно острым при постоянном контроле со стороны хозяйского глаза.

Разрушение старого земельного строя достигалось через введение новой земельной единицы – волоки. По уставе Боны в каждой волоке – 30 моргов, в каждом морге – 30 прутов, а в пруте – 7 $^1/_2$ локтя. Других размеров волоки устава королевы Боны не знает. Устава волочная Сигизмунда имеет волоку в 33 морга. Измеренные земли делятся на три поля, по 10 моргов в каждом, если только такое деление возможно по местным условиям. Если же «с прычын разных» такое деление и измерение земли на три поля невозможно, то земля делится на волоки, но без деления последней на три поля[2]. Тридцатиморговые волоки на практике в свою очередь делились на три поля по 10 моргов в каждом. Отдельные волоки раздаются подданным; земли, лежащие за отдельными волоками, так называемые «застенки», по волочной уставе и по хозяйственной практике королевы Боны могут быть розданы крестьянам за дополнительную плату[3]. При измерении королевой Боной территории Пинского и Клецкого княжеств принималась во внимание вся территория, как находившаяся в обладании королевы Боны. Это подразумевалось само собой и не требовало никаких указаний в уставе Боны. Устава Сигизмунда-Августа не могла не коснуться этого вопроса и точно не определить, что является объектом волочного измерения, в противном случае на этой почве могли бы возникнуть разного рода нежелательные недоразумения. Измерению на волоки подлежали только господарские земли, «купленные и заставные», «кгды ж кметь и вся его маетность наша есть»[4]. По уставе королевы Боны производство аграрной реформы сопровождается уничтожением чересполосицы. Если под волоки будут отобраны земли плебанов, олтаристов, владык, архимандритов, русских попов и земян, то вышеназванные землевладельцы получают отмену, но не в момент производства реформы, а по окончании последней, когда измеренные земли будут разобраны крестьянами и, следовательно, выяснится наибольшая хозяйственная годность земель[5]. По существу, такой хозяйственный эгоизм совершенно правилен, хотя бы он задевал интересы как духовного, так и светского землевладения.

---

[1] *В. И. Пичета.* Аграрная реформа Сигизмунда-Августа ... Ч. 1. Гл. IV.

[2] Русская историческая библиотека. Т. XXX, Литовская метрика, Юрьев, 1914, Устава на волоки, арт. 29 (далее – РИБ. Т. XXX, Устава).

[3] Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостою Станиславом Хвальчевским в 1552–1555 гг. Вильна, 1584. С. 44 (далее – ПКПКК).

[4] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 29.

[5] ПКПКК. С. 5.

В уставе королевы Боны нет никаких указаний относительно производства отмены. Очевидно, пинский и клецкий староста или получил соответствующие указания лично или сообщил Боне свои планы, которая их одобрила. Но приложенный к писцовой книге регест отмен позволяет составить определенное представление о тех принципиальных положениях, которые принимались паном Хвальчевским во внимание при производстве реформы. Ревизор королевы Боны, раздавая отмены, конечно, должен был принимать во внимание интересы тех держателей господарских имений, которым давалась отмена. Основным правилом, которого держался староста пан Хвальчевский, было положение, чтобы не пострадали материальные интересы держателей земли. Поэтому при производстве отмены приходилось считаться с тем фактом, что земли могли быть неравноценными по качеству почвы, и эту неравноценность приходилось возмещать тем или другим способом. По качеству почвы ревизор делил земли на несколько категорий: средние, злые, средне-злые, не выясняя, однако, точно взаимного соотношения между волоками земли, разными по качеству почвы.

Раздавая отмены, ревизор Хвальчевский давал последние равноценным грунтом. В этом случае держатель земли получал такое же количество волок, какое у него было отобрано ревизором. У игумена монастыря Св. Пятницы Романа Борисовича взяли для королевы пахотной и сеножатной земли всего 11 моргов 1 $^{1}/_{2}$ прута среднего грунта. Его отмена соответствовала тому, что у него было отобрано[1]. Земянин Стефан Борзобогатый отдал для округления 3 морга 27 прутов грунта средне-злого. Отмена соответствовала тому, что было отобрано[2]. Такого рода равноценные раздачи было легко произвести в том случае, когда земли брались в одном отрубе и таким же отрубом давалась отмена.

При производстве отмен ревизор мог столкнуться с фактом отобрания земли лучшей по качеству почвы и невозможностью дать равноценную отмену. В таком случае давалась надбавка по усмотрению пана старосты. У плебана клецкого Матея Косовского было отобрано 2 волоки 5 моргов 29 прутов земли разного качества и притом разбросанной по отдельным местам. Ему отмена была дана также не в одном куске, но так как отобранная земля была по качеству лучше данной в отмену, то плебану была дана надбавка в 1 морг 10 прутов[3]. Священник Игнат Иванович отдал под волоки четыре куска земли разной по качеству – всего 1 волоку 12 моргов 4 прута. Отмена ему была дана худшей по качеству землей, но зато с некоторой надбавкой. Отмена равнялась 1 волоке 17 моргам 4 прутам[4].

При производстве реформы отмена могла быть и лучшей по качеству почвы в сравнении с измеренной на волоки землей. Земянин повета Ляховицкого Ян Шеневский отдал 10 моргов 22 прута. Этот отруб составился из трех земельных отрубов – 2 моргов 10 прутов грунта злого, 6 моргов 6 $^{1}/_{2}$ прута и 2 моргов 2 $^{1}/_{2}$ прута грунта среднего. Его отмена тоже состояла из трех отрубов и равня-

[1] ПКПКК. С. 509, 510.
[2] Там же. С. 511.
[3] Там же. С. 508.
[4] Там же. С. 511.

лась 9 моргам 22 прутам, но зато исключительно землей средней по качеству почвы[1]. Священник церкви Св. Николая Трофим Васильевич отдал 10 волок 26 моргов 27 прутов, лежавших в нескольких местах. В составе отошедшей земли находилось 10 волок грунта злого, а также сеножати. Отмена, данная священнику, равнялась 3 волокам 1 моргу 27 прутам большею частью грунта среднего. Отмена дана исключительно «полем» по просьбе самого священника[2], так как у него была отобрана вся земля, годная для пашни.

Итак, при даче отмены последняя могла оказаться: 1) одинаковой по качеству и количеству с отобранной землей; 2) большей по размерам, но худшей по качеству; 3) меньшей по размерам, но лучшей по качеству почвы; 4) одинаковой в доходном отношении и равной по ценности. Изучение отмен и участков, взятых под волоки, указывает на дробность и незначительность владений, что, может быть, делало фактически невозможным установление определенного соотношения между разными по качеству почвы волоками и давало возможность широкого применения ревизорского усмотрения.

Отводимые отмены, видимо, были обязательны. Но обязательность исключала возможности подачи жалобы на действия пана старосты. Впрочем, на небольшой по масштабу территории все недоразумения могли быть легко разрешимы, а потому с этой стороны не требовалось особых указаний. При составлении волочной уставы необходимо было подробнее и точнее отработать часть уставы, относящуюся к производству отмены, выяснить некоторые важные подробности, о которых ничего не было сказано в хозяйственной инструкции королевы Боны, но зато совершенно отказаться от приема давать отмены по выяснении стоимости земли или ее доходности. Последние два приема были трудно применимы к территории всего государства. Действительно, волочная устава в этом отношении детальнее. Этому первостепенной важности вопросу отводится достаточно много внимания, и самый вопрос разбирается довольно подробно. Ревизоры имели совершенно точные указания относительно того, как поступать при производстве отмены. Составители волочной уставы исходили из той мысли, что держатели господарских имений не должны терпеть никаких материальных убытков от округления господарских дворов и уничтожения существовавшей чересполосицы. Отмена должна быть равноценной тому грунту, который отходит от господаря. Отводимый участок на правах отмены должен быть «споруч ку имениям земян». Но устава считается с возможностью отсутствия налицо равноценного по качеству грунта, и потому в таких случаях она рекомендует замену земельного участка, лучшего по качеству почвы, наделом в увеличенном размере из земли более плохой по качеству почвы. Устава делит земли на три разряда по качеству почвы: предний, средний и подлый, между которыми устанавливается обязательное соотношение, которым должны были руководиться деятели реформы. За отобранную волоку предней земли давали $1^1/_2$ волоки средней и 3 волоки плохой. Если же приходилось давать отмену землей очень плохого качества «надер подлым, блотливым альбо

[1] ПКПКК. С. 526.
[2] Там же. С. 521.

песковатым» грунтом, то ревизорам предоставляется право поступать по собственному усмотрению. Единственно, с чем ревизор должен был считаться, – это было требование уставы «абы нам и оному, в кого беруть шкода не была». Самая отмена дается в присутствии уряда, и ее принятие обязательно. Устава допускает случаи, когда отдельные земяне не пожелают «таковое отмены за упором прыймовати». В таком случае она все-таки записывается в книги господарского уряда, а держателю предоставляется право обжаловать отвод отмены. Но если бы недовольный отменой шляхтич вздумал портить «упорне стены волокам и границы», стремился бы использовать для себя «оный грунт, в померу взятый», то такое действие устава на волоки приравнивает к гвалту, и уряд должен «моцно боронити альбо правом кгвалту на таком позыскивати»[1].

Сравнивая приемы производства отмены в Пинском и Клецком княжествах и по волочной уставе Сигизмунда-Августа, можно установить полное их однообразие. Отмена должна быть равной по качеству тому участку земли, который был измерен и переписан на королеву или короля. Уравнение участков и отмена с разной по качеству почвой в Пинском и Клецком княжествах определились усмотрением старосты пана Хвальчевского. В волочной уставе были указаны те объективные данные, которыми должен был руководиться ревизор в противоположность субъективным планам пана старосты. Эта фиксация в волочной уставе – решительный шаг вперед в сравнении с полным умолчанием об этом в волочной уставе королевы Боны. Действительно, раз волочная устава действует на протяжении всей территории Литовско-Белорусского государства, то деятели реформы должны были получить и общие объективные данные, которыми они должны были руководиться в своей административно-хозяйственной деятельности.

Хозяйственная устава королевы Боны дает только общие указания для правильной постановки дворового хозяйства в целях наибольшей его эксплуатации. Устава ограничивается в этом направлении только одним общим указанием.

Самая ее сущность отчетливо выступает в аграрных мероприятиях главного деятеля реформы в Пинском и Клецком княжествах пана Станислава Хвальчевского. Последний был озабочен тем, чтобы при каждом королевском дворе, если только почвенные условия этому благоприятствовали, была заведена особая дворовая пашня. Действительно, последняя заводится там, где для этого представляется какая-либо возможность. Так, при дворе Селецком пинского старосты была заведена дворовая пашня в размере 10 волок 10 моргов[2]. Дворовая пашня сконцентрирована в одном месте. Для нее пришлось отобрать земли у соседних мещан, земян, православного духовенства и паробков. Для пашни Ставецкого двора в том же староствe были отведены в первую очередь земли паробков, а потом земян. На дворовую пашню было отведено 12 волок.

Разбитый на три поля по условию местности участок земли, отведенный под пашню, не лежал в одном месте, а был разделен на два отдельных отре-

[1] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 29.
[2] ПКППК. С. 41.

за в 8 и 4 волоки[1]. При дворе Дружиловском пашня была уничтожена, но, очевидно, по каким-то хозяйственным соображениям, на «выхование» уряда или для проезда старосты пинского в Кобрин было отведено распоряжением пана Хвальчевского 2 волоки земли[2]. При дворе Кнубовском совсем не было дворовой пашни[3]. Дворовая пашня при дворе Стытычевском была вся роздана челяди невольной, так как земельный грунт не был достаточно хорошим. Но при производстве реформы ревизором «королевы ее милости» было отведено 1 волока 10 моргов. Впрочем, едва ли можно было вести на такой небольшой площади какое-либо хозяйство, да к тому же волока земли была «грунту злого», следовательно, была совершенно негодна для ведения сельского хозяйства и эксплуатации дворовой пашни[4]. При дворе Малевском существовала пашня в размере 12 волок. Она образовалась из отошедших ко двору земянских земель и была поделена на три поля[5]. При дворе Красноставском было отведено пашни 15 волок 10 моргов грунта среднего[6]. На двор Сеневский было отведено пашни 9 волок, в числе которых было 4 волоки 15 моргов грунта среднего и столько же плохого[7]. На двор Тетеровской под пашню было отведено всего 7 волок, 29 моргов 15 прутов среднего грунта. Основой дворовой пашни были паробоцкие земли. Составитель описания указывает, что вокруг двора находится немало лесов, еще неизмеренных, но годных для разработки под пашню[8].

Таким образом, ревизор стремился заводить дворовую пашню там, где для этого были благоприятные условия, причем для пашни отбирались подходящие земли как дворовой челяди, так и частновладельческие, как духовные, так и светские. Королеве Боне не надо было давать особой инструкции относительно устройства фольварочного хозяйства. Необходимость его логически вытекала из всех хозяйственных мероприятий Боны. Да к тому же староста пинский пан Хвальчевский мог получить и личные указания, которым он должен был следовать для осуществления новых хозяйственных мероприятий королевы Боны. Совсем в ином положении находились составители уставы на волоки. В последней было необходимо подчеркнуть ближайшую задачу реформы устройство господарского фольварка во всех господарских имениях «яко на болшы быти могуть», конечно, за исключением тех, где это невозможно вследствие несоответствующих почвенных условий, «где бы кгрунты злые и непожыточные были»[9]. То, что в хозяйственной деятельности королевы Боны подразумевалось само собой и о чем королевины администраторы могли получить соответствующие словесные указания, это в волочной уставе было высказано в виде определенного

[1] ПКППК. С. 42.
[2] Там же. С. 102.
[3] Там же. С. 171.
[4] Там же. С. 169.
[5] Там же. С. 459.
[6] Там же. С. 404–405.
[7] Там же. С. 476.
[8] Там же. С. 496.
[9] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 20.

положения, обязательного для всех администраторов и от которого можно было отступить только в определенных случаях.

Ревизоры королевы Боны заводили дворовую пашню там, где для этого были подходящие условия. В противном случае свободные земли давались для эксплуатации самого уряда или населения. Так, при Дружиловском дворе «на выхование» уряда было отведено две волоки. Что же касается старой пашни, бывшей раньше при этом дворе, то если она будет эксплуатироваться дворовой администрацией, то последняя должна уплатить в королевин скарб чинш «водлуг уставы и описания грунту»[1]. Ревизор королевы Боны, оставляя на уряд при дворе Дружиловском 2 волоки земли и предоставляя ему остальную землю эксплуатировать по собственному усмотрению, но с уплатой чинша, разрешил местный случай использования земли, не взятой под пашню. Для составителей уставы на волоки такой частный вопрос становился общим и по этому поводу надо было принять какое-либо определенное решение. Для уставы этот вопрос находится в тесной связи с вопросом о способах и средствах вознаграждения местного уряда за его хозяйственную деятельность: устава на волоки предписывает земли, неподходящие для пашни, «людьми осаживати», но предварительно выделив на уряд «в каждом поли по одной волоце». Эксплуатация этих волок должна производиться урядом за собственный счет «огородники и своим быдлом». На уряд также отводится и морг земли на огород, и притом бесплатно[2].

Таким образом, индивидуальное в хозяйственной деятельности Боны становится общим хозяйственным принципом в волочной уставе, впрочем, с некоторой разницей; устава не предоставляет права уряднику брать неотошедшие под пашню земли в аренду, а требует обязательного обслуживания их людьми.

В писцовой книге королевы Боны нет никаких указаний на то, какое вознаграждение должен был получать дворовый уряд, если при дворе была заведена пашня. Этого, впрочем, и не требовалось, так как вознаграждение того или другого урядника всецело обычно определялось «лаской и милостью королевы Боны».

Королева Бона как опытная хозяйка превосходно была осведомлена о всех подробностях постановки хозяйства в своих имениях, и ей не было нужды определять размер вознаграждения каждого уряда, зависевшего исключительно от самой королевы. Совсем в ином положении находились составители уставы на волоки. Они не могли отказаться от определения доходов уряда. Необходимо было ввести повсюду единообразную систему вознаграждения, дабы и контроль над действиями уряда был лучше осуществлен, и возможных злоупотреблений было меньшее. Поэтому в тех дворах, где имеется дворовая пашня, уряд мог брать на себя третий сноп «збожья ужатья всякого»[3] и, кроме того, со всяких дворов сеножатей «пятый воз»[4].

---

[1] ПКПКК. С. 102.

[2] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 20.

[3] Там же.

[4] Там же. Арт. 24.

Хозяйственно-административные обязанности уряда не нашли себе определения в Писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств. По существу, это было лишним. Королева Бона вмешивалась во все детали хозяйства своих имений, раздавала администраторам письменные и устные приказания, была в курсе всех хозяйственных мероприятий своих администраторов. Устава на волоки должна была детально регламентировать хозяйственные обязанности уряда, чтобы на почве предъявления к ним тех или других требований не возникало никаких с ними недоразумений.

Самый контроль над деятельностью державцев было легче осуществить в том случае, когда обязанности последних точно определены и выяснены. Устава на волоки не могла ограничиваться одним молчанием. Система личных поручений и указаний была неприменима там, где хозяйственные мероприятия осуществлялись на протяжении всей территории Литовско-Белорусского государства. Этим и объясняется та детализация обязанностей уряда по ведению хозяйства, которая принята в уставе на волоки[1].

Установление при дворах пашни выдвигало вопрос об обеспечении ее надлежащим количеством рабочих рук. Производившие ревизию отказались от применения рабского труда для обработки пашни. Таковая производится исключительно при помощи так называемого тяглого крестьянства, и на каждый двор было отведено определенное количество тяглых волок, держатели которых были обязаны обрабатывать дворовую пашню своими силами. На 22 волоки пашни дворов Ставецкого и Селецкого было отведено в трех войтовствах 172 волоки пашни тяглой, т. е. средним числом на одну волоку дворовой пашни приходилось 5 $^{1}/_{2}$ волоки тяглых. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что на территории указанных дворов земля, средняя по качеству, постоянно перемешивается с землей, плохой по качеству. На 15 волок 10 моргов пашни Красноставского двора было отведено 112 волок 15 моргов, т. е. приходилось на одну волоку пашни более 7 тяглых волок, причем последние в некоторой своей части состояли из плохого грунта[2]. На 12 волок пашни двора Малевского было отведено 61 волока 15 моргов тяглых волок, причем пашня была по качеству среднего грунта и большая часть волок была таковой, за исключением 2 волок грунта злого. Следовательно, при Малевском дворе на 1 волоку дворовой пашни было отведено по 5 тяглых волок[3]. На 9 волок пашни Сеневского двора было отведено 87 волок 1,5 морга, т. е. по 9 $^{1}/_{2}$ волоки на волоку дворовой пашни. Это объясняется тем, что в составе дворовой пашни половина волок была злого грунта, а из тяглых волок 57 волок были волоками «злыми»[4].

На Тетеревский двор ревизор отвел 7 волок 29 моргов 15 прутов[5]. Количество тяглых волок, отведенных для обработки дворовой пашни, равнялось 56 волокам 15 моргам; следовательно, на 1 волоку дворовой пашни было отведено несколько больше 7 волок тяглых. Суммируя все указанные наблюдения,

[1] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 20.
[2] ПКПКК. С. 406–459.
[3] Там же. С. 459–474.
[4] Там же. С. 495.
[5] Там же. С. 496.

мы приходим к выводу, что аграрные реформаторы королевы Боны для определения количества тяглых волок для дворовой пашни не руководились одними нормами на протяжении всей территории Пинского и Клецкого княжеств. Такая неопределенность, конечно, была допустима, когда производилась реформа по почину частного лица, действовавшего на территории своего владения и могущего в каждом отдельном случае дать соответствующие дополнения и разъяснения. Совсем иной практики должно было держаться правительство Сигизмунда-Августа. Аграрные реформаторы должны были иметь общие указания, для них обязательные, отступление от которых было возможно только в исключительных случаях, а потому вполне естественно, что составители уставы на волоки, отводя волоки на дворовую пашню, точно определяют количество отводимых тяглых волок. Согласно уставе на волоки, на каждую волоку дворовой пашни отводится 7 волок «з волы и клячами» из деревень, расположенных вблизи двора[1]. Определив так количество тяглых волок для обработки одной пашни, составители уставы могли воспользоваться практикой агентов королевы Боны, колебавшейся между 5 и 10 волоками, и отвели то количество тяглых волок, которое, по мнению составителей уставы на волоки, совершенно достаточно для обработки 1 волоки дворовой пашни.

Производя аграрную реформу в Пинском и Клецком княжествах, королева Бона имела в виду поднятие производительности и увеличение доходности своего хозяйства. Для этой цели агенты заводили дворовую пашню там, где ее не было, но где для этого были соответствующие условия. Разумеется, в некоторых дворах устройство пашни оказалось фактически невозможным, господарские дворы оставались всего лишь административными центрами прилегавших к ним сел. По такому же рецепту действует и составитель волочной уставы, настаивающий на устройстве фольварков «при каждых замкох и дворех наших», за исключением только тех мест, где для этого нет подходящих условий вследствие отсутствия подходящего грунта[2].

Ревизоры королевы Боны, производя аграрную реформу и устраивая дворовую пашню, вследствие тех или других условий не могли везде завести пашню. Однако и в этом случае на дворы отводилось некоторое количество волок. Так, при Дружиловском дворе Пинского княжества пашни не оказалось. Она была запущена и погибла. При производстве реформы ревизор, по указанию пана Станислава Хвальчевского, отвел для двора 2 волоки, которые должны были предназначаться для «выхования уряда» или для приезда самого старосты в Кобрин[3]. И составитель уставы на волоки в таком случае поступает так же. Только на уряд отводится «в каждом поли» по 1 волоке, которую уряд обязан обработать своими силами и с помощью своего рабочего скота[4].

Устава королевы Боны знает несколько разрядов сельского населения. Высший разряд составляли лица, отправлявшие какую-нибудь специальную службу

[1] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 20.
[2] Там же.
[3] ПКПКК. С. 102.
[4] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 20.

либо эксплуатировавшие господарские угодья. Устава королевы Боны упоминает только о ковалях, подлазниках, бобровниках, колесниках[1]. Между тем в писцовой книге встречаются бортники[2], млынари[3], пивоварцы[4], бондари[5], конюхи[6], осочники[7], пушкари[8], стрельцы[9]. В уставе королевы Боны не упоминается о путных боярах. Между тем они находились при каждом дворе. Такая лапидарность текста уставы вполне понятна. Устава давала принципиальные положения, предоставляя самому ревизору и мерчему руководствоваться ими при земельном наделении представителей высшего разряда сельского населения.

Согласно указаниям уставы, ковали получают для отправления своей службы по 2 волоки, свободные от чиншов. Подлазник, который должен быть налицо в каждом войтовстве, получает за свою работу 1 волоку, свободную от тяглой службы, но обязан платить чинш в таком размере, в каком его уплачивают тяглые люди. Бобровники сидят на волоке и во время ловли бобров освобождаются от тяглой службы от дня св. Николая до дня св. Семена. Затем наступает время, когда бобровники обязаны и службу нести, и чинш платить. Колесники освобождаются от тяглой службы, когда они заняты какой-либо замковой работой. Если же колесники окажутся не занятыми, то они по-прежнему обязаны уплачивать чинш и нести тяглую службу[10]. Таковы общие указания уставы королевы Боны. Ими, конечно, руководились королевины агенты-реформаторы. Так, они посадили бортников на 1 волоку с уплатой чинша[11], стрельцы сидят также на чиншевых волоках[12], хотя в другом селе стрелец испомещен на 1 волоке, свободной от чинша[13].

Мельники посажены на чиншевых волоках[14], пивоварец при дворе Селецком получил в свое распоряжение вольных 18 моргов 24 прута грунту среднего[15], а в другом месте пивоварцы получили в пользование свободную волоку земли[16]. Дойлиды сидят на одной вольной волоке[17], осочники сидят на свободных волоках[18], замковый пушкарь, живущий в городе, имеет свободную усадебную

[1] ПКПКК. С. 4.
[2] Там же. С. 171–172.
[3] Там же. С. 41, 43, 57, 59.
[4] Там же. С. 42, 404.
[5] Там же. С. 36, 51 и др.
[6] Там же. С. 80.
[7] Там же. С. 71.
[8] Там же. С. 393, 404.
[9] Там же. С. 68.
[10] Там же. С. 4–5.
[11] Там же. С. 171–172.
[12] Там же.
[13] Там же. С. 68.
[14] Там же. С. 43–59.
[15] Там же. С. 42.
[16] Там же. С. 404.
[17] Там же. С. 36–51.
[18] Там же. С. 71.

оседлость. Путные бояре сидят обыкновенно на чиншевых волоках [1], но в с. Паршевичах путные бояре сидят на вольных волоках[2]. Правда, земля их плохого качества. Добавочная волока средней по качеству земли обложена чиншем.

В уставе и действиях ревизора заметна тенденция отводить возможно меньше волок, свободных от чинша. Обыкновенно все держатели волок уплачивают чинш, освобождаясь от последнего при исполнении ими господарских работ. С другой стороны, в уставе нет точного указания, какое количество волок отводится на одну службу. В данном случае действовал по собственному усмотрению сам староста. Несмотря на отсутствие точных указаний относительно повинностного положения высших разрядов сельского населения, можно все-таки отметить тенденцию давать вольные волоки только в некоторых случаях, в зависимости от местных условий по усмотрению ревизора и его агентов. Устава на волоки, конечно, должна была коснуться этого первостепенной важности вопроса. Устава не могла предоставить этот вопрос исключительно на рассмотрение одних агентов, производивших реформу, так как в таком случае между населением и господарскими агентами могли бы возникнуть недоразумения. Да и к тому же раз господарское дворовое хозяйство во всех волостях, где производится аграрная реформа, строится на одних принципах, то и положение высшего разряда сельского населения должно было быть всюду одинаковым. Волочная устава также не пытается перечислять все разряды сельского населения и способы их земельного обеспечения. Устава дает только общие указания, которыми должны были руководиться господарские агенты. Как ревизор Пинского и Клецкого княжеств должен был оставлять на специальной службе людей только в случае действительной необходимости, так и по волочной уставе количество лиц, отправляющих специальные службы и несущих особые повинности, должно определяться только потребностями замка и двора. Так, ревизоры обязаны посадить на землю определенное количество путных бояр, однако они должны «обирати и не болш толко с потребу при каждом замке и дворе нашом заставити»[3]. Определяя повинностное положение высшего разряда сельского населения, устава держится принципиального положения такого характера: высший разряд сельского населения сидит на определенном количестве волок, вольных «от всех платов», но при условии действительного выполнения службы и отправления той повинности, которая на нем лежит. В противном случае они должны платить чинш с каждой волоки в определенном размере[4]. Это та же тенденция, которой руководились и ревизоры Пинского и Клецкого княжеств. Наконец, некоторые разряды, прежде отличные по своему повинностному положению от прочих разрядов сельского состояния, и теперь остаются при них, но «за вси повинности, цынши, овсы и сена пенязми з волок до скарбу нашого платити, яко и осадники»[5]. Так устава квалифицирует положение бор-

[1] ПКПКК. С. 74.
[2] Там же. С. 88.
[3] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 1.
[4] Там же. Арт. 3.
[5] Там же. Арт. 2.

тников, второй разряд сельского населения в уставе королевы Боны составляют люди. Их повинностное положение определено совершенно точно. Тяглые крестьяне с каждой волоки несут два дня барщины в неделю, а с половины волоки один день барщины. Если же участок земли меньше является просто застенком, то назначается каждому держателю особый урок, за исключением всякой другой службы и других повинностей. Такое постановление уставы вполне целесообразно. Определенные повинности можно требовать с нормального земельного участка. Если такового нет налицо, то и система повинностей по отношению к земельному участку меньших размеров совершенно неприменима. В таком случае по усмотрению ревизора на держателя такого небольшого участка возлагаются повинности в зависимости от его экономического положения, уже не по нормам уставы. Такое разрешение вопроса, конечно, вполне возможно, раз реформа производится в частнохозяйственном владении, и все дефекты которого легко исправить сепаратным административно-хозяйственным распоряжением. Кроме барщины, тяглому крестьянству не приходится нести никакой другой повинности. Затем тяглые люди в зависимости от качества грунта должны платить чинш, давать продукты натурой или вместо них деньгами[1]. Добавочные их платежи можно представить в следующем виде (в грошах):

Качество грунта	Чинш	Жито	Овес	Итого
Добрый	20	10	10	40
Средний	15	10	5	30
Злой	12	10	–	22

Таким образом, чинш колеблется в зависимости от качества почвы. Количество жита, вносимого всеми тяглыми крестьянами независимо от качества грунта, совершенно одинаково. Зато с каждой волоки уплачивается по-разному овсом. Держатели волок с плохим по качеству грунтом освобождаются от уплаты овса. Кроме того, тяглые люди на случай приезда королевы должны давать стацию по такому расчету: с каждой волоки – 2 гроша, курицу, 10 яиц, а с 5 волок – гуся. Остальные продукты должны покупаться на деньги, причем уплата за них деньгами не производится. Скарб уменьшает пропорционально чинш, приходящийся на каждую волоку[2]. Крестьяне, сидящие на волоках и свободные от тяглой службы, называются осадными. Их повинности представляются в следующем виде (в грошах):

Качество грунта	Чинш	Жито	Овес	Итого
Добрый	60	10	10	80
Средний	40	10	5	55
Злой	30	10	–	40

[1] ПКПКК. С. 4.
[2] Там же.

Кроме того, крестьяне, сидевшие на осаде, были обязаны давать стацию в той же пропорции и на тех условиях, на которых давали стацию тяглые крестьяне. Наконец, с каждой тяглой или осадной волоки, за исключением служебных волок, приходится толока 6 раз в год, а также каждая волока отбывает по очереди подводную повинность, выставляя подводу с волоки[1]. Устава на волоки остальное сельское население делит также на тяглых и осадных. Она определяет повинности и платежи последних также в зависимости от качества земельного участка. Устава делит землю по качеству на четыре разряда: к обычным трем она вводит четвертый вид грунта – весьма подлый, блотливый, песковатый. Это дополнение вызвано необходимостью выделить в особую категорию земли весьма плохие по качеству почвы, так как к ним были неприменимы общие нормы повинностей и платежей. Крестьяне тяглые отбывают барщину два дня в неделю, уплачивают чинш и натуральные податки в виде мелкого дохода: кур, гусей, яиц; стации, а также сена и овса. Стация обыкновенно собиралась деньгами, но если последовало господарское распоряжение, то стация поступала натурой: с 30 волок – одна яловица, два барана и отдельно с волоки «по куряти и по десяти яец»[2]. Количество платов, приходящихся на волоку земли того или другого качества, можно представить в следующем виде (в грошах):

Качество грунта	Чинш	Куры, гуси, яйца, стации, неводы	Овес	Сено	Итого
Добрый	21	8	20	5	54
Средний	12	8	20	5	45
Подлый	8	8	10	5	31
Вельми подлый	6	8	10	5	29

Итак, в господарский скарб поступали с тяглой волоки платы в 54, 45, 31 и 29 грошей в зависимости от качества почвы. Обложение тяглого крестьянства платами и натуральными повинностями строится в уставе на тех же основаниях, что и в уставе королевы Боны, с той лишь разницей, что в уставе волочной обложение несколько выше. Система чинша несколько иная – более высокий чинш за держание доброй волоки и значительно уменьшенный чинш – с волок более плохих по качеству почвы. Зато тяглые люди уплачивали постоянную стацию. В уставе Боны стация – экстраординарный сбор. Затем вместо жита вносится овес и сено, но ценность этих натуральных повинностей в волочной уставе выше ценностей натуральных податков по уставе королевы Боны. Повышая платежи и повинности, волочная устава в общем итоге держится принципов уставы Боны. Разница между всеми платежами в уставе соответствует такой же разнице в уставе Боны, с незначительными колебаниями в стороны увеличения. По уставе Боны платежи с доброй волоки на 10 грошей

[1] ПКПКК. С. 4.
[2] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 16.

больше, чем со средней, а в волочной уставе разница между соответствующими платежами составит 9 грошей. По уставе Боны разница в обложении между волокой средней и плохой по качеству почвы составляет 12 грошей, тогда как разница по волочной уставе равняется 14 грошам. Наконец, разница между волоками «велми подлыми» и плохими по уставе составляет 17 грошей. Увеличение платежей по уставе Сигизмунда-Августа несколько уменьшается тем, что тяглые люди отбывают четырехдневную толоку с освобождением от работ в большие праздники, как-то на Рождество, Масленицу и Пасху по одному дню, а по уставе Боны для всех приняты шестидневные толоки и не сказано, идет ли она в зачет свободы от работ в большие праздники. Устава королевы Боны допускает владение землей в размере волоки, полуволоки и меньше. В первом случае платежи и повинности уменьшаются вдвое. Во втором случае всякий раз ревизор определяет плату и повинности. Что же касается волочной уставы, то все ее финансовые расчеты отправляются от волоки. Она рекомендует раздачу только целых волок. Там же, где целой волоки не может быть, там, где участок земли исчисляется тем или другим количеством моргов, там платежи определяются количеством моргов, находящихся в застенке, причем в уставе точно определено обложение, приходящееся на каждый морг застенка. Волочная устава должна была отступить в этом отношении от уставы королевы Боны и индивидуальное распоряжение ревизора заменить фиксированными платежами, что позволит администрации избежать разного рода ошибок и уклонений в сторону от правильной оценки урока, приходящегося на каждый застенок[1]. И повинностное положение осадного крестьянства по волочной уставе сложнее и тяжелее. Осадные люди уплачивают чинш, за кур, гусей, невода, стацию, за толоку, гвалт, осаду, овес и сено. С переводом всех натуральных платежей на деньги с каждой волоки доброго грунта шло в скарб 106 грошей, среднего – 97, плохого – 83 и велми подлого – 66 грошей. В сравнении с платежами осадного крестьянства во владениях Боны в Пинском и Клецком княжествах последние для земель первой категории больше на 26 грошей, для второй – на 42, для третьей – на 43 гроша. Для четвертой категории земель сравнения нет. Волочная устава не знает особого платежа для осадных людей, как жито, $^1/_3$ которого при переводе на деньги уплачивается 10 грошами. Но в то же время она вводит повинность «в гвалт», которую можно заменить бочкой жита стоимостью в 10 грошей. Устава королевы Боны принимает разные расценки чинша для тяглого и осадного крестьянства. В волочной уставе нормы чинша одинаковы для обоих разрядов сельского населения, но зато в ней введен новый платеж «осада», равный для всех осадных волок независимо от качества грунта. Между платежами осадного и тяглого крестьянина по уставе королевы Боны разница в чинше. Излишек чинша у осадного крестьянства возмещается двухдневной барщиной тяглого крестьянства. По волочной уставе при равенстве чинша плата за осаду, гвалт и толоку является возмещением двухдневной барщины[2]. Устава королевы Боны не упоминает об одном разряде дворового населения челяди невольной, а между тем при

[1] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 16.
[2] Там же ; ПКПКК. С. 4.

дворах Пинского и Клецкого княжеств челядь была налицо. Точно так же и в волочной уставе нет упоминания о челяди невольной, и в то же время и после введения волочной померы она кое-где при дворах сохранилась. Молчание обеих устав – показательный факт. Очевидно, экономическое положение челяди невольной – прежнее, дореформенное, но с той лишь разницей, что она потеряла значение доминирующей рабочей силы при господарском дворе. По уставе Сигизмунда-Августа при господарских дворах должны находиться «огородники», каждый из них получает по 3 морга земли с обязательством работать пешими один день в неделю. Что же касается работ женщин, то они в течение 6 дней в году должны выходить «до жнива альбо до полотья»[1]. Возникновение при дворах особой экономической группы огородников, посаженных на карликовых наделах, вызвано потребностями хозяйства внутри двора для производства тех работ, которые раньше выполняла челядь невольная, которая была налицо далеко не при каждом дворе. Устава Боны молчит, но считается с челядью невольною. Устава Сигизмунда-Августа тоже молчит о них, но создает вместо челяди невольной – огородников. Очевидно, последними должна стать челядь невольная и тем самым приблизиться к тяглому крестьянству. Уставы королевы Боны и Сигизмунда-Августа одинаково отрицательны по отношению к челяди невольной как рабочей силе. Они с ней не считаются, но в то время как первая ее игнорирует, но примиряется, вторая стремится образованием особой группы – огородников – заменить потерявшую силу и значение челядь невольную.

В административном отношении по писцовой книге Пинского и Клецкого княжеств владения королевы Боны делились на войтовства, административную единицу, образованную несколько искусственно, механически, путем соединения под властью войта некоторого количества сел. Такая неопределенность вполне возможна для частного хозяйства, каким являлось хозяйство королевы Боны, была неудобна, когда новое административное деление вводилось на протяжении всей территории Литовско-Белорусского государства. В таком случае королевские агенты должны были получить какие-либо определенные указания, что и было сделано в статьях, дополнявших основную уставу и опубликованных 20 октября 1557 г. Устава рекомендует объединять под властью одного войта до 400 волок, если они осадные. Если же в войтовстве имеются и тяглые волоки, то, разумеется, количество волок в одном войтовстве должно быть меньше, так как войту больше дела с тяглыми людьми, чем с осадными. Войт – лицо должностное. Он несет ряд ответственных обязанностей, за что, по уставе королевы Боны, ему отводится 2 волоки земли, свободных от всяких чиншов и работ.

Только войт обязан наравне с прочими давать стацию, но особую, в виде двух каплунов[2]. Устава Сигизмунда-Августа первоначально отвела войту одну, но вольную волоку, предлагая ему брать другую на плате. Но в дополнениях к уставе от 20 октября 1557 г. войту отводится по 2 волоки «вольных от всех потяглей и податков». Устава возвращается к нормам уставы Боны. В уставе последней нет ни слова об обязанностях и правах войта. Да это вполне было есте-

[1] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 16.

[2] ПКПКК. С. 4.

ственно. Войт действовал под непосредственным контролем пана старосты, который, следя за его деятельностью, в любой момент мог направить последнюю в желательную для себя сторону. Составители уставы, вводя в западных волостях однообразное аграрно-административное устройство, должны были с большим вниманием и подробностями остановиться на должности войта и дать ей исчерпывающую характеристику. Пинский староста получал «науку» от королевы Боны, внимательно следившей за своим хозяйством. Господарские наместники, разбросанные по всем дворам, лежащим вдали от центра, конечно, должны были получить общие указания в уставе, дабы они знали, что должен делать войт, в чем заключаются его обязанности. Все господарские урядники должны были предъявлять войту одни и те же хозяйственно-административные требования, так как в противном случае получилась бы дезорганизация хозяйства вместо его организации. Вообще устава королевы Боны отличается большею неточностью. Она намечает только основные принципы, на которых надо строить новые аграрные отношения, не касаясь подробностей в вопросах организации и ведения самого хозяйства; в данном случае такая детализация являлась излишней. Пинский и клецкий староста получал все указания, дополнения и разъяснения от королевы Боны. Вся практика ведения хозяйства нашла теоретическое освещение в волочной уставе Сигизмунда-Августа. Хозяйство, в основу которого были положены одни и те же принципы, разумеется, преследовало одни и те же цели, а потому самая организация его и способы ведения, контроль и управление должны были быть совершенно одинаковыми на протяжении всей территории, захваченной новыми аграрными преобразованиями. Недостатки, естественные умолчания в частном хозяйственном уставе, разумеется, не могли иметь места в уставе, имеющей значение общегосударственного руководства.

Волочное измерение королевы Боны, как и аграрная реформа Сигизмунда-Августа, коснулось также и мест. Обе уставы должны были определить те платы, которые поступали с земельных владений, расположенных как в черте города, так и за пределами городской черты. Вся усадебная территория новопостроенных домов, а также некоторых старопостроенных домов подлежит измерению на пруты. С каждого прута вносится в скарб по 3 пенязя. С огородной земли, измеренной на пруты, поступает 8 грошей с каждых 30 прутов, т. е. с морга. Что же касается угодий вне городской черты, то последние измеряются на волоки, причем каждая волока подлежит такому же обложению, как и волока пашни, за исключением тяглой службы волоки, подвод и других повинностей[1]. Затем из «писцовой книги» видно, что войт г. Пинска за исполнение служебных обязанностей, связанных с должностью войта, получает 2 волоки земли «грунту доброго» и, кроме того, два огорода[2]. Войт места Мотыль был наделен тремя огородами грунта среднего[3]. Войт места Клецк получил только 1 волоку земли, в которой было 15 моргов доброй земли и 15 моргов средней[4]. Войт места Но-

[1] ПКПКК. С. 3.
[2] Там же. С. 40.
[3] Там же. С. 18.
[4] Там же. С. 404.

бель получает в свое распоряжение два огорода, вольных от платов, и 2 волоки – одну грунта среднего, а другую злого[1]. Устава на волоки так же подошла к разрешению того же вопроса, но несколько иначе посмотрела на поставленную задачу в связи с тем, что устава имела в виду территорию всего государства, а не только одну какую-либо область большего или меньшего пространства. Благодаря этому все вопросы, касающиеся волочного измерения в городах, разработаны значительно подробнее. Устава имеет в виду два типа городов: привилегированные и непривилегированные. Она не распространяет своего действия на города, забронированные своими привилегиями. Она исключительно имеет в виду только вторые. Волочная устава, как и устава королевы Боны, имеет в виду два типа городских земель: в пределах городской черты и за ней. Определяя повинности, причитавшиеся с каждой волоки за пределами городской черты, устава отступает от принципов королевы Боны. Городские волоки подлежат особому обложению в 50, 40 и 30 грошей в зависимости от качества грунта и, кроме того, 12 грошей за толоку. Между тем по уставе королевы Боны городские волоки совершенно освобождены от несения толоки. Земля в пределах городской черты делится на два типа – на усадебную и огородную. В противоположность уставе королевы Боны платежи с усадебной земли далеко не одинаковы. Норма платежей зависит от местоположения усадьбы. Усадьбы, близкие к рынку, подлежат большему обложению в сравнении с усадьбами, расположенными по улицам. Нельзя, конечно, не признать этого принципа более правильным, но зато и обложение значительно выше – 7 $^1/_2$ и 5 пенязей за прут вместо 3 пенязей по уставе королевы Боны. Огородные земли, независимо от своего местоположения, по уставе на волоки подлежат одинаковой расценке. В этом отношении следует отметить полное сходство с уставой королевы Боны. И нормы обложения почти одинаковы. За исключением этих денежных платов, жители городов освобождаются от всяких «инших повинностей», а также от давания стаций и «от разъездов» как с господарскими листами, так и листами урядников[2]. И в этом случае принят во внимание принцип, легший в основу уставы королевы Боны. Наделение войтов землею во владениях Боны производилось по усмотрению ревизора. Войты получают 2 волоки или волоку земли в свое распоряжение, и установление нормы всецело зависело от ревизора, принимавшего во внимание местные обстоятельства и условия. Составитель уставы не мог руководиться принципом ревизорского усмотрения при составлении статьи о войтах. По уставе норма войтовского надела зависит исключительно от территории и значения города. Войты «при большом месте» получают 2 волоки земли, а войты «при меньшем месте» только 1 волоку земли за выполнение войтовских обязанностей. Кажется, ревизоры Боны руководились тем же принципом: войты больших городов получали и большие земельные наделы, хотя, видимо, этот принцип не проведен во всей своей прямолинейности, но тенденцию к этому следует отметить. Войт Пинска, большого города, получает 2 волоки самой лучшей земли, а войт

[1] ПКПКК. С. 106, 169.

[2] РИБ. Т. XXX, Устава. Арт. 9.

Клецка – 1 волоку. Но в то же время войты местечек Нобель и Мотыль получают в свое распоряжение также по 2 волоки. Принцип наделения войта землей в зависимости от размеров и значения города как будто соблюдается и в то же время как будто осуществляется далеко не везде. Можно сказать, что необходимость такой градации скорее чувствуется, чем сознается.

Как ни была коротка устава королевы Боны, однако сходство между ней и уставой Сигизмунда-Августа, несомненно, налицо. Уставу королевы Боны можно считать главным источником для уставы Сигизмунда-Августа, дополненной различными хозяйственными указаниями энергичных дельцов, принимавших активное участие в хозяйственной деятельности королевы Боны. Недаром многие из них, испытав себя на проведении аграрной реформы в имениях королевы Боны, явились главными исполнителями королевских предначертаний и планов. Успешность и быстрота осуществления аграрной реформы Сигизмунда-Августа в значительной степени этим и объясняется.

Н. В. Сильченко
доктор юридических наук

ОСОБЫЕ ГРУППЫ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СИСТЕМЕ ФОРМАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Исходные положения. Право является особым видом социального регулирования, а его содержание состоит из правил поведения, основу которых образуют принципы права, нормы права и индивидуальные правила поведения. Кроме принципов права, норм права и индивидуальных правил поведения, в содержание права входят иные правила поведения – правовые положения, фикции, презумпции и т. д. Содержание права формировано [1], проявляется в формализованном праве, в правовом сознании, в фактических правовых отношениях [2]. Формы права в системном единстве образуют позитивное, действующее право.

Источники права – это *официально признанные средства выражения и закрепления содержания позитивного права*, т. е. принципов права, норм права, индивидуальных и иных правил поведения. Отдельные принципы и нормы права, индивидуальные и иные правила поведения, а также их стороны, которые не были выражены и закреплены в источниках права, составляют особую часть позитивного права – право фактическое. В сопоставлении с фактическим правом позитивное, которое выражено и закреплено в системе источников права, является правом формальным, а официально признанные средства

его выражения и закрепления являются формальными источниками права [3]. Формальное право, которое в силу разных причин не реализуется в поведении субъектов социального общения, является «правом книжным». Часть правового сознания, в которой формулируются правила будущего права, составляет «идеальное право», а в фактических правовых отношениях мы имеем дело с «правом реальным».

Таким образом, понятия «форма права» и «источники права» конкретизируют понятие содержания права. Но при этом понятие «форма права» характеризует строение содержания *всего* позитивного права, а понятие «источники права» описывает ту *часть* позитивного права, которая *официально признана* действующим правом.

Система формальных источников современного права. Система формальных источников современного позитивного права является сложным социально-правовым образованием и состоит из подсистем национального, международного и наднационального права, включает в себя отдельные виды, подвиды, уровни и группы формальных источников права, а также связи между подсистемами, видами, подвидами, уровнями и группами и связи внутри подсистем, видов, подвидов, уровней и групп формальных источников права [4].

Каждая из подсистем источников права – самостоятельная система, у которой имеются собственные элементы. В подсистеме источников национального права таковыми являются нормативный правовой акт, договор нормативного содержания, правовой обычай и ряд других видов источников права. В подсистеме международного права свои элементы: договор нормативного содержания, правовой обычай, иные присущие ей виды источников права. В подсистеме наднационального права происходит смешение отдельных видов источников права, присущих национальному и международному праву. Например, в европейском праве наряду с договорами нормативного содержания используются нормативные правовые акты Европейского союза: регламенты, директивы, решения, рекомендации и заключения, издаваемые институтами ЕС, которые, как правило, имеют прямое действие на территории ЕС. В количественном отношении нормативные правовые акты ЕС преобладают над учредительными договорами и решениями Суда ЕС, а «…число нормативно-правовых актов, издаваемых в Брюсселе, заметно превосходит число нормативно-правовых актов, издаваемых национальными государственными органами [5]». Таким образом, в системе источников европейского права используются самые авторитетные виды источников права, изначально рожденные в системах национального и международного права.

Каждый отдельный вид формальных источников также является самостоятельной системой, у которой выделяются собственные элементы. Так, систему нормативных правовых актов национального права образуют все нормативные правовые акты внутригосударственного характера, которые подразделяются на подвиды: законы, указы, постановления правительства и т. д. В качестве самостоятельных систем можно рассматривать отдельные виды источников международного и наднационального права, например международные договоры

и нормативные правовые акты европейского права, которые также можно разделить на отдельные подвиды.

В подсистемах источников права имеются разные уровни. Под уровнями источников права в национальной системе источников права Российской Федерации понимаются федеральный уровень, уровень субъектов федерации и муниципальных образований [6], в Республике Беларусь – уровень общегосударственный и уровень источников права местных органов управления и самоуправления [7]. В отдельных видах источников национального права выделяются собственные уровни, которые, как правило, совпадают с уровнями, присущими подсистеме источников права, в состав которой они входят.

Как было отмечено, в системе формальных источников права наряду с подсистемами, видами, подвидами и уровнями существуют также группы источников права, правовая природа которых, в отличие от иных структурных частей, изучена слабо. Рассмотрим данный вопрос более подробно.

Понятие группы формальных источников права. Понятие «группа источников права», в отличие от таких понятий, как подсистема, вид, подвид, уровень формальных источников права, пока в юридической науке не имеет четких очертаний. Словосочетанием «группа источников права» обозначаются формальные источники права, которые имеют разное название, назначение, иерархическое положение и содержание, поэтому данным термином, в принципе, может быть обозначена любая совокупность источников права. Для того чтобы наполнить понятие «группа источников права» конкретным содержанием, необходимо закрепить данное словосочетание за строго определенной частью формальных источников права, и тогда у обозначаемой им совокупности источников права появится свое название и в соответствии с правилами формальной логики могут быть выделены общие признаки, которые образуют содержание понятия и позволяют установить его объем [8, с. 5].

Для одной части формальных источников права название «группа источников права» является синонимом и используется для обозначения результатов деления отдельных видов формальных источников права. Например, в результате деления договоров нормативного содержания по сферам регулирования общественных отношений мы получаем подвиды (группы) договоров в сфере публичного и частного права. Для другой части формальных источников права название «группа источников права» обозначает результат деления подвидов источников права. Например, законы – подвид нормативных правовых актов, а в результате их деления по связи с Конституцией государства получаются группы конституционных и обыкновенных законов.

Для третьей части формальных источников права словосочетание «группа источников права» не столь определенно и обозначает совокупность правовых актов, которые не вписываются в рамки отдельных видов и подвидов формальных источников права, потому что не являются результатом их деления. Это и есть особые группы правовых актов в системе формальных источников права. Среди них выделяют традиционные и нетрадиционные, основные и дополнительные, типичные и нетипичные, классические и модифицированные

источники права. Особая группа правовых актов – технические нормативные правовые акты. Рассмотрим данные группы формальных источников права более подробно.

Традиционные и нетрадиционные источники права. Группы традиционных и нетрадиционных источников права образуются в результате деления всей совокупности формальных источников права на две части. Одни источники используются во всех правовых системах и являются традиционными, другие являются официальным средством выражения и закрепления позитивного права в отдельных национальных правовых системах и поэтому являются нетрадиционными.

Относительно набора традиционных источников права в юридической науке не сложилось единого подхода [9]. На наш взгляд, в данную группу входят правовой обычай, правовой прецедент, договор нормативного содержания, доктрина, Священное Писание, нормативный правовой акт [10]. Принципы права, как было отмечено выше, являются элементом содержания права и поэтому не входят в состав формальных источников права, а выражаются и закрепляются в официально признанной системе формальных источников права наряду с другими элементами содержания права. Состав нетрадиционных источников права очертить достаточно сложно. В самом общем плане в данную группу входят все официально признанные «хранилища» действующего позитивного права, которые не входят в группу традиционных источников права.

Нетрадиционными источниками современного белорусского права, на наш взгляд, являются нормативные правовые акты, издаваемые органами управления профессиональными союзами и органами управления потребительской кооперации. Данные источники права санкционированы белорусским государством и вписываются в действующую систему нормативных правовых актов. Правовые акты данной группы располагаются в иерархии нормативных правовых актов на одной ступени с ведомственными нормативными правовыми актами [11]. Содержание входящих в данную группу нормативных правовых актов определяется предметом правового регулирования и состоит из набора таких же правил поведения, как и содержание иных ведомственных нормативных правовых актов. Юридический вес этой группы в общем объеме нормативных правовых актов незначительный [12], они не выполняют особых функций в системе формальных источников права.

Основные и дополнительные источники права. Разделение источников права на группу основных и группу дополнительных источников права осуществляется на основании *значимости* той или иной формы права в национальной правовой системе. С каждой формой права наиболее тесно коррелируют два традиционных вида источников права: с фактическими правовыми отношениями – правовой обычай и правовой прецедент, с правовым сознанием – правовая доктрина и Священное Писание, с формализованным правом – нормативный правовой акт и договор нормативного содержания [13]. Под воздействием факторов цивилизационного характера одна из трех форм права выдвигается на передний план и превращается в ведущую, соответственно, те виды источ-

ников права, которые наиболее тесно коррелируют с ней, становятся основными, а четыре других вида источников права – дополнительными. При переменах в значимости форм права происходят соответствующие изменения и в составах групп основных и дополнительных источников права.

Между основными и дополнительными источниками права формируются достаточно определенные иерархические связи, содержание которых зависит, во-первых, от того, какие два из шести источников права являются основными, и, во-вторых, какой из двух основных будет выполнять роль главного источника права.

Основы системных связей между данными группами источников права закладываются путем придания одному из основных источников статуса главного. Между главным видом источников права и вторым основным источником права устанавливаются первичные иерархические связи, которые по-разному проявляются в отраслях права, имеют специфические формы выражения. Но при этом государство в силу разных причин может поменять местами основные источники права, отдав предпочтение второму основному источнику права. Такое случается, например, в условиях трансформации общества, когда нужно сформировать новые правовые эквиваленты и придать им доминирующее значение. Подчеркнем при этом, что посредством главного вида источников права в правовую систему общества вводятся основные правовые эквиваленты, производится ранжирование источников права, осуществляется закрепление иерархических связей и управление системой формальных источников права.

Типичные и нетипичные источники права. Типичные и нетипичные источники права выделяются на основании модельных параметров, присущих традиционным источникам права. В группу типичных источников права входят формальные источники, у которых имеются все модельные параметры, свойственные традиционным источникам права, а группу нетипичных составляют традиционные источники права, у которых отдельные параметры отсутствуют, но при этом имеются уникальные правовые качества.

В советской правовой системе к нетипичным источникам права относились совместные постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР, совместные постановления партийных и советских органов в союзных республиках [14]. В современной правовой системе Республики Беларусь к нетипичным источникам права относятся директивы Президента Республики Беларусь [15], являющиеся уникальной правовой формой реализации полномочий главы государства, посредством которой закрепляются основные направления внутренней и внешней политики белорусского государства. Субординационные связи между типичными и нетипичными источниками права, как правило, закрепляются в самом общем плане. Так, например, директивы Президента Республики Беларусь определены в законе «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» в качестве указов программного характера, чем подчеркивается их особое положение среди законодательных актов и специальная направленность.

В каждой формально-правовой общности у традиционных источников права наблюдаются различия в модельных параметрах [16]. Одно дело – типичность нормативного правового акта в романо-германской правовой семье, и другое дело – его модельные параметры в рамках семьи общего права.

Классические и модифицированные источники права. Деление традиционных источников права на группу классических и группу модифицированных также происходит на основании модельных параметров, свойственных традиционным источникам права, но в ином ракурсе. У группы классических источников права имеется в наличии весь набор модельных параметров, свойственных отдельному виду традиционных источников права, а модифицированные источники права сочетают в себе модельные параметры нескольких видов традиционных источников права, но при этом ни к одному из традиционных видов не относятся. Формальные источники права, сочетающие в себе модельные параметры нескольких видов, именуются также гибридными источниками права [17].

Модифицированные источники права, как правило, издаются властными структурами, которые *обычно* не имеют полномочий на издание определенного вида формальных источников права и поэтому являются уникальной группой по названию, месту в системе формальных источников права и содержанию.

В состав данной группы в белорусской правовой системе входят постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и заключения Конституционного Суда Республики Беларусь. В постановлениях Пленума сочетаются свойства, присущие нормативным правовым актам и правовым прецедентам, а в заключениях Конституционных Судов – признаки, присущие нормативным правовым актам, правовым прецедентам, и качества, свойственные доктринальным источникам права [18].

Несмотря на то что постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь основательно изучались в отечественной правовой науке [19], тем не менее остается ряд нерешенных вопросов относительно правовой природы данных актов, места в системе формальных источников права и содержания.

В законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» постановления Пленума Верховного Суда включены в систему нормативных правовых актов и расположены в одном ряду с постановлениями Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь; постановлениями Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; нормативными правовыми актами Генеральной прокуратуры, нормотворческих органов, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь. Такой подход законодателя к определению видовой принадлежности и места постановлений Пленума Верховного Суда в системе формальных источников права расходится с конституционным принципом разделения властей [20], не соответствует назначению судебной власти в правовом государстве [21] и не совсем точно отражает содержание данного вида актов судебной власти.

Постановления Пленума Верховного Суда образуют самостоятельную подгруппу в составе модифицированных источников права в силу их особого на-

значения, места в системе формальных источников права и специфического содержания.

Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь одновременно выполняют две функции: 1) интерпретируют другие источники права; 2) анализируют и обобщают судебную практику и судебную статистику. Причем ни одна из данных функций не может быть осуществлена сама по себе без выполнения другой. Только интерпретация на основании анализа и обобщения судебной практики и судебной статистики и только анализ и обобщение судебной практики и судебной статистики, которые приводят к интерпретации других источников права, дают представление о назначении постановлений Пленума Верховного Суда в системе формальных источников права.

Место постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в иерархии источников права определяется путем сопоставления данных правовых актов с теми источниками, содержание которых было интерпретировано в постановлениях Пленума Верховного Суда и относительно действия которых была проанализирована и обобщена судебная практика и судебная статистика. Данная подгруппа модифицированных источников права связана со всеми видами источников права, но не находится в «силовом поле» ни одного из видов, а юридическая сила постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь имеет «подвижной характер» и не превышает юридической силы интерпретируемых источников права.

Пленум Верховного Суда в соответствии со ст. 58 Закона Республики Беларусь № 132-З от 17 июля 2018 г. «Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей» в порядке судебного толкования дает судам общей юрисдикции разъяснения (подчеркнуто мной. – *С. Н.*) по вопросам применения законодательства. Выражение «в порядке судебного толкования», на наш взгляд, указывает на процедуру вынесения разъяснения, а содержание разъяснения составляют обязательные для исполнения *правовые положения*. С помощью разъяснений Пленума Верховного Суда производится *адаптация* действующего права к реальным общественным отношениям.

Содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда правовые положения отличаются от принципов права, норм права, индивидуальных и иных правил поведения. Они не являются результатом правотворческой деятельности уполномоченных на то органов государства и должностных лиц, не создаются при рассмотрении конкретного судебного дела. Правовые положения не являются также результатом нормативного толкования действующего позитивного права, поскольку Верховный Суд не имеет на то конституционных полномочий.

Правовые положения, содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда, формулируются на основе анализа и обобщения судебной практики и судебной статистики в целях адаптации принципов права, норм права, индивидуальных и иных правил поведения к существующим общественным отношениям. Содержащиеся в разъяснениях Пленума Верховного Суда правовые положения конкретизируют действующее право без изменения его содержания. Иными словами, в разъяснениях Пленума Верховного Суда осуществляется

интерпретация духа действующего права без изменения буквы формальных источников права [22]. В этом отношении разъяснения Пленума похожи на решения судебных органов по конкретным делам, в которых содержание права интерпретируется относительно конкретной ситуации. Однако интерпретация действующего права в разъяснениях Пленума Верховного Суда покоится на результатах обобщения опыта судебной системы в целом и обязательна для решений всех судебных органов в будущем, в то время как интерпретация действующего права в решениях судебных органов по конкретным делам хотя и основана на прошлом опыте, но не является обязательной для будущих решений судебных органов.

Основная функция заключений Конституционного Суда Республики Беларусь сводится к обеспечению соответствия системы формальных источников национального права Основному Закону Республики Беларусь как по содержанию, так и по форме [23] и осуществляется в порядке контроля [24] за результатами правотворческой деятельности всех социальных субъектов [25].

Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь занимают в системе источников права промежуточное положение между Конституцией Республики Беларусь и тем источником права, который проверяется полностью или в какой-то части на предмет соответствия Основному Закону государства. Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь, точно так же, как и постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, «завязываются» на систему источников права в целом и точно так же, как и постановления Пленума Верховного Суда, не находятся в «силовом поле» у источников права, проверяемых на предмет конституционности. В то же время юридическая сила заключений Конституционного Суда отличается от юридической силы постановлений Пленума Верховного Суда.

Поскольку абсолютно все источники современного белорусского права могут быть проверены Конституционным Судом на их соответствие Основному Закону государства и отменены в случае противоречия Конституции и вышестоящему источнику права, то юридическая сила заключений Конституционного Суда Республики Беларусь уступает юридической силе Основного Закона, но превосходит юридическую силу проверяемых источников права. Только в такой «связке» заключения Конституционного Суда Республики Беларусь приобретают юридическую значимость и обязательность для всех субъектов права [26].

Специфика содержания заключений Конституционного Суда состоит в том, что в них содержатся *индивидуальные правовые правила*, которые являются общеобязательными для всех субъектов права. Правила поведения, которые составляют содержание судебного прецедента, отличаются от индивидуальных правил поведения, содержащихся в заключениях Конституционного Суда, тем, что они создаются тогда, когда необходимого права нет, в то время как в заключениях Конституционного Суда формулируются индивидуальные правила поведения, определяющие судьбу действующего права или, если речь идет о предварительном конституционном контроле, позитивного права, которое находится в завершающей стадии создания.

Технические нормативные правовые акты. Среди формальных источников права, действующих в сфере технического регулирования, отсутствует системность и иерархия [27, с. 299]. Следовательно, необходимо провести типологию действующих в данной сфере источников права, положив в ее основание самое широкое по объему понятие. В качестве такового следует выбрать понятие «документ», которое используется во всех сферах человеческой деятельности, но в каждой из них имеет «отдельную версию его понимания в соответствии с их спецификой» [28, с. 15]. У используемого в сфере технического регулирования общественных отношений понятия «технический документ» мы можем выделить два взаимосвязанных признака: юридическую обязательность и нормативность технических документов.

Технические документы, которые являются нормативными и юридически обязательными изначально, а равно те технические документы, которые являются нормативными и *потенциально* могут стать юридически обязательными, образуют группу технических документов, именуемых общим термином «нормативные технические документы». Понятие нормативных технических документов конкретизирует родовое для технической сферы регулирования понятие «технический документ», оставляя за пределами содержания группу технических документов, которые не являются нормативными, хотя и могут иметь юридическую значимость (технический паспорт конкретного жилого помещения, план конкретного земельного участка и т. д.).

Технические нормативные правовые акты – это те нормативные технические документы, которые изначально либо после придания им юридической обязательности стали правовыми. Со строго научной точки зрения в состав понятия технических нормативных правовых актов мы не можем включить, не нарушив сложившийся строй понятийного аппарата юридической науки, те нормативные технические документы, которые не являются юридически обязательными изначально, а также те нормативные технические документы, которые не стали правовыми в последующем.

Используемое в отдельных государствах в названии информационных ресурсов словосочетание «технические нормативные правовые акты» не влияет на содержание включаемых в состав данных ресурсов технических документов. Название информационных ресурсов – это всего лишь название информационных ресурсов, а не содержащихся в них формальных источников права и технических документов, которые не являются источниками позитивного права. Название информационных ресурсов можно поменять, но в содержании технических документов, входящих в информационные ресурсы, от такой перемены ничего не изменится.

Белорусский законодатель, используя словосочетание «технические нормативные правовые акты» в названии информационного ресурса «Национальный фонд технических нормативных правовых актов», считает их особой *группой* нормативных правовых актов. Об этом свидетельствует ст. 3 Закона Республики Беларусь № 130-З от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах», согласно которой технические нормативные правовые акты включены в систему законодательства Республики Беларусь, которая характеризуется внутренней

согласованностью, иерархией и обеспечивает правовое регулирование общественных отношений.

На наш взгляд, это правильное решение, потому что по основным типологическим признакам данная группа формальных источников права соответствует модельным параметрам нормативных правовых актов. Присущие данной группе источников права специфические свойства, связанные с неопределенностью состава и особенностями юридической обязательности [29], не должны служить препятствием для того, чтобы считать технические нормативные правовые акты особой группой именно нормативных правовых актов. В то же время следует обратить внимание на нарушение логических правил при построении ст. 3 данного Закона. Дело в том, что в ней перечисляются отдельные виды нормативных правовых актов по юридической силе, но технические нормативные правовые акты указываются отдельной строкой в самом низу иерархической лестницы без деления на отдельные виды и, следовательно, определения юридической силы отдельных видов. Но у группы формальных источников права, в состав которой входят технические нормативные правовые акты, издаваемые органами государства и организациями, которые находятся в структуре власти на разных ступенях иерархии, юридическая сила не может быть одинаковой. Можно было бы в ст. 3 выделить отдельную часть, посвятив ее техническим нормативным правовым актам.

Понятие технических нормативных правовых актов является собирательным, поскольку в его содержание входят нормативные технические документы, которые имеют разное название и принимаются разными органами, организациями и юридическими лицами. Данным понятием охватываются источники права от ратифицированных государствами международных стандартов до нормативных технических документов, которые приняты отдельными юридическими лицами и являются составной частью заключаемых ими договоров.

Отдельные виды технических нормативных правовых актов, которые входят в состав данной группы нормативных технических документов, изначально являются юридически обязательными (регламенты), в отношении других (внутригосударственные стандарты) этого утверждать нельзя. Своеобразие данной группы формальных источников права состоит и в том, что их юридическая сила «привязана» к юридической силе нормативных правовых актов, посредством которых нормативным техническим документам придается юридическая обязательность. Кроме того, в данной группе сильны связи координации, вследствие чего при анализе юридической природы технических нормативных правовых актов на передний план выдвигаются вопросы предметной иерархии [30].

В связи со сказанным возникает вопрос о природе нормативных технических документов, которые потенциально могут стать юридически обязательными, и о возможной корреляции данных документов с общественными отношениями, которые имеют правовую природу. Выскажем предположение о том, что юридическая обязательность может быть придана техническим документам именно потому, что они созданы для регулирования общественных отно-

шений, *имеющих правовую природу* [31]. Если технические отношения, о которых шла речь выше, строятся на эквивалентных началах, составляющих сердцевину права, то и нормативные технические документы, созданные для регулирования данных отношений, «потенциально» являются правовыми. Здесь следует говорить не о противопоставлении права и закона [32], а о корреляции буквы закона с духом права [33]. Конечно, в условиях техногенной цивилизации возможности законодателя, иных субъектов правотворчества в сфере технического регулирования многократно увеличиваются, но даже с помощью новейших информационных технологий невозможно сделать нормативные технические документы правовыми, если для этого нет соответствующих предпосылок.

Выводы. Система формальных источников современного права состоит из подсистем, видов, подвидов, уровней и групп источников права, а также связей субординации, координации и корреляции между данными частями системы формальных источников права и аналогичных связей внутри данных частей. Словосочетанием «группа источников права» обозначаются формальные источники права, которые имеют разное название, назначение, иерархическое положение и содержание.

Если данным словосочетанием обозначаются результаты деления видов и подвидов формальных источников права, то тогда оно имеет строгие очертания и наполняется конкретным содержанием. Для части формальных источников права словосочетание «группа источников права» является не столь определенным и обозначает совокупность правовых актов, которые не вписываются в рамки отдельных видов и подвидов формальных источников права. Это особые группы правовых актов в системе формальных источников права. Среди них выделяются традиционные и нетрадиционные, основные и дополнительные, типичные и нетипичные, классические и модифицированные источники права, а также технические нормативные правовые акты.

Библиографические ссылки

1. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2007. Т. 3 : Современное правопонимание.

2. Бошно С. В. Форма права: теоретико-правовое исследование : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М., 2005.

3. Данцева Т. Н. Формальные источники права : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сиб. федер. ун-т. Красноярск, 2007.

4. Сильченко Н. В. Система формальных источников современного права и проблемы правового регулирования правотворческой деятельности // Журн. рос. права. 2017. № 10 (250). С. 13–24.

5. Европейское право : учеб. для вузов / под общ. ред. Л. М. Энтина. М., 2001.

6. Колесников Е. В. Источники российского конституционного права (вопросы теории и методологии) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Сарат. гос. юрид. акад. Саратов, 2000.

7. Реут В. И. Иерархия нормативных правовых актов в Республике Беларусь // Право Беларуси. 2003. № 10, 11.

8. Плескунов М. А. Основы формальной логики : учеб. пособие. Екатеринбург, 2014.

9. Марченко М. Н. Источники права. М., 2005.
10. Сільчанка М. У. Агульная тэорыя права : вучэб. дапам. : у 4 ч. Гродна, 1997. Ч. 1.
11. Томашевский К. Л. Система источников трудового права государств – членов ЕАЭС: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05 / Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина. М., 2018.
12. Сильченко Н. В. Количественное соотношение между видами актов и проблемы теории закона // Совет. государство и право. 1988. № 2. С. 13–21.
13. Сильченко Н. В. Проблемы иерархии источников права // Государство и право. 2018. № 4.
14. Поленина С. В., Сильченко Н. В. Научные основы типологии нормативно-правовых актов в СССР. М., 1987.
15. Сільчанка М. У. Тэорыя крыніц беларускага права. Гродна, 2012.
16. Егоров А. В. Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения. Витебск, 2014.
17. Кухнина Л. Ю. Гибридные источники права: проблемы формирования и перспективы развития. М., 2018.
18. Лазарев В. В. Поиск права // Журн. рос. права. 2004. № 7.
19. Бибило В. Н. Роль Пленума Верховного Суда Республики Беларусь в совершенствовании судебной практики // Судовы весн. 1998. № 3.
20. Анишина В. И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Рос. акад. правосудия. М., 2006.
21. Шмавовян Г. А. Научные представления о высших представительных органах в период перестройки: от «радикально-демократических советов» до парламентаризма // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2013. № 6.
22. Сорокин В. В. Фундаментальная теория права. М., 2020. Сер. «Теория и история государства и права».
23. Василевич Г. А. Источники белорусского права. Минск, 2005.
24. Кучинский В. А. Конституционный контроль как условие формирования и функционирования правового государства // Проблемы формирования правового государства в Беларуси : сб. науч. тр. Минск, 1998.
25. Пугачев А. Н. Понятие, признаки и форма правовых актов конституционного судопроизводства // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2004. № 3.
26. Сільчанка М. У. Акты Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь у сістэме крыніц сучаснага беларускага права // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2006. № 4. С. 51–63.
27. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2008.
28. Куняев Н. Н., Уралов Д. Н., Фабричнов А. Г. Документоведение : учебник / под ред. проф. Н. Н. Куняева. М., 2012.
29. Брославский Л. И. Техническое регулирование и стандартизация качества продукции и безопасности окружающей среды. Законы и реалии России, США и Евросоюза [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2020.
30. Петров А. А., Шафиров В. М. Предметная иерархия нормативных правовых актов. М., 2014.
31. Сильченко Н. В. Проблемы верховенства закона : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. Минск, 1993.
32. Аблаева Э. Б. Право и закон: вопросы сопоставления и противопоставления // Пробелы в рос. законодательстве. 2018. № 1. С. 104–113.
33. Багдасаров В. Ю. Русская правовая мысль и теория правотворчества: прошлое и современность. Ставрополь, 2014.

А. Г. Тиковенко
доктор юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Правовая система призвана создавать условия для существования и надлежащего функционирования социальных институтов, обеспечивать правопорядок в обществе, цивилизованные отношения между его членами. Она выступает в качестве одной из важнейших систем социальной интеграции и социального руководства общественными процессами, включая различные виды деятельности. Объективное, адекватное отражение правовой системой господствующих интересов, существующих общественных связей и отношений обусловливает эффективность, прогрессивный характер, что стимулирует прогресс общества. В противном случае, т. е. если она не отражает динамизма социальных и экономических процессов, не обеспечивает своевременного, а порой опережающего правового регулирования общественных отношений, правовая система становится препятствием на пути общественного развития. Должный уровень качества правовой системы обеспечивается двумя ее важнейшими элементами: правотворчеством и правореализацией, находящимися в тесном взаимодействии. По мнению известного немецкого ученого в области социологии и права Н. Лумана, судебные решения, юридическая практика являются центральным элементом правовой системы [1, с. 333].

Особое место в правовой системе принадлежит правовым принципам, в том числе прямо закрепленным в Конституции и вытекающим из ее норм. Правовые принципы, по мнению Конституционного Суда, носят универсальный характер, выступают в качестве основополагающих начал, ориентиров нормотворческого процесса, руководящих идей для правоприменительной деятельности. В своей деятельности Конституционный Суд утверждал прежде всего такие из них, как верховенство права, приоритет общепризнанных принципов международного права, прямое действие конституционных норм, соблюдение иерархии нормативных актов, доступность правосудия, в том числе конституционного, недопустимость придания обратной силы нормативным актам, ухудшающим положение участников правоотношений, социальная справедливость, равноправие, гуманизм, взаимная ответственность государства и личности, презумпция правомерности поведения гражданина [2].

Разумеется, основным источником конституционных принципов является Конституция Республики Беларусь, которая ныне также составляет и правовую основу общепризнанных принципов международного права, реализации международно-правовых норм, что свидетельствует о качественном повышении международно-правового сознания белорусского народа. Народ

Республики Беларусь, «сознавая себя полноправным субъектом мирового сообщества и подтверждая свою приверженность общечеловеческим ценностям», как декларировано в преамбуле Конституции, установил в ее ст. 8 генеральную трансформационную норму, обеспечивающую применение международно-правовых норм внутригосударственной правовой системой, придание им силы внутригосударственного действия, выступающую в качестве гаранта государственного суверенитета Беларуси. Согласно указанной статье «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции». Более того, ч. 4 ст. 116 Конституции требует соответствия принимаемых законов, декретов, указов Президента Республики Беларусь, международных договорных и иных обязательств Конституции и ратифицированным международно-правовым актам, т. е. по юридической силе ставит последние на второе место после Конституции. В ст. 18 Конституции содержатся общепризнанные принципы международного права в области внешней политики Беларуси. Таким образом, Конституция Беларуси впервые в белорусской конституционной практике придает конституционный статус общепризнанным принципам международного права, т. е. наиболее общим и важным, обычным нормам международного права, официально признанным всеми или почти всеми государствами в качестве обязательных. Возникшие в результате длительного исторического развития общепризнанные принципы международного права являются важнейшей общечеловеческой ценностью, закрепляют исторически достигнутый уровень цивилизованности и демократии международного сообщества, выступают в качестве критерия международной законности. В международном праве не существует единого нормативного акта, который содержал бы перечень общепризнанных принципов, как нет и четкого единства в отношении их числа при анализе международной судебной практики, толковании Устава ООН, принятой в его развитие Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г., Хельсинкского заключительного акта СБСЕ 1975 г. и других международно-правовых актов. К общепризнанным принципам современного международного права относятся уважение прав человека и основных свобод, суверенитет и суверенное равенство государств, неприменение силы или угрозы силой, территориальная целостность государств, неприкосновенность государственной территории, мирное урегулирование международных споров, невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства, равноправие и самоопределение народов, сотрудничество между государствами в соответствии с Уставом ООН, добросовестное выполнение обязательств по международному праву и некоторые другие. Включение общепризнанных принципов международного права в разд. I Конституции «Основы конституционного строя» свидетельствует об их значимости для обеспечения государственного суверенитета, экономической интеграции, дальнейшей демократизации и гуманизации государственных институтов, правовой системы Беларуси.

В общей теории права существует неоднозначное понимание сущности права и, соответственно, выделяются различные критерии классификации его принципов, что отражается на их количестве. Так, профессор С. Г. Дробязко указывает 42 социально-правовых принципа, выделяя среди них нравственно-правовые, экономико-правовые, эколого-правовые, политико-правовые и собственно правовые (таких принципов 15) [3, с. 61–65].

В онтологическом плане правовые принципы есть базовые идеи, формулирующие право, составляющие основу его развития. Они соучаствуют в создании правовых норм, оправдывают, легитимируют их, контролируя применение юридической нормы, выступая ориентиром при ее толковании, выявлении глубинного смысла [4, с. 668]. Конституционный Совет Франции высказался за признание неконституционными законов, противоречащих фундаментальным принципам, признанных законами [5, с. 169].

Правовые принципы как объективно обусловленные исходные начала пронизывают, скрепляют правовую систему, обеспечивают ей целостность, определяют общий вектор ее развития, а также методы и основные направления правового регулирования. Выступая в качестве своеобразного вида, особой разновидности правовых норм (например, норм-принципов, норм-идей), они являются очевидным системообразующим фактором для элементов правовой системы, в особенности для норм, институтов, подотраслей и отраслей права.

Будучи облеченными, прямо или опосредованно, в формулы конституционного текста, правовые принципы приобретают конституционно-правовой характер, статус наиболее устойчивого высшего нормативно-ценностного ориентира, что позволяет их определять в качестве конституционных принципов. Они выражают наиболее важные, качественные общественные отношения, объективные закономерности становления, организации, функционирования и развития общества и государства.

Правовые принципы позволяют обеспечивать единообразное применение правовых норм, сузить усмотрение субъектов правоприменительной деятельности, свести к минимуму роль субъективного фактора при ее осуществлении, а также снизить правовую неопределенность, которая являлась актуальной для европейских правовых систем во все времена. Так, Ф. Бэкон под влиянием континентального гражданского права с целью повышения определенности законов государства в 1597 г. представил королеве Англии рукописный сборник из подробного описания 25 правовых принципов (максим).

В свою очередь, правоприменительная практика, стремясь к единообразию, вырабатывает общие положения, оказывающие воздействие на развитие действующих правовых принципов или выступающие в качестве основы формирования последних. В силу своей гибкости правовые принципы способны изменяться сообразно реальным потребностям общества, постоянно развиваться под воздействием социально-экономических отношений, правоприменительной практики, что обусловливает необходимость признания такого развития правовой системой и его соответствующего объективного воплощения в ней

в надлежащей форме, отвечающей особенностям того или иного элемента системы права. В этих условиях сохраняются внутрисистемные связи, поддерживаются внутреннее единство и взаимосогласованность правовой системы, обеспечивается ее стабильность при помощи правовых принципов.

Важнейшей органической частью правовой системы, ее ядром является Конституция Республики Беларусь. Обладая высшей юридической силой, она занимает главенствующее положение во всей правовой системе, оказывает конституционное воздействие на все ее элементы, является мощным правообразующим фактором как в процессе прямого действия ее норм, так и выступая в качестве основы нормативного и ценностного ориентира всего нормотворческого процесса. В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году» отмечено, что Конституция «…содержит фундаментальные положения, выступающие регуляторами системы политических, экономических и социальных отношений, служит правовой основой стратегии развития суверенной Беларуси… является животворной основой национального права: ее принципы и нормы несут в себе организующее начало, обеспечивают единство, взаимосвязь, сбалансированность и гармоничное развитие всех составляющих правовой системы» [6, с. 29–30]. Нормы Конституции действуют прямо, непосредственно, являются первичными, исходными, основополагающими для всех отраслей права, обладают верховенством, наибольшей стабильностью, обеспечивая устойчивость политической, экономической и социальной жизни. Конституция выступает единственной правовой гарантией обеспечения стабильности правовой системы, определяет принципы и пределы ее развития.

Нормы Конституции составляют основу, фундамент всей системы законодательства, играют определяющую роль в ее развитии, предусматривают механизм применения нормативных правовых актов в соответствии с принципом верховенства права, закрепленным в ст. 7 Основного Закона. Конституционная формула, предписывающая издание законов, декретов, указов и иных актов государственных органов на основе и в соответствии с Конституцией (ст. 137), устанавливает жесткую меру связанности конституционных норм и положений правовых актов, выступает неукоснительным, важнейшим требованием конституционности нормотворческой деятельности.

Конституция стимулирует конституционализацию отраслей законодательства, определяет ее приоритеты, устанавливает официальную классификацию и иерархию основных видов нормативных правовых актов, выступает в качестве важнейшего нормативно-правового критерия их толкования и применения. Конституционные ценности, принципы и нормы образуют необходимый контекст для всех нормативных правовых актов, связывают всех субъектов нормотворческой и правоприменительной деятельности, определяют программу ее перспективного развития.

Действие Конституции достигает цели только во взаимосвязи, в комплексе с актами текущего законодательства, нормы которых развивают конституционные принципы и нормы, отражают динамику политической и социальной жизни. При этом важную роль в обеспечении стабильности правовой системы, законодательства играют конституционные принципы, которые, являясь раз-

новидностью правовых принципов, обладают высшей степенью нормативной обобщенности, нормативно-ценностной императивности, составляют основы конституционного строя, связывают конкретные конституционные нормы, образуя вместе с конституционными ценностями ядро самой Конституции.

По мнению бывшего Председателя Конституционного Суда Италии, конституционные принципы изначально выполняют особую функцию, формируют условия жизни общества и государственное устройство, стабилизируют общественную жизнь [7, с. 80].

Г. А. Гаджиев выражает точку зрения, согласно которой, являясь разновидностью правовых принципов, конституционные принципы представляют собой базовые мировоззренческие юридические предписания, пребывающие в «свернутом виде» [8, с. 265–266]. При этом отметим, что ранее автор высказывался по данному вопросу несколько иначе, относя все общие принципы права к конституционным принципам [9, с. 254].

Автор теории конституционного правопользования В. И. Крусс предлагает признать, что все правовые принципы должны быть конституционными по сути, а следовательно, все конституционные принципы являются общеправовыми [10, с. 423–424].

Представитель теории социалистического конституционализма Н. А. Михалева высказывала сходное мнение, считая, что общие принципы конституции в основном совпадают с общими принципами права в целом [11, с. 63].

А. Н. Пугачев рассматривает конституционные принципы в качестве принципов-идей, выработанных доктриной конституционализма и обусловленных ее принципами, которые, получив конкретное выражение в конституции, становятся принципами-нормами (принципами собственно конституции) [12, с. 110–111].

Таким образом, единого подхода к конституционным принципам, понимания в соотношении их с общими принципами права не существует. Определения понятия «конституционные принципы», предлагаемые в отдельных научных работах, не позволяют прояснить исследуемый нами вопрос [13, с. 97; 14, с. 73; 15, с. 4].

Наряду с этим в современных трудах по конституционализму можно обнаружить продолжение господствующей в советское время традиции рассматривать понятия «конституционные принципы» и «принципы конституции» в качестве синонимов, что не совсем, на наш взгляд, оправданно [13, с. 97–100; 16, с. 154].

Не вдаваясь в подробную дискуссию по данному вопросу, отметим, что конституционные принципы как фундаментальные нормативно-ценностные положения, ориентиры, руководящие начала правовой реальности, выражая дух, сущность самой конституции, объективные закономерности жизнедеятельности и развития общества и государства, выступают основой формирования и обеспечения согласия, политического единства народа, критерием правового регулирования наиболее важных общественных отношений, вектором развития других конституционных норм и правовых институтов.

В советской государствоведческой науке существовало два подхода к исследованию принципов социалистической конституции, при которых в ходе исследования выделялись, соответственно, две группы принципов. Большинство

советских ученых-государствоведов, исследуя одну из групп принципов общественного и государственного строя, смешивали их с принципами конституции, не проводя между ними различий [11, с. 48–63; 17, с. 79–100]. Они рассматривали понятия «конституционные принципы» и «принципы конституции» как синонимы, выделяя, по подсчетам Н. А. Михалевой, около 40 различных принципов [11, с. 57]. Такое значительное число предложенных конституционных принципов объяснялось различными подходами к понятию принципов, отождествлением принципов конституции с ее сущностью, функциями и свойствами [18, с. 42–46].

В литературе по социалистическому конституционализму не только перечислялись конституционные принципы, но и предпринимались попытки их научной классификации. Так, Н. А. Михалева, исходя из характера регулируемых конституцией общественных отношений, выделяет три группы конституционных принципов: общие конституционные принципы (народный суверенитет, руководящая роль марксистско-ленинской партии, социалистическая законность, свобода личности и ее всестороннее развитие, социалистический интернационализм), лежащие в основе совокупности указанных отношений и в основном совпадающие, по ее мнению, с общими принципами права в целом; специальные, формирующиеся в четырех сферах общественной жизни (политической организации, экономической, социальной и духовной), и комплексные (как разновидность специальных конституционных принципов), действующие в нескольких областях общественных отношений [11, с. 62–77].

Отдельные советские государствоведы (в частности, И. М. Степанов и В. О. Лучин) предлагали разграничивать конституционные принципы и принципы самой конституции, не считать их равнозначными. Конституционные принципы, по их мнению, воплощаясь в соответствующих нормах конституции, приобретают всеобщий, универсальный характер, самостоятельность, являются руководящим началом общественно-политического строя страны. В свою очередь, принципы конституции не имеют внешнего проявления и характеризуют как бы ее внутренние параметры, указывая на то, каким образом она выполняет свою служебную роль в системе правового регулирования [19, с. 29–32; 20, с. 37]. К числу принципов конституции советские государствоведы относили, в частности, такие из них, как реальность, верховенство, стабильность, демократизм, гуманизм, научная обоснованность, активно действующий характер [19, с. 32–38; 21, с. 82–84]. Отдельные из указанных принципов (например, верховенство, стабильность) в современной теории конституционализма правомерно отнесены к свойствам конституции [13, с. 110–113; 22; с. 57]. В дальнейшем И. М. Степанов уточнил свою позицию в отношении принципов конституции, рассматривая верховенство, стабильность и высшую юридическую силу конституции в качестве ее признаков (свойств) [23, с. 43–44]. Другие принципы конституции, предложенные указанными авторами, представляют собой, на наш взгляд, ее свойства, за исключением научной обоснованности. При этом можно дополнить характеристику конституции таким свойством, как прямое действие ее норм. Например, в ст. 6 Конституции Литовской Республики закреплено: «Конституция является целостным и непосредственно применяемым актом» [24, с. 583].

Вместе с тем отказываться от определения подходов к принципам самой конституции, попыток их выработки вряд ли целесообразно. Создание «живой», действующей конституции, способной обладать особыми свойствами [25, с. 52], имеющей, по мнению французских ученых-юристов, характер основополагающей нормы [26, с. 80] или являющейся верховной нормой права (ст. 5 Органического закона Испании о судебной власти) [27, с. 165], на наш взгляд, возможно только на основе соответствующих принципов конституции, что не умаляет значения конституционных принципов. Такие признаки конституции, как целостность, научность, ясность и согласованность ее норм, могут представлять интерес при разработке принципов конституции.

В современной доктрине конституционализма выделяются различные конституционные принципы, проводится их классификация по группам. Так, О. А. Жидков пишет о том, что Конституция США (1787) заложила в основу государственного строя и правовую систему такие принципы, как федерализм, разделение властей и судебный конституционный контроль [28, с. 10–18]. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что конституционный контроль возник, не имея законодательной основы, в результате рассмотрения Верховным Судом США в 1803 г. известного дела Marbury v. Madison («Мэрбери против Мэдисона»).

В уже упомянутой ранее монографии «Сравнительное конституционное право» конституционные принципы с учетом их характера разделяются на три основные группы: универсальные, особенные и единичные. При этом отмечается, что конституционные принципы народного (национального) суверенитета и народовластия, правового государства, социального государства, гарантированности прав и свобод человека, социально ориентированной рыночной экономики, разделения властей, политического плюрализма, представительной демократии являются универсальными, поскольку имеют общечеловеческую ценность и присущи большинству современных конституций [13, с. 100].

Российский юрист В. Пастухов выделяет четыре базовых конституционных принципа (равенство перед законом, плюрализм (экономический и политический), разделение властей, сменяемость власти), определяющих конституционные рамки любой государственности [29, с. 77].

Г. Загребельский в круг конституционных норм-принципов, осуществляющих собственно конституционную функцию, формируя условия жизни общества и государственное устройство, включает также признание человеческого достоинства, провозглашение основных прав и обязанностей, закрепление необходимости правосудия, принципиальный выбор формы государства и правительства [29, с. 80].

Исходя из анализа правовой системы Беларуси, А. Н. Пугачев обосновывает выделение всеобщих, общих, межотраслевых и отраслевых групп конституционных принципов. К числу всеобщих конституционных принципов, по его мнению, можно отнести гуманизм, справедливость, гласность, неприкосновенность личности, ответственность субъекта за виновные деяния, поскольку они признаются всеми отраслями права и юридической практикой [30, с. 9–10].

В ходе исследования конституционных принципов можно сделать вывод об их разнообразии, множестве в науке конституционного права, теории конституционализма, что объяснимо в условиях сложности и динамизма конституционной реальности, включающей не только находящиеся в постоянном развитии в процессе правотворчества конституционные положения (нормы-правила, нормы-задачи, нормы-цели, нормы-принципы, нормы-символы, нормы-определения) [31, с. 95, 101–118], имеющие прямое (или косвенное) конституционное выражение или получившие официальный статус фундаментальных, основополагающих, руководящих идей в результате конституционного толкования, но и существующие между ними различные связи, взаимосвязи, играющие существенную роль в определении, формировании сущности, духа конституции, обеспечении единства ее норм. Постижение правового смысла, содержания конституционных принципов, построение их системы, составляющей основу конституционной реальности, возможно в процессе публичного толкования конституционных положений и их взаимосвязей (прежде всего судебного в ходе осуществления конституционного контроля, а также доктринального и обыденного) на основе конституционных ценностей. Процесс толкования конституции будет способствовать дальнейшему уяснению внутриконституционных связей, формированию определенного консенсуса по поводу определения, установления системы конституционных принципов, иерархии и взаимосвязей последних, а также обеспечит их легитимность, придаст динамизм в развитии конституционного права. Вместе с тем, по мнению И. А. Кравца, шансов на достижение базового консенсуса в отношении значения и содержания конституционных принципов очень мало [32, с. 488].

В то же время законодатели ряда зарубежных стран облегчают определение, уяснение содержания отдельных групп конституционных принципов, непосредственно используя в названиях разделов, глав и статей конституций термины «основные принципы» («общие принципы») или «принципы» («принцип»). Так, разд. I Конституции Республики Молдова называется «Основные принципы» [24, с. 309], а в разд. II Конституции Республики Польша («Свободы, права и обязанности человека и гражданина») предусмотрен подраздел «Общие принципы». Конституцию Итальянской Республики открывает вводная часть под названием «Основные принципы», состоящая из 12 статей, содержащих ряд основных принципов [33, с. 423–424]. Первые главы конституций Исламской Республики Иран и Республики Ирак именуются «Основные принципы». Например, в качестве одного из основных принципов Конституции Ирана, закрепляющего догмат мусульманского права, выступает вера в «Страшный суд и его конструктивную роль в человеческом совершенствовании на пути к Богу» (ст. 2). Наряду с этим в исламских конституциях содержатся и светские основные принципы. Так, ст. 5 Республики Ирак устанавливает, что признается верховенство закона, народ является источником власти и ее легитимности. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации (1999) содержит ряд статей, в названиях которых используется термин «принципы» (ст. 5 «Принципы действий правового государства», ст. 94 «Принципы экономического строя», ст. 127

«Принципы налогообложения» и др.), к тому же в них устанавливаются перечни соответствующих конституционных принципов. В частности, согласно ст. 5 Союзной конституции, закрепляющей принципиальные положения функционирования правового государства, они выражаются в следующем: основой и пределом государственных действий является право; государственные действия должны совершаться в публичных интересах и быть соразмерными; государственные органы и частные лица действуют добросовестно; Союз и кантоны соблюдают международное право.

В статьях Конституции Республики Беларусь также используется термин «принципы» для непосредственного выражения основополагающих конституционных положений (ст. 7, 8, 14, 18 и др.). Например, согласно части первой ст. 7 Конституции в Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права.

В то же время непосредственное закрепление в нормах конституций принципов вовсе не означает, что этим их перечень исчерпывается. Проведенный в данной статье анализ свидетельствует о том, что не все конституционные принципы получают прямое закрепление в конституционных нормах.

В Послании «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году» Конституционный Суд сделал вывод о том, что эволюционное конституционное развитие базируется на фундаментальных конституционных принципах: приоритета прав и свобод человека и гарантий их реализации, взаимной ответственности государства и гражданина, народовластия, разделения государственной власти и взаимодействия ее органов, верховенства права, равенства и справедливости, а также других принципах, прямо закрепленных в Конституции либо вытекающих из ее положений [34].

На наш взгляд, ряд фундаментальных конституционных принципов, который определен Конституционным Судом в указанном Послании, целесообразно дополнить следующими: поддержание доверия граждан к закону и действиям государства (легитимность публичной власти), участие граждан в управлении делами общества и государства, пропорциональность ограничений прав и свобод личности, сохраняющая их сущность («ядро») и обеспечивающая достижение законных целей и баланс индивидуальных и публичных интересов, неприкосновенность и равенство всех форм собственности и их правовой защиты; равные условия и возможности для развития всех форм собственности и их свободное использование вместе со способностями всеми субъектами экономической деятельности, идеологическое многообразие и политический плюрализм, охрана окружающей среды человеком и государством.

Выявление многогранного содержания, постижение глубины и взаимосвязей конституционных принципов, последовательная целенаправленная их реализация применительно к изменяющимся правоотношениям, внедрение в законодательство и использование в правоприменительной деятельности являются необходимым условием обеспечения динамизма конституционно-правового регулирования, развития правовой системы, а следовательно, и формирования фактической, «живой» конституции.

Библиографические ссылки

1. Luhmann N. Das Recht der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 1993.

2. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2000 году : послание Конституц. Суда Респ. Беларусь Палате представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, Совету Респ. Нац. собрания Респ. Беларусь, Президенту Респ. Беларусь : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 22 янв. 2001 г., № Р-105/2001 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. № 12. 6/267.

3. Общая теория права : пособие / под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. Минск, 2013.

4. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011.

5. Бержель Ж. Л. Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В. И. Даниленко. М., 2000.

6. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2013 году [Электронный ресурс] : послание Конституц. Суда Респ. Беларусь Палате представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, Совету Респ. Нац. собрания Респ. Беларусь, Президенту Респ. Беларусь : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 21 янв. 2014 г., № Р-915/2014 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=K91400915 (дата обращения: 01.04.2020).

7. Загребельский Г. Толкование законов: стабильность или трансформация? // Сравн. конституц. обозрение. 2004. № 3 (48). С. 80–82.

8. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013.

9. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики // Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2002.

10. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М., 2007.

11. Михалева Н. А. Социалистическая конституция (проблемы теории). М., 1981.

12. Пугачев А. Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различения правовых явлений // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. 2014. № 13. С. 109–118.

13. Сравнительное конституционное право / отв. ред. В. Е. Чиркин. М., 1996.

14. Ковачев Д. А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журн. рос. права. 1997. № 9. С. 71–77.

15. Джагарян А. А. О природе конституционных принципов в национальной правовой системе // Конституц. и муницип. право. 2009. № 17. С. 2–4.

16. Енгибарян Р. В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М., 2010.

17. Общие начала теории социалистической конституции. М., 1986.

18. Копейчиков В. В. Конституция развитого социализма: теоретические основы, сущность, функции / отв. ред. Б. Н. Топорнин. Киев, 1979.

19. Лучин В. О. Принципы Советской Конституции // Особенности и значение Конституции СССР 1977 года. Воронеж, 1979.

20. Степанов И. М. Конституционные основы советской политической системы // Совет. государство и право. 1977. № 9. С. 35–40.

21. Раввин С. М. 40 лет советского права. Л., 1957.

22. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005.

23. Степанов И. М. Теоретические основы Советской конституции. М., 1981.

24. Новые конституции стран СНГ и Балтии : сб. док. М., 1997. Вып. 2.

25. Шахрай С. М. О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. М., 2013.
26. Тихомиров Ю. А. Теория закона. М., 1982.
27. Гарсиа де Энтерриа Э. Конституция Испании 1978 г. как общественный договор и как юридическая норма // Современное конституционное право : сб. науч. тр. / РАН, ИНИОН. М., 2010.
28. Жидков О. А. Вступительная статья // Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993.
29. Пастухов В. Чем болеют конституции? Российский конституционализм: поэзия принципов и проза правоприменения // Сравн. конституц. обозрение. 2012. № 1. С. 75–86.
30. Пугачев А. Н. Конституционные принципы и принципы конституции: методологические проблемы различения правовых явлений // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. 2014. № 14. С. 7–12.
31. Таева Н. Е. Нормы конституционного права Российской Федерации. М., 2010.
32. Кравец И. А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб., 2005.
33. Конституции государств Европейского союза. М., 1997.
34. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2014 году [Электронный ресурс] : послание Конституц. Суда Респ. Беларусь Палате представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, Совету Респ. Нац. собрания Респ. Беларусь, Президенту Респ. Беларусь : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 20 янв. 2015. № Р-975/2015 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=K91500975 (дата обращения: 01.04.2020).

І. А. Юхо
(1921–2004)
доктар юрыдычных навук

СТАРАЖЫТНЫЯ КАРАНІ БЕЛАРУСІ[1]

Імя нашае краіны – Беларусь, новае маладое імя, але яно мае вельмі старажытную гісторыю. Імя народа – гэта сродак жывых сацыяльных зносін, у якіх удзельнічаюць масы людзей. Калі імя народа як сімвал важных гістарычных падзей звязваецца з імёнамі асобных людзей, тады гісторыя набывае жывы чалавечы вобраз. У гісторыі Беларусі свецяцца яркімі зоркамі імёны знакамітых асветнікаў народа: Ефрасінні Полацкай, Кірылы Тураўскага, Францыска Скарыны, Міколы Гусоўскага, Сымона Буднага, Адама Міцкевіча і інш.

[1] Друкуецца паводле: *Юхо І. А.* Старажытныя карані Беларусі // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 2003. Вып. 14. С. 3–16.

Пачэснае месца ў гісторыі належыць выдатным дзяржаўным і грамадскім дзеячам: Усяславу Чарадзею, Віценю, Альгерду, Ягайле, Вітаўту, Андрэю Казіміру, Жыгімонту Казіміравічу, Мікалаю Радзівілу Чорнаму, Льву Сапегу, Андрэю Тадэвушу Касцюшку, а таксама многім змагарам за адраджэнне беларускай дзяржаўнасці і культуры ў XIX і XX стст.

Філасофскай распрацоўкай значэння імён у навуцы і гісторыі займаліся многія вучоныя пачынаючы са старажытных часоў: Сакрат, Платон, Арыстоцель і іншыя мысліцелі. Так, Платон у сачыненні «Краціл» пісаў: «Можна ў саміх імёнах адшукаць пацверджанне таго, што не адвольна ўсталёўваецца кожнае імя, а адпаведна з некаторай правільнасцю. Што ж датычыць імён герояў і людзей, якія нам захавала паданне, то яны нас могуць і ашукаць... Першыя заснавальнікі імён не былі нікчэмнымі людзьмі, але былі ўдумлівымі назіральнікамі нябёсных з'яў і, я б сказаў, тонкімі знаўцамі слова».

Імя народа, дзяржавы, горада, паселішча і мясцовасці, а таксама і некаторых людзей сведчыла пра іх сутнасць, паходжанне, гісторыю, бо яно разглядалася як знак, сімвал, адзнака, прыкмета. Імя аб'екта або суб'екта знаёміць усіх з яго індывідуальнай асаблівасцю. Характарызуючы значэнне імя рэчы для штодзённага ўжытку і навукі, вядомы сучасны філосаф А. Лосеў пісаў: «Слова пра рэч ёсць слава рэчы, маніфест пра рэч; імя заўсёды абвяшчае, аб'яўляе, агалошвае аб рэчы. Імя выводзіць рэч вонкі з яе маркотнага ізаляванага становішча... Імя рэчы – гэта свет рэчы, промні, што яна выпраменьвае, вестка аб сабе, што яна пасылае, красамоўнае раскрыццё – для іншага, не проста для сябе, для іншабыцця, усялякага іншабыцця, для ўсяго, што захацела б уступіць з ёю ў зносіны». Імя народа мае вельмі важнае значэнне, бо яно ўключае ў сябе сутнасць усёй яго гісторыі, гэта сімвал яго існавання. Дзякуючы свайму імю, народ набывае індывідуальную і калектыўную сутнасць, становіцца самім сабой і аддзяляецца ад іншых народаў і разам з тым становіцца паўнапраўным суб'ектам сусветнай сям'і народаў.

Першае пісьмовае ўпамінанне пра людзей, што жылі на тэрыторыі старажытнай Беларусі, сустракаецца ў грэчаскага гісторыка Герадота, які жыў у V ст. да н. э. і называў нашых продкаў будзінамі і неўрамі. Ён пісаў: «Будзіны – вялікае і шматлікае племя; ува ўсіх іх светла-блакітныя вочы і рудыя валасы. У іхняй зямлі знаходзіцца драўляны горад пад назваю Гелон... Гарадская сцяна высокая і ўся драўляная. З дрэва пабудаваны таксама дамы і свяцілішчы... Уся зямля іх пакрыта густымі лясамі». Ён жа апавядае і пра неўраў, цары якіх разам з царамі будзінаў і іншых народаў удзельнічалі ў нарадах са скіфамі, каб разам абараніць скіфаў ад сямісоттысячнай арміі персідскага цара Дарыя.

Неўры раней вымушаны былі пакінуць сваю зямлю і пасяліцца сярод будзінаў.

Рымскія гісторыкі і географы Пампоній Мела, Гай Пліній Секунд, Карнелій Тацыт і іншыя, што жылі ў першых стагоддзях нашай эры, таксама пісалі пра будзінаў і неўраў, але ўжо ведалі і іншыя імёны для нашых продкаў, такія як венеды і сарматы. Візантыйскія і сярэднявечныя еўрапейскія пісьменнікі

і гісторыкі да гэтых імён яшчэ дадавалі славян, русь, драгавітаў, крэвічаў, радзімічаў, бужан і ліцвінаў.

Імя будзінаў, якіх пазней сталі называць бужанамі, крэвічамі і драгавітамі, для нашага народа ўзнікла невыпадкова, але яго дакладнае паходжанне пакуль што невядома. Магчыма, што яно паходзіць ад слова «будаваць», будзіны – будаўнікі. Вядома, што нашу краіну ў сярэднявечча называлі краінай гарадоў Гардарыкай. Ананімны баварскі географ пісаў у сярэдзіне IX ст., што свіране мелі 325 гарадоў, бужане – 231, тураўчане – 104, пружане – 70, гарады меліся ў жыцічаў і лукамлян. Такім чынам, выходзіць, што ў сярэдзіне IX ст. на Беларусі было больш за 730 гарадоў. Але нашыя археолагі ігнаруюць гэтыя звесткі і калі знойдуць нейкае старажытнае паселішча, то называюць яго не горадам, а гарадзішчам, нібыта ў нас не было гарадоў.

Аналізуючы запісы старажытных аўтараў пра будзінаў, П. Шафарык пісаў, што іх добра ведаў К. Пталамей, які адзначаў, што рэчка Барысфен (або Бярэзіна) пачынаецца з зямлі Будзінскай, сучаснік Пталамея грэк Агафадзямон размяшчаў будзінаў каля ракі Буг, пра іх жа пісалі таксама Аміян Марцэлін, Юлій Ганорый, Эцік і Стэфан Візантыйскі. Далей Шафарык піша: «Зыходзячы з гэтых сведчанняў, няма сумнення, што вялікі і шматлюдны народ – будзіны – займалі калісьці сваімі пабудовамі ўсю сучасную Валынь і Беларусь… Будзіны былі, уласна кажучы, адзін і той жа народ з венедамі і, такім чынам, адной, і прытым галоўнай, галіною вялікага сербскага пакалення… Будзіны мелі сваю мову… А такой мовай была мова славянская».

З імем будзінаў (гудзінаў, вудзінаў) звязаны і назвы паселішчаў на нашай зямлі: Буда, Будзілава, Будзішкі, Будслаў, Гуды, Гудагай, Гудзевічы, возера Будавесць і шэраг іншых. Ад будзінаў паходзяць і многія асабістыя імёны і прозвішчы нашых людзей: Будны, Будзівід, Будзікід, Будзіловіч, Будзінскі, Будзяка і інш.

Імя неўраў, або ў славянскім напісанні нарцаў, якіх Герадот размяшчае на зямлі будзінаў, таксама мае невыпадковае значэнне. У «Аповесці мінулых гадоў» ёсць такі запіс: «Нарцы, еже суть словяне». Рагожскі летапісец запісаў: «Бысть язык словенскый от племене Афетова нарицаемы норицы иже суть словене». Імя неўраў паходзіць са старажытнай санскрыцкай (арыйскай) мовы, у якой «нара» азначае «чалавек».

Герадот паведамляе, што цары неўраў на нарадзе са скіфамі адмовіліся ім дапамагаць у вайне з персамі, бо лічылі вайну несправядлівай, бо першымі яе пачалі скіфы. Але заявілі, што калі персы прыйдуць на іх зямлю, то яны не дапусцяць гэтага.

З імем неўраў, нарцаў звязана і назва ўсіх славян – «народ». П. Шафарык імя неўраў тлумачыў старажытным славянскім словам «нуръ». Ён пісаў: «Імя зямлі Nevpia, як называў яе грэк, або нуръ, як называў славянін, ёсць чыста славянская назва, бо слова нуръ у старажытнаславянскай мове абазначае зямля». Ад гэтых імёнаў народа і зямлі паходзяць геаграфічныя назвы нашых азёр, рэк, паселішчаў, а таксама асабістыя прозвішчы і імёны людзей: Нарач, Нараў,

Нараўлянка, Нароўля, Нарова, Нарашы, Наруцэвічы, Нур, Нурэц, Нарановіч, Нарбут, Нарбутовіч, Наркевіч, Нарушэвіч, Нарымонт.

Імя славяне для нашага народа атрымала шырокую вядомасць у V–VII стст. н. э. пасля слаўных заваёў у Паўднёвай і Цэнтральнай Еўропе і набыцця славы сярод іншых народаў. У папярэднія гады яны былі вядомы пад імёнамі венедаў, склавінаў, антаў. Іх першапачатковыя паселішчы, гарады і вёскі займалі тэрыторыю на поўнач ад Карпацкіх гор у басейнах рэк Віслы, Дняпра, Буга, Нёмана, Заходняй Дзвіны. Упершыню імя славяне ў пісьмовых помніках Заходняй Еўропы з'явілася ў пачатку VI ст. у вершы біскупа Марціна, дзе ён пералічваў імёны народаў, што пазналі сапраўднага Бога. Безумоўна, імя славян узнікла значна раней, да іх шырокага рассялення на прасторах Еўропы. Збройныя паходы славян з свае старажытнае зямлі на поўдзень і захад пачаліся ў канцы другога стагоддзя і працягваліся ў наступныя гады, а дасягнулі сваёй кульмінацыі ў V і VI стст., калі яны збройнай сілай, пры дасканалай дзяржаўнай і вайсковай арганізацыі ўтварылі свае новыя дзяржавы на Балканскім паўвостраве і ў Цэнтральнай Еўропе на захад ад ракі Одэр і дасягнулі ніжняга цячэння Эльбы і паўднёвых берагоў Балтыйскага мора.

Асабліва паспяховымі былі ваенныя дзеянні славян і іх саюзнікаў у VI ст. супраць Візантыі. Па звестках візантыйскіх гісторыкаў славяне рабілі свае напады на Візантыю, якая пры кожным нападзе страчвала да 200 тысяч жыхароў. Разам з тым былі выпадкі, калі славяне дзейнічалі як саюзнікі Візантыі. Так, у 537 г. конніца склавінаў і антаў удзельнічала ў аблозе Рыма. Але часцей за ўсё яны дзейнічалі як ворагі Візантыі. У 540–542 гг. яны захапілі вялікую колькасць візантыйскіх гарадоў і ўмацаванняў і нават уварваліся ў прыгарад Канстанцінопаля. Напады на Канстанцінопаль працягваліся ў наступныя гады. Добра арганізаванае войска славян дзейнічала па загадзя распрацаваным плане, вяло адкрытыя баі з прафесійным візантыйскім войскам. У 578 г. стотысячнае войска славян перайшло Дунай, спустошыла некалькі правінцый на Балканах. У 616 г. славяне напалі на горад Фесалоніку, акружыўшы яго з сушы і з мора. Візантыйскі аўтар лічыў, што толькі цуды святога Дзмітрыя выратавалі горад ад захопу.

Славяне, што жылі на старажытнай Беларусі ў другой палове першага тысячагоддзя, мелі яшчэ мясцовыя імёны крэвічаў, драгавітаў, бужан, радзімічаў, а некаторыя з іх, як, напрыклад, крэвічы, падзяліліся на палачан, смальнян, велетаў, люцічаў. Частка велетаў у V–VI стст. захапіла ў германцаў тэрыторыю на захад ад Одэра да Эльбы. Прарадзімай велетаў Шафарык лічыў паўночна-заходнюю Беларусь. Ён пісаў, што прарадзімай велетаў (люцічаў, вільцаў) быў Віленскі край. «Велеты выступілі з края Віленскага, якога адна частка вядомай была некалі пад імем Вілкаміра, гэта значыць зямля Ваўкоў, Воўкастан… Велеты, якія славіліся зухаватасцю і ваяўнічасцю… Веравызнанне і грамадскае кіраванне былі ў іх значна лепей і больш дасканала наладжаны, чым у іншых славян. Усё гэта гаворыць нам пра незвычайную грамадзянскую асвету, якой гэтыя велеты дасягнулі».

Імёнамі венедаў і сарматаў у першыя стагоддзі нашай эры называлі славян рымскія і грэчаскія гісторыкі Тацыт, Пталамей, Іардан. Імёны венедаў, вентаў,

вендаў, віндаў яшчэ да нашай эры былі вядомыя ў Паўночнай Італіі. Магчыма нават, што гэта яны пабудавалі славутую Венецыю.

У IV–VII стст. у сувязі з так званым перасяленнем народаў Еўропы адбыўся працэс распаду старых этнічных груповак і дзяржаў і ўтварэння новых народнасцей і дзяржаў, у сувязі з чым замест агульных імён славяне, венеды, сарматы ўзнікаюць новыя імёны: крывічы, драгавіты, сербы, харваты, чэхі, русь і інш. У той жа час у візантыйскіх хроніках славян называюць скіфамі, аб чым сведчыць Цвярскі летапіс. У ім было запісана: «И жывяху в мире Поляне, Древляне, Север, Бужане, Родимичи, Вятичи, Хорваты, Дулебы же живяху по Богу, где ныне Велыняне. О Лутичах. А Лутичи и Тиверичи приседаху к Дунаеви; и бе множество их седяаху по Днестру полны до моря, и суть грады их до сего дне, да то ся зовет от Грек Великая Скифия».

Герадот, расказваючы пра скіфаў, падае некалькі легенд аб іх паходжанні. Па адной з іх першым жыхаром на паўночным узбярэжжы Чорнага мора быў чалавек па імені Таргіталай, у якога было некалькі сыноў. Ад старэйшага, Ліпаксаіса, узяло пачатак скіфскае племя, якое называлі Аўхатамі. Імя Аўхаты ў перакладзе з грэчаскай мовы азначае «слаўныя». На думку І. Забеліна, гэтая назва можа адносіцца і да славян. У цеснай сувязі з гэтай легендай знаходзіцца і легенда пра славян і скіфаў, выкладзеная ў Іакімаўскім летапісе, пра двух братоў Славена і Скіфа, ад імён якіх утварыліся імёны славян і скіфаў. Рацыянальнае зерне гэтых легенд сведчыць пра аўтахтоннасць славян ва Усходняй Еўропе і, па-другое, што дзяржаўны лад і княжацкая ўлада ўтварыліся ў славян і скіфаў задоўга да нашай эры. Тым самым абвяргаецца думка летапісца Нестара і некаторых гісторыкаў, што нібыта славяне прыйшлі на нашую зямлю толькі ў VI ст. з Дуная і што нібыта дзяржаўны лад у іх быў створаны прышлымі варагамі, якія разам з тым прынеслі і новае імя Русь.

Імя Русь для часткі нашага народа пачало ўжывацца ў X–XI стст. Асноўныя спрэчкі вакол гэтага імя вядуцца наконт таго, ці было яно этнічным, канфесіянальным або сацыяльным. На думку многіх гісторыкаў, спачатку яно было сацыяльным, калі ім называлі толькі ваяроў або купцоў, потым яно стала, пасля прыняцця кіеўскімі жыхарамі хрысціянскай веры, канфесіянальным. У X–XI стст. набыло этнічнае і дзяржаўна-палітычнае значэнне для жыхароў правабярэжнай Украіны, а ў XIV–XVI стст. імя Русь, Росія стала набываць і дзяржаўна-палітычнае значэнне для Маскоўскай дзяржавы.

У сярэднявеччы існаваў міф пра трох братоў Чэха, Леха і Руса, ад якіх паходзяць імёны трох народаў: чэхаў, палякаў і рускіх. Гэты міф быў выкладзены ў Хроніцы вялікапольскай, напісанай на лацінскай мове прыкладна ў 1295 г. Гэты ж міф быў выкладзены ў кнізе Пракопа Слабады, выдадзенай у Загрэбе ў 1767 г., у якой было запісана: «Добра ведаю… у 276 г. адышоў вельмі знатны вяльможа Чэх з братамі сваімі Лехам і Русам, а таксама з усімі сваімі прыяцелямі і родам». Гэты міф сцвярджае два важныя факты. Першае, што народнасці чэхаў, палякаў і русі як самастойныя этнасы ўтварыліся адначасова не пазней за VII–VIII стст.; па-другое, што іх утварэнню садзейнічалі працэсы, звязаныя з этнічным самаўсведамленнем. У той жа час на аснове адзінай рэлігійнай ідэалогіі крэваў і вайскова-дзяржаўнага адзінства крэвічаў-драгавітаў утварылася адзіная

народнасць крэвічаў, пазней названых ліцвінамі, а ў XIX–XX стст. – беларусамі. Вядома таксама, што славяне прымалі ўдзел у паходах гунаў у IV–V стст. Гільём Рубрук, які ў 1253 г. праязджаў праз Русь, адзначаў, што «мова рускіх, палякаў, чэхаў і славян адна і тая ж з моваю вандалаў, атрад якіх усіх разам быў з гунамі».

У трактаце візантыйскага імператара Канстанціна VII Багранароднага імя Русь ужываецца ў двух значэннях – як геаграфічная назва тэрыторыі і як сацыяльнае імя акрэсленай групы людзей. Ён пісаў: «Аднадрэўкі знешняй Русі, якія прыплываюць у Канстанцінопаль, плывуць з Ноўгарада, у якім сядзеў Святаслаў, брат Ігара, князя Русі. Ёсць і з Смаленска, і з Любеча, і Чарнігава, і з Вышгорада. Усе яны спускаюцца рэчкаю Дняпром і збіраюцца каля Кіева… Зімні ж лад жыцця росаў суровы і складаецца з наступнага: калі надыходзіць лістапад месяц, адразу выходзяць іх князі з усімі росамі з Кіева і адпраўляюцца ў палюддзе». Зразумела, што росы, якія ўсе выходзілі з Кіева, – гэта толькі частка жыхароў, разам з якімі князі выходзілі збіраць дані. Знаны даследчык рускай гісторыі дзяржавы і права С. Юшкоў пісаў: «Як намі высветлена, руссю называюцца ў помніках IX–X стст. адмысловыя сацыяльныя групы, узнікшыя на тэрыторыі ўсходняга славянства».

Пасля прыняцця хрысціянскай веры часткай славян імя русь набывае канфесійнае значэнне. Ім абазначаюцца людзі, што прынялі хрысціянскую веру ад святароў, падпарадкаваных мітрапаліту Кіеўскаму, які называўся рускім.

Імя Русь як імя сацыяльнай, рэлігійнай, этнічнай групы людзей, а затым як імя тэрыторыі і дзяржавы ўзнікла не ў адначассе і не па адной нейкай выпадковай прычыне. Яго не прынеслі нейкія іншаземцы. Яно складалася і развівалася на працягу некалькіх стагоддзяў, калі набыло сучаснае этнічнае і дзяржаўна-палітычнае значэнне. На яго ўзнікненне і развіццё ўздзейнічалі назвы рэк (Рось – прыток Нёмана), паселішчаў, імёны людзей, тагачасная рэлігія, грэчаская мова і яшчэ дзесяткі розных прычын. Усё гэта замацавалася ў свядомасці многіх пакаленняў людзей. Імя Русь як сімвал увасабляе ў сабе веліч і сілу вады, зямлі, жыццёвую энергію старажытных ваяроў, падарожнікаў, купцоў. Асабліва яно набыло сілу, зліўшыся з імем Белая, сімвалам вольнасці, свабоды, чысціні, целам і душою. Чысціня душою – адзнака справядлівасці і міласцівасці. Паходжанне імя Русь, Рос цесна звязана са словамі «рост», «расці», а значыць, з энергіяй росту, энергіяй маладосці. Зліццё двух імён Русь і Белая ў адно – Беларусь – захавала ў сабе і памножыла энергію сваіх папярэдніх імён.

Імя Сарматы, Сарматыя для нашай краіны і народа ўжывалі ў асноўным грэчаскія, рымскія і сярэднявечныя польскія гісторыкі. Узнікненне гэтага імя было звязана са з'яўленнем у паўночным Прычарнамор'і іранамоўных народаў, якія ў першым тысячагоддзі да н. э. занялі тэрыторыю, на якой раней размяшчаліся скіфы, і прасунуліся на паўночны захад. Старажытныя географы Пампоній Мела і Клаўдзій Пталамей, якія жылі ў пачатку першага тысячагоддзя н. э., размяшчалі сарматаў у басейнах Віслы і Дняпра. У XVI–XVIII стст. у Польшчы і Вялікім княстве Літоўскім пад уплывам імя Сарматаў узнікла шляхецкая ідэалогія «сарматызм», згодна з якой нібыта саслоўе шляхты – гэта нашчадкі сарматаў, якія падняволілі сабе карэннае насельніцтва гэтых краін. На самой жа справе, калі нават мела месца пранікненне некаторай часткі

сарматаў на нашу зямлю, то яны хутка аславяніліся і нічым не адрозніваліся ад асноўнай масы насельніцтва. У сярэднявеччы імя Сарматы ўжывалі для народаў Беларусі, Польшчы, Украіны і інш. Мацей Мяхоўскі ў сваім «Трактаце аб двух Сарматыях», выдадзеным у 1517 г., пісаў: «Старажытныя адрознівалі дзве Сарматыі, суседнія і сумежныя адна ад адной, адну – у Еўропе, другую ў Азіі. У еўрапейскай ёсць вобласці русаў або рутэнаў (сучасная Украіна. – *І. Ю.*), літоўцаў, москаў і іншыя, прылягаючыя да іх, паміж ракой Віслай на захадзе і Танаісам на ўсходзе… У азіяцкай жа Сарматыі, на прасторы ад ракі Дона або Танаіса на захадзе, да Каспійскага мора на ўсходзе». Называў нашу краіну Сарматыяй і Сымон Будны, калі пісаў: «…у нас у Сарматыі… у нашай Сарматыі». Імя Сарматы таксама мела некаторы ўплыў на гістарычны лёс нашага народа і на наданне шляхетнасці і высакароднасці нашаму новаму назову Ліцвіны.

Імя Літва, ліцвіны, Вялікае княства Літоўскае ўжывалася ў адносінах да нашай краіны амаль 700 гадоў, а ўтвораная нашымі продкамі дзяржава – Вялікае княства Літоўскае – праіснавала 600 гадоў. Спачатку гэтае імя, так, як імя Русь, вызначала толькі сацыяльную групу ваяроў-малайцоў, потым славянязычнікаў, якія жылі на нашай зямлі, а ў XIV–XVIII стст. яно распаўсюдзілася на ўсё насельніцтва Вялікага княства Літоўскага і стала дзяржаўным. На ўзнікненне гэтага імя ўздзейнічала шмат розных фактараў і прычын, сярод якіх найбольш уплывовымі былі мовазнаўчыя – ад слова «ліць», старажытнага слова «літаваць» – ‘замацоўваць’, ‘знітоўваць’, нават жэрдкі, якімі накрываўся стог сена, называюцца ліцвінамі; і этнічныя – імёны славян Люцічаў – Вільцаў – Волатаў і асабістыя імёны – Літавор, Лінгвен – ваяроў літаў, што неслі службу ў мясцовых князёў або проста займаліся рабункам. В. Таціщаў паведамляе, што ў 1239 г. «вялікі князь Яраслаў Усевалодавіч хадзіў на Літву, баронячы смальнян, і, перамогшы Літву, пасадзіў у Смаленску князя Усевалода Мсціславіча, унука Рамана Мсціславіча». А быў тою літвою полацкі князь Святаслаў Мсціслававіч, які захапіў Смаленск у 1232 г.

З гэтага паведамлення вынікае, што ўжо ў 1239 г. палачан называюць ліцвінамі. Пра напады літоўцаў на ўкраінскія землі ўзгадваў італьянец Плана Карпіні, які ехаў у 1246 г. праз Украіну да татара-манголаў. Ён пісаў: «Князь паслаў з намі да Кіева аднаго служку. Тым не менш мы ехалі заўсёды ў смяротнай небяспецы з-за літоўцаў, якія часта і ўпотай, наколькі маглі, рабілі напады на зямлю Русі і асабліва ў тых месцах, праз якія мы павінны былі праязджаць… з-за страху перад літоўцамі, якія часта рабуюць на дарогах ад Польшчы да зямлі Татар». Пра славянскае паходжанне сярэднявечных ліцвінаў даволі грунтоўна выкладзена ў кнігах Міколы Ермаловіча і артыкулах Вітаўта Чаропкі, надрукаваных у «Літаратуры і Мастацтве».

Літвою называлі Беларусь як у Польшчы, так і ў Маскоўскай дзяржаве не толькі ў XIV–XVIII стст., але нават у XIX і на пачатку XX ст. Польскія гісторыкі да самага апошняга часу для нашага краю ўжывалі толькі найменні Літва або Польшча. Так, Станіслаў Кутшэба (1876–1946) у сваёй грунтоўнай працы «Гісторыя дзяржаўнага ладу Польшчы ў нарысе» другі том цалкам прысвяціў Літве (Вялікаму княству Літоўскаму). Тадэвуш Корзан (1839–1918), які нарадзіўся

і юнацкія гады пражыў у Мінску, напісаў шэраг выдатных прац па гісторыі, але такога імя, як Беларусь, не ўжываў.

У расійскіх гістарычных крыніцах, як афіцыйных, так і прыватных, амаль да канца XIX ст. наш край называлі Літвой або Польшчай. Упершыню імя Літва ў расійскай гісторыі адносна Беларусі сустракаецца пад 1130 г., калі «Вялікі князь Мсціслаў хадзіў з войскам у Літву і, спустошыўшы шматлікія іх паселішчы, з многім палонам вярнуўся ў Ноўгарад. А адтуль прыйшоў у Кіеў». Пачынаючы з XIV ст. амаль усе беларускія гарады называюцца літоўскімі: Барысаў, Віцебск, Вільня, Гальшаны, Горваль, Друцк, Заслаўе, Клецк, Крэва, Лагойск, Лукомль, Менск і інш. Амаль да канца XIX ст. заходняя частка нашай краіны працягвала называцца Літвой, а горад Брэст называўся Літоўскім да 1919 г.

Імя Польшча для нашай краіны пачало ўжывацца пасля Люблінскай уніі 1569 г. польскімі палітыкамі, якія падмянялі назву дзяржавы Рэч Паспалітая найменнем Польшча. Часткай Польшчы называлі Беларусь і ў Расіі ў XVIII ст. У наказе Кацярыны II ад 28 траўня 1772 г. генерал-губернатарам Пскоўскай і Магілёўскай губерняў было запісана: «Прычыны, якія нас прымусілі далучыць некаторыя правінцыі Польскай Рэспублікі да імперыі нашае, вы ўгледзіце з друкаванага аб тым маніфеста». З гэтага запісу відаць, што нейкія абставіны прымусілі царскі ўрад называць Беларусь «правінцыяй Польшчы». Падобны запіс ёсць і ва ўказе 1772 г. генерал-губернатару, якому загадвалася «…над далучанымі ад Польшчы да імперыі нашай землямі… загадаць абнесці ўсю прастору новых межаў ад аднаго краю да другога слупамі з імператарскім нашым гербам, каб потым у прыватных межах з літоўцамі нідзе спрэчак заставацца не магло».

Але імя Польшча навязвалася нашай краіне найбольш упарта шавіністамі з Польшчы і асабліва польскай каталіцкай царквой пачынаючы з 1387 г., калі пачалося масавае прымусовае хрышчэнне ў каталіцкую веру язычнікаў і часткова праваслаўных, што вяло да апалячвання значнай часткі этнічных беларусаў. Асабліва ўзмацнілася апалячванне і русіфікацыя нашага народа пасля далучэння Беларусі да Расіі і ліквідацыі ўніяцкай царквы. У Заходняй Беларусі, што знаходзілася пад уладай Польшчы з 1920 па верасень 1939 г., апалячванне было афіцыйнай палітыкай польскай дзяржавы.

У цяжкай барацьбе супраць апалячвання і русіфікацыі наш народ вымушаны быў прымірыцца са стратай свайго слаўнага імя Літва і пагадзіцца на навязанае яму Маскоўскай дзяржавай новае імя Беларусь, якое паходзіць ад імя Белая Русь, якім у XV–XVI стст. называлася Маскоўская дзяржава.

Імя Белая Русь упершыню з'явілася ў XII ст. В. Тацішчаў адзначаў, што імя Белая Русь у летапісах упершыню ўпамінаецца пад 1135 г. у Раскольніцкім і Растоўскім манускрыптах. Больш частае ўжыванне гэтага тэрміна адносіцца да другой паловы XII ст.

У летапісах вялікі князь Андрэй Юр'евіч (Багалюбскі) з 1157 г. называецца ўжо князем Белай Русі. «По смерти Юриеве ростовцы, суздальцы и володимирцы, со всеми городы здумавше, пояше Андрея, старейшего Юриева сына, и посадиша его на отчи столе во всей Белой Руси, в Ростове и Суздале». «Я всю Белую (Суздальскую. – *І. Ю.*) Русь городами и селами великими населил и многолюдной учинил», – гаварыў, выхваляючыся, князь Андрэй Багалюбскі. Аналізу

тэрміна «Белая Русь» В. Таціщчаў прысвяціў цэлы раздзел сваёй працы, у якой пісаў: «О причине же имени сего разные мнения находятся, Герберштейн и другие от множества снегов написали, токмо сие неправо, ибо Великой Руси, где стужи и снегов более бывает, паче бы согласовало. Польские и некоторые наши кладут от белого платья, которое при дворе царском в почтении было. Но и сие несогласно, ибо в Белой Руси более овец серых, следственно, и платья серого, нежели в Малой Руси… Древние наши писатели разумели под оным именем Польский и Мережской или Суздальский и Ростовский пределы с принадлежностьми, после Смоленское или Кревич, которое было особное владение, к тому привосокупили. Литовские, хотя похитить титул великих князей белорусских, обладав Смоленском, оное токмо за Белую Русь почли».

Белаю Руссю называлі Маскоўска-Суздальскую Русь і пасля ўтварэння рускай цэнтралізаванай дзяржавы. У XV ст. найменне Белая Русь мела тое ж значэнне, што і Вялікая Русь, і ніяк не было звязана з тэрыторыяй сучаснай Беларусі. «Можна, здаецца, упэўнена сказаць, – пісаў прафесар В. Ламанскі, – што ў канцы XV і ў XVI ст., калі пад Белаю Руссю разумелі вольную і незалежную, то мелі на ўвазе не Белую Русь ва ўласным сэнсе, а Русь паўночна-ўсходнюю, Маскоўскую». Пры вялікім князю Іване III тэрмін «Белая Русь» уносіцца ў тытул вялікага князя Маскоўскага. Пад Белаю Руссю разумелася і ўся падуладная Багдану Хмяльніцкаму Украіна. Цікавыя ў гэтых адносінах звесткі ёсць у выпісцы з «Распросных речей полоняников в Патриаршем дворцовом приказе», дзе чытаем: «…завялі яго ў Кіеў, жыў у беларусца… радзіма яго ў Белай Русі ў Хваставе». Трохі іншае разуменне тэрміна «Белая Русь» даецца ў «Хроніцы Еўрапейскай Сарматыі», якая напісана італьянцам Аляксандрам Гвагніні ў 1578 г., што быў на службе ў горадзе Віцебску. Вось што ён пісаў: «А ёсць Русь траякая: адна Белая, другая Чорная, трэцяя Чырвоная. Белая каля Кіева, Мазыра, Мсціслаўля, Віцебска, Оршы, Полацка, Смаленска і зямлі Северскай, якая здаўна належыць Вялікаму княству Літоўскаму.

Чорная ў Маскоўскай зямлі каля Белага возера і там усюды да Азіі. Чырвоная каля гор, якія называюцца Бескідамі… Пад тымі ж гарамі паветы: Галіцкі, Перамышльскі, Саноцкі, а ў сярэдзіне вядомы горад Львоў… Абмяжоўваецца зямля з поўдня Татрамі, ракою Днястром; з усходу ракою Танаісам (Донам) і Перакопскаю зямлёю, з поўначы Літоўскаю зямлёю, а з заходу Польшчаю».

Трэба адзначыць, што польскія гісторыкі ў XVI ст. не ведалі дакладна, дзе знаходзіцца Белая Русь. Так, вядомы польскі вучоны былы рэктар Кракаўскага ўніверсітэта Мацей Мяхоўскі, які выдаў у 1517 г. «Трактат пра дзве Сарматыі», значнае месца адвёў апісанню Вялікага княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы. Але ён усяго адзін раз успомніў пра Белую Русь, адзначыўшы, што яна размешчана недзе «між Уралам і Азоўскім морам». Пра Чорную Русь ён зусім не ўспамінае. З гэтых выказванняў самых розных аўтараў можна зрабіць вывады: 1) найменне «Чорная Русь» ніколі не ўжывалася самім насельніцтвам Беларусі, не было яно вядома ў якасці этнаграфічнага тэрміна і бліжэйшым суседзям і ўжывалася да розных тэрыторый; 2) тэрмін «Белая Русь» таксама амаль не ўжываўся да XVIII ст. для вызначэння цяперашняй Беларусі.

Адабранне ад нашага народа яго старажытнага імя Літва мела дзве прычыны: палякі стараліся навязаць імя Польшчы, а рускія – імя Русі, Белай Русі. Гэтыя дзеянні нашых суседзяў асабліва актывізаваліся ў другой палове XVIII ст. і на працягу ўсяго XIX ст. Вынікам яго было тое, што на пачатку XX ст. жыхары Беларусі ўжо не называлі сябе літоўцамі, але яшчэ і не прызвычаіліся да імя Беларусь, а таму сталі ўжываць найменне «тутэйшыя». Спатрэбілася доўгая праца народа і яго найбольш выдатных дзеячаў, каб умацавалася ў свядомасці народа імя Беларусь.

Першае ўжыванне тэрміна «беларускі», якое паслужыла пачаткам этнаграфічнай назвы нашага народа, адносіцца да 1675 г., калі праваслаўны епіскап Феадосій, архімандрыт Слуцкага манастыра, атрымаў пацвярджальны прывілей на епіскапства Магілёўскае. У гэтым прывілеі епіскап Феадосій упершыню тытулаваны як «беларускі», што паслужыла пачаткам афіцыйнага прыняцця гэтага тэрміна. Спачатку «беларускай» называлася толькі Магілёўская праваслаўная епархія, потым паступова гэтым тэрмінам называюць усе землі, на якія пашыралася ўлада магілёўскага епіскапа. Пасля далучэння ў 1772 г. паўночна-ўсходніх зямель Беларусі да Расіі гэтае найменне набывае новае адміністрацыйна-геаграфічнае значэнне. Ім абазначаюць дзве новыя створаныя губерні: Пскоўскую (пасля пераўтворануюў Полацкую) і Магілёўскую. Напрыклад, у пастанове Сената ад 8 мая 1773 г. гаварылася: «…учредя с самого начала в присоединенных к Российской империи из польских земель двух новых белоруских губерниях». У снежні 1796 г. былі ўнесены змены ў адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел, паводле якога Полацкая і Магілёўская губерні былі пераўтвораны ў адну Беларускую губерню з цэнтрам у горадзе Віцебску. Віленская і Слонімская губерні захавалі старажытную назву і ўтварылі адну Літоўскую губерню з цэнтрам у горадзе Вільні. У склад Літоўскай губерні былі ўключаны наступныя паветы: Слонімскі, Навагрудскі, Гродзенскі, Ваўкавыскі, Лідскі, Брэсцкі, Кобрынскі, Пружанскі, Віленскі, Завілейскі, Трокскі, Браслаўскі, Ашмянскі і інш. З гэтага пераліку відаць, што нават у самым канцы XVIII і пачатку XIX ст. значная частка Беларусі афіцыйна называлася яшчэ Літвою.

У 1840 г. цар Мікалай I загадаў не ўжываць у афіцыйных дакументах найменне Беларусь і Літва, а таму было прыдумана нам новае імя «Северо-Западный край».

Паступова, з ростам нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа, на працягу XIX ст. тэрмін «Беларусь» пачынае пашырацца на Мінскую губерню і некаторыя паветы Віленскай, а потым і на Гродзенскую. Пра маруднае пашырэнне новага тэрміна можа сведчыць той факт, што нават у 1918 г. горад Брэст называўся яшчэ Літоўскім.

У развіцці нацыянальнай самасвядомасці беларускага народа выдатная роля належыць паўстанню 1863 г. пад кіраўніцтвам Кастуся Каліноўскага, якое ўскалыхнула грамадскую думку ў краіне і павысіла свядомасць усяго народа.

У другой палове XIX ст. тэрмін «Беларусь» пачынае набываць яго сучаснае геаграфічнае, этнаграфічнае і дзяржаўна-палітычнае значэнне. У развіцці і станаўленні гэтага тэрміна вялікая заслуга належыць нашым палітыкам, эт-

нографам, гісторыкам, мовазнаўцам, літаратарам і іншым грамадскім і культурным дзеячам Беларусі. Асаблівай пашаны заслугоўваюць Вінцэнт Дунін-Марцінкевіч, Кастусь Каліноўскі, Францішак Багушэвіч, Яўхім Карскі, Усевалад Ігнатоўскі, Мітрафан Доўнар-Запольскі, Якуб Колас, Янка Купала, Іван і Антон Луцкевічы, Браніслаў Тарашкевіч, Язэп Лёсік, Зміцер Жылуновіч, Аляксандр Чарвякоў.

Імя Беларусь у цяперашні час набыло сваю славу, сваю сусветную вядомасць, сваё гаспадарчае і культурнае значэнне. Беларусь заняла свой «пачэсны пасад між народамі». Таму прапановы некаторых палітычных дзеячаў вярнуць, па прыкладзе шэрагу афрыканскіх дзяржаў, нашай дзяржаве сваё старое імя Вялікае княства Літоўскае, альбо Літва, не маюць цяпер дастатковых рэальных падстаў, бо сучаснае імя Беларусь нам Богам дадзена і народам замацавана, апрача таго, перамена імя можа парушыць усю сучасную беларускую культуру, сучасную славу нашага народа, набытую гераічнай барацьбой і цяжкай працай многіх яго пакаленняў.

КАФЕДРА КАНСТЫТУЦЫЙНАГА ПРАВА

А. М. Боголейко
кандидат юридических наук

Г. А. Василевич
доктор юридических наук

А. В. Шавцова
кандидат юридических наук

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО: СОВРЕМЕННЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Личность, общество, государство составляют ту триаду, без которой невозможна человеческая цивилизация. Великие умы прошлого, а также современные исследователи постоянно обращались к выявлению смысла жизни человека, особенностям организации общества и государства. Многие споры и конфликты по данному поводу разрешались не только мирным способом (путем дискуссий), но и военными средствами. Со второй половины XX столетия активизировались научные исследования, посвященные указанной проблематике, в том числе характеру отношений между человеком, обществом и государством. Конечно, и в начале XX столетия имелись публикации в области государственного строительства. Их авторами были В. Н. Дурденевский и Г. С. Гурвич. В 50-х гг. прошлого столетия появляются труды С. Р. Вихарева, Л. А. Рудзицкого, В. А. Дорогина, А. А. Головко, А. Т. Лейзерова.

В современный период (после принятия новой Конституции в 1994 г.) активно работают в сфере конституционного права такие представители белорусской науки, как А. М. Боголейко, Д. М. Демичев, В. Н. Кивель, Н. М. Кондратович, Т. С. Масловская, Л. М. Рябцев, А. Г. Тиковенко, С. П. Чигринов, О. В. Чмыга, А. В. Шавцова и многие другие белорусские ученые и преподаватели.

Действующая Конституция позволила уйти от идеологических догм и базировать научные исследования на основе тех стандартов, где есть место политическому плюрализму, свободе суждений и мнений. В итоге научные иссле-

дования в нынешний период базируются на европейских стандартах, однако со стремлением сохранить собственные исторические и культурные ценности.

Необходимость конституционных преобразований в обществе, а равно и потребность в принятии новой (по форме или по существу) конституции, возникает при существенном изменении общественных отношений в политической, экономической или социальной сферах в данном обществе, поскольку основная роль, сущность и ключевая функция конституции состоит в правовом регулировании, законодательном оформлении и отражении соотношения политических сил, существующих на момент ее принятия. На практике это обусловлено необходимостью произвести конституционное переоформление социального и (или) политического порядка множеством обстоятельств субъективного и объективного характера и проявляется вовне самым различным образом. С другой стороны, реформами проверяется прочность конституционно-правового режима страны.

В различных странах и регионах мира конституционные преобразования носят разную направленность и проходят на самом различном социально-экономическом, политическом и культурно-правовом фоне. Соответственно, весьма разнообразны и те цели и задачи, которые ставятся и преследуются в ходе конституционных преобразований. Обычно в конкретной стране или группе стран в процессе конституционных преобразований преследуется сразу несколько целей и решается несколько задач. В то же время среди целей конституционного развития всегда можно выделить главную, стратегическую цель. Для всех постсоциалистических и почти всех развивающихся стран такой стратегической целью является создание конституционной базы подлинно демократического общества и правового государства. Для стран развитой демократии стратегической целью конституционных реформ является обеспечение дальнейшего поступательного развития и совершенствования существующих политических и экономических институтов. Более частными целями для тех и других стран являются укрепление и совершенствование конституционно-правового статуса человека, создание на национальном уровне конституционно-правовых предпосылок гармонизации и гуманизации международных отношений, согласование интересов различных социальных, национальных, религиозных и культурных общностей, существующих внутри самих государств. Разумеется, этот перечень не является исчерпывающим.

Непосредственные задачи конституционных преобразований в гораздо большей степени различаются для отдельных государств и их групп. Так, для постсоветских стран и многих стран бывшей «социалистической ориентации» специфической задачей конституционных преобразований является трансформация общественного строя и прежде всего изменение лежащих в его основе экономических отношений. Для новых независимых государств важнейшей задачей конституционных преобразований среди прочих было конституционно-правовое оформление новой национальной государственности и укрепление национального суверенитета. Задачей последних конституционных изменений

в западноевропейских странах – членах Европейского союза являлось обеспечение процесса дальнейшей экономической и политической интеграции в рамках этого сообщества. Наконец, задача конституционных преобразований в ряде социалистических стран – создание конституционно-правовой базы для политики перехода к рыночной экономике и осуществления реформ в социально-экономической сфере. Практика формирования сильной президентской власти, в целом укрепления позиций исполнительной власти показала, что, действительно, сильная исполнительная власть может достаточно эффективно решать задачи либерализации общественно-экономической жизни. Хотя однозначных решений здесь все-таки не существует.

Признание приоритета международных стандартов и общепризнанных принципов международного права в области прав и основных свобод человека расширяет возможности по использованию опыта развития правовых систем различных государств и международных органов ООН, компетентных в области прав человека. Это позволяет не только существенно углубить и развить представление о содержании соответствующих норм или их отдельных положений, наполнить действующие нормативные правовые акты новым содержанием, восполнить пробелы, но и найти наиболее приемлемые способы и пути сближения национального законодательства с законодательством других государств, а также обеспечить его соответствие международным нормам и принципам.

Конструктивное влияние на проводимую руководством белорусского государства национальную политику, правовую систему, гражданское общество со стороны международного сообщества, других государств и народов, международных неправительственных организаций означает лишь содействие совершенствованию всех институтов государства и общества и, как следствие, развитие форм демократии, институтов гражданского общества, расширение комплекса прав и свобод, возможностей их реализации, формирование устойчивой взаимосвязи «личность – общество – государство», что, безусловно, способствует укреплению суверенитета народа и государства.

Состояние прав человека в Республике Беларусь в значительной мере обусловлено состоянием национальной государственности, т. е. стабильностью основ конституционного строя, политической системы, уровнем эффективности функционирования социально-экономической системы, многообразием институтов гражданского общества и т. д.

Объем, содержание и характер прав человека зависят от суверенной воли государства, политического режима, характера экономических отношений, уровня развития демократических институтов, совершенства правовой системы и правоприменительной практики, а также национальной, языковой, конфессиональной политики. Эти факторы существенным образом могут влиять как на создание предпосылок для поступательного развития государственных и общественно-политических институтов, гражданского общества, системы прав и свобод человека, так и на подавление этих процессов и явлений.

«В международном праве, к сожалению, отсутствуют соответствующие нормы, а в международной практике – единое понимание пределов такого вмешательства. Под лозунгом защиты прав человека, демократических институтов нередко прослеживается вмешательство во внутренние дела государства, оказывается экономическое давление, используются методы политической блокады» [1, с. 161].

Движение международного сообщества государств к единообразию в понимании основных прав и свобод должно быть обусловлено не только необходимостью выполнения взятых на себя обязательств по нормам универсальных правовых стандартов, но также формированием и проявлением единых гуманистических ценностей, высшей степени развития техники правотворчества, позволяющих найти оптимальное решение мирным путем, совершенствованием деятельности органов международной системы защиты прав человека.

Интеграция государств в общее политико-правовое сообщество предполагает поиск оптимальных моделей государственной системы защиты прав человека, наполнения новым содержанием концепции прав и свобод человека с учетом национальных особенностей и необходимости приведения национального законодательства в соответствие с общепринятыми универсальными стандартами в области прав человека.

С развитием общества развиваются и правовые нормы, что порождает необходимость по-новому взглянуть на традиционные, уже устоявшиеся подходы. Одним из таких новых направлений в конституционном праве выступает ответственность за нарушение конституционно-правовых норм, предусмотренная самими конституционно-правовыми нормами. Без эффективного механизма ответственности право теряет свое значение как социального регулятора, не оправдывает возлагаемые на него надежды. В условиях построения правового государства и формирования гражданского общества, повышения требований к состоянию конституционной законности роль юридической ответственности в механизме правового воздействия возрастает. Защита конституционных норм является одной из первоочередных задач государства, неотъемлемым условием укрепления и развития демократии, в связи с чем важным инструментом ее решения служит институт конституционно-правовой ответственности. Основы ответственности за нарушение Конституции обычно устанавливаются самими конституционными нормами. Этому служит принцип верховенства Основного Закона, исключающий действие нормативных правовых актов, не соответствующих Конституции (ст. 7 Конституции). Кроме того, конституционно-правовые нормы нуждаются в адекватной системе средств защиты своих предписаний, в том числе путем установления системы собственных мер ответственности. Без закрепления надежного механизма реализации ответственности нормы носят декларативный характер.

Цивилизованное государство подчинено праву, является одновременно и субъектом права, и фактором правообразования. Поэтому для того, чтобы государство в полной мере подчинялось праву, такое подчинение должно быть

обеспечено определенными гарантиями. Эти гарантии в своей совокупности обеспечивают такую форму или такой способ организации государства, который и может быть назван конституционным строем. Эта форма должна обеспечивать подчинение государства праву и характеризовать его как конституционное. Должен быть обеспечен приоритет права над государством, ограничение вмешательства государства в дела гражданского общества. Государство в таком случае выступает инструментом саморегулирования гражданского общества.

Традиционно под гражданским обществом понимают систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов и коллективов, для жизнедеятельности социальной, культурной и духовной сфер, для воспроизводства этих институтов и отношений и передачи их от поколения к поколению. Гражданское общество – это необходимый, рациональный способ существования людей, основанный на разуме, свободе, праве и демократии. В основу конституционного строя положены гуманистические начала, обеспечение и защита основных прав и свобод человека первичны. Сформированное гражданское общество существует в рамках свободных гражданских интересов и не терпит насилия со стороны государства. Между государством и гражданским обществом существует определенная взаимосвязь, которая проявляется в уменьшении роли государства при усилении гражданского общества.

Гражданское общество охватывает совокупность моральных, правовых, экономических, политических отношений, включая собственность, труд, предпринимательство, организацию и деятельность общественных объединений, воспитание, образование, науку и культуру, семью как первичную основу общежития, систему средств массовой информации, неписаные нормы этики поведения, многие конкретные стороны политического режима. Гражданское общество отождествляется со сферой частных интересов и потребностей. Именно в его рамках реализуется большая часть прав и свобод человека. Однако гражданское общество нельзя представить себе в качестве мира изолированных индивидов. Оно не арифметическая сумма составляющих его субъектов, а их совокупность, образующая его сущностное единство. Это единство состоит в одновременном существовании в рамках гражданского общества разнородных социальных сил, институтов, организаций и т. д., объединенных общими стремлениями к совместной жизни.

Возрождение интереса к проблемам гражданского общества в нашей стране приходится на последнее время, когда особую актуальность и значимость приобрели демократические ценности, принципы и институты. Однако по мере развития общественных отношений процесс саморегулирования в рамках гражданского общества настолько усложнился, что вмешательство государства в эту сферу облегчает такое саморегулирование. Вместе с тем существует опасность чрезмерного государственного вмешательства, что может свести на нет ту поль-

зу, которую подобное вмешательство приносит. В связи с этим задача конституции любого демократического правового государства состоит в установлении пределов государственного вмешательства в сферу общественного саморегулирования для того, чтобы это вмешательство не смогло нанести вред институтам и механизмам саморегулирования, действующим в рамках гражданского общества. Это ограничение выражается в недопустимости удовлетворения социально-экономических прав граждан в ущерб политической, экономической и духовной свободе, государственного регулирования экономики – в ущерб рыночному и т. д.

В результате такого ограничения государственной власти правом современное конституционное государство функционирует следующим образом: оно постоянно стремится к усилению своего вмешательства в дела гражданского общества, особенно посредством своей социальной деятельности, однако при достижении определенной степени такого вмешательства, которую фиксируют механизмы саморегулирования этого общества, оно активизирует свои правовые начала, сдерживающие вмешательство тем сильнее, чем дальше заходит государственное регулирование. Значит, в демократическом конституционном государстве общество функционирует одновременно и как управляемая государством система, и как саморегулирующаяся система, которая в то же время находится в зависимости от саморегулирующегося гражданского общества и его потребностей. Сам факт их закрепления в действующей Конституции играет важную роль, поскольку указывает направление развития, благодаря которому Республика Беларусь может стать подлинно конституционным государством.

Государству, в отличие от иных общественно-политических структур, присущи следующие признаки: территория, народ, государственный аппарат, налоги, собственная национальная правовая система.

С начала XX столетия отмечается централизация государственной власти. С 1990 г. и до середины 1994 г. происходит ее децентрализация с возрастанием роли Верховного Совета. В этот период меняются цели и задачи белорусской государственности.

В предшествующий, до 1990 г., период выборы представляли собой ритуальную процедуру: состав представительных органов мало зависел от воли избирателей. Избирательный бюллетень фиксировал лишь одного кандидата.

Ключевые характеристики советского социалистического этапа развития: однопартийность, единственная государственная идеология, собственность государственная и колхозно-кооперативная (по сути, также государственная), приоритет прав коллектива, общества в целом, умаление объема гражданских (личных) прав и свобод, формальный подход к политическим правам, сильная социальная защищенность (стабильная занятость, оплата труда, пенсионное обеспечение и др.).

Хотя многие социально-экономические права можно было реализовать в силу патерналистского типа отношений, соблюдая установленную социальную

очередь, например в трудовом коллективе или жилищном кооперативе (после 10–12 лет нахождения в очереди – получить квартиру), даже построить квартиру в ЖСК за собственные средства было непросто, аналогично дело обстояло с приобретением автомобиля, строительством садовых домиков, размер которых не мог составлять более 25 кв. м и т. п.

Конституционная реформа, завершившаяся принятием Закона 27 октября 1989 г. о внесении изменений и дополнений в Конституцию 1978 г., дала простор преобразованиям в политической, экономической и социальной сферах.

Что отличало нашу республику на фоне развала СССР и пути к фиксации полной независимости?

1. Декларацию о государственном суверенитете из 15 республик в Беларуси приняли в «золотой» середине – восьмыми. В ней предлагалось заключить новый, обновленный договор о Союзе ССР.

2. Референдум 17 марта 1991 г. выявил волю народа на сохранение СССР как обновленной федерации.

3. Ухудшение экономической ситуации, обнищание людей, инфляция, повышение цен на продукты питания, отсутствие товаров, невиданный дефицит даже на фоне советской практики привели к разочарованию людей, утрате веры в то, что руководство СССР во главе с М. С. Горбачевым способно исправить ситуацию. Поэтому ратификация Соглашения о создании СНГ, хотя и не вполне согласовывалась с итогами референдума 1991 г., была воспринята спокойно.

4. В таких условиях Верховный Совет Республики Беларусь XII созыва (1990–1995) активно формировал национальную правовую систему.

На рубеже распада СССР и обретения государственного суверенитета БССР, а с 19 сентября 1991 г. Республика Беларусь, обладала всеми признаками независимого государства, за предшествующие десятилетия была сформирована социальная общность – белорусский народ с присущим ему менталитетом, государственный аппарат с не самыми плохими традициями. Никто не претендовал на нашу территорию, более того, возникали претензии по поводу передачи в 1940 г. части нашей территории Литве. Но наиболее ощутимо воспринимались в этот период проблемы экономики, отсутствие собственной национальной правовой системы. Новые условия требовали нового правового ядра – Конституции.

В феврале – марте 1990 г. в Верховный Совет были избраны наиболее активные кандидаты в депутаты, победившие в своих округах по 8–10 конкурентов на мандат. Они создали атмосферу творческого поиска сложных политических решений.

За пять лет с 1990 по 1995 г. работы Верховный Совет принял около 500 законодательных актов, т. е. столько, сколько их было принято за предшествующие 50 лет начиная с 1938 г. Нормативные правовые акты готовились при полной отдаче специалистов парламента и правительства, а также депутатов. О технической оснащенности и обеспеченности законотворческого процесса, наличии таких институтов, как НЦЗПИ, НЦПИ, даже мечтать не приходилось.

Колоссальной заслугой Верховного Совета Республики Беларусь XII созыва (1995–1995) явилась разработка под его началом и принятие 15 марта 1994 г. новой, ориентированной на европейские стандарты Конституции.

Конституция Республики Беларусь отражает ценностный выбор белорусского народа. Вначале высшим коллегиальным представительным органом, а затем путем народного голосования в 1996 г. был принят действующий текст Основного Закона белорусского государства.

Конституция как продукт государства отражает уровень развития всего общества, характер сложившихся на момент ее принятия и действия властных отношений.

Конституция как юридический документ – это плод усилий всех специалистов в области права, ученых, которые высказывали свои оценки, практиков, знакомых с жизнью не по кабинетным рассуждениям, парламентариев – всех, кто оказался небезразличным к ее содержанию.

Конституция 1994 г. уже начиная с первых лет ее действия устанавливала:

1) политический плюрализм;

2) многообразие форм собственности;

3) равенство государства и гражданина, наличие у них взаимных обязательств;

4) закрепление в качестве вектора для развития текущего законодательства приоритета общепризнанных принципов международного права;

5) разделение и взаимодействие властей;

6) прямой характер действия норм Конституции;

7) эффективную систему восстановления нарушенных прав и свобод;

8) обеспечение права граждан на хорошее управление со стороны государства;

9) достижение одного из основных интегральных показателей успешности развития государства и общества – право на человеческое достоинство.

В период трансформации общественных отношений утверждение правовых ценностей, безопасность государства, общества и каждого гражданина объективно обусловливают усиление государства. Однако это усилие допустимо только на основе правового закона.

Какие могут быть общие тенденции и обусловленные ими возможные сценарии развития законодательства?

Вариант первый – ориентация на механическое увеличение законодательного массива – не даст сам по себе необходимого результата. В основе правового регулирования отношений государства и граждан предпочтительнее не разрешительный, а запретительный порядок, т. е. не перечислять, что можно делать, а указать, от чего гражданин должен воздерживаться. Желательно исключить избыточность нормативного регулирования.

Вариант второй – сохранение прежних темпов роста соотношения законов, декретов, указов и иных подзаконных актов – может нарушить баланс между ветвями власти, ослабить правовую стабильность.

Вариант третий – развитие саморегуляции, в том числе местного самоуправления. Эффект может быть позитивным при условии нахождения оптимального соотношения между централизованным и децентрализованным правовым регулированием. Ведь много говорится о пассивности граждан, особенно чиновников, должностных лиц, остерегающихся проявлять инициативу. Подобного рода справедливые упреки звучат и из уст Президента Республики Беларусь. Мы полагаем настоятельно необходимым содействовать реализации конструктивной инициативы граждан как на локальном, так и республиканском уровне. Обратим внимание на еще несколько важных аспектов народовластия. Так, желательно детализировать в законодательстве право граждан на нормотворческую инициативу (имеется в виду инициирование принятия подзаконных актов), в частности закрепить в соответствующем законе право определенного количества граждан инициировать рассмотрение (принятие) не только законов, но и актов правительства, ведомственных актов. Полезно было бы предусмотреть процедуру инициирования принятия локальных нормативных правовых актов не только традиционными субъектами, но и отдельными работниками, которые составляют, например, 5–10 % от числа работающих. Полагаем также, что следовало четко определить «уровни нормотворческой деятельности». В настоящее время, например, неясно, может ли сельсовет, поселковый совет проявить нормотворческую инициативу перед правительством, министерством. Необходимо определить последствия такой инициативы: можно ли ее не рассматривать или, наоборот, следует предложение (проект) рассмотреть на заседании (коллегии).

Вариант четвертый – недооценка курса на последовательную реализацию законов в их системной взаимосвязи – приведет к снижению уровня законности в стране.

Представляется очень важным оценить все названные варианты, и выход заключается в учете комплекса факторов и тенденций.

Необходимо продолжить формирование научной методики оценки состояния законодательства. В качестве соответствующих показателей можно использовать:

1) степень отражения конституционных принципов (например, об обратной силе законов);

2) наличие базовых законодательных актов (например, программных, указов программного характера) и уровень их реализации;

3) равномерность развития отраслей законодательства;

4) адекватность решаемым задачам экономического, социального и политического развития, обеспечения прав граждан;

5) открытость и доступность законодательства;

6) уменьшение правонарушений; профилактическую работу нельзя сводить к предупреждению преступлений; особое внимание надо уделить уменьшению административных правонарушений, которых ежегодно совершается неподобающее для численности нашего населения количество;

7) соответствие принципам и нормам международного права.

У нас, к сожалению, сформировался такой тип правопонимания, суть которого сводится в основном к необходимости быстрого увеличения законодательного массива. В Республике Беларусь действует около 3000 законов, десятки тысяч других нормативных правовых актов. Процесс кодификации не решил проблему исключения избыточности правового регулирования. Конечно, пробелы в правовом регулировании следует безотлагательно восполнять, особенно в области основных прав и свобод граждан. Однако сам факт принятия нормативных актов не означает эффективность законодательства. Плохо реализуемое законодательство превращается в «библиотеку законов», которой никто не пользуется.

В настоящее время следует повысить роль государственных и общественных структур в деле исполнения законодательства. Эта работа не должна сводиться лишь к деятельности органов государственного контроля. Надо использовать все каналы: обобщение судебной практики, материалы парламентских слушаний, контрольные функции депутатов, прокуратуры, правовые возможности Конституционного Суда Республики Беларусь.

Наша Конституция предусматривает смешанную систему судебного конституционного контроля. На это один из авторов данной статьи (профессор Г. А. Василевич) обращал внимание еще в 1994 г., сразу после начала функционирования Конституционного Суда. Это означает, что ответственны за состояние конституционной законности не только Конституционный Суд, но и иные суды. Следует обратить внимание на неукоснительное выполнение требований части второй ст. 112 Конституции. Закрепленное в ней правило может быть использовано также и по отношению к спорам о соответствии национальных актов ставшим обязательными международным договорам.

В современных условиях проблема достоинства личности в качестве интегрального показателя сути отношений между государством, обществом и человеком приобретает особое звучание. Рост правовой культуры, правового сознания граждан меняет сложившуюся ранее парадигму отношений: растет число людей, которые осознают себя полноправными субъектами политического процесса.

Защита человеческого достоинства обычно рассматривается в качестве индивидуального права. Однако такой подход слишком узок и не отражает природу этой качественной характеристики индивидуума. Защита человеческого достоинства имеет два аспекта: 1) защита достоинства от возможных посягательств в данной сфере отношений со стороны государства; 2) защита достоинства человека от посягательства других лиц, групп граждан. В первом случае можно вести речь о том, что само государство должно находиться в соответствующих правовых рамках, определенных Конституцией, нормами международного права.

Практика свидетельствует, что побудительными мотивами протестных настроений может быть нарушение принципов народовластия, парламентарной демократии, искажение сути права. Поэтому очень важно обеспечить в повседневной реальности такую практику, которая свидетельствовала бы

о том, что народ – главный субъект политического процесса. Этим целям служит совершенствование законотворческой деятельности, вовлечение в него граждан, соответствующая конституционным принципам и нормам правоприменительная практика.

Библиографические ссылки

1. Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции : материалы Респ. науч.-практ. конф. Минск, 11–12 марта 2008 г. / редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2008.

Г. А. Василевич

доктор юридических наук

НАУКА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Наука как система знаний о закономерностях развития природы, общества и мышления является движущей силой человеческой цивилизации. Юридическая наука самым непосредственным образом влияет на характер и глубину отношений между индивидуумами, обществом и государством. Можно отметить многих ученых, включая ученых-правоведов, чьи труды оказали революционное влияние на общественное развитие. Здесь назовем мыслителей прошлого – Дж. Локк и Ш. Монтескье (авторы концепции разделения властей), Ч. Беккариа (определил концептуальные подходы по противодействию преступности, ответственности за эти деяния), Г. Кельзен (автор правового позитивизма), И. А. Ильин (продолжил разработку учения о естественном и позитивном праве) и многие другие. В недавний советский и нынешний период заметен вклад в развитие юридической науки таких ученых, как С. С. Алексеев, С. А. Авакьян, Н. С. Бондарь, Г. А. Гаджиев, В. Д. Зорькин, Ю. А. Тихомиров, М. Н. Марченко, Т. Я. Хабриева, В. В. Лазарев и др. Из белорусских ученых назовем А. М. Абрамовича, С. А. Балашенко, Д. М. Демичева, С. Г. Дробязко, В. Н. Годунова, А. А. Головко, Н. В. Сильченко, А. Г. Тиковенко, С. А. Калинина, Н. А. Карпович, Т. И. Макарову, Т. Н. Михалеву, Л. М. Рябцева, С. М. Сивца, В. К. Ладутько, М. Ф. Чудакова, О. И. Чуприс, В. И. Шабайлова, Н. Г. Юркевича, В. Ф. Чигира и др.

В каждой отрасли права есть своя плеяда молодых, а также среднего и старшего возраста ученых, формировавших и формирующих наше представление о том, как необходимо развивать национальную правовую систему, что надо в ней улучшить, чтобы жизнь граждан страны была более комфортной, обеспечивались их права и свободы.

Наука конституционного (государственного) права прошла в своем развитии несколько этапов. Ее становление началось еще в **дореволюционный** период. Среди известных ученых-государствоведов, работавших в конце XIX – начале XX в., можно назвать И. А. Ильина, Н. М. Коркунова, Н. И. Лазаревского, Л. В. Тихомирова, Н. И. Палиенко, Б. Н. Чичерина и др. Они выработали и определили основные понятия государственного права, в том числе идеи народовластия, государственного суверенитета, формы правления (монархия, республика) и др.

В **советский (послереволюционный)** период наука конституционного права и ее представители исходили из необходимости признания марксистско-ленинской теории как основного инструмента решения всех задач и оценок происходящих в обществе явлений. Доминировал явно классовый подход.

В период основания в 1921 г. Белорусского государственного университета, а в 1922 г. – Института белорусской культуры в нашу республику прибыла группа видных ученых из России. Среди них были такие ученые-государствоведы, как В. Н. Дурденевский и Г. С. Гурвич, специализировавшиеся соответственно в области государственного права буржуазных стран и советского государственного права. Особого внимания в этот период заслуживают труды Г. С. Гурвича «История Советской Конституции» (1923), «Принцип автономизма и федерализма в советской системе» (1924).

На первых этапах развития науки конституционного (государственного) права трудности заключались не только в необходимости формирования науки с классовых позиций, но и в отсутствии (или неразработанности) юридической терминологии на белорусском языке. Способствовало разработке юридической терминологии создание актов ЦИК, правительства, Совета труда и обороны СССР с 1923 г. на белорусском языке (эти акты публиковались на языках всех союзных республик).

Развитию белорусской науки конституционного (государственного) права значительно способствовала работа над проектом второй Конституции БССР, которая была принята в 1927 г. Создание нового Основного Закона требовало переосмысления закономерностей развития государственной и общественной жизни, тенденций государственного строительства.

В 1922 г. вышла в свет книга Г. Е. Поречина «Советские республики в их взаимоотношениях», а в 1928 г. им же была написана «Наша Конституция», в которой автор проанализировал новый Основной Закон. Следует отметить, что в условиях советской власти, допускавшей существование лишь коммунистической идеологии, исследование Г. Е. Поречина опиралось на марксистско-ленинское учение о государстве и праве как возведенную в закон волю государственного класса (пролетариата), руководящую роль коммунистической партии.

Кроме того, появились научные статьи, посвященные новой Конституции БССР, в частности «Новая Конституция Белорусской ССР» И. И. Крыльцова (1928). Однако, как отмечается в исследованиях белорусских ученых-историков, в связи с идеологической кампанией конца 20-х гг. XX в. против «национал-демократизма» количество научных исследований по праву в этот период сократилось вследствие различного рода преобразований научных учреждений Академии наук БССР.

В период **Великой Отечественной войны**, а затем и некоторый **послевоенный**, когда ощущалась острая нехватка научных кадров, исследования, воплощенные в публикациях авторов, были минимальными.

Лишь с конца 50-х гг. прошлого столетия начинается новый этап активного научного творчества. Появляются труды, которые по многим позициям являются классическими либо вызывают пристальное внимание современных исследователей в силу того, что проблемы современного общества в той или иной степени затрагивались предшественниками.

Среди таких авторов можно назвать С. Р. Вихарева, Л. А. Рудзицкого, В. А. Дорогина, А. А. Головко, А. Т. Лейзерова.

Советские (белорусские) ученые и в условиях монополии коммунистической партии трудились плодотворно. Были выдвинуты и развиты идеи общенародного государства, принципы организации и деятельности представительных органов, органов территориального общественного самоуправления, правового статуса граждан.

В 80–90-е гг. XX в. многие ученые-конституционалисты радикально изменили свои взгляды, встав на позиции учета объективных закономерностей развития государства и общества. При этом, правда, были попытки отрицать все достигнутое.

В **современный** период (после принятия новой Конституции в 1994 г.) наука конституционного права развивается в русле общепризнанной идеи верховенства и торжества Конституции как ядра всей правовой системы. Ученые и практики спорят о содержании Основного Закона, демократичности его норм. Представители науки стремятся оперативно реагировать на потребности общественного развития и высказывать свои рекомендации. Научные исследования направлены на развитие политической системы общества, конституционного строя, гражданского общества, правового статуса личности, нахождение оптимального баланса интересов государства, общества и отдельного человека. Перед наукой конституционного права стоят огромные задачи, обусловленные особым, главенствующим местом конституционного права среди иных отраслей права.

Активно работают в сфере конституционного права такие представители белорусской науки, как Д. М. Демичев, В. Н. Кивель, Н. М. Кондратович, А. В. Масловская, Л. М. Рябцев, А. Г. Тиковенко, С. П. Чигринов, О. В. Чмыга, А. В. Шавцова и многие другие белорусские ученые и преподаватели, с трудами которых следует ознакомиться, изучая конституционное право.

С принятием в 1994 г. новой Конституции начался новый этап создания собственной национальной правовой системы: формирование предусмотренных

в Конституции органов государственной власти, принятие актов национального законодательства, базирующихся на конституционных принципах и нормах, развитие правовой идеологии и правового сознания. Конституция стала важнейшей отправной точкой для проведения большой работы по созданию качественно новых отношений между государством и гражданами, выстраиванию отношений с другими государствами дальнего и ближнего зарубежья.

Основной функцией государства и его органов является управление. В связи с этим в науке ставится справедливый вопрос: «на какой основе оно осуществляется – путем жесткого режима или либерально, коллегиально или авторитарно, субъективистски или на научной основе» [1, с. 9]? «Рецепт» известного российского ученого, сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации профессора Ю. А. Тихомирова состоит в том, чтобы управление осуществлялось на основе права. Это предполагает не только уяснение, что такое право как продукт деятельности государственных органов, должностных лиц, но и выработку критериев эффективности правового регулирования, установление оптимальной процедуры подготовки, принятия и введения в действие законов и иных нормативных правовых актов, исключение пробелов, противоречий (коллизий) в законодательстве, обеспечение ясности изложения правовых норм, их однозначного понимания и применения.

Основную управленческую функцию выполняет Конституция Беларуси. Конституция (юридическая и фактическая) служит прогрессу общества, людям, если в ней отражен оптимальный баланс интересов государства и личности, если они равноправные и равноответственные субъекты. Такая Конституция, отражая общепризнанные принципы международного права, содействует свободе личности, учитывающей свободу других людей. Конституция закрепляет политический плюрализм, разделение и взаимодействие властей как гарантию против диктата и хаоса.

Для повседневной практики важно, насколько научно обоснованы рекомендации относительно степени воздействия права на экономическую и социальную сферу. Как отмечено в литературе, «изменения в государстве реформаторского и эволюционного характера побудили искать общие индикаторы перемен» [2, с. 21–25].

Ключевая идея нового конституционного курса, начатого в 1994 г., – построение правового демократического социального государства (ст. 1 Конституции). В связи с изложенным можно заключить, что в качестве модели на конституционном уровне предусмотрено такое государство, которому присущи: 1) политический плюрализм; 2) многообразие форм собственности; 3) установление равенства государства и гражданина, наличие у них взаимных обязательств; 4) закрепление в качестве вектора для развития текущего законодательства приоритета общепризнанных принципов международного права; 5) разделение и взаимодействие властей; 6) прямой характер действия норм Конституции; 7) эффективная система восстановления нарушенных прав и свобод;

8) обеспечение права граждан на хорошее управление со стороны государства; 9) достижение одного из основных интегральных показателей успешности развития государства и общества – право на человеческое достоинство.

В Конституции нашли отражение политические и социально-экономические перемены, предусмотрена программа совершенствования демократии, гарантии прав и свобод. Это выразилось в закреплении основ конституционного строя, восприятии концепции партнерских отношений между государством и человеком. Но, исходя из наших традиций, сохранены конституционные идеи охраны социальных прав и свобод, наряду с введением поста Президента Республики Беларусь предусмотрено необходимое обновление системы власти (парламента, правительства, министерств и госкомитетов, системы судов, прокуратуры, местных Советов депутатов и исполнительных и распорядительных органов), их полномочий. Реализована идея разделения и взаимодействия властей.

На протяжении более чем 25 лет действия новой Конституции происходит «укоренение» содержащихся в ней принципов и норм как в действующем текущем законодательстве, так и в правоприменительной практике. Конституционные нормы и принципы формируют всю национальную правовую систему, так как они отражают и одновременно формируют концепцию законодательного развития государства и общества, правоприменительную практику.

Действия любой власти должны соответствовать ценностной парадигме Конституции, начиная от тех норм, которые содержатся в ее преамбуле, и заканчивая нормами конкретного характера. Конституция является правовой основой для проведения экономических, социальных и иных преобразований. Именно по этой причине она при необходимости подвергается изменениям и дополнениям, что и произошло на республиканских референдумах 1995, 1996, 2004 гг.

Развитие конституционного права отдельного европейского государства испытывает влияние европейского правового пространства. Европейская интеграция выступает в качестве важнейшего фактора процесса дальнейшего развития и совершенствования национальных правовых систем. Сейчас в мире явно наметился новый этап дальнейшей гармонизации права и политики в связи с процессом глобализации, интенсивным развитием информационного общества, новыми достижениями в области биомедицины, биотехнологий. Качественный скачок будет сделан в ближайшие десятилетия.

Конституция содержит нормы, которые могут придать новые импульсы работе представительных органов, т. е. тех институтов власти, которые наиболее близки к народу. Парламентская демократия способна исключить консервацию системы отношений, дать гражданам больше возможностей для самовыражения.

Особую угрозу стабильности государству создает раскол общества, отсутствие единства народа в решении базовых вопросов (собственность, политический плюрализм, реальное обеспечение прав и свобод независимо от политических взглядов). Единство граждан формируется и помимо Конституции, но Основной Закон его укрепляет.

Совпадение конституционной реальности и конституционных норм – важнейшее условие и проявление единства государства, граждан. Когда же в обществе вызревают новые идеи, направленные на корректировку конституционных устоев, стандартов, можно делать вывод об отсутствии консенсуса, утрате у определенной части населения уважения к конституционным нормам. Когда сторонников перемен становится много, отсутствует базовый консенсус, тогда и происходит замена старой Конституции на новую.

Важнейшей проблемой правоприменения является обеспечение непосредственного действия конституционных норм. Для этого в Конституции содержатся необходимые предпосылки. Прежде всего обратим внимание на ст. 137 Основного Закона, в которой закреплено, что Конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе и в соответствии с Конституцией Республики Беларусь. В случае расхождения закона, декрета или указа с Конституцией действует Конституция. В случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. Целям обеспечения прямого действия конституционных норм служит часть вторая ст. 112 Конституции. Согласно данной статье, если суд при рассмотрении конкретного дела придет к выводу о несоответствии нормативного акта Конституции или иному закону, он должен поставить перед Конституционным Судом вопрос о признании данного нормативного акта неконституционным. Невыполнение этого требования Конституции и закона приводит к разнобою в судебной практике, так как не соответствующие Конституции акты сохраняют свою силу и могут применяться другими судами, не усмотревшими такого несоответствия.

Указанные нормы Конституции означают, что на ее основе формируется вся система текущего законодательства, в ней определяется компетенция государственных органов. По этой причине Конституцию нередко называют ядром правовой системы. Часто в самой Конституции указывается, в каких случаях для дальнейшего развития содержащихся в ней положений должны быть приняты законы. Конституция воздействует на развитие правовой системы, определяет правотворческую компетенцию государственных органов, в ней определяются объекты правового регулирования. В Конституции закрепляются виды нормативных актов и их соподчиненность.

Благодаря закрепленному в Конституции правовому статусу органов государственной власти можно определить иерархию принимаемых ими нормативных актов. При этом следует иметь в виду, что сама Конституция обладает верховенством по отношению ко всем иным правовым актам. Это ее важнейшее юридическое свойство. Соответствующие правила (о верховенстве конституции) закрепляются в самом Основном Законе. Приоритет Конституции по отношению к иным актам также подкрепляется спецификой ее принятия, изменения или отмены. Правда, в истории белорусского государства был случай, когда иному нормативному акту был придан более высокий юридический вес, нежели

Конституции. 25 августа 1991 г. Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете был придан статус конституционного закона, обладающего более высокой юридической силой, нежели Конституция: при расхождении норм, содержащихся в Декларации и Конституции, приоритет имели нормы первого документа.

Конституционность предполагает конституционализацию отраслевого законодательства и правоприменительной практики, т. е. «перевод» конституционных принципов и норм в практическую плоскость отраслевого регулирования с адекватным отражением духа и буквы Конституции. Помогать этому может толкование конституционного текста: как официального, аутентичного, даваемого парламентом, так и казуального, имеющего место при разрешении спора в Конституционном Суде.

Особая ценность Конституции проявляется в стремлении обеспечить ее стабильность. Так, согласно ст. 139 Конституции закон об изменении и дополнении Конституции может быть принят после двух обсуждений и одобрений парламентом с промежутком не менее трех месяцев.

Положение о том, что изменение или дополнение Конституции может осуществляться только после двух обсуждений и одобрений (голосований) с обязательным промежутком времени между ними, известно мировой конституционной практике. Такой порядок внесения изменений в Конституцию получил название «двойной вотум». Смысл этой процедуры в том, что депутаты должны еще раз подумать, необходимы ли те изменения, за которые они первый раз проголосовали, не являются ли они конъюнктурными и, возможно, недостаточно продуманными.

Согласно ст. 140 Конституция, законы о внесении в нее изменений и дополнений, введении в действие указанных законов, акты о толковании Конституции считаются принятыми, если за них проголосовало не менее 2/3 от полного состава каждой из палат парламента. Изменения и дополнения Конституции могут быть проведены через референдум. Решение об изменении и дополнении Конституции путем проведения референдума считается принятым, если за него проголосовало большинство граждан, внесенных в списки для голосования. Разделы I, II, IV, VIII Конституции могут быть изменены только путем референдума.

Конституция не только закрепляет нормы собственной стабильности, но и нацелена на обеспечение устойчивого развития белорусского государства, что является важнейшей гарантией суверенитета. Можно выделить различные гарантии устойчивого развития: политические, экономические, социальные, культурные, юридические.

Как представляется, конституционное право современных государств с учетом влияния общепризнанных принципов и норм международного права в настоящее время имеет такой уровень развития, когда политическая деятельность (политика) все более и более оказывается в рамках правовой регламентации.

Необходимо адекватно и оперативно реагировать на волю людей, вести разъяснительную работу относительно проводимой политики, исполнять дан-

ные в предвыборный период обещания. Тогда у граждан не будет ощущения, что их достоинство как главных субъектов управления государством умалено.

Устранение расхождений между юридической Конституцией и фактической реализацией ее норм – важнейшая задача государств молодой демократии.

По своей сути Конституция Республики Беларусь является народной Конституцией, направленной на обеспечение баланса интересов государства, общества и отдельного человека. Конституция является отражением политической и социальной борьбы, расстановки сил на момент ее принятия. Оптимальным вариантом является ситуация, когда Конституция отражает социальный компромисс и содержит механизмы разрешения конфликтов.

И. А. Ильин считал, что обычный и здоровый путь борьбы за новое, лучшее право есть «правосоздание»: устаревшие законы отменяются, а на их место посредством мирной организованной работы устанавливается новое право. Такой путь он считал наилучшим, так как он укреплял в душах людей доверие к праву. Однако начинать движение к обновлению права следует с осознания содержания естественного права, которое должно лежать в основе новых норм. Это необходимо делать по той причине, что каждая позитивная норма решает важнейшую задачу – показать людям пример лучшего поведения. «Лучшее», по его мнению, отнюдь не означает самое удобное, выгодное, полезное и т. п., так как разным людям полезно, выгодно и удобно разное. «Лучшее» имеет единое, предметное содержание и может расходиться даже с общественным мнением [3, с. 512].

Государство служит человеку. Поэтому одним из основных критериев успеха, а значит, и эффективности установленного конституционного порядка, экономических и социальных отношений, испытывающих воздействие права, являются условия и продолжительность жизни людей, удовлетворенность их теми возможностями, которые предоставляет им государство, оптимальность правового регулирования и обеспечение баланса интересов отдельного человека, общества и государства, защищенность от незаконных посягательств, перспективы развития молодого поколения и ряд других факторов, которые влияют на настроение человека, на ощущение им удовлетворенности. Не зря в настоящее время при сравнении развития различных стран не только все больше внимания обращается на уровень человеческого развития, но и измеряется индекс счастья. Индекс счастья не зависит напрямую от экономической мощи страны. Счастливый человек в значительно большей степени ощущает свое достоинство.

Библиографические ссылки

1. Тихомиров Ю. А. Управление на основе права. М., 2007.

2. Василевич Г. А., Тихомиров Ю. А. Государственное управление и перспективы развития // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2011. № 6. С. 21–25.

3. Ильин И. А. Борьба за право // Родина и мы : статьи / сост., вступ. и коммент. Ю. Т. Лисицы. Смоленск, 1995. С. 512.

С. Р. Вихарев
(1920–1976)
доктор юридических наук

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СССР И ПРИЗНАКАХ ОТЛИЧИЯ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК[1]

Непосредственно вопрос о формах национальной государственности в СССР и признаках отличия союзных и автономных республик возник в связи с задачей последовательного осуществления права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования своего национального государства. В плане обеспечения действительной самостоятельности самоопределяющейся нации решение этого вопроса имело исключительно важное значение, поскольку выбор конкретной формы и особенно подлинная свобода выбора играли огромную роль в судьбе каждой нации нашей страны, а именно в осуществлении ее права собственным волеизъявлением устроить свою государственную жизнь.

В. И. Ленин, руководствуясь тем, что каждый народ имеет полное право на самостоятельное государственное существование, не связывал выбор нацией формы своей национальной государственности никакими условиями. Для практического осуществления этого выбора, по мысли Ленина, достаточно лишь одного желания самой нации, и ни одна сила не должна противостоять этому. Вместе с тем Ленин учил, что вопрос о формах национальной государственности не есть вопрос самоцели. Его нельзя решать произвольно, придерживаясь лишь одних субъективных пожеланий. Практически решение этого вопроса должно соответствовать прежде всего степени экономического развития данной нации. При этом из указаний В. И. Ленина следует, что более высокому уровню экономического развития должны отвечать и наиболее развитые, сложные и самостоятельные формы государства.

Практически решение вопроса о формах национальной государственности требует учитывать не только налицо существующие факторы, предопределяющие ту или иную форму в данный момент, но и тенденции, которые выдвигаются на первое место в развитии нации, в том числе в области ее государственности. Подтверждением этому служит, в частности, то, что многие советские

[1] Друкуецца паводле: *Вихарев С. Р.* К вопросу о формах национальной государственности в СССР и признаках отличия союзных и автономных республик // Вопросы советского государства и права : тез. докл. на науч. конф. юрид. фак., Минск, 17 апр. 1968 г. / Белорус. гос. Ордена Трудового Крас. Знамени ун-т им. В. И. Ленина / под ред. А. А. Головко, В. А. Дорогина, А. Т. Лейзерова. Минск, 1968. С. 31–39.

нации в период их самоопределения смогли избрать лишь такую форму, которая отвечала конкретным условиям того времени. В дальнейшем они добились более высокого уровня своего развития, в соответствии с которым была изменена и форма их национальной государственности. Известно, например, что по мере изменения фактического положения киргизского народа Киргизия прошла путь от автономной области, через автономную республику, до суверенной союзной республики.

Необходимо, наконец, иметь в виду, что при наличии определенных, хотя бы минимальных, условий основная роль в решении вопроса о формах национальной государственности принадлежит органу, выступающему от имени действительного большинства самоопределившегося народа. Таким образом, только учет в единстве всех факторов (объективных и субъективных), характеризующих фактическое положение и волю данной нации, может дать основу правильного решения вопроса о форме государственности этой нации.

Высшей формой советской национальной государственности, возникшей в результате самоопределения ранее угнетаемых наций нашей страны, является союзная республика. Государственная природа и положение союзных республик в составе СССР показывают, что их образовали прежде всего те советские народы, которые ко времени Октябрьской революции имели относительно высокий уровень своего экономического и социально-политического развития. Помимо того, для образования именно союзной республики важную роль играли наличие у данной нации в прошлом национальной государственности, проживание ее на сравнительно большой территории или значительное по количеству и национальной компактности население. С учетом этих факторов уже за первые пять лет после Октябрьской революции на территории нашей страны возникли УССР, БССР, Азербайджанская, Армянская, Грузинская и другие советские союзные республики. Все они были созданы как самостоятельные государства народов, получивших от Советской власти безоговорочное признание их государственного суверенитета.

Для населения нашей страны, которое и до и после Октябрьской революции значительное время сохраняло еще многие черты патриархально-родового быта, в целях приобщения его к Советской власти и вовлечения в общественно-политическую и государственную жизнь были выработаны, как наиболее приемлемые формы, автономная область и национальный округ. По своей правовой природе это национально-административные образования, обеспечивающие нацменьшинствам и народностям лишь некоторые элементы государственности, в частности свободу самостоятельного решения чисто внутренних вопросов их жизни.

Формы советской национальной государственности и национально-территориальные образования имеют то исключительно важное преимущество, что позволяют каждой советской нации и народности, большой и малой, полностью проявлять свою национальную волю. Практически различие между ними в плане рассматриваемой темы состоит лишь в том, что не все из них обеспечивают государственный суверенитет. Однако в смысле обеспечения подлинного

равноправия и национального суверенитета все они играют совершенно равноценную роль. Независимо от того, какую из форм или какое из образований избрала та или иная нация, в реальной действительности эти форма и образование служат выражением суверенной природы данной нации или народности и свободы проявления их собственной воли. В результате этого все советские нации и народности на деле осуществляют свой национальный суверенитет как сообща – через Союз ССР, так и непосредственно – через избранные ими формы национальной государственности или национально-территориальные образования.

Из числа фактических оснований для решения вопроса о признаках отличия союзных и автономных республик, как и для решения вопроса о выборе формы национальной государственности вообще, наиболее важное значение имеет прежде всего уровень развития их экономики и культуры. Однако сам по себе уровень экономики и культуры еще не является безусловным критерием того, образовать ли ту или иную республику как автономную или как союзную.

Для образования автономной республики необходимо наличие, во-первых, согласия союзной республики, а во-вторых, санкции Союза ССР.

Следствием отсутствия государственного суверенитета АССР является также отсутствие у нее права свободного выхода из союзной республики, утверждение ее конституции высшими органами власти союзной республики, ограничение ее самостоятельности в осуществлении полномочий государственно-властного характера, определение основ системы ее органов власти и управления высшими органами власти союзной республики и т. п. Все это говорит о том, что автономные республики, в отличие от союзных, выполняют функции государства лишь на автономных началах.

Наряду с фактическими и государственно-правовыми основаниями для решения вопроса о том, образовать ли союзную или автономную республику или перевести вторую в разряд первой, исключительно важное значение имеет также воля народа. Известно, например, что карельский и финский народы, проживающие на территории СССР, испробовали в качестве формы своей государственности и автономную, и союзную республики, остановившись в итоге именно на автономной республике. При наличии должных условий воля народа может также проявиться в том, чтобы преобразовать автономную республику в союзную. Наглядным примером в данном случае служит образование Молдавской ССР.

Итак, фактические и государственно-правовые основания, воля народа и целесообразность в выборе форм национальной государственности – вот наиболее важные признаки отличия союзных и автономных республик.

Следует отметить, что наличие в отдельных союзных республиках небольшого количества населения или, наоборот, отсутствие компактного большинства нации, давшей имя республике, отнюдь не умаляют применительно к современным условиям самого по себе важного значения этих факторов. Если взять, например, Эстонскую ССР, количество населения которой небольшое, то в ней зато налицо достаточно высокий уровень развития экономики и культуры и компактное большинство нации. Или взять Казахскую ССР. Здесь отсутствует компактное большинство нации. Но в то же время республика занимает третье место среди других союзных республик по общему количеству населения и располагается на огромнейшей территории.

А. А. Головко
(1925–2014)
доктор юридических наук

ОСНОВНЫЕ ГАРАНТИИ ДЕМОКРАТИИ[1]

Теория демократии тесно связана с народными революциями, с учением о роли и власти народа в истории, о взаимодействии демократии с народным суверенитетом, о демократическом, социальном, правовом государстве, о сущности взаимоотношений государства с человеком и гражданином, о праве, о формах власти в гуманном, гражданском обществе, о распространении демократических правил с помощью норм международного права и др.

Значимость проблемы демократии объясняется ее непосредственной связью с жизнью людей, с одной из самых насущных потребностей человека – быть активным участником происходящих в обществе процессов и хозяином собственной судьбы, решать коренные вопросы развития своего общества и государства. Власть народа немыслима без подлинной демократии как по своей сущности, так и по форме. Вот почему социально-экономическое ускорение развития общества, ныне проводимые коренные экономические преобразования невозможны без приведения в движение такого мощного человеческого фактора, как реализация нашими гражданами в полной мере своей политической власти, т. е. дальнейшего совершенствования демократии, все более полного осуществления самоуправления народа. Наряду с экономическими рычагами и научно-техническими достижениями демократия играет основную роль в успешном решении проблемы коренного социально-экономического и политического устройства нашего общества.

В связи с этим самой острой, практически важной проблемой сегодняшнего дня является создание стабильных гарантий, обеспечивающих развитие и эффективность демократии.

Особенно острой была проблема гарантий после победы Октябрьской революции 1917 года в России, так как были провозглашены многие права и свободы граждан, власть перешла в руки трудового народа. Надо было удержать и укреплять позиции народной власти, т. е. демократию. В то время почти все гарантии прав и свобод граждан сводились к силе нового государства, к его законам и установлению строгой ответственности.

Необходимо обратить внимание на то, что в имеющейся юридической и философской литературе советские исследователи недостаточно занимались разработкой вопроса о гарантиях развития и эффективной реализации

[1] Друкуецца паводле: *Головко А. А.* Теоретические основы демократии (конституционно-правовой аспект). Минск, 2004. (Сер. «Юрид. лит.»).

демократии. Демократия – это не анархично развивающийся процесс, на ее развитие влияют не только объективные, но и субъективные человеческие факторы. Демократические процессы нуждаются в их изучении, обобщении, выработке и внедрении в практику научных рекомендаций, корректировке и управлении ими. Этим постоянно должны заниматься государственные, хозяйственные органы, управленческие органы общественных формирований, а также школы, высшие и средние специальные учебные заведения. Их работа в этом направлении во многом будет определять, гарантировать уровень демократизации общества и его политической системы. Расширение и углубление демократии сегодня является проблемой номер один. Для обеспечения данного общественного процесса необходимо, с нашей точки зрения, осмыслить и упорно укреплять основные гарантии демократии.

Гарантии устанавливаются и для большинства политических, юридических понятий, явлений, таких как конституция, демократия, суверенитет, законность, дисциплина и др.

Таким образом, **гарантии демократии** – это система правовых средств или организационно созданных условий и способов, обеспечивающих открытое участие граждан в формировании высокоорганизованного состояния и развития общества и государства, отражающих их интересы, и в непосредственном управлении ими общественными процессами.

Поскольку существует множество гарантий демократии, возникает необходимость в их классификации. Наиболее важную и многочисленную группу составляют **конституционные гарантии**. Например, в Конституции Республики Беларусь закреплено более 60 гарантий демократии: обеспечение гражданского согласия, незыблемости устоев народовластия (преамбула); Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельно осуществляет внутреннюю и внешнюю политику (ст. 1); государство ответственно перед гражданами за создание условий для свободного и достойного развития личности (ст. 2); единственным источником государственной власти и носителем суверенитета является народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, через представительные и иные органы в формах и пределах, определенных Конституцией (ст. 3); государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения ее на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 6); гражданину Республики Беларусь гарантируется защита и покровительство государства как на территории Беларуси, так и за ее пределами (ст. 10); государство гарантирует всем равные возможности свободного использования способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 4 ст. 13); государство гарантирует трудящимся право принимать участие в управлении предприятиями, организациями и учреждениями (ч. 6 ст. 13); государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов (ч. 11 ст. 14); обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства… Государство гарантирует права и свободы граждан

Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства (ст. 21); все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22); никто не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону (ч. 2 ст. 23); каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение, цензура не допускается (ч. 3 ст. 33); каждый имеет право на свободу объединений (ч. 1 ст. 36); непосредственное участие граждан в управлении делами общества и государства обеспечивается проведением референдумов, обсуждением проектов законов и вопросов республиканского и местного значения, другими определенными законами способами… Граждане принимают участие в обсуждении вопросов государственной и общественной жизни на республиканских и местных собраниях (ч. 2, 3 ст. 37); граждане Республики Беларусь имеют право свободно избирать и быть избранными в государственные органы на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании (ст. 38); государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания, обеспечивает развитие физической культуры и спорта, оздоровление окружающей среды, возможность пользования оздоровительными учреждениями, совершенствует охрану труда (ч. 2, 3 ст. 45); на республиканских и местных референдумах граждане, обладающие избирательным правом, путем всеобщего, свободного, равного и тайного голосования непосредственно решают важнейшие вопросы государственной и общественной жизни (гл. 2 Конституции).

Даже неполный перечень конституционных форм демократии и их гарантий подтверждает мысль об их особой важности. В Конституции закрепляются важнейшие формы демократии, а также гарантии, имеющие высшую юридическую силу. Все иные правовые и организационные гарантии как бы вытекают из конституционных гарантий, детализируют их и соответствуют им.

Самостоятельным видом гарантии демократии являются правовые гарантии, закрепленные в законах и иных нормативных актах. Их реализация способствует функционированию определенного демократического процесса. Примером может служить Избирательный кодекс Республики Беларусь, принятый в феврале 2000 года. В гл. 16 Кодекса устанавливаются гарантии деятельности и права кандидатов в Президенты Республики Беларусь и в депутаты. Все кандидаты в Президенты и в депутаты обладают равными правами и несут равные обязанности, они не вправе использовать преимущества своего должностного положения в интересах избрания. Со времени их регистрации они имеют право выступать на предвыборных и иных собраниях, совещаниях, заседаниях, в печати, по государственному радио, а кандидаты в Президенты Республики Беларусь и в депутаты Палаты представителей – и по государственному телевидению. Нарушение этого права может быть обжаловано в окружную, территориальную комиссию, в Центральную комиссию.

В предвыборных программах кандидата в Президенты и в депутаты не должна содержаться пропаганда войны, призывы к насильственному изменению конституционного строя, нарушению территориальной целостности Республики Беларусь, к социальной, национальной, религиозной и расовой враж-

де, оскорбления и клевета в отношении должностных лиц Республики Беларусь, других кандидатов в Президенты и в депутаты.

При нарушении этих требований Центральная комиссия, окружная, территориальная избирательная комиссия вправе отменить решение о регистрации кандидата.

Считаем также вполне возможным проведение общей классификации всех гарантий демократии на два вида: 1) объективные гарантии и 2) субъективные гарантии.

Объективная гарантия, пожалуй, одна – экономические общественные отношения, основанные на общественной системе хозяйствования, коллективной собственности на средства производства, сотрудничестве людей, свободных от эксплуатации. Это первичный источник демократии.

Государственная собственность позволяет использовать средства производства непосредственными их производителями, коллективными собственниками (гражданами) и устраняет социальный антагонизм в самих экономических производственных отношениях. При демократическом строе устанавливаются равные отношения всех граждан к общественной собственности, т. е. достигается их равноправие в самом главном – в экономических отношениях. Общественная собственность приводит к совпадению экономических интересов классов, наций, народностей и иных социальных групп. Отсюда вытекает и принцип полновластия народа, его свободный образ жизни. Только на ее основе создается справедливая коллективная форма организации труда, осуществляется его разумная оплата в зависимости от количества и качества.

Поскольку демократия является политической надстройкой над экономическим базисом, она активно влияет на развитие экономики. Происходит диалектическое взаимодействие экономики и демократии.

К субъективным гарантиям демократии можно отнести политические, социальные, интернациональные, организационные, педагогико-психологические, судебные, правовые, моральные, международные. Для субъективных гарантий характерным является воплощение в них труда и воли людей, т. е. их содержание и уровень обеспеченности зависит от человеческой деятельности.

Рассмотрим некоторые из них.

Политические гарантии проявляются в реальной принадлежности народу всей полноты власти, в функционировании Советов депутатов как самых представительных органов народа, максимально обеспечивающих его участие в управлении государством. В них сочетаются черты государственной и общественной организации, представительной, непосредственной (прямой), служебной (профессиональной) и новых многочисленных форм демократии.

Народ, обладая политической властью, реализует ее двумя путями: непосредственно через многочисленные формы прямой демократии (собрания, конференции, выборы, референдумы и др.) и через элементы политической системы общества.

Важной гарантией реализации власти народом является обеспечение ему политической свободы, т. е. недопустимости его зависимости от кого-либо,

а также внутренних и внешних ограничений. Лишь закон определяет меру свободы. Поэтому свобода – это участие граждан в исполнении закона.

Что касается Советов депутатов всех звеньев как подлинно демократических представительных органов, то предстоит провести их коренные преобразования с тем, чтобы сделать их полновластными и еще более демократичными.

При этом важной гарантией их подлинного народовластия является ограничение срока пребывания у власти выбранных лиц (не более чем два срока) и усиление над ними контроля масс. Являясь воплощением демократии, Советы сами обязаны вовлекать в свою деятельность всех граждан, проживающих на их территории. Только в самодеятельных организациях, примыкающих к местным Советам депутатов Беларуси, объединены десятки тысяч активистов.

Для усиления политической основы нашего общества необходимо укрепить материально-финансовую базу Советов депутатов, повысить эффективность их деятельности, освободиться от централизации в руководстве, добиться взаимной осведомленности народа и Советов, создав тем самым гарантии для реализации их широкой компетенции.

Гарантией дальнейшего развития демократии является передача функций отдельных государственных органов в ведение различных общественных формирований **и успешная их реализация**.

Следует заметить, что политика, политические интересы всегда превалируют над экономическими и тесно связаны с ними. Отсюда вытекает и другое положение – экономические и политические гарантии демократии тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга.

Социальными гарантиями демократии являются равноправие социальных групп: рабочих, крестьян, предпринимателей, интеллигенции, равенство всех наций и народностей, женщин и мужчин, создание крепкой единой социальной общности – народа, обладающего морально-политическим единством. Это ярко проявлялось в СССР и других странах, строящих социализм.

Нашей подлинной демократии, основанной на дружеских отношениях различных социальных групп, ярко противостоит демократия, отражающая во многих странах интересы небольшой группы господствующего класса капитала.

В Республике Беларусь важнейшей социальной гарантией демократии является само демократическое социальное правовое государство (ст. 1 Конституции). Конституционно-правовой статус социального государства предполагает обеспечение экономических и социальных прав, свобод человека и гражданина, а также соответствующих обязанностей государства в этом отношении. При таком положении государство служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия. Чем крепче союз государства и общества, тем ярче проявляется сущность социального государства и его демократизм. Важнейшей характерной чертой социального правового государства является обеспечение им господства социальной справедливости людей в обществе как одной из гарантий демократии. В социальном государстве четко выделяется социальное право, нормы которого распространяются как на граждан, так и на государство. Оно не только провозглашает права и свободы граждан, но и возлагает на себя обязанности по их реализации. Обладая су-

веренитетом, социальное государство в своей деятельности ограничено волей всего народа и не может брать на себя нереальные, невыполнимые обязанности в отношении граждан точно так же, как и предъявлять к ним необоснованные правовые требования. Таким образом, социальное государство является самым демократическим государством, осуществляющим свою деятельность в интересах своих граждан. Прочность государственной и любой иной власти зависит от социальной основы, на которую она опирается.

Гарантией демократии как высокоорганизованного общественного процесса является **умелое достижение идеальной организованности состояния и управляемости общества и государства**. Реальность демократии и ее динамичность возможны лишь при наличии и осуществлении гражданами гарантированных им широких конституционных прав, свобод и добросовестном выполнении возложенных на них социальных обязанностей.

Интернациональные гарантии проявляются в бескорыстных, дружеских взаимоотношениях людей различных национальностей, между национальными государствами и национально-государственными образованиями – автономными областями, автономными округами.

В литературе отсутствуют работы, освещающие демократические процессы во взаимоотношениях между нациями и народностями. Кроме того, у нас не было и нет специального государственного органа, который бы постоянно занимался изучением отношений между нациями и народностями в масштабах государства и за его пределами, так как Беларусь – многонациональное государство, на территории которого проживают представители более 125 наций и народностей. Для придания этой работе более оперативного характера было бы целесообразно создать при Парламенте Республики Беларусь специальный орган (комиссию, отдел или комитет) по делам национальностей.

Сущность ***организационных гарантий*** демократии сводится к повышению эффективности организаторских способностей государственных органов, общественных организаций, самодеятельных органов населения, должностных лиц и самих граждан. Своей многогранной деятельностью они должны создавать необходимые условия для реализации прав и свобод граждан, осуществления компетенции всеми государственными органами, общественными формированиями и проявления подлинной воли каждым гражданином, участвующим в обсуждении и решении общественных вопросов. Организационно-массовая работа – это политическая работа. В новых условиях функционирования нашего общества при широком внедрении частнопредпринимательской деятельности усложняется развитие демократии, как никогда ранее требуется повышение мастерства в организации народа при осуществлении руководства обществом в целом, внедрение нового стиля работы и науки управления во все звенья политической системы общества и все формы самоуправления. Думается, что этому во многом будут способствовать резкое сокращение управленческого персонала, децентрализация в управлении и научно обоснованные демократические формы работы.

Немаловажную роль в обеспечении развития демократии должны сыграть ***педагогические, воспитательские гарантии***. Необходимо учить людей демо-

кратии во всех учебных заведениях: школах, профессиональных училищах, техникумах и вузах, на различных курсах, факультетах повышения квалификации, в общественных университетах. Эту важнейшую проблему должны решать все общественные формирования. Задача сводится не только к тому, чтобы излагать теоретические положения о демократии, но главное – приблизить их к жизни, к конкретным условиям обучающихся. Фактически речь идет о психологической подготовке граждан к участию в общественных (т. е. демократических) процессах.

Правовые гарантии. Установление и реализация демократических правил закрепляются и регулируются большей частью нормами права и морали. Демократия как определенное состояние общественных отношений в процессе их развития при реализации народом власти требует четкого порядка. Здесь недопустимы вседозволенность и анархия.

Именно с помощью норм права можно и нужно управлять демократическими общественными процессами, совершенствуя их в направлении дальнейшего повышения эффективности воздействия на экономическое и социальное развитие общества.

С помощью права, его содержания можно усилить или замедлить эффективность демократии. Отсюда вытекает практический вывод о необходимости знания и четкого соблюдения государственными служащими, руководителями общественных организаций и гражданами норм права, а с другой стороны, их своевременного совершенствования в направлении развития демократизма.

Сегодня, когда так остро ставится вопрос о создании правового государства, на первый план выдвигается такая форма права, как закон. «Закон есть мера политическая, есть политика»[1], – говорил В. И. Ленин. Именно с помощью законов предстоит урегулировать все важнейшие общественные отношения (в области планирования, контроля за мерой труда и потребления, дисциплины, качества продукции, выдвижения и выборов руководящих кадров, гласности в управлении, определения компетенции и деятельности всех государственных органов, общественных формирований и должностных лиц, защиты прав граждан и др.). Не следует допускать исключений из общих правил, установленных законом.

Характер законности, ее политическое содержание определяются политическим содержанием демократии. Выполнение демократических норм права, их соблюдение есть не что иное, как реализация на практике демократии. Следовательно, законность является одной из важнейших гарантий общенародной демократии, основным путем, методом ее осуществления.

При постоянном совершенствовании законодательства совершенствуется и демократия, повышается социально-политическая и трудовая активность народа. В свою очередь, чем шире и глубже демократия, тем больше внимания требуют к себе законность, правопорядок, организованность и сознательная дисциплина, постоянное повышение гражданами правовой культуры.

Гарантией демократии являются высоконравственные, моральные, гуманные устои человеческих отношений в обществе, выработанные гуманным укладом жизни. Мораль охватывает все стороны жизни: экономику,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 99.

политику, социальные процессы, воспитание граждан, семью. Она обладает такими качествами, как коллективизм, гуманизм, патриотизм, интернационализм, побуждает граждан к активной деятельности в общественном труде, к творчеству, реальному массовому участию в управлении общественными и государственными процессами. Необходимо каждому гражданину воспитывать в себе чувство собственного достоинства. Не сознавая себя личностью, нельзя говорить о народовластии. Поэтому при решении коренных задач социально-экономического ускорения нашего общества повышается моральная ответственность каждого гражданина.

Демократия предполагает наличие гласности, которая является фактически не только гарантией демократии, но и ее составной частью. Без гласности нельзя говорить о демократии. Гласность предполагает взаимную осведомленность народа с одной стороны, государственных органов и общественных объединений – с другой. Работники госаппарата обязаны информировать население о намечаемых планах, о положении дел, о проводимых мероприятиях и их действенности, учитывая при этом мнение общественности.

Это правило распространяется и на общественные формирования. Гласность обеспечивает действенный контроль народа за функционированием всех элементов политической системы общества. **Важнейшей гарантией демократии является наука управления**, основанная на глубоком изучении управления общественными процессами, обобщениях, обоснованных выводах и рекомендациях их для внедрения в практическую деятельность государственных органов, общественных объединений и самодеятельных организаций граждан. С внедрением в практику управления демократическими процессами научно обоснованных рекомендаций достигается эффективность воздействия демократии на развитие экономического и социально-культурного строительства, резко снижаются материально-финансовые затраты.

Демократия и мир неотделимы. Устойчивое международное положение государства гарантирует успешное функционирование демократии.

Борьба за обеспечение прочного мира и сама мирная жизнь являются важнейшими гарантиями действительной демократии. Республика Беларусь выступает за демократическую внешнюю политику, за мир, упрочение безопасности народов и широкое международное сотрудничество.

В своей внешней политике Беларусь исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и другие общепризнанные принципы и нормы международного права.

Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство нейтральным (ст. 18 Конституции Республики Беларусь).

В Республике Беларусь запрещается пропаганда войны. Именно такой подход государства в интересах всего народа позволяет ему в течение длительного времени поддерживать мир, развивать демократию и направлять усилия своих граждан на экономическое и социальное развитие.

Рассмотренные нами гарантии проявления и функционирования демократии следует брать во взаимосвязи, взаимозависимости и единстве. Они допол-

няют друг друга. Такой подход позволяет видеть истинную природу демократии, ее многочисленные формы проявления, пути повышения эффективности и иные характерные особенности, раскрывающие ее социальное созидательное назначение. С помощью создания и постоянного функционирования многочисленных гарантий можно добиться расцвета демократии как могучей созидательной силы.

Однако нельзя не видеть противоречий в развитии демократических процессов: с одной стороны, развитие демократических форм и их эффективность, а с другой – многочисленные препятствия, тормозящие эти важные процессы (бюрократизм, централизация, демагогия, эгоизм, пессимизм, необеспеченность в полную меру прав государственных органов, общественных формирований и граждан, нарушение норм права и дисциплины, подхалимаж, низкий уровень общей и правовой культуры, отсутствие надлежащего контроля, несовершенство законодательства и др.). Активность государственных, хозяйственных органов, партий, общественных объединений и трудовых коллективов следует направить на очищение от этих пороков и усиление гарантий, способствующих динамичности функционирования демократии в обществе и государстве.

А. В. Денисевич

кандидат юридических наук

АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНАЯ ПОЛИТИКА И ТРЕТЬЯ РЕФОРМА АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Административная деликтность как одна из серьезных угроз общественным отношениям обусловливает необходимость защитной реакции государства посредством надлежащей реализации положений сформировавшейся самостоятельной отрасли административно-деликтного права. В общей структуре совершаемых в стране противоправных деяний значительное место занимают именно административные правонарушения, количество которых на порядок превышает количество преступлений. Они характеризуются масштабностью, совершением в различных отраслях и сферах деятельности, причинением существенного вреда законным интересам личности, общества и государства. При этом реальное количество противоправных фактов, которые можно было бы квалифицировать как административные правонарушения, значительно

выше, ибо за рамками статистики остается латентная составляющая, которая, по оценкам некоторых ученых, достигает порядка 3/4 от реально совершенных административных проступков [1, с. 324]. В то же время в нашей правовой системе, к сожалению, отсутствует отдельный документ, определяющий основные положения административно-деликтной политики, представляющей собой деятельность государства и общества по выработке и осуществлению мер, направленных на борьбу с административными правонарушениями и их предупреждение [2, с. 5]. Вместе с тем проводимая реформа административно-деликтного законодательства формируется сегодня под безусловным влиянием административно-деликтной политики нашего государства, что должно серьезно повлиять на состояние административной деликтности в целом и осуществление мер по предупреждению административных правонарушений.

За время, прошедшее с момента вступления в силу КоАП (13 лет), изменения и дополнения в него вносились более 60 раз, т. е. в среднем около пяти раз за год. За этот период назрела объективная необходимость научного осмысления и критического анализа сложившейся за эти годы практики его применения с учетом наработок в рассматриваемой отрасли права таких ученых, как А. Н. Крамник, Г. А. Василевич, Л. М. Рябцев, Т. В. Телятицкая и др. С учетом имеющихся существенных недостатков и накопившихся проблем применения Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП) и Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [4] (далее – ПИКоАП) и назревшей необходимости их разрешения главой государства 16 декабря 2019 г. было проведено очередное совещание по вопросам привлечения граждан и субъектов хозяйствования к административной ответственности, по итогам которого было принято решение о разработке проектов новых КоАП и ПИКоАП (п. 3 протокола поручений Президента Республики Беларусь, данных 16 декабря 2019 г. на совещании по вопросам привлечения граждан и субъектов хозяйствования к административной ответственности, от 26.12.2019 № 42 [5]). Таким образом, было дано начало третьей реформе административно-деликтного законодательства, направленной в том числе на устранение существующих коллизий и пробелов, с учетом того, что санкциями административно-деликтных норм стали защищаться положения различных новых отраслей национального права, а также на совершенствование административно-деликтной защиты, поскольку она перестала быть достаточной для эффективного противодействия административным правонарушениям и адекватной существующим новым реалиям современной жизни.

Что хотелось бы отметить в рамках данной реформы? В первую очередь то, что в последние годы в Беларуси наблюдался устойчивый рост количества административных правонарушений, усугубляемый недостаточно оцененной степенью латентности в сфере административной деликтности. Предпринимаемые государством усилия по противодействию административной деликтности не приносили желаемых результатов. Деликтологическая ситуация оставалась сложной. В административно-деликтной политике преобладала репрессивная составляющая, сводящаяся преимущественно к предупредительной роли ад-

министративно-деликтных санкций. Имеющиеся статистические данные показывают, что если в 2007 г. к административной ответственности условно был привлечен каждый седьмой житель нашей страны, то в 2008 и 2009 гг. – каждый четвертый, в 2010 и 2011 гг. – каждый третий, а в 2019 г. почти каждый второй (более 4 млн зарегистрированных административных правонарушений в год). Ежегодный рост общего количества административных правонарушений происходил с 2015 г. в основном за счет выявляемых с использованием специальных технических средств случаев превышения скорости движения и нарушения правил остановки и стоянки, в структуре правонарушений наибольший удельный вес имели такие административные правонарушения, как правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта (более 80 %). Эта тенденция усугублялась ростом количества административных правонарушений против общественного порядка и общественной нравственности (гл. 17 КоАП), а также изменениями в общей структуре в сторону увеличения доли наиболее общественно опасных правонарушений (распитие алкогольных напитков, мелкое хищение и т. п.) [6].

Однако использование санкционных средств не приносило желаемого результата. Роль профилактики административных правонарушений явно была недостаточной. При этом правоприменительная практика не имела научно обоснованных данных как о причинах административной деликтности в целом, так и об условиях и факторах, способствующих совершению отдельных видов административных правонарушений, что не давало возможности прогнозировать развитие административной деликтности и планировать меры по ее предупреждению, хотя для формального существенного уменьшения количества лиц, привлеченных к административной ответственности, достаточно было бы пересмотреть подходы к предупреждению административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также против общественного порядка и общественной нравственности.

Поэтому вопросы предупреждения (профилактики) административных правонарушений (деликтов) в настоящее время имеют особо острое значение. Целью профилактики административной деликтности является противодействие противоправным процессам в обществе, обеспечение сдерживания, сокращение административной деликтности и темпов ее роста. Эта цель находит конкретизацию в решении ряда следующих задач: выявление и устранение или нейтрализация причин и условий, способствующих совершению административных правонарушений; индивидуальное профилактическое воздействие на лиц с противоправным поведением; предотвращение административных правонарушений; снижение у отдельных лиц риска стать жертвами противоправных посягательств. Соответственно, в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [7] дается определение профилактике правонарушений – это деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений в соответствии с Законом и другими актами законодательства.

Профилактические меры воздействия должны носить плановый и целенаправленный характер независимо от привлечения (освобождения) лица к (от) административной ответственности. К сожалению, в настоящее время нет программы по противодействию административной деликтности. Отсутствует и полноценная система мониторинга административно-деликтной практики, что делает невозможным проведение глубоких научных исследований проблем применения административно-деликтных норм, устанавливающих административную ответственность. Поэтому следует согласиться с тем, что проведение административно-деликтной политики является соразмерным ответом на увеличение количества административных правонарушений и адекватным признанием со стороны государства негативного влияния, которое они оказывают на правопорядок в стране [8; 9].

При этом необходимо отметить, что для любой реформы важна научно обоснованная оценка эффективности норм административно-деликтного права. Выводы административной деликтологии служат средством оптимизации нормативно-правовых и организационно-функциональных основ эффективности в борьбе с административными правонарушениями. Соответственно, при анализе эффективности воздействия норм административно-деликтного права принципиальную значимость имеет выявление критериев, позволяющих обосновать и раскрыть реальную степень эффективности и ее качественные показатели (соотнесение результатов действия нормы с намеченной целью) на разных стадиях юридического процесса, т. е. как на стадии правотворческого (законодательная деятельность в области установления административной ответственности – административно-деликтное законотворчество [10]), так и на стадии правоприменительного (административно-деликтного) процесса.

Большое значение приобретает выработка соответствующих гипотез о результатах действия административных взысканий, факторах, влияющих на эти результаты, что является теоретической основой для исследования эффективности применяемых правовых средств. Без уяснения понятия эффективности исследуемых санкций и определения показателей, с помощью которых производится измерение их результативности, невозможно эмпирическое изучение действенности административных взысканий. Констатация факта недостаточной эффективности нормы дает основание для перехода к выяснению причин подобного положения и определению путей их устранения. На методическом уровне ответ на данный программный вопрос требует: выдвижения гипотез о недостаточной эффективности правовых норм; проверки указанных гипотез – разработки способов и приемов сбора, обработки и анализа социально-правовой информации; формулирования выводов и рекомендаций, вытекающих из результатов проверки гипотез; обсуждения проблем правового эксперимента как особого метода поиска оптимальных правовых решений [11, с. 193].

Например, исследование эффективности административных санкций предполагает наблюдение за изменениями в поведении лиц, к которым эти санкции применяются. Тем самым проверяется гипотеза о том, что применение административных санкций к таким лицам должно сопровождаться превращением их негативного, отклоняющегося поведения в правомерное. При этом

для того, чтобы понять природу той или иной группы административных правонарушений, необходимо не только исследовать эффективность административно-деликтного законодательства, социальные стороны причинности административной деликтности, но и повседневную, оперативную управленческую деятельность органов государственной власти, негосударственных и иных общественных организаций, функционирование которых прямо или косвенно связано с профилактикой и борьбой с административной деликтностью. Цель таких исследований – создание эффективных межведомственных, межрегиональных и других программ борьбы с этим социально-правовым явлением [12, с. 359].

В связи с этим основной целью категоризации административных правонарушений в КоАП является дифференциация административной ответственности, чтобы перемена категории влекла значительные изменения в административно-деликтных последствиях для лица, совершившего такое правонарушение, а не снижение количества лиц, привлеченных к административной ответственности за повторное совершение административного правонарушения, что приведет к дискредитации данного института. Так, согласно Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [13] категоризацию административных правонарушений предлагается осуществлять исходя из их характера и степени общественной вредности: угрозы наступления и (или) факта наступления определенных негативных последствий (например, административные правонарушения повышенной степени общественной вредности могут быть отнесены к категории грубых), причем для каждой категории административных правонарушений целесообразно установить сроки давности привлечения к административной ответственности, особенности производства по делам об административных правонарушениях. Также в проекте Концепции КоАП РФ предлагалось в зависимости от характера и степени общественной вредности выделить наряду с грубыми значительные и менее значительные административные правонарушения [14]. Однако понятие «малозначительность» не совсем вписывается в данную систему.

Вместе с тем такого критерия, как характер и степень общественной вредности административных правонарушений, недостаточно для их категоризации и дифференциации административной ответственности. В целях преодоления размытости критериев отнесения административно наказуемых деяний к той или иной категории отметим следующее. Проблема разграничения административных правонарушений заключается в том, что подавляющее большинство административных деликтов, зафиксированных в Особенной части КоАП, носит формальный характер, т. е. сопряжено не с реальными негативными последствиями имущественного, организационного или личного характера, а с угрозой причинения таковых. Как правило, речь идет о «нарушении сроков», «непредставлении (несообщении) документов (сведений)», «нарушении порядка» и т. д. Превалирование формальных составов в Особенной части КоАП обусловлено реализацией одной из главных задач, сформулированных в КоАП, – предупреждения административных правонарушений. Другим принципиально важным моментом является деление в КоАП административных правонарушений на формальные, связанные с угрозой наступления определенных негативных

последствий, и материальные, сопряженные с причинением реальных негативных последствий. Однако деление административных правонарушений на формальные и материальные и, как следствие, установление различных видов и размеров административных взысканий за содеянное является прямолинейным подходом, который не в полной мере отражает тенденции развития административно-деликтного законодательства в последние годы. Следовательно, логика развития Особенной части КоАП требует разграничения составов административных правонарушений не только на материальные и формальные, но и по способу совершения противоправных деяний [15].

С учетом изложенного система категоризации должна отталкиваться от таких элементов, как объект (критерии), основание (фактические обстоятельства), правовые последствия. При этом в зависимости от разграничения административных правонарушений на формальные и материальные возможно выделить две категории: административный проступок и грубое административное правонарушение (аналогия с теорией уголовного права – уголовный проступок и преступление).

К особенности применения отдельных норм КоАП на практике относится нечеткость их формулировок, неоднозначность толкования, использование оценочных категорий, что создает определенный субъективизм при привлечении нарушителей к административной ответственности. Более того, при квалификации административных правонарушений правоприменитель нередко встречается с ситуацией, когда какое-то деяние подпадает одновременно под признаки нескольких правовых норм. При этом одна из норм может противоречить другой, иногда нормы не находятся в противоречии, но охватывают одно и то же деяние в большем или меньшем объеме, т. е. частично совпадают. В связи с этим для безошибочной правовой оценки деяния возникает необходимость выбора одной из норм с учетом их конкуренции (коллизии), под которой понимаются такие ситуации, когда одно противоправное деяние одновременно подпадает под действие нескольких правовых норм (различных статей (их частей) Особенной части КоАП), охватывающих это деяние в разном объеме (в зависимости от объекта, субъекта, объективной и субъективной сторон состава) с различной степенью точности описания правонарушений.

Введение института административной ответственности юридического лица стало проблемой, нарушившей целостность научных представлений о единой психологической теории вины в административно-деликтном праве. Согласно нормам КоАП при определении в поведении юридического лица признаков противоправности устанавливается, какие конкретно действия были совершены юридическим лицом, какие им были предприняты меры для предотвращения правонарушения. В то же время лицами, совершающими правонарушение фактически (реально), являются конкретные работники. Вместе с тем это не снимает вопросы исследования противоправного поведения юридического лица, поскольку оно признается субъектом ответственности (суть заключается в определении реальной возможности или невозможности для юридического лица соблюсти те нормы и правила, за нарушение которых и установлена ад-

министративная ответственность). В связи с этим нельзя согласиться с определением понятия вины юридического лица как неприложения юридическим лицом допускаемых и требуемых законодательством усилий для выполнения возложенных на него обязанностей, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность юридических лиц, а также неиспользования предоставленных прав и возможностей для устранения причин административного правонарушения.

Таким образом, до сих пор осталось неразрешенной и проблема вины юридического лица, которая состоит в том, что нет четко выработанных единых критериев виновности, которыми можно было бы руководствоваться на практике; в каждом конкретном случае существует множество обстоятельств, указывающих, с одной стороны, на вину юридического лица, с другой – на виновность физического лица; нет четкого законодательного деления составов правонарушений по принципу субъектного состава; четко не определены обстоятельства, исключающие вину юридического лица, в том числе если юридическое лицо действовало согласно противоправному письменному указанию, требованию, предписанию, разъяснению государственного органа, вышестоящего юридического лица или руководителя или предприняло все зависящие от него в данных обстоятельствах меры по обеспечению недопустимости правонарушения, а должностное лицо все же его совершило, не исполнив надлежащим образом приказы (распоряжения), доведенные до него органом управления юридического лица, вышестоящим должностным лицом. Совершенно очевидно, что закрепленная в КоАП формулировка «не были приняты все меры» носит оценочный характер и оставляет широкий простор для усмотрения правоприменителя.

Соответственно, в КоАП необходимо обозначить разумные пределы административной ответственности юридических лиц за административные правонарушения, фактически совершенные работниками данных юридических лиц, принявших необходимые и реально исполнимые меры, направленные на предотвращение нарушений указанными работниками соответствующих норм и правил, образующих события этих административных правонарушений, т. е. необходимо разграничить правовые критерии определения, в каких случаях привлекается к ответственности только должностное лицо, в каких – только юридическое, а в каких возможно и необходимо одновременное привлечение к ответственности и должностного, и юридического лица. Возможным выходом является включение в КоАП положения, согласно которому не допускается одновременное привлечение юридического лица и его работника к административной ответственности за одни и те же действия, за исключением случаев, когда юридическое лицо наряду с его работником виновно в непринятии мер по недопущению совершения указанным работником административного правонарушения.

Следует затронуть и проблему фактического неприменения на практике делового риска как обстоятельства, исключающего признание деяния административным правонарушением. С учетом того что, исходя из закрепленной в КоАП конструкции, деловой риск является видом обоснованного риска, деловой риск

будет обоснованным только тогда, когда будут соблюдены условия правомерности обоснованного риска, имеющие оценочный характер, а именно: не будет являться административным правонарушением причинение вреда законным интересам для достижения общественно полезной цели. Специфика нормативной регламентации института обоснованного риска проявляется в том, что причиненный вред сопоставляется не с вредом предотвращенным (как при иных обстоятельствах, исключающих противоправность деяния), а с общественно полезной целью рискованных действий. КоАП не дает легального определения общественно полезной цели, допуская тем самым ее неоправданно широкое и неоднозначное толкование. При этом предприниматель при осуществлении определенного вида деятельности не в состоянии однозначно предвидеть, добьется он успеха или нет, получит ли прибыль или понесет убыток. Нередко чем выше степень риска, тем больше шанс получить высокие прибыли.

В связи с этим КоАП требует корректировки с учетом того, что деловой риск, как правило, не связан с достижением общественно полезной цели и может быть охарактеризован как правомерное создание потенциальной или реальной угрозы возникновения ущерба в любых видах деятельности, связанных с производством продукции, товаров, услуг, их реализацией, товарно-денежными и финансовыми операциями, коммерцией, осуществлением социально-экономических и научно-технических программ в целях получения прибыли, достижения какого-либо другого результата предпринимательской деятельности. Решением проблемы может стать введение наряду с более совершенным определением делового риска института непреодолимой силы по аналогии с положениями гражданского законодательства, так как применение презумпции добросовестности юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, представляется достаточно проблематичным, поскольку в отношении юридического лица действует принцип объективного вменения, предполагающий презумпцию виновности такого субъекта. В виде примечания к статье КоАП, содержащей дефиницию делового риска, может быть дан общий перечень вызванных непреодолимой силой обстоятельств, при которых административная ответственность не применяется.

Таким образом, административно-деликтная политика должна проводиться системно на основе программы мероприятий по противодействию административной деликтности и постоянного мониторинга административно-юрисдикционной практики, что позволит корректировать деятельность субъектов административной юрисдикции в зависимости от соответствующих тенденций в структуре административной деликтности.

Проведенная реформа административно-деликтного законодательства должна сыграть важную роль в обеспечении реализации намеченной политики социальных и экономических преобразований, надлежащего уровня поддержания общественного порядка и общественной безопасности в стране и наконец-то прекратить включение в КоАП и ПИКоАП разрозненных, концептуально противоречивых и не подтвержденных правоприменительной практикой изменений и дополнений.

Основными недостатками очередной реформы административно-деликтного законодательства являются следующие:

• проведение инвентаризации статей Особенной части КоАП без разработки и использования комплексных критериев внутренней организации массива ее действующих норм одновременно по нескольким основаниям (тематическое, отраслевое и предметное) и упорядочения их классификации (остались те же 17 глав);

• уход от выработки четких правил квалификации административных правонарушений при конкуренции норм Особенной части КоАП, определения объективных случаев, когда за одно и то же деяние к ответственности должны привлекаться одновременно юридическое лицо и его руководитель (виновный работник), критериев разграничения повторных, продолжаемых, однородных, неоднократных административных правонарушений, в том числе в части применения принципа действия КоАП во времени, обоснованной дифференциации возможностей и оснований применения штрафа за совершение «злостных нарушений» и «случайных ошибок».

Библиографические ссылки

1. Лунев В. В. Юридическая статистика : учебник. М., 1999.

2. Константинов П. Ю., Соловьева А. К., Стуканов А. П. Административно-деликтная политика как одно из направлений административной реформы в Российской Федерации // Правоведение. 2007. № 1. С. 5–20.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

4. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-З : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

5. Протокол поручений Президента Республики Беларусь, данных 16 декабря 2019 г. на совещании по вопросам привлечения граждан и субъектов хозяйствования к административной ответственности [Электронный ресурс] : 26 дек. 2019 г., № 42 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

6. Статистика административных правонарушений [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел. 2020. URL: https://www.mvd.gov.by (дата обращения: 07.05.2020).

7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : принят Палатой представителей 16 дек. 2013 г. : одобр. Советом Респ. 19 дек. 2013 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

8. Шергин А. П. О концепции административной политики // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Моск. ун-т МВД России. М., 2003. С. 25–34.

9. Дугенец А. С. Административная деликтность в России: состояние, динамика, средства противодействия // Административ. право и процесс. 2004. № 1. С. 27–31.

10. Игнатенко В. В. Административно-деликтное законотворчество: понятие и функции // Административное право на рубеже веков : межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург, 2003. С. 196–209.

11. Эффективность правовых норм / В. Н. Кудрявцев [и др.]. М., 1980.

12. Дерюга А. Н. О соотношении административной деликтологии и административно-деликтного права // Государство и право. 2007. № 12. С. 99–102.

13. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2020.

14. Сургутсков В. И. К вопросу о категоризации административных правонарушений // Сиб. юрид. обозрение. 2019. № 4. С. 545–549.

15. Куракин А. В., Карпухин Д. В. Актуальные вопросы Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Рос. юстиция. 2020. № 2. С. 2–6.

Н. М. Кондратович
кандидат юридических наук

Т. С. Масловская
кандидат юридических наук

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Наука конституционного права прошла длинный путь в своем становлении. Идеи конституционного характера высказывались учеными на разных этапах исторического развития. Однако лишь после появления в мире первых писаных конституций термин «конституционное право» стал употребляться в современном значении и его использование распространилось широко за пределы данных государств. Прославленный двумя значимыми революциями, принятием деклараций прав человека и писаных конституций, XVIII век становится эпохой расширения влияния конституционного права.

По мнению французских ученых, выражение «конституционное право» появилось во Франции за 15 лет до Великой французской буржуазной революции 1789 г., когда усилился политический кризис между Великобританией и ее североамериканскими колониями, впоследствии ставшими Соединенными Шта-

тами Америки. Термин «конституционное право» употреблялся в трех различных смыслах. Во-первых, он означал право, возможность, которая принадлежала личности, коллективу в соответствии с конституцией. Во-вторых, обозначал совокупность правовых норм, имеющих отношение к конституции определенной страны. В-третьих, использовался для обозначения интеллектуальной дисциплины, науки, объектом которой являлось изучение конституционных норм. В начале Великой французской буржуазной революции стали говорить о «преподавателе конституционного права» (фр. *professeur de droit constitutionnel*), призванном обучать данной новой отрасли права, которая называлась в тот период также «политическим правом»[1].

Во Франции на факультетах права в соответствии с ордонансом от 26 сентября 1791 г. начинают преподавать французскую конституцию, звание «преподаватель конституционного права» затем появляется в Дижоне в 1792 г., а также в Лицее Парижа – высшем учебном заведении, в котором лекции по конституционному праву были посвящены конституциям некоторых античных городов (полисов), а особенно конституциям государств Европы и Соединенных Штатов Америки. Эти лекции читал известный адвокат Делакруа, впоследствии опубликовавший их в трех томах[2].

Одновременно в Италии в 1797 г. в Университете Феррара официально была образована кафедра конституционного права (ит. *diritto constituzionale*), руководитель которой Компанёни (Compagnoni) опубликовал в этом же году первое издание, посвященное данной дисциплине «Элементы демократического конституционного права» (ит. *Elementi di diritto constituzionale democratico*), где рассматривалась концепция суверенитета Ж.-Ж. Руссо, призванная легитимировать представительный режим, основанный на цензовом голосовании и равновесии властей. Впоследствии были созданы три кафедры конституционного права: в Павии, Болонье и Милане. Ордонансом от 22 августа 1834 г. была образована соответствующая кафедра на факультете права в Париже[3].

Правовой статус в России государственное право получило в 1863 г. в связи с утверждением нового университетского устава, и с этого времени создана отдельная кафедра государственного права и преподается одноименная самостоятельная учебная дисциплина.

Основоположником русской школы иностранного конституционного права можно считать А. Д. Градовского, издавшего в 1886 г. в Санкт-Петербурге «Государственное право важнейших европейских государств», в котором рассматривался исторический опыт развития конституционных учреждений в Англии, Франции, Италии, Австрии и Венгрии. Н. М. Коркунов издал в 1890 г. «Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. Ч. 1. Государство

[1] Droit constitutionnel / Louis Favoreu, Patrick Gaia, Richard Ghevontian, Jean-Louis Mestre, Otto Pfersmann, Andre Roux, Guy Scoffoni. Paris, 2014. P. 1.

[2] Ibid. P. 12.

[3] Ibid. P. 13–14.

и его элементы», ставший известной работой по вопросам, относящимся к понятию и элементам государства.

В дореволюционный период российские государствоведы, широко используя метод сравнительно-правового анализа, изучали зарубежный опыт, прежде всего формы правления, народного представительства, что отражено в трудах Б. Н. Чичерина, Н. М. Коркунова, М. Ковалевского и других российских ученых. В данный период было издано значительное количество переводов трудов иностранных ученых: английских (Дж. Локк, А. В. Дайси и др.), немецких (Г. Еллинек и др.), французских (Л. Дюги, Э. Эсмен и др.), а также переводов текстов конституций иностранных государств. Наиболее известными являются сборник И. Д. Новика «Современные конституции» (М., 1905), а также сборник с тем же названием в двух томах под редакцией В. М. Гессена и Б. Э. Нольде, изданный в 1905–1907 гг.

Особое место в науке зарубежного конституционного права занимает советская наука в силу ее сложной судьбы. В советский период ученые-юристы сделали многое для того, чтобы при неизбежной тогда идеологизированной форме точно выразить подлинное научное содержание правовых норм зарубежного права. В 20-х гг. XX в. было издано немало книг, брошюр, статей, посвященных зарубежному праву. Это работы Г. С. Гуревича, И. Д. Левина, И. П. Тройнина, В. Н. Дурденевского. Так, в 1925 г. В.Н. Дурденевский опубликовал учебник «Иностранное конституционное право». Несколько позднее (1935–1937 гг.) вышел в свет четырехтомный сборник «Конституции буржуазных стран». Следующий этап в науке начинается в послевоенный период. С появлением новых государств на волне демократического подъема публикуется учебник И. П. Фарберова «Государственное право стран народной демократии». Первая работа о референдуме с анализом опыта зарубежных стран, при отсутствии этого института в Советском Союзе, принадлежит В. Ф. Котоку[1].

Глубокий анализ и теоретические обобщения характеризуют работы белорусского ученого В. П. Серебренникова[2]. Вышедшее в свет в 1976 г. «Конституционное право Франции. Проблемы эволюции государственно-правовых институтов V республики. 1958–1976 гг.», опубликованное издательством БГУ, стало значимой вехой в изучении зарубежного права. В своем исследовании В. П. Серебренников показал юридическую и фактическую эволюцию государственно-правовых институтов V Французской Республики (с 1958 по 1976 г.), охватив различные стороны общественной и политической жизни Франции (анализ конституционного права, основных этапов конституционного развития, взаимоотношений центральных органов власти, органов местного управления и самоуправления, роли референдумов и плебисцитов). В работе использованы оригинальные монографические источники, статьи французских авторов, документы различных политических партий, выступления их лидеров и теоретиков.

[1] *Коток В. Ф.* Референдум в системе социалистической демократии. М., 1964. С. 189.

[2] *Серебренников В. П.* Конституционное право Франции. Проблемы эволюции государственно-правовых институтов V Республики. 1958–1976 гг. Минск, 1976 ; *Его же.* Местное управление и самоуправление Франции. Минск, 1981.

Большое внимание уделяется анализу Конституции Франции 1958 г. (в сравнении с конституциями III и IV республик). И сегодня данный труд вызывает интерес не только у специалистов, но и у широкого круга читателей.

Приведенный очерк развития конституционного права зарубежных стран дает основание сделать вывод о его сложной эволюции и плодотворности разработок. И все же отметим некоторую предвзятость конституционного анализа стран Запада, что впоследствии и привело к резкому, порой огульному отторжению прошлых конституционно-правовых разработок. С распадом СССР возникли новые конституционные теории с элементами социал-демократических концепций. Конституционное право приобретает важнейшую социальную роль в качестве главного рычага всех общественных институтов, партий, национальных движений, общественных организаций, международных организаций[1].

Распад Советского Союза, содружества социалистических государств и всей мировой социалистической системы исключил необходимость преподавания курса «Государственное право зарубежных социалистических стран». Был введен единый курс – «Государственное право зарубежных стран». Небезынтересно отметить, что на юридическом факультете БГУ в это время (1989–1995 гг.) в рамках курса «Государственное право зарубежных стран» выделялась часть 1, посвященная государственному праву возникавших тогда постсоциалистических государств, что позволяло обстоятельно проследить эволюцию конституционных процессов в этих странах. Разработкой этого курса и преподаванием занималась Л. А. Приходько, великолепный ученый-конституционалист, лектор, которая по крупицам собирала материал для данного курса, как сейчас говорят, «работала в режиме реального времени».

Проблемы современного зарубежного конституционного права обстоятельно исследованы в работах российских ученых[2].

Особое место в развитии современной науки зарубежного конституционного права занимают белорусские ученые-конституционалисты, сотрудники кафедры конституционного права юридического факультета БГУ[3].

---

[1] *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного правоведения. М., 1996. С. 184.

[2] Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник : в 4 т. / отв. ред. Б. А. Страшун. М., 1993. Т. 1 ; *Мишин А. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. М., 1996 ; *Златопольский Д. Л.* Государственное право зарубежных стран Восточной Европы и Азии. М., 1999 ; *Мишин А. А.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник. 15-е изд., доп. и перераб. М., 2009 ; Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. 4-е изд., перераб. М., 2016 ; *Чиркин В. Е.* Конституционное право зарубежных стран : учебник. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2019 и др.

[3] *Чудаков М. Ф.* Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Минск, 2001 ; Конституционное право зарубежных стран : учебник / под ред. проф. В. О. Лучина, проф. Г. А. Василевича, проф. А. С. Прудникова. М., 2001 ; *Кондратович Н. М.*, *Масловская Т. С.* Сравнительное конституционное право: ответы на экзаменационные вопросы : учеб. пособие. Минск, 2009 ; *Кондратович Н. М.* Конституционное право зарубежных стран: ответы на экзаменационные вопросы. 6-е изд., перераб. и доп. Минск, 2017 ; *Чудаков М. Ф.* Конституционное право зарубежных стран : учебник. Минск, 2017.

Творческим коллективом в составе профессора Г. А. Василевича, доцентов кафедры конституционного права юридического факультета БГУ Н. М. Кондратович и Л. А. Приходько в 2006 г. был подготовлен и издан учебник «Конституционное право зарубежных стран»[1], утвержденный Министерством образования Республики Беларусь для студентов юридических вузов. Изложение материала дается на основе глубокого знания и осмысления достижений зарубежного и отечественного конституционализма, на собственных концептуальных подходах и творческих разработках авторов. Учебник отличается тщательностью анализа конституционных и законодательных норм государств различных регионов современного мира, привлечением новейших конституций зарубежных стран. Теоретически сложные концепции подаются в доступной, легко воспринимаемой форме. В этом высокий профессионализм авторов.

При изучении американского государства невозможно обойти вниманием «Конституционное право Соединенных Штатов Америки. Основные институты»[2] – пособие, подготовленное профессором М. Ф. Чудаковым на основе американских источников. В данном издании автор знакомит с историей создания Конституции США и американской государственности, подробно раскрывает институты конституционного права США и реалии государственно-правовой практики Соединенных Штатов.

В 2007 г. вышла книга А. Е. Вашкевича, посвященная основам конституционного права Польши[3]. Впервые в Беларуси подробно рассматриваются важнейшие конституционно-правовые институты Республики Польша. И, как пишет ее автор, «теория и практика польского конституционализма чрезвычайно актуальна для белорусской юридической науки уже в силу 400-летней общности государственно-исторического, экономического и социокультурного развития наших народов»[4].

Методология преподавания конституционного права зарубежных стран на юридическом факультете БГУ исключает какое-либо навязывание догматических взглядов в полном соответствии с нормой ст. 51 Конституции Республики Беларусь, закрепляющей: «Свобода художественного, научного, технического творчества и преподавания гарантируется»[5].

В настоящее время специалисты в области конституционного права зарубежных стран доценты кафедры конституционного права юридического фа-

---

[1] *Василевич Г. А.*, *Кондратович Н. М.*, *Приходько Л. А.* Конституционное право зарубежных стран : учебник / под общ. ред. Г. А. Василевича. Минск, 2006.

[2] *Чудаков М. Ф.* Конституционное право Соединенных Штатов Америки. Основные институты : пособие для студентов. Минск, 1999.

[3] *Вашкевич А.* Основы конституционного права Республики Польша : пособие для студентов. Минск, 2007.

[4] Там же. С. 11.

[5] Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г., № 2875-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

культета БГУ Н. М. Кондратович и Т. С. Масловская продолжают заложенные научные традиции. В своих публикациях, изданных в Беларуси и за ее пределами, они развивают научные представления о конституции, правовом статусе личности, системе органов публичной власти, в сравнительном измерении исследуют модели конституционного регулирования политической системы, демократического, правового государства, модели конституционного регулирования правового статуса личности с учетом динамики его развития[1], рассматривают отдельные проблемы, связанные с межгосударственной интеграцией (европейской и евразийской)[2].

Одним из центральных направлений исследований в области зарубежного конституционного права выступают конституционные реформы. Белорусские ученые вносят весомый вклад в развитие теории конституционной реформы. В единоличных и коллективных публикациях авторов анализируется опыт конституционного развития в зарубежных странах, выделяются общие и специфические черты конституционных преобразований в различных регионах мира, в первую очередь на постсоветском пространстве и в странах Западной Европы, определяются их перспективные направления в целом, а также перспективы дальнейшего конституционного развития в рамках отдельного государства[3]. Исследователи обращаются к анализу современных тенденций развития кон-

---

[1] *Кондратович Н. М.*, *Масловская Т. С.* Правовой статус человека и гражданина: динамика развития в условиях информационного общества // Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы / под ред. А. А. Дорской, З. Ш. Матчановой. СПб., 2018. Разд. III, гл. I, пар. 7. С. 267–274.

[2] *Кондратович Н. М.*, *Масловская Т. С.* Конституционные пределы межгосударственной интеграции и некоторые проблемы формирования наднациональной правовой системы: европейский и евразийский опыт // Международное и конституционное право: проблемы взаимовлияния / под ред. А. А. Дорской, С. В. Бочкарева. СПб., 2016. С. 234–248.

[3] *Кондратович Н. М.*, *Масловская Т. С.* Конституционные реформы как отражение вызовов современного мира // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира : сб. науч. ст. по результатам междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 23–24 сент. 2016 г. / сост. А. А. Дорская. СПб., 2016. С. 392–401 ; *Их же.* Конституционные преобразования в странах СНГ и Западной Европы: эволюционная необходимость или ответ современным вызовам // STUDIA POLITOLOGICZNE. Варшава, 2019. Т. 52. С. 35–49 ; *Масловская Т. С.* Конституционная реформа во Франции 2008 г. // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2009. № 1. С. 143–154 ; *Ее же.* Некоторые направления конституционных изменений в зарубежных странах на современном этапе // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2012. № 3. С. 54–62 ; *Ее же.* Новые направления конституционных реформ в зарубежных странах (динамика последних пяти лет) // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2016. № 4. С. 82–88 ; *Ее же.* Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму или укреплению национальных интересов? // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2018. № 6. С. 56–62 ; *Ее же.* Конституционная модернизация социальных и государственных институтов в европейской традиции (опыт Франции и Люксембурга) // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2020. № 1. С. 99–113 и др.

ституционного права в зарубежных странах, в частности изучают направления интернационализации конституционного права[1], демократизации, проблемы цифровизации конституционного права[2].

В сферу научных интересов включаются вопросы организации и функционирования института главы государства в зарубежных странах, правового статуса органов конституционного контроля отдельных зарубежных стран[3].

Белорусские ученые активно сотрудничают с зарубежными коллегами, имеют творческие связи с научными центрами России (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Российская академия наук), Франции (Научно-исследовательский центр конституционного права Университета Париж-Сорбонна I; Институт Луи Фаворо Университета Экс-Марсель), Украины (Институт государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины), Азербайджана (юридический факультет Бакинского государственного университета), Италии (Болонский университет, Миланский университет). Результатом такого сотрудничества выступает участие в организуемых партнерами научных мероприятиях, а также издание научных публикаций в России, Польше, Италии, Украине, Франции, Азербайджане и других странах.

---

[1] *Масловская Т. С.* Направления интернационализации конституционного права // Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н. В. Варламовой и Т. А. Васильевой. М., 2017. С. 46–50.

[2] *Масловская Т. С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституц. и муницип. право. 2019. № 9. С. 18–22 ; *Кондратович Н. М.*, *Масловская Т. С.* Развитие прав граждан в цифровом государстве: электронные формы обращений // Институт уполномоченных по правам человека в системе конституционных гарантий : сб. докл. VI Моск. юрид. форума / редкол.: В. В. Комарова, С. С. Заикин. М., 2019. С. 147–153 ; *Кондратович Н. М.* Электоральная демократия и информационные технологии (опыт отдельных стран мира) // Актуальные направления развития демократии в Республике Беларусь на современном этапе : материалы круглого стола, посвящ. 26-й годовщине Конституции Респ. Беларусь. Минск, 2020 ; *Ее же.* Развитие конституционного права Республики Беларусь в условиях информатизации общества // Конституц. и муницип. право. 2019. № 11. С. 68–71 ; Электронные обращения в условиях развивающегося цифрового государства: опыт Российской Федерации и Республики Беларусь / Л. В. Андриченко [и др.] // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2020. № 1.

[3] *Масловская Т. С.* Конституционный Совет Франции: учреждение и эволюция государственного органа // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2006. № 2 ; *Ее же.* Конституционный Суд Люксембурга // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2006. № 3 ; *Ее же.* Конституционный Трибунал Княжества Андорра // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2007. № 4 ; *Ее же.* Государственный суд Княжества Лихтенштейн // Право.by. 2010. № 2. С. 44– 51 ; *Ее же.* Конституционный Суд Словацкой Республики // Журн. Конституц. правосудия. 2017. № 5 (59). С. 31–37 ; *Ее же.* Европейская модель конституционного правосудия: особенности защиты конституционных прав и свобод граждан // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2010. № 1. С. 96–111 ; *Ее же.* Принесение присяги при вступлении в должность // Государство и право. 2014. № 12. С. 94–98 и др.

В настоящее время перед наукой конституционного права в зарубежных странах стоит ряд новых задач, обусловленных новыми вызовами. Наука зарубежного конституционного права развивается благодаря вкладу ученых в осмысление происходящих в современном мире изменений. Белорусские ученые – специалисты в области конституционного права зарубежных стран вносят свой достойный вклад в развитие общей науки конституционного права.

А. Н. Крамник

(1933–2018)

кандидат юридических наук

ПОНЯТИЕ, ЗАДАЧИ И СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ПРАВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ[1]

Принятие новой Конституции Республики Беларусь 1994 г. и внесение в нее изменений и дополнений на референдуме 24 ноября 1996 г. потребовали преобразования действующего законодательства. 21 апреля 2003 г. – Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП).

Новый КоАП значительно уменьшил количество органов государственного управления, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях, и ограничил полномочия некоторых из них.

КоАП 1984 г. значительно устарел и просто перестал «вписываться» в современную политическую, экономическую и социальную систему. Восполняя пробелы КоАП 1984 г., наравне с ним действовали 21 декрет и 24 указа Президента Республики Беларусь. Кроме того, ряд вопросов регулировался местными Советами депутатов и местными исполнительными комитетами, исключая сельские, поселковые и городские городов районного подчинения. Такое обилие нормативных правовых актов, предусматривающих административную ответственность физических и юридических лиц, не было оправданно.

КоАП 1984 г. распространялся только на физических лиц. Административная ответственность юридических лиц регулировалась иными нормативными правовыми актами и осуществлялась без учета норм Общей части КоАП. Подобное положение объективно не исключало нарушения прав и законных интересов

[1] Друкуецца паводле: *Крамник А. Н.* Административно-деликтное право. Общая часть : пособие для студентов вузов. Минск, 2004. С. 3–16.

юридических лиц. В действовавшем законодательстве не определялось основание, в соответствии с которым юридическое лицо могло выступать субъектом ответственности, не устанавливались сроки, в течение которых допускались привлечение к ответственности, возможность освобождения от нее и т. д. Иначе говоря, не устанавливались общие правила привлечения к ответственности юридического лица. Да и возможна ли была ответственность юридических лиц в данной ситуации? В новом КоАП подобные вопросы получили достаточную регламентацию в соответствии с современным периодом развития белорусского общества и государства.

В связи с этим возникает необходимость освещения положений Общей части административно-деликтного права с учетом достижений административно-деликтной науки в учебной и учебно-методической литературе.

Административно-деликтное право как понятие в юридической науке фигурирует давно[1]. Термин «административное» подчеркивает связь с административным правом, «деликт» (от лат. *delictum* – проступок) – это правонарушение. Иначе, административно-деликтное право – это право (совокупность правовых норм) об административных правонарушениях.

В российской и белорусской науке административного права подобную совокупность норм рассматривают в качестве отдельного института[2], подотрасли[3], крупнейшего блока[4] административного права.

Нормы административно-деликтного права имеют свою функциональную направленность. По содержанию это нормы запретительного характера. Ими определяется, какие общественно вредные деяния являются административными правонарушениями, и устанавливаются меры ответственности, которые могут быть применены к лицам, совершившим такие правонарушения.

Административно-деликтное право призвано охранять от посягательств общественные отношения, регулируемые нормами как административного права, так и других отраслей права. Административно-деликтное право не регулирует общественные отношения, составляющие объект его охраны. Оно лишь запрещает совершение деяний, которыми может быть причинен существенный вред общественным отношениям, складывающимся в обществе и получившим правовое регулирование.

Как правильно подчеркивает А. П. Шергин, «сам характер этих отношений, содержание, метод реализации, правовые позиции субъектов свидетельствуют

---

[1] См., например, *Шергин А. П.* Проблемы административно-деликтного права // Государство и право. 1994. № 8–9.

[2] См.: *Бахрах Д. Н.* Административное право России : учеб. для вузов. М., 2000. С. 28 ; *Гавриленко Д. Н.*, *Гавриленко С. Д.* Административное право : учеб. пособие. Минск, 2002. С. 35–36.

[3] См.: *Крамник А. Н.* Курс административного права Республики Беларусь. Минск, 2002. С. 48.

[4] См.: *Старилов Ю. Н.* Административное право: сущность, проблемы реформы и новая система // Правоведение. 2000. № 5. С. 10.

о самостоятельной группе деликтных отношений, составляющих в совокупности предмет административно-деликтного права»[1].

По своему характеру (запретительность, охранительность) административно-деликтное право тождественно уголовному праву.

Преобладающая часть общественных отношений, охраняемых нормами административно-деликтного права, относится к административному праву. Например, отношения, возникающие в связи с исполнением правил дорожного движения, пожарных, санитарных, таможенных правил, правил паспортной системы и т. д. Есть и отношения, которые составляют предмет правового регулирования других отраслей права: конституционного, гражданского, трудового, финансового и экологического. Так, нормы конституционного права регулируют отношения, связанные с социальным статусом человека, его правами и обязанностями; гражданское право – отношения, вытекающие из права собственности; трудовое право – трудовые отношения; финансовое право – финансовые и налоговые отношения; экологическое право – сферу экологических отношений, а административно-деликтное право, соответственно, охраняет эти отношения от противоправных (общественно вредных) посягательств, устанавливая административную ответственность, например за отказ в предоставлении гражданину информации (ст. 9.6 КоАП), нарушение законодательства о языках (ст. 9.22), нарушение авторских, смежных и патентных прав (ст. 9.22), нарушение права государственной собственности на недра (ст. 10.1), нарушение законодательства о труде (ст. 9.19), нарушение законодательства о пенсионном обеспечении (ст. 9.14) и т. п.

Охраняя эти отношения извне, административно-деликтное право в конечном итоге охраняет и управленческие отношения, отношения по поводу управления государственной собственностью, финансами, налоговой системой и т. п., обеспечивает стабильность и правопорядок в обществе, которые влияют на надлежащее государственное управление. Налицо связь административно-деликтного права с административным правом.

Некоторые ученые полагают, что нормы об административной ответственности вызваны к жизни потребностью адекватной государственной реакции на один из видов неправомерного поведения – административный проступок (деликт – отсюда и наименование рассматриваемой совокупности норм). Типичная форма такой реакции выражается в применении к нарушителю определенного вида санкции – административного взыскания. Иными словами, отношения, возникающие по поводу применения последнего, это отношения юридической ответственности, а не управленческие отношения. Применительно к нашему типу эти отношения обозначены в юридической литературе как административно-деликтные (проступочные), что делает возможным, как не без основания подчеркивает Л. В. Коваль, «разграничение между отношениями по поводу административного проступка и отношениями административно-правовыми (государственно-управленческими)»[2].

---

[1] *Шергин А. П.* Проблемы административно-деликтного права. С. 54.

[2] *Коваль Л. В.* Административно-деликтные отношения. Киев, 1979.

Регулирование охранительных административно-деликтных отношений является главным направлением административно-деликтного права. Такие отношения складываются между государством в лице соответствующих юрисдикционных органов государственной власти и физическими и юридическими лицами по поводу соблюдения административно-деликтных запретов. Подобные запреты с угрозой административной ответственности существуют для того, чтобы не допустить, предупредить совершение административных деликтов. Они выступают в роли своеобразного профилактического средства.

Установление административно-деликтных норм уже таит в себе принуждение, несмотря на то что это делается в целях защиты прав и интересов физических и юридических лиц, общества и государства. Принуждение проявляется в запретительном характере названных норм, в общей их обязательности для исполнения всеми адресатами. В случае, когда совершается деяние вопреки запрету, возникают иного рода отношения между государственным компетентным органом (должностным лицом) и лицом, совершившим это действие (бездействие). Названная возможность определяется установлением наличия или отсутствия административного правонарушения. Как видим, здесь возникает спор, конфликтная ситуация, в которой каждая из сторон наделена определенными правами и обязанностями.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что охранительные административно-деликтные отношения возникают с момента вступления в действие закона (его отдельной нормы), устанавливающего запреты под угрозой административной ответственности. Хотя в этом случае еще нет самого деликта, но есть запрет на совершение определенных поступков, деяний. Это своего рода устрашение, предупреждение, нацеливание на соответствующее поведение физических и юридических лиц с установлением, что в случае несоблюдения (непослушания), пренебрежения запретами наступает кара, наказание. Значительная часть указанных субъектов, соприкасаясь с подобными предписаниями, соблюдает их. Подобное соприкосновение, соблюдение образует **первый вид** охранительных административно-деликтных отношений. Их можно назвать **обычными** (**предупредительными** или **абсолютными**) административно-деликтными отношениями. Они не столь заметны, очевидны, потому что становятся обычными, привычными в поведении людей.

Подобные отношения возникают вне конкретных связей между указанными субъектами административно-деликтного права. Они опосредствованы установленными административно-деликтными нормами. Физические и юридические лица вступают в рассматриваемые отношения путем воздержания от совершения деяний, признанных административными правонарушениями.

В случае неподчинения запретам, нарушения установленных административно-деликтных правил возникает второй вид охранительных отношений по поводу совершаемого деяния. Требуется дать ему правовую оценку, определить наличие или отсутствие административного правонарушения и решить вопрос об административной ответственности, если для этого будут установлены основания. Этот вид отношений можно назвать **фактическими (реальными, практическими)** охранительными административно-деликтными отношени-

ями, поскольку они возникают по факту совершенного противоправного деяния. В уголовном праве подобные охранительные отношения называют конфликтными[1].

Охранительный характер первого вида отношений выражается в статике. Это своего рода конклюдентные отношения. Охрана отношений осуществляется путем молчания первой стороны (государства) после установления запретительных правил под угрозой административной ответственности и молчаливого следования этим запретам другой стороны (физических и юридических лиц). В этом выражается устрашающее, психологическое охранительное воздействие на лицо.

Охранительный характер второго вида отношений выражается в динамике. Компетентные органы (должностные лица) осуществляют действия в связи с ненадлежащим поведением физического и (или) юридического лица, свидетельствующем о нарушении ими установленных запретов. Здесь проявляются наказательные, карательные (штрафные) свойства административно-деликтного права, охрана с помощью применения реального правового принуждения. Они порождают права и обязанности одной стороны – правонарушителя – нести административную ответственность, а другой – органа (должностного лица), ведущего административный процесс, т. е. субъекта административной юрисдикции, – применить соответствующую санкцию нарушенной административно-деликтной нормы.

Подобные охранительные отношения первого и второго вида в науке административного права рассматриваются в качестве одного из методов государственного управления. На основании этого делается вывод о том, что административно-деликтное право – это отдельный институт или подотрасль административного права. Подобный подход не отражает реального его статуса.

Административно-деликтному праву «тесно» в системе административного права, даже если его рассматривать в качестве подотрасли. Во-первых, отсутствие простора для него объясняется тем, что административное право содержит обилие собственных норм, которым тоже нужна «свобода», и они ее получают в силу своего статуса. Без них невозможно понять даже основы административного права. Административно-деликтное право оказывается на «обочине» лишь в качестве одного из методов государственного управления. Во-вторых, административно-деликтное право объединяет большое количество норм и сравнимо в этом смысле с уголовным правом, которое является самостоятельной отраслью права. Представим, что было бы, если бы уголовное право включили в систему конституционного права в качестве подотрасли. Оно также потеряло бы свою настоящую значимость. А ведь уголовное право охраняет немало отношений, регулируемых конституционным правом. Стесненность административно-деликтного права в рамках административного объясняется в первую очередь спецификой его предмета правового регулирования. По общему убеждению ученых-административистов, нормы административного права регулируют управленческие общественные отношения, отношения,

[1] См.: Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. В. М. Хомича. Минск, 2002. С. 8.

складывающиеся в процессе осуществления государственного управления. Нормы же административно-деликтного права регулируют отношения, складывающиеся в процессе охраны (защиты) названных управленческих отношений и отношений, регулируемых другими отраслями права. Иначе говоря, административно-деликтное право не регулирует управленческие отношения, однако его нормы включаются в систему административного права. Нормы, относящиеся к Особенной части административно-деликтного права, обеспечены административной санкцией, которой не имеет ни одна норма, регулирующая отношения, складывающиеся в процессе государственного управления.

Несомненно, что административно-деликтное право получит возможность для своего полного проявления только тогда, когда будет обособлено в самостоятельную отрасль права. Для этого есть все основания.

Несмотря на наличие названных особенностей административно-деликтного права, оно не явится противоположностью административному праву при выделении в отдельную отрасль права. Его главное предназначение – охрана общественных отношений, составляющих предмет правового регулирования административного права, – станется прежним. Охрана отношений, составляющих предмет правового регулирования других близких к административному праву отраслей права, является как бы дополнительной «нагрузкой» для административно-деликтного права. В этом состоит основная особенность административно-деликтного права и «родство» его с административным правом.

В то же время административное право существенно зависит от административно-деликтного права. Административно-правовые нормы и регулируемые ими управленческие отношения нуждаются в охране. Они охраняются различными способами и средствами. Одни из них охраняются мерами дисциплинарной ответственности, другие – материальной, третьи – уголовной. Однако преобладающая часть из них охраняется мерами административной ответственности.

Административно-деликтное право предназначено для охраны тех управленческих отношений, которые, как правило, складываются вне служебных отношений и не представляют общественной опасности. Исключением является охрана отношений, возникающих из служебной (трудовой) деятельности. Такое исключение свидетельствует о том, что по общему правилу административно-деликтное право предназначено для охраны внеслужебных отношений, т. е. таких, которые складываются не в связи со служебной, трудовой деятельностью. Для охраны служебных отношений существует дисциплинарная и материальная ответственность. В тех случаях, когда меры дисциплинарной ответственности недостаточны, административно-деликтный закон устанавливает и предоставляет возможность применять меры административной ответственности. Подводя итог характеристике соотношения административно-деликтного права с административным правом, следует подчеркнуть, что административно-деликтное право охраняет разнообразные управленческие отношения.

Административно-деликтное право как отрасль права имеет свою систему. Оно состоит из правовых институтов – совокупности (групп) однородных норм.

Эти группы норм регулируют близкие, родственные, однородные общественные отношения в рамках отрасли права.

Административно-деликтное право включает в свою структуру Общую и Особенную части.

Нормы Общей и Особенной частей лишь структурно обособлены, но по содержанию представляют собой единое целое. Нормы Общей части обеспечивают надлежащее применение норм Особенной части. Каждое конкретное деяние, названное в Особенной части, является административным правонарушением лишь при условии соединения признаков, предусмотренных в Общей и Особенной частях.

Практически получается невозможным применить нормы Особенной части без использования правил, получивших закрепление в Общей части. Предписания норм Общей части преимущественно адресуются органам (должностным лицам), ведущим административный процесс, для того чтобы учитывать их при применении норм Особенной части.

Правильным было бы выделить в отдельный институт нормы Общей части под общим названием «Множественность административных правонарушений», включив в него два подынститута: нормы, определяющие повторность административных правонарушений, и нормы, определяющие совокупность административных правонарушений.

А. Т. Лейзеров

(1922–2007)

доктор юридических наук

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СОВЕТОВ[1]

Вся деятельность местных Советов, реализация ими полномочий в различных областях хозяйственного, социально-культурного строительства осуществляется в определенных, глубоко демократических формах. Это сессия, исполнительный комитет, постоянные комиссии, работа депутата в избирательном округе. Занимая различное положение в механизме Совета, они в своей совокупности предоставляют депутатам реальную возможность для реализации их

[1] Друкуецца паводле: *Лейзеров А. Т.* Демократические формы деятельности местных Советов. Минск, 1977 ; *Его же.* Местные Советы: формирование и деятельность (опыт конкретно-социологических исследований). Минск, 1991.

прав. Но этим не исчерпывается значение демократических форм деятельности Советов. В каждой из них заложены безграничные возможности привлечения самых широких народных масс к управлению государственными делами.

К актам законодательства, регулирующим правовое положение депутатов местных Советов, относятся законы СССР и БССР о различных уровнях местных Советов, указы Президиума Верховного Совета БССР, положения о комиссиях местных Советов. В истории государства и права БССР отмечается, что в 50-е гг. в БССР не было законов о статусе и выборах депутатов местных Советов, вместо этого существовало «Положение о выборах в областные, районные, городские, поселковые и сельские Советы депутатов трудящихся Белорусской ССР», утвержденное Указом Президиума Верховного Совета БССР от 5 октября 1950 г.

В 1960 г. был принят Закон БССР «О порядке отзыва депутата местного Совета депутатов трудящихся Белорусской ССР» [1], в 1968 г. появился первый закон о белорусских Советах – «О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР» [2], затем Закон «О районном Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР» [3], а в 1972 г. – Закон СССР «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР» [4].

Вопросы развития и совершенствования форм деятельности местных Советов в течение продолжительного времени привлекают внимание советских государствоведов. К сожалению, работ, в которых в комплексном виде были бы рассмотрены основные правовые аспекты проблемы на материалах Белорусской ССР, не имеется. Выполненное автором исследование представляет собой попытку в какой-то степени восполнить пробел. При этом автор ограничил свою задачу рассмотрением вопросов, которые еще недостаточно исследованы в литературе. В работе использован нормативный материал, материалы Президиума Верховного Совета БССР, местных Советов республики.

Важнейшей организационно-правовой формой деятельности местного Совета является сессия. Только в рамках сессии Совет действует в качестве коллегиального представительного органа, органа государственной власти.

Сессия – это период работы Совета в пленарном составе, созываемого для рассмотрения вопросов, составляющих его компетенцию. Содержание этого периода составляют заседания депутатов Совета, проводимые в целях реализации полномочий Совета путем рассмотрения вопросов повестки дня и принятия решений [5, с. 5–8].

В юридической литературе встречаются и другие определения сессии [6, с. 106].

Как форма работы Советов депутатов трудящихся сессия была закреплена Конституцией СССР 1936 г. и принятыми на ее основе Конституциями союзных и автономных республик. До этого важнейшей формой деятельности сельских, местечковых, поселковых, городских Советов были пленумы.

Круг вопросов, подлежащих рассмотрению только на сессии, определен законодательством. Он составляет исключительную компетенцию Совета. Это его важнейшие полномочия: по руководству хозяйственным и социально-культурным строительством, по образованию органов Совета, а также ряда других органов, формируемых Советом, по конституированию Совета, контролю за дея-

тельностью органов Совета. Однако Совет вправе рассмотреть на сессии и любой другой вопрос его компетенции.

Согласно Конституции БССР сессии областных Советов созываются не реже четырех раз в год (ст. 59), сессии районных Советов – не реже шести раз в год (ст. 59), сессии городских, районных в городах, сельских и поселковых Советов – не реже шести раз в год (ст. 60), сессии городских Советов городов с районным делением – не реже четырех раз в год (ст. 60).

В юридической литературе высказываются различные мнения о периодичности сессий. Одни авторы предлагают установить ежемесячный созыв сессий всех Советов, кроме областных, считая, что это будет способствовать непрерывности работы Совета. Другие авторы придерживаются мнения, что в целях лучшей подготовки сессии и реализации ее решений заседания Совета следовало бы проводить реже.

По нашему мнению, реализация первого предложения ухудшила бы условия сессионной работы. Думается, что повышению уровня сессионной работы могло бы содействовать принятие предложения о созыве сессий всех местных Советов каждые три месяца. Однако при этом продолжительность сессий должна быть увеличена.

Статьей 27 Закона о сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся БССР право вносить предложения по повестке дня дано правлениям колхозов, администрации, общественным организациям предприятий, учреждений и других организаций, расположенных на территории Совета, а также общим собраниям граждан поселка и сельским сходам.

Таким образом, право вносить предложения по повестке дня сессии предоставлено весьма широкому кругу органов и лиц. Это надежная гарантия того, что Совет будет рассматривать наиболее существенные для населения подведомственной ему территории вопросы. По нашему мнению, следовало бы обеспечить дополнительными гарантиями тех, кто имеет право выступать с предложениями по повестке дня. Для этого желательно записать в регламентах местных Советов, что предложения по повестке дня вносятся в исполнительный комитет не позднее чем за 20 дней до созыва сессии; эти предложения рассматриваются исполнительным комитетом в присутствии депутатов и представителей органов, внесших предложения. Отказ в удовлетворении предложения должен быть мотивирован.

Постоянные комиссии – один из органов Совета. Постоянные комиссии способствуют более полной реализации Советами их полномочий, проведению контроля над подведомственными Совету предприятиями, учреждениями и организациями, контролю над исполнением решений Совета и вышестоящих органов [7, с. 9].

Для действенного влияния комиссий на все стороны жизни большое значение имеет их система. Советы образуют как одноотраслевые, так и многоотраслевые комиссии. Так, в 1973, 1975 гг. районные Советы БССР образовали планово-бюджетные комиссии, комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка, по промышленности, транспорту и связи; по строительству; по сельскому хозяйству и охране природы; по народному

образованию и культуре; по здравоохранению и социальному обеспечению; по торговле и общественному питанию; по охране природы; по физической культуре и спорту и др.

При этом ряд комиссий, согласно закону, был создан в обязательном порядке. Это мандатная, планово-бюджетная, по социалистической законности и охране общественного порядка, по делам молодежи. Решение об избрании других комиссий принимается самим Советом с учетом местных условий.

Повышение уровня организационной работы комиссий содействовало бы дальнейшему развитию ее правового регулирования. В частности, было бы целесообразно определить круг субъектов, имеющих право требовать созыва заседания комиссий, совместного заседания нескольких комиссий. Несомненную пользу принесло бы определение порядка рассмотрения предложения комиссии о включении того или иного вопроса в повестку дня сессии или заседания исполкома.

Успешно реализуя свои полномочия, постоянные комиссии местных Советов Белорусской ССР усиливают свое воздействие на различные сферы хозяйственного и социально-культурного строительства.

Эффективность всей деятельности представительных органов в огромной степени зависит от организаторской работы депутатов в **избирательных округах**. Наряду с работой на сессиях и в постоянных комиссиях депутаты должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Деятельность депутата в его округе обеспечивает проведение Советами контроля за исполнением их актов. Кроме того, она обеспечивает постоянный контроль избирателей над депутатами и Советом, воздействие избирателей на их деятельность [8, с. 151].

Многогранные обязанности депутата в избирательном округе определены Законом «О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР», законами о местных Советах и другими актами. Это поддержание постоянной связи с избирателями, информирование их о работе Совета, о выполнении планов хозяйственного и социально-культурного строительства, решений Совета и наказов; участие в организации исполнения законов, решений Совета и его органов; изучение общественного мнения, сообщение Совету, его органам о нуждах, потребностях населения и принятие мер к их удовлетворению; внесение на рассмотрение соответствующих органов и должностных лиц предложений, возникающих в связи с депутатской деятельностью; рассмотрение поступивших к нему заявлений, жалоб, предложений н принятие мер к их разрешению; предоставление периодических отчетов избирателям о своей работе и работе Совета; предоставление отчета производственным коллективам и общественным организациям, выдвинувшим его кандидатом в депутаты, и др. (см. разд. III Закона о статусе депутатов).

Видное место в деятельности депутата в избирательном округе занимает работа с наказами. Депутат получает и передает в Совет наказы, участвует в рассмотрении их на сессии. Статья 7 Закона о статусе депутата особо подчеркивает

обязанность депутата организовывать население на выполнение наказов, контролировать их реализацию предприятиями, учреждениями, организациями.

Большое значение имеет вопрос об обязательности наказа. Отдельные авторы, исходя из императивной природы мандата советского депутата, считают, что наказ выражает суверенную волю народа, обязателен для исполнения депутатом и Советом в целом.

Между тем суть самой воли избирателей округа по вопросам социально-культурного и хозяйственного строительства, получающим отражение в наказах, такова, что она не может выступать как воля обязательная, содержащая властные предписания. Она может быть учтена при определении общей воли Совета, являющейся суверенной волей, но может быть и не учтена [6, с. 38].

Вопрос о принятии к исполнению того или иного наказа может быть решен только Советом, так как только Совет в целом, обладая полной информацией о своих финансовых, материальных возможностях, о всех выдвинутых избирателями наказах, может решить вопрос о принятии того или иного наказа к исполнению. Это позволяет избежать принятия нереальных наказов. Между тем такие наказы встречаются.

Является ли наказ обязательным для самого депутата, должен ли он при всех условиях голосовать на сессии за принятие наказа? Следует полностью согласиться с теми авторами, которые считают, что обязанность депутата заключается в том, чтобы довести волю своих избирателей до сведения Совета, мотивировать ее и в случае принятия наказа к исполнению принимать самое активное участие в реализации этих наказов.

За выполнением наказов установлен строгий контроль. На сессиях Советов заслушивается информация исполнительных комитетов, руководителей предприятий, учреждений и организаций о ходе выполнения наказов. Активное участие в проведении контроля за выполнением наказов принимают многие постоянные комиссии местных Советов. Заметно возросла роль депутатов в организации выполнения многих мероприятий, связанных с наказами избирателей.

О большом объеме работы, проводимой местными Советами БССР по выполнению наказов, можно судить по следующим данным. Советы 14-го созыва выполнили 89,2 % всех наказов, принятых к исполнению, остальные к маю 1976 г. находились в стадии реализации. Из 16 014 наказов, полученных депутатами местных Советов 15-го созыва, избранных в июне 1975 г., к маю 1976 г. уже было выполнено 7544, или 47,1 %. Повышение уровня организаторской работы местных Советов по выполнению наказов избирателей в значительной степени содействовало более успешному решению задач хозяйственного и социально-культурного строительства. По наказам избирателей в республике построено 325 школ, 205 дошкольных детских учреждений, 212 клубов, 50 больниц, 173 комбината бытового обслуживания, 498 магазинов и другие объекты [9].

В улучшении работы с наказами важную роль играет деятельность Президиума Верховного Совета БССР, который проводит систематический контроль

за тем, как Советы работают над реализацией наказов. В постановлениях Президиума даются конкретные указания об улучшении работы с наказами. Одно из них – «О работе исполнительного комитета Брестского городского Совета депутатов трудящихся по выполнению наказов избирателей, реагированию на критические замечания и предложения депутатов, высказанные на сессиях Совета». В нем Президиум обратил внимание Совета на необходимость привлекать постоянные комиссии к реализации наказов, широко освещать в печати, по радио и телевидению выполнение наказов. Президиум особо указал на то, что депутаты должны больше использовать запросы как эффективное средство контроля за выполнением наказов [10].

Наказы, выдвинутые в ходе избирательной кампании, следует, по нашему мнению, рассматривать одновременно с разработкой проекта народно-хозяйственного плана и бюджета, а затем на сессии принимать решение об утверждении тех наказов, которые «вписались» в план. Утверждение наказов, выполнение которых невозможно в течение текущего года, должно быть перенесено на следующий год. Было бы целесообразно в бюджете каждого Совета предусмотреть расходы для реализации не терпящих отсрочки наказов, выдвинутых уже после составления плана.

Важные обязанности возлагает на депутата ст. 19 Закона о статусе депутатов: рассматривать поступившие к нему предложения, заявления и жалобы, принимать меры к их правильному и своевременному разрешению, вести прием граждан, изучать причины, порождающие жалобы, и вносить свои предложения в Совет, другие государственные органы, предприятия, учреждения, организации. Особое значение имеет регулярный прием избирателей, так как он позволяет не только выяснить многие моменты, необходимые для принятия правильных мер по реализации предложений, но и весьма важен для изучения общественного мнения, что является одной из обязанностей депутата, предусмотренной ст. 18 названного Закона.

Большую роль в успешной работе депутатов в избирательных округах играет индивидуальное планирование. В течение ряда лет оно практикуется многими депутатами Дзержинского и других районов Минской области.

Как мы уже говорили, ст. 18 Закона о статусе депутатов возложила на депутата обязанность информировать избирателей о работе Совета, о выполнении планов хозяйственного и социально-культурного строительства, решений Совета и наказов избирателей.

Депутаты местных Советов республики накопили значительный опыт в информировании населения. В то же время еще не все возможности используются в полной мере. Мы имеем в виду использование депутатом различных собраний, проводимых в избирательном округе. Здесь следует отметить, что положения о местных Советах различных звеньев, принятые в Белоруссии в 20-х гг., обязывали депутата использовать каждое собрание своих избирателей (общие собрания в учреждениях и на предприятиях, районные собрания домашних хозяек и т. п.) для информации их о работе Совета, для обсуждения важных вопросов, стоящих перед Советом, его секциями и комиссиями, и получения указаний избирателей.

Предоставление отчета избирателям – важнейшая конституционная обязанность советского депутата, яркое проявление глубокого демократизма советской представительной системы. Принцип отчетности депутатов в избирательных округах закреплен Конституцией СССР, Конституцией БССР, как и конституциями других союзных республик, а также конституциями автономных республик, Законом о статусе депутатов Советов трудящихся в СССР, а также республиканскими законами о местных Советах различных звеньев.

Закон о статусе депутатов возлагает на депутата местного Совета обязанность отчитываться перед избирателями о своей работе и работе Совета не реже двух раз в год. Рассмотрение таких отчетов – важное средство контроля избирателей над своим представителем в Совете, их воздействия на деятельность представительных органов.

Следует согласиться с А. А. Безугловым, что отчет депутата может считаться состоявшимся лишь при условии, если на отчетном собрании (в необходимых случаях – нескольких собраниях) будет присутствовать не менее определенного числа избирателей [11, с. 103].

Не приходится говорить о том, что содержание отчета имеет большое значение. Оно должно дать избирателям информацию о том, что сделал депутат и Совет в отчетном периоде. Поэтому отчет должен быть четко разделен на две части. В одной из них должна быть информация о работе Совета, в другой – о деятельности депутата на сессии, в постоянной комиссии, избирательном округе. Только в этом случае можно рассчитывать на то, что избиратели получат представление о работе их депутата.

Что касается работы Совета, то в отчете должно быть ясно сказано о роли Совета в изменениях, происшедших на подведомственной Совету территории. Такое мнение об отчете разделяется абсолютным большинством государствоведов.

В целях дальнейшего развития института отчета, особенно в связи с возложением на депутата обязанности давать отчет производственным коллективам и общественным организациям, выдвинувшим его в Совет, следовало бы в законодательном порядке определить не только содержание отчета, но и порядок созыва, проведения отчетных собраний, правовые последствия принимаемых на них решений. Было бы целесообразно регламентировать и все вопросы, относящиеся к проведению внеочередного отчета по требованию избирателей.

Эффективности депутатской деятельности в округах способствуют объединения депутатов – депутатские группы, право образования которых предусмотрено законодательством ряда союзных республик. В тех городах, где имеются административные районы, группы объединяют депутатов городского и районного Советов. Как показала практика, совместная деятельность депутатов нескольких смежных избирательных округов активизирует работу депутатов по решению задач хозяйственного, социально-культурного строительства.

Для укрепления связи депутатов и избирателей важное значение имеет реализация избирателями права на отзыв депутатов. В последние годы в результате принятия законодательства об отзыве, повышения требований к депутатам и усиления контроля над ними со стороны избирателей практика отзыва

развивается. В 1963–1973 гг. из местных Советов БССР было отозвано 124 депутата. Из них депутатов облсоветов было 3, райсоветов – 7, горсоветов – 12, сельских Советов – 96, поселковых Советов – 4, районных в городе Советов – 2 (подсчитано автором по материалам текущего архива ВС БССР, 1963–1973 гг.).

Хотя число отзываемых депутатов в течение года сравнительно невелико, реализация избирателями своего права оказывает положительное влияние на тех депутатов, которые работают не в полную силу.

В целях дальнейшего совершенствования института отзыва было бы целесообразным, наряду с содержащимися в законе основаниями для отзыва (неоправдание доверия избирателей, поведение, недостойное высокого звания депутата), записать и ряд других конкретных, например «непосещение подряд без уважительных причин трех сессий Совета», «систематическое уклонение от работы в постоянной комиссии, в которую депутат избран» и т. п.

Нуждается в развитии, по нашему мнению, и ряд других моментов законодательства об отзыве. Так, целесообразно закрепить право официальной постановки вопроса об отзыве только за собраниями избирателей, общественными организациями данного избирательного округа. Все остальные общественные организации, а также производственные коллективы должны быть облечены правом обращения к избирателям округа и расположенным в нем общественным организациям с ходатайством о возбуждении вопроса об отзыве. Тем самым в городах будет устранено положение, при котором постановка вопроса об отзыве часто производится общественными организациями и производственными коллективами, расположенными вне данного округа, а избиратели лишь участвуют в голосовании. Несомненно, что такое изменение повысило бы ответственность депутата перед избирателями и укрепило бы их связь. Право обращения к избирателям округа следовало бы предоставить и соответствующим Советам. В литературе уже выдвигалось обоснованное предложение, чтобы условия и **порядок отзыва и выборов** были аналогичны: выдача бюллетеней и подсчет результатов голосования должны производиться избирательной комиссией; голосование должно быть тайным, депутат считается отозванным, если за отзыв проголосовало больше половины участвовавших в голосовании при условии, что в голосовании приняли участие более половины избирателей округа.

Деятельность депутата в избирательном округе – тема, имеющая большое количество аспектов. Здесь обращено внимание лишь на те из них, которые, по мнению автора, выдвигаются на первый план при исследовании вопроса.

Советы как органы государственной власти формируют исполкомы, контролируют их деятельность, через них осуществляют руководство государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством на подведомственной им территории. Выборы членов исполкома производятся путем открытого голосования. В юридической литературе неоднократно высказывалось мнение в пользу замены открытого голосования тайным [12, с. 44].

Совершенствование демократических форм деятельности Советов обеспечивает привлечение масс к активной государственной и общественной деятельности.

Библиографические ссылки

1. О порядке отзыва депутата местного Совета депутатов трудящихся Белорусской ССР : Закон БССР, 28 июля 1960 г. // СЗ БССР. 1960. № 20. Ст. 150.
2. О сельском, поселковом Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР : Закон БССР, 19 июня 1968 г. // СЗ БССР. 1968. № 18. Ст. 256.
3. О районном Совете депутатов трудящихся Белорусской ССР : Закон БССР, 15 июля 1971 г. // СЗ БССР. 1971. № 21. Ст. 293.
4. О статусе депутатов Советов депутатов трудящихся в СССР : Закон СССР, 20 сент. 1972 г., № 3352-VIII // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1972. № 39 (1645). Ст. 347.
5. Москалев А. В. Сессионная деятельность местных Советов. М., 1975.
6. Козлова Е. И. Сессионная деятельность местных Советов депутатов трудящихся // Вопросы развития и совершенствования органов народного представительства в СССР : Тр. Всесоюз. юрид. заоч. ин-та. М., 1966. Т. 7.
7. Головко А. А. Постоянные комиссии сельских Советов в действии. М., 1962.
8. Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф. Советское строительство. М., 1965.
9. Совет. Белоруссия. 1976. 16 мая.
10. СЗ БССР. 1972. № 31. Ст. 490.
11. Безуглов А. А. Отчеты депутатов перед избирателями // Совет. государство и право. 1968. № 8.
12. Кудинов Н. А. Советский депутат. Минск, 1962.

М. Ф. Чудаков

доктор юридических наук

МИРОВОЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ[1]

За 30 лет до того, как американцы стали осознавать себя новой американской нацией (1763), а не жителями британских колоний, в 1733 г. английский аристократ Г. Болингброк дал определение конституции как системы юридических норм: «Под конституцией мы понимаем… ту совокупность законов, становлений и обычаев, которая вытекает из неких твердых принципов разума, направлена на некие установленные цели общественного блага, образует такую систему, которой сообщество согласно подчиняться» (цит. по: [1, с. 313]). Можно предположить, что отцы-основатели, помимо работ Дж. Локка, Ш. Монтескьё,

[1] Друкуецца паводле: *Чудаков М. Ф.* Этапы мирового конституционного процесса. Некоторые вопросы теории // Рос. юрид. журн. 2003. № 3. С. 27–32.

Т. Пейна, знали и эти слова Г. Болингброка: они были хорошо образованны и имели связь с родиной их отцов и дедов.

Однако также справедливо отмечается, что термин «конституция» появился за много веков до «рубежного» XVIII в. Немецкие государствоведы полагают, что современному пониманию конституции как важнейшего правового акта «предшествовало представление о конституции как конкретном облике государства и форме господства» [2, с. 12]. Такое понимание, по их мнению (вполне справедливому), «восходит к Аристотелю, который определял конституцию как устройство государства (полиса), имея в виду и его отдельные службы и системы управления им в целом. Таким образом, конституция была идентична форме государства, а ее описание носило описательно-типологический характер» [2]. Кстати, наследием такого понимания является биологическое определение конституции как «телосложения, обусловленного определенным соотношением в развитии органов и тканей» [3, с. 325].

Таким образом, понимание и применение термина «конституция» прежде всего связано с его латинским значением – *constitutio*, установление. В древности под конституцией понимали основные параметры (костяк, строение, структуру) государства и телосложение (основные физические внешние параметры) человека. В связи с всеобщей распространенностью латыни (язык науки, язык католического богослужения) эти термины были понятны образованным людям.

Словом *constitutio* начинались многие акты римских императоров, кодексы Юстиниана утверждались (вводились в действие) актами, которые назывались конституциями. К. В. Арановский напоминает нам, что в Древнем Риме конституциями называли очень многие акты, например установления «о преобразовании римского гражданства, если лицо в течение трех лет занималось пекарным ремеслом или построило дом. В позднем Риме конституциями называли даже акты исполнительной власти – декреты, эдикты, рескрипты принцепсов» [4, с. 111].

Необходимо учесть то обстоятельство, что в Средние века не преподавалось национальное право. «В противовес разнобою и несовершенству местных обычаев существовало право, пригодное для изучения и восхищавшее всех: и профессоров, и студентов. Это было римское право. С эти правом было легко ознакомиться: кодификации Юстиниана излагали его нормы на языке, который церковь сохранила и упростила, на языке, которым пользовались все канцлерства и все ученые, – на латыни.

Основой преподавания права во всех университетах Европы стало, таким образом, римское право и наряду с ним каноническое право. И лишь значительно позднее в университетах начали преподавать национальное право» [5, с. 56]. В большинстве стран Европы национальное право начали преподавать лишь в XVIII в.: с 1758 г. – в Виттенберге (Германия), в 1741 г. – в Италии, в 1758 г. – в Оксфорде, в 1800 г. – в Кембридже и т. д. Поэтому становится ясно, откуда и как термин «конституция» попал в национальное право и стал обозначать акт наивысшего значения, ведь он «устанавливал» (конституировал) основы государства, закреплял новые структуры власти и т. д.

Возникает вопрос: когда же начинается мировой конституционный процесс? С эпохи появления первых писаных конституций, конституций в совре-

менном понимании этого слова (конституции США 1787 г., Франции, Речи Посполитой 1791 г.) или раньше – с момента появления актов, легших в основу идей конституционализма (Magna Carta, Habeas Corpus Act и т. д.)? А может быть, еще раньше, с момента появления этого термина в юридическом значении – т. е. Древний Рим или даже Древняя Греция (ведь термин полития (политея) понимался и понимается и как государственное устройство, и как акт, закрепляющий государственное устройство)? Ответ на вопрос о начале мирового конституционного процесса зависит от ряда факторов. Прежде всего от того, что считать конституцией: сложившийся порядок, государственное устройство, т. е. так называемую «реальную» или «фактическую» конституцию, или юридически значимый акт (текст), в котором закрепляется государственное устройство? Оба подхода вполне правомерны. Однако первый вариант понимания конституции носит скорее философский, мировоззренческий характер. Для юриста, государствоведа в силу его профессии, которая предполагает прежде всего изучение и анализ норм, а не исторических текстов, хотя они также важны, более подходит второй вариант, поэтому конституционный процесс мы будем связывать с существованием актов (текстов), которые закрепляли (описывали) государственное устройство и/или важнейшие права людей в государстве.

Так, в Древней Греции были тексты, описывающие и регламентирующие государственное устройство и правовой статус свободных людей. Это были: а) акты (которые в переводах называются законодательствами, законами, конституциями) Ликурга, Харонда, Драконта, Солона и других видных государственных деятелей. Вот свидетельство Аристотеля: «Смута была сильная, и долгое время один боролся против других, наконец они избрали сообща посредником и архонтом Солона и поручили ему устройство государства…» [6, с. 37]; в другом месте Аристотель цитирует постановление 411 г. об избрании комиссии Тридцати для написания (как пишет проф. С. И. Радциг) олигархической *конституции* [6, с. 16]; б) *тексты в виде «наказов»*, которые давались греческим переселенцам, которые в силу перенаселенности уезжали из своих полисов и устраивали многочисленные колонии в Средиземноморье и Причерноморье. Этими текстами колонисты пользовались для устройства государственной жизни на новых местах. Если переселенцы были из одного полиса, за основу бралось государственное устройство одного полиса, если из двух, то могли брать особенности из этих двух (трех) полисов. Аристотель упоминает о таком явлении как о способе предотвращения возмущений со стороны народа [7, с. 440]; в) *ученые трактаты (сочинения)* о государственном устройстве греческих государств и некоторых других народов. Исследователи полагают, что Аристотель создал 158 томов очерков, из которых сохранился только один – «Афинская политика». Все эти тексты носили название *полития (политея)*, а это название, как правило, переводится (и понимается) как конституция. Кстати, сочинение Аристотеля, известное в русском переводе как «Афинская полития» с подзаголовком «Государственное устройство Афин», в Англии было издано под названием Aristoteles Constitution of Athens (by Sandys, 2 ed., London, 1912).

Таким образом, мы полагаем, что история конституционного процесса, или мировой (всемирный) конституционный процесс, начался с Античности –

Древней Греции, где были первые образцы конституционных текстов, которые можно назвать *протоконституциями*, и продолжился в Древнем Риме, где возник термин «конституция», который стал общепризнанным, общепонятным (общечеловеческим) термином гораздо позже.

Итак, начало конституционного процесса – это *протоконституции* Древней Греции и «конституционная» терминология Древнего Рима (т. е. это период примерно с IV в. до н. э. до I–II вв. н. э.). К этому можно добавить, что первые (дошедшие до нас) писаные конституционные акты, так же как кодекс царя Хаммурапи, Законы XII таблиц, Русская Правда, спустя тысячи лет воспринимаются не просто как древние правовые основы и уставы, а так же как некие квазиконституции, подсказавшие, может быть, своей формой, логикой конструкции, определенной цельностью регулирования логику и форму первых ведущих конституций нового времени. Затем, как принято считать, в истории идет длительный период (примерно 1000 лет) предфеодального «застоя», от которого до нас не дошли какие-либо значительные памятники права.

Второй этап конституционного процесса начинается с XIII в., а точнее, с 1215 г. Это, как известно, дата принятия знаменитой Великой хартии вольностей (Magna Carta).

Практически все, кто занимается вопросами конституционной теории и признает понятие неписаной конституции, сходятся в том, что английская неписаная конституция начинается именно с подписания королем Иоанном Безземельным акта под названием Magna Carta. Это был удар по абсолютной власти, возможности и пределы которой до того никак (и нигде) правовым способом не ограничивались, так как монарх выводил свою власть, свои права и прерогативы из «права божественного» и ограничить его мог только Бог.

Также практически все исследователи называют другие общепризнанные (и названные нами выше) вехи неписаной английской (позже британской) конституции. Это Habeas Corpus Act (1679), Bill of Rights (1689), Акт о престолонаследии (1701), Акт о союзе с Шотландией (1706). Однако практически никто из конституционных исследователей не заметил другие европейские акты, имевшие не меньшее влияние на конституционную историю Европы и, стало быть, являющиеся частью мирового конституционного процесса. Это статуты Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского 1529, 1566 и 1588 гг. Этот этап конституционного процесса имеет четкие временные границы 1215–1787 гг., т. е. с момента подписания писаной конституции – Конституции США 1787 г. Его можно назвать периодом становления или этапом развития неписаных конституций. Третий этап мирового конституционного процесса, естественно, начался в 1787 г. и длится по настоящее время. Таким образом, этапы мирового конституционного процесса схематически можно обозначить так:

IV в. до н. э. – I–II вв. н. э.	II–XII вв.	XIII (1215) – XVIII вв.	1787 г. – наши дни
↓	↓	↓	↓
протоконституционализм	период стагнации	период неписаных конституций	период писаных конституций

Время писаных конституций также имеет свою историческую периодизацию. В разных источниках оно называется по-разному – конституционное развитие [8, с. 58], историческая эволюция [9, с. 52], многовековая эволюция [4, с. 119], развитие содержания конституций [10, с. 46]. Все это мы называем конституционным процессом и отмечаем, что конституционный процесс на стадии писаных конституций также имеет свои этапы, которые удобнее отмечать как исторические вехи развития конституций или классификацию конституций по времени их принятия.

Естественно, такое деление не случайно и связывается с вехами мирового исторического развития. К. В. Арановский делит действующие конституции на поколения [4, с. 136] и насчитывает три поколения конституций. Термин «поколение» достаточно удачен, только нам кажется, что поколений этих больше. И. А. Алебастрова применяет выражение «основные этапы развития конституций зарубежных стран» и называет четыре этапа [9, с. 54–55].

Мы делим конституции по времени их принятия на четыре группы, однако «этапов» или «поколений» у нас получается больше, чем у других авторов, так как внутри четырех основных групп есть подразделы. Итак, действующие зарубежные конституции, или писаные конституции нового времени, или конституции настоящего периода мирового конституционного процесса мы делим на старые, новые, новейшие и сверхновейшие [11, с. 136]. Иными словами, нынешний этап мирового конституционного процесса (этап писаных конституций) дал четкие разновидности конституций, каждая из которых характерна для определенного этапа экономического и политического развития ведущих стран запада. **Старые конституции** были приняты за весьма большой период времени. Эту группу можно обозначить так: это конституции, принятые в период с конца XVIII в., первый рубеж – это принятие первой писаной конституции (США, 1787) и второй – 1918 год, так как именно 18-й год XX в. – окончание Первой мировой войны. Именно в это период принимались конституции, имевшие особые отличительные черты. Старые конституции юридически закрепляли определенные экономические и политические события. Долгое время в нашей литературе писали, что эти конституции были продуктом буржуазных революций. Если отвлечься от классовых ярлыков («пролетарский», «буржуазный»), то же самое можно сказать иначе. Первые конституции, которые мы называем старыми, – это юридическое оформление перехода ряда стран Западной Европы и Северной Америки к новому типу общества – индустриально-рыночному обществу. Юридически закреплялся переход от феодальных отношений в экономике и политике к индустриально-рыночному способу производства. Дело было в том, что изменилась жизнь, изменились отношения между людьми. Новые отношения нужно было по-новому закрепить юридически.

Первые буржуазные революции происходили в Англии и Голландии. Но поскольку эти страны были первыми, то эти революции происходили там долго, «вяло» и не всегда сопровождались такими яркими событиями, как, например, взятие Бастилии во времена Великой французской революции или «Бостонское чаепитие», начавшее войну за независимость в США. В Англии и Голландии переход к новым экономическим отношениям сопровождался постепенными

и неявными победами и отступлениями. Не произошло настолько эффектных событий, после которых можно было бы сказать, что революция свершилась и ее надо закрепить в виде юридического и политического документа. Такие яркие и эффектные события как раз и происходили во Франции и будущих Соединенных Штатах, и, видимо, поэтому там и были приняты первые писаные конституции. Кроме того, важную роль в этом сыграла и так называемая ментальность народа.

Первые конституции появились не на пустом месте. Первоначально возникла определенная идеология, которая содержалась в работах виднейших мыслителей того времени. К их числу можно отнести англичанина Дж. Локка, француза Ш. Л. де Монтескьё, которые сформулировали и развили теорию разделения властей. Ряд других мыслителей, в том числе знаменитый философ Вольтер или писатель и философ Ж.-Ж. Руссо, также писали о новом характере государства, о том, что абсолютизм не может считаться достойной формой правления; писали о правах и свободах, о необходимости уничтожения сословного неравенства и т. д.

Конечно, не случайно появились такие великие умы, потому что данные идеи вызревали в обществе, а они «всего лишь» их точно формулировали. Эти идеи были популярны не только среди просвещенных слоев, а падали на «взрыхленную почву», были популярны и среди третьего сословия, и среди самого простого народа.

Как известно, Ш. Л. де Монтескьё писал: «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет… Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной» [12, с. 290].

Так случилось, что первой писаной конституцией была американская конституция. Но отцы-основатели (люди, которые писали эту конституцию) хорошо знали теорию разделения властей, были знакомы с работами французских, английских мыслителей, поскольку получали образование не только у себя в США, но и в Европе. После того как недостатки абсолютизма стали явными, т. е. стало очевидным, что сословное деление людей несправедливо, что оно мешает даже производству, поскольку крепостные крестьяне не могут наниматься на работу и продавать свой труд, стало также очевидным, что соединение в одних руках всех видов власти не только несправедливо, но и нерационально и неразумно. После этого и произошли знаменитые буржуазные революции, которые повлекли за собой выдающиеся перемены в сфере экономики и политики.

Что было закреплено в старых конституциях? Можно отметить несколько их самых характерных особенностей. Эти особенности есть существенные и второстепенные. К числу самых важных особенностей старых конституций можно отнести следующие.

1. ***Закрепление принципа разделения властей***. Это означает, что в конституциях того времени были закреплены так называемые ветви власти. Классическим примером этого закрепления является американская конституция, первые три статьи которой сформулированы на основе принципа разделения властей. Первая статья начинается с того, что всей законодательной властью наделя-

ется Конгресс, статья вторая – с того, что исполнительной властью наделяется Президент США, а статья третья начинается с того, что судебной властью наделяется Верховный Суд США и те нижестоящие суды, которые может создать Конгресс. Это классическая триада. Разделение властей стало основным принципом построения государственной власти, который в США был дополнен системой «сдержек и противовесов».

2. ***Новая структура власти как реализация принципа разделения властей.*** Новые государственные доминанты, новое поступление власти, получившее затем название «парламентаризма», так как самое характерное для большинства европейских конституций того времени было господство парламентской власти. Парламент при равенстве других властей занимал доминирующее место. Парламентаризм был фактически одним из принципов старых конституций.

3. ***Закрепление комплекса прав и свобод личности.*** На знаменах Французской революции было написано: «Свобода, равенство, братство». Равенство означало прежде всего правовое равенство, т. е. одинаковые возможности для всех по закону. Было устранено существовавшее до сих пор феодальное неравенство, которое распространялось на все сферы жизни, вплоть до уголовного судопроизводства (например, показания одного дворянина можно было опровергнуть показаниями только четырех или трех крестьян, поскольку они были неравны и слово слову не равнялось). Вместе с этими свободами произошло уничтожение сословий: дворянства, мещанства, купцов, крестьян, было введено новое понятие – гражданин. Комплекс прав включал как бы важнейший минимум прав и свобод – личных и политических.

4. ***Конституционное (законодательное) закрепление охраны и защиты частной собственности***. Закреплялась собственность как правовой институт и частная собственность как право личности. Знаменитая Декларация прав человека и гражданина, принятая во Франции в эпоху Французской революции, провозгласила, что частная собственность священна и неприкосновенна [13, с. 66]. Эти слова заслуживают всяческого уважения, потому что человек без собственности или государство, в котором собственность человека не охраняется, – это ненормальное явление. Человек без собственности – это несвободный человек. Это человек, у которого нет никаких привязанностей, нет своего дома, земли, лошади, автомобиля и т. д. Это человек, который даже ради каких-то пустых обещаний любого демагога на государственной должности готов на все. Он зависит от государства и принадлежит государству, государство может приказать ему все что угодно.

Государство, которое покушается на собственность человека, – тоталитарное государство. Свобода, охрана и защита человеческой собственности – очень важный принцип свободы вообще, он нарушался при феодализме, но стал краеугольным камнем нового экономического устройства в индустриально-рыночной экономике.

Можно назвать еще один (пятый) важный принцип, который характерен, может быть, не для всех государств, не для всех конституций того периода (для некоторых больше, для некоторых меньше). Речь идет о новом принципе

взаимоотношений центральной власти с территориальными единицами. В одном случае это был принцип федерализма (США), по которому центральная власть и субъекты федерации во многом строили свои отношения на условиях партнерства, во всяком случае на основе разделения компетенции. Не в такой мере, но все-таки так же новые принципы были положены в основу отношений между центральной властью и административными единицами и в других странах. Появились полномочия, принадлежащие только центральной власти, и полномочия, входящие в компетенцию провинций, регионов и т. д.

Эти пять основных моментов наиболее характерны для старых конституций. Однако, кроме этих черт, можно назвать несколько особенностей второго ряда. К числу иных особенностей можно отнести то, что старые конституции были невелики по объему, достаточно просты (если не сказать примитивны) по структуре. Если их оценивать с сегодняшней точки зрения, то написаны они архаичным, а иногда не вполне внятным языком. Иногда они включали какие-то случайные моменты, туманные статьи или строки, которые неясны для читателей.

Чем объяснить эти особенности? Мы полагаем, что эти объяснения просты: каждый исторический этап имеет свой колорит, свои особенности. Естественно, старые конституции были невелики по объему, потому что не было накоплено достаточно опыта, чтобы писать развернутые юридические тексты. Писали обычно столько, сколько могли придумать самых важных постулатов на тот момент. Главным образом закреплялась структура власти, конкретные органы власти, при этом иногда забывались какие-то важные институты. Если вспомнить американскую историю, то даже противостояние федералистов и антифедералистов не оправдывает все-таки невключение главы (по-американски – статьи) о правах и свободах в конституцию – это существенная оплошность, какую бы историческую подоплеку под это ни подводили. Этот недостаток был как бы исправлен, так как появилось десять так называемых поправок к конституции. Но все равно это было дополнение (хотя его назвали Биллем о правах), а не полностью органичная часть конституции. Такие примеры есть и в других странах.

Старые конституции были написаны архаичным языком, но в некоторых случаях в старых конституциях были «специфические моменты», внесенные туда умышленно.

Многими источниками приводится знаменитая фраза Наполеона, который, напутствуя своих юристов, писавших для него конституцию, сказал им, что будущая «конституция должна быть краткой и неясной». Требуя краткости, Наполеон подразумевал, что конституция должна быть удобна для использования, а говоря о неясности (иногда приводят слово «туманность»), он полагал, очевидно, что она должна быть таковой для того, чтобы юристы в сложных ситуациях могли толковать эти «туманные» места так, как это выгодно государству, а в лице государства ему – Наполеону Бонапарту [14, с. 302].

В американской конституции и сейчас можно прочесть прямые упоминания о рабстве, поскольку, когда писалась Конституция США, рабовладение было вполне законным делом. Первый президент, Дж. Вашингтон, был плантатором и рабовладельцем, как и многие другие его товарищи. Прямо писать об этом отцам-основателям было неудобно, особенно знавшим работы французских мыс-

лителей. С другой стороны, без компромисса с Южными штатами, которые не мыслили своей экономики без рабовладения, невозможно было написать конституцию. Поэтому в качестве отражения определенного исторического этапа в Конституции США можно увидеть упоминание о рабовладении (см., к примеру, ст. 1, разд. 2, абз. 3).

В любом случае старые конституции – это очень важный этап всемирной истории государства и права. Именно эти старые конституции легли в основу для принятия затем более совершенных. Их нельзя оценивать однозначно – хорошие они или плохие. Они такие, какими они могли быть в свое время. В настоящее время осталось очень немного старых действующих конституций. Среди них – американская конституция 1787 г., а также Норвегии 1814 г. и Люксембурга 1868 г. Одна из самых старейших конституций – Конституция Бельгии 1831 г. – была в 1994 г. практически заменена на новую, так называемую консолидированную конституцию.

Вопрос о необходимости принятия новых конституций – дело очень субъективное, и в каждой конкретной стране это происходит по-разному. За те же 200 лет, во время которых действует американская конституция, во Франции уже сменилось как минимум 14 (разные источники называют разные цифры). Сейчас действует 15-я. Чем объяснить эту ситуацию? Очевидно тем, что появление каждой конституции свидетельствует об определенных изменениях, происходящих в данной стране. Некоторые государства более податливы на изменение конституции, а некоторые считают это нецелесообразным и вредным. Во Франции сменилось несколько режимов, четыре республики (сейчас действует пятая), и почти каждый из режимов принимал новую конституцию. США пережили гражданскую войну, сильные экономические потрясения, а Конституция 1787 г. была и есть почти неприкосновенна. Хотя конституции некоторых штатов США весьма подвижны и изменчивы и менялись по несколько раз (история штата Луизиана насчитывает 11 конституций) [15, с. 15].

Новые конституции. К ним мы относим конституции, принятые в период между Первой и Второй мировыми войнами. Это достаточно интересный период времени (1918–1945 гг.). Он представляет собой очень насыщенный событиями отрезок человеческой истории. Происходило определенное переустройство мира по итогам Первой мировой войны и появление ряда новых государств. Произошло дальнейшее развитие демократии и демократических традиций. Это был хоть и короткий период, но весьма насыщенный. Для конституционных процессов того времени наиболее характерны следующие моменты.

Появился ряд новых конституций, которые были приняты в новых государствах (Польша, Финляндия, Чехословакия, Югославия, Венгрия и т. д.). Поскольку появился десяток новых государств, каждое из которых приняло свою конституцию, то они, конечно, воплощали новое видение мира. Кроме того, старые конституции тоже изменялись, но они изменялись примерно в том же стиле, что и создававшиеся новые.

Новые конституционные тексты закрепили демократизацию избирательной системы, поскольку цензовое избирательное право, которое господствовало до Первой мировой войны, стало политически неудобным, стало осознаваться

обществом как нечто отжившее и неправильное. Вместо того что в выборах участвовали только собственники (имущественный ценз долгое время был непререкаем), они стали всеобщими. Кроме того, избирательное право стало предоставляться женщинам. Это характерно для новых конституций, а в связи с этим такие изменения стали включаться и в действующие старые конституции.

Происходило совершенствование правовой техники. Конституции этого периода стали более объемными, включали новые главы, увеличили перечень прав и свобод, т. е. стали более совершенными и с формальной точки зрения. К числу действующих конституций того времени можно отнести конституции Ирландии [16, с. 784–816], княжества Лихтенштейн [16, с. 374–394] и некоторых других государств.

Третья разновидность конституций – **конституции новейшие**. Это конституции, принятые в промежутке после 1945 г. до середины 70-х. Они делятся на две подгруппы (или две волны).

После Второй мировой войны, когда была разгромлена гитлеровская Германия и ее союзники, вместо тоталитарных режимов сразу появилось много государств с демократическими режимами, демократическими формами правления. Этим государствам были нужны и новые конституции. Волна демократизации и была отмечена в этих конституциях.

Среди *первой волны новейших конституций* была Конституция Франции 1946 г., Конституция Италии 1947 г., Конституция Японии 1947 г., Основной Закон ФРГ 1949 г. Это были конституции тех государств, которые были агрессорами. Естественно, после войны в этих государствах писались конституции с «обратным знаком», т. е. очень миролюбивые. В создании некоторых таких конституций принимали участие самые широкие демократические силы. Например, в написании итальянской конституции принимали участие социалисты, коммунисты и другие «левые» деятели, которые воевали против тирании и приняли участие в устройстве нового государства. В написании конституции Японии принимали участие американцы, которые хотели, чтобы в будущем никаких конфликтов между ними и Японией не было. В этих конституциях просматривается самый широкий спектр прав и свобод личности, там предусмотрены различные необычные доселе нормы. Так, в конституции Италии гарантируется право на труд, оговаривается право рабочих участвовать в управлении производством, а в конституции Японии есть совершенно необычные статьи, как, например, запрет участвовать в войнах как в способе разрешения конфликтов и даже запрещение иметь вооруженные силы. Это все достаточно необычно.

Второй волной новейших конституций были конец 50-х – 60-е гг. Это было время крушения системы колониализма и принятия нескольких десятков конституций бывших колоний. Это был очень интересный этап в конституционной истории мира. Для этих конституций характерно дальнейшее развитие правовой техники. В написании конституций этих постколониальных государств часто принимали участие выдающиеся специалисты, потому там иногда создавались замечательные образцы конституционного строительства. Было несколько вариантов создания таких конституций. Например, в некоторых странах государство-метрополия вместе с актом о независимости одновременно предо-

ставляло бывшей колонии конституцию как одно из условий независимости. Предполагалось, что по такой конституции бывшая колония будет жить какой-то определенный период времени, достаточный для того, чтобы сохранить стабильность в стране и преемственность государственных традиций, выгодных бывшей монополии [17, с. 144].

В некоторых странах конституции разрабатывались специалистами международных организаций, например ООН. Естественно, Организация Объединенных Наций старалась привлечь лучших специалистов. Созданные ими конституции были достойными юридическими документами. Бывали варианты, когда конституции писали местные специалисты (если они были), но с привлечением иностранных профессоров, практиков, что тоже давало неплохие результаты. В любом случае этот период характеризовался новой волной новых конституций.

До настоящего времени дожило очень немного из тех конституций. Причина тому – субъективные факторы. К этим факторам следует отнести прежде всего политическую нестабильность в этих странах – перевороты и революции, экономические кризисы и т. д., в результате чего нередко очень неплохие конституции отменялись, правительство, не умея улучшить жизнь, «улучшало» конституцию. Принимались новые конституции. Приходили новые правительства – принимали еще более новые конституции. В настоящее время конституции 60-х гг. уцелели лишь где-нибудь в двух-трех странах.

Четвертая разновидность писаных конституций – **сверхновейшие конституции**. Это конституции, принятые в Европе в последнюю четверть XX в. (примерно 1975–2000 гг.). Они также могут быть разделены на две подгруппы, так как каждая из этих групп характеризует определенные исторические события, повлиявшие на мировой конституционный процесс.

Первая волна (1975 – начало 90-х гг.). Для данного периода характерна дальнейшая демократизация в сфере государства и права. В этот сравнительно небольшой период пало несколько тоталитарных режимов (например, режим диктатора Франко в Испании, режим диктатуры в Португалии, режим «черных полковников» в Греции). Каждое установление демократии знаменовалось в большинстве случаев принятием новой конституции. Поэтому мы можем знакомиться со сверхновейшими конституциями: Испании 1978 г. [17, с. 50–94], Португалии 1976 г. [17, с. 748–836], Греции 1975 г. [17, с. 646–696]. После свержения диктатуры появилась и конституция Бразилии 1988 г. [18].

Вторая волна (начало 90-гг. – наши дни). Это конституции государств – бывших республик и бывших стран социалистического содружества. В большинстве из них приняты сверхновейшие конституции. Среди бывших республик СССР конституции были приняты в Российской Федерации (1993) [19], Украине (1996) [19, с. 310–352], Республике Беларусь (1994, новая редакция 1996) [19, с. 298–330], Казахстане (1995) [20, с. 166–196], Узбекистане (1991) [19], Молдове (1994) [20], Литве (1992) [17, с. 332–362], Таджикистане (1992) [19, с. 553–578], Туркменистане (1992, новая редакция 1995) [20, с. 497], Эстонии (1992) [19, с. 715–744], Армении (1995) [19, с. 262–284], Грузии (1995, новая редакция 2017) [19, с. 723–750], Азербайджане (1995) [19, с. 131–170]. Латвия восстановила конституцию,

принятую в 1922 г. [19, с. 308–316]. Вообще такой вариант (восстановление в обновленном виде) встречается при восстановлении независимости или восстановлении демократического режима.

Полагаем, что, говоря о сверхновейших конституциях, в качестве таковых нужно понимать конституции новые и по форме, и по содержанию, и по времени принятия.

В бывших странах социалистического содружества были приняты новые конституции в Болгарии (1991) [19, с. 394–422], Чехии (1992) [19, с. 500–530], Словакии (1992) [19, с. 112–157], Словении (1991) [19, с. 170–199], Македонии (1991) [19, с. 431–459], Хорватии (1990) [19, с. 446–490], Польше (1997) [19, с. 686–732], Югославии (1992) [19, с. 758–788], Боснии и Герцоговине (1995) [20, с. 434–44], Черногории (2007) [21]. Венгрия последней приняла новую Конституцию в 2011 г., а через год, в 2012 г., был внесен ряд важных изменений [22].

Таким образом, можно сделать вывод, что в мировом конституционном процессе выделяется четыре основных этапа:

– протоконституционализм;
– период стагнации;
– период неписаных конституций;
– период писаных конституций.

Имеется также четыре исторических этапа развития писаных конституций:

– старые конституции;
– новые конституции;
– новейшие конституции;
– сверхновейшие конституции.

Библиографические ссылки

1. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания конституционных и политических понятий. М., 1997.
2. Ахтенберг Н., Бадур П. Государственное право Германии : в 2 т. М., 1994. Т. 1.
3. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 3-е изд. М., 1949.
4. Арановский К. В. Государственное право зарубежных стран : учеб. для вузов. М., 1998.
5. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
6. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер. и прим. проф. С. И. Радцига. 2-е изд. М., 1937.
7. Аристотель. Политика // Сочинения : в 4 т. : пер. с древнегреч. / общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. Т. 4.
8. Конституционное право зарубежных стран : учеб. для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая [и др.]. М., 1999.
9. Алебастрова И. А. Конституционное право зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2001.
10. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: общая часть : учебник : в 2 т. / под ред. Б. А. Страшуна. М., 1996.
11. Чудаков М. Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. пособие для вузов. Минск, 2001.

12. Монтескьё Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955.
13. Конституции зарубежных государств : сб. М., 2001.
14. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1972.
15. Алебастрова И. А. Основы американского конституционализма. М., 2001.
16. Конституции государств Европы : в 3 т. / под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 1.
17. Конституции государств Европы : в 3 т. / под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 2.
18. Конституции зарубежных стран : сб. / сост. В. Н. Дубровин. М., 2000.
19. Конституции государств Европы : в 3 т. / под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 3.
20. Конституции государств – участников СНГ / сост. Г. Н. Андреева. М., 1999. С. 186.
21. Конституция Черногории [Электронный ресурс] // Webcitation.org. URL: https://www.webcitation.org/67abrpfgL?url=http://www.skupstina.me/cms/site_data/ustav/Ustav%20Crne%20Gore.pdf (дата обращения: 10.06.2020).
22. Конституция Венгрии [Электронный ресурс] // Constitutional court of Hungary. URL: https:// http://hunconcourt.hu/ (дата обращения: 10.06.2020).

А. Н. Крамник
(1933–2018)
кандидат юридических наук

СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКТОРА

В 2003 г. принят Закон Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» (далее – Закон о государственной службе, Закон). Однако он, как и предшествующий Закон Республики Беларусь «Об основах службы в государственном аппарате» 1993 г., урегулировал не все вопросы, касающиеся службы в государственных органах и государственных организациях, т. е. государственном секторе. Достаточного научного осмысления таких вопросов также не существует, хотя после выхода Закона о государственной службе опубликовано немало научных работ. Что же касается иных видов службы, то, в лучшем случае, о них делается лишь упоминание.

Любое государство имеет свою службу, без которой оно не может существовать. Служба представляет собой деятельность по реализации обязанностей и прав в соответствии с занимаемой должностью и происходит от слова «служить», т. е. выполнять обязанности, права служащего, работать в качестве служащего.

Служба государственного сектора связана с государственными органами и организациями, а также с их деятельностью.

Служба – это выполнение служащими по занимаемой должности в государственном органе, организации обязанностей и прав за соответствующее вознаграждение (заработную плату). Следовательно, службой является обычная деятельность в государственном секторе в виде законодательной, исполнительной, судебной, педагогической, врачебной, ветеринарной, инженерной, материально-технической и иной аналогичной работы по должности в государственном органе, организации.

В научной литературе служба обособляется от названных видов деятельности и показывается в ином качестве, например выполнения работниками служебных обязанностей в органах государственной власти, особой трудовой деятельности людей, особой деятельности по реализации государственной власти и т. д.

Каждый государственный орган, организация наделены определенными задачами и функциями, требующими их осуществления в процессе реализации служебной деятельности. Налицо тождество указанной деятельности с деятельностью государственного органа, организации. Здесь присутствуют вышеназванные виды государственной деятельности. Все признаки, присущие для них, характерны и для службы в государственном секторе, если рассматривать ее с общих позиций как единое целое.

Служба в государственном секторе – это деятельность в государственном органе, организации. Немалая часть этой деятельности имеет государственно-властный характер, так как в процессе ее осуществления реализуется государственная власть: законодательная, исполнительная, судебная и прокурорский надзор. Рассматриваемая деятельность предназначена для претворения в жизнь государственных задач и функций. Она является профессиональной и связана с должностью в государственном секторе. Поэтому можно утверждать, что служба присутствует там, где наличествует должность. Она реализуется служащими, носит правовой характер, ибо урегулирована правом и осуществляется на правовой основе, в рамках права.

Специфика службы определяется сферой ее осуществления. Если она проявляется в сфере законодательства, то превращается в законодательную деятельность со всеми характерными чертами, если в преподавательской – в преподавательскую, если в военной сфере – в деятельность военнослужащих и т. д. Иными словами, в подобных случаях служба проявляется в соответствующем виде государственной деятельности, деятельности в государственном органе.

Служба в государственном секторе – это профессиональная деятельность в государственном органе, организации служащих по занимаемой ими должности, направленная на осуществление задач и функций государственного органа, организации, а в целом задач и функций государства.

Под профессиональной деятельностью следует понимать основной род занятий лиц, ее осуществляющих. Она является главным видом деятельности этих лиц и представляет профессию для лиц, реализующих такую деятельность, основной вид (место) работы. Кроме того, профессиональная деятельность связана с наличием специальной подготовки.

Понятно, что профессиональная деятельность – это профессия для лиц, занимающих должности в государственных органах, организациях, требующая специальных знаний и образования.

Предложенная дефиниция отражает общее понятие службы в государственном секторе. Ее нет в законодательстве и научной литературе. По сфере действия она приближена к понятию государственной службы в так называемом широком смысле слова, о которой нередко говорится отдельными учеными.

Заметим, что служба в государственном секторе не может отождествляться с государственной службой, поскольку представляет собой более широкое понятие, включающее и ее.

В понятие государственной службы законодатель вкладывает особый (специальный) смысл. Следовательно, использование данного термина для обозначения иного понятия будет неправильным.

Служба в государственном секторе не регулируется каким-то одним нормативным правовым актом или нормами одной отрасли права. Тем не менее об этой службе можно говорить как об отдельном правовом институте административного права. Это обусловлено тем, что его нормы по объему регулируемых общественных служебных отношений по сравнению с другими отраслями права превалируют.

Общих задач и функций у службы не существует. Все они обусловлены задачами и функциями органа, организации, в которых осуществляется служба. Поэтому нельзя согласиться с отдельными учеными, понимающими под общими функциями службы функции государственного управления.

Некоторые правоведы не связывают службу с должностью. Они говорят об общественно полезной деятельности и функциях служащих, что, по нашему мнению, не соответствует фактическому положению и действующему законодательству. Так, И. И. Мах под службой понимает «один из видов общественно полезной деятельности, направленной на осуществление прагматических целей и задач предприятия, учреждения, организации с использованием функций их служащих» [1].

Служба как понятие отражает в первую очередь наличие должностей и служащих, их занимающих. Поэтому одной из отличительных особенностей службы в государственном секторе является ее связь с должностью в государственном органе, организации.

Служба предназначена для осуществления соответствующих задач и функций органа, организации. Понятно, что реализуемые в государстве задачи и функции в совокупности превращаются в задачи и функции государства. Поэтому, если речь идет о службе в государственном секторе, правомерно говорить о государственных задачах и функциях. В свою очередь, оправданно рассматривать службу как деятельность по осуществлению задач и функций государственного органа, организации, поскольку должность находится в соответствующем органе, организации.

Служба в государственном секторе по своему характеру неодинакова. Ее можно разделить на два вида:

- государственную службу;
- службу в государственных организациях.

Подобное деление соответствует действующему законодательству. Однако следует отметить, что второй вид не имеет собственного наименования и не регулируется единым правовым актом.

Государственная служба регулируется Законом о государственной службе и другими законодательными актами. Для нее присущи как общие признаки службы в государственном секторе, так и особые (специальные).

Основными признаками государственной службы согласно ст. 2 Закона являются следующие:

- государственная служба – это профессиональная деятельность;
- ее осуществляет особая категория служащих – государственные;
- государственные служащие занимают государственные должности;
- государственная служба осуществляется в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов.

Другие признаки предусмотрены иными статьями Закона и специальными законодательными актами. К ним относятся:

- особое содержание служебной деятельности, состоящей в осуществлении законодательной, исполнительной и судебной власти, прокурорского надзора;
- наличие государственных должностей;
- наличие особого порядка:

а) поступления на службу;

б) прохождения службы;

в) правового статуса государственных служащих;

г) прекращения государственной службы;

д) материального и социального обеспечения государственных служащих;

- наличие кадровых реестров;
- существование классов (званий) государственных служащих;
- наличие резерва кадров;
- наличие ограничений, связанных с государственной службой; особенностей ответственности государственных служащих; особого пенсионного обеспечения.

В научной литературе и в Законе к специальным признакам причисляется также то, что государственная служба осуществляется на профессиональной основе, т. е. признается профессией граждан, состоящих на государственной службе.

Однако подобное качество присуще и другим видам службы в государственном секторе. Учителя, врачи, инженеры и т. д. точно так же не могут быть непрофессионалами. Поэтому профессионализм является признаком, общим для службы в государственном секторе.

Государственная служба неоднородна и может быть расчленена на отдельные виды:

- государственную гражданскую службу;
- государственную милитаризованную службу.

Приведенная классификация государственной службы соответствует Закону, в ч. 2 ст. 7 которого закреплено, что на отношения, связанные с поступлением, прохождением, прекращением государственной службы «применительно к отдельным категориям государственных служащих, обусловленные спецификой их профессиональной деятельности, не урегулированные настоящим

Законом, распространяются нормы специальных законодательных актов, закрепляющих их правовой статус». В ч. 3 этой же статьи указываются виды государственных служащих, на которых не распространяется действие Закона. К ним относятся:

- военнослужащие;
- лица начальствующего и рядового состава органов внутренних дел;
- такие же лица органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям;
- такие же лица органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Нераспространение норм Закона на названные виды служащих не означает, что указанные категории лиц не являются государственными служащими. Более того, это свидетельствует о наличии иных видов государственных служащих. Аналогичная классификация государственной службы существует и в Федеральном законе «О системе государственной службы Российской Федерации». Отличие лишь в том, что вместо государственной милитаризованной службы в Федеральном законе указана военная и правоохранительная служба.

В специальных законодательных актах, к которым относятся Закон Республики Беларусь от 5 ноября 1992 г. «О воинской обязанности и воинской службе», Положение о порядке прохождения военной службы, Положение о прохождении службы в органах внутренних дел Республики Беларусь, Положение о прохождении службы в органах финансовых расследований, Положение о прохождении службы в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, особо подчеркивается, что служба в этих органах является одним из видов государственной службы.

Государственная гражданская служба по существу представляет собой государственную службу, за исключением милитаризованной службы, т. е. военной службы, службы в органах внутренних дел, органах финансовых расследований, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям. Она регулируется Законом и другими нормативными правовыми актами. Однако термин «гражданская» в них не употребляется.

Определение государственной службы, данное в ст. 2 Закона, отражает сущность государственной гражданской службы, которой присущи признаки, характерные для государственной службы, за исключением признаков, относящихся к милитаризованной службе.

Термин «государственная» свидетельствует о том, что служебная деятельность осуществляется от имени государства. В конкретном случае указанная служебная деятельность – это деятельность соответствующего государственного органа. Естественно, она является государственной так же, как и сам орган. Поэтому в определении государственной службы внимание справедливо акцентируется на государственном органе. Подобным образом определялась служба в государственном аппарате в ст. 1 Закона 1993 г. «Об основах службы в государственном аппарате».

Государственный характер отличает данный вид службы от частной и службы в общественных объединениях.

Существенным признаком является и то, что государственная служба реализуется особым видом служащих, занимающих государственные гражданские должности в государственных органах, перечень которых дается в ч. 1 ст. 7 Закона.

К иным органам и организациям относятся, например, Высшая аттестационная комиссия, Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь, Республиканский центр по оздоровлению и санаторно-курортному лечению, Уполномоченный по делам религий и национальностей, Национальная государственная телерадиокомпания, Республиканский трудовой арбитраж, Национальный центр интеллектуальной собственности и др.

Особенность содержания государственной гражданской служебной деятельности в том, что она осуществляется в системе гражданских государственных органов, не является милитаризованной и проявляется в виде законодательной, исполнительной и судебной деятельности, а также прокурорского надзора.

Государственная гражданская служба отличается от иных видов государственной службы и службы в государственной организации по своему содержанию и статусу, определяемому статусом ее служащих.

Несмотря на наличие общих признаков государственной гражданской службы, она неоднородна и может быть разделена на следующие виды:

- служба в органах государственного управления за некоторым исключением (аппаратная, чиновничья);
- депутатская;
- судебная (служба в судах);
- прокурорская (служба в органах прокуратуры);
- таможенная (служба в таможенных органах);
- дипломатическая.

Подобная классификация, думается, оправданна, хотя в Законе четко не определена. Каждый названный вид службы имеет свои специфические черты, отличающие его от других. Особенности кроются как в самом характере деятельности каждого вида службы, так и в органах (системах), в которых она осуществляется.

В ч. 2 ст. 73 Закона установлено, что «на виды государственной гражданской службы, которые не урегулированы настоящим Законом, распространяются нормы специальных законодательных актов». К таким актам относятся, например, Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. «О прокуратуре Республики Беларусь» и Положение о прохождении службы в органах прокуратуры Республики Беларусь, Таможенный кодекс Республики Беларусь, Положение о дипломатической службе Республики Беларусь.

Законом наиболее полно урегулирована аппаратная служба. По отношению к иным видам государственной гражданской службы, а также милитаризованной службы, Закон выступает в роли основ. По этой причине, на наш взгляд, целесообразнее было бы следующее его название: «Об основах государственной службы в Республике Беларусь».

В соответствии с ч. 1 ст. 7 действие Закона распространяется в одинаковой мере как на аппаратную службу, так и на депутатскую, судебную, прокурорскую, таможенную и дипломатическую, что не соответствует реальной действительности.

Аппаратная служба – это служба в органах государственного управления (кроме органов министерства иностранных дел, милитаризованных и таможенных органов), а также в секретариатах палат Национального собрания Республики Беларусь, аппаратах судов и местных Советов депутатов.

Депутатская служба представляет собой деятельность в качестве депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики, депутатов местных Советов депутатов на заседаниях палат, в их комиссиях и избирательных округах, на сессиях местного Совета депутатов, в постоянных и временных комиссиях. Для каждого в отдельности депутата Палаты представителей, члена Совета Республики, депутата местного Совета не определены обязанности и права, обособленные полномочия по государственной должности. Депутатская деятельность приравнена к государственной службе постольку, поскольку она осуществляется на профессиональной основе. Депутатская – «парламентская» – служба не отвечает всем признакам государственной службы. Особенность ее в том, что она выражается в законодательной деятельности и деятельности местного Совета депутатов. Правовой статус парламентариев, депутатов местных Советов и государственных служащих не во всем одинаков. Права, обязанности, условия поступления на службу, ее прохождения и т. д. у депутатов во многом отличаются от государственных служащих. Тем не менее согласно Закону государственные должности существуют в Палате представителей и Совете Республики Национального собрания Республики Беларусь, в местных Советах депутатов. В этом и проявляется одна из особенностей государственной службы в Республике Беларусь, с которой следует считаться.

Согласно ст. 48 Закона депутаты Палаты представителей, члены Совета Республики Национального собрания, осуществляющие свои полномочия на профессиональной основе, независимо от занимаемой в Палате представителей, Совете Республики должности, за исключением председателей палат Парламента, их заместителей, получают ежемесячное денежное вознаграждение в размере заработной платы министра. Заработная плата председателей палат Парламента и их заместителей устанавливается в соответствии с законодательством.

Судебная, прокурорская, таможенная и дипломатическая служба с учетом общих положений Закона регулируется специальными нормативными правовыми актами. Кроме того, названные виды государственной гражданской службы отличаются от аппаратной по характеру служебной деятельности. Например, судебная служба (служба в судах) предназначена для осуществления судебной деятельности – правосудия, а прокурорская – для прокурорского надзора. Имеет место определенная специфика в поступлении, прохождении, прекращении службы, а также дисциплинарной ответственности служащих, осуществляющих указанные виды службы.

Не разделять государственную гражданскую службу на отдельные виды представляется неправильным, так как отсутствие такого деления лишает возможности более полно раскрыть (понять) суть и назначение этой службы.

Милитаризованная служба представляет собой военную службу, службу в органах внутренних дел, органах финансовых расследований, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям. Термин «милитаризованная» в законодательстве не употребляется. Однако в научной литературе он используется достаточно широко.

Военную службу можно определить как деятельность лиц (граждан Республики Беларусь), занимающих воинские должности, направленную на непосредственное исполнение воинской обязанности (конституционного долга по защите Республики Беларусь) в составе Вооруженных Сил и других воинских формирований.

Вооруженные Силы состоят из Министерства обороны Республики Беларусь (далее – Министерство обороны) и Генерального штаба Вооруженных Сил, который организационно входит в состав Министерства обороны, видов Вооруженных Сил: сухопутных войск, военновоздушных сил и войск противовоздушной обороны, родов войск, специальных войск, военных учебных заведений и организаций Министерства обороны.

К другим войскам и воинским формированиям относятся: внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь; органы государственной безопасности; пограничные войска; Служба безопасности Президента Республики Беларусь; военные суды и Военная коллегия Верховного Суда Республики Беларусь; иные воинские формирования.

Служба в органах внутренних дел представляет собой профессиональную деятельность сотрудников этих органов, заключающуюся в непосредственном выполнении задач, возложенных на указанные органы. Под сотрудниками понимаются граждане Республики Беларусь, принятые на службу в органы внутренних дел, которым присвоены специальные звания.

Со службой в органах внутренних дел во многом схожа служба в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, а также служба в органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

Правовой статус службы в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям и службы в органах финансовых расследований определяется специальными положениями: Положением о прохождении службы в органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; Положением о прохождении службы в органах финансовых расследований Комитета государственного контроля.

Служба в государственных организациях в законодательстве и научной литературе в качестве отдельного вида служебной деятельности не выделяется. Думается, что это является значительным упущением. Ведь фактически такая деятельность существовала и существует. Ранее до издания Закона Республики Беларусь «Об основах службы в государственном аппарате» (1993) в научной литературе ее включали в понятие государственной службы, а лиц, выполняющих

такую деятельность, относили к специалистам. Позднее указанную деятельность при рассмотрении государственной службы в так называемом широком понимании отдельные ученые относили к государственной службе. Правда, законодательство подобного не допускало. Следовательно, рассмотрение государственной службы в широком и узком смысле в настоящее время недопустимо, так как противоречит действующему законодательству.

Не существует государственной службы в широком смысле. Однако служба в государственных организациях наличествует. Такая служба сводится к выполнению обязанностей по занимаемой должности в государственной организации в качестве инженера, врача, педагога, научного работника, агронома, библиотекаря, артиста и так далее или государственном органе в виде технического обслуживания и обеспечения деятельности этого органа.

Служба в государственных организациях:

• осуществляется в государстве и тесно связана с ним;

• сопряжена с профессиональной деятельностью;

• осуществляется обычными, простыми, непривилегированными служащими;

• выражается в выполнении обязанностей по должности;

• осуществляется в государственных организациях (учреждениях), а также частично и в государственных органах;

• действует в целях реализации задач и функций государственной организации;

• имеет особые:

а) содержание служебной деятельности, состоящей в организации или непосредственном осуществлении инженерной, педагогической, врачебной и иной подобной деятельности;

б) порядок поступления;

в) порядок прохождения;

г) порядок прекращения;

д) порядок привлечения служащих к ответственности.

Таким образом, служба в государственных организациях – это профессиональная деятельность лиц, занимающих должности в государственных организациях, осуществляемая в целях непосредственной реализации задач этих организаций (полномочий по занимаемой должности) и оплачиваемая из бюджетных (государственных) или иных источников.

Рассматриваемый вид службы приближен к государственной службе, однако отличается тем, что:

• осуществляется преимущественно не в органах государственной власти, а в государственных организациях;

• может осуществляться иностранными гражданами и лицами без гражданства;

• регулируется множеством нормативных правовых актов;

• не предназначена для реализации государственновластных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов;

• осуществляется не государственными служащими, а служащими государственных организаций;
• лица, осуществляющие рассматриваемую службу, не занимают государственных должностей;
• у служащих отсутствуют классы;
• отсутствуют ограничения, связанные с государственной службой;
• не существует присяги;
• служба не прекращается путем выхода в отставку;
• не существует особых материальных и социальных гарантий.

Названная служба осуществляется в учреждениях образования, науки, культуры, здравоохранения, а также организациях производства и частично в органах государственной власти.

Прохождение службы в каждой такой организации имеет свою специфику, особенности, определяемые в первую очередь предназначением организации, реализуемыми задачами и функциями, которые в целом являются частью общих задач и функций государства.

Библиографические ссылки

1. Мах И. И. Административное право Республики Беларусь : курс лекций. Минск, 2008. С. 270.

О. И. Чуприс

доктор юридических наук

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Государственная служба представляет собой важнейший вид деятельности, обеспечивающий функционирование государства и определяющий его эффективность. Возрастают требования к государственным служащим и одновременно механизму осуществления государственной службы.

Значительное внимание вопросам государственной службы, работе управленческих кадров и дебюрократизации уделяет Глава государства. Главная цель государственного аппарата – «сделать государство сильным», «эффективность и авторитет всей системы власти во многом зависят от уровня подготовки и мотивированности работников государственных органов» [1–3].

Социальная значимость государственной службы Республики Беларусь детерминирует необходимость развития ее правового регулирования, которое имеет свою историю, начавшуюся после распада СССР, когда законодательство о государственной службе стало одним из наиболее значимых правовых средств, обеспечивающих функционирование независимых государств. Отсутствие традиций правового регулирования государственной службы (в СССР не было закона о государственной службе) сыграло в некотором роде положительную роль. Беларусь, как и другие бывшие союзные республики, после обретения государственного суверенитета на основе изучения положительного международного опыта по-своему урегулировала указанные вопросы, отразив их в Законе Республики Беларусь от 23 ноября 1993 г. «Об основах службы в государственном аппарате» [4]. В дальнейший период законодательство о государственной службе постоянно развивалось: вносились изменения в действующее, принималось новое. При этом использовался приемлемый опыт других стран, что существенно обогатило национальное законодательство.

Сегодня в Беларуси действует Закон от 14 июня 2003 г. «О государственной службе в Республике Беларусь» с изменениями и дополнениями (далее – Закон о государственной службе) и одновременно с ним большое количество нормативных правовых актов в данной сфере [5]. В настоящее время по поручению Президента Республики Беларусь разработан проект новой редакции Закона о государственной службе, в наибольшей степени отражающей запросы общества и самих государственных служащих к данному социально-правовому институту. К работе над проектом были привлечены не только практические работники системы государственных органов, но и широкий круг ученых.

Наличие политической воли на активное научное сопровождение практической правотворческой деятельности по вопросам государственной службы и прямо связанного с ней государственного управления, кадровой политики безусловно стимулирует научный интерес и способствует формированию научной школы, разрабатывающей проблематику эффективной государственной службы.

Так, логическим продолжением сформированной научной концепции системно-комплексного правового регулирования государственной службы Республики Беларусь [6], послужившей теоретической основой для разработки проекта новой редакции Закона о государственной службе 2019–2020 гг., стало углубленное изучение отдельных структурных элементов института государственной службы. В частности, были защищены диссертации по вопросам формирования кадров органов внутренних дел, прохождения службы в них и правового положения ее сотрудников (Е. Н. Мазаник, С. Ю. Дегонский, С. С. Касьянчик). Безусловная ценность данных исследований заключается в формировании системного нового знания о государственной службе Республики Беларусь, в том числе путем изучения отличительных свойств ее отдельных видов.

Тематика государственной службы для современной белорусской науки не нова. Отечественные ученые обращались к ней еще в советское время. В монографии «Начальник и подчиненный: правовые аспекты служебных отношений» А. Г. Тиковенко отмечал специфику государственно-служебных отношений, основанных на административном подчинении. Рассматривая проблемы инструктивного регулирования отношений в сфере государственной службы, разграничения полномочий, он сформулировал предложения, которые имеют значение и для правового регулирования в настоящее время [7, с. 18–19]. Позже в своих трудах выделяя отношения, возникающие «в процессе организации самой системы государственной службы», данный автор указывал на их значение для существования государственной службы и обосновывал их административно-правовую природу [8, с. 67].

Обретение Республикой Беларусь государственного суверенитета, формирование собственной государственной службы и динамика развития ее правовых основ стимулировали дополнительный интерес к ней со стороны отечественных ученых. Некоторые из них (К. И. Кеник, В. В. Подгруша, А. Г. Тиковенко) предложили научный комментарий Закона о государственной службе [9]. Эти авторы уделили особенно пристальное внимание анализу государственной службы, что нашло отражение в опубликованных ими научных статьях [10–12]. Другие ученые обратили внимание на отдельные аспекты положений законодательства о государственной службе (А. Тышкевич [13], Г. Б. Шишко [14; 15], В. Якимович [16] и др.) или законодательство об отдельных видах государственной службы Республики Беларусь (Д. А. Гавриленко и А. А. Подупейко [17], А. А. Греченков [18], В. А. Шаршун [19] и др.), третьи небезосновательно обращались к нормам Закона о государственной службе при анализе отраслевого законодательства, чаще всего законодательства в области уголовного и трудового права (А. М. Клим, А. И. Лукашов, В. В. Марчук, Э. А. Саркисова, К. Л. Томашевский, Р. И. Филипчик и др.).

На монографическом уровне проблемы правового регулирования поступления и прохождения службы и правового статуса государственных служащих в Республике Беларусь исследовались К. И. Кеник [20]. В своих работах указанный автор вслед за отдельными учеными других бывших союзных республик опиралась на трудоправовую концепцию государственной службы, основанную на воспринятом советской школой права подходе к ее анализу как статусному явлению, субъективному праву на труд, в связи с чем и были сформулированы предложения о ее совершенствовании.

Специальный акцент на публичность государственной службы сделан во всех видах учебных изданий по административному праву Республики Беларусь.

Это неудивительно, ведь государственная служба является необходимым элементом существования государства, его неизменным спутником. Например, анализ источников феодального конституционного права Беларуси позволяет ученым говорить о существовании в исследуемый период таких важнейших институтов служебного права, как должностного лица, высшего должностного лица, государственной должности, «дзяржаўцаў», «урадаўцаў» [21, с. 21, 28, 29,

34; 22, с. 38, 42–45, 57, 95], которые свидетельствуют о том, что государственная служба является характерным признаком государственности.

Деятельность государственных служащих на государственных должностях, являющаяся по сути трудовой (а иных форм взаимодействия людей в рамках организованных коллективов для достижения общего социально значимого результата не существует), цель и назначение которой априори состоит в реализации частного интереса, по основному сущностному назначению является публичной, государственно-властной.

Государственная служба не возникла с целью создания возможностей для реализации способностей граждан к труду и удовлетворения их потребностей, а, наоборот, трудовая деятельность явилась средством достижения целей государственной службы. Не случайно поэтому к государственным служащим предъявляются особые требования как на этапе поступления, так и в процессе прохождения государственной службы. На государственной службе формируется специфический характер служебных отношений, дисциплины и ответственности. На государственных служащих распространяются особые социальные гарантии.

Истоки подобных правовых регламентаций лежат в плоскости укрепившегося в общественном сознании представления о социальном порядке, в том числе перераспределении интересов, зон ответственности для общей пользы и справедливой компенсации за это.

Государственный служащий, по сути, жертвует личными интересами во имя общественных, а государство, в свою очередь, должно обеспечивать ему компенсацию данных потерь материальной и моральной поддержкой. Так, еще немецкий философ Гегель отмечал, что государственная служба требует от человека бескорыстия, жертвования субъективными целями и нахождения удовлетворения «в сообразном долгу выполнении служебных обязанностей, и только нем» [23, с. 334]. Характеризуя особое положение чиновника, основанное на его публичности, в начале XX в. французский юрист М. Леруа заметил, что «он (чиновник. – *О. Ч.*) подписывает молчаливый договор (с государством. – *О. Ч.*), которым он отчуждает за вознаграждение часть своей свободы в видах общего интереса» [24, с. 19].

Подчинение общей юридической публично-правовой природе отношений, возникающих в сфере государственной службы, дает основание при определении приоритетов в правовом регулировании отдавать пальму первенства административному праву, а не трудовому. Специальное отношение уполномочия служащего от имени государства на осуществление служебной деятельности обусловливает наличие всех иных отношений, в том числе и отдельных трудовых.

Современные политологические исследования белорусских авторов также подтверждают значимость публичной составляющей государственной службы, которая проявляется в разрезе «пересечения» государственной службы и политики [25–27].

Несмотря на стремление многих государств формировать государственный аппарат так, чтобы он и его служащие были бы свободны от политического влияния каких-либо партий, движений, государственная служба неразрывно связана с политикой. Истоком ее существования признается политическая

организация – государство. В системе государственной службы выделяется ее особый вид – политико-административная служба, или служба политических администраторов, которая в ряде государств не регулируется законом о государственной службе, но тем не менее не существует обособленно от государственной служебной деятельности.

Как отмечает Н. А. Антанович, «повышение ответственности органов исполнительной власти связано с наличием механизмов политической ответственности политико-административной элиты (высшего корпуса государственных служащих), обеспечением гражданского контроля за деятельностью государственных служащих в целом. В государстве должны эффективно действовать политические государственные служащие… управляющие аппаратом чиновников-профессионалов и имеющие при этом публичный статус, способные нести ответственность за проведение политического курса государства. Развитая политическая система с элитой государственнического типа даже в период кризисных явлений способна удержать ситуацию под контролем и избрать путь целенаправленных изменений, укладывающихся в логику политического процесса. Роль хорошо обученного профессионального аппарата государственных управленцев в этих процессах значительна» [28, с. 428].

Указанное подтверждает значимость признания такого публично-правового аспекта государственной службы, как единство ее системы, охватывающей вместе с тем ее видовую дифференциацию. Несмотря на то что в действующем Законе о государственной службе ее система не закреплена, обществом фактически она воспринимается как целостная и непротиворечивая совокупность отдельных видов. Этому способствует достаточно развитое, хоть и разветвленное, законодательство об отдельных ее разновидностях.

Вообще определение и правовое закрепление границ, системы, задач, принципов, отдельных элементов государственной службы любого государства, в том числе Республики Беларусь, базируется на согласованном представлении о ней всего общества и отражает ее специфику в конкретный период, обусловленный историей страны, социально-экономическими, политико-административными условиями, уровнем развития правовой системы, а также реальным представлением о ценностях и приоритетах, сложившихся в государстве. Вот почему практически нельзя найти полностью совпадающие по содержанию национальные государственные службы. Могут выделяться типы государственных служб: восточные и западные; определяться ее модели: континентальная и англо-американская, обнаруживающие в каждой группе или модели схожесть концептуальных посылов, но имеющие значительные отличия в пределах правового регулирования и отдельных элементах.

В настоящее время для государственной службы Республики Беларусь характерно сочетание элементов обеих моделей: континентальной и англо-американской. Согласно Закону о государственной службе она пронизывает всю систему органов государственной власти Республики Беларусь. В нее включается, кроме аппаратной (чиновничьей) службы системы органов исполнительной власти и службы аппаратов всех государственных органов, также судейская, прокурорская служба, служба на выборных должностях в представительных органах

и частично военная и военизированная служба, осуществляемая непосредственно в центральных аппаратах соответствующих министерств и структурных подразделениях местных исполкомов, находящихся в двойном подчинении (органы внутренних дел). Кроме того, деятельность служащих ряда государственных организаций, не относящихся к государственным органам, также является государственной службой. В частности, к государственным органам приравниваются на основании ч. 2 ст. 3 Закона о государственной службе также государственные учреждения и иные государственные организации, обеспечивающие деятельность Президента Республики Беларусь или государственных органов, работники которых в соответствии с законодательными актами, закрепляющими их правовой статус, являются государственными служащими, например НЦПИ, НЦЗПИ.

Таким образом, государственная служба Республики Беларусь имеет свои серьезные отличия, закрепленные в национальном законодательстве.

Именно законодательство позволяет белорусским ученым выделять и анализировать, причем зачастую в связке с иными видами, службу в аппаратах государственных органов, военную, судейскую, прокурорскую, дипломатическую службу, службу в таможенных органах, органах внутренних дел. Теоретические воззрения простираются также до определения критериев, системы и вытекающих из этого элементов политико-административной [6; 27; 28], правоохранительной [29], военизированной службы [6; 30], службы в Следственном комитете [31], исследования проблематики правового статуса отдельных групп государственных служащих [32], административно-правового обеспечения реализации кадровой политики [33; 34].

Например, С. Ю. Дегонский, отмечая специфичность и особые черты службы в органах внутренних дел как особого вида государственной службы, обусловленные сложившимися традициями и устоями [35, с. 21], указывает на необходимость сокращения участия этой службы в жизни простых людей как службы сервисной. «Так сложилось исторически, что ОВД решали несвойственные задачи на протяжении всего времени своего существования. И это можно объяснить лишь тем, что государство не только оказывало доверие ОВД в части реализации своих важных функций через призму деятельности последних, но и не видело альтернативы ОВД в решении данных социально значимых задач. Ведь ОВД практически всегда отличала четкая система построения, особые элементы прохождения службы, включающие строгое соблюдение дисциплины, принцип единоначалия, неукоснительное исполнение приказов и распоряжений начальников, оперативность в принятии решений… Как нам видится, решить вопрос об ограничении наделения ОВД несвойственными задачами и, как результат, сузить сферы присутствия правоохранительного органа в обществе, в одночасье на данном этапе развития общества и государства весьма проблематично. Этому должна предшествовать кропотливая, научно обоснованная работа по совершенствованию структуры и деятельности всего государственного аппарата на основе глубокого анализа происходящих в государстве и обществе процессов социального, политического и экономического характера» [36, с. 58–59].

Следует согласиться с данным мнением. В нем содержится вывод о необходимости провести реформу системы государственной службы как управленческой деятельности, пересмотреть задачи и функции государственных органов, но не ломая всей системы, а поэтапно претворяя в жизнь выверенные шаги на основе научно обоснованного плана. В этой части, несомненно, могут помочь ученые-административисты, а также практические работники – государственные служащие, имеющие навыки научной деятельности. Такие научные труды должны опираться на практические материалы осуществления службы в государственных органах. Вот почему напрашиваются соответствующие формулировки тем диссертационных исследований по вопросам поступления, дисциплинарной ответственности, аттестации, прекращения государственной службы, эмпирической базой которых должны быть материалы служебной деятельности и административной практики района, города, области или республиканских органов государственного управления.

Еще один важнейший вопрос, требующий разрешения белорусскими учеными, стоит на повестке дня – легитимация направлений взаимодействия государственной службы и институтов гражданского общества. Данные отношения, вовлекающие интересы общества в решение задач, стоящих перед государственной службой, должны пронизывать все ее этапы: от определения системы органов государственной службы, формулирования требований к государственным служащим до принципов и правил ее практического осуществления, учитывающих обоснованные пожелания и требования граждан.

В качестве позитивного примера взаимодействия чиновников и граждан для достижения общей пользы можно привести работу над проектами кодексов по вопросам административной ответственности. На всех этапах работы созданной для написания новых кодексов комиссии были активно вовлечены граждане, а не только одна из сторон отношений по привлечению к ответственности – сотрудники ведомств. В результате от граждан поступило более 2000 предложений. Подвергнуты анализу интернет-источники. Около 500 идей внесли парламентарии. Активно участвовало юридическое сообщество. Комиссия работала в открытом формате, ничего не скрывая и не стесняясь обсуждать. Подобная публичность и открытость имеет большое значение в деле выстраивания доверия между государством и обществом.

В конечном счете речь идет о выработке научно обоснованной стратегии открытости государственной службы, уменьшения ее административного влияния на общество, в том числе за счет снижения объема правового регулирования и прямого государственного вмешательства. Необходимо выстроить концепцию перехода от большого количества государственной служебной деятельности и распространенности административного участия в жизни общества к ее качеству и эффективному диалогу, от централизованной государственной службы к ее децентрализованной форме, что потребует и перераспределения полномочий республиканских органов государственного управления в пользу местных органов, повлечет за собой изменение организационной структуры и численности местных органов, но одновременно повысит и уровень их ответственности. Важным направлением видится оптимальная организация управленческого

процесса на основе уменьшения бюрократических процедур как внутри системы государственной службы, так и вне ее, установления показателей эффективности государственной служебной деятельности, но не по критериям вала совершаемых действий, а по критериям качества их совершения.

Отмеченная концепция тесно связана с теорией хорошего управления, или, другими словами, эффективного правительства, которая также становится объектом внимания белорусских ученых [37]. Это неудивительно, поскольку государственная служба неотделима от государственного управления: система органов государственного управления предопределяет элементы системы органов и структуры государственной службы; государственное управление сосредоточивает систему методов и форм, используемых государственными служащими.

Следует признать, что исчерпывающее научное освещение всех вопросов государственной службы невозможно ввиду их чрезвычайной разнородности и сложности. Вместе с тем значительный научный интерес к проблемам государственной службы в последние годы указывает на прогноз значимости данного явления для Республики Беларусь, осознания необходимости повышения ее организационной эффективности, а также выработки идей о качественном улучшении законодательства о государственной службе.

Библиографические ссылки

1. В Беларуси сформирована отвечающая статусу независимого государства система работы с кадрами работников [Электронный ресурс] : [по материалам архива пресс-службы Президента Респ. Беларусь] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. 2009. URL: http://www.president.gov.by/press17939.html#doc (дата обращения: 27.01.2009).

2. Лукашенко А. Г. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь «Независимая Беларусь – наш достойный и надежный дом» [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2020. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P007p0001 (дата обращения: 03.06.2020).

3. Новая редакция закона о госслужбе рассмотрена на совещании у Лукашенко [Электронный ресурс] // БЕЛТА. 2020. URL: https://www.belta.by/president/view/novaja-redaktsija-zakona-o-gossluzhbe-rassmatrivaetsja-na-soveschanii-u-lukashenko-333574-2019/(дата обращения: 03.06.2020).

4. Об основах службы в государственном аппарате [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 нояб. 1993 г., № 2581-XII // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

5. О государственной службе в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 204-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23 июля 2019 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

6. Чуприс О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2009.

7. Тиковенко А. Г. Начальник и подчиненный: правовые аспекты служебных отношений / науч. ред. М. И. Пискотин. Минск, 1984.

8. Киселева Л. А., Тиковенко А. Г. Соотношение норм административного и трудового права в институте государственной службы Республики Беларусь // Пром.-торговое право. 2005. № 6. С. 64–67.

9. Кеник К. И., Подгруша В. В., Тиковенко А. Г. Комментарий к Закону Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь». Ч. 1 // Отд. кадров. 2005. № 2. С. 2–112.

10. Кеник К. И. Правовое регулирование государственной службы: соотношение административного и трудового законодательства // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. 2006. № 2. С. 69–79.

11. Подгруша В. В. Институт государственной службы: основные составляющие [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

12. Тиковенко А. Г. Институт государственной службы Республики Беларусь: природа, состояние, роль на современном этапе // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр / Ин-т государства и права НАН Беларуси ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2006. Вып. 2. С. 183–190.

13. Тышкевич А. О некоторых вопросах поступления на государственную службу // Юстиция Беларуси. 2005. № 4. С. 43–44.

14. Шишко Г. Б. Правовое регулирование аттестации государственных служащих и специалистов предприятий и организаций [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

15. Шишко Г. Б. Правовое регулирование работы с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

16. Якимович В. О некоторых вопросах исчисления стажа государственной службы // Юстиция Беларуси. 2005. № 12. С. 26–28.

17. Гавриленко Д. А., Подупейко А. А. Служебная дисциплина в органах внутренних дел: сущность, значение и способы укрепления. Минск, 2000.

18. Греченков А. А. Некоторые вопросы правового регулирования службы в органах внутренних дел // Пром.- торговое право. 2006. № 5. С. 163–167.

19. Шаршун В. А. Новое в правовом регулировании порядка прохождения военной службы [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

20. Кеник К. И. Регулирование труда государственных служащих в Республике Беларусь. Минск, 2007.

21. Васілевіч Р. А., Доўнар Т. І., Юхо І. А. Канстытуцыйныя нормы ў старажытных заканадаўчых актах Беларусі – граматах (прывілеях) / Беларус. дзярж. ун-т, юрыд. фак. Мінск, 2001. С. 17–36.

22. Васілевіч Р. А., Доўнар Т. І., Юхо І. А. Развіцце канстытуцыйнага права ў Статутах Вялікага княства Літоўскага / Беларус. дзярж. ун-т, юрыд. фак. Мінск, 2001. С. 37–100.

23. Гегель Г. В. Ф. Философия права : пер. с нем. / авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М., 1990.

24. Леруа М. Эволюция государственной власти (синдикаты чиновников) / пер. с фр. В. С. Елпатьевского. СПб., 1907.

25. Герменчук В. В. Политика и государственная служба. Минск, 2008.

26. Антанович Н. А. Теория и методы анализа государственного управления в политической науке : автореф. дис. … д-ра полит. наук : 23.00.01 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2018.

27. Решетников С. В., Антанович Н. А. Государственное управление в структуре политического процесса // Государственная политика и управление : учеб. пособие. Минск : РИВШ, 2018. Гл. 1. С. 4–23.

28. Антанович Н. А. Институты имплементации политических решений в системе государственного управления Республики Беларусь // «ARS ADMINISTRANDI» («Искусство управления»). 2017. Т. 9, № 3. С. 418–433.

29. Краснобаева Л. А. Государственная служба в правоохранительных органах // Вестн. Гродн. гос. ун-та. Сер. 4, Правоведение. 2014. № 1. С. 9–13.

30. Трацевский М. Л. Понятие и содержание военизированной службы Республики Беларусь // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2019. № 1. С. 61–64.

31. Носкевич И. Д. Служба в следственном комитете Республики Беларусь как вид государственной службы // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2018. № 2 (38). С. 57–64.

32. Касьянчик С. С. Административно-правовой статус сотрудника органов внутренних дел Республики Беларусь : дис. … канд. юрид наук : 12.00.14. Минск, 2016.

33. Носкевич И. Д. Государственная кадровая политика и субъекты ее реализации // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2018. № 1 (35). С. 37–44.

34. Носкевич И. Д. Сущностно-концептуальное направление реализации государственной кадровой политики в Следственном комитете Республики Беларусь // Предвар. расследование. 2019. № 1 (35). С. 22–30.

35. Дегонский С. Ю. Служба в органах внутренних дел Республики Беларусь: понятие, правовые основы // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. 2015. № 2. С. 18–22.

36. Дегонский С. Ю. О месте и роли органов внутренних дел в современном белорусском обществе. Выявление проблем правовой регламентации и осуществления сотрудниками органов внутренних дел отдельных мер административного принуждения [Электронный ресурс] : сб. ст. / под общ. ред. А. В. Лубенкова ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Могилев. ин-т М-ва внутрен. дел Респ. Беларусь ; редкол.: И. Л. Федчук (отв. ред.) [и др.]. Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2016. С. 50–60 // Электронная библиотека Академии МВД Республики Беларусь. URL: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/1521 (дата обращения: 03.07.2020).

37. Василевич Г. А. Законодательное обеспечение права на хорошее управление. Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3–4 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 28–34.

Ю. П. Гаврильченко
доктор юридических наук

О. М. Куницкая
кандидат юридических наук

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КРАУДФИНАНСИРОВАНИЯ И ЕГО РАЗНОВИДНОСТЕЙ

В эпоху глобального развития интернет-технологий меняются сложившиеся тенденции общественного развития. Возможность прямого общения большого числа индивидуумов, свободное распространение информации для неограниченного круга потенциальных партнеров делает менее востребованным участие традиционных посредников во многих процессах. Результатом становится появление новых краудсорсинговых возможностей, зарождение и развитие краудэкономики.

Краудэкономика определяется не только прямой коммуникацией производителя с конечным потребителем, но и использованием информационно-коммуникационных технологий. В этом смысле недостаточно характеризовать ее как основывающуюся на системе децентрализованного распределения труда, материальных благ, финансовых и интеллектуальных ресурсов, где снижается роль государства как основного регулятора экономики, организатора и модератора многих перераспределительных процессов [1, с. 38]. Ключевое условие развития краудэкономики – использование новейших технологий для оптимизации процессов.

В литературе отмечается, что в социальном плане краудэкономика способствует формированию класса фрилансеров – свободных работников, независимых частных специалистов, которые самостоятельно определяют формы и условия своей трудовой деятельности [2, с. 32]. Однако свобода распространяется не только на социальные и трудовые отношения, но и инвестирование, обеспечив активное развитие краудфандинга как технологии коллективного финансирования инвестиций.

Белорусские авторы, выделяя важнейшие направления цифровой трансформации традиционных банков, относят к указанным направлениям краудсорсинг, означающий, по их мнению, мобилизацию ресурсов людей посредством информационных технологий с целью решения задач, стоящих перед бизнесом, государством и обществом в целом [3, с. 53–54].

В последние годы традиционные рынки и законодательство меняются под воздействием активного развития ICO (Initial Coin Offering), напоминающего краудинвестинг, но, по мнению некоторых авторов, представляющего собой уже другое явление [4, с. 299–300]. В ходе ICO компании (как правило, стартапы) привлекают инвестиции по модели первичного размещения акций (IPO), виртуальным аналогом которых являются токены. Владелец токенов получает определенные права по отношению к эмитенту токена [5, с. 34]. Важнейшую роль в обеспечении ICO на блокчейне играют специальные инвестиционные интернет-платформы. Они уже заняли достойное место в мировом хозяйстве и зарекомендовали себя простым и одним из эффективных инструментов. При этом могут рассматриваться как специфическая форма краудфандинга (краудсейл) [6, с. 105] способ краудинвестинга [7, с. 648] либо самостоятельный механизм инвестирования.

Участие в этой отрасли квалифицированных инвесторов и более частая реализация схемы B2B (business to business) вызвали многочисленные вопросы, потребовавшие правового урегулирования. Одной из проблем стало *уяснение правовой природы краудфандинга* и его отдельных бизнес-моделей, а также ICO и иных явлений, связанных с развитием цифровых технологий. Данные вопросы представляют особую актуальность, так как правовых исследований темы очень мало и в большинстве своем они носят фрагментарный характер.

С учетом изложенного основная цель исследования – *выявление ключевых направлений правового регулирования общественных отношений в сфере краудфинансирования.*

Изначально краудфандинг предоставлял возможность инициаторам разнообразных проектов собирать денежные средства на их выполнение у непрофессиональных инвесторов. Однако постепенно выгоды краудфандинга привлекли начинающих свое дело предпринимателей, для которых такая поддержка стала альтернативой грантам специальных фондов, а также венчурному и бизнес-ангельскому финансированию.

Развитие краудфандинговой индустрии, постепенное ее «взросление» в различных странах мира знаменуется расширением качественного состава не только инициаторов проектов, но и их возможных доноров. Вследствие этого традиционное начальное определение краудфандинга как народного финансирования (преимущественно от граждан) постепенно расширяется.

В мировой практике используется несколько видов краудфандингового финансирования, каждый из которых характеризуется особой правовой природой отношений между участниками. В частности, в литературе выделяются *безвозмездный краудфандинг*, предполагающий отсутствие встречного предоставле-

ния для инвесторов; *возмездный краудфандинг*, при котором инвесторы получают встречное предоставление в виде продукта; *краудлендинг*, предполагающий, что инвесторы предоставляют финансирование (займ) реципиенту и получают через определенное время инвестируемый капитал плюс процент за пользование деньгами; *акционерный краудфандинг*, или *краудинвестинг*, предусматривающий финансирование в обмен на акции, доли в уставном фонде юридического лица [8, с. 214].

В свою очередь авторы, которые исследует краудсорсинг как инструмент финансирования, считают, что он включает указанные три направления: краудфандинг – сбор средств для реализации проектов без последующего участия в акционерном капитале, краудлендинг – кредитование физическими лицами других физических или юридических лиц через специальные интернет-площадки, краудинвестинг – сбор средств для реализации проектов с последующим участием в акционерном капитале [3, с. 54].

Полагаем, в анализируемом контексте можно определить два ключевых вида краудфандинга: безвозмездный и возмездный, выделив из последнего такие разновидности, как краудлендинг, краудинвестинг и др., так как возмездность в данном случае обретает разные формы. При этом развитие возмездного краудфандинга обусловливает необходимость пересмотра законодательства. Например, распространение акционерной разновидности краудфандинга требует доработки законодательства о рынке ценных бумаг, которая уже осуществлена в США и других государствах, в том числе Европы [4, с. 302].

Также следует выступать за необходимость регулирования безвозмездного краудфандинга с учетом объективного существования общественных отношений, его социальной значимости. При всей схожести безвозмездного краудфандинга с договором пожертвования, дарения, спонсорской помощи такой краудфандинг не вполне вписывается в нормы, созданные для юридического обеспечения благотворительной деятельности. Это обстоятельство актуализирует необходимость особого правового регулирования [9, с. 77].

Можно выделить несколько важных характеристик исследуемого финансового инструмента. Во-первых, краудфандинг – более доступный источник по сравнению с другими традиционными вариантами финансирования (включая венчурное финансирование), что определяет его как неформальное инвестирование. Во-вторых, краудфандинг возникает и развивается исключительно благодаря интернет-технологиям. В-третьих, такой финансовый инструмент позволяет привлечь в качестве инвесторов широкий круг непрофессиональных инвесторов, обычных людей [10, с. 122].

Краудфандинг предполагает следующих участников: лицо, осуществляющее деятельность по организации привлечения денежных средств (оператор интернет-платформы); лица, привлекающие денежные средства, в том числе инвестиции, посредством интернет-платформы (производители товаров и услуг, заказчики инвестиций); лица, осуществляющие финансирование (инвестиции) посредством интернет-платформы (потребители, инвесторы).

Initial Coin Offering (ICO) представляет собой метод привлечения средств за счет выпуска определенного количества новых единиц токенов, которые приобретают инвесторы. В результате в качестве объекта осуществления инвестиций в ходе ICO инвесторам предлагается новый вид актива – цифровой токен.

Можно согласиться, что ICO было изобретено как альтернатива заурегулированной процедуре эмиссии бездокументарных ценных бумаг [11, с. 210]. В связи с этим в литературе высказывается мнение о том, что инвестиции посредством ICO и краудфандинговая поддержка проектов в различных сферах жизни и бизнеса представляют собой разные явления [12, с. 277]. При этом, рассматривая сущность краудфандинга, его участников, используемые бизнес-модели, а также основные тенденции развития рынка альтернативных финансов, другие авторы считают, что как разновидность финансового краудфандинга бизнес-модель краудинвестинга используется для привлечения денежных средств инвесторов на краудплощадках *с использованием при этом традиционных финансовых инструментов* [13, с. 37–38; 14, с. 27].

Полагаем, специфика ICO не влияет на его качественные характеристики, относящиеся к сфере краудфандинга. По сути это возмездный вид краудфандинга [15, с. 23], разновидность или даже особый способ краудинвестинга.

Наряду с понятием ICO на практике используется понятие TGE (Token Generation Event), первичное размещение токенов или монет. В связи с этим возникает вопрос о природе токенов. Они иногда отождествляются с монетами как обозначением криптовалюты. При этом виртуальная валюта, к которой относится и криптовалюта, *обладает природой как обязательств, так и прав собственности, поскольку она может быть как средством платежа, так и товаром. Ученые-правоведы еще не достигли консенсуса относительно характера и правового статуса виртуальной валюты.*

Вопрос о выработке системы регулирования обращения криптовалюты напрямую связан с пониманием сущности и закреплением в национальном законодательстве соответствующей терминологии. Определяя криптовалюту в качестве платежного средства, регулирующие органы власти различных стран сталкиваются с дилеммой частных и государственных денег (фиатная валюта), поэтому многие страны рассматривают криптовалюту как вид цифрового актива. При этом следует иметь в виду, что ценность криптовалюты определяется соотношением ее спроса и предложения, т. е. она не обеспечена ничем, кроме как сама собой, и ценности в привычном для людей понимании не представляет [11, с. 210]. Следует согласиться, что токены становятся криптовалютой лишь в том случае, когда ICO проводится для финансирования компаний, выпускающих новые криптовалюты [6, с. 106], речь идет об ICO криптовалют.

Эмиссия криптовалюты как внутренней расчетной единицы публичного блокчейна осуществляется посредством майнинга, в то время как токен – это цифровой актив (аналог ценной бумаги). Токен представляет собой единицу учета определенной ценности в виде записи в базе данных, функционирующей на основе технологии блокчейн и может быть использована в рамках определен-

ной системы, т. е. «токен» означает цифровой знак, представляющий учетную информационную единицу блокчейна. Плата за токены вносится криптовалютой, которую инвестор, в свою очередь, покупает за фиатные деньги. В результате ICO выполняют функцию введения криптовалюты в денежный оборот, создавая на нее спрос.

Согласно принятой ОЭСР классификации токенов, инвестиции в которые осуществляются посредством ICO, выделяют: *платежные токены*, которые используются в качестве договорного средства платежа; *утилитарные, продуктовые токены* (utility token), которые выпускаются определенным проектом и используются в качестве оплаты за услуги или товары в рамках такого проекта; токен как *ценная бумага* (security token) – обеспечивает право владения долей в компании, получения части прибыли компании и др. [16, с.88]. Эта классификация *может помочь регуляторам* выбрать необходимый оптимальный подход к регулированию криптоэкономики, гармонизированный с международной практикой. Тем не менее важно понимать, что данную классификацию можно продолжать бесконечно, поскольку варианты функционала токена исходят из технических возможностей и воображения его создателей.

Все видовое разнообразие токенов иногда подразделяют на платежные токены (криптовалюту) и инвестиционные или обеспечительные токены. Последние вводятся в оборот посредством ICO и выпускаются компаниями для обеспечения стартового финансирования [17, с. 31]. Таким образом, понятие «токен» шире по своему содержанию, чем понятие «криптовалюта».

М. А. Егорова, Л. Г. Ефимова отмечают, что, являясь цифровыми деньгами, криптовалюта в то же время представляет собой разновидность цифрового имущества, выполняющего в обществе функции средства платежа, не имеет физической формы в виде монет или банкнот [18, с. 14]. Криптовалюта не является законным средством платежа, но может быть использована в качестве средства оплаты товаров, работ и услуг, т. е. это частные деньги [18, с. 135] либо децентрализованные деньги. Криптовалюта является денежным средством, однако она не имеет национальной принадлежности и может приниматься во всем мире, именно поэтому ее оборот невозможно игнорировать.

Отношение различных государств к «экспансии» криптовалюты, в обороте которой они видят конкурента выпускаемым ими фиатным деньгам, также различается [18, с. 136]. В ряде стран обращение криптовалюты запрещено [19, с. 84]. Однако в условиях существования объективной потребности в криптовалюте правовое регулирование, ограничивающее или запрещающее перетекание криптовалюты и фиатных денег, приводит скорее к снижению потребности в фиатных деньгах.

Некоторые страны признали и узаконили оборот цифровых финансовых активов, другие до сих пор не приняли однозначного отношения к этому институту, в то время как третья группа стран не признала ни их юридическую природу, ни само их существование. Европейским управлением по надзору за рынком ценных бумаг (ESMA, European Securities and Markets Authority) в конце

2017 г. были определены наднациональные требования, предъявляемые к ICO в странах ЕС. В соответствии с ними компании, реализующие ICO в государствах – членах ЕС, обязаны самостоятельно исследовать квалификацию проводимого ICO на предмет соответствия законодательным требованиям ЕС, а также национального законодательства государства, на территории которого проводится ICO.

ESMA допускает возможность выхода проекта ICO из существующего правового пространства, но подчеркивает под угрозой ответственности необходимость соблюдения существующих норм в случае, если проект ICO подпадает под регулируемую деятельность. В частности, ICO в зависимости от своей сути должны соответствовать: Директиве ЕС о проспектах (Prospectus Directive), Директиве ЕС по управлению альтернативными инвестиционными фондами (AIFMD), Директиве ЕС о рынках финансовых инструментов (MiFID) и Четвертой директиве ЕС о противодействии отмыванию денежных средств (4 AML). Так, если проект ICO будет содержать признаки публичного предложения ценных бумаг, публикация проспекта эмиссии является обязательным требованием. В случае, если ICO можно квалифицировать в качестве альтернативного инвестиционного фонда, обязательно выполнение требований директивы AIFMD. Если токены в рамках проводимого ICO будут иметь признаки финансовых инструментов, действуют положения директивы MiFID. Директива AML направлена на формирование в рамках ЕС правовой среды, ориентированной против «отмывания» денежных средств и финансирования терроризма. Директива требует обязательного обеспечения идентификации клиентов, при этом операции с удаленной идентификацией клиента позиционируются в качестве высокорисковых и нуждаются в дополнительном подтверждении. Программа работы ESMA предусматривает постоянное проведение тщательного анализа рынка ICO в целях определения сферы регулирования и последствий проведения ICO [20, с. 66–67].

На основании изложенного можно сделать вывод, что в научной литературе определены три подхода к регулированию криптовалют: консервативный, либеральный и нейтральный. Согласимся с позицией, что необходимо формулировать требования для регулирования криптовалют таким образом, чтобы избежать миграции инвестиций и капитала в другие страны, которые придерживаются более либерального подхода [21]. Такой подход должен стать приоритетным для нашего государства.

В Республике Беларусь совершенствуется законодательная база, необходимая для дальнейшего развития высокотехнологичных интернет-площадок финансирования бизнеса и населения с учетом достигнутого уровня цифровизации экономики. Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О цифровой экономике» (далее – Декрет о цифровой экономике) [22] среди прочего легализовал ICO, **отношения, основанные на технологии блокчейн.** Формально Декрет о цифровой экономике посвящен статусу Парка высоких технологий (далее – ПВТ) как института развития, на базе ко-

торого внедряются блокчейн-технологии. Однако значительное количество положений восполняет недостаточное законодательное регулирование, в том числе признание токенов объектами вещных прав (а также активами для целей бухгалтерского учета), которыми могут свободно владеть любые юридические и физические лица. Владение токенами, совершение операций с ними, ICO, майнинг и другие виды деятельности в целом разрешены для всех юридических и физических лиц, но определенные действия могут совершаться только через резидентов ПВТ.

Следует заметить, что данный нормативный правовой акт не содержит норм относительно безвозмездного краудфандинга. Согласно подп. 3.3 п. 3 Декрета о цифровой экономике законодательство о ценных бумагах не распространяется на отношения с использованием токенов, в том числе на схожие отношения. К отношениям участников крипторынка не применяются также требования валютного законодательства (за исключением запрета на расчеты в иностранной валюте между резидентами Республики Беларусь), установлен ряд налоговых преференций. Любые дополнительные вопросы, которые потребуется разрешить в будущем, могут быть уточнены в совместных разъяснениях Совета Министров Республики Беларусь и администрации ПВТ (в части использования в гражданском обороте токенов и осуществления деятельности с использованием блокчейна), в разъяснениях самой администрации ПВТ, а также актах, регулирующих деятельность ПВТ.

В ноябре 2018 г. наблюдательный совет ПВТ утвердил и опубликовал Правила оказания услуг, связанных с созданием и размещением цифровых знаков (токенов), и осуществления операций по созданию и размещению собственных цифровых знаков (токенов) (далее – Правила). Данные Правила регламентируют регистрацию и деятельность криптовалютных бирж, криптовалютных обменников и организаторов ICO.

Правила подробно описывают процедуру проведения ICO. Она включает два возможных варианта проведения ICO: 1) от своего имени самостоятельно резидентом ПВТ, осуществляющим деятельность по проведению ICO для своих нужд (криптообменники); 2) организатором ICO или оператором криптоплатформы (резидентом ПВТ, занимающимся деятельностью по оказанию услуг по проведению ICO (криптоплатформы (криптобиржи)). В обоих случаях с администрацией ПВТ заключается договор об условиях деятельности резидента ПВТ.

Согласно Правилам заказчик ICO – лицо, которое планирует привлечь финансирование через ICO, обратившись за услугами к посреднику, может быть как белорусским юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем, так и резидентом иных государств. Ограничений по сферам деятельности заказчиков не предусматривается. Указанные Правила устанавливают базовые требования, которым должен соответствовать заказчик, при невыполнении которых ему отказывается в проведении ICO. Эти требования установлены: 1) к персоналу (должен быть сотрудник, ответственный за ICO-проект);

2) к деловой репутации (не должно быть не снятых судимостей за экономические преступления, возбужденных уголовных дел, увольнений по дискредитирующим обстоятельствам в течение двух лет, не должно быть задолженности по платежам в бюджет и т. п.); 3) к правовым документам (должны быть утверждены локальные акты по управлению рисками, конфликтом интересов, по обеспечению информационной безопасности (кибербезопасности); 4) по раскрытию информации (на официальном сайте заказчика должна содержаться информация о его учредителях, годовая финансовая отчетность и т. д.); 5) к рекламе токенов (реклама должна предупреждать о возможных рисках и не вводить в заблуждение о возможности легкого заработка); 6) другие требования.

Согласно п. 9 Правил организатор ICO обязан в договоре, предусматривающем оказание услуг по размещению токенов, в качестве существенных условий закрепить условие о разработке организатором ICO декларации White paper (документа, содержащего сведения о деятельности, для которой привлекаются инвестиции посредством размещения токенов, и лице, планирующем ее осуществлять). В соответствии с п. 19 Правил до потенциальных первых владельцев токенов должна быть доведена информация о финансово-хозяйственной деятельности заказчика, оформленная в виде приложений документов к White paper (данные сведения приводятся (оформляются) в случае, если в декларации White paper предусмотрено осуществление проекта, для реализации которого привлекаются инвестиции посредством размещения токенов).

Согласно п. 33 Правил резидент ПВТ, создающий и размещающий собственные токены, вправе приступить к размещению токенов также только при наличии White paper, содержащей сведения, в том числе о финансово-хозяйственной деятельности резидента ПВТ, создающего и размещающего собственные токены (данные сведения приводятся (оформляются) в случае, если в декларации White paper предусмотрено осуществление проекта, для реализации которого привлекаются инвестиции посредством размещения токенов).

В целом Правила ориентированы на меры, принятые в мировой практике для защиты рынков и граждан от мошенничества, легализации преступных доходов и рисков, сопутствующих инвестициям в цифровые активы. В правовое поле Республики Беларусь включены положения по предотвращению финансовых преступлений в криптосфере, а именно международные стандарты по борьбе с отмыванием денегAML (Anti-Money-Laundering); KYC (Know Your Customer); CFT (борьба с финансированием терроризма); рекомендации FATF «О риск-ориентированном подходе при использовании виртуальных валют».

Таким образом, законодательство Республики Беларусь идет по пути стимулирования возмездного краудфандинга, легализации владения токенами, совершения операций с ними, ICO и др. Многие вопросы еще остаются открытыми, но процесс правовой регламентации идет достаточно активно.

Отсутствие специального правового регулирования безвозмездного краудфандинга с учетом объективного существования данных общественных отношений выступает в качестве одного из существенных барьеров для реализации важнейших крауд-проектов высокой социальной значимости. Поскольку краудплатформы для полноценного развития должны становиться глобальными, возникает необходимость согласованной работы законодателей из разных стран. Отсутствие международного терминологического единообразия и единых подходов к определению правовой сущности краудфинансирования негативно влияет на его развитие.

Библиографические ссылки

1. Баталко В., Ткачев А. Возможности и риски краудфандинга и P2P-займов // Банк. вестн. 2018. № 5. С. 37–44.

2. Чигринов С. П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2016. № 3. С. 32–43.

3. Ковалев М., Головенчик Г. Цифровая трансформация банков // Банк. вестн. 2018. № 11. С. 50–60.

4. Мотовилов О. В. Феномен краудфандинга: исследование особенностей // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Экономика. 2018. Т. 34, вып. 2. С. 298–316.

5. Дорожкин С. Криптовалюты: теория и практика // Банк. вестн. 2018. № 8. С. 30–37.

6. Федорова Т. А. ICO и проблемы экономической безопасности // Технико-технол. проблемы сервиса. 2018. № 43. С. 105–111.

7. Бижоев Б. М. Инновационные формы привлечения инвестиций в цифровой экономике // Вопр. инновац. экономики. 2019. Т. 9, № 3. С. 647–656.

8. Усеня Е. В. Защита прав инвесторов в краудфандинговом финансировании // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2018. С. 213–217.

9. Хватик Ю. А., Колевич С. А. Правовые условия для внедрения в Республике Беларусь финасновых инструментов краудэкономики с целью предотвращения возникновения преступлений в сфере цифровизации экономики // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2007. № 10. С. 76–82.

10. Ермакова Е. А., Нестеренко Е. А. Особенности регулирования краудфандинга в цифровой экономике России // Вестн. СГСЭУ. 2018. № 3 (72). С. 121–124.

11. Алексеенко А. П. Регулирование отношений в сфере ICO и оборота криптовалюты в КНР и МАКАО // Балт. гуманитар. журн. 2019. Т. 8, № 3 (28). С. 209–212.

12. Ackermann E., Bock C., Bürger R. Democratising Entrepreneurial Finance: The Impact of Crowdfunding and Initial Coin Offerings (ICOs) // FGF Studies in Small Business and Entrepreneurship. Boston, 2020. P. 277–308.

13. Голикова А. Ключевые аспекты функционирования краудфандинга // Банк. весн. 2019. № 9. С. 33–43.

14. Шеина Е. Г., Астанакулов О. Т. Краудинвестинг как элемент финансово-инвестиционного механизма формирования экономики опережающего развития // Налоги и налогообложение. 2019. № 5. С. 20–34.

15. Грошева Е. К., Чуприна А. Д. Краудфайдинг некоммерческих проектов через ICO // Бизнес-образование в экономике знаний. 2020. № 1. С. 23–26.

16. Левашенко А., Ермохин И., Коваль А. Перспективы правового регулирования криптоэкономики и ICO в России и других странах // Экон. политика. 2019. Т. 14 (5). С. 80–99.

17. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. 2017. № 12. С. 29–44.

18. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие и особенности правового регулирования криптовалют // Предпринимат. право. 2019. № 3. С. 11–16.

19. Букина С. Е., Паламарчук А. Р. Правовое регулирование криптовалютной отрасли в России и за рубежом // Проблемы экономики и юрид. практики. 2018. № 6. С. 86–92.

20. Ефимова Н. А. К вопросу о регулировании первичного размещения монет (ICO) и криптовалюты в зарубежных странах: на примере Эстонии // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2018. № 5. С. 63–68.

21. Чудиновских М., Севрюгин В. Регулирование криптовалют в странах БРИК и Евразийском экономическом союзе // Юрид. журн. БРИКС. 2019. № 6 (1). С. 63–81.

22. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

В. С. Каменков

доктор юридических наук

ОТ РЕФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРАВА К ПЕРЕСТРОЙКЕ ЭКОНОМИКИ И КАДРОВ

Актуализируя разговор о современном хозяйственном праве, начатый на Международном круглом столе в 2018 г. в рамках юридического факультета Белорусского государственного университета, следует заметить следующее.

Экономика Республики Беларусь в целом и отдельные ее отрасли периодически испытывают трудности в развитии, несмотря на принимаемые усилия. На наш взгляд, одной из причин подобных кризисных моментов является отсутствие комплексного, системного и эффективного правового регулирования хозяйственной деятельности. Предпосылки для налаживания такой работы также имеются.

Первое. Хозяйственную и иную деятельность, не запрещенную законом, а значит, и само хозяйственное право не просто декларирует, но и прямо регу-

лирует наш Основной Закон, т. е. Конституция Республики Беларусь. Непосредственность регулирования проявляется в том, что Конституция:

а) в лице нашего государства предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом;

б) гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности (ст. 13);

в) ориентирует правовое регулирование хозяйственной деятельности в этих конституционных рамках-принципах: разрешено все, что не запрещено законом;

г) различает, а не отождествляет понятия «хозяйственная деятельность», «экономическая деятельность» и «предпринимательская деятельность». Здесь отчетливо просматриваются предмет и принципы хозяйственного права (ч. 4 ст. 13);

д) называет рамки государственного регулирования экономики: «…государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных целях» (ч. 5 ст. 13). Иными словами, здесь названы отличительные черты метода хозяйственного права: государственное, императивное регулирование.

Второе. Имеющийся опыт других стран по отношению к правовому регулированию хозяйственной и предпринимательской деятельности, вплоть до кодификации: Хозяйственный кодекс Украины, Предпринимательский кодекс Республики Казахстан, Торговый кодекс Эстонии, Торговый кодекс Чехии и Торговый кодекс Болгарии, Торговый кодекс Португалии, Германское торговое уложение и т. д., наглядно демонстрируют отсутствие у них моноцивилистического метода правового регулирования всех экономических отношений.

Наоборот, именно дуалистический подход реализуется в западных и постсоветских странах (за исключением России и Беларуси), несмотря на известную доктрину МВФ и Вашингтонского консенсуса. В основе ее лежит «…политика, направленная на максимальное ограничение роли государства как активного субъекта экономического влияния и ограничение его функций контроля за динамикой показателей денежной массы» [1, с. 40].

Интересным и близким к истине представляется мнение известного академика НАН Украины В. К. Мамутова, который отмечал: «Неверное информирование наших юристов, экономистов, государственных деятелей совсем не безобидно, как это может показаться… Нам рассказывают о “рыночных” нормах, но не рассказывают о публично-правовом регулировании экономики, т. е. умалчивают именно о том, чем современное правовое регулирование хозяйственной деятельности отличается от “чисто частного”. Такое сознательное умалчивание совершенно искажает общую картину. Восприятие неверной информации о регулировании экономики в экономически развитых странах и основанных на ней «рецептов реформирования» привело к развалу нашей экономики в 90-е гг., что способствовало вытеснению наших экспортеров иностранными корпорациями на внешних рынках» (цит. по: [2, с. 27]).

Не отвергаются идеи и концепция хозяйственного права и современными учеными, в том числе белорусскими: «…уже “послевоенная концепция

хозяйственного права", авторами которой были В. В. Лаптев, В. К. Мамутов, Г. М. Свердлов и др., синтезировала в хозяйственном праве "горизонтальные" (возникающие между хозяйствующими субъектами), "вертикальные" (существующие между хозяйствующими субъектами и органами государственной власти и местного самоуправления) и внутрихозяйственные (складывающиеся между подразделениями предприятий) отношения» [3].

Третье. Один из актуальных и реально востребованных международных договоров Республики Беларусь – Договор о Евразийском экономическом союзе с его разделами, посвященными торговле услугами и осуществлению инвестиций, правилам и принципам конкуренции и монополиям, энергетике, транспорту, государственным закупкам, промышленности и агропромышленному комплексу, также ориентирован на комплексное регулирование хозяйственных отношений.

При этом нужно понимать, что юридическая наука в Республике Беларусь, как и в других странах постсоветского пространства, нуждается в возрождении. Отчасти здесь можно надеяться на готовящуюся Концепцию правовой политики, которая предполагается к утверждению на уровне указа главы государства.

Нам необходимо преодолевать кризисные явления, наметившиеся в конце XX – начале XXI в., когда юридическая наука не всегда могла справиться с актуальными проблемами практики, не всегда предлагала результативные рекомендации для их решения.

К числу таких проблем следует отнести и вопрос соотношения гражданского законодательства, а также хозяйственного законодательства в государстве и соответствующих отраслей права. И с позиции не только доктрины МВФ и Вашингтонского консенсуса, но и интересов национальной безопасности, интересов наших партнеров по ЕАЭС и ЕС.

Есть реальная потребность на уровне отраслей права и законодательства показать настоящую роль государства как активного субъекта экономического влияния и не ограничивать искусственно его функции в экономике, развитии хозяйства, динамике показателей денежной массы.

Нужно открыть глаза на те подлинные общественные отношения, которые сегодня регулируются гражданским правом (как правило, отношения в сфере обмена, отношения микроэкономического характера) или являются предметом хозяйственного права: отношения реального сектора экономики, производства, распределения, торговли и обмена, т. е. макроэкономические общественные отношения (инвестиционное право, конкурентная деятельность, конкурсное право, строительное право, транспортное право, ценообразование, цифровая экономика, коммунальное хозяйство и т. д.). Большая часть хозяйственных отношений регулируется не гражданским, а хозяйственным законодательством с активной ролью государства, зиждущимся на публично-правовых, а не частноправовых началах (регистрация, лицензирование, сертификация, предписания, запреты, рекомендации).

Четвертое. Реальная жизнь упорно и последовательно показывает юридической науке и нашим правотворцам путь, по которому они должны двигаться:

совершенствовать хозяйственное право на основе потребностей национальной экономики, действующего и активно развивающегося хозяйственного законодательства.

Вот только наиболее яркие и современные примеры.

В Директиве Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 8 «О приоритетных направлениях развития строительной отрасли» предусмотрена потребность повысить эффективность инвестиционно-строительной деятельности в Республике Беларусь, в том числе обеспечить совершенствование системы государственного регулирования в строительстве, возложив на Министерство архитектуры и строительства функцию по формированию государственной политики в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности и полномочия по вопросам нормирования в этой области.

Нельзя не вспомнить в связи с этим и поручение главы государства о подготовке проекта Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности. Этот законопроект уже подготовлен.

Не менее важным ориентиром для науки хозяйственного права являются также директивы Президента Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 7 «О совершенствовании и развитии жилищно-коммунального хозяйства страны», от 5 марта 2019 г. № 6 «О развитии села и повышении эффективности аграрной отрасли», а также иные правовые акты.

Пятое. В каждой из упомянутых директив, в других нормативных правовых актах речь идет также:

- о развитии кадрового потенциала соответствующих отраслей, об актуализации профессионально-квалификационной структуры подготовки кадров;
- подготовке кадров по новым специальностям;
- научном сопровождении отрасли;
- создании эффективной специализированной системы подготовки кадров высшей научной квалификации на основе подготовки магистрантов, аспирантов в профильных вузах. Все это напрямую относится к юридической науке, юридическому факультету, БГУ.

Настоящими наукообразующими для хозяйственного права являются также Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», проект нового Закона о банкротстве, который в настоящее время возвращен из Парламента для доработки, и ряд решений Совета Евразийской экономической комиссии о конкуренции на трансграничных рынках.

Перечень подобных нормативных правовых актов и иных не менее серьезных поводов для выделения отдельных сфер общественных отношений в автономные подотрасли хозяйственного права можно продолжить.

Например, статистика возбуждаемых и находящихся в производстве экономических судов дел об экономической несостоятельности и банкротстве на протяжении ряда лет остается стабильно высокой. Так, в 2019 г. уже возбуждено 928 дел, завершено – 1045, остается в производстве – 2300.

Пытаться решить все эти проблемы без подготовки квалифицированных специалистов, внедрения медиативных технологий, научного анализа и сопровождения можно еще много лет подряд. Но успешно ли?

Представляется, что новыми подотраслями хозяйственного права могут быть следующие: инвестиционное, конкурсное, конкурентное, корпоративное, строительное право, право цифровой экономики, транспортное, торговое, энергетическое право.

К сожалению, многие из перечисленных тем до сих пор не включены даже в учебные программы учреждений высшего образования, не стали предметом кандидатских и докторских диссертаций и иных научных исследований. А ведь без научного сопровождения в указанных отраслях трудно рассчитывать на успешные и долговременные результаты. Такой вывод подтвержден неоднократно на протяжении веков.

Действующее законодательство вынужденно, на наш взгляд, избегает заслуживающих самого пристального внимания законодателя терминов «корпорация», «корпоративное управление» и всего, что связано с ними.

Из приведенных примеров (а их значительно больше: документы ООН и ВТО, подготовлен проект Закона об электроэнергетике, большое количество решений Коллегии Евразийской экономической комиссии, возможная подготовка Энергетического кодекса и т. д.) можно сделать следующие объективные выводы о необходимости продолжения реформирования хозяйственного права и отношения к нему:

а) современное хозяйство (сочетание общественных экономических, правовых, управленческих и цифровых оотношений) в его нынешнем и будущем состоянии остро нуждается в новых кадрах, в новых программах и схемах по их подготовке и переподготовке;

б) новое хозяйственное право не следует отождествлять лишь с прежним представлением о хозяйственном праве с его основными институтами (поставка, качество продукции и т. п.). Хозяйственное право XXI в. – это комплексное и системное научно-практическое понятие, являющееся по своей сути аудитом эффективности экономического развития страны;

в) хозяйственное право – это не только отрасль законодательства, но и самостоятельная отрасль юридической науки со своими специфическими предметом и методом, охватывающая с помощью механизмов правового регулирования несколько направлений деятельности в экономике. Они же являются его автономными подотраслями: инвестиционное, конкурсное, конкурентное, корпоративное, предпринимательское, торговое, транспортное, строительное право, право цифровой экономики. Оно непрерывно, динамично и оперативно совершенствуется, а потому требует постоянного мониторинга, анализа и исследования. Высшей аттестационной комиссии необходимо оперативно принимать паспорт по научной специальности 12.00.07 – «Хозяйственное право; корпоративное право; энергетическое право». Юридическому факультету БГУ необходимо подготовить новый учебник по хозяйственному праву, открыть аспирантуру для подготовки научных кадров;

г) хозяйственное законодательство включает в себя несколько десятков тысяч нормативных правовых и иных правовых актов, а потому нуждается в дальнейшей систематизации для удобства и эффективности применения. Формы и пути его структурирования (кодификация, консолидация, инкорпорация, электронная инкорпорация) необходимо изучать и обсуждать;

д) хозяйственное право как учебная дисциплина может, должно и будет востребовано еще больше студентами первой и второй ступени образования различных учреждений высшего и среднего специального образования. В том числе необходимо создать условия на базе юридического факультета БГУ, Академии управления при Президенте Республики Беларусь для руководителей исполкомов, организаций, для практикующих юристов и экономистов, представив хозяйственное право в виде конкретных модулей, способных при необходимости преобразовываться в экспериментальные магистерские программы по углубленному обучению правового регулирования существующих проблем применительно к конкретным отраслям экономики;

ж) хозяйственное право как наука должно больше заниматься научными исследованиями значительного количества существующих и новых теоретических, правотворческих, правоприменительных проблем сферы хозяйствования с целью научного прогнозирования, разработки практических рекомендаций по совершенствованию законодательства, судебной практики, а также по анализу действующих норм права на предмет их соответствия экономической действительности;

з) хозяйственное право нуждается в дальнейшем формировании его нового имиджа на межгосударственном, государственном, общественном и иных уровнях во всех его ипостасях: законодательства, отрасли права, науки, учебной дисциплины, правоприменения.

Потому давно пришла пора разобраться в комплексе правового сопровождении всех указанных видов экономико-хозяйственной деятельности и начать готовить высококвалифицированных юристов, готовых к профессиональной деятельности в условиях процесса глобализации, растущей в мире конкуренции, интенсивного экономического роста и несостоятельности, инновационности базовых отраслей и новых производств, современных систем управления и цифровизации.

Библиографические ссылки

1. Дойников И. В. Кризис либерально-цивилистической доктрины и современный этап кодификации российского законодательства // Предпринимат. право. 2009. № 1. С. 39–44.

2. Дойников И. В. Современный этап кодификации гражданского и предпринимательского законодательства: итоги и проблемы // Рос. судья. 2009. № 5. С. 21–28.

3. Довнар Ю. П. Понятие и правовая природа договора банковского вклада (депозита) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «Юрспектр». Минск, 2020.

А. А. Пилипенко
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ПРИКЛАДНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НАЛОГА НА ПРИБЫЛЬ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В процессе взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности и контролирующих органов достаточно часто возникают спорные вопросы при налогообложении прибыли. Одним из важнейших вопросов, связанных с данным видом налогообложения, является вопрос отнесения расходов на затраты, которые учитываются при исчислении налога на прибыль. Как отмечает И. А. Жестков, «требование об обоснованности затрат как обязательном условии для признания расходов в целях налогообложения сегодня является самым спорным с точки зрения юридической определенности данного понятия» [1, с. 56].

С 1 января 2017 г. Законом Республики Беларусь от 18 октября 2016 г. № 432-З «О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь» [2] изменены отдельные положения по вопросу определения затрат, учитываемых при налогообложении прибыли. Главной новацией в данном вопросе является введение понятия экономически обоснованных затрат, которые в соответствии с п. 1 ст. 169 Налогового кодекса Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З (далее – НК) [3] позволяют затраты по производству и реализации товаров (работ, услуг) идентифицировать как уменьшающие налоговую базу по указанному налогу.

Изначально следует отметить, что белорусский законодатель, не определив понятие и критерии экономически обоснованных затрат, в п. 4 ст. 169 НК предусмотрел, что такими не могут быть признаны расходы при наличии хотя бы одного из следующих критериев: фактически не поступил товар (нематериальные активы), не выполнены работы, не оказаны услуги, не переданы имущественные права; работы выполнены, услуги оказаны индивидуальным предпринимателем, являющимся одновременно лицом, состоящим в трудовых отношениях с плательщиком, и такие услуги, работы относятся к трудовым обязанностям такого лица; работы выполнены, услуги оказаны плательщику (за исключением акционерного общества) организацией (за исключением акционерных обществ), являющейся учредителем (участником) плательщика либо в отношении которой плательщик является учредителем (участником), если такие работы, услуги относятся к обязанностям работника, состоящего с плательщиком в трудовых отношениях. Определение данных критериев является реакцией государства на искусственное увеличение затрат субъектами предпринимательской деятельности в целях минимизации платежей по налогу на прибыль.

Приведенные в п. 4 ст. 169 НК необоснованные затраты не являются исчерпывающими в контексте определения затрат, не участвующих в налогообложении прибыли. Они являются таковыми только в контексте их непризнания экономически обоснованными и, соответственно, частным случаем исключения из налоговой базы при исчислении налога на прибыль. Во-первых, в соответствии с п. 1 ст. 169 НК критерий экономически обоснованных затрат однозначно находится в системной взаимосвязи с затратами по производству и реализации товаров (работ, услуг). При этом связь затрат с производством и реализацией товаров (работ) прослеживается в вышеуказанной норме. Во-вторых, определяя в ст. 173 НК перечень затрат, не учитываемых при налогообложении прибыли, законодатель оставляет его открытым в контексте указания в подп. 1.22 п. 1 на иные затраты, не связанные с производством и реализацией товаров (работ, услуг), имущественных прав. В данной норме также прослеживается связь затрат с производством и реализацией продукции (работ, услуг), имущественных прав. Таким образом, основными критериями, позволяющими учесть затраты при налогообложении прибыли, являются их непосредственная связь расходов с производством и реализацией товаров (работ, услуг), имущественных прав; экономическая обоснованность и надлежащее документальное оформление.

В правоприменительной деятельности расходы налогоплательщика будут экономически обоснованными только в том случае, если у налогового органа не возникнет вопросов по конкретным расходам. При этом расходы налогоплательщика, выражающие его частный интерес, как уменьшающие налогооблагаемую базу, всегда будут вызывать сомнение у контролирующих органов. Ссылка субъектов хозяйствования на то, что они понесли расходы, не поименованные в п. 4 ст. 169 НК, и, соответственно, могут быть признаны экономически обоснованными, будет нивелироваться требованиями налоговых органов доказать непосредственную связь таких расходов с производством и реализацией продукции (работ, услуг), имущественных прав. Соответственно, и далее на практике будут возникать ситуации по несовпадению понимания и выражения профессионального суждения субъектами предпринимательской деятельности по вопросу учета отдельных затрат при налогообложении прибыли. Представляется, что государство, введя в нормативную сферу налогообложения понятие экономически обоснованных затрат, должно идти по пути их критериального «наполнения», а не определения перечня таких затрат, которые налогоплательщик не может учесть при налогообложении прибыли. В связи с этим представляется актуальным обращение к опыту Российской Федерации.

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 252 Налогового кодекса Российской Федерации (ч. 2) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (далее – НК РФ) [4] расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты (а в случаях, предусмотренных ст. 265 НК РФ, – убытки), осуществленные (понесенные) налогоплательщиком. В свою очередь, в абз. 3 п. 1 ст. 252 НК РФ под обоснованными расходами понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме. В данном случае одна оценочная

категория «обоснованные затраты» интерпретируется через другую – «экономически оправданные затраты», и их общие признаки до настоящего времени не установлены практикой. Эта неопределенность приводила к тому, что налоговые органы достаточно часто трактовали положения ст. 252 НК РФ в русле отказа признавать уменьшение налогооблагаемой прибыли на расходы, которые не повлекли получение доходов в конкретном промежутке времени, что, в свою очередь, на практике порождало многочисленные споры, являющиеся предметом судебных разбирательств, и субъективный подход к оценке фактов, устанавливаемых в ходе судебных разбирательств. В связи с этим отдельные авторы категорически выступали против данного критерия. Например, В. Л. Сарибекян и Р. В. Карасева отмечают, что «Конституционному Суду РФ следовало бы признать критерий обоснованности (экономической оправданности) расходов неконституционным в силу неопределенности» [5, с. 41].

Судебная практика, как правило, вставала на сторону налогоплательщиков, приходя к выводу, что решающим условием для включения затрат в расходы по налогу на прибыль является их направленность на получение дохода, которая презюмируется нормой абз. 4 п. 1 ст. 252 НК РФ. В соответствии с данной нормой под расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода. Как отмечает К. А. Сасов, телеологическое толкование п. 1 ст. 252 НК РФ указывает на то, что «экономическая оправданность затрат» в совокупности с «оценкой затрат в денежной форме» является законным определением (раскрытием) понятия «обоснованные расходы» для целей гл. 25 НК РФ. По его мнению, синонимом термина «экономическая оправданность затрат» является «направленность затрат на извлечение прибыли» (в предпринимательских целях) [6, с. 34].

В то же время сложившаяся в Российской Федерации правоприменительная практика не смогла дать ответ на вопрос о том, какие критерии и механизмы должны применяться для оценки экономической оправданности тех или иных расходов налогоплательщика, что во многом и предопределило необходимость обращения соответствующих субъектов в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой о конституционно-правовом толковании ст. 252 НК РФ.

Пытаясь устранить субъективный подход к толкованию норм ст. 252 НК РФ, в Конституционный Суд РФ обратилась группа депутатов Государственной Думы РФ с запросом, который основывался на том, что положения абз. 2 п. 1 ст. 252 НК РФ (расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты (а в случаях, предусмотренных ст. 265 данного Кодекса, – убытки), осуществленные (понесенные) налогоплательщиком), а также абз. 3 п. 1 ст. 252 НК РФ (под обоснованными расходами понимаются экономически оправданные затраты, оценка которых выражена в денежной форме) не соответствуют ст. 8, 34, 25 и 55 Конституции РФ, поскольку являются неопределенными, содержат оценочные, дублирующие друг друга понятия, что ведет к произвольному их применению на практике и, как следствие, нарушению конституционных прав налогоплательщиков.

С жалобой в Конституционный Суд РФ обратилось также негосударственное некоммерческое образовательное учреждение «Институт управления», которое просило признать противоречащими ст. 1 (ч. 1), ст. 15 (ч. 1–3), ст. 19 (ч. 1 и 2) и ст. 57 Конституции РФ положения п. 1 ст. 252 НК РФ, касающиеся расходов для целей исчисления налога на прибыль организаций. Учитывая, что заявленные требования данного образовательного учреждения основывались на материалах проверки, осуществленной налоговым органом (инспекция Федеральной налоговой службы по г. Архангельску), мнение заявителя было более детально аргументированным. В частности, в жалобе указывалось, что, поскольку в действующем законодательстве отсутствуют определения понятий «экономически оправданные затраты» и «обоснованные затраты (расходы)», невозможно однозначным образом определить круг допустимых доказательств, т. е. сведений о фактах, на основании которых возможно установить наличие или отсутствие соответствующих обстоятельств, а именно экономической обоснованности (оправданности) расходов (затрат), осуществленных (понесенных) налогоплательщиком, в целях определения объекта налогообложения (налоговой базы) по налогу на прибыль организаций; это позволяет налоговым органам и арбитражным судам произвольным образом не признавать расходами в целях определения объекта налогообложения по налогу на прибыль организаций фактически осуществленные налогоплательщиками затраты, считать их экономически не оправданными, документально не подтвержденными и не связанными с деятельностью, направленной на получение доходов.

По запросу группы депутатов Государственной Думы Российской Федерации и вышеназванного образовательного учреждения 4 июня 2007 г. Конституционный Суд РФ принял два отказных определения [7; 8].

Конституционный Суд РФ признал положения абз. 2 и 3 п. 1 ст. 252 НК РФ не противоречащими Конституции РФ, фактически сохранив действующий режим учета расходов для целей исчисления налога на прибыль, а также дал их конституционно-правовое толкование. Орган конституционного правосудия пришел к выводу о допустимости использования в НК РФ оценочных понятий и указал, что наличие этих понятий само по себе не свидетельствует об их неопределенности; такие абстрактные нормы-принципы необходимы для эффективного применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций.

В мотивировочной части Определения от 4 июня 2007 г. № 320-О-П Конституционный Суд РФ отметил, что законодатель оправданно отказался от закрытого перечня затрат, которые могут быть учтены при расчете налоговой базы, имея в виду многообразие содержания и форм экономической деятельности и видов возможных расходов, что при детальном и исчерпывающем их нормативном закреплении приводило бы к ограничению прав налогоплательщиков, и предоставил налогоплательщикам возможность самостоятельно определять в каждом конкретном случае, исходя из фактических обстоятельств и особенностей их финансово-хозяйственной деятельности, относятся те или иные не поименованные в гл. 25 НК РФ (данная глава регулирует взимание налога на прибыль) затраты к расходам в целях налогообложения либо нет.

При условии избрания иной техники нормативного закрепления (т. е. полного, детального и исчерпывающего перечисления в НК РФ всех возможных видов расходов) это привело бы к ограничению прав налогоплательщика, поскольку в силу объективных закономерностей, обусловленных развитием технологий и научно-техническим прогрессом, налогоплательщики могли бы столкнуться с ситуацией несения расходов, которых нет в закрытом списке возможных затрат.

В гл. 25 НК РФ установлена определенная соотносимость доходов и расходов и связь последних именно с деятельностью по извлечению прибыли. Этот критерий прямо определен в абз. 4 п. 1 ст. 252 НК РФ как основное условие признания затрат обоснованными или экономически оправданными: расходами признаются любые затраты при условии, что они произведены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода (абз. 3 п. 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 320-О-П). При оценке обоснованности расхода принимаются во внимание именно намерения и цели деятельности, в рамках которой был произведен расход, связанный с получением дохода (прибыли), а не ее результат в виде получения дохода в контексте затруднительности (а часто и невозможности) его определения в результате осуществления тех или иных расходов, так как получение налогоплательщиком доходов является результатом совокупности его многофункциональных действий и осуществления комплекса различных расходов. Именно направленность расхода на получение дохода – центральное звено в конструкции обоснованности расхода.

Таким образом, как указывается в абз. 7 п. 3 мотивировочной части Определения Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 320-О-П, нормы, содержащиеся в абз. 2 и 3 п. 1 ст. 252 НК РФ, не допускают их произвольного применения, поскольку требуют установления объективной связи понесенных налогоплательщиком расходов с направленностью его деятельности на получение прибыли.

Следует отметить, что отдельные представители науки налогового права в своих исследованиях придерживаются аналогичной позиции в контексте дефинирования обоснованных затрат. Например, В. М. Зарипов предлагает под обоснованными затратами понимать любые затраты (за исключением указанных в ст. 270 НК РФ) при условии, что они понесены для осуществления деятельности, направленной на получение дохода [9, с. 10]. Аналогичную позицию высказывает белорусский исследователь А. А. Касач [10, с. 165].

Такой же позиции придерживается и Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, указавший в постановлении от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее – постановление № 53) [11], что обоснованность расходов, учитываемых при расчете налоговой базы, должна оцениваться с учетом обстоятельств, свидетельствующих о намерениях налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или экономической деятельности. При этом речь идет именно о намерениях и целях (направленности) данной деятельности, а не о ее результате, что осно-

вывается на презумпции экономической оправданности совершенных налогоплательщиком операций и понесенных по этим операциям затрат.

Более того, на наш взгляд, наряду с критерием доходной направленности расходов при определении экономической оправданности затрат должен приниматься во внимание и другой критерий обоснованности расходов – их необходимость для налогоплательщика в контексте направленности на обеспечение организационно-инфраструктурной деятельности организации, предусматривающей достаточно большое количество расходов, напрямую не связанных с производством и реализацией продукции. Главным условием для признания данных затрат обоснованными и отнесения их к расходам в русле определения налоговой базы по налогу на прибыль является их важность и значимость для осуществления нормальной финансово-экономической и производственной деятельности налогоплательщика. В связи с этим следует согласиться с Д. М. Щекиным, который отмечает что «на основании критерия экономической оправданности затрат формируется система налоговых отношений, при которой сотрудники налогового органа начинают следить за рациональностью затрат компании, что явно противоречит свободе предпринимательской деятельности и принципу возложения предпринимательского риска на сами субъекты предпринимательской деятельности» [12, с. 211].

Согласно п. 1 постановления № 53 действия налогоплательщиков, имеющие своим результатом получение налоговой выгоды, экономически оправданны. Таким образом, доказывать необоснованность расходов налогоплательщика обязаны налоговые органы, что должно привести к уменьшению количества заявлений со стороны налоговых инспекторов о признании тех или иных затрат компаний экономически неоправданными исходя из количественно-качественного аспекта сбора доказательств для аргументации своего заявления в суде.

Из Определения Конституционного Суда РФ от 4 июня 2007 г. № 320-О-П следует вывод о том, что суды компетентны устанавливать только объективную связь расходов налогоплательщика с направленностью его деятельности на получение прибыли, но не должны выявлять наличие в ней рациональности или деловых просчетов и оценивать полученный результат деятельности или экономическую эффективность понесенных предпринимателем затрат. Эти факторы связаны с предпринимательским риском, и в силу принципа свободы экономической деятельности, закрепленного в п. 1 ст. 8 Конституции РФ, за налогоплательщиком должно сохраняться право выбора методов ее осуществления, оценки ее эффективности и целесообразности, в том числе принятия решений о необходимости несения затрат и расходов для достижения поставленных целей. По смыслу правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П [14], судебный контроль призван обеспечивать защиту прав и свобод акционеров, а не проверять экономическую целесообразность решений, принимаемых советом директоров и общим собранием акционеров, которые обладают самостоятельностью и широкой дискрецией при принятии решений в сфере бизнеса. В силу рискового характера предпринимательской деятельности существуют объективные пределы в возможности судов выявлять наличие в ней деловых просчетов.

В предпринимательской деятельности возможны ошибки и просчеты, принятие неверных управленческих решений и т. п. Наличие убытков в целом по налогоплательщику или по сделке, низкая рентабельность не могут быть основаниями для признания затрат необоснованными. Конституционный Суд РФ фактически подтвердил право налогоплательщика на признание затрат по убыточным операциям, произведенным с целью получения прибыли.

Представляется, что в настоящее время можно вести речь о следующих критериях (подходах), позволяющих идентифицировать затраты как экономически обоснованные, которые должны найти отражение как в законодательстве Республики Беларусь, так и в правоприменительной практике:

– обоснованность расходов, учитываемых при расчете налоговой базы, должна оцениваться с учетом обстоятельств, свидетельствующих о намерениях налогоплательщика получить экономический эффект в результате реальной предпринимательской или иной экономической деятельности. При этом речь идет именно о намерениях и целях (направленности) деятельности, а не о ее результатах;

– отсутствие прибыли в налоговом периоде, возникновение убытка от деятельности, неполучение прибыли по отдельным договорам и другие подобные обстоятельства не свидетельствуют об экономической необоснованности затрат. Расходы налогоплательщика должны соотноситься с характером его деятельности, а не с получением прибыли;

– в полномочия налоговых органов, действующих исходя из принципа законодательного закрепления их компетенции, входит лишь контроль за соблюдением налогоплательщиками законодательства о налогах и сборах, а не вменение им доходов (оценка расходов) на основе собственного видения способов достижения налогоплательщиками экономического результата с меньшими затратами;

– со стороны налоговых органов не должны выявляться в осуществляемой налогоплательщиком деятельности рациональность, деловые просчеты и целесообразность принятия управленческих решений. Данные критерии финансово-хозяйственной деятельности вправе оценивать лишь налогоплательщик, поскольку он осуществляет деятельность самостоятельно и на свой риск.

Библиографические ссылки

1. Жестков И. А. Расходы по налогу на прибыль организаций: финансово-правовые аспекты : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.04. Саратов, 2014.

2. О внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 окт. 2016 г., № 432-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Электронный ресурс] : Кодекс Рос. Федерации, 5 авг. 2000 г., № 117-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2020.

5. Карасева Р. В., Сарибекян В. П. Экономическая оправданность расходов: правовая позиция Конституционного Суда РФ // Налоговые споры: теория и практика. 2008. № 6. С. 40–43.

6. Сасов К. А. Экономическая оправданность затрат на приобретение возмездных услуг // Налоговые споры: теория и практика. 2006. № 8. С. 34–38.

7. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 4 июня 2007 г., № 320-О-П // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2020.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы негосударственного некоммерческого образовательного учреждения «Институт управления» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 1 статьи 252 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституц. Суда Рос. Федерации, 4 июня 2007 г., № 366-О-П // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2020.

9. Зарипов В. М. Расходы и затраты: понятия нуждаются в уточнении // Налоговая политика и практика. 2007. № 7. С. 8–11.

10. Касач А. А. Дискуссионные вопросы определения затрат в целях исчисления налога на прибыль // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экон. и юрид. науки. 2012. № 13. С. 163–168.

11. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации, 12 окт. 2006 г., № 53 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2020.

12. Щекин Д. М. Налоговые риски и тенденции развития налогового права. М., 2007.

13. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 24 февр. 2004 г., № 3-П // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2020.

КАФЕДРА ГРАМАДЗЯНСКАГА ПРАВА

Ф. И. Гавзе
(1897–1990)
доктор юридических наук

ДОГОВОР ПО ГРАЖДАНСКОМУ КОДЕКСУ[1]

I

Обязательственное право или, вернее, обязательства, вытекающие из договоров, покоятся на экономической основе – на характерных для современной экономики моментах сотрудничества и разделения труда. Увеличению национального богатства и развитию производительных сил способствует не столько наличие предметов и сил природы, подвергающихся обработке для приспособления их к удовлетворению человеческих потребностей, сколько самый труд, вложенный в изготовление благ и в перенесение их в то место, где ощущается в них потребность.

В нашу эпоху производство благ не является актом индивидуального труда человека над вещью, добытой им лично, без помощи других. В своей деятельности над созданием благ, в чем бы они ни заключались, каждый член общества сталкивается с целым рядом других членов общества, совершая с ними целый ряд сделок, т. е. вступая с ними в обязательственные отношения. Нечего и говорить, что то же самое относится и к деятельности по обращению благ.

Гражданский оборот, созданный на этой основе, породил обязательственное право, которое также должно отражать в себе характерные моменты современной хозяйственной деятельности. Вполне понятно поэтому, почему обязательственное право состоит большей частью из диспозитивных, восполняющих волю договаривающихся сторон норм. Свобода договора – это характерный основной момент обязательственного права капиталистической эпохи.

В эпоху социалистического хозяйства при отсутствии вещного и наследственного права право обязательственное будет представлять собою все «граж-

[1] Друкуецца паводле: *Гавзе Ф. И.* Договор по гражданскому кодексу // Еженедельник совет. юстиции. 1923. № 13. С. 290–292.

данское» право, которое явится тогда составной частью публичного права[1]. В нашу же переходную эпоху существующему в известных пределах гражданскому обороту, регулируемому государством, соответствует обязательственное право, проникнутое публично-правовым началом.

II

Основой обязательственного права является договор.

Посмотрим, как изменяется понятие договора в связи с проникновением в этот основной юридический акт публично-правового начала.

«Свобода договора» в наиболее чистом виде характеризуется следующими моментами:

1) договор есть свободное соглашение воль;

2) объектом договора может быть любой предмет или действие;

3) условия договора всецело определяются волей сторон;

4) форма заключения договора всецело зависит от усмотрения сторон;

5) расторжение договора может произойти лишь по требованию одной из сторон;

6) последствия невыполнения договора, если они оговорены в самом договоре, не могут быть изменены судебным органом, и, наконец,

7) ответственность за невыполнение договора должна быть чисто гражданской.

Большинством указанных моментов и характеризуется Кодекс Наполеона, который, например, не устанавливает даже публичности актов передачи прав собственности недвижимости.

Все европейские законодательства устанавливают определенные ограничения при заключении договора, касающиеся как формы заключения его (в особенности при передаче прав собственности на недвижимость), так и условий (недопустимы, например, ростовщические проценты), объекта и цели[2] договора. Наконец, Германское гражданское уложение в ст. 138 прямо объявляет ничтожной сделку, заключенную стороной вследствие нужды на явно невыгодных для нее условиях.

Существование этих ограничений, и притом ограничений, являющихся часто уступками со стороны господствующего класса, станет для нас вполне ясным, если мы примем во внимание: 1) что в капиталистическую эпоху существует определенная общественная зависимость интересов социальных групп друг от друга и 2) что право – результат борьбы классов. Но наше право, естественно, пошло дальше всех буржуазных законодательств. Прежде всего, надо указать на то, что у нас чрезвычайно увеличилось число обязательных договоров, т. е. таких договоров, которые далеко не являются свободным соглашением двух воль. Обязательное социальное страхование, страхование имущества, обязательное заключение сельским обществом коллективных договоров по содержанию школ – все

[1] Я не затрагиваю вопроса, будет ли в социалистическую эпоху право письменным или устным, будет ли оно основано на принуждении или нет. – *Ф. Г.*

[2] «Цель его (договора) должна быть непротивна законам, благочинию и общественному порядку» (X том «Свода законов», ст. 1528).

это различные проявления основной тенденции: создать в публично-правовом порядке определенные договорные отношения между членами общества.

Проникновение публично-правового начала в обязательственное право проявляется и в том, что строго установлена определенная форма заключения договоров. Статья 136 Гражданского Кодекса устанавливает общее правило, что договор на сумму свыше 500 руб. золотом должен быть совершен в письменной форме. Статья 153 требует совершения в письменной форме договоров о найме имущества на срок свыше одного года, даже если сумма договора меньше 500 руб. Договор займа, согласно ст. 211 Кодекса, должен быть заключен в письменной форме, если превышает сумму в 50 руб. Также должны быть совершены в письменной форме договоры поручительства и доверенности, причем для договора доверенности устанавливается обязательность нотариального засвидетельствования. В порядке нотариального засвидетельствования, под страхом недействительности их должны быть совершены договоры дарения на сумму свыше 1000 руб. золотом и договоры по отчуждению строений.

Если объектом договора между частными лицами может явиться любой предмет, не изъятый из частного оборота, то условия, на которых договор заключен, далеко не всецело зависят от воли сторон. И тут воля договаривающихся ограничена во многих случаях законом, например, договор найма имущества ограничен двенадцатилетним сроком; в договоре простого товарищества «недействительно соглашение, которым отменяется или ограничивается право на заявление отказа от участия в товариществе» (ст. 291 Гражданского Кодекса); ограничены также права наймодателя при заключении им договора с трудящимся (ст. 156 и 166 Гражданского Кодекса).

Но важнее всего статья 33 общей части Гражданского Кодекса, которая имеет силу по отношению ко всем договорам и гласит: «когда лицо под влиянием крайней нужды вступило в явно невыгодную для себя сделку, суд… может либо признать сделку недействительной, либо прекратить ее на будущее время». При пролетарском суде, целью которого является защита интересов трудящихся, эта статья, несомненно, будет широко использована в пользу трудящихся. ВЦИК еще до издания Гражданского Кодекса показал пример применения этого принципа, объявив недействительными все кабальные сделки на хлеб («Собрание Узаконений» 1922 г. № 43. Ст. 515).

Эта же статья Гражданского Кодекса отвергает еще один момент теории «свободы договоров», который говорит, что расторжение договора может произойти лишь по требованию одной из сторон. В случае, указанном в ст. 33 Гражданского Кодекса, суд может постановить о признании договора недействительным не только по требованию потерпевшей стороны, но и по требованию «надлежащих государственных органов и общественных организаций». К первым надлежит, конечно, отнести и судебные органы.

Суд не должен также строго придерживаться условий договора при разрешении вопроса о последствиях невыполнения его. Статья 123 дает суду право, независимо от условия договора, определить порядок взыскания присужденного кредитору с должника вознаграждения за невыполнение договора или просрочку в исполнении его, причем главную роль при решении вопроса играет имущественное положение должника. Суд даже имеет право по просьбе долж-

ника уменьшить неустойку, если она чрезмерно велика по сравнению с действительными убытками кредитора.

Заканчивая анализ вопроса о «свободе» договоров между частными лицами, мы не можем не указать еще на один чрезвычайно характерный момент нашего «договорного права».

Статьями 147, 149 и 150 Гражданского Кодекса установлено, что в случае признания договора недействительным, как приносящего ущерб государству, противозаконного или совершенного под влиянием обмана, насилия, угроз или под давлением нужды, неосновательное обогащение, полученное стороной, взыскивается в доход государства. Нужно ли более яркое проявление проникновения публично-правового начала в «чисто гражданские» с точки зрения буржуазного права правоотношения?

III

Мы намеренно не затрагивали вопроса о характере договорных взаимоотношений между государственными лицами. Если мы обратимся к анализу «договорного права» госорганов, то легко заметим, что от теории свободы договора остаются рожки да ножки.

1. Объектом договора может быть далеко не всякий объект, находящийся в собственности государственного органа. Декретом об аренде госпредприятий более или менее точно определено, какие предприятия могут сдаваться в аренду, причем в каждом отдельном случае высшие органы – губсовнархозы или ВСНХ – должны дать разрешение или утвердить договор на сдачу в аренду предприятия[1]. Договоры об отчуждении имущества, изъятого из оборота, возможны лишь при негодности этих имуществ и регулируются особыми правилами (примечание к ст. 22 Гражданского Кодекса).

2. Условия договора во многих случаях точно указаны в законе, например договор о застройке (ст. 71, устанавливающая срок; ст. 73–76 и др.), об имущественном найме (ч. 3 ст. 153, ст. 162, примечание к ст. 168 и др.), договор о подряде или поставке для государственного учреждения и т. д.

3. Форма заключения договоров между госорганами и частными лицами еще более предусмотрена, чем при заключении таковых между гражданами, причем весьма часто требуется засвидетельствование или даже совершение таковых в нотариальном порядке.

4. Ответственность за невыполнение договоров не всегда гражданская.

Статья 130 Уголовного Кодекса устанавливает в определенных случаях уголовную ответственность за невыполнение договоров даже в случаях, если авансы были возвращены до срока.

Все это нас заставляет предполагать, что договоры между государственными органами и частными лицами являются далеко не свободным соглашением воль, а скорее публично-правовым актом. Да это и понятно. Стремление советской власти регулировать гражданский оборот более всего должно проявиться в той его области, где в нем принимает участие государственное хозяйство.

Допущение договорных взаимоотношений между госорганами и частными лицами означает, что хозяйственная связь государственных предприятий

[1] «Предприятия, намеченные ВСНХ к сдаче в аренду, обсуждаются и утверждаются губпрофсоветами» (из инструкции ВСНХ по применению постановления СНК от 5 июля 1921 г.).

и частных лиц признана желательной с точки зрения развития государственного хозяйства. Для того чтобы эта точка зрения оправдалась в действительности, необходимо государству создать ряд гарантий, что достигается введением ряда императивных (принудительных) норм как в договорное право вообще, так и в отдельные типы договоров в частности. Этим же и объясняется большая связанность граждан при заключении договоров между собою по поводу находящейся в их пользовании государственной собственности (договоры по аренде земли, по передаче прав на арендное предприятие и т. д.).

В заключение считаем нужным отметить, что трудовой договор, который мы не затрагиваем, ибо он относится к Кодексу законов о труде, также совершенно отрицает свободу договоров. Этот чрезвычайно интересный вид договора надлежит осветить обстоятельно и отдельно от «договора по Гражданскому Кодексу».

В. Н. Годунов
доктор юридических наук

М. В. Мещанова
кандидат юридических наук

Е. А. Салей
кандидат юридических наук

Д. Д. Ландо
кандидат юридических наук

КОДИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Приступая к анализу состояния и перспектив кодификации гражданского законодательства Республики Беларусь, отметим, что в научных кругах весьма дискуссионным является само понятие «кодификация» и его привязка к законодательству и праву. Так, К. Е. Сигалов считает, что кодификация является высшей формой систематизации права, самостоятельной и основной формой совершенствования законодательства, поскольку в ходе подготовки и принятия кодификационного акта происходит внутренняя и внешняя переработка действующего законодательства [1, с. 35].

Следует обратить внимание на тот факт, что кодификационный акт призван обладать внутренним единством. Известный французский ученый профессор Реми Кабрияк (Rémy Cabrillac), изучивший с позиций цивилистической науки процесс кодификации, отмечает, что «кодификация предстает

в качестве деятельности по приданию правовым нормам такой формы, в которой они становятся единым целым» [2, с. 108–109]. Д. А. Медведев полагает, что «цель кодификации состоит в обеспечении единого, упорядоченного нормативного регулирования определенного вида отношений, в результате которого имеет место системное развитие законодательства в определенной сфере» [3, с. 5–6].

Республика Беларусь, в отличие от ряда иных европейских государств (например, Нидерландов, Румынии), не стоит на позициях монистической концепции частного права, т. е. в нашем законодательстве не существует единого кодифицированного акта в сфере частноправового регулирования. Основополагающую роль в указанной сфере, несомненно, играет Гражданский кодекс Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК Беларуси), но кодифицированное частноправовое регулирование содержится в том числе в Кодексе о браке и семье Республики Беларусь 1999 г. (далее – КоБС), Кодексе торгового мореплавания Республики Беларусь 1999 г. (далее – КТМ), Трудовом кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – ТК). В таких условиях нередко возникает вопрос о том, что представляет из себя «определенный вид отношений», системное и единое регулирование которого должен обеспечить кодифицированный акт частноправовой направленности, а также стоит ли вводить новые кодификации в систему частного права Республики Беларусь.

Научные дискуссии о кодификации частного права и гражданского законодательства, ее значении ведутся уже на протяжении более чем столетия. А. В. Венедиктов подчеркивал, что именно выработка системы построения Гражданского кодекса является началом развития гражданского законодательства, определяющим круг отношений, входящих в сферу действия гражданского законодательства, и устанавливающим границы самого гражданского права [4, с. 26].

Не менее значимым является вопрос о роли и значении ГК как акта отраслевой кодификации в конкретно взятом государстве. Известнейший российский ученый В. Ф. Яковлев в привязке к оценке действующего ГК Российской Федерации писал о том, что его принятие (1994–2006) есть событие, которое, наряду с принятием Конституции (1993) и формированием новой судебной системы (1992) создало основу правовой системы современной России [5]. Идея основополагающей роли ГК пронизывает работы авторитетного украинского ученого-цивилиста академика Н. С. Кузнецовой, которая отмечает: «ГК любой страны отражает ценности конкретного общества, дает возможность определить идеологическую и имущественную основу, на которой это общество планирует строить свое развитие и свое будущее», «ГК является не только основным актом гражданского законодательства, но и основой для всей системы частного права, кодексом жизни всего гражданского общества» [6, с. 241].

В дальнейшем мы будем говорить о кодификации как виде систематизации законодательства, опираясь на легальное определение, в соответствии

с которым под кодификацией понимается вид систематизации нормативных правовых актов, сопровождающейся переработкой установленного ими правового регулирования общественных отношений путем объединения нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт, содержащий систематизированное изложение нормативных правовых предписаний, направленных на правовое регулирование определенной области общественных отношений (ч. 2 п. 2 ст. 72 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах»). Традиционной формой отраслевой кодификации выступает кодекс.

ГК Беларуси 1998 г. – первая кодификация гражданского законодательства Республики Беларусь как независимого государства. Профессор В. Ф. Чигир, член рабочей группы по разработке ГК, указывал: «Гражданский кодекс Республики Беларусь, в принципе, призван урегулировать все общественные отношения, входящие в предмет гражданского права, и является базой для развития всего текущего гражданского законодательства на территории Республики Беларусь» [7, с. 65].

Будучи принятым в целом одномоментно в 1998 г., ГК Беларуси вступил в действие по общему правилу с 1 июля 1999 г. В связи с этим национальная гражданско-правовая кодификация представляет собой единый закон, презюмируемо закладывающий основы гражданско-правового регулирования. В отличие от Республики Беларусь такие государства, как, например, Российская Федерация, Республика Казахстан, осуществляли поэтапную кодификацию, в связи с чем в этих государствах встал вопрос относительно единства ГК. Доктор юридических наук О. В. Староверова дает отрицательный ответ на данный вопрос, «ибо всякая часть ГК РФ (часть первая, часть вторая, часть третья, часть четвертая) представляет отдельный нормативный акт, а именно федеральный закон» [8, с. 243]. Такой точки зрения в отношении вопроса о целостности ГК Казахстана придерживается и казахстанский ученый С. И. Климкин [9].

Гражданский кодекс Беларуси был разработан на базе Модельного гражданского кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств, одобренного Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ в 1994–1996 гг. (далее – Модельный ГК), построенного по пандектной системе с классическим разделением на Общую и Особенную части. Указанный акт стал основой национальных гражданских кодексов ряда государств бывшего Советского Союза (Кыргызской Республики, Республики Армения, Республики Казахстан, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Российской Федерации). Вместе с тем изначально ГК Беларуси не совпадал с гражданскими кодексами отдельных государств по ряду принципиальных моментов, в первую очередь относительно ключевого вопроса о месте ГК в системе национального законодательства.

Проблематика определения места ГК в системе гражданского законодательства исследовалась белорусскими авторами [10]. Особенность заключается

в том, что ГК не обладает высшей юридической силой при регулировании гражданских отношений и является лишь одним из законодательных актов первого уровня системы гражданского законодательства. Такой подход отражает специфику национальной системы законодательства в целом, которая значительно усложнена по сравнению с общепринятыми в рамках континентальной системы права традиционными подходами, поскольку обязывает учитывать соответствие не только между актами первого и второго уровня системы (иными актами гражданского законодательства, которые должны соответствовать законодательным актам), но и между актами первого уровня системы, представленными в соответствии со ст. 3 ГК Беларуси Конституцией Республики Беларусь, законами, включая кодифицированные, декретами и указами Президента Республики Беларусь.

Определяя соотношение между законами, отметим, что со вступлением в силу с 1 февраля 2019 г. нового Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» из законодательства исключена норма, согласно которой ГК имел большую юридическую силу по отношению к другим кодексам и законам, содержащим нормы гражданского права. Фактически указанная норма, содержавшаяся в ст. 10 ранее действовавшего Закона Республики Беларусь от 10 января 2000 г. «О нормативных правовых актах», не применялась и в период его действия, вместе с тем создавала как минимум имиджевый статус ГК как «экономической конституции». Согласно п. 2 ст. 3 ГК Беларуси нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК.

Не углубляясь в теоретические рассуждения о соотношении ГК и единоличных актов главы государства, констатируем лишь, что в соответствии с белорусским законодательством ГК должен соответствовать принятым Президентом Республики Беларусь временным декретам и указам. В настоящее время такое положение ГК Беларуси в системе гражданского законодательства не оспаривается правоприменительной практикой и весьма однозначно отражено в постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 1999 г. № 16 «О применении норм Гражданского кодекса Республики Беларусь, регулирующих заключение, изменение и расторжение договоров», согласно которому «декрет или указ Президента Республики Беларусь, изданные не в связи с предоставленными законом полномочиями на их издание и имеющие расхождения с ГК или другим законом, должны применяться хозяйственными судами как акты более высокой юридической силы по отношению к ГК или другому закону независимо от даты вступления в силу указа или декрета» (п. 1). Для сравнения, ГК Российской Федерации (п. 3 ст. 3) прямо определяет, что гражданские отношения могут регулироваться также указами Президента Российской Федерации, которые не должны противоречить настоящему Кодексу и иным законам. Согласно п. 2 ст. 3 ГК Казахстана «нормы гражданского права, содержащиеся в законода-

тельстве Республики Казахстан и противоречащие нормам настоящего Кодекса, могут применяться только после внесения в Кодекс соответствующих изменений». Аналогичный подход закреплен в ГК Украины, в соответствии со ст. 4 которого «основным актом гражданского законодательства Украины является Гражданский кодекс Украины» (п. 2). «Если субъект права законодательной инициативы подал в Верховный совет Украины проект закона, который регулирует гражданские отношения иначе, чем этот Кодекс, он обязан одновременно подать проект закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Украины. Поданный законопроект рассматривается Верховным советом Украины одновременно с соответствующим проектом закона о внесении изменений в Гражданский кодекс Украины» (п. 4 ст. 4).

Оценивая столь специфичное положение ГК в системе гражданского законодательства, считаем, что совершенствование указанной системы изначально должно основываться на легальном закреплении основополагающей роли ГК как закона, обладающего высшей юридической силой по отношению к иным нормативным правовым актам, в том числе декретам и указам. Подобное предложение относительно общей системы белорусского законодательства высказано членом-корреспондентом НАН Беларуси Г. А. Василевичем [11, с. 52].

С момента принятия ГК прошло более 20 лет. За этот период ГК более 60 раз подвергался изменениям, носящим разную степень глубины и обоснованности, при этом структура и система ГК сомнению не подвергались. Фактически стало традицией вносить изменения и дополнения в ГК не менее двух раз в год, причем могло быть и несколько законов в рамках одной сессии парламента, что ярко демонстрировало ведомственную направленность соответствующих изменений. При этом еще в 2016 г. появились официальные рекомендации, направленные на стабилизацию нормотворческой активности. В соответствии с распоряжением Премьер-министра Республики Беларусь, Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Председателя Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, Главы Администрации Президента Республики Беларусь, Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь от 25 марта 2016 г. № 22ра/113р/19/4/53рсб «О повышении качества законопроектной деятельности» (п. 5.3) было установлено, что законы должны корректироваться, как правило, не чаще одного раза в два года, внесение изменений в кодексы при необходимости может осуществляться не чаще одного раза в год. В новом Законе Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» в качестве меры по обеспечению стабильности правовой системы в качестве общего правила предусмотрено, что изменения в нормативные правовые акты могут вноситься не ранее, чем через год после их принятия (ст. 35). Очевидно, что подобное ограничение неспособно обеспечить стабильность регулирования на уровне основного кодифицированного акта гражданского законодательства.

По результатам анализа вносимых изменений можно выделить самые нестабильные нормы, институты и подотрасли ГК Беларуси. К таковым, в частно-

сти, может быть отнесена ст. 1, которая в действующей редакции существенно отличается как от базовой модели, так и от аналогичных статей ГК государств, изначально строивших свои кодексы на основе Модельного ГК. Статья 1 ГК Беларуси «Отношения, регулируемые гражданским законодательством» подвергалась изменениям и дополнениям 10 раз. В настоящей публикации мы не будем давать критическую оценку внесенным изменениям и рассуждать, в частности, о целесообразности или нецелесообразности закрепления в ст. 1 перечня видов деятельности, не относящейся к предпринимательской, с корректировкой которого преимущественно и связаны такие изменения. При этом обратим внимание на то, что до сих пор на уровне ГК не закреплены критерии квалификации отношений в качестве гражданских, хотя в последней части п. 1 данной статьи отсылка к признакам таковых имеет место. В контексте стремительно развивающихся общественных отношений, когда право порой не успевает за динамикой развития общества и экономики, этот вопрос приобретает исключительно важное прикладное значение, на что уже обращалось внимание, в частности в докладе Е. А. Салей в рамках работы международного круглого стола «20 лет Гражданскому кодексу Республики Беларусь: взгляд в будущее» (5 ноября 2019 г.).

Среди институтов Общей части ГК Беларуси самым нестабильным, как показывает статистика, оказался блок «Юридические лица». Многочисленным изменениям подверглись нормы даже базовых статей: ст. 44 ГК «Понятие юридического лица» изменялась шесть раз, ст. 46 «Коммерческие и некоммерческие организации» – восемь раз. Из четырех общепризнанных подотраслей, в совокупности составляющих особенную часть ГК, наибольшему количеству изменений, естественно, подверглась подотрасль «Обязательственное право»; наименьшим изменениям с момента принятия – подотрасль «Наследственное право». Как составная часть ГК практически нетронутым оказался разд. 7 «Международное частное право», который подвергался незначительным, преимущественно техническим, корректировкам.

Продолжая заниматься статистическим анализом, мы обратились еще к одному весьма актуальному вопросу, характеризующему состояние гражданской кодификации, а именно вопросу о соотношении императивных и диспозитивных норм, содержащихся в ГК Беларуси. Конечно же, само по себе признание нормы в качестве императивной или диспозитивной – это вопрос выбора подхода к оценке такого явления, который невозможно отделить от традиции правоприменения. Мы традиционно говорим о том, что диспозитивность метода гражданско-правового регулирования является отличительной чертой гражданского права, тем самым презюмируя не только роль и значение диспозитивных норм, но и их превалирующее количество. В Российской Федерации однозначно закладывается презумпция диспозитивности гражданско-правовой нормы, что было подтверждено, в частности, принятым еще в 2014 г. постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда

Российской Федерации № 16 «О свободе договора и ее пределах», в котором содержатся следующие важные положения: «…норма, определяющая права и обязанности сторон договора, является императивной, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия договора, отличного от предусмотренного этой нормой правила (например, в ней предусмотрено, что такое соглашение ничтожно, запрещено или не допускается)… При возникновении спора об императивном или диспозитивном характере нормы, регулирующей права и обязанности по договору, суд должен указать, каким образом существо законодательного регулирования данного вида договора, необходимость защиты соответствующих особо значимых охраняемых законом интересов или недопущение грубого нарушения баланса интересов сторон предопределяют императивность этой нормы либо пределы ее диспозитивности».

С учетом сложившихся национальных традиций правоприменители до сих пор преимущественно основываются на формальном подходе, прямом допущении изменения легально закрепленного правила поведения соглашением сторон. При подсчетах получилось, что даже самая «демократичная» часть гражданского права, основанная на принципе свободы договора, – договорное право (подразд. 2 разд. 3 «Общие положения о договоре» и разд. 4 «Отдельные виды обязательств» (главы 30–54 ГК)) – более чем на 80 % состоит из формально императивных норм. Вместе с тем такая констатация не означает, что законодатель должен броситься пересматривать нормы, добавляя в них «если иное не предусмотрено соглашением сторон». Важно не только принятие диспозитивности как характеристики метода гражданского права, но и осознание его как принципа гражданско-правового регулирования, тем более что правовая основа именно такого восприятия в ГК заложена изначально. В ст. 2 ГК Беларуси «Основные начала гражданского законодательства» закрепляется, что участники гражданских правоотношений «свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении *любых* не противоречащих законодательству условий договора».

В настоящее время ГК Беларуси подвергается сквозному сущностному пересмотру, итог которого ожидается к концу 2020 г. Официальной отправной точкой к такому пересмотру стал Указ Президента Республики Беларусь от 10 января 2018 г. № 9 «Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2018 год».

Направления совершенствования ГК Беларуси при этом были определены следующим образом:

• *учет практики применения*. Стоит заметить, что мы нередко сталкиваемся с весьма противоречивыми подходами правоприменителей к толкованию действующего законодательства. С одной стороны, превалирует буквальное толкование, порой не учитывающее природу и функциональное целевое назначение правовой нормы или правового явления. В частности, как было показано выше, это проявляется в определении границ диспозитивного поведения участников

гражданского правоотношения, основывающемся на абсолютизации критерия «если иное не предусмотрено соглашением сторон». С другой стороны, в отдельных случаях наблюдаются изменения кардинального характера в толковании института при отсутствии каких-либо объективных правовых предпосылок, что, например, произошло в отношении признания допустимости использования к предварительному договору такого способа обеспечения исполнения обязательств, как задаток (вывод из решений суда, изменивших практику: законодательство не содержит положений, запрещающих обеспечение задатком предварительного договора);

• *закрепление новых институтов гражданского права*. Это в первую очередь связано со вступлением в действие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8), названного в качестве беспрецедентного (как минимум на территории восточноевропейского и постсоветского пространства) [12, с. 67–68]. Предметом правового регулирования Декрета № 8 явились общественные отношения в сфере высоких технологий, рассчитанные на применение с участием специального субъектного состава таких отношений – резидентов Парка высоких технологий (ПВТ). Вместе с тем новые для Беларуси институты и явления, такие как опцион, конвертируемый заем, изначально планировалось использовать как универсальные, что предполагает расширение сферы правового регулирования через ГК. Кроме того, отдельные устоявшиеся и воспринимаемые как традиционные положения ГК вступают в противоречие с нормами уже действующего Декрета № 8 (например, это касается допустимости безотзывных и бессрочных доверенностей), что, соответственно, предполагает корректировку положений ГК;

• *унификация гражданского законодательства государств – членов Евразийского экономического союза*, что является общей тенденцией совершенствования белорусского законодательства. В этом ключе существенное влияние оказывает опыт российских коллег по реализации принятой еще в 2008 г. Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Е. А. Суханов, давая оценку реформе ГК РФ в рамках работы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию профессора В. Ф. Чигира (Минск, 4–5 ноября, 2014 г.), обращал внимание на то, что, по существу, Концепцией были определены три основных направления работы: 1) совершенствование гражданско-правового оформления отношений собственности (вещное право); 2) уточнение статуса юридических лиц (корпоративное право); 3) учет накопленной судебной практики (в значительной мере касающейся обязательственного права) [13, с. 227].

Созданная Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь рабочая группа, в которую вошли в том числе представители научного цивилистического сообщества заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета БГУ доцент М. В. Мещанова и доцент

Е. А. Салей, работала в весьма интенсивном режиме. Летом 2018 г. на публичное обсуждение был представлен проект Закона «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Вместе с тем как количество, так и сущностное содержание корректировок ГК Беларуси не позволили доработать проект до варианта, готового к принятию. В Плане подготовки законопроектов на 2019 г. (Указ Президента Республики Беларусь от 4 января 2019 г. № 4) совершенствование ГК при сохранении тех же задач также было определено как направление законотворческой деятельности.

Пересмотр гражданских кодексов в настоящее время характерен для многих постсоветских государств. Закономерно возникает вопрос, что по сути представляет из себя данный процесс. Реформирование (именно с этим термином в литературе чаще всего связывается реализация Концепции развития гражданского законодательства в Российской Федерации), модернизация (процесс обновления ГК Молдовы), рекодификация (как стратегическое направление пересмотра ГК Украины), реновация (термин, в последнее время используемый в Беларуси) – вопрос неоднозначный. В рамках Рекомендаций Научно-консультативного совета при Президиуме Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по вопросу о совершенствовании положений ГК (май 2019 г.) отмечено, что обеспечение устойчивого опережающего роста экономики невозможно без кардинальной реновации нашей «экономической конституции». Акцент перенесен на социально-экономические цели: обеспечение выхода на качественно новый уровень и устойчивую траекторию сбалансированного социально-экономического развития. При этом задачей гражданского законодательства Республики Беларусь, фундаментом которого является ГК, на данном этапе признается создание правовых условий, способствующих более полному использованию производственного и человеческого потенциала страны; устранение или смягчение таких негативных факторов и ограничений экономического роста, как недостаточная развитость институтов рыночного саморегулирования, включая роль бизнес-союзов и ассоциаций, высокая регулятивная нагрузка на бизнес, недостаточный объем привлечения прямых иностранных инвестиций вследствие несовершенства законодательства и правоприменения в сфере инвестиционных отношений, низкая доля вклада организаций частного сектора экономики, субъектов малого и среднего предпринимательства в ВВП, что приводит к медленной адаптации экономики к изменяющимся внешним условиям, недостаточной конкуренции на внутреннем рынке.

Реновация, предполагающая улучшение (реконструкцию, реставрацию) без разрушения целостности структуры, обеспечивается в настоящее время поддержанием единства частноправового регулирования через сохранение ГК в качестве основополагающего законодательного акта в сфере регулирования частных отношений с его уже устоявшейся традиционной структурой и выделением шести блоков регулирования, а именно: общие положения

(разд. I), право собственности и другие вещные права (разд. II), обязательственное право (разд. III, IV), интеллектуальная собственность (разд. V), наследственное право (разд. VI) и международное частное право (разд. VII). Заложенные в ГК принципы при этом остаются неизменными, хотя вопрос относительно содержательного наполнения отдельных из них, например верховенства права, неприкосновенности собственности, свободы договора, является актуальным [14; 15].

В последние годы ведутся оживленные дискуссии относительно целесообразности выделения некоторых структурных элементов ныне действующего ГК Беларуси в самостоятельные нормативные правовые акты, в том числе кодифицированные. Так, подобные доктринальные подходы распространены в отношении норм международного частного права (разд. VII ГК), что связано с общей потребностью в совершенствовании законодательства, регулирующего упомянутые вопросы, и определением правильного вектора такого совершенствования.

В третьем тысячелетии процесс прогрессивного развития международного частного права, в том числе на уровне национального законодательства, заметно активизировался. Только в период 2010–2014 гг. новые нормативные правовые акты в сфере международного частного права были приняты в 16 государствах. В течение 2015–2020 гг. в различных странах продолжился процесс внесения изменений в действующие нормативные правовые акты по вопросам международного частного права, а также разработка проектов и принятие новых актов. В числе последних были приняты: Закон Княжества Монако от 28 июня 2017 г. «О международном частном праве», Закон Хорватии от 12 октября 2017 г. «О международном частном праве» и, наконец, самым новым нормативным актом в сфере международного частного права стал Закон Республики Северная Македония от 4 февраля 2020 г.

В государствах – членах ЕАЭС также проводилась системная работа по реформированию норм национального законодательства о международном частном праве. 30 сентября 2013 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», на основании которого была изменена редакция 28 статей разд. VI «Международное частное право» ГК РФ из 38, что составляет более 70 % коллизионного регулирования отношений в сфере международного частного права.

Базовым актом международного частного права Республики Беларусь, несомненно, признается ГК, поскольку именно он содержит раздел «Международное частное право», в котором закреплены все общие вопросы и понятия данной сферы правового регулирования. Несмотря на то что за последние 20 лет нормотворческая практика в области международного частного права шагнула далеко вперед, разд. VII ГК Республики Беларусь изменялся только четыре раза (изменилось семь статей и две статьи исключено), при-

чем данные изменения не затронули существенных моментов коллизионного регулирования, в том числе договорных обязательств. Ныне действующая редакция разд. VII ГК Республики Беларусь основывается на Модельном ГК. Вместе с тем еще в 2011 г. Бюро Межпарламентской ассамблеи Евразийского экономического сообщества постановило одобрить Рекомендации по гармонизации гражданского законодательства государств – членов ЕврАзЭС в сфере применения коллизионных норм (далее – Рекомендации ЕврАзЭС) [16]. В данном документе указывается на необходимость дальнейшего развития норм международного частного права в рамках гражданского законодательства государств-участников, в том числе формулируются рекомендации по совершенствованию разд. VII ГК Республики Беларусь. При этом разработчики Рекомендаций рассматривали процесс прогрессивного развития международного частного права в форме «межотраслевой кодификации» в рамках гражданского законодательства.

Несмотря на то что в специальной литературе активно отстаивается позиция о необходимости самостоятельной «кодификации» норм международного частного права в рамках отдельного закона или даже кодекса, мы придерживается позиции о необходимости сохранения коллизионного регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом в рамках ГК Беларуси. По нашему мнению, в описанной ситуации отсутствуют объективные предпосылки для кодификации права: 1) самостоятельный вид отношений, являющихся предметом регулирования кодифицированного акта и придающих ему внутреннее единство; 2) достаточный правовой массив, представляющий собой базу для нормативного обобщения; 3) устоявшаяся правоприменительная практика, которая может служить индикатором эффективности применения тех или иных правовых норм. Более глубокая проработка указанного вопроса представлена в ряде работ [17, с. 20–41; 18].

Вместе с тем проведенные исследования [17, с. 83–97; 19] свидетельствуют, что гл. 74 ГК «Общие положения», которая определяет основы коллизионного регулирования теоретически для всех частноправовых отношений (а не только для непосредственно гражданско-правовых), не имеет объективной связи с ГК Беларуси и ее содержание с учетом актуализации должно быть перенесено в самостоятельный нормативный правовой акт – Закон Республики Беларусь «Об общих началах международного частного права». Полагаем, что системное единство норм международного частного права, расположенных в различных кодифицированных актах национального законодательства, должно обеспечиваться за счет применения к ним единых общих положений, определяющих: предметную сферу действия международного частного права Республики Беларусь и его источники; основополагающие принципы коллизионного регулирования; вопросы установления содержания иностранного права, его толкования и применения; ограничения применения иностранного права; положения, связанные со спецификой колли-

зионного регулирования (например, квалификация юридических понятий и обратная отсылка).

При вынесении общих положений коллизионного регулирования за пределы отдельных отраслевых актов появляется возможность придать им универсальный характер с точки зрения как используемой терминологии, так и круга регулируемых вопросов. Таким образом, принятие самостоятельного закона, регламентирующего общие вопросы международного частного права, видится нам предпочтительным вариантом дальнейшего развития системы законодательства Республики Беларусь в сфере международного частного права.

С точки зрения проблематики кодификации, структуры и содержания ГК в ряде государств весьма остро стоит проблема сосуществования Гражданского и Хозяйственного кодексов. В частности, не прекращаются дискуссии по этому поводу в Украине [20]. Академик Н. С. Кузнецова, член рабочей группы по рекодификации ГК Украины, с сожалением констатирует: «Мы потеряли 15 лет, за которые можно было бы привести все экономические процессы к единому правовому знаменателю» [21]. Применительно к оценке ситуации в Казахстане академик М. К. Сулейменов пишет, что «после ожесточенной борьбы удалось развести ГК и ПК: Гражданский кодекс регулирует гражданско-правовые, горизонтальные отношения, Предпринимательский кодекс регулирует административные, вертикальные отношения» [22, с. 446]. При этом автор задается вопросом: «Зачем? Зачем устраивать эти непонятные эксперименты… И это при том, что во всем мире идет обратный процесс возврата к единому гражданско-правовому регулированию даже в тех странах, где царил дуализм частного права. Почему нельзя учесть печальный опыт Украины, где за 15 лет действия Хозяйственный кодекс показал свою полную неэффективность?» [22, с. 447]. В рамках пересмотра ГК Беларуси вопрос о разработке Хозяйственного кодекса с соответствующим разделением сфер регулирования не ставился. Вместе с тем вопрос о соотношении гражданского и хозяйственного права является весьма актуальным и для нас. Цивилистическая школа профессора В. Ф. Чигира, базово представленная профессорско-преподавательским коллективом кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета, такой подход не поддерживает в принципе [23]. Профессор В. Ф. Чигир, давая оценку концепции хозяйственного права В. В. Лаптева, который считал, что решающим критерием выделения самостоятельной отрасли хозяйственного права «является его предмет регулирования, каковым в данном случае выступают хозяйственные отношения по горизонтали и вертикали» [24, с. 13], подчеркивает, что данная концепция «выстроена применительно к имущественным отношениям социалистической плановой экономики и не может быть перенесена в экономику и право, в основе имущественных отношений которых лежит частная собственность, свобода рыночных отношений и недопустимость вмешательства в частные дела» [25, с. 54].

Реновация в буквальном смысле предполагает избавление от балласта, списание отдельных объектов производственного цикла с заменой их новыми,

способными повысить производительность; ликвидацию всего признанного устаревшим и замену его новым. Очевидно, что правовое регулирование рыночной экономики не может обеспечиваться устаревшими институтами. В этом контексте актуальными остались вопросы целесообразности сохранения такой организационно-правовой формы коммерческих организаций, как унитарные предприятия и сопровождающие их институты ограниченных вещных прав (в настоящее время функционируют как частные унитарные предприятия, обладающие имуществом на праве хозяйственного ведения, так и государственные унитарные предприятия, обладающие имуществом на праве хозяйственного ведения или оперативного управления). В целом можно констатировать, что материальное регулирование юридических лиц на уровне ГК сущностных изменений не претерпело [26]. Чтобы закрепить на уровне ГК исчерпывающий перечень организационно-правовых форм юридических лиц, в том числе и некоммерческих, в проекте закона о внесении изменений в ГК закреплены 5 организационно-правовых форм коммерческих и 18 организационно-правовых форм некоммерческих организаций, что явилось результатом скорее не переосмысления и оценки, а выборки из действующего законодательства. Обновление норм, регулирующих вещные отношения (подотрасль «Вещное право»), также носит весьма сдержанный характер, основывающийся на уже действующем законодательстве и не предусматривающий серьезных изменений.

Вместе с тем в проекте Закона о внесении изменений в ГК предлагается ряд принципиально важных, в отдельных случаях концептуальных изменений и дополнений. В рамках общих положений это, в частности: изменение подхода к вопросу о соотношении национального гражданского законодательства и международных договоров; закрепление решений собраний в качестве самостоятельного основания возникновения гражданских прав и обязанностей и введение в ГК новой специальной главы «Решения собраний»; расширение перечня способов защиты гражданских прав такими, как признание недействительным решения собрания и признание договора незаключенным; изменение концепции недействительности сделок с уже устоявшейся презумпции ничтожности на презумпцию оспоримости; отказ от регламентации срока действия доверенностей и легализация в ГК Беларуси безотзывных доверенностей. Серьезному пересмотру подверглись общие и специальные нормы обязательственного права. Так, были предложены: легализация конструкции факультативного обязательства, обеспечительного платежа, допущение обеспечения предварительного договора задатком, легализация в качестве универсальных правовых категорий рамочного договора, опциона на заключение договора, опционного договора, абонентского договора, конвертируемого займа, расширение сферы применения договора факторинга (выведение его за рамки банковских сделок), введение в ГК правовой регламентации договора счета эскроу, существенное изменение подхода к договору простого товари-

щества, что, по сути, дает основания говорить о легализации инвестиционных товариществ, и др.

Коренным образом переработан разд. V ГК «Интеллектуальная собственность». В обосновании необходимости принятия Закона об изменении ГК отмечается, что изложение указанного раздела в новой редакции обусловлено рядом концептуальных изменений, связанных с «уточнением объектов интеллектуальной собственности, норм, посвященных распоряжению исключительным правом, введением новых норм, регулирующих вопросы исчерпания исключительного права, и т. д. Предлагается систематизация норм, определяющих основы правового режима отдельных объектов интеллектуальной собственности, с изложением их по стереотипной схеме, предполагающей определение объекта правовой охраны, основания предоставления такой охраны, общих положений о содержании исключительного права на соответствующий объект интеллектуальной собственности, особенностей распоряжения исключительным правом на соответствующий объект, если такие особенности обусловлены его природой, а также срока действия исключительного права, в отношении отдельных объектов интеллектуальной собственности, являющихся результатами интеллектуальной деятельности, также закрепление основных норм о личных неимущественных правах авторов этих результатов».

Отражением уровня правовой культуры общества и юридической техники законодателя является достижение разумного баланса между регулированием на кодификационном уровне и на уровне специальных законов об интеллектуальной собственности. Этот постулат, отраженный в трудах Н. С. Кузнецовой, актуален при оценке предложений по реформированию Гражданского кодекса Республики Беларусь в части норм об интеллектуальной собственности [6, с. 415].

В рамках выступлений на заседании созданной Национальным центром законодательства и правовых исследований Республики Беларусь рабочей группы доцент Д. Д. Ландо предложила придерживаться последовательной позиции при внесении изменений в разд. V ГК, обеспечив стабильность на уровне основного кодифицированного источника регулирования гражданских отношений [27–29].

Развитию законодательного регулирования в сфере интеллектуальной собственности посвящена гл. 3 Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012–2020 гг., утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 марта 2012 г. № 205. При этом в качестве основных направлений совершенствования законодательного регулирования в сфере интеллектуальной собственности называются, в частности: унификация подходов в правовом регулировании охраны различных объектов интеллектуальной собственности; поступательное замещение законами подзаконных актов и увеличение кодифицированной составляющей законодательства, обеспечивающей системность и комплексность

регулирования отношений в сфере интеллектуальной собственности. Рассмотреть вопрос о кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности в Республике Беларусь было поручено Государственному комитету по науке и технологиям и Министерству юстиции (срок выполнения – 2019 г.), но решение о целесообразности или нецелесообразности такой кодификации пока не принято.

Проблематика кодификации законодательства об интеллектуальной собственности стала предметом исследований в Республике Беларусь [30–34]. Поскольку указанная проблематика вынесена на государственный уровень, отмечается стратегичность такого развития права интеллектуальной собственности. При этом кодификация видится как объединение существующих правовых норм об охране интеллектуальной собственности в одном законодательном акте. В качестве преимуществ такой кодификации названы исключение дублирования в правовом регулировании и детальное раскрытие общих положений об исключительном праве, особенностях его оборота и защиты [34, с. 84].

На наш взгляд, поставленные задачи не отвечают целям такого вида систематизации нормативных правовых актов, как кодификация. Они могут быть решены путем внесения изменений в ГК Беларуси. Именно ГК должен являться тем системообразующим нормативным правовым актом, который призван закрепить принципы и нормы правового регулирования этой группы общественных отношений и обеспечить наиболее полную регламентацию в сфере интеллектуальной собственности. Объединение в одном законодательном акте разноотраслевых норм считаем технической операцией, а не переработкой установленного нормативными правовыми актами правового регулирования общественных отношений.

В рамках обоснования необходимости принятия Кодекса Республики Беларусь об интеллектуальной собственности предлагается следующий вариант соотношения ГК и указанного Кодекса: отношения, связанные с созданием и использованием объектов интеллектуальной собственности, регулируются нормами ГК, если иное не предусмотрено специальным законодательством об интеллектуальной собственности [33, с. 98–99]. Представляется, что если предлагаемый Кодекс об интеллектуальной собственности выполнит функции кодекса как кодифицированного законодательного акта в части обеспечения наиболее полного правового регулирования общественных отношений в сфере интеллектуальной собственности, то сложно себе представить, какие нормы ГК имеют шанс на применение. С высокой степенью вероятности мы столкнемся либо с дублированием норм, либо с постепенным исключением норм об интеллектуальной собственности из ГК. И первый, и второй варианты развития событий могут иметь серьезные юридико-технические последствия, обусловленные кодификацией ради кодификации. Считаем важным сохранение фундаментальных основ права интеллектуальной собственности именно в ГК ввиду разнообразия общественных отношений, регулируемых гражданским законодательством согласно ст. 1 ГК.

Как отмечалось выше, мы являемся сторонниками пересмотра разд. VII «Международное частное право» в части исключения из него гл. 74 «Общие положения», однако это вопрос, который требует серьезного осмысления и проработки с учетом зарубежного опыта, а также процессов гармонизации законодательства в рамках ЕАЭС. Коллизионное регулирование отдельных групп гражданско-правовых отношений с иностранным элементом нуждается в безотлагательном совершенствовании с учетом потребностей международного коммерческого оборота и обеспечения увеличения процента споров, передаваемых на разрешение судам и институциональным арбитражам Республики Беларусь. В связи с этим в проекте Закона о внесении изменений в ГК предлагается: закрепить содержание личного статута юридического лица (ст. 1112 проекта); изменить подходы к определению права, применимого к договору о создании юридического лица с иностранным участием и к договору, связанному с осуществлением прав участника юридического лица (ст. 1127^{1} проекта) [35]; внести новые положения об определении права, применимого к форме сделки, а также отказаться от обязательной письменной формы внешнеэкономических сделок (ст. 1116 проекта); усовершенствовать отражение в законодательстве принципа «автономии воли сторон» (ст. 1124 проекта) [36]; существенным образом изменить подходы к использованию концепции «характерного исполнения» в коллизионном регулировании договорных обязательств (ст. 1125 проекта) [37]; произвести значительную детализацию коллизионного регулирования договорных обязательств за счет внесения специальных положений об определении применимого права к отдельным видам договоров (ст. 1125–1127^{1} проекта) [38]; скорректировать сферу действия договорного статута, а также коллизионное регулирование вопросов интеллектуальной собственности (ст. 1127^{2}, 1132 проекта).

Таким образом, проект Закона о внесении изменений в ГК предлагает серьезные коррективы в основной кодифицированный акт частноправового регулирования Республики Беларусь.

Вышеизложенное позволяет высказать ряд итоговых суждений.

1. Процесс кодификации гражданского законодательства в Республике Беларусь следует признать завершенным. Мы не усматриваем оснований для рекодификации норм ныне действующего ГК Беларуси, а также для осуществления самостоятельной кодификации отдельных сфер частноправового регулирования, в данный момент включенных в ГК.

2. Гражданский кодекс Беларуси есть системообразующий кодифицированный законодательный акт. Такая триединая характеристика отражает, с одной стороны, фундаментальную роль и значение ГК при регулировании гражданских отношений, с другой – учитывает национальную специфику системы законодательства, которая значительно усложнена по сравнению с общепринятыми в рамках континентальной системы права традиционными подходами.

3. Принятие самостоятельного закона, регламентирующего общие вопросы международного частного права, при сохранении в ГК коллизионного

регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом представляется предпочтительным вариантом дальнейшего развития законодательства Республики Беларусь в указанной сфере.

4. Продолжающийся процесс совершенствования ГК предопределяется объективными факторами динамично развивающихся общественных отношений, в том числе развитием цифровых технологий, искусственного интеллекта и т. п. При этом изменения в ГК не должны затрагивать его систему и структуру, влечь сущностные изменения его категориального аппарата, что является гарантией обеспечения стабильности гражданско-правового регулирования.

Библиографические ссылки

1. Сигалов К. Е. Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. № 3. С. 35–37.

2. Кабрияк Р. Кодификация / пер. с фр. Л. В. Головко. М., 2007.

3. Медведев Д. А. История кодификации гражданского законодательства. Необходимость современной кодификации гражданского права в России // Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М., 2008. С. 5–34.

4. Венедиктов А. В. О системе Гражданского кодекса СССР // Совет. государство и право. 1954. № 2. С. 26–33.

5. Яковлев В. Ф. Модернизация Гражданского кодекса Российской Федерации – развитие основных положений гражданского права [Электронный ресурс] // Кодификация российского частного права / под ред. П. В. Крашенинникова. URL: http://base.garant.ru/77779910/ (дата обращения: 10.06.2020).

6. Кузнецова Н. С. Развитие гражданского общества и современное частное право Украины. Киев, 2014. С. 233–256.

7. Гражданское право : учебник : в 3 т. /под ред. В. Ф. Чигира. Минск, 2008. Т. 1.

8. Староверова О. В. О кодификации гражданского законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Юрид. науки. 2016. № 5. С. 241–243.

9. Климкин С. И. Гражданское право и цифры-2 [Электронный ресурс]. URL: zakon/kz (дата обращения: 10.06.2020).

10. Салей Е. А. О месте Гражданского кодекса в системе гражданского законодательства Республики Беларусь и направлениях его реформирования // Гармонізація приватно-правового законодавства України із законодавством країн ЄС : матеріали IX Міжнародного цивілістичного форуму, Харків, 11–12 квітня 2019 рік. Київ, 2019. С. 50–59.

11. Василевич Г. А. Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» – важнейшая опора для становления правового государства // Право.by. 2019. № 3. С. 50–55.

12. Салей И. В. О Декрете Президента Республики Беларусь «О развитии цифровой экономики»: комментарий // Банк. дело (РФ). 2018. № 3. С. 67–68.

13. Суханов Е. А. Реформа Гражданского кодекса РФ и проблемы современного развития российского гражданского права // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 4–5 нояб. 2014 г. / редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 226–232.

14. Салей Е. А. Верховенство права как основное начало гражданского законодательства // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 57–60.

15. Годунов В. Н. Принципы правового регулирования договорных отношений и их реализация в законодательстве Республики Беларусь // Проблемы гражданского права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2019. Вып. 4. С. 53–62.

16. О Рекомендациях по гармонизации гражданского законодательства государств – членов ЕврАзЭС в сфере применения коллизионных норм [Электронный ресурс] : постановление Межпарламент. ассамблеи Евраз. экон. сообщества, 23 дек. 2011 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

17. Мещанова М. В. Система международного частного права Республики Беларусь. Минск, 2020.

18. Мещанова М. В. Систематизация норм международного частного права в зарубежном законодательстве // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2019. Вып. 14. С. 308–316.

19. Мещанова М. В. Общие положения международного частного права в системе национального законодательства // Актуальные проблемы международного частного права и международного гражданского процесса Liber Amicorum в честь заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук Н. И. Марышевой. М., 2020. С. 275–288.

20. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в постсоветский период : сб. науч. ст. / под общ. ред. Н. С. Кузнецовой и М. К. Сулейменова. Харьков, 2018.

21. Кузнецова Н. С. Честное право [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ua/articles/chestnoe-pravo/ (дата обращения: 10.06.2020).

22. Сулейменов М. К. Гражданский кодекс Казахстана опять под угрозой // Правовое регулирование предпринимательской деятельности в постсоветский период : сб. науч. ст. / под общ. ред. Н. С. Кузнецовой и М. К. Сулейменова. Харьков, 2018. С. 446–447.

23. Мещанова М. В., Салей Е. А. Научно-педагогическая школа гражданского права Белорусского государственного университета: формирование и развитие // Роль университетского образования и науки в современном обществе : материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Д. Король (пред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 626–633.

24. Лаптев В. В. Проблемы предпринимательской (хозяйственной) правосубъектности // Государство и право. 1999. № 11. С. 13–21.

25. Чигир В. Ф. Дискуссия о выделении из гражданского права норм, регулирующих имущественные отношения в сфере предпринимательской деятельности, в самостоятельную отрасль // Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. Минск, 2008. Т. 1. С. 46–57.

26. Салей Е. А. Институт юридического лица в Гражданском кодексе Республики Беларусь: состояние и перспективы развития // Журн. БГУ. Право. 2019. № 1. С. 23–31.

27. Ландо Д. Д. Права на объекты интеллектуальной собственности в системе объектов гражданских прав // Законодательство и правоприменение в контексте приоритетов социально-экономического развития : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 сент. 2019 г. / ИППК судей, работников, прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: С. К. Лещенко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 131–133.

28. Ландо Д. Д. Переход исключительного права на объект интеллектуальной собственности к другому лицу // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С. Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2018. Ч. 1. С. 178–181.

29. Ландо Д. Д. Интеллектуальная собственность в контексте реформирования Гражданского кодекса Республики Беларусь // Гармонізація приватно-правового законодавства України із законодавством країн ЄС : збірник статей і тез : матеріали IX Міжнародного цивілістичного форуму, Харків, 11–12 квітня 2019 рік. Київ, 2019. С. 67–73.

30. Чигир В. Ф. Законодательство об исключительных правах (интеллектуальной собственности) и вопросы его кодификации // Суд. весн. 2006. № 3. С. 52–55.

31. Иванова Д. В. Система права интеллектуальной собственности: введение в проблему // Право и демократия : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Бибило [и др.]. Минск, 2015. Вып. 26. С. 162–169.

32. Иванова Д. В. Система права интеллектуальной собственности: теоретические основы и законодательное закрепление // Интеллектуальная собственность: правовые и социально-экономические аспекты : материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф., Омск, 7 апр. 2016 г. / отв. за вып. С. В. Матюшенко. Омск, 2016. С. 3–5.

33. Лосев С. С. Исключительные права в системе гражданских прав. Минск, 2016.

34. Лосев С. С. К вопросу о концепции развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : материалы междунар. науч.-практ. конф., 17–18 мая 2019 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.), Н. А. Бесецкая, И. В. Вегера. Новополоцк, 2019. С. 81–85.

35. Салей Е. А., Царева Л. В. Совершенствование коллизионного законодательства о юридических лицах в свете реформирования Гражданского кодекса Республики Беларусь // Право.by. 2018. № 4. С. 18–22.

36. Мещанова М. В. Современные подходы к использованию принципа «lex voluntatis» в международных коммерческих контрактах // Свобода договора : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2016. С. 466–480.

37. Мещанова М. В. Предпосылки формирования и содержание концепции характерного исполнения как основы коллизионного регулирования договорных обязательств // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2017. Вып. 12. С. 403–411.

38. Мещанова М. В. Концептуальные основы совершенствования коллизионного регулирования договорных обязательств в рамках Гражданского кодекса Республики Беларусь // Теоретико-прикладные аспекты совершенствования гражданского законодательства с учетом современных интеграционных процессов / под ред. О. А. Бакиновской ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2017. С. 354–360.

В. Ф. Чигир
доктор юридических наук

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ (ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ) И ВОПРОСЫ ЕГО КОДИФИКАЦИИ[1]

1. Проблема терминов «исключительные права» и «интеллектуальная собственность»

В ч. 1 ст. 139 ГК Республики Беларусь и названии раздела V «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)» употребляются термины «исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности» и «интеллектуальная собственность» как синонимы[2], хотя дискуссия об этих терминах, сущности объектов, по отношению к которым они употребляются в качестве синонимов, ведется начиная со второй половины XVIII в. и продолжается до настоящего времени. В последнем проекте части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) употребляется термин «интеллектуальные права», в число которых включены исключительное право, личные неимущественные права и некоторые иные права (право следования, право доступа и др.) [1].

Относительно содержания терминов «интеллектуальная собственность» и «исключительные права» в литературе сложилось пять теорий: проприетарная (от лат. *proprietas* – собственность), облигаторная (от лат. *obligatio*), дуалистическая, интеллектуальных прав и исключительных нрав [2–4; 5, с. 16–24; 6].

Старейшей и наиболее распространенной теорией о сущности права на результаты интеллектуальной деятельности является проприетарная теория. Она появилась в Германии. Немецкие юристы Крамер, Иеринг, Дернбург утверждали, что литературные произведения являются видом собственности, и относили их к вещным правам. Эта точка зрения получила широкое распространение во Франции, ее разделяли многие французские цивилисты конца XVIII в., а затем и законодательство Франции 1791–1798 гг. Суть этой интерпретации авторского права сводилась к тому, что литературные произведения

[1] Друкуецца паводле: *Чигир В. Ф.* Законодательство об исключительных правах (интеллектуальной собственности) и вопросы его кодификации // Суд. весн. 2006. № 3. С. 52–55.

[2] В литературе отмечали некорректность отождествления этих терминов, поскольку некоторые объекты, названные в ст. 139 ГК Республики Беларусь, в частности коммерческая тайна и право на защиту от недобросовестной конкуренции, не могут относиться к исключительным правам (*Еременко В. И.* Гражданский кодекс Российской Федерации и интеллектуальная собственность // Государство и право. 2003. № 2. С. 35).

автора – это его собственность, а издание произведения автора без его согласия – плагиат.

В России сторонником проприетарной теории исключительных прав был И. Г. Табашников.

Давая оценку проприетарной теории интеллектуальной собственности, Е. А. Флейшиц не без оснований писала: «Мнимая "конструкция" авторского права как права собственности была не чем иным, как литературным образом, но образом практически полезным на определенном историческом этапе для субъективного права, с которым этот образ связывали» [4, с. 154].

Основной недостаток проприетарной теории состоит в том, что она видела в этом праве прежде всего его имущественный интерес, тогда как имущественный интерес автора находится в тесной связи с неимущественным интересом автора.

Проприетарная теория подвергалась серьезной критике ее современниками. Из числа противников следует выделить французского социалиста, теоретика анархизма, экономиста Пьера Жозефа Прудона (1809–1865). Он утверждал, что писатель – простой производитель. Его произведение принадлежит ему как имущество, которое он создал, но это имущество не следует относить к собственности. По мнению Прудона, деятельность автора – это сфера мыслей, образов, идей, которую Прудон назвал духовным светом. Эта сфера не может быть литературной собственностью. Он сравнивал творческий труд писателей с трудом духовных лиц, судей, философов, ученых. Распределение и вознаграждение за труд в этой сфере осуществляется по иным правилам, чем в сфере торговли [7].

Во второй половине и особенно в конце XIX в. проприетарная теория критиковалась многими исследователями авторского и патентного права, когда утверждалось, что писателю и изобретателю недостаточно быть собственником своей идеи; ему нужно еще получать способы охранять ее, поэтому он заключает с обществом договор, в соответствии с которым обязуется открыть свой секрет и по которому получает в обмен некоторые новые права (исключительно продавать и т. д.) [3, с. 101]. Противники этой теории не без оснований обращали внимание на отсутствие каких-либо договоров между автором изданного произведения и обществом.

Как свидетельствует Е. А. Флейшиц, еще в XVIII в. французские и немецкие юристы обратили внимание на то, что имущественные права авторов литературных произведений тесно связаны с личностью автора. Она сослалась на французского юриста Берто: «Контрафакция является посягательством не на имущество автора, а на его личность, на его свободу; она – не кража, она насилие» [4, с. 155].

Особенно много сторонников утверждения о том, что авторское право является личным, было в Германии. Отрицание имущественной сферы авторского права не могло не вызвать возражений против теории личных прав авторов. Результатом этих возражений стало появление дуалистической концепции авторских и патентных прав, согласно которой у автора произведений литературы

или объекта патентного права возникают две группы прав различного назначения и различной природы: имущественное право (право извлекать имущественную выгоду из созданного автором произведения) и личное неимущественное право (право, выражающее и охраняющее интересы личности автора, обеспечивающее защиту его репутации).

В 1879 г. бельгийский юрист Е. Пикард предложил авторские и изобретательские права относить к правам *sui generis* и назвал их интеллектуальными правами, которые находятся вне классической триады вещных, обязательственных и личных прав [8; 9].

В конце XIX в. в немецкой и французской литературе сущность прав автора произведений литературы, музыки, искусства, привилегий на использование изобретений, прав на торговые и фабричные знаки и другие объекты промышленной собственности стали раскрывать через права на монополию и назвали эти права исключительными правами [5, с. 21]. Это направление в исследовании прав авторов названных объектов получило развитие и в российской дореволюционной литературе. В частности, Г. Ф. Шершеневич все права, входящие в область исключительных прав, делил на две группы: права авторские и промышленные – и в системе прав поместил их в разделе прав абсолютных, рядом с вещными правами [10].

Бельгийским юристом Е. Пикардом была разработана теория интеллектуальных прав. Ее суть состоит в том, что традиционная классификация прав на вещные, обязательственные и личные является недостаточно полной. Автор предложил дополнить ее и создать классификацию, согласно которой авторские права, права на изобретения, промышленные образцы, полезные модели и товарные знаки составляют новую категорию – интеллектуальных прав (*jura in re intellectuali*) в отличие от традиционной категории вещных прав (*jura in re materiali*). При этом в интеллектуальные права он включал личные (неимущественные) и имущественные права, имеющие экономическую природу [11].

В современной юридической науке продолжается дискуссия о термине «интеллектуальная собственность» [12]. Одни утверждают, что он вполне применим к результатам интеллектуальной деятельности, поскольку отсутствует принципиальная разница между институтами интеллектуальной собственности и права собственности на телесные вещи [13; 14]. Другие доказывают несостоятельность «механического переноса содержания экономических отношений собственности как состояния присвоенности материальных благ на содержание отношений, возникающих по поводу благ нематериальных» [15]. Некоторые считают термин «интеллектуальная собственность» результатом недоразумения [16], указывая, что без него вполне можно обойтись, поскольку в специальных законах, посвященных различным результатам интеллектуальной деятельности, термин «интеллектуальная собственность» не используется [17]. В. А. Дозорцев предложил заменить этот термин термином «исключительные права» [18].

В последнем проекте ч. 4 ГК РФ раздел VII назван «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации».

2. Отличие вещей, находящихся в собственности, от объектов исключительных прав (интеллектуальной собственности)

Вещь, находящаяся в собственности, создана природой или произведена людьми с применением физического труда, осязаемая органами чувств людей. Объект интеллектуальной собственности может выделиться с помощью специальных юридических средств; это результат интеллектуальной духовной деятельности людей; в пространстве не выделяется; органами чувств физически не обнаруживается, но может воплощаться на материальных носителях.

Субъектом объекта собственности может быть одно или несколько лиц. Только они вправе владеть, пользоваться и распоряжаться вещью.

Субъектом (субъектами) исключительных прав интеллектуальной собственности могут быть только автор (соавторы). Другие лица – только субъектами производных прав интеллектуальной собственности. После обнародования объекта интеллектуальной собственности круг лиц, которые фактически реально могут пользоваться объектом интеллектуальной собственности, не ограничен.

Неодинакова и судьба рассматриваемых объектов. Объекты права собственности существуют во времени без ограничения сроков; потребляются; изнашиваются; амортизируются; в конечном счете исчезают. Имущественные права на объекты интеллектуальной собственности ограничены временными рамками; не потребляются; не изнашиваются; не подвергаются амортизации; не исчезают, но могут быть забыты; морально устаревают.

Возможность защиты объектов собственности различна. Собственник вещи может сам физически воспрепятствовать нарушению его прав; вещь может быть изъята из владения другого лица, нарушившего права собственности; возможны технические средства защиты. Защита прав субъекта интеллектуальной собственности осуществляется исключительно специфическими правовыми средствами.

Субъект права собственности обладает только имущественными правами. Субъекту права интеллектуальной собственности принадлежат имущественные права лишь в течение определенного срока; личные неимущественные права принадлежат ему бессрочно.

Несмотря на эти различия в отношениях собственности и интеллектуальной собственности, в литературе встречаются утверждения, согласно которым «исключительное имущественное право интеллектуальной промышленной собственности относится к группе вещных прав» [19], и доказывается возможность применения ряда статей о праве собственности ГК РФ. Такое утверждение представляется ошибочным.

3. Законодательство об исключительных правах (интеллектуальной собственности)

Законодательство об исключительных правах (интеллектуальной собственности) обширно. Ему посвящен раздел V «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)» ГК Респу-

блики Беларусь и ряд законов, регулирующих отношения по созданию и использованию соответствующих объектов исключительных прав (интеллектуальной собственности): от 15 мая 1996 г. в редакции от 11 августа 1998 г. «Об авторском праве и смежных правах», от 13 апреля 1995 г. «О патентах на сорта растений», от 7 декабря 1998 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем», от 5 февраля 1993 г. в редакции от 21 октября 2000 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания», от 16 декабря 2002 г. «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы», от 17 июля 2002 г. «О географических указаниях». Отдельные нормы права об объектах интеллектуальной собственности содержатся в ряде других законов.

Правовое регулирование отношений по созданию и использованию объектов интеллектуальной собственности осуществляется многими постановлениями Правительства республики, Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, другими актами законодательства.

Республика Беларусь является участницей многих международных конвенций, договоров и соглашений. В их числе: Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г., Всемирная конвенция об авторском праве (в редакции 1952 г.), Договор ВОИС по авторскому праву (1996 г.), Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (1996 г.), Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.), Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм (1971 г.), Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.), Мадридское соглашение о международной регистрации знаков (1891 г.), Договор о патентной кооперации (РСТ 1970 г.), Договор о законах по товарным знакам (ТЛТ 1997 г.), Евразийская патентная конвенция (1994 г.) и многие другие.

Немало норм международных конвенций, договоров и соглашений по различным объектам интеллектуальной собственности было воспроизведено в ГК Республики Беларусь и ее законах об авторском и смежных правах и о правах на объекты права промышленной собственности. Ряд положений международно-правовых актов о праве интеллектуальной собственности действует на территории Республики Беларусь в силу их подписания или присоединения к ним.

Статья 15 Закона Республики Беларусь от 23 октября 1991 г. «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров Республики Беларусь» (в редакции от 8 июля 1998 г.) прямо предусматривает, что международные договоры Республики Беларусь подлежат добросовестному исполнению Республикой Беларусь в соответствии с нормами международного права, а общепризнанные принципы международного права и нормы международных договоров Республики Беларусь, вступивших в силу, являются частью действующего на территории Республики Беларусь права. В соответствии с ч. 1 ст. 8 Конституции Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. При этом не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции.

4. О кодификации законодательства об интеллектуальной собственности

Проблема кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в странах СНГ возникла в период разработки модельного законодательства для стран СНГ. Первый проект раздела V ГК «Интеллектуальная собственность» был разработан рабочей группой Исследовательского центра Института частного права под руководством В. А. Дозорцева с участием ученых России, Украины, Казахстана, Беларуси и в 1995 г. обсужден в Лейденском университете (Голландия) в рамках подготовки модельного Гражданского кодекса для стран Содружества Независимых Государств.

В обсуждении проекта участвовали ученые зарубежных государств и представили ВОИС и ВТО, которые были против включения в модель ГК раздела V «Исключительные права». После длительной острой дискуссии все же было принято решение включить в модель ГК указанный раздел, правда, с оговоркой, что в него войдут только основные положения исключительных прав (интеллектуальной собственности), а остальные нормы права интеллектуальной собственности будут содержаться в отдельных законах.

На седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств 17 февраля 1996 г. была принята часть третья Гражданского кодекса (раздел V «Интеллектуальная собственность») в качестве модели (рекомендательный законодательный акт для стран СНГ). В нем 7 глав, в которых 112 статей.

Раздел V ГК Республики Беларусь «Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность)» соответствует принципиальным положениям модели Гражданского кодекса для стран СНГ. В нем, однако, учтены некоторые замечания представителей ВТО и ВОИС, высказанные при обсуждении проекта раздела V модели Гражданского кодекса для стран СНГ. В частности, относительно сокращения количества статей в нем. В разделе V ГК Республики Беларусь только 52 статьи.

ГК Республики Беларусь, как известно, действует с 1 июля 1999 г. Практика показывает, что наличие в нем раздела V вопреки мнению, согласно которому это может вызвать ряд трудностей при рассмотрении споров об использовании норм права об исключительных правах, к подобному не привело.

Разделы об исключительных правах (интеллектуальной собственности) имеются в ГК и в ряде других стран СНГ [20]. Судя по печати, и в этих странах присутствие в ГК разделов об интеллектуальной собственности не создало проблем.

В ГК РФ нет раздела об исключительных правах (интеллектуальной собственности), хотя в разделе 1 «Общие положения» в ряде статей они названы. Так, в ст. 2 определены отношения, регулируемые гражданским законодательством. В их числе речь идет об отношениях, определяющих правовое положение участников гражданского оборота, порядке осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальной собственности).

В ст. 8 об основаниях возникновения гражданских прав и обязанностей наряду с другими основаниями их возникновения названо и такое, как результат создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности. В подразделе 3 «Объекты гражданских прав» в ст. 128 ГК РФ как виды объектов гражданских прав указаны «результаты интеллектуальной деятельности», в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность), а в ст. 138 ГК «Интеллектуальная собственность» установлено, что «использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, которые являются объектом исключительных прав, может осуществляться третьими лицами только с согласия правообладателя».

При наличии в ГК РФ названных статей необходимость включения в него раздела об исключительных правах (интеллектуальной собственности) не должна вызывать сомнений.

Первая попытка включить в ГК названный раздел предпринималась при подготовке второй части ГК РФ. Был подготовлен и опубликован соответствующий проект. Из-за разногласий ученых и практиков по содержанию проекта вторая часть ГК РФ была принята без раздела об исключительных правах (интеллектуальной собственности) [21]. После принятия в 1996 г. второй части ГК РФ снова попытались подготовить новый проект этого раздела и принять его с частью третьей ГК РФ. Был подготовлен новый проект раздела ГК об исключительных правах (интеллектуальной собственности) [22–24] и несколько неофициальных проектов (в том числе профессором А. П. Сергеевым) [25, с. 3]. Длительное обсуждение этих документов не дало результатов, и третья часть ГК РФ, принятая в 2001 г., не содержит указанного раздела. Но деятельность по включению в ГК РФ раздела «Интеллектуальная собственность» продолжается.

Как сообщает Э. П. Гаврилов [25, с. 2], в марте текущего года появились сведения о том, что для внесения в Государственную Думу Российской Федерации подготовлен очередной проект части четвертой ГК, посвященный интеллектуальной собственности (электронный адрес в интернете – http://www.law.copyriglit.ru/lawproijets.html.).

В этом проекте термины «исключительное право» и «интеллектуальная собственность» уже не используются и заменены новыми: полным – «права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» (так назван раздел VII этого проекта) и сокращенным – «интеллектуальные права» [25, с. 4]. В число этих прав включены: исключительное право, личные неимущественные права и некоторые иные права, такие как право следования и право доступа [25, с. 4]. Напомню, что ст. 128 и ст. 138 ГК РФ используют термины «исключительные права» и «интеллектуальная собственность» как синонимы. Выше уже прослеживались в историческом плане становление и упрочение этих терминов, проникновение их в законодательство многих государств и международно-правовые акты.

Встает вопрос: имеется ли необходимость отказаться от терминологии ст. 128 и ст. 138 ГК РФ и ввести в законодательство новую, предлагаемую очередным проектом раздела об исключительных правах (интеллектуальной собственности) ГК РФ? Ответ на этот вопрос затрагивает и законодательство Республики Беларусь в связи с предстоящей его гармонизацией с законодательством Российской Федерации и в процессе создания Союзного государства суверенных государств России и Беларуси. Представляется правильным дать отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Термины «интеллектуальная собственность», «промышленная собственность», «права интеллектуальной собственности», «право промышленной собственности» прочно вошли в юридическую литературу и в законодательство во всем мире, содержание этих терминов общеизвестно, не вызывает сомнений.

Функционирует Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). Действует международная конвенция – Парижская конвенция по охране промышленной собственности (1883 г.). Термин «интеллектуальная собственность» использован в Соглашении о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности – ТРИПС (аббревиатура от англ. Agreement on Trade Related Aspects of Intellectual Property Rights). Это соглашение является приложением к Соглашению, учреждающему Всемирную торговую организацию, принятому в результате переговоров 15 апреля 1994 г. в Марракеше. Соглашение ТРИПС вступило в силу с 1 января 1995 г., оно обязательно для всех стран – членов Всемирной торговой организации. Российская Федерация и Республика Беларусь принимают меры к вступлению во Всемирную торговую организацию. Одним из условий вступления в эту организацию является соблюдение требований ТРИПС. Предложенная в проекте четвертой части ГК РФ новая терминология может стать одним из препятствий для вступления в ВТО.

Рассматриваемый проект содержит статьи, которые воспроизводят нормы действующих в РФ законов, в частности «Об авторском праве и смежных правах», «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», «О правовой охране топологий интегральных микросхем», «Патентный закон Российской Федерации», «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». В случае принятия этого проекта законы, которые он поглощает, должны прекратить свое действие.

Предложенное наполнение раздела части четвертой ГК РФ нормами права противоречит общей концепции построения других разделов ГК РФ. Достаточно сослаться на главу 40 раздела IV ГК РФ. В ней содержится 16 статей (785–800). В то же время действуют Устав железнодорожного транспорта РФ, Кодекс торгового мореплавания РФ, Кодекс внутреннего водного транспорта РФ, Воздушный кодекс РФ. Можно провести сравнение с главой 4 «Юридические лица» ГК РФ, в которую, если следовать идее рассматриваемого проекта, пришлось бы включить множество статей, содержащихся в федеральных законах РФ: от 26 де-

кабря 1995 г. «Об акционерных обществах», от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью», от 8 мая 1996 г. «О производственных кооперативах» и др. Такие примеры можно продолжить.

Изложенное позволяет сделать вывод, что очередная попытка включения в ГК РФ раздела об исключительных правах (интеллектуальной собственности) вызывает принципиальные возражения по структуре предлагаемого раздела и наполнению его нормами права в количестве 337 статей (1225–1561).

Библиографические ссылки

1. Гаврилов Э. П. Второй проект четвертой части ГК: первое впечатление // Патенты и лицензии. 2005. № 4.

2. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность. СПб., 1878. Т. 1.

3. Пиленко А. А. Право изобретателя. М., 2001.

4. Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Ученые труды ВИЮН. М., 1941. Вып. VI.

5. Папова І. В. Аб сутнасці выключнага права аўтара на творы навукі, літаратуры і мастацтва // Вес. Акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 1994. № 4. С. 16–24.

6. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань, 1891.

7. Прудон П. Ж. Литературные майораты. Разбор проекта закона, имеющего целью установить бессрочную монополию в пользу авторов, изобретателей и художников : пер. с фр. СПб., 1865.

8. Богуславский М. М. Патентные вопросы в международных отношениях. М., 1962.

9. Еременко В. И. Гражданский кодекс Российской Федерации и интеллектуальная собственность // Государство и право. 2003. № 1.

10. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995.

11. Городов О. А. Патентное право : учеб. пособие. М., 2005.

12. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / под общ. ред. В. Ф. Чигира. Минск, 2002. Ч. 2. Гл. 62.

13. Мамаев В. Н. Интеллектуальная собственность: прошлое и настоящее // Обществ. науки и современность. 1996. № 4.

14. Гальперин Л. Б., Михайлов Л. А. Интеллектуальная собственность: сущность и правовая природа // Совет. государство и право. 1991. № 12.

15. Городов О. «Собственность» и «интеллектуальная собственность» // Интеллектуал. собственность. 1994. № 9–10.

16. Суханов Е. А. Объекты права собственности // Закон. 1995. № 4.

17. Семилетов С. И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. № 6.

18. Дозорцев В. А. На рынке идей // Закон. 1993. № 2.

19. Сенников Н. Л. Право интеллектуальной промышленной собственности в контексте норм Гражданского кодекса // Рос. юстиция. 2006. № 2.

20. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть). Комментарии. 2-е изд., испр. и доп., с использованием судеб. практики / отв. ред.: М. К. Сулейменов и Ю. Г. Басин. Алматы, 2003. Ст. 961–1037 ; Гражданский кодекс Украины. Харьков, 2003. Ст. 418–508.

21. Ананьева Е. В. Проект закона «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “Об авторском праве и смежных правах”» // Соврем. право. 2003. № 1.

22. Дозорцев В. А. Система законодательства об интеллектуальных правах // Юрид. мир. 2001. № 9. С. 4–13 ; № 11.

23. Гаврилов Э. П. Проект части III Гражданского кодекса Российской Федерации грозит катастрофой // Патенты и лицензии. 2000. № 10.

24. Гаврилов Э. П. Сомнительные нормы нового проекта // Патенты и лицензии. 2002. № 10.

25. Гаврилов Э. П. Второй проект четвертой части ГК: первое впечатление // Патенты и лицензии. 2006. № 4.

26. Чигир В. Ф. Законодательство об исключительных правах (интеллектуальной собственности) и вопросы его кодификации // Суд. весн. 2006. № 3. С. 52–55.

Т. А. Белова
кандидат юридических наук

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ПРАКТИКЕ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Принятие и введение в действие Закона Республики Беларусь «О третейских судах»[1] и Закона Республики Беларусь «О медиации»[2] вызвало активное обсуждение в юридической литературе как самих законов, так и перспектив их применения в практике[3]. Нельзя сказать, что общий тон обсуждения таков, что в них видят панацею от загруженности судей количеством тех дел, которые они должны рассмотреть[4], но надежда на это высказывается[5]. Для такой оценки есть основания, поскольку принимались указанные законы в том числе в расчете на уменьшение количества споров, передаваемых на разрешение в суды,

[1] О третейских судах : Закон Респ. Беларусь от 18 июля 2011 г. № 301-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 83, 2/1853 ; 2011. № 140, 2/1877.

[2] О медиации : Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2013. № 2/2056.

[3] *Бельская И.* Медиация в действии: суть, содержание, перспективы // Юрист. 2013. № 9. С. 11–14 ; *Зуйкевич И. Д.* Медиация (посредничество) как альтернативный способ разрешения споров // Вестн. Высш. Хозяйств. Суда Респ. Беларусь. 2013. № 1. С. 139–144 ; *Каменков В. С.* Третейское соглашение: форма, содержание, субъекты // Вестн. Высш. Хозяйств. Суда Респ. Беларусь. 2013. № 1. С. 91–97 ; *Тихиня В.* Третейская форма защиты прав граждан в Республике Беларусь (гражданско-процессуальные аспекты) // Юстыцыя Беларусі. 2013. № 8. С. 20–22.

[4] С учетом сокращения в 2011 г. на 40 % количества дел в связи с передачей нотариусам значительной части требований, которые рассматривались ранее в приказном производстве, ежемесячная нагрузка на судей общих судов в 2012 г. составляла 78 дел (Суд. весн. 2013. № 1. С. 4).

[5] *Высоцкая Т.* Вопросы оптимизации гражданского правосудия // Суд. весн. 2013. № 1. С. 13–15.

а при всех субъективных факторах[1], являющихся причиной загруженности судей, следует признать и наличие объективной причины – постоянный рост количества поступающих в суды дел.

Полагая, что на настоящем этапе развития гражданского процессуального права Республики Беларусь еще нет оснований говорить об изменении цели гражданского процесса с защиты гражданских прав путем правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел на цель примирения сторон[2], тем не менее считаем, что оценка А. Н. Кузбагаровым права сторон на примирение по частноправовым спорам как «приближенного к абсолютным правам процессуальной природы», которое предназначено «для урегулирования частноправовых конфликтов как на досудебном этапе, так и тогда, когда возбуждено судебное производство по разрешению конфликтов», верна[3].

Правовой формой реализации достигнутого сторонами в ходе судебного разбирательства примирения в доктрине признавались отказ истца от иска, признание иска ответчиком и заключение сторонами мирового соглашения. Термин «примирение» до недавнего времени в законодательной практике не использовался, однако в настоящее время в качестве задачи, которая должна быть решена на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, ст. 261 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) в редакции Закона от 20 октября 2006 г., называет принятие мер к примирению сторон. С принятием Закона от 10 января 2011 г. и включением в Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК) гл. 17 «Примирительная процедура» этот термин широко применяется в хозяйственном процессуальном законодательстве. Полагаем, что под примирением в данном случае следует понимать способ, т. е. совокупность тех действий, которые должен предпринять суд, а не результат, поскольку, как мы уже отметили, результатом примирения может быть и мировое соглашение сторон, и отказ от иска истца, и признание иска ответчиком. Такое понимание подтверждает норма ст. 285-1 ГПК, в соответствии с которой результатом заключения сторонами медиативного соглашения (медиация – переговоры сторон в целях урегулирования спора путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения) может быть поступление в связи с этим в суд заявления об утверждении мирового соглашения, отказе истца от иска или о признании иска ответчиком, и ст. 157 ХПК «Результаты примирительной процедуры».

---

[1] Неумение надлежаще подготовить и провести процесс является, по мнению Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало, причиной перегруженности судей (Суд. весн. 2012. № 1. С. 6).

[2] *Некрошюс В.* Цели гражданского процесса: установление правды или примирение сторон? // Рос. ежегодник гражд. и арбитраж. процесса. 2005. № 4 / под ред. док. юрид. наук проф. В. В. Яркова. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд. юрид. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2006.

[3] *Кузбагаров А. Н.* Примирение сторон как составляющая систем цивилистического процесса и исполнительного производства // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. СПб., 2008.

Мировое соглашение, которое заключается в суде, – это традиционный институт гражданского процессуального права, который, как нам представляется, сейчас незаслуженно отодвинут в тень таких альтернативных способов разрешения споров, как медиация и третейское разбирательство, тогда как далеко еще не исчерпал свой потенциал, да и, следует признать, недостаточно активно применяется в гражданском судопроизводстве[1].

Преимущества разрешения спора мировым соглашением как для самих участников спора, так и для судов отмечают все исследователи, указывая, что это один из наиболее быстрых и эффективных способов, при котором условия урегулирования спора стороны устанавливают они сами, исходя из своих интересов, что, в свою очередь, способствует сохранению между ними нормальных личных и деловых отношений.

Одна из причин, по которой мировые соглашения мало используются в гражданском судопроизводстве, состоит, на наш взгляд, в том, что в гражданском процессуальном праве термин «мировое соглашение» включен в отдельные нормы (по нашим подсчетам, их 15 – ст. 61, 68, 79, 137, 164 ГПК и др.), но само понятие, указание на возможное его содержание отсутствуют, а порядок заключения мирового соглашения, оформление утвержденного мирового соглашения судом и правовые последствия такого действия приходится разыскивать по всему ГПК. К сожалению, такому положению вещей способствует то, что до настоящего времени среди ученых существуют разногласия по вопросу о правовой природе мирового соглашения. При этом, как отмечается в литературе, существуют две позиции, различие между которыми основано на выделении в мировом соглашении его материально-правовой или процессуальной составляющей[2]. Сторонники первой из них понимают под мировым соглашением договор сторон, имеющий материально-правовое содержание и являющийся прежде всего юридическим фактом материального права. Вторые, подчеркивая влияние заключенного сторонами мирового соглашения на развитие процесса, утверждают, что мировое соглашение – это факт процессуального характера, соглашение сторон о прекращении спора.

Мировое соглашение как правовое явление, имеющее материально-правовое содержание, должно отвечать в случае его заключения в рамках возбужденного в суде дела не только нормам материального права, но и условиям уста-

---

[1] Председатель Верховного Суда В. О. Сукало приводит следующие цифры: в общих судах примирением заканчивается только 8 % гражданских споров. В то же время в хозяйственных судах на всех стадиях прекращается по этим основаниям около 60 % споров (Суд. весн. 2012. № 1. С. 9).

[2] *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов. 1970. С. 125–146 ; *Орлова Л. М.* Права сторон в гражданском процессе. Минск, 1973. С. 137 ; *Дегтярев С. Л.* Мировое соглашение в современной судебной практике // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. Краснодар. СПб., 2004. С. 391 ; *Лазарев С. В.* Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2006. С. 7 ; *Кищук Я. А.* Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве // Арбитраж. и гражд. процесс. 2013. № 5. С. 23–26.

новленной законом процессуальной формы его заключения и утверждения судом. Разделяя мнение тех ученых, которые указывают, что мировое соглашение, утвержденное судом, является одновременно и сделкой, и процессуальным действием, влечет как материально-правовые последствия (вносит изменения в содержание правоотношения сторон), так и процессуальные (прекращение производства по делу, запрет на вторичное обращение в суд по тождественному спору и возможность принудительного исполнения)[1], мы полагаем, что мировое соглашение может быть квалифицировано как юридический факт материального и процессуального характера и нет необходимости придавать определяющее значение какому-либо одному из них.

Как обоснованно указывает Р. Е. Гукасян, в отличие от судебного решения, которое основывается на установленных судом фактах, существовавших до обращения в суд, мировое соглашение может иметь своим основанием не только юридические факты основания заявленного в суде иска, но и новые юридические факты, которые являются результатом действий сторон в уже возникшем процессе, актами волеизъявления, которые стороны вправе совершать независимо от рассмотрения спора в суде и которыми изменяются существующие между ними материальные правоотношения[2].

Нет общей позиции ученых и по вопросу о том, какое соглашение сторон можно назвать мировым соглашением в смысле, которым наделяет его гражданско-процессуальное законодательство: это соглашение на любых условиях или такое урегулирование спора, в основе которого лежат взаимные уступки сторон. Нет единства и в понимании термина «взаимные уступки», какими они могут быть – только материальными или также процессуальными.

В соответствии со ст. 121 ХПК мировым соглашением является соглашение сторон о прекращении судебного спора на основе взаимных уступок. Таким образом, по ХПК наличие взаимных уступок – существенное условие мирового соглашения, и это, на наш взгляд, абсолютно правильно. Односторонние действия любой из сторон не могут быть квалифицированы как мировое соглашение, а выступают полным или частичным отказом от иска, уменьшением размера заявленного требования со стороны истца либо признанием иска ответчиком. Такие распорядительные действия стороны не требуют встречного волеизъявления другой стороны, но дают ей право высказать свои доводы, связанные с проверкой судом условий, при наличии которых отказ истца от иска и признание иска ответчиком могут быть приняты судом (ст. 56, 61 ГПК; в ХПК – также уменьшение размера заявленных исковых требований – ст. 55, 63), а мировое соглашение утверждено.

Сказанное не означает, что отказ истца от части заявленных исковых требований либо уменьшение размера заявленного требования, признание иска ответчиком не могут быть одним из юридических фактов, лежащих в основе

[1] *Ярков В. В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012.

[2] *Гукасян Р. Е.* Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве.

мирового соглашения. В практике достаточно широко распространены мировые соглашения (в частности, при разрешении экономических споров), когда, признавая обоснованность требований истца, ответчик предлагает условия выплаты задолженности (рассрочка исполнения), которые принимаются истцом, и в результате стороны согласовывают условия мирового соглашения.

Оценивая мировое соглашение, суд не должен исходить из того, что взаимные уступки обязательно должны быть равноценными, достаточно того, что условия мирового соглашения согласованы сторонами на основе свободного волеизъявления в своих интересах и не противоречат законодательству.

При заключении мирового соглашения стороны вправе выработать такие его условия, в соответствии с которыми обязанности могут возлагаться на любую из них: как на ответчика, так и на истца. Высказанные соображения подтверждаются положениями, закрепленными в ст. 122 ХПК, в соответствии с которой мировое соглашение, в частности, должно содержать согласованные сторонами сведения об условиях, размере и сроках выполнения обязательств друг перед другом либо одной стороной перед другой, а также может содержать условия об отсрочке или рассрочке выполнения обязательств, признании долга или уменьшении его размера.

Полагаем, что гл. 10 Хозяйственного процессуального кодекса «Мировое соглашение» (ст. 121–124 ХПК), регулирующая заключение мирового соглашения, его форму и содержание, утверждение судом и исполнение мирового соглашения, может быть основой для дальнейшего совершенствования института мирового соглашения гражданского процессуального права.

О. Н. Здрок

доктор юридических наук

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В СООТНОШЕНИИ С ДОКТРИНАЛЬНЫМИ ПОНЯТИЯМИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Следует согласиться с М. С. Наховым, что, приняв закон о медиации и внеся соответствующие изменения в материальные и процессуальные акты, законодатель поставил перед учеными достаточно сложную и многоаспектную задачу – подвести под сконструированные нормы доктринальные положения процессуальной науки [1]. На повестке дня – решение вопросов о соотношении примирительных процедур с понятиями «судопроизводство» и «гражданская процессуальная форма»; о возможности отнесения общественных отношений,

возникающих между участниками организуемых судом примирительных процедур, к разряду гражданских процессуальных правоотношений; о правомерности квалификации действий по примирению сторон, осуществляемых привлеченным для этих целей посредником в качестве процессуальных [2; 3].

По мнению А. В. Трещевой и Т. С. Тарановой, характер примирительных процедур существенно отличается от правоприменительной деятельности суда, составляющей содержание судопроизводства, что не позволяет отнести такие процедуры, пусть и организуемые судом при рассмотрении дела, к числу гражданских процессуальных отношений [4; 5]. Аналогичный подход прослеживается в работах Г. В. Севастьянова [6] и М. Э. Морозова [7], которые обосновывают концепцию частного процессуального права (права альтернативного разрешения споров). В работах Т. В. Сахновой [8; 9] и М. С. Фокиной [10; 11] судебные примирительные процедуры, напротив, позиционируются как разновидность гражданских процессуальных правоотношений.

Разрешение дискуссионного вопроса о характере примирительных процедур, инициируемых судом в ходе производства по делу (отнесение их к числу процессуальных или непроцессуальных), требует обращения к анализу сложной теоретической проблемы – о соотношении понятий «процедура», «процесс», «судебный процесс», «правосудие», «судопроизводство», «процессуальная форма», «процессуальное отношение».

Для юридической науки советского периода было характерно противопоставление на теоретико-методологическом уровне понятий «процедура» и «процесс». В силу специфики суда как органа, осуществляющего правосудие, было введено понятие гражданской процессуальной формы как совокупности тех существенных правил и гарантий, которые предопределяют особый статус судебной защиты. В результате стало устойчивым применение термина «процесс» по отношению к деятельности суда, а термина «процедура» – по отношению к деятельности, носящей внесудебный характер. Например, Е. В. Слепченко определяет судебную деятельность как «публичную правоприменительную деятельность, осуществляемую судом в процессуальной форме, т. е. в рамках особой юридической процедуры». Иные юридические процедуры, которые применяются административными органами, третейскими судами и иными организациями, по словам автора, такими качествами не обладают [12].

В доктрине сформировался также более широкий подход к понятию «процесс», в соответствии с которым им обозначается деятельность не только суда, но и иных юрисдикционных органов. Основным признаком, отличающим процесс от процедуры, по мнению ученых, придерживающихся данного подхода, выступает характер юрисдикционной деятельности как направленной на защиту права. Как указывает А. В. Ясинская-Казаченко, процессуальные отношения отличаются от процедурных тем, что охватывают деятельность юрисдикционного органа, осуществляющего защиту субъективного права на основе применения правовых норм [13]. Аналогичной точки зрения придерживается А. Н. Мануковская, которая обосновывает возможность выделения самостоятельной отрасли

права – трудового процессуального права, регулирующего общественные отношения, возникающие в ходе рассмотрения трудовых споров различными уполномоченными государством органами (соответствующие нормы автор отграничивает от материально-правовых и процедурных норм трудового права) [14].

В современной юридической литературе противопоставление понятий «процесс» и «процедура» смягчается. Получила распространение точка зрения о том, что процедура является неотъемлемой частью всякого юрисдикционного процесса (в том числе судебного), составляя его основу. В науке административного права процедура рассматривается как содержание административно-процессуальной формы, как первичный элемент, совокупность которых образует внутреннюю структуру процесса (Р. Н. Марифхонов [15], Е. А. Дегтярева [16]). Н. А. Громошина, опираясь на теорию регулятивных и охранительных материальных отношений, обосновывает понятие *процессуальной процедуры* как процедуры, направленной на реализацию охранительного материального отношения. В зависимости от субъекта, который осуществляет правореализационную функцию, автор подразделяет процессуальные процедуры на судебные и несудебные [17].

Вместе с тем остается устойчивой точка зрения о том, что *деятельность суда характеризуется особой процессуальной формой*, которую отличают урегулированность законодательством, высокая степень гарантий, возможность пересмотра судебного решения. Это создает определенную теоретическую сложность при определении природы приказного производства и иных упрощенных процедур, не отвечающих в полной мере признакам гражданской процессуальной формы [18]. Например, Л. А. Терехова для обоснования правомерности включения этих процедур в границы гражданского судопроизводства предлагает рассматривать их как «бесконтактное правосудие», которое существует за счет отложенных процессуальных гарантий [19, с. 109].

Что касается гражданских процессуальных правоотношений, то в процессуальной доктрине доминирует точка зрения о том, что их обязательным участником выступает суд. В основе данного подхода лежат идеи германского правоведа XIX в. О. Бюлова о том, что процессуальные отношения не частные, а публичные, в силу чего их субъектами выступают суд и стороны [20]. Ряд авторов рассматривают цивилистический процесс как систему процессуальных отношений, складывающихся между судом и каждым отдельным участником процесса. Другие (М. А. Гурвич, В. П. Мозолин, К. С. Юдельсон) утверждают, что процессуальное отношение является единым, многосубъектным и комплексным, представляя собой систему элементарных отношений, классифицируемых на основные, дополнительные и служебно-вспомогательные [21; 22, с. 46; 23]. Тем не менее возможность существования процессуальных отношений между самими участниками процесса отрицается: утверждается, что участники процесса обладают процессуальными правами и несут процессуальные обязанности исключительно по отношению к суду, даже когда внешне их процессуальные действия обращены друг к другу [22, с. 66; 23, с. 56–67;

24, с. 10–47; 25]. Альтернативная точка зрения была высказана И. А. Жеруолисом [26, с. 69] и И. С. Ильинской [24, с. 29], по мнению которых процессуальное отношение существует также между участниками процесса, например истцом и ответчиком.

Развитие процессуального законодательства, в том числе появление в рамках судопроизводства по гражданским и экономическим делам упрощенных и примирительных процедур, заставляет обратиться к переосмыслению устоявшихся подходов к определению сущности цивилистического процесса и гражданских процессуальных правоотношений. Как правильно отмечает Т. В. Сахнова, цивилистический процесс эволюционен, и если традиционно судопроизводство связывалось с публичным началом и гражданской процессуальной формой, неотъемлемым признаком которых выступает участие в правоотношениях суда и осуществление им властных полномочий по разрешению дела, то будущее цивилистического процесса связано с развитием частноправового начала в методах судебной защиты [27].

С позиции нового подхода цивилистический процесс начинает пониматься как совокупность разнообразных «судебных процедур», часть из которых может не отвечать признакам гражданской процессуальной формы. Например, Ю. А. Попова поддерживает необходимость сохранения понятия «процессуальная форма» для характеристики *процедуры в области правосудия,* однако отмечает, что *не всякая деятельность суда должна именоваться процессом*. В частности, приказное производство и подготовка дела к судебному разбирательству определяются автором как специальные процедуры деятельности суда, не имеющие отношения к осуществлению правосудия и судопроизводству [28, с. 79–80; 29].

Позиция, которую исследователь принимает для себя в качестве исходной при анализе доктринальных понятий цивилистического процесса, предопределяет и его ответ на вопрос о том, каково место примирительных процедур в системе цивилистического процесса.

Ученые, противопоставляющие понятия «процедура» и «процесс», подразумевающие под процессом исключительно деятельность суда по осуществлению правосудия и защите права, для которой существует особая процессуальная форма (урегулированная законом и обеспеченная гарантиями), выносят примирительные процедуры за рамки цивилистического процесса. К аналогичному выводу приводит также взгляд на гражданское процессуальное отношение как на властеотношение, в котором обязательно принимает участие суд. Самостоятельное урегулирование спора заинтересованными лицами путем согласования интересов не вписывается в концепцию цивилистического процесса как деятельности по защите права, которая предполагает разрешение спора на основе правовых норм путем вынесения субъектом, наделенным юрисдикционными полномочиями, решения, обеспеченного силой принудительного исполнения. В лучшем случае, если понятие «судебная примирительная процедура» все же выделяется, в него включаются действия суда, инициирующие переговоры сторон (разъяснение сторонам права на заключение мирового соглаше-

ния либо соглашения о применении медиации, направление их на информационно-оценочную встречу с медиатором, назначение судебного примирителя), а также связанные с утверждением мирового соглашения. Например, А. А. Русман [30] и Л. Н. Лянго [31], разрешая аналогичную проблему о месте примирительных процедур в уголовном процессе, отмечают, что процессуальная форма охватывает лишь инициативу примирения и порядок прекращения дела в связи с примирением, в то время как процедура выработки сторонами условий соглашения является внепроцессуальной.

Если же содержание гражданского процесса анализировать с позиции того, что оно не исчерпывается понятием правосудия, а к гражданскому процессуальному отношению подходить как к допускающему существование не только «вертикальных» (между судом и участниками процесса), но и «горизонтальных» (между участниками процесса) связей, то утверждение о процессуальном характере примирительной процедуры (включая ее переговорную стадию) становится вполне правомерным.

Последний подход полностью согласуется с тенденциями цивилистического процесса, которые проявляются в следующем:

• в своем развитии идея сотрудничества суда и сторон, составляющая современное значение принципа состязательности, преобразуется в сотрудничество всех участников процесса, включая истца и ответчика. С*остязательность дополняется принципом солидарности сторон в их содействии правосудию* [21, с. 117–119]. Несмотря на усиление процессуальной активности суда, за сторонами сохраняется значительный объем процессуальных действий, которые они должны выполнить по отношению не только к суду, но и друг к другу (обмен процессуальными документами, раскрытие доказательств);

• ведущей идеей становится усиление частных, диспозитивных начал в организации защиты права (данная тенденция известна в правовой науке под терминами «материализация» и «приватизация» цивилистического процесса) [32–35]. Дальнейшее реформирование цивилистического процесса предполагает снижение роли состязательных судебных процессов и использование более простых и разнообразных способов разрешения споров, в том числе тех, при которых не требуется прямого участия судей [36, с. 44]. В современном понимании АРС – это не альтернатива государственному судопроизводству, а его неотъемлемая часть, обеспечивающая повышение доступности правосудия [37]. В частности, как указывает И. А. Бельская, инкорпорирование примирительной процедуры в судопроизводство согласуется с частно-публичными началами процессуального законодательства и императивно-диспозитивным методом процессуального права, вследствие чего альтернативы примирительной процедуры по отношению к судебному процессу не существует [38, с. 12, 16, 18].

В этих условиях, на наш взгляд, концепция процессуального правоотношения как властеотношения, обязательным участником которого выступает суд, требует адаптации к новым тенденциям цивилистического процесса.

Представляется правильным, что при общем подходе к гражданскому процессуальному правоотношению как единому многосубъектному правоотношению, основным системообразующим началом которого выступает суд, на уровне элементарных процессуальных отношений должно быть допущено существование прямых связей между участниками процесса.

Тезис о том, что отношения по примирению сторон в рамках судебного процесса не могут быть признаны процессуальными, как правило, строится на двух аргументах: 1) участником этих отношений не является суд; 2) отношения между сторонами по делу, не опосредованные судом, не могут быть признаны процессуальными. На наш взгляд, оба указанных утверждения опровержимы.

Так, заслуживает внимания точка зрения А. Н. Кузбагарова, высказавшегося в пользу процессуальной природы примирительных процедур. По мнению автора, признавая суд обязательным участником любых гражданских процессуальных правоотношений, следует учитывать, что степень его активности в тех или иных отношениях может быть различной. При проведении примирительных процедур участие суда минимально, но он тем не менее выступает субъектом этих отношений – в частности, роль суда состоит в анализе различных аспектов спора для определения возможности проведения примирительных процедур, в рекомендации сторонам принять участие в таких процедурах [39, с. 229–231, 234].

Что касается идеи о том, что стороны не связаны друг с другом процессуальными отношениями и их деятельность в процессе судопроизводства представляет лишь совершение каждой из них односторонних действий, адресованных суду, то она является всего лишь следствием определенных концептуальных подходов, обусловленных соответствующими культурно-историческими предпосылками.

Прежде всего, как правильно указывает М. А. Рожкова, данная идея была обусловлена преувеличением состязательного начала цивилистического процесса, а именно подходом к нему как к противоборству сторон. В то же время, по мнению автора, формальная диспозитивность цивилистического процесса (свобода сторон распоряжаться своими процессуальными правами и влиять на ход процесса) объективно предполагает процессуальное взаимодействие сторон, например их совместное волеизъявление в форме процессуальных соглашений [20].

Немаловажным в отношении утвердившегося в отечественной доктрине цивилистического процесса тезиса об отсутствии процессуальных отношений между сторонами является также факт ее исторической принадлежности к континентальной системе права. Поскольку для рассматриваемой системы права изначально был характерен инквизиционный тип гражданского судопроизводства, предполагавший активность суда и пассивность сторон в процессе, это способствовало формированию теоретического подхода к суду как обязательному субъекту гражданских процессуальных отношений, а к гражданскому процес-

суальному праву – как к отрасли права, регулирующей деятельность суда. В отличие от этого в англо-американской системе права цивилистический процесс исторически понимался как деятельность самих сторон [40].

При современном понимании состязательности как взаимодействия суда и сторон и оптимального соотношения их активности правомерна постановка вопроса о переосмыслении традиционного для отечественной процессуальной цивилистики определения гражданского процессуального права как отрасли, регулирующей деятельность *суда* по рассмотрению и разрешению гражданского дела. Как верно отмечает Т. В. Сахнова, когда-то аксиоматичный для континентального типа процесса тезис «спор принадлежит сторонам, а процесс – суду» уже не актуален, современный процесс мыслится как совместная процессуальная деятельность суда и сторон, построенная на частноправовом методе [8, с. 14]. В этих условиях более адекватным, на наш взгляд, является определение данной отрасли как совокупности норм, регулирующих деятельность не только *суда,* но и самих *сторон по разрешению правового спора*, что является основанием для признания существования между сторонами процессуальных отношений. Современное процессуальное законодательство уже реализует указанный подход, регулируя подготовку дела к судебному разбирательству как стадию процесса, на которой действует не только суд, но и стороны, осуществляя в отношении друг друга ряд предусмотренных законом действий (например, ст. 149 ГПК РФ, ст. 260-1 ГПК Республики Беларусь).

В связи с признанием примирения сторон в качестве цели (задачи) судопроизводства актуализируется вопрос о необходимости расширения предмета правового регулирования гражданского процессуального права. Следует согласиться с Д. Я. Малешиным, что границы гражданского процесса и его структура зависят от целей гражданского судопроизводства [41, с. 59]. Правомерность приведенного тезиса автор демонстрирует на примере двух исторических типов судопроизводства: континентального и англо-американского, применительно к которым цель гражданского процесса формулируется неодинаково. В странах континентального права цель судопроизводства определяется как реальное восстановление нарушенного права, в англосаксонской доктрине – как разрешение спора. Соответственно этому в континентальной традиции границы гражданского процесса включают вопросы исполнения, в то время как английские процессуалисты определяют гражданское судопроизводство как процесс по разрешению споров [41, с. 13, 59–61]. Следуя указанной логике, включение примирения сторон в число целей цивилистического процесса влечет и включение указанной деятельности в предмет правового регулирования данной отрасли права.

Опираясь на предложенную Д. Я. Малешиным концепцию полиструктурности цивилистического процесса, в соответствии с которой последний объединяет два вида процессуальной деятельности – по разрешению споров и по исполнению судебных постановлений, которые в свою очередь включа-

ют более частные виды деятельности, характеризующиеся спецификой цели, субъектного состава и применяемых методов [41, с. 74–75], представляется правомерным определить примирение сторон как частное направление процессуальной деятельности в рамках названных структурных элементов цивилистического процесса.

В поддержку высказанной нами точки зрения приведем слова М. С. Нахова, который считает, что неверно сформулированная цель гражданского судопроизводства (определенная законом как правильное и своевременное рассмотрение и разрешение дела), а также узкое понимание задач по ее достижению (как разрешения дела по существу путем вынесения решения) ограничивает возможности судебной формы защиты права. По мнению автора, с учетом международных стандартов осуществления правосудия и актуальных запросов и потребностей современного общества цель гражданского судопроизводства должна быть определена как «доступная, справедливая, эффективная и реальная защита нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и законных интересов субъектов материального права». При этом достижение указанной цели видится М. С. Нахову через реализацию судом одной из двух функций: 1) правосудия путем вынесения решения либо 2) примирения сторон путем утверждения результата примирительной процедуры [1].

Научные категории выступают тем остовом, который дает устойчивость определенной области знаний и обеспечивает преемственность в ее развитии. Вместе с тем научные категории не являются чем-то застывшим. Их содержание подвержено общему диалектическому принципу постоянного развития и обусловлено как научным прогрессом, так и изменениями в социально-экономическом базисе. Доктринальные понятия науки цивилистического процесса в этом отношении не исключение. Их содержание носит исторический характер и постепенно изменяется (эволюционирует) вслед за теми трансформациями, которые происходят на системном, концептуальном уровне, определяющем основные начала цивилистического процесса в рамках соответствующего исторического типа экономических отношений и социально-политического устройства общества.

Традиционное для отечественной процессуальной цивилистики отождествление понятий «гражданское судопроизводство» и «правосудие по гражданским делам», оперирование понятием «гражданская процессуальная форма» как необходимым признаком деятельности суда по рассмотрению и разрешению гражданских дел, теория гражданского процессуального правоотношения как отношения, обязательным субъектом которого выступает суд, сформировались в тот период, когда под влиянием общественно-политических процессов укрепления и централизации государственной власти концепция суда как органа, разрешающего исключительно частноправовой спор, была преобразована в концепцию суда как органа, осуществляющего защиту нарушенного субъективного права в интересах всего общества [42, с. 69, 75, 77].

На современном этапе, на новом витке исторического развития в силу соответствующих экономических и социально-политических трансформаций в жизни общества сложившееся соотношение частных и публичных начал судопроизводства существенно изменяется [43], что находит выражение в том числе в развитии идей «альтернативного правосудия» и содействия суда примирению сторон.

Примирительные процедуры получают правовое регулирование на уровне процессуального законодательства и активно интегрируются в практику судопроизводства, по причине чего начинают восприниматься как неотъемлемая часть цивилистического процесса. Вместе с тем на уровне доктрины вопрос о месте примирительных процедур в отраслевой системе цивилистического процесса остается открытым, поскольку указанные процедуры не вписываются в устоявшиеся определения гражданского судопроизводства и гражданских процессуальных правоотношений.

Организация в рамках судопроизводства по гражданским и экономическим делам примирительных процедур актуализирует потребность в пересмотре содержания доктринальных понятий процессуальной цивилистики. Современный цивилистический процесс должен утвердиться в своем понимании как совокупность процедур, для одних из которых характерна более интенсивная деятельность суда и соблюдение строгой процессуальной формы, а для других (например, примирительных) – деятельность сторон по делу и относительно неформальный характер. Содержание гражданского процесса необходимо анализировать с позиции того, что оно не исчерпывается понятием правосудия, а к гражданскому процессуальному отношению подходить как к допускающему существование не только «вертикальных» (между судом и участниками процесса), но и «горизонтальных» (между участниками процесса) связей. Данный подход полностью согласуется с тенденциями цивилистического процесса и позволяет более четко определиться с местом примирительных процедур в системе цивилистического процесса.

Библиографические ссылки

1. Нахов М. С. Медиация как механизм реализации цели гражданского судопроизводства : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Сарат. гос. юрид. акад. Саратов, 2015.

2. Zdrok O. N. The phenomenon of mediation in civil justice: statement of the research problem // Community Mediation: in Interdisciplinary perspective : Collective Monograph / ed.: E. M. Dobrescu, T. Taranova. Lap Lambert Academic Pablishing, 2017. P. 7–9.

3. Здрок О. Н. Явление примирительных процедур в цивилистическом процессе: постановка научной проблемы // Проблемы развития альтернативных способов разрешения споров в Республике Беларусь и за рубежом : материалы междунар. семинара – круглого стола, Минск, 1 нояб. 2016 г. / редкол.: Т. С. Таранова (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2016. С. 22–24.

4. Таранова Т. С. Понятие медиативных процедурных отношений и их отличие от процессуальных отношений // Перспективное развитие института медиации в праве Республики Беларусь / под ред. Т. С. Тарановой. Минск, 2017. С. 64–73.

5. Трещева Е. А. Судебные примирительные процедуры: право на существование // Развитие медиации в России: теория, практика, образование : сб. ст. / под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М., 2012. С. 108–109.

6. Севастьянов Г. В. Альтернативное разрешение споров – частное процессуальное право // Рос. ежегодник гражд. и арбитраж. процесса / под ред. В. В. Яркова. СПб., 2008. Вып. 2007 (№ 6). С. 385–419.

7. Морозов М. Э. Общее описание концепции частного процессуального права (права АРС) // Альтернативное разрешение споров в программах высшего дополнительного образования : материалы конф., Санкт-Петербург, 13–14 нояб. 2008 г. СПб., 2008. С. 9–14.

8. Сахнова Т. В. Процедурность цивилистического процесса: методология будущего // Вестн. гражд. процесса. 2012. № 1. С. 9–24.

9. Сахнова Т. В. Судебные и несудебные процедуры: континентальный опыт // Медиация в условиях кризиса: теоретические и практические аспекты : материалы регион. науч.-практ. конф., Красноярск, 26 марта 2010 г. Красноярск, 2010. С. 65–67.

10. Фокина М. А. Процессуальное взаимодействие субъектов гражданского судопроизводства // Осуществление гражданского судопроизводства судами общей юрисдикции и арбитражными (хозяйственными) судами в России и других странах СНГ : сб. докл. и выступлений по материалам междунар. науч.-практ. конф., Москва, 22–23 нояб. 2012 г. / Ин-т государства и права РАН ; под ред. Т. Е. Абовой. М., 2014. С. 45–53.

11. Фокина М. А. Современные тенденции развития системы гражданских процессуальных и арбитражных процессуальных правоотношений // Соврем. право. 2013. № 2. С. 87–93.

12. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.15 / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2012.

13. Ясинская-Казаченко А. В. Особенности системы процедурных и процессуальных правоотношений при разрешении коллективных трудовых споров // Международное, российское и зарубежное законодательство о труде и социальном обеспечении: соврем. состояние и сравнительный анализ : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25–28 мая 2011 г. / Моск. гос. юрид. акад. ; под ред. К. Н. Гусова. М., 2011. С. 374–381.

14. Мануковская А. Н. Процессуальные нормы и правоотношения в трудовом праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2006.

15. Марифхонов Р. Н. Проблемы правового регулирования административных процедур в Республике Таджикистан : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / Рос. ун-т дружбы народов. М., 2013.

16. Дегтярева Е. А. Административные процедуры : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.14 / Рост. юрид. ин-т МВД России. Ростов н/Д, 2007.

17. Громошина Н. А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. М., 2010.

18. Туманов Д. А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 13–20.

19. Улетова Г. Д. Актуальные проблемы гражданского процессуального права // Рос. правосудие. 2018. № 5. С. 103–112.

20. Рожкова М. А. Теория процессуального договора в соотношении с концепцией сделок, направленных на защиту права // Рос. ежегодник гражд. и арбитраж. процесса. 2007. № 6. С. 184–208.

21. Гурвич М. А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения // Избр. тр. Краснодар, 2006. С. 79–122.

22. Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Избр. тр. Краснодар, 2006. С. 13–79.

23. Чечина Н. А. Основные направления развития советского гражданского процессуального права. Л., 1987.

24. Чечина Н. А. Гражданские процессуальные правоотношения. Л., 1962.

25. Зейдер Н. Б. Гражданские процессуальные правоотношения. Саратов, 1965.

26. Жеруолис И. А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969.

27. Сахнова Т. В. Судебные процедуры (о будущем цивилистического процесса) // Арбитраж. и гражд. процесс. 2009. № 2. С. 9–14.

28. Попова Ю. А. Теоретические проблемы гражданской процессуальной (судопроизводственной) формы: современный аспект // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 79–80.

29. Попова Ю. А. Теория процессуальных (судопроизводственных) форм реализации судебной властью функций правосудия (ретроспективный анализ) // Вестн. гражд. процесса. 2012. № 2. С. 10–40.

30. Русман А. А. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Юж.-Ур. гос. ун-т. Челябинск, 2006.

31. Лянго Л. Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Волгоград. юрид. ин-т МВД России. Волгоград, 2000.

32. Gilles P. Civil justice systems in East and West 2007 plus – fundamental current reformmovements and some speculations about civil conflict resolution // The recent tendecies of development in civil procedure law – between East and West.International conference. Vilnius, 2007. P. 26–42.

33. Стрельцова Е. Г. Приватизация правосудия // Вестн. гражд. процесса. 2018. Т. 8, № 2. С. 47–80.

34. Provine D. M., Seron C. Privatization of Judicial Services // J. of Public Administration Research and Theory. 1991. Vol. 1 (3). P. 332.

35. Murray P. L. The Privatization of Civil Justice // Judicature. 2008. Vol. 91 (6). P. 276.

36. Прокудина Л. А. Оптимизация в организации арбитражного судопроизводства России. М., 2007.

37. Reuben R. C. Public Justice: Toward a State Action Theory of Alternative Dispute Resolution // California Law Review. 1997. Vol. 85 (3). P. 641.

38. Бельская И. А. Посредничество (примирение) в хозяйственном процессе: актуальные проблемы и тенденции развития : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.15 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2012.

39. Кузбагаров А. Н. Примирение сторон как составляющая систем цивилистического процесса и исполнительного производства // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сб. науч. ст. СПб., 2008. С. 229–234.

40. Аболонин Г. О. Теоретическое понимание гражданского процесса, его участников и судебной юрисдикции в США и в России // Вестн. гражд. процесса. 2014. № 2. С. 199–272.
41. Малешин Д. Я. Особенности российского типа гражданского процесса // Труды юридического факультета. М., 2008. Кн. 10. С. 9–157.
42. Лебедев В. М., Хабриева Т. Я., Автономов А. С. Правосудие в современном мире. М., 2018.
43. Курочкин С. А. О перспективах развития частных и публичных начал в гражданском процессе // Вестн. гражд. процесса. 2014. № 1. С. 29–48.

И. Н. Колядко
кандидат юридических наук

Т. М. Петоченко
кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ НАУКИ НА КАФЕДРЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА И ТРУДОВОГО ПРАВА

Успешному развитию научных и научно-методологических исследований в сфере гражданского и хозяйственного процесса, трудового права и права социального обеспечения на кафедре гражданского процесса и трудового права способствовал ряд факторов. Прежде всего это наличие преподавателей, способных организовать и руководить подобной работой, а также их количество, достаточное для выполнения значительных научно-прикладных исследований. Существенным фактором являлась теоретическая база в виде формирования и развития научных школ гражданского процесса, трудового права и права социального обеспечения.

В сфере науки гражданского процессуального права еще до образования кафедры (1994) началось формирование процессуальной школы профессора С. В. Курылева [1, с. 54; 2, с. 107]. При этом теоретические основы этой школы имели корни в советской школе профессора М. А. Гурвича, учителя С. В. Курылева, который способствовал становлению белорусской процессуальной школы [2, с. 108], в частности исследования принципа процессуальной экономии В. В. Тихоновичем.

Расширение юридического факультета сопровождалось появлением новых преподавателей и созданием кафедры гражданского процесса и трудового пра-

ва. В связи с этим профессором Н. Г. Юркевичем, инициатором создания и первым заведующим кафедрой, в 1974 г. для расширения процессуальных исследований, подготовки учебных пособий привлечены в качестве преподавателей Т. А. Белова, В. Г. Тихиня, а в 1977 г. И. Н. Колядко, Г. В. Яковлева. Совместными усилиями коллектива названных преподавателей кафедры под редакцией Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини были изданы учебные пособия: «Гражданский процесс БССР» в 4 частях [3] и «Практикум по гражданскому процессу» [4]. В последующем данные книги стали основой для издания первого в Беларуси учебника по гражданскому процессу в двух частях («Общая часть», 2000 и «Особенная часть», 2002) на основе ГПК Республики Беларусь 1999 г. [1; 5]. При этом существенно расширился коллектив авторов (И. И. Верховодко, Т. В. Сысуев, Е. А. Унукович, а затем и О. Н. Романова). Авторы соответствующих глав осуществляли анализ теории и практики как в отдельных научных публикациях, так и для последующих изданий [6–8]. Теоретические положения и рекомендации по применению процессуальных норм вслед за изменениями законодательства и судебной практики анализировались в рамках плановых научных исследований юридического факультета БГУ и излагались в сборниках научно-практических конференций.

Определенные элементы планирования научных исследований и подведение итогов путем издания материалов международных научно-практических конференций по проблемам цивилистических дисциплин на юридическом факультете как традиция сложились с конца 90-х гг. прошлого века [9–11]. Кроме того, в этот период существенно расширился круг аспирантов и соискателей кафедры и в процессе утверждения тем их исследований определялись актуальные направления, что содержало элементы планирования и практической значимости в свете нового законодательства о труде и судопроизводстве. Руководителем государственных программ научно-исследовательской работы цивилистических кафедр был заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права И. Н. Колядко.

Как в советский период, так и позже значительный познавательный и аналитический эффект имела работа над научно-практическими комментариями к кодексам [12].

В постсоветский период следует отметить научно-прикладные работы над комментариями к ГПК и ХПК, которые, однако, велись совместно с судьями Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь [13; 14].

Традиционно на кафедре осуществлялись диссертационные исследования. Следует прежде всего отметить фундаментальное исследование ряда проблем доказывания В. Г. Тихиней с привлечением смежных наук (криминалистики и др.), которое в определенной степени явилось развитием и процессуальной школы профессора С. В. Курылева в рамках советского законодательства и советской доктрины о доказывании [15]. Появление на кафедре процессуалиста – доктора юридических наук создало благоприятные условия для подготовки ряда кандидатских диссертаций под руководством В. Г. Тихи-

ни, в частности: «Судопроизводство по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях» (И. Н. Колядко, 1986), «Частные определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе» (Л. И. Василевский, 1988), «Участие адвоката в доказывании по гражданским делам» (Е. Б. Клейн, 1988), «Вещественные доказательства в гражданском процессе» (А. П. Петров, 1989), «Участие прокурора в пересмотре судебных решений, определений и постановлений по гражданским делам, вступивших в законную силу (по материалам Белорусской ССР)» (В. С. Каменков, 1990), «Становление и развитие гражданского процессуального права Белорусской ССР (1917–1937 гг.)» (И. М. Казей, 1990), «Проблемы участия общественных организаций и объединений трудовых коллективов в советском гражданском процессе» (В. Г. Голованов, 1991).

Одновременно профессор Н. Г. Юркевич часть своих научных интересов от проблем гражданского, семейного права и социологии переместил в сферу гражданского процесса, и под его руководством была защищена кандидатская диссертация «Процессуальные проблемы возмещения вреда, причиненного здоровью рабочих и служащих при исполнении ими трудовых обязанностей в государственных организациях» (Т. А. Белова, 1989).

Значение указанных исследований следует оценить как определенный вклад в развитие теории советского гражданского процесса в части становления доктрины видов судопроизводства, особенностей рассмотрения отдельных категорий дел, статуса некоторых участников процесса, правовой природы некоторых судебных постановлений, анализа специфики развития процесса в послереволюционный период и др. Одновременно нельзя не отметить, что эти исследования не могли на будущее обосновать решение проблем гражданского судопроизводства, которые возникли и решались в постсоветский период. Вместе с тем результатом подготовки новых квалифицированных научных работников явилось расширение круга руководителей будущих исследований как на кафедре, так и в других учебных и научных учреждениях под их руководством. В определенной степени их теоретические взгляды имели влияние на подготовку не только специалистов высшей квалификации по гражданскому процессу, но и первых и последующих проектов ГПК и ХПК Республики Беларусь. Так, подготовленный под руководством профессора Н. Г. Юркевича, Т. А. Беловой и И. Н. Колядко первый проект ГПК в 1992 г. был представлен в Министерство юстиции Республики Беларусь и обсуждался комиссией с участием авторов и В. С. Каменкова как представителя Прокуратуры Республики Беларусь [1, с. 56]. Авторы первого проекта ГПК были членами государственной комиссии по ГПК 1993 г., а его структура была положена в основу ГПК 1999 г. Парламентской комиссией с участием И. Н. Колядко в 1998 г. [1, с. 58]. В последующие годы в целях реформирования судопроизводства по хозяйственным делам В. С. Каменков осуществил на кафедре фундаментальное исследование гарантии права на судебную защиту и обеспечил внедрение в законодательство и практику хозяйственного судопроизводства апелляционного,

кассационного производства, модернизации надзорного производства и исполнительного производства по хозяйственным делам [16]. В. С. Каменкову принадлежит также инициатива внедрения посредничества в хозяйственном судопроизводстве.

Для развития науки гражданского процессуального права в постсоветский период характерна тенденция анализа ряда актуальных и практически значимых вопросов, а после принятия ГПК 1999 г. и ХПК 1998 г. – ряда актуальных проблем соответствующего судопроизводства на основе теории гражданского процесса. Следует признать, что научный аппарат, доктринальная основа анализа порядка рассмотрения и разрешения отдельных категорий дел, а также основных институтов осуществлялись под влиянием советской доктрины гражданского процессуального права. Вместе с тем стали проявляться отдельные элементы своеобразия в постановке проблем отдельных видов производства (например, приказного и производства из административно-правовых отношений) в отличие от доктрины российского процессуального права. Однако в хозяйственном судопроизводстве в связи с тенденцией гармонизации законодательства первоначально сказывалось влияние новелл теории арбитражного процесса.

На кафедре гражданского процесса и трудового права или под руководством преподавателей кафедры был осуществлен ряд исследований на основе национального законодательства Республики Беларусь

Под руководством Т. А. Беловой были осуществлены диссертационные исследования о защите прав и интересов несовершеннолетних (О. Н. Здрок, 1999), рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации в гражданском и хозяйственном судопроизводстве (О. Н. Романова (Герасимович), 2001), законной силе постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе (В. П. Скобелев, 2005), процессуальной ответственности в судопроизводстве по гражданским делам (Н. Н. Никонова (Тумащик), 2006). Под руководством И. Н. Колядко защищены диссертации о признании недействительными актов государственных и иных органов в хозяйственных судах (И. И. Верховодко, 2001), процессуальных особенностях судебной защиты жилищных прав граждан (Н. В. Козловская, 2004), защите прав и законных интересов граждан при причинении вреда нанимателем жизни и здоровью работника (Т. В. Воронович, 2008), об оценке доказательств в суде первой и второй инстанции по гражданским делам (В. В. Паращенко, 2009), о предварительном судебном заседании в гражданском судопроизводстве (Ю. В. Кочурко, 2012), об особенностях рассмотрения и разрешения судами дел о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (Е. А. Михасева, 2015); под руководством И. М. Казей – о реализации права на судебную защиту в приказном производстве в общих судах (Д. В. Сысоев, 2006 г.).

Профессор Н. Г. Юркевич обратился к актуальным проблемам третейского разбирательства как инициатор создания международного арбитражно-

го третейского суда при БелТПП и исследований проблем функционирования третейских судов в Республике Беларусь и за рубежом. Под его руководством осуществлены диссертационные исследования о решении международного арбитражного суда (А. С. Данилевич, 2004), признании и приведении в исполнение решений международных арбитражных судов (И. В. Перерва, 2007). Кроме того, профессор Н. Г. Юркевич и доцент И. Н. Колядко выступили руководителями диссертационных исследований в НАН Республики Беларусь и Академии управления при Президенте Республики Беларусь: Н. Г. Юркевич – об иске как средстве судебной защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и юридических лиц (С. Б. Матвийчук, 2006), о заочном производстве в гражданском процессе (О. В. Бодакова, 2009); И. Н. Колядко – о реализации принципа состязательности в гражданском судопроизводстве (Т. С. Таранова, 2001), взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей в исполнительном производстве (Е. П. Хотько, 2012).

В. С. Каменков в качестве Председателя Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларуси осуществлял руководство кандидатской диссертацией В. В. Жандарова по теме «Процессуальные особенности рассмотрения дел в хозяйственном суде: первой и кассационной инстанциях» (2001), а в последующем на кафедре гражданского процесса и трудового права – диссертацией И. А. Бельской о посредничестве (примирении) в хозяйственном процессе (2012) и Н. А. Бесецкой о правовом положении иностранных лиц в хозяйственном процессе (2017).

Результаты произведенных диссертационных исследований и публикации ряда аспирантов, соискателей и преподавателей кафедры содействовали обсуждению актуальных проблем реформирования процессуального законодательства о гражданском, хозяйственном и арбитражном судопроизводстве, выработке практических рекомендаций по совершенствованию данного законодательства и таким образом способствовали восприятию этих рекомендаций законодателем. В частности, значительное внимание уделялось вопросам внедрения апелляционной формы пересмотра судебных постановлений, в том числе анализу реформ порядка пересмотра вступивших и не вступивших в законную силу постановлений судов с учетом опыта Российской Федерации, концепции видов производства, стадии процесса [17].

Ряд указанных исследований обозначил проблемы незавершенности системного урегулирования судопроизводства, необходимость совершенствования как отдельных его видов в суде первой инстанции, так и порядка осуществления полномочий вышестоящих судов по пересмотру судебных постановлений, наличие существенных различий по этим вопросам в гражданском и хозяйственном процессе.

Определенное обобщение десятилетнего опыта применения ГПК, ХПК и ТК Республики Беларусь было осуществлено усилиями сотрудников кафедры в 2009 г. [18]. При этом были обозначены тенденции развития, необходимость его совершенствования в том числе путем оптимизации посредством применения примирительных процедур, форм пересмотра судебных постановлений.

Следует также отметить первый опыт успешного руководства диссертационными исследованиями нового поколения ученых-процессуалистов. Так, И. И. Верховодко руководил диссертацией М. Н. Мадудиной, посвященной порядку производства в хозяйственном суде кассационной инстанции (2013), О. Н. Здрок – диссертацией А. В. Лаевской об электронных доказательствах в гражданском и хозяйственном процессе (2017).

К руководству диссертационными исследованиями подключились О. Н. Романова и В. П. Скобелев, которые одновременно переработали тексты кандидатских диссертаций в монографии с серьезным обновлением содержания с учетом новелл законодательства [19; 20].

В дальнейших исследованиях ученые кафедры обратились к вопросам унификации судопроизводства как проблемы, обеспечивающей единство форм судебной защиты и адаптации гражданского и хозяйственного судопроизводства не только к разрешению дел, но и к существующим в международной практике формам примирения сторон.

Фундаментальное исследование ряда проблем унификации доказывания в гражданском и хозяйственном судопроизводстве провела соискатель кафедры Т. С. Таранова (2012) [21]. Выявление расхождений в вопросах доказывания в гражданском и хозяйственном судопроизводстве, преимуществ и недостатков норм ГПК и ХПК позволило поставить вопросы об унификации доказывания в этих отраслях законодательства и косвенно – о необходимости унификации гражданского и хозяйственного судопроизводства.

Постановка проблем посредничества и примирения сначала в хозяйственном судопроизводстве, а впоследствии и в гражданском судопроизводстве и в правоприменительной практике позволила О. Н. Здрок выдвинуть идею внедрения примирительных процедур в указанные сферы [22] и провести на кафедре фундаментальное исследование «Примирительные процедуры в цивилистическом процессе» (2019) [23].

Это исследование произведено с учетом знаний, опыта регулирования судопроизводства за рубежом [24]. Оно способствовало унификации правил примирения в действующем ГПК и ХПК и на доктринальном уровне привнесло новеллы в теорию гражданско-процессуальных правоотношений стадий гражданского производства и ряд других институтов. В значительной степени результаты исследования опережают традиционную доктрину гражданского процесса, а ряд предложений требуют дальнейшего внедрения в законодательство.

Формирование в конце 60-х гг. XX в. в Белорусском государственном университете одного из основных научных центров создало предпосылки для подготовки научных кадров и проведения научно-прикладных исследований в области трудового права. Под научным руководством кандидата юридических наук профессора юридического факультета БГУ Г. А. Поветьева были подготовлены диссертационные исследования Ю. П. Смирнова о роли советских профсоюзов в области охраны труда (1960) и Л. Я. Островского по проблемам рабочего времени в промышленности по материалам БССР (1961).

В 70–80-е гг. XX в. на кафедре гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ проводились актуальные научно-прикладные исследования в социально-трудовой сфере. Круг научных интересов кандидатов юридических наук доцентов кафедры В. П. Дуюна, Х. Т. Мелешко и старшего преподавателя Е. М. Онуфриева охватывал институты рабочего времени и времени отдыха, трудовой дисциплины, аттестации рабочих и служащих и др. [25; 26]. Ими был подготовлен практикум по советскому трудовому праву, на основе которого в течение 20 лет велась подготовка студентов юридического факультета [27]. Свой вклад в разработку вопросов трудовых споров внесли ученые-процессуалисты Н. Г. Юркевич и В. Г. Тихиня.

Окончательное формирование белорусской школы трудового права, в том числе на кафедре гражданского процесса и трудового права, связано с научной и научно-методической деятельностью учеников члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь В. И. Семенкова. Его основные научно-прикладные исследования посвящены вопросам надзора и контроля, охраны труда [28]. В 1995 г. В. И. Семенков возглавил Совет по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте государства и права НАН Беларуси.

Под руководством профессора В. И. Семенкова подготовлены и защищены кандидатские диссертации учеными, которые впоследствии стали доцентами кафедры гражданского процесса и трудового права и осуществляли научно-прикладные исследования в социально-трудовой сфере: О. С. Курылева («Судебная практика и совершенствование трудового законодательства», 1986); А. А. Войтик («Правовые проблемы согласования интересов собственника и трудового коллектива в сфере управления трудом», 1991), Т. М. Петоченко («Проблемы правового положения женщин в связи с материнством по трудовому законодательству», 1995), Е. В. Мотина («Возмещение морального вреда в трудовом праве», 2002), С. Л. Жвиридовская («Правовое регулирование материальной ответственности работников за ущерб, причиненный нанимателю», 2004). Результаты диссертационных исследований нашли отражение в публикациях и оказали определенное влияние на развитие законодательства о труде [29–31].

Под руководством кандидатов юридических наук доцентов кафедры были защищены диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: под руководством доцента О. С. Курылевой – О. В. Чесалиной («Коллективные договоры в Беларуси, России, Польше: сравнительно-правовой аспект», 2002), К. Л. Томашевским («Изменение трудового договора», 2003), Я. В. Кривым («Правовое регулирование заемного труда: международно-правовой, сравнительный и национальный аспекты», 2006); под руководством доцента Х. Т. Мелешко – Т. А. Постоваловой («Правовое регулирование пособий по временной нетрудоспособности», 2001) и М. П. Капыльским («Охрана прав граждан на пенсионное обеспечение в Республике Беларусь», 2003); под руководством доцента Т. М. Петоченко – Т. Э. Шпилевской («Особенности правового регулирования

труда профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения», 2010); под руководством доцента К. Л. Томашевского – Е. А. Волк («Нормативные соглашения в трудовом праве», 2011).

К. Л. Томашевский в 2018 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Системы источников трудового права государств – членов ЕАЭС: теория и практика» (утверждена приказом ВАК РФ от 15 ноября 2018 г.). Решением Президиума ВАК Республики Беларусь от 4 декабря 2019 г. ему присуждена ученая степень доктора юридических наук. Научные интересы доктора юридических наук, профессора К. Л. Томашевского связаны с проблемами международного, национального и сравнительного трудового права, междисциплинарными исследованиями, особое внимание уделяется источникам трудового права [32–35].

В круг научных интересов доцента О. С. Курылевой входят вопросы противоречий в праве, коллизий, пробелов в трудовом праве, применения аналогии закона, аналогии права. Большое внимание в исследованиях она уделяет вопросам судебной практики как самостоятельного явления в праве, трудоправовой ответственности, трудовым спорам, примирению и посредничеству и др.

В своих публикациях доцент Т. М. Петоченко исследует вопросы функций и принципов трудового права, дифференциации правового регулирования труда отдельных категорий работников, гендерных аспектов правового регулирования трудовых отношений, альтернативных способов разрешения и урегулирования трудовых споров, материальной ответственности сторон трудового договора и др.

Научные интересы доцента Е. В. Мотиной связаны с трудовым правом Республики Беларусь и зарубежных государств, сравнительным трудовым правом. Особого внимания заслуживают работы автора, посвященные компенсации морального вреда в трудовом праве, срокам в трудовом праве, дифференциации правового регулирования труда отдельных категорий работников, трудовым спорам и др.

Исследованием вопросов форм и способов защиты трудовых прав и законных интересов граждан Республики Беларусь, самозащитой трудовых прав в рамках диссертационных исследований занимаются старшие преподаватели кафедры О. Л. Нихайчик и Т. В. Клачкова [36; 37].

Основные результаты научно-прикладных исследований сотрудников кафедры в сфере трудового права нашли отражение в учебниках «Трудовое право» (2002, 2006, 2011, 2016) [38], учебных пособиях «Курс трудового права. Общая часть» (2010) [39], «Курс трудового права. Особенная часть. Индивидуальное трудовое право» в 3 т. (2014) [40], «Трудовое право» (2020) [41], учебно-методическом пособии «Трудовые споры и их урегулирование» (2015) [42].

После новой кодификации трудового законодательства сотрудники кафедры А. А. Войтик, О. С. Курылева, А. П. Дубовец, Х. Т. Мелешко, Е. В. Мотина,

Т. М. Петоченко, К. Л. Томашевский регулярно принимали участие в издании «Постатейного комментария к Трудовому кодексу Республики Беларусь» под общей редакцией Г. А. Василевича (2000, 2003, 2005, 2008, 2014, 2020) [43], а также Комментария новелл Трудового кодекса Республики Беларусь [44]. На этапе расширения применения контрактной формы найма А. А. Войтиком и К. Л. Томашевским был подготовлен научно-практический комментарий к законодательству о контрактах, в котором комплексно рассматриваются теоретические и практические вопросы контрактной формы трудового найма, даны рекомендации по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере [45].

Сотрудники кафедры имеют значительный практический опыт и связь с практикой применения законодательства в социально-трудовой сфере. Доценты и преподаватели кафедры являются авторами практикумов по трудовому праву [46; 47] и праву социального обеспечения [48; 49]. Ими обобщен обширный современный правоприменительный опыт в сфере трудового права, в том числе судебная практика по рассмотрению трудовых споров, и сохранена преемственность подготовки аналогичных учебных пособий несколькими поколениями доцентов и преподавателей кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ.

Большой вклад в развитие науки права социального обеспечения Республики Беларусь внесли кандидаты юридических наук, доценты Х. Т. Мелешко и Т. А. Постовалова. Доцент Х. Т. Мелешко исследовала конституционные основы социального обеспечения Республики Беларусь и основные права личности в сфере социального обеспечения. Под ее редакцией было издано учебное пособие по праву социального обеспечения [50]. Т. А. Постовалова занималась исследованиями правовых вопросов социальной защиты, социальных рисков, профессиональных рисков, обосновывая их необходимость для распределения материальной ответственности между государством и нанимателем. В настоящее время она занимается анализом международно-правовых актов о социальном обеспечении, социальном страховании, о социальных правах граждан в рамках Совета Европы, социальном праве Европейского союза и путях его дальнейшей гармонизации и координации, в результате чего намечены пути возможного использования зарубежного опыта социального обеспечения в условиях белорусской действительности. Итоги научных исследований Т. А. Постоваловой вошли в подготовленные ею учебные пособия [51–54].

Сотрудники кафедры доценты Т. А. Белова, О. Н. Здрок, О. С. Курылева, Е. В. Мотина, Т. М. Петоченко и профессор К. Л. Томашевский входят в состав редакционных советов (коллегий) научных и научно-практических журналов и научных сборников по праву.

В публикациях членов кафедры нашли отражение научные подходы, определяющие перспективы и направления развития важнейших институтов гражданского процесса, трудового права и права социального обеспечения. Отдельные выводы и предложения были учтены при совершенствовании

законодательства Республики Беларусь [55]. Результаты научных исследований с разной степенью оперативности используются в нормотворческой и правоприменительной практике. Необходимость расширения третейского разбирательства была воспринята достаточно оперативно и отражена в законодательстве о третейском судопроизводстве. Однако необходимость унификации судопроизводства по гражданским и экономическим делам, которые являются предметом одной отрасли права [1, с. 14; 56], стала обсуждаться лишь в последние годы, и результаты этих обсуждений могут быть внедрены при принятии единого процессуального кодекса с учетом исследований процессуалистов Республики Беларусь, а также прежде всего стран СНГ и иных зарубежных государств.

Представители белорусской науки, являющиеся профессорами, доцентами и преподавателями кафедры гражданского процесса и трудового права, продолжают исследования актуальных теоретических и практических проблем гражданского процесса, трудового права и права социального обеспечения в целях определения перспективных направлений развития национального законодательства. Выводы, представленные в монографиях, статьях и учебных пособиях, могут служить основой для дальнейших теоретико-прикладных исследований, научных дискуссий и совершенствования законодательства Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Минск, 2000.
2. Колядко И. Н. Сергей Васильевич Курылев // Журн. Белорус. гос. ун-та. Право. 2020. № 3. С. 106–108.
3. Гражданский процесс БССР : учеб. пособие : в 4 ч. / под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. Минск, 1979–1982.
4. Практикум по гражданскому процессу БССР / под ред. Н. Г. Юркевича и В. Г. Тихини. Минск, 1984.
5. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Минск, 2002.
6. Гражданский процесс. Общая часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Минск, 2006.
7. Гражданский процесс. Особенная часть : учебник / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, Н. Г. Юркевича. Минск, 2007.
8. Практикум по гражданскому процессу : учеб. пособие / под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко. Минск, 2018.
9. Теория и практика реализации субъективных прав физических и юридических лиц : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. И. Н. Колядко. Минск, 2003.
10. Эффективность осуществления защиты права как гарантия создания правового государства : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 2–3 дек. 2004 г. / редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2005.

11. Правовые средства обеспечения развития экономики Республики Беларусь : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 нояб. 2007 г. / редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2008.

12. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1989.

13. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л. И. Бакиновская [и др.] ; под общ. ред. Т. А. Беловой, И. Н. Колядко, И. А. Мироничeнко. Минск, 2005.

14. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / А. Д. Авдеев [и др.] ; под общ. ред. В. С. Каменкова, И. Н. Колядко. Минск, 2006.

15. Тихиня В. Г. Теоретические проблемы применения данных криминалистики в гражданском судопроизводстве. Минск, 1983.

16. Каменков В. С. Защита интересов юридических лиц и граждан в хозяйственном (арбитражном) процессе на основе Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Минск, 2001.

17. Колядко И. Н. Тенденции развития законодательства и институтов стадий и видов судопроизводства в гражданском и хозяйственном процессе // Юстиция Беларуси. 2005. № 11. С. 41–46.

18. Современные тенденции кодификации законодательства (10 лет ГПК, ХПК, ТК Республики Беларусь) : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 нояб. 2009 г. / НЦЗПИ, БГУ ; редкол.: Т. А. Белова [и др.]. Минск, 2009.

19. Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск, 2018.

20. Романова О. Н. Защита чести, достоинства и деловой репутации в общих и хозяйственных судах. Минск, 2007.

21. Таранова Т. С. Проблемы унификации доказывания в гражданском и хозяйственном судопроизводстве. Минск, 2010.

22. Здрок О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: современная цивилистическая концепция. Минск, 2013.

23. Здрок О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе. Минск, 2018.

24. Здрок О. Н. Гражданский процесс зарубежных стран : учеб. пособие. М., 2005.

25. Дуюн В. П. Рабочее время и время отдыха. Минск, 1985.

26. Мелешко Х. Т. Правовые проблемы аттестации рабочих и служащих. Минск, 1990.

27. Дуюн В. П., Онуфриев Е. М., Мелешко Х. Т. Практикум по советскому трудовому праву : учеб. пособие для юрид. специальностей высш. учеб. заведений. Минск, 1984.

28. Семенков В. И. Избранные труды. Минск, 2013.

29. Курылева О. С. Судебная практика и совершенствование трудового законодательства. Минск, 1989.

30. Петоченко Т. М. Особая охрана труда женщин: понятие и содержание. Минск, 2007. С. 331–335.

31. Мотина Е. В. Компенсация морального вреда: трудоправовой аспект : науч.-практ. пособие. Минск, 2009. (Библиотечка журнала «Юрист». Право и бизнес. № 10).

32. Томашевский К. Л. Изменение трудового договора и условий труда: сравнительный анализ законодательства России, Беларуси, других стран СНГ и Западной Европы. М., 2005.

33. Томашевский К. Л. Очерки трудового права. История, философия, проблемы систем и источников. Минск, 2009.

34. Томашевский К. Л. Система источников трудового права Беларуси: история, теория и практика. Минск, 2013.

35. Томашевский К. Л. Источники трудового права государств – членов Евразийского экономического союза (проблемы теории и практики). Минск, 2017.

36. Нихайчик О. Л. Формы защиты трудовых прав и законных интересов граждан в Республике Беларусь. Право в современном белорусском обществе // Сборник научных трудов, посвященный доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь С. Г. Дробязко. Минск, 2018. Вып. 13. С. 487–494.

37. Клачкова Т. В. Ограничение права на самозащиту в трудовом праве Беларуси // Юридическая наука и правоприменительная практика : материалы междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Минск, 26–27 окт. 2012 г. Минск, 2012. С. 168–170.

38. Трудовое право : учебник / В. И. Семенков [и др.] ; под ред. В. И. Семенкова. Минск, 2016.

39. Курс трудового права. Общая часть : учеб. пособие / А. А. Войтик [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылевой и К. Л. Томашевского. Минск, 2010.

40. Курс трудового права. Особенная часть. Кн. 1: Индивидуальное трудовое право : в 3 т. / А. А. Войтик [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылевой и К. Л. Томашевского. Минск, 2014.

41. Трудовое право : учеб. пособие / О. С. Курылева [и др.] ; под ред. Т. М. Петоченко. Минск, 2019.

42. Урегулирование индивидуальных трудовых споров в досудебном порядке (раздел 2.3.) // Трудовые споры и их урегулирование : учеб.-метод. пособие / А. Г. Авдей [и др.] ; под ред. У. Хелльманна [и др.]. Минск, 2015.

43. Постатейный комментарий Трудового кодекса Республики Беларусь / ред. совет: Г. А. Василевич (пред.) [и др.]. Минск, 2020.

44. Комментарий новелл Трудового кодекса Республики Беларусь / Г. А. Василевич [и др.] ; под общ. ред. О. С. Курылевой, К. Л. Томашеского. Минск, 2008.

45. Томашевский К. Л., Войтик А. А. Научно-практический комментарий к законодательству о трудовых контрактах (с приложением примерных форм контрактов и нормативных правовых актов). Минск, 2003.

46. Трудовое право. Практикум : учеб. пособие / А. А. Войтик [и др.] ; под ред. А. П. Дубовца, О. С. Курылевой, К. Л. Томашевского. Минск, 2008.

47. Практикум по трудовому праву : учеб.-метод. пособие / А. А. Войтик [и др.] ; под ред. О. С. Курылевой, Е. В. Мотиной, Т. М. Петоченко. Минск, 2019.

48. Мелешко Х. Т., Постовалова Т. А., Воробьев Н. Г. Практикум по праву социального обеспечения. Минск, 2002.

49. Практикум по праву социального обеспечения : учеб.-метод. пособие / Т. А. Постовалова [и др.] ; под ред. Т. А. Постоваловой. Минск, 2013.

50. Право социального обеспечения : учеб. пособие / Г. А. Василевич [и др.] ; под ред. Х. Т. Мелешко. Минск, 2013.

51. Постовалова Т. А. Курс права социального обеспечения в Республике Беларусь. Минск, 2008.

52. Постовалова Т. А. Трудовое и социальное право зарубежных стран : учеб.-метод. пособие. Минск, 2010.

53. Постовалова Т. А. Право социального обеспечения Республики Беларусь. Минск, 2013.
54. Постовалова Т. А. Социальное право Европейского союза: теория и практика. М., 2016.
55. Курылева О. С., Мотина Е. В., Петоченко Т. М. Трудовой кодекс Республики Беларусь: концептуальные изменения // Трудовое и соц. право. 2018. № 2. С. 17–24.
56. Колядко И. Н. Теоретические предпосылки единого Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь // Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф, посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018. С. 495–498.

С. В. Курылев
(1919–1968)
доктор юридических наук

О ПРАВЕ НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ИСКА[1]

Право граждан и социалистических организаций на правосудие по гражданским делам – это право требовать возбуждения деятельности суда, рассмотрения и разрешения гражданского спора, право на получение от суда мотивированного и убедительного ответа по возникшему спору, право отстаивать свою точку зрения перед коллегиальным судом с участием народных заседателей, доказывать свою правоту в условиях гласности, состязательности, непосредственности и других демократических принципов советского гражданского процесса, обеспечивающих правильность и объективность разрешения правовых споров. В силу этого право на правосудие и его важнейшая разновидность – право на предъявление иска являются особо действенным средством защиты субъективных прав граждан и организаций, а также необходимой гарантией законности в области гражданских, трудовых и других правоотношений.

Важнейшей задачей процессуальной науки является выяснение тех условий, с которыми связывается возникновение и существование права на правосудие. Между тем многое здесь является предметом спора в теории и неодинаково решается в судебной практике. В особенности это относится к наиболее острому,

[1] Друкуецца паводле: *Курылев С. В.* О праве на предъявление иска // Совет. государство и право. 1958. № 1. С. 53–61.

на наш взгляд, в настоящее время вопросу: могут ли быть предметом судебного рассмотрения так называемые требования, «не подлежащие защите вообще»?

В судебной практике встречаются случаи обращения граждан и организаций с исками, не основанными на законе. Иногда незаконность требования обнаруживается при приеме искового заявления, в ряде случаев она выясняется в процессе рассмотрения дела. Какие процессуальные последствия должно влечь установление незаконности требования: отказ в приеме искового заявления, прекращение дела (если заявление было принято) или отказ в иске?

В литературе[1] и судебной практике в решении этого вопроса нет единообразия. Для правильной оценки рассматриваемой ниже практики среди так называемых «незаконных» или «не подлежащих защите» требований следует различать прежде всего, по нашему мнению, следующие их разновидности: требования, не подлежащие защите в силу их не предусмотренного законом основания, и требования, не подлежащие защите в силу их не предусмотренного законом предмета. Первые в дальнейшем будем называть юридически необоснованными, вторые – юридически беспредметными.

* * *

В большинстве случаев юридическая обоснованность иска не расценивается судами в качестве предпосылки права на предъявление иска. Установление правовой необоснованности иска влечет не прекращение дела, а решение по существу – отказ в иске. Так, народным судом был удовлетворен иск жилищно-коммунального отдела Ленинского района Одессы к Ткачук о лишении ее права собственности на дом по тем основаниям, что Ткачук извлекает из дома нетрудовой доход. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР[2] указанное требование и решение суда признала незаконными, противоречащими ст. 10 Конституции СССР, однако дело производством не прекратила, а лишь отказала в иске[3].

Оргеевский горкомхоз предъявил иск к Дмитриеву о выселении из дома местного Совета, мотивировав его тем, что Дмитриев имеет дом на праве личной собственности. Судебная коллегия признала требование истца о выселении по указанным мотивам не основанным на законе, так как ни ст. 171 ГК УССР, ни постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. не предусматривают

---

[1] Анализ взглядов см.: *Гурвич М. А.* Право на иск. М. ; Л., 1949. С. 66–71.

[2] В дальнейшем для краткости используется сокращенное наименование «Судебная коллегия».

[3] См.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1955 г. № 1. С. 47, 48. Здесь и в дальнейшем мы рассматриваем главным образом опубликованные данные практики Верховного Суда СССР. Несмотря на произведенное Законом от 12 февраля 1957 г. существенное изменение компетенции Верховного Суда СССР, предлагаемый анализ не теряет своего значения. Практика Верховного Суда СССР оказала неизбежное влияние на практику всех нижестоящих судов. Те тенденции, которыми характеризовалась практика Верховного Суда СССР, существовали и продолжают существовать в практике верховных судов союзных республик.

возможности такого переселения; однако дело производством не было прекращено, а было передано на новое рассмотрение для разрешения по существу[1]. Этот пример свидетельствует о необходимости разрешения вопроса о правовой обоснованности иска не до судебного разбирательства (процесса) единолично судьей, а путем судебного разбирательства (процесса). Судебная коллегия указывает на возможность применения в данном случае ст. 6 ГПК УССР при условии установления со стороны Дмитриева использования своего дома для извлечения нетрудовых доходов и некоторых других обстоятельств. А это, естественно, возможно лишь в случае рассмотрения дела по существу.

Однако в ряде других определений Верховного Суда СССР отражена и противоположная тенденция – рассматривать юридическую обоснованность иска в качестве предпосылки права на его предъявление, отсутствие которой препятствует судебному рассмотрению и разрешению спора[2]. Так, народный суд Уржумского района по иску Уржумского райздравотдела вынес решение о лишении Ш. (матери-одиночки) родительских прав и о взыскании с Ш. алиментов на ребенка на том основании, что Ш. отказалась взять сына из дома ребенка. Рассмотрев указанное дело в порядке надзора, Судебная коллегия пришла к выводу, что требование о лишении родительских прав матери-одиночки и о взыскании с нее алиментов ввиду отказа взять ребенка из детского дома является юридически необоснованным; однако она не отказала в иске по отмеченному выше основанию, а прекратила дело производством, сославшись на незаконность искового требования[3], признав тем самым неправомерным возникновение процесса по такому требованию.

Народный суд 3-го участка Ялты вынес решение об удовлетворении иска прокурора Ялты, предъявленного в интересах колхоза, о сносе домовладения Величко с общественных земель колхоза и встречного иска Величко о взыскании стоимости дома 18 100 р. и стоимости насаждений 5388 р. С указанным решением согласились Крымский областной суд и Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РСФСР. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР признала требование о сносе домовладения не основанным на законе и опять-таки не отказала в иске, а вынесла определение о прекращении дела производством, сославшись на неподведомственность требования суду как противоречащего ст. 10 Конституции СССР[4].

Характерно, что даже требования, одинаково противоречащие ст. 10 Конституции СССР, получили, однако, различное процессуальное разрешение (по делу Ткачук – отказ в иске, по делу Величко – прекращение дела). Кроме того,

---

[1] Судебная практика Верховного Суда СССР за 1948 г. Вып. IV. С. 16, 17. Аналогичное разрешение вопроса о юридически необоснованных исках см.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1950 г. № 12. С. 6, 7 ; 1955. № 2. С. 38 ; 1956. № 1. С. 36 и др.

[2] Этот взгляд получил резонанс и в учебной литературе. См., например: *Абрамов С. Н.* Советский гражданский процесс. М., 1952. С. 157.

[3] См.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1951 г. № 8. С. 28.

[4] См.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1954 г. № 3. С. 40, 41.

в определении по делу Величко юридическая необоснованность иска была использована Судебной коллегией не в качестве самостоятельного основания для прекращения дела, а как разновидность неподведомственности. Следовательно, здесь в понятие неподведомственности был вложен более широкий смысл, чем обычно: неподведомственно суду не только то требование, которое должно рассматриваться не судом, а другим органом, но и то, которое не основано на законе, а поэтому вообще не подлежит защите; другими словами, подведомственно суду лишь такое требование, которое при предположении о доказанности его оснований подлежит удовлетворению.

Оба эти положения представляются неправильными, не соответствующими закону. Какой можно сделать вывод из этих определений для судебной практики? Если дела по требованиям, основание которых не предусмотрено законом, подлежат прекращению, то, следовательно, возбуждение таких дел является ошибочным[1]. Поэтому судья без судебного разбирательства со всеми его процессуальными гарантиями может единолично при приеме искового заявления решать вопрос о юридической обоснованности требования и в случае отрицательного ответа отказывать в приеме искового заявления, ссылаясь либо на неподведомственность, либо на незаконность иска.

Но можно ли привести какие-либо основания в пользу лишения сторон права требовать судебного рассмотрения исков, которые при приеме представляются юридически необоснованными? Имеются ли достаточные процессуальные гарантии для того, чтобы судья единолично мог правильно разрешить вопрос о том, предусмотрено или не предусмотрено законом основание требования истца? Таких гарантий во многих случаях нет. До разбирательства дела вопрос о правовой обоснованности иска можно решить лишь предположительно. Окончательное и правильное его разрешение невозможно на основании только допущения истинности фактов, положенных в основание иска: оно возможно лишь после выяснения всех обстоятельств дела, следовательно, только путем судебного разбирательства со всеми его процессуальными гарантиями.

В соответствии со ст. 2 ГПК основание иска может измениться в течение процесса. Следовательно, в процессе судебного разбирательства может случиться, что требование истца, казавшееся ранее в соответствии с фактами,

[1] Имеющееся согласно закону (п. «б» ст. 246 ГПК РСФСР и п. «а» абз. 2 ст. 254-6 ГПК) у кассационной и надзорной инстанций право прекращать дело по мотивам отсутствия права на иск, как справедливо указывалось в литературе, есть право прекращения дел, возбужденных неправомерно, при отсутствии права на предъявление иска (см.: *Гурвич М. А.* Право на иск. С. 111–113). Понимание в данном случае «права на иск» не в процессуальном, а в материальном значении давало бы, вопреки закону, кассационной инстанции возможность под видом прекращения дела выносить фактически новые решения не только в виде исключения, предусмотренного ст. 246-а ГПК, но и во всех случаях необоснованности требования истца. Верховный Суд СССР, прекращая дела в рассматриваемых здесь случаях, ссылается не на отсутствие права на иск, а на незаконность или на неподведомственность юридически необоснованных требований, т. е. ориентирует суды на отказ в приеме исковых заявлений с такими требованиями.

положенными в основание иска, не основанным на законе, в связи с вновь выясненными обстоятельствами может оказаться основанным на законе.

Рассмотрение вопроса о правовой обоснованности требования является одним из этапов разрешения спора о праве гражданском, и это разрешение часто не является простым и очевидным. Мало того, в ряде случаев требование, основание которого не предусмотрено законом, может оказаться законным ввиду возможности применения аналогии права (ст. 4 ГПК), как, в частности, указал Верховный Суд СССР по рассмотренному выше делу Дмитриева. Естественно, если считать, что не предусмотренные законом требования (например, из договоров пожизненного содержания) не могут быть предметом судебного рассмотрения, то возможность применения аналогии права по существу исключается.

В силу этих соображений нельзя рассмотрение и разрешение вопроса о юридической обоснованности требования предоставлять усмотрению народного судьи при приеме искового заявления. Поэтому-то советское процессуальное право и не содержит ни прямых, ни косвенных указаний о том, что юридическая обоснованность требования является условием наличия права на предъявление иска.

Юридическая обоснованность требования, как и его фактическая обоснованность, является условием наличия права на иск в материальном смысле, поэтому ее отсутствие влечет за собой отказ в иске, а не прекращение дела производством. Тем более недопустим в этом случае отказ в приеме искового заявления или прекращение дела по мотивам неподведомственности. Подведомственность в отличие от правовой обоснованности – чисто процессуальная категория, в силу чего она не может быть использована для определения юридической обоснованности или необоснованности иска. Неподведомственное суду требование может быть и юридически обоснованным. Назначение подведомственности состоит лишь в разграничении компетенции судебных и других государственных органов, разрешающих требования о защите прав и интересов. Подведомственность, следовательно, – это такое условие права на предъявление иска, отсутствие которого в отличие от остальных условий означает не отсутствие права на защиту вообще, а лишь отсутствие права на судебную защиту. Если дело неподведомственно суду, значит, оно подведомственно какому-либо другому органу[1]. Конечно, отказ в приеме искового заявления по мотивам неподведомственности не только допустим, но и обязателен, ибо он при правильном понимании неподведомственности не означает отказа в рассмотрении и разрешении требования вообще, а указывает лишь иную (не судебную) форму разрешения спора.

Между тем отказ в приеме к рассмотрению юридически необоснованных требований со ссылкой на их якобы неподведомственность суду означает отказ в разрешении спора вообще, так как в этом случае нельзя указать другой орган, которому было бы подведомственно юридически необоснованное требование. А это означает недопустимое по советскому праву лишение граждан и органи-

[1] См.: *Гурвич М. А.* Право на иск. С. 59.

заций права на разрешение правовых споров, как, в частности, и получилось по делу Величко. Предметом разбирательства в этом деле был не земельный спор Величко с колхозом, подлежащий разрешению в административном порядке, а гражданско-правовой спор, основанный на решении исполкома Ялтинского городского Совета депутатов трудящихся о сселении хуторского хозяйства Величко и других лиц с общественных земель колхоза. Этим решением было прекращено землепользование Величко и, следовательно, право землепользования участком, на котором находилось хозяйство Величко, предоставлено колхозу. В силу этого решения исполкома для реализации права землепользования колхоза прокурор и вынужден был обратиться в суд с требованием о сносе домовладения Величко с общественных земель колхоза. В свою очередь Величко пришлось обратиться с иском о возмещении ей убытков, связанных с прекращением права землепользования.

Если оба заявленные требования неподведомственны суду, как считает Судебная коллегия, возникает вопрос: какому же органу они подведомственны? Такого органа в определении коллегии не указано. Если Судебная коллегия пришла к выводу, что требование прокурора является неправомерным, например, ввиду незаконности решения исполкома, то следовало бы отказать и прокурору, и Величко в исках, а не прекращать дело производством. В этом случае не получилось бы и той несообразности, которая является неизбежной при прекращении данного дела по мотивам неподведомственности. В самом деле, если бы Величко обратилась с требованием о возмещении убытков, связанных с прекращением ее права землепользования, не в качестве встречного, а в качестве первоначального иска, то можно полагать, не было бы сомнений в наличии у нее права на предъявление иска: подведомственность такого требования суду прямо предусмотрена законом[1].

Нельзя согласиться и с определением Судебной коллегии по делу Дзыбы[2]. В связи с тем, что решением суда с заведующего и старшего бухгалтера Хабезского райфинотдела (Дзыбы и Туаршевой) были взысканы переплаченные ими суммы пособий многодетным матерям (Черновой, Кумуковой и др.), Дзыба и Туаршева обратились с иском к Черновой и другим о взыскании в порядке регресса переплаченных сумм. Народный суд иск удовлетворил. Но Судебная коллегия пришла к выводу, что данное дело возбуждено неправомерно, и прекратила его производством, ибо, как сказано в заголовке к данному определению Коллегии, «в случае неосновательной выплаты государственного пособия одиноким или многодетным матерям, право на предъявление иска о возмещении ущерба принадлежит финансовым органам, а не работникам, производящим выплату пособия».

Такой вывод не только не вытекает из материалов указанного дела, но противоречит им. Во-первых, Хабезский райфинотдел в данном случае не может

[1] См. ст. 12 Положения об изъятии земель для государственных или общественных надобностей, утвержденного Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 марта 1929 г.

[2] См.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1952 г. № 3. С. 38, 39.

требовать с Черновой и других матерей переплаченных им сумм пособий, так как понесенный райфинотделом ущерб был уже возмещен с материально-ответственных лиц и вторичное его взыскание противоречит закону (ст. 410 ГК). Поэтому справедливо притязание истцов, на которых был переложен ущерб, причиненный выплатой пособий, получить от суда ответ на вопрос, имеют ли они право требовать взыскания сбереженных ответчиками сумм в порядке регресса или как неосновательного обогащения.

Во-вторых, если бы ущерб и не был возмещен Хабезскому райфинотделу, то следовало бы говорить не о прекращении дела, а о замене ненадлежащего истца (Дзыбы и Туаршевой) надлежащим (райфинотделом). Предъявление иска ненадлежащим истцом или к ненадлежащему ответчику представляет собой частный случай правовой необоснованности иска и в соответствии с законом (ст. 166 ГПК) влечет не прекращение дела, а замену ненадлежащей стороны надлежащей или разрешение дела по существу при невозможности замены. Так, в частности, поступал в других случаях и Верховный Суд СССР, невзирая на явную правовую необоснованность иска, предъявленного к ненадлежащему ответчику[1]. Судебная коллегия в подтверждение правильности своего вывода ссылается не только на правовую, но и на фактическую необоснованность иска, указывая, что переплата пособий матерям произошла не вследствие злоупотреблений получателей, а по вине Дзыбы и Туаршевой. Но ведь вопрос о том, по чьей вине допущены переплаты, – вопрос существа дела. Его можно решить лишь в результате судебного разбирательства путем исследования и оценки объяснений сторон и других материалов дела. Следует отметить, что вину Дзыбы и Туаршевой Судебная коллегия усмотрела «из имеющихся в деле документов». Естественно, если бы народный суд, согласно предлагаемой в определении установке, отказал в приеме искового заявления, то достаточных данных для вывода о вине истцов и об отсутствии вины ответчиков могло бы и не быть. Во всяком случае отсутствовали бы такие необходимые для этого вывода данные, как объяснения ответчиков.

Противоречивость практики Верховного Суда СССР по вопросу о процессуальном значении юридической необоснованности иска можно отметить и по некоторым однородным категориям дел. При этом тенденция прекращать дела по юридически необоснованным искам и ориентировать таким образом суды на отказ в возбуждении подобных дел иногда перерастает даже и в практику прекращения дел, по которым установлена не юридическая, а лишь фактическая необоснованность иска.

Так, в судебной практике встречаются иски о взыскании алиментов на детей с их фактического отца по основаниям, предусмотренным ст. 423 КЗоБСО. Поскольку для разрешения этих исков согласно ст. 423 КЗоБСО юридическое значение имеют лишь факты взятия ответчиком детей на постоянное воспитание с иждивением и отсутствия у родителей достаточных средств на содержание детей, а не факт наличия или отсутствия кровных родственных связей меж-

[1] См.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1956 г. № 1. С. 36.

ду ребенком и его воспитателем, такие иски могут быть предъявлены к любому воспитателю ребенка, не обязанному к уплате алиментов по иным основаниям, в том числе, следовательно, и к его фактическому отцу. Следовательно, отказывать в приеме подобных исковых заявлений или прекращать возбужденные по ним дела, ссылаясь на то, что ответчик является отцом ребенка, или на то, что факт взятия им ребенка на постоянное воспитание не подтвердился, было бы явно неправомерным. Вопрос, имеются или отсутствуют предусмотренные ст. 423 КЗоБСО основания для взыскания алиментов, может быть решен лишь путем исследования доказательств взятия ответчиком ребенка на постоянное воспитание с иждивением и отсутствия средств на содержание ребенка у его родителей, т. е. путем рассмотрения дела по существу. Поэтому суды при установлении ошибок в разрешении таких дел нередко или выносили новые решения (при ясности фактических обстоятельств дела), или возвращали дело для нового рассмотрения.

Однако в некоторых определениях Верховного Суда СССР был выражен противоположный взгляд о недопустимости судебного рассмотрения и разрешения подобных дел[1].

Такое решение вопроса представляется неправильным. Никакого обхода закона в предъявлении исков к фактическим отцам по основаниям ст. 423 КЗоСО нет. Это не иски об установлении отцовства. С ответчиков в данном случае алименты взыскиваются не как с отцов, а как с фактических воспитателей. Для проверки факта взятия этими лицами ребенка на постоянное воспитание с иждивением необходим процесс, исследование доказательств.

Отказ в рассмотрении юридически необоснованных исков экономит время и средства суда и сторон – в этом преимущество такого решения вопроса. Но он не отвечает требованиям строжайшей законности в области осуществления правосудия, так как сам вопрос, является или не является требование юридически обоснованным, может быть решен во время и в результате процесса, но не до процесса; в ряде же случаев он вообще не может быть решен без рассмотрения дела по существу.

Предъявление иска является результатом того, что заинтересованное лицо или прокурор считает иск юридически обоснованным и надеется доказать свою правоту в суде. И нет, нам кажется, достаточно веских оснований лишать их этого права. Юридически необоснованные требования допустимы в качестве предмета судебного разбирательства, ответ на них должен следовать лишь в судебном решении, но не в определении об отказе в приеме искового заявления или прекращении дела производством.

---

[1] См.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1956 г. № 4. С. 47. См. также: Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Корниловой с Сайдасановым (Судебная практика Верховного Суда СССР за 1951. № 1. С. 7). Попытка теоретического обоснования такой практики содержится в статье С. Салова «Применение ст. 423 Кодекса законов о браке, семье и опеке РСФСР» (Социалистическая законность. 1956. № 7. С. 12–18).

* * *

Иначе, нам кажется, следует решать вопрос о возможности судебного рассмотрения юридически беспредметных требований, к которым в первую очередь относятся указываемые обычно в качестве примера иски о признании права собственности на участок земли, о взыскании колыма. Нельзя согласиться с вытекающим из соображений М. А. Гурвича выводом, что такие требования могут быть предметом обсуждения в суде, так как необходимо судебное осуждение незаконных сделок, которые являются основанием этих выступающих, как правило, в замаскированной форме требований[1]. Указанный вывод является результатом того, что в процессуальной теории при анализе исков о «непризнаваемых законом отношениях» не делается, как правило, разграничения исков юридически необоснованных и юридически беспредметных.

В рамках советского правопорядка ни при каких условиях не может существовать у граждан и организаций право собственности на землю (ст. 6 Конституции СССР), поэтому рассмотрение иска о признании права собственности на землю противоречило бы назначению процесса, было бы бесцельным: ни изменение основания иска, ни применение аналогии права не может привести к охране утверждаемого истцом «права». Такой иск юридически беспредметен. В отношении его неверно было бы применять понятие «спора о праве гражданском» (ст. 2 ГК), который должен разрешить суд. Если такое право не может существовать хотя бы предположительно, то не может быть и спора о нем. Что же касается соображений М. А. Гурвича о необходимости судебного осуждения незаконных сделок, а также приведения в действие санкций за незаконные сделки (ст. 147 ГК), то для этого судебный процесс, конечно, допустим, однако лишь по иску о признании соответствующей сделки недействительной.

Разновидностью юридически беспредметных исков могут служить и иного характера требования: 1) о восстановлении в должности, если приказ об увольнении отменен; 2) о признании права авторства на изобретение при наличии авторского свидетельства; 3) об исключении имущества из описи, если опись с имущества снята, и др. Общей чертой перечисленных исков является то, что их предметом служит право, необходимость защиты которого отсутствует.

Возбуждение или доведение до конца уже возникшего процесса по перечисленным искам было бы, как и в предшествующих случаях, юридически бесцельным, ибо процесс даже предположительно не способен оказать какое-либо влияние на правовое положение сторон. Иначе говоря, у истца в данных случаях отсутствует юридическая заинтересованность в процессе (ст. 2 ГПК), хотя бы он и настаивал по каким-либо соображениям на судебном рассмотрении иска, например с целью предать гласности незаконные действия администрации, уволившей истца, а затем восстановившей его на работе. Поэтому следует признать правильной получающую все большее распространение тенденцию практики рассматривать отсутствие юридического интереса к процессу как обстоятельство, препятствующее судебному рассмотрению дела.

Так, в определении по иску Шелковской об исключении имущества из описи Судебная коллегия отметила: «Если имущество, описанное по уголовному делу,

[1] См.: *Гурвич М. А.* Право на иск. С. 67, 68.

возвращено лицу, в отношении которого уголовное дело прекращено, то дело по иску третьего лица об исключении этого имущества из описи должно быть прекращено; собственник имущества в этом случае может предъявить самостоятельный иск к владельцу о возврате имущества»[1]. По другому делу Судебная коллегия пришла к выводу, что наличие у истца авторских свидетельств на изобретения является доказательством его авторства, не нуждающимся в дополнительном судебном подтверждении[2].

Однако такая практика может встретить серьезное возражение со стороны распространенного в теории взгляда, согласно которому факт нарушения или оспаривания права истца (повод к иску) и отсюда – наличие у истца юридического интереса к процессу не могут иметь значения предпосылки права на предъявление иска[3]. Обоснование этого взгляда сводится к следующему: юридический интерес к процессу может быть не только у истца, но и у ответчика, если последний оказывается правым в споре; наличие юридического интереса можно выяснить после разрешения спора, а не до процесса.

Нетрудно видеть, что указанные соображения исходят из материально-правового понимания юридического интереса как выгоды, создаваемой благоприятным для стороны судебным решением[4]. Интерес в таком смысле естественно может быть выяснен лишь в результате процесса, может оказаться или у истца, или у ответчика.

Но ст. 2 ГПК, указывая на заинтересованность стороны как на условие предъявления ею иска, исходит из процессуального понимания интереса. Процессуальный интерес заключается не в создаваемой решением правовой выгоде, а в возможности ее создания. Интерес же как возможность может быть установлен и в начале процесса, он существует лишь до разрешения дела, притом не только у правой стороны, но и у обеих сторон одновременно. Поэтому стороны в процессе и характеризуются наличием у них противоположных юридических интересов, что, конечно, нельзя отнести к материально-правовому интересу, которым обладает лишь одна из сторон.

Ввиду этого основанием для вывода о наличии юридического интереса как процессуальной категории должны считаться не факты нарушения или оспаривания права (повода к иску), а лишь вероятность наличия таких фактов. Отсюда следует, что при возбуждении процесса вероятность нарушения или оспаривания права должна быть подтверждена доказательствами, хотя бы их минимумом – утверждениями истца. Наоборот, если доказательств в пользу такой вероятности нет, как это имело место в приведенных выше примерах, то нельзя констатировать наличие предмета спора (предполагаемого нарушенного или оспоренного права истца), а в силу этого и наличие у истца юридического интереса к его разрешению.

---

1 Судебная практика Верховного Суда СССР за 1954 г. № 1. С. 44.

2 См.: Судебная практика Верховного Суда СССР за 1952 г. № 9. С. 43, 44.

3 См.: *Гурвич М. А.* Право на иск (гл. II, § 4; гл. III, § 1, 2) ; *Зейдер Н.* Прекращение гражданского дела // Совет. юстиция. 1938. № 17. С. 29 ; Гражданский процесс. М., 1948. С. 162, 187.

4 См.: *Гурвич М. А.* Право на иск. С. 77.

Требования о защите прав, которые не могут существовать согласно закону или относительно которых нет оснований предполагать их нарушение либо оспаривание, являются беспредметными и не подлежат судебному рассмотрению. Основанием отказа в рассмотрении таких требований служит отсутствие у истца юридического (процессуального) интереса.

Для устранения в будущем отмеченных выше ошибок и разноречий в судебной практике по рассмотренным вопросам необходимо, на наш взгляд, при разработке гражданского процессуального законодательства:

1) установить специальную норму, в которой исчерпывающим образом определить условия возникновения у заинтересованных лиц права на судебное рассмотрение и разрешение спора (права на предъявление иска);

2) в числе условий права на предъявление иска предусмотреть наличие у истца юридического интереса к разрешению дела;

3) запретить специальной нормой отказ в приеме искового заявления или прекращение возникшего дела производством по мотивам фактической или юридической необоснованности иска;

4) учитывая, что перечисленные выше процессуальные нормы должны составлять основу важнейшего института судопроизводства – права граждан и организаций на правосудие по гражданским делам, необходимо предусмотреть их в Основах законодательства о судоустройстве и судопроизводстве СССР хотя бы в виде общей нормы следующего содержания: заинтересованные лица имеют право на судебное рассмотрение и разрешение любых требований, за исключением тех, судебное рассмотрение которых прямо исключено законом.

О. Н. Романова

кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Принципы правового регулирования любой отрасли права в целом, а также принципы входящих в состав отрасли правовых институтов – это фундаментальные положения, идеи, задающие направление и определяющие развитие соответствующих элементов объективного права. Состав и сущность принципов международного гражданского процесса предопределяются местом международного гражданского процесса в системе права. Этот вопрос имеет давнюю историю и вызывает серьезные дискуссии в юридической литературе [1, с. 187–193]. По нашему убеждению, международный гражданский процесс яв-

ляется составной частью гражданского процессуального и хозяйственного процессуального права, а если точнее – представляет собой объединение институтов гражданского процессуального (хозяйственного процессуального) права, регулирующих особенности рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции гражданских, хозяйственных (экономических) дел, осложненных иностранным элементом, а также порядок признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и арбитражей (третейских судов).

В связи с созданием с 1 января 2014 г. единой системы судов общей юрисдикции особую актуальность приобрела задача унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства, принятие единого Гражданского процессуального кодекса. На базе каких принципов должна происходить унификация норм международного гражданского (хозяйственного) процесса, что должно лечь в основу? Ответу на данный вопрос и посвящена настоящая статья.

Гражданский процессуальный кодекс (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс (далее – ХПК) используют разные способы фиксации принципов международного гражданского процесса. Принципы, которыми руководствуются суды общей юрисдикции Республики Беларусь, рассматривающие гражданские дела, осложненные иностранным элементом, подразделяются на две группы:

- общие принципы гражданского судопроизводства (гл. 2 ГПК);
- специальные принципы, перечисленные в ч. 2 ст. 542 ГПК.

ХПК в гл. 27 «Производство по рассмотрению хозяйственных (экономических) споров и иных дел с участием иностранных лиц» не содержит перечня принципов судопроизводства с участием иностранных лиц. Вместе с тем ряд принципов текстуально закреплен в гл. 2 ХПК «Основные принципы судопроизводства в суде, рассматривающем экономические дела», содержание некоторых из них выводится из анализа отдельных правовых норм.

Несмотря на использование различных способов фиксации принципов международного гражданского процесса применительно к гражданскому и хозяйственному судопроизводству, система принципов едина: суды общей юрисдикции Республики Беларусь при рассмотрении и разрешении гражданских и, соответственно, хозяйственных (экономических) дел, осложненных иностранным элементом, руководствуются одинаковыми принципами. К ним в настоящее время относятся принципы:

- приоритета международных договоров;
- процессуального равноправия иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц с гражданами и юридическими лицами Республики Беларусь;
- соблюдения юрисдикции иностранных судов и иных правоприменительных органов;
- взаимности.

Подход законодателя в части текстуального закрепления принципов международного гражданского процесса, с нашей точки зрения, наиболее

предпочтителен. В качестве базовой, отправной точки следует использовать соответствующее нормативное регулирование в ныне действующем ГПК (в плане легального определения перечня специальных принципов международного гражданского процесса, а не их содержания). Считаем, что перечисленные выше четыре принципа должны найти отражение в едином ГПК. Другой вопрос, каким образом должны быть сформулированы «рядовые» процессуальные нормы, в которых соответствующие принципы конкретизируются? Далее мы попытаемся ответить на него применительно к каждому из четырех названных выше принципов международного гражданского процесса.

1. Принцип приоритета международных договоров.

Роль международного договора в регулировании основных вопросов международного гражданского процесса трудно переоценить. Значительная часть проблем, связанных с обеспечением в Республике Беларусь доступа иностранных субъектов к суду, может быть решена только путем заключения соответствующих международных договоров. В настоящее время международный договор – приоритетный источник международного гражданского процесса Республики Беларусь. Это положение нашло легальное закрепление в ч. 2 ст. 542, ст. 543 ГПК; ч. 3 ст. 25 ХПК – приоритет международных договоров провозглашен принципом международного гражданского процесса. Верность подобного подхода (по сравнению с общим правилом о юридической силе международных договоров (ч. 2 ст. 33 Закона Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь») не вызывает сомнений. Конституция Республики Беларусь в ст. 8 закрепила верховенство общепризнанных принципов международного права, основополагающим из которых является принцип *pacta sunt servanda*: каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (ст. 26 Венской конвенции Организации Объединенных Наций от 23 мая 1969 г. «О праве международных договоров»). Участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27 указанной конвенции). Таким образом, государство, принявшее на себя обязательства по международному договору, должно выполнить эти обязательства независимо от положений своего законодательства. Односторонний отказ от исполнения международного договора допускается в сравнительно редких случаях (например, ст. 60–62 названной Конвенции).

2. Принцип процессуального равноправия иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц и граждан и юридических лиц Республики Беларусь.

Гражданское процессуальное и хозяйственное процессуальное законодательство Республики Беларусь устанавливает для иностранных лиц национальный режим в области защиты их прав и охраняемых законом интересов, т. е. предоставляет им такие же права, как и отечественным физическим и юридическим лицам (ч. 1 ст. 541 ГПК, ч. 2 ст. 242 ХПК). Предоставление иностранным лицам национального режима носит безусловный характер. В зако-

нодательстве Республики Беларусь не содержится каких-либо ограничений или дополнительных условий для иностранных лиц, выполнение которых необходимо для обращения в суд. Единственная возможность ограничения процессуальных прав иностранных лиц в Республике Беларусь предусмотрена в ч. 3 ст. 541 ГПК и ч. 4 ст. 242 ХПК, в соответствии с которыми Правительством Республики Беларусь могут быть установлены ответные ограничения в отношении граждан и юридических лиц тех государств, в которых допускаются специальные ограничения гражданских процессуальных прав граждан и юридических лиц Республики Беларусь. Заметим, что аналогичные положения имеются в законодательстве многих государств Европейского союза, однако они оцениваются некоторыми зарубежными учеными как существенно ослабляющие действие принципа международного права об обеспечении иностранцам, как и гражданам собственного государства, свободного, беспрепятственного доступа к суду [2, с. 9].

Устанавливая для зарубежных участников процесса национальный режим, законодатель закрепляет ряд особенностей осуществления указанными лицами своих процессуальных прав и обязанностей. В частности, в гражданском процессе Республики Беларусь процессуальная дееспособность иностранных лиц определяется исключительно их «личным законом» (ст. 550 ГПК). Это объясняется, по всей видимости, стремлением законодателя подчеркнуть обусловленность процессуальной дееспособности дееспособностью в материальных правоотношениях. Однако полагаем, что определение процессуальной дееспособности исключительно по личному закону не в полной мере обеспечивает реализацию принципа предоставления иностранцам национального режима. Следует отметить, что законодательство ряда государств (например, Российской Федерации, Германии) содержит более прогрессивные, по нашему мнению, нормы об определении процессуальной дееспособности иностранных лиц с точки зрения обеспечения доступности их к суду наравне с гражданами данного государства. Речь, в частности, идет о возможности признания иностранного лица процессуально дееспособным в том случае, когда оно не является процессуально дееспособным на основе личного закона, но обладает таковой в соответствии с законом суда.

Ныне действующая редакция ХПК, в отличие от прежней, не содержит нормы о процессуальной правоспособности и дееспособности иностранных лиц. Исходя из смысла ст. 242 ХПК, предоставляющей иностранным лицам национальный режим в области судебной защиты их прав, можно сделать вывод, что на иностранных лиц в полной мере распространяются положения ХПК о процессуальной правоспособности и процессуальной дееспособности, установленные для отечественных физических лиц и организаций.

Очевидно, что ни тот (ГПК), ни другой (ХПК) подход не оптимален с точки зрения необходимости обеспечения иностранцам свободного доступа к суду. В целях реализации идеи предоставления иностранным субъектам процесса национального режима, а также повышения гарантий их доступа к судам Респу-

блики Беларусь необходимо изменение подхода законодателя к определению процессуальной дееспособности указанных субъектов (установление правила, в соответствии с которым для участия в гражданском и хозяйственном процессе Республики Беларусь иностранному юридическому или физическому лицу достаточно обладать процессуальной право- и дееспособностью либо по своему личному закону, либо по закону Республики Беларусь).

Важен вопрос о праве зарубежных участников процесса на юридическую помощь. В цивилистическом процессе на иностранных лиц в целом распространяются те же правила о представительстве в судах Республики Беларусь, что и на граждан Республики Беларусь. Однако в гражданском процессе установлена одна серьезная особенность, касающаяся возможности зарубежных участников процесса пользоваться услугами иностранных адвокатов. Такая возможность предусмотрена в ст. 551 ГПК Республики Беларусь: иностранные граждане и юридические лица при ведении дел в судах Республики Беларусь вправе *свободно* и *беспрепятственно* пользоваться услугами как иностранных представителей, в том числе и адвокатов, так и представителей, в том числе и адвокатов, Республики Беларусь. В настоящее время имеются проблемы в толковании данной нормы. Они связаны с изменениями, внесенными в Закон об адвокатуре и адвокатской деятельности в 2017 г. (Закон от 11 июля 2017 г. № 42-З), согласно которым иностранные адвокаты получили право оказывать юридическую помощь на территории Республики Беларусь при условии наличия международного договора Республики Беларусь с соответствующим государством и включения адвоката в Реестр адвокатов (п. 2 ст. 7 Закона). Данному вопросу мы в свое время посвятили отдельную публикацию [3, с. 334–337], в которой обосновали следующую позицию: п. 2 ст. 7 Закона об адвокатуре является общей нормой постольку, поскольку содержит условия, при наличии которых иностранные адвокаты получают на территории Республики Беларусь право осуществлять *адвокатскую деятельность* в том же объеме, что и адвокаты Республики Беларусь, т. е. оказывать *все виды* юридической помощи, предусмотренные ст. 26 Закона об адвокатуре. В ст. 551 ГПК по очевидным причинам речь идет только о таком виде юридической помощи, как представление интересов клиентов в судах общей юрисдикции, рассматривающих гражданские дела. Ее цель – допустить в гражданский процесс иностранных адвокатов для представления интересов только иностранных граждан и юридических лиц и только по конкретному гражданскому делу. Смысл и назначение норм ГПК о представительстве (в том числе и нормы ст. 551 ГПК) – установить условия допуска представителей по конкретному гражданскому делу, т. е. речь идет о разовом (условно разовом в противопоставлении с «деятельностью») представительстве, а не об осуществлении деятельности по представлению интересов клиентов в судах общей юрисдикции на постоянной основе (что ГПК не регулирует и регулировать не может).

Полагаем, что в едином ГПК должно быть закреплено право иностранных участников процесса пользоваться услугами иностранных адвокатов в том виде, в котором это право закреплено в ныне действующем ГПК. Правовое регулирование процессуального представительства должно соответствовать не толь-

ко интересам доверителя, но и правосудия, преследовать публичные функции. Оба эти интереса взаимосвязаны и взаимообусловлены. Интерес иностранного доверителя в привлечении иностранного адвоката (любого, не только включенного в Реестр адвокатов) в целом объясняется очевидными сложностями защиты своих интересов в иностранной юрисдикции (сложность с личной явкой в суд, в поиске представителя на территории иностранного государства, незнание законодательства иностранного государства и т. п.). Следует отметить, что указанным сложностям законодатель придает значение, о чем свидетельствует, в частности, закрепленный на уровне международных договоров и национального законодательства институт консульского представительства (ст. 552 ГПК), направленный на создание возможности принять срочные меры для защиты прав и интересов иностранных граждан. С этой целью в процесс в качестве представителя иностранных лиц допускаются, во-первых, специальные субъекты – консульские должностные лица, а во-вторых, эти лица освобождаются от соблюдения серьезных формальностей – они вправе вступить в процесс без поручения и доверенности. Одновременно защищается и публичный интерес, состоящий в обеспечении правильного и своевременного рассмотрения и разрешения судами гражданских дел.

3. Принцип соблюдения юрисдикции иностранных судов и иных правоприменительных органов.

Необходимость соблюдения юрисдикции иностранных судов возникает в ситуациях «пересечения» компетенции судов Республики Беларусь и иностранных судов, в частности: при рассмотрении дела по существу; при выполнении судебных поручений; при рассмотрении ходатайств о признании и исполнении иностранных решений. В первом из перечисленных случаев анализируемый нами принцип имеет ту же суть, что и известный в мировой практике и доктрине принцип контролируемой множественности процессов (принцип *lis alibi pendens*), и выражен в ряде норм, регулирующих, в частности, последствия возбуждения в суде Республики Беларусь процесса по тождественному делу, возбужденному в суде иностранного государства; последствия предъявления в суд Республики Беларусь заявления о возбуждении дела при наличии соглашения сторон о подсудности дела иностранному суду; последствия предъявления в суд Республики Беларусь заявления о возбуждении дела при наличии соглашения сторон о передаче дела на разрешение иностранного арбитражного суда.

Действующее процессуальное законодательство Республики Беларусь направлено на недопущение параллельных процессов. В качестве правовых средств используются институты прекращения производства по делу и оставления заявления без рассмотрения. При этом гражданский процесс и хозяйственный в данном вопросе существенным образом различаются. В первую очередь различие состоит в том, что ГПК (ст. 548) регулирует действия суда только в случае обнаружения в иностранном суде параллельного процесса; ХПК (ст. 240), кроме этой ситуации, – также действия суда в случае, когда процесс в иностранном суде уже завершился и имеется вступившее в законную силу решение.

Различаются и формы окончания процесса в случае обнаружения в иностранном суде тождественного дела: в судах, рассматривающих гражданские дела, – прекращение производства по делу, а в судах, рассматривающих экономические дела, – оставление заявления без рассмотрения. При этом условия (несмотря на некоторые различия в формулировках соответствующих норм ГПК и ХПК) совпадают: дела должны быть тождественными, не должны относится к исключительной компетенции судов Республики Беларусь, и дело в иностранном суде должно быть возбуждено ранее. С нашей точки зрения, правовой природе правил международной подсудности соответствует форма окончания процесса, установленная ХПК. Как известно, последствием прекращения производства по делу является невозможность повторного обращения в суд с тождественным требованием. Очевидно, что в рассматриваемой нами ситуации данное последствие применяться не должно.

Как было сказано, ситуация, при которой в суде Республики Беларусь возбуждается процесс по делу, уже разрешенному в суде иностранного государства (имеется вступившее в законную силу решение), урегулирована только в ХПК – суд должен прекратить производство по делу при условии, что отсутствуют основания для отказа в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда (ст. 248 ХПК). Данная норма позволяет сделать вывод, что законодатель наряду с признанием иностранного судебного решения в рамках экзекватуры (т. е. полным приравниванием иностранного решения к вступившему в законную силу судебному решению Республики Беларусь) предусматривает случаи его признания в усеченном виде (в определенных правоотношениях, для определенных целей). Правильность такого подхода вызывает большие сомнения. Главное, принципиальное возражение заключается в том, что недопустимо, с нашей точки зрения, совершать процессуальное действие (прекращение производства по делу), которое преграждает возможность вторичного обращения в суд на основании наличия иностранного решения, не прошедшего процедуру экзекватуры. Это противоречит принципу правовой определенности, поскольку выводы суда о наличии (отсутствии) оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения промежуточны (не окончательны) и их правильность может быть опровергнута при рассмотрении заявления о признании и приведении иностранного судебного решения по правилам гл. 28 ХПК. В связи с этим полагаем, что условие прекращения производства по делу, содержащееся в ст. 248 ХПК, подлежит соответствующему изменению.

О действии принципа соблюдения юрисдикции иностранных судебных органов в рамках оказания правовой помощи (в форме судебных поручений и при выдаче экзекватуры) можно, с нашей точки зрения, говорить в широком и узком смысле. В широком смысле – сам факт наличия возможности исполнения в Республике Беларусь судебных поручений иностранных судов и признания иностранного судебного решения в Республике Беларусь можно считать проявлением данного принципа. В узком смысле о действии принципа соблюдения юрисдикции следует говорить в ситуациях «пересечения» компетенции судов Республики Беларусь и иностранных судов. В рамках оказания правовой помо-

щи в форме судебных поручений действие анализируемого принципа имеет существенную специфику. Выражается она в том, что суды Республики Беларусь выполняют просьбы иностранных судов о совершении процессуальных действий даже в том случае, когда дело относится к исключительной компетенции судов Республики Беларусь.

В рамках экзекватуры действие принципа соблюдения юрисдикции иностранных судов в узком смысле проявляется в некоторых основаниях для отказа в признании и разрешении принудительного исполнения иностранных судебных решений. В частности, если при рассмотрении ходатайства о разрешении принудительного исполнения иностранного суда выясняется, что имеется вступившее в законную силу судебное решение Республики Беларусь. В этой ситуации и ГПК, и ХПК устанавливают абсолютный приоритет отечественных судебных решений: временной критерий (кто раньше возбудил процесс) значения не имеет. Кроме того, отказ в разрешении принудительного исполнения иностранного решения последует в том случае, если выяснится, что на рассмотрении суда в Республике Беларусь находится дело по тождественному спору, производство по которому возбуждено до возбуждения производства по делу в иностранном суде.

4. Принцип взаимности.

Как отмечалось выше, принцип взаимности закреплен в ст. 542 ГПК в качестве специального принципа международного гражданского процесса. Сущность взаимности состоит в предоставлении физическим и юридическим лицам иностранного государства определенных прав при условии, что физические и юридические лица государства, предоставляющего данные права, будут пользоваться аналогичными правами в данном иностранном государстве.

Процессуальное законодательство не дает представления о том, каковы пределы взаимности, как устанавливается взаимность. В настоящее время действие принципа взаимности в Республике Беларусь специально оговаривается в отношении признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений (ст. 254 ХПК, ст. 545 ГПК, п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2014 г. № 18 «О применении судами законодательства о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений»). При этом взаимность представляет собой процессуальную презумпцию, т. е. наличие взаимности предполагается, если не доказано иное [4, с. 24]. По вопросу закрепления принципа взаимности в едином ГПК хотелось бы высказать несколько соображений. Необходимость его закрепления в качестве общего правила у нас сомнений не вызывает. Принципиального несоответствия принципа взаимности принципу предоставления иностранным лицам национального режима мы не усматриваем и полагаем вполне оправданным и необходимым наличие у государства права применять реторсии (взаимность в негативном смысле). В остальном же ответ на вопрос о пределах применения взаимности очевидным для нас не является. В частности, возможность и пределы его применения при производстве дела в суде первой инстанции, в рамках оказания правовой помощи в форме судебных поручений, а также признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. На наш взгляд, пределы действия взаимности

должны определяться видом взаимности (негативная или позитивная). Обращение к взаимности в негативном смысле должно быть возможно только в случаях, прямо предусмотренных ГПК, в то время как обращение к взаимности в позитивном смысле должно относиться к судейскому усмотрению и иметь самые общие ограничения, а именно если это не противоречит основным принципам законодательства и (или) публичному порядку Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Романова О. Н. Некоторые вопросы международного гражданского процесса Республики Беларусь // Вестн. гражд. процесса. 2012. № 2. С. 186–223.

2. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право : учебник / пер. с нем. Е. В. Гречишникова. М., 2001.

3. Романова О. Н. К вопросу об участии иностранных адвокатов в гражданском процессе Республики Беларусь // Конституция Республики Беларусь как ценностный выбор: 25 лет свершений и преобразований : сб. материалов респ. науч.-практ. конф., Минск, 4 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т, Ин-т экономики НАН Беларуси, Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Нац. центр правовых исслед. Респ. Беларусь, Ин-т подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции ; редкол.: А. Г. Василевич (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 334–337.

4. Судебная практика по гражданским и экономическим делам о признании и исполнении решений иностранных судов и иностранных арбитражных решений (по материалам обзора) [Электронный ресурс]. URL: http://www.court.by/upload/OBZORY/1_23-33.pdf (дата обращения: 14.10.2019).

В. Г. Тихиня

доктор юридических наук

АПЕЛЛЯЦИЯ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО УСТРАНЕНИЯ СУДЕБНЫХ ОШИБОК ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Для исправления ошибок, допущенных судами по гражданским делам, есть три способа обжалования (опротестования) судебных актов в Республике Беларусь:

1) пересмотр решений и определений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, в апелляционном порядке;

2) пересмотр судебных решений, определений и постановлений, вступивших в законную силу, в порядке надзора;

3) пересмотр судебных решений, определений и постановлений, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам.

Среди них наиболее распространенным в судебной практике средством устранения ошибок по гражданским делам является институт апелляции (ст. 399–434 ГПК Республики Беларусь). Данный институт (вместо института кассации) начал функционировать в Беларуси с июля 2018 г.

Апелляционное производство в современном гражданском процессе позволяет обеспечить юридически заинтересованным в исходе дела лицам эффективное и своевременное восстановление нарушенных прав и законных интересов. С его помощью на более высоком качественном уровне, на наш взгляд, сегодня может осуществляться правосудие по гражданским делам.

Разрешение гражданско-правовых споров в суде апелляционной инстанции следует рассматривать в качестве дополнительной гарантии защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц в гражданском процессе.

Апелляционное производство отличается от суда первой инстанции своей целевой направленностью.

Перед судом первой инстанции стоит задача рассмотреть и разрешить по существу гражданско-правовой спор по делу. В то же время основная задача апелляционного суда в гражданском процессе – проверка законности и обоснованности не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции.

При рассмотрении гражданского дела апелляционный суд либо подтверждает правильность обжалованного или опротестованного судебного акта, либо в установленном порядке изменяет или отменяет его. В предусмотренных законом случаях апелляционный суд может заново, не передавая дело в суд первой инстанции, по существу разрешить гражданско-правовой спор по делу.

Решение апелляционного суда по конкретному делу может служить своеобразным правовым ориентиром для судов первой инстанции при рассмотрении ими аналогичных дел данной категории (судебный прецедент).

Автором данной статьи в свое время вносились в компетентные органы предложения по совершенствованию гражданского процессуального законодательства Республики Беларусь путем введения в гражданский процесс института апелляции – для повышения эффективности и качества судопроизводства по гражданским делам [1, с. 28].

Правовой основой для регламентации в Республике Беларусь анализируемого процессуального института явилась Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренная Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 [2].

Апелляционной системе обжалования судебных актов по гражданским делам в Республике Беларусь присущи следующие характерные признаки:

- апелляционная жалоба (протест) подается на судебное постановление по гражданскому делу, не вступившее в законную силу;
- гражданское дело по апелляционной жалобе (протесту) передается на рассмотрение в суд второй (апелляционной) инстанции;

• заинтересованное лицо, подавшее апелляционную жалобу (протест), не согласно, по его мнению, с вынесенным по гражданскому делу постановлением суда ввиду его незаконности и (или) необоснованности;

• *в апелляционном суде гражданско-правовой спор может быть повторно рассмотрен по существу*, в процессе которого проверяются судом фактические обстоятельства по доказательствам, имеющимся в деле, а также *по новым доказательствам, собранным апелляционным судом по собственной инициативе*;

• апелляционный суд в случае отмены решения суда первой инстанции *вправе вынести новое решение по данному делу*;

• новые исковые и иные требования, которые не были предметом рассмотрения суда первой инстанции, не могут быть рассмотрены по существу в апелляционном суде.

Таким образом, при апелляционной системе обжалования судебных актов суд вправе заново исследовать все собранные по делу доказательства. Апелляционный суд оценивает их должным образом, устанавливает на этой основе фактические обстоятельства дела и выносит новое решение по существу спора.

С учетом изложенного можно сделать общий вывод о том, что *апелляционное производство в белорусском гражданском процессе – это совокупность правовых норм, регулирующих деятельность суда второй (апелляционной) инстанции по проверке законности и обоснованности судебных актов, не вступивших в законную силу.*

Апелляционный суд, указывая на ошибки, допущенные судом первой инстанции при вынесении решения или определения по гражданскому делу, тем самым способствует правильному пониманию и применению судами первой инстанции норм права к гражданским, семейным, жилищным, трудовым и иным правоотношениям.

Закон гарантирует доступность обжалования (опротестования) судебных актов по гражданским делам в апелляционном порядке. *Данная система, действующая сегодня в белорусском гражданском процессе, имеет возможность быстро, без волокиты устранить ошибки, допущенные судом первой инстанции при рассмотрении и разрешении дела.*

Основания к отмене судебного решения или определения по гражданскому делу в апелляционном порядке:

• полная или частичная необоснованность судебного акта;

• неприменение или неправильное применение судом первой инстанции норм материального либо процессуального права.

Таким образом, суд апелляционной инстанции проверяет не только соответствие обжалованного (опротестованного) судебного акта требованиям закона, но и его обоснованность.

Необходимо признать, что суд апелляционной инстанции наделен достаточно широкими полномочиями по устранению судебных ошибок по делу (в частности, он может отменить судебное постановление полностью или в части; при определенных условиях вправе изменить решение либо вынести новое решение по делу).

В апелляционном производстве по гражданским делам можно выделить следующие основные стадии процесса:

- возбуждение апелляционного производства;
- подготовка дела к судебному разбирательству;
- рассмотрение жалобы или протеста в суде апелляционной инстанции;
- вынесение определения судом апелляционной инстанции.

Сегодня институт апелляции в гражданском процессе широко используется во многих европейских странах, в том числе Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Франции и ряде других. При этом каждое государство выбирает свою модель апелляционного порядка пересмотра судебных актов по гражданским делам.

Введение в Республике Беларусь института апелляции по гражданским делам позволяет, на наш взгляд, выполнять в современных условиях задачи гражданского судопроизводства более качественно и эффективно.

Апелляционное обжалование и опротестование судебного акта является правом на возбуждение деятельности апелляционного суда по проверке законности и обоснованности постановления суда первой инстанции, не вступившего в законную силу.

В соответствии со ст. 399 ГПК право обжалования принадлежит юридически заинтересованным в исходе дела лицам, а также иным лицам, если суд вынес решение об их правах и обязанностях (в частности, к таким лицам относятся лица, которые должны были занять в процессе положение соистца, третьего лица либо других лиц, участвующих в деле). Кроме того, в силу ст. 64 ГПК право обжалования принадлежит правопреемникам выбывшей стороны или третьего лица (смерть гражданина, реорганизация юридического лица и др.).

Судебные представители сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц могут в апелляционном порядке обжаловать решение суда первой инстанции, если такое право оговорено в доверенности, выданной представляемым, или эти полномочия были предоставлены представителю при допуске его к участию в деле.

Законные представители в гражданском процессе самостоятельно решают вопрос о подаче апелляционной жалобы на судебный акт. Разрешение органов опеки и попечительства необходимо им только в тех случаях, когда распорядительные действия законных представителей непосредственно связаны с ограничениями, установленными действующим гражданским и иным законодательством Республики Беларусь.

В гражданском процессе правом апелляционного обжалования решений (определений) суда первой инстанции по гражданским делам наделены:

- стороны по данному делу;
- другие юридически заинтересованные в исходе дела лица;
- иные участники процесса, если суд вынес решение об их правах и обязанностях.

Средством обжалования служит не только апелляционная жалоба, но и заявление о присоединении к этой жалобе. Соистцы, соответчики и третьи лица,

выступающие в процессе на стороне жалобщика, могут подать в суд заявление о присоединении к апелляционной жалобе. Однако если требования указанных лиц не совпадают с требованиями жалобщика, заявление должно быть оформлено как отдельная апелляционная жалоба по данному делу.

Право апелляционного опротестования в гражданском процессе принадлежит прокурору. Согласно ч. III ст. 399 ГПК прокурор (заместитель прокурора) имеет право опротестовать решение суда независимо от того, участвовал ли он в данном деле. Помощники прокурора, прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры могут приносить протесты на судебные решения только по делам, в рассмотрении которых они лично принимали участие.

Объектом апелляционного обжалования и опротестования являются решения и определения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу.

Апелляционные жалобы (протесты) на решения суда первой инстанции, не вступившие в законную силу, рассматриваются:

- на решения районных (городских) судов – судебной коллегией по гражданским делам соответствующего областного, Минского городского судов;
- на решения областных, Минского городского судов – судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь.

При этом объектом апелляционного обжалования и опротестования может быть не только решение суда в целом, но и его часть (например, резолютивная часть судебного решения по вопросам распределения судебных расходов между сторонами по делу).

Объектом апелляционного обжалования и опротестования может быть также и дополнительное решение суда первой инстанции, вынесенное в порядке ст. 326 ГПК.

Право апелляционного обжалования и опротестования реализуется в процессе путем подачи в суд апелляционной жалобы или протеста на обжалуемый судебный акт (решение либо определение).

Закон (ст. 403 ГПК) устанавливает срок на подачу апелляционной жалобы или протеста. Он равен 15 дням, исчисляемым со дня вынесения судом решения по делу. Лицу, заявившему требование о составлении мотивировочной части судебного решения, срок на подачу апелляционной жалобы в данном случае *исчисляется со дня вручения решения суда с мотивировочной частью*.

В случае подачи жалобы (протеста) по истечении указанного выше срока суд должен разъяснить заинтересованному лицу его право обратиться в суд с заявлением о восстановлении пропущенного срока по уважительной причине. Такое заявление рассматривается судом, вынесшим решение, в судебном заседании с извещением лиц, участвующих в деле. Однако их неявка в суд не станет препятствием для разрешения данного вопроса.

Пропущенный по уважительной причине срок подачи апелляционной жалобы (протеста) может быть восстановлен судом, вынесшим решение по делу.

Апелляционная жалоба или протест должны удовлетворять требованиям, предъявляемым к процессуальному документу. Статья 405 ГПК определяет со-

держание такого документа, в частности в нем должны содержаться следующие сведения:

1) указание на решение, которое обжалуется или опротестовывается, пределы его обжалования (опротестования) и наименование суда, вынесшего данное решение;

2) мотивированное обоснование того, в чем заключается неправильность рассмотрения дела, незаконность и необоснованность вынесенного судом решения со ссылкой на обстоятельства дела и доказательства;

3) просьба лица, подающего апелляционную жалобу (протест), в части того, обжалуется (опротестовывается) решение полностью или в части, какие конкретно изменения требуется в него внести;

4) ходатайство об исследовании новых доказательств, которые имеют значение для дела, если суд первой инстанции необоснованно отказал в их принятии или если невозможность представления соответствующих доказательств суду первой инстанции была обусловлена уважительными причинами;

5) перечень письменных материалов, которые прилагаются к апелляционной жалобе (протесту);

6) дата подачи апелляционной жалобы (протеста).

Кроме того, к апелляционной жалобе должен быть приложен документ, подтверждающий уплату государственной пошлины (в том случае, если жалоба подлежит оплате).

Апелляционная жалоба или протест, подписанный прокурором, должны подаваться в суд с копиями по числу юридически заинтересованных в исходе данного дела лиц. В необходимых случаях суд может обязать апеллянта представить копии прилагаемых к апелляционной жалобе (протесту), письменных материалов – соответственно по числу юридически заинтересованных в исходе данного дела лиц.

Судья, разрешая вопрос о принятии апелляционной жалобы (протеста), должен также проверить, соблюдены ли установленные законом условия и порядок возбуждения апелляционного производства. В частности, судья должен проверить:

- обладает ли лицо, подавшее жалобу (протест), правом апелляционного обжалования или опротестования;
- не вступило ли решение суда, на которое подана жалоба (протест), в законную силу и подлежит ли оно обжалованию в апелляционном порядке;
- соблюдены ли требования закона, предъявляемые к содержанию апелляционной жалобы (протеста);
- оплачена ли апелляционная жалоба государственной пошлиной в случаях, предусмотренных законом.

Основания к отказу в принятии апелляционной жалобы (протеста) предусмотрены ст. 404 ГПК, в соответствии с которой судья вправе отказать в принятии апелляционной жалобы (протеста):

- лицам, не имеющим права на апелляционное обжалование (опротестование);

• если решение не подлежит обжалованию (опротестованию) в апелляционном порядке;

• лицам, пропустившим срок подачи апелляционной жалобы (протеста), если отказано в его восстановлении.

Определение судьи об отказе в принятии апелляционной жалобы (протеста) может быть в установленном порядке обжаловано или опротестовано в суд апелляционной инстанции.

В предусмотренных законом случаях апелляционная жалоба или протест могут быть оставлены без движения (ст. 407 ГПК). Так, в соответствии с указанной нормой права, если лицо, подавшее апелляционную жалобу (протест) в установленный срок, выполнит указание суда, апелляционная жалоба (протест) считается поданной в день первоначального представления в суд. В противном случае жалоба считается неподанной в суд со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

На определение суда первой инстанции об оставлении жалобы (протеста) без движения может быть в установленном порядке подана частная жалоба или принесен прокурором частный протест.

После принятия апелляционной жалобы (протеста) суд первой инстанции в соответствии со ст. 408 ГПК обязан совершить следующие основные процессуальные действия:

• не позднее следующего дня направить юридически заинтересованным в исходе дела лицам копии апелляционной жалобы и (или) протеста и приложенных к ним письменных материалов;

• по истечении срока подачи апелляционной жалобы (протеста) направить данное дело в суд апелляционной инстанции.

Необходимо отметить, что *до вступления судебного решения в законную силу дело никем не может быть истребовано из суда*. Юридически заинтересованные в исходе дела лица вправе знакомиться в суде с материалами дела и поступившими апелляционными жалобами или протестом, а также с приложенными к ним письменными материалами.

Апеллянт, подавший жалобу (протест), вправе дополнить или изменить в пределах апелляционного срока содержание своей жалобы (протеста).

Заявление о присоединении к апелляционной жалобе может быть подано в суд первой инстанции. Такое заявление государственной пошлиной не оплачивается. Если требование, изложенное в заявлении о присоединении к апелляционной жалобе, не совпадает с требованиями апелляционной жалобы, в этом случае, как уже отмечалось, данное требование является самостоятельной апелляционной жалобой. Оно должно быть оформлено в соответствии с требованиями закона (ст. 410 ГПК).

Возражения юридически заинтересованных в исходе дела лиц на апелляционную жалобу (протест) могут быть поданы в суд первой инстанции или непосредственно в суд апелляционной инстанции (не позднее чем за пять дней до начала рассмотрения дела в апелляционном суде). Такие возражения долж-

ны быть поданы в суд с копиями по числу юридически заинтересованных в исходе данного дела лиц.

При отказе от апелляционной жалобы (протеста) суд первой инстанции в данном случае должен вынести определение о возврате апеллянту жалобы (протеста). В аналогичной ситуации апелляционный суд, в котором находится для рассмотрения указанное дело, должен прекратить производство по апелляционной жалобе (протесту).

Такие процессуальные действия, как отказ истца от иска, признание иска ответчиком, мировое соглашение сторон, совершенные после подачи апелляционной жалобы протеста, должны быть выражены в письменной форме (в частности, путем подачи в суд письменного заявления). Указанные просьбы рассматриваются апелляционным судом по правилам, установленным ст. 285 ГПК. В случае принятия отказа истца от иска или утверждения мирового соглашения сторон по делу апелляционный суд отменяет вынесенное судом первой инстанции решение и прекращает производство по данному делу.

Такое решение может быть принято апелляционным судом, если присутствуют в судебном заседании лица, имеющие юридический интерес в исходе данного дела. В тех случаях, когда по основаниям, указанным в ст. 61 ГПК, апелляционный суд не принимает отказа истца от иска, признания иска ответчиком или не утверждает мирового соглашения сторон, дело рассматривается судом на общих основаниях в апелляционном порядке.

Если сторонами заключено соглашение о медиации по делу, апелляционный суд устанавливает срок проведения медиации. При заключении сторонами медиативного соглашения суд возобновляет приостановленное производство по делу и рассматривает поступившее заявление на общих основаниях.

Согласно ст. 415 ГПК судья апелляционного суда в пятнадцатидневный срок после поступления дела в суд обязан провести подготовку данного дела к рассмотрению в апелляционном порядке. День рассмотрения дела в апелляционном суде должен определяться с учетом реальной возможности для лиц, юридически заинтересованных в исходе дела, лично присутствовать в судебном заседании.

Апелляционный суд рассматривает дела по жалобам (протестам) в судебном заседании. Особенности судебного разбирательства дела в апелляционной инстанции предусмотрены ст. 416–422 ГПК. Законом установлены специальные сроки, в течение которых дело должно быть рассмотрено судом в апелляционном порядке.

Согласно ст. 416 ГПК дело подлежит рассмотрению в апелляционном суде в месячный срок со дня его поступления. В случае необходимости исследования новых доказательств и вынесения нового решения дело в апелляционном суде должно быть рассмотрено не позднее двух месяцев со дня его поступления в суд.

Верховный Суд Республики Беларусь рассматривает поступившее по апелляционной жалобе (протесту) дело в срок, не превышающий трех месяцев со дня его поступления. В исключительных случаях председатель апелляционного суда или его заместитель могут продлить этот срок, но не более чем на один месяц.

Суд апелляционной инстанции рассматривает дела коллегиально в составе трех судей. Обязанности председательствующего в этом суде выполняет один из судей судебной коллегии.

Апелляционные жалобы и протесты на судебные решения рассматриваются по общему правилу в открытом судебном заседании. Закрытое судебное разбирательство допускается в апелляционном суде по тем же основаниям, что и в суде первой инстанции (ст. 17 ГПК).

В гражданском процессе заседание суда апелляционной инстанции состоит из следующих трех частей:

1) подготовительная часть;

2) рассмотрение апелляционной жалобы или протеста;

3) постановление и объявление апелляционного определения суда.

При необходимости исследования новых доказательств по делу апелляционный суд завершает вторую часть судебного заседания исследованием новых доказательств. В этих случаях заседание апелляционного суда дополняется новой частью – судебными прениями сторон по делу.

Подготовительная часть судебного заседания начинается тем, что председательствующий объявляет, какое дело, по чьей апелляционной жалобе (протесту) и на какое решение суда подлежит рассмотрению в апелляционном порядке.

После выяснения вопроса о явке в судебное заседание участников процесса и установления личности явившихся председательствующий объявляет состав суда, а также сообщает, кто участвует в судебном процессе в качестве прокурора, эксперта, переводчика и разъясняет юридически заинтересованным в исходе дела лицам их права и обязанности, в том числе заявлять отводы и ходатайства.

В соответствии со ст. 421 ГПК в случае неявки в судебное заседание кого-либо из юридически заинтересованных в исходе дела лиц, надлежащим образом не извещенных о времени и месте рассмотрения дела, суд откладывает разбирательство апелляционной жалобы или протеста.

Неявка кого-либо из юридически заинтересованных в исходе дела лиц, если они надлежащим образом извещены о дне слушания дела, не является препятствием к рассмотрению дела в судебном заседании в апелляционном порядке. Однако суд вправе в этом случае отложить разбирательство апелляционной жалобы или протеста, если признает причины неявки одной из сторон по делу уважительными.

В конце подготовительной части судебного заседания заслушиваются ходатайства явившихся участников процесса. Вторая часть судебного заседания (рассмотрение апелляционной жалобы или протеста) начинается докладом председательствующего или одного из судей, который обязан изложить сущность дела и вынесенного по нему решения, содержание апелляционной жалобы или протеста и поступивших на них возражений. Докладчик по делу сообщает также о представленных и собранных судом новых доказательствах и об иных данных, которые необходимо рассмотреть суду для проверки правильности обжалованного (опротестованного) судебного решения. После этого апелляционный суд заслушивает объяснения явившихся в судебное заседание юридически заинтересованных в исходе дела лиц и их представителей.

Очередность выступлений участников процесса в апелляционном суде установлена ст. 422 ГПК, согласно которой первым выступает апеллянт или его представитель либо прокурор, принесший апелляционный протест. В случае обжалования решения суда обеими сторонами первым выступает истец по делу. Прокурор выступает после лиц, имеющих юридический интерес в исходе дела.

Суд апелляционной инстанции при проверке законности и обоснованности судебного решения должен выяснить:

- учтены ли судом первой инстанции при вынесении решения все факты, входящие в предмет доказывания;
- подтверждены ли факты, положенные судом в основу решения, достаточными и достоверными доказательствами;
- соответствуют ли выводы в решении суда первой инстанции установленным фактам;
- не нарушены ли нормы материального или процессуального права;
- правильно ли эти нормы права применены в данном случае.

Выслушав объяснения участников процесса, суд апелляционной инстанции при необходимости вправе исследовать новые доказательства, которые могут быть представлены в суд до начала или во время рассмотрения дела. *Эти доказательства исследуются в апелляционной инстанции по правилам судопроизводства в суде первой инстанции.*

Для суда апелляционной инстанции дополнительными средствами доказывания могут быть:

- письменные объяснения сторон и других юридически заинтересованных в исходе дела лиц;
- письменные и вещественные доказательства;
- заключения экспертов;
- данные осмотра на месте;
- протоколы, в том числе протокол допроса свидетелей, и другие материалы, собранные судом по данному делу.

В случае назначения экспертизы суд апелляционной инстанции в соответствии с п. 5 ст. 161 ГПК может приостановить производство по делу.

После исследования собранных по делу доказательств апелляционный суд переходит к заслушиванию судебных прений. Последовательность выступлений сторон и иных юридически заинтересованных в исходе дела лиц в судебных прениях определяется ст. 290 ГПК.

Постановление и объявление апелляционного определения по рассмотренному делу – завершающая часть заседания суда апелляционной инстанции.

Вынесение апелляционного определения происходит в совещательной комнате. Вопросы, возникающие при вынесении этого определения, разрешаются судьями по большинству голосов. Никто из судей не вправе воздержаться от голосования. Председательствующий голосует последним. Судья, не согласный с мнением большинства судей, может в письменной форме изложить свое особое мнение.

После подписания апелляционного определения суд возвращается в зал судебного заседания и оглашает его. Затем суд выясняет, понятно ли содержание

данного определения, разъясняет возможности его пересмотра в порядке надзора и объявляет судебное заседание по делу закрытым.

В гражданском процессе судебные ошибки, влекущие отмену судебного решения в апелляционном порядке, подразделяются на две основные группы:

1) необоснованность решения;

2) незаконность решения.

Согласно ст. 424 ГПК решение суда первой инстанции может быть отменено или изменено в апелляционном порядке, если:

1) судом не учтены все факты, входящие в предмет доказывания по делу;

2) факты, положенные судом в основу решения, не подтверждены достаточными и достоверными доказательствами;

3) изложенные в решении выводы суда не соответствуют установленным по делу фактам;

4) судом нарушены или неправильно применены нормы материального и (или) процессуального права.

В гражданском процессе нормы материального права считаются нарушенными или неправильно примененными в случаях:

- применения судом не подлежащей применению нормы материального права;
- неправильного применения судом подлежащей применению нормы материального права;
- неправильного толкования судом нормативного правового акта.

Таким образом, нарушение или неправильное применение норм материального права означает, что суд вопреки требованиям закона сделал неправильный вывод о правоотношениях сторон по делу, неправильно определил закон, подлежащий применению, или исказил его смысл. Например, при разделе общего имущества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях, суд применил вместо норм гражданского права нормы семейного права.

Нарушение норм материального права является существенным нарушением закона. Такое нарушение, как правило, влечет отмену или изменение судебного решения по гражданскому делу.

Нарушение или неправильное применение нормы процессуального права является основанием к отмене или изменению решения суда первой инстанции, если это привело или могло привести к неправильному разрешению дела.

Решение суда первой инстанции в апелляционном порядке подлежит отмене при существенном нарушении норм процессуального права, если:

1) нарушен порядок рассмотрения заявления об отводе судьи, установленный ст. 34 и 35 ГПК;

2) дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из юридически заинтересованных в исходе дела лиц, не извещенных своевременно и надлежащим образом о времени и месте судебного заседания;

3) при рассмотрении дела было нарушено право юридически заинтересованных в исходе дела лиц пользоваться родным языком или услугами переводчика;

4) суд разрешил вопрос о правах и обязанностях не привлеченных к участию в деле лиц, имеющих непосредственный интерес в исходе дела;

5) при вынесении решения были нарушены правила о тайне совещательной комнаты;

6) решение не подписано судьей, который рассматривал дело, либо вынесено или подписано не тем судьей, который рассматривал дело;

7) отсутствует мотивировочная часть решения в случаях, когда в соответствии с законом она должна быть составлена;

8) в деле отсутствует протокол судебного заседания или он не подписан лицами, обязанными его подписать.

Необходимо отметить, что нарушение или неправильное применение норм процессуального права не во всех случаях может привести к отмене судебного решения. Так, нарушение правил территориальной подсудности само по себе не может служить основанием к отмене решения суда, *если оно правильно разрешено по существу*. На такого рода нарушения закона апелляционный суд может указать суду первой инстанции в своем определении по рассмотренному делу.

Вопрос о том, является ли нарушение процессуальных норм права основанием к отмене судебного решения, разрешается судом апелляционной инстанции в каждом конкретном случае.

Решение суда подлежит отмене с прекращением производства по делу или оставлением заявления без рассмотрения по основаниям, предусмотренным ст. 164 и 165 ГПК.

Полномочия суда апелляционной инстанции определены ст. 423 ГПК. Согласно указанной норме права суд апелляционной инстанции, рассмотрев апелляционную жалобу (протест), вправе:

1) оставить решение суда первой инстанции без изменения, а апелляционную жалобу (протест) – без удовлетворения;

2) изменить решение суда первой инстанции;

3) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять новое решение по существу заявленных требований;

4) отменить решение полностью или в части, прекратив производство по делу либо оставив заявление без рассмотрения;

5) отменить решение полностью или в части и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, если при рассмотрении дела апелляционным судом установлено существенное нарушение норм процессуального права, которое не может быть устранено в порядке апелляционного производства либо препятствует суду апелляционной инстанции в исследовании новых доказательств или в установлении фактов, которые не являлись предметом исследования суда первой инстанции.

Апелляционный суд оставляет решение суда первой инстанции без изменения, а апелляционную жалобу или протест – без удовлетворения, если приходит к выводу, что вынесенное судом решение законно и обоснованно, следовательно, нет достаточных оснований для его отмены или изменения.

При обнаружении отдельных нарушений норм права, *которые не являются основанием к отмене решения суда первой инстанции*, апелляционный суд, оставляя такое судебное решение без изменения, вправе указать на них в своем определении по данному делу.

При направлении дела на новое рассмотрение апелляционный суд обязан дать указания относительно действий, которые должен совершить суд первой инстанции при новом рассмотрении дела.

Согласно ч. I ст. 33 ГПК судья, принимавший участие в рассмотрении гражданского дела в суде первой инстанции, не может участвовать в рассмотрении этого дела в судах апелляционной или надзорной инстанции, а также в новом рассмотрении этого дела в суде первой инстанции в случае отмены вынесенного им решения. В связи с этим апелляционный суд, отменяя решение, должен в этом случае направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда.

Апелляционный суд вправе отменить решение полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить заявление без рассмотрения по тем же основаниям, что и суд первой инстанции (ст. 164 и 165 ГПК).

Апелляционный суд вправе изменить решение или вынести новое решение, не передавая дело на новое рассмотрение, если по делу не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств; обстоятельства дела установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права.

Под *новым судебным решением* в гражданском процессе понимается решение суда, которое по своему содержанию диаметрально противоположно решению, вынесенному судом первой инстанции по этому делу. В нем меняется основной вывод суда о правах и обязанностях сторон (например, вместо удовлетворения иска суд отказывает в удовлетворении иска).

Изменение решения означает, что решение суда по сути осталось тем же, но в нем произошли некоторые изменения в мотивировочной или резолютивной частях (например, произошло количественное изменение присужденной юридически заинтересованному в исходе дела лицу денежной суммы).

При изменении решения или вынесении нового решения апелляционный суд должен разрешить по-новому и вопрос о распределении судебных расходов по делу. Если решение суда первой инстанции к моменту его пересмотра в апелляционном порядке уже исполнено, в этом случае суду необходимо решить вопрос о повороте исполнения такого судебного решения.

Наконец, апелляционный суд вправе изменить решение или вынести новое решение на основании исследованных в суде апелляционной инстанции материалов дела и новых доказательств, если с учетом рассмотренных в апелляционном суде материалов и новых доказательств установлены по существу все фактические данные, необходимые для разрешения этого спора. В этом случае юридически заинтересованные в исходе дела лица должны быть ознакомлены

с дополнительными доказательствами до рассмотрения дела в апелляционном порядке и извещены о дне рассмотрения дела в суде.

Изменение решения или вынесение нового решения судом апелляционной инстанции возможно как при неправильном применении судом норм материального права, так и при необоснованности решения суда первой инстанции.

Апелляционный суд, как и суд первой инстанции, вправе вынести *частное определение* по делу.

По нашему мнению, судам апелляционной инстанции следует реагировать частными определениями на ошибки и нарушения, допущенные судами первой инстанции, не оставлять без реагирования факты допущенной в суде первой инстанции волокиты, а также в случае невыполнения судом требований материального и (или) процессуального права.

Суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения жалобы (протеста) выносит судебный акт, который называется апелляционным определением.

Апелляционное определение – это судебный акт, которым разрешается вопрос о законности и обоснованности не вступившего в законную силу решения суда первой инстанции. Им подводятся итоги разбирательства дела в апелляционной инстанции.

Апелляционное определение (как и решение суда первой инстанции) выносится в совещательной комнате путем открытого голосования большинством голосов. Судья, не согласный с выводами, изложенными в этом акте, может приложить к нему свое особое мнение.

Апелляционное определение суда должно быть подписано всеми судьями, рассматривавшими дело, в том числе и судьей, оставшимся при особом мнении.

По своему содержанию апелляционное определение в гражданском процессе состоит из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной.

Во вводной части определения указываются:

- время и место вынесения определения;
- наименование и состав суда, вынесшего определение;
- лица, участвующие в рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции;
- апелланты.

Описательная часть судебного определения по делу должна содержать следующие сведения:

- краткое изложение обстоятельств дела и содержание решения суда;
- содержание апелляционной жалобы или протеста;
- сведения о представленных в апелляционный суд документах и объяснений заинтересованных лиц;
- мнения прокурора и других лиц, участвовавших в рассмотрении данного дела в суде апелляционной инстанции.

В мотивировочной части судебного определения указываются мотивы, по которым апелляционный суд пришел к своим выводам, и ссылка на закон, которым он руководствовался.

При отклонении апелляционной жалобы или протеста суд обязан в апелляционном определении четко указать мотивы, по которым доводы жалобы или протеста признаны неправильными или не являющимися основанием к отмене или изменению решения суда первой инстанции по данному делу.

В случае отмены судебного решения в апелляционном порядке указывается, какое конкретное нарушение закона допущено по делу и как оно должно быть исправлено. В частности, при направлении дела на новое рассмотрение в апелляционном определении должно быть отмечено, какие конкретно действия должен совершить суд первой инстанции при новом рассмотрении дела.

Указания суда апелляционной инстанции о необходимости совершения определенных процессуальных действий обязательны для суда первой инстанции, вновь рассматривающего дело.

Необходимо признать, что обязательность указаний суда апелляционной инстанции ограничена определенными пределами. Например, апелляционный суд, направивший дело на новое рассмотрение, не вправе устанавливать или считать доказанными факты, которые не были установлены в решении суда или отвергнуты им. Апелляционный суд не вправе также предрешать вопрос о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, о преимуществе одних доказательств перед другими. Кроме того, он не вправе указать, какое решение судом должно быть вынесено при новом рассмотрении дела.

В резолютивной части определения в лаконичной форме содержатся мотивированные выводы апелляционного суда по результатам рассмотрения жалобы или протеста. Здесь указывается, решение какого суда и по какому делу отменяется или оставляется без изменения. В случае частичной отмены решения суда указывается, в какой конкретно части решение отменяется и в какой части остается без изменения.

Если дело апелляционным судом направляется на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указывается, в какой конкретно суд оно передается.

Апелляционное определение должно быть законным и обоснованным. Оно вступает в законную силу с момента его вынесения (ст. 431 ГПК).

Новое решение, принятое судом апелляционной инстанции, может быть обжаловано (опротестовано) только в порядке надзора (гл. 33 ГПК).

Объектом обжалования и опротестования в апелляционном порядке могут быть не только решения, но и определения суда первой инстанции.

Жалоба на определение суда первой инстанции именуется частной жалобой, а протест прокурора – частным протестом.

В гражданском процессе реквизиты частной жалобы (протеста) в основном те же, что и апелляционной жалобы (протеста).

Закон допускает возможность обжалования и опротестования в апелляционном порядке не всех определений суда первой инстанции. Определения суда первой инстанции по гражданскому делу могут быть отдельно от решения суда обжалованы юридически заинтересованными в исходе дела лицами и опротестованы прокурором в следующих случаях:

• *когда это прямо предусмотрено законом*;

• *когда определение суда первой инстанции препятствует возможности дальнейшего движения дела (так называемые в гражданском процессе пресекательные определения)*.

К определениям суда первой инстанции, допустимость обжалования и опротестования которых в апелляционном порядке предусмотрена законом, относятся, в частности, следующие определения суда:

• об отказе в возбуждении дела;
• об оставлении заявления без движения;
• о приостановлении производства по делу;
• о прекращении производства по делу;
• об оставлении заявления без рассмотрения;
• о судебных расходах;
• о продлении, сокращении и восстановлении процессуального срока;
• об отмене, изменении или сложении штрафа;
• об обеспечении доказательств;
• об обеспечении иска;
• об отказе в принятии апелляционной жалобы;
• об отсрочке и рассрочке исполнения решения суда;
• по вопросам разъяснения решения суда.

На остальные определения суда первой инстанции частные жалобы и частные протесты не подаются. Вместе с тем возражения против этих определений могут быть включены в апелляционную жалобу (протест). Например, не могут быть обжалованы и опротестованы в апелляционном порядке определения о подготовке дела к судебному разбирательству, назначении дела к слушанию, об отложении разбирательства дела, о вызове свидетелей и др. *Такого рода определения не преграждают возможность дальнейшего движения дела.* Они, как правило, носят подготовительный характер либо выносятся судом по вопросам движения дела.

Не подлежат также обжалованию и опротестованию в апелляционном порядке определения Верховного Суда Республики Беларусь.

Подача и рассмотрение частных жалоб и частных протестов, по общему правилу, происходит в порядке, установленном ГПК для подачи и рассмотрения апелляционных жалоб (протестов).

Частные жалобы (в отличие от апелляционных жалоб) государственной пошлиной не оплачиваются.

В гражданском процессе апелляционным судом частная жалоба и частный протест рассматриваются в порядке, предусмотренном для обжалования и опротестования решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу.

При рассмотрении частной жалобы или частного протеста апелляционный суд не связан доводами жалобы (протеста). Он проверяет правильность определения суда первой инстанции по гражданскому делу в полном объеме.

Согласно ст. 434 ГПК суд апелляционной инстанции, рассмотрев частную жалобу или частный протест на определение суда первой инстанции, вправе:

1) оставить определение без изменения, а частную жалобу или частный протест без удовлетворения;

2) изменить определение суда первой инстанции;

3) отменить определение суда первой инстанции полностью или в части и разрешить вопрос по существу;

4) отменить определение полностью или в части и передать вопрос на новое рассмотрение в суд первой инстанции (в том случае, если решение таких вопросов отнесено ГПК только к компетенции суда первой инстанции либо судом первой инстанции допущено существенное нарушение норм процессуального права, которое не может быть устранено в порядке апелляционного производства).

Определение апелляционного суда, вынесенное по частной жалобе или частному протесту, вступает в законную силу немедленно после его вынесения. Такое определение апелляционного суда может быть пересмотрено в гражданском процессе только в порядке судебного надзора.

Одной из гарантий реализации права на судебную защиту является право юридически заинтересованного в исходе дела лица на обжалование в вышестоящий суд постановления, вынесенного судом первой инстанции по гражданскому делу.

В мировой судебной практике наиболее распространены сегодня два способа обжалования в гражданском процессе судебных актов, не вступивших в законную силу:

- кассация;
- апелляция [3].

Если кассация давно уже легализована в белорусском гражданском процессе, то апелляция у нас получила свое признание на законодательном уровне (гл. 32 ГПК Республики Беларусь) относительно недавно – в июле 2018 г.

Согласно ст. 399 ГПК Республики Беларусь решение суда первой инстанции, не вступившее в законную силу, может быть обжаловано в апелляционном порядке сторонами и другими юридически заинтересованными в исходе дела лицами. Кроме того, прокурор вправе принести протест в апелляционном порядке на это решение суда.

В белорусском гражданском процессе суд апелляционной инстанции вправе отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, если при рассмотрении дела апелляционным судом установлено существенное нарушение норм процессуального права, которое не может быть устранено в порядке апелляционного производства либо препятствует апелляционному суду в исследовании новых доказательств или в установлении фактов, которые не являлись предметом исследования суда первой инстанции.

Таким образом, с помощью института апелляции стороны по делу и другие участники процесса могут получить возможность более эффективно и без волокиты качественно исправлять свои ошибки, а также представить суду новые доказательства по делу.

В конечном итоге это будет способствовать установлению истины по гражданскому делу, обеспечению надлежащей защиты прав и законных интересов участников процесса.

Библиографические ссылки

1. Тихиня В. Г. Апелляционное производство в гражданском процессе: каким ему быть? // Юстиция Беларуси. 2011. № 8. С. 26–29.

2. Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь : одобр. Указом Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 46. 1/3636.

3. Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008.

Н. Г. Юркевич

(1928–2017)

доктор юридических наук

СУЩНОСТЬ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА[1]

Понятие о гражданском процессуальном правоотношении

Гражданские процессуальные отношения – вид общественных отношений вообще и правовых отношений в частности. Общественными являются отношения между людьми в процессе их совместной деятельности[2]. Это отношения взаимодействия. Специфика гражданских процессуальных правоотношений заключается прежде всего в том, что они представляют собой взаимодействие их участников и составов судов в ходе отправления правосудия по гражданским делам, которое урегулировано нормами гражданского процессуального права. Гражданские процессуальные правоотношения состоят из элементов и структуры.

Элементы (действующие лица) конкретных гражданских процессуальных отношений делятся на два блока, первым из которых является суд (состав суда), а вторым – участники. При этом в рамках гражданского процессуального правоотношения следует различать взаимодействие как между блоками, так и внутри них. Внутреннее взаимодействие в составах судов имеет место лишь в тех случаях, когда они (составы) являются коллегиальными, т. е. при рассмотрении

---

[1] Друкуецца паводле: *Юркевич Н. Г.* Сущность гражданского процесса // Пром.-торговое право. 1999. № 8–9. С. 206–276 (Извлечение).

[2] Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя, 3-е изд. М., 1972. С. 288 ; Гражданский процесс : учеб. для вузов / под ред. проф. М. К. Треушникова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. С. 44.

отдельных дел в первой инстанции, а также в судах кассационной и надзорной инстанции (ст. 26, 31 ГПК). Что же касается взаимодействия в блоке участников гражданского процессуального правоотношения, то вопрос о нем является спорным и будет рассмотрен ниже.

Говоря о роли каждого из блоков в рассмотрении и разрешении гражданского дела, необходимо иметь в виду следующее.

Участниками гражданского судопроизводства являются юридически заинтересованные в исходе дела лица и лица, такой заинтересованности не имеющие. Они перечислены в ст. 54 ГПК. Среди юридически заинтересованных в исходе дела лиц на первом месте стоят стороны: истец и ответчик. Именно истец обращается в суд с исковым заявлением, т. е. требованием о возбуждении гражданского дела, которое будет рассматривать суд. Отказать в принятии искового заявления суд не имеет права, если при составлении и подаче его соблюдены требования закона. Возбудить дело по собственной инициативе суд тоже не может. Следовательно, по существу гражданское дело возникает хоть и в суде, но не по воле суда, а по воле (требованию) истца.

Эта воля устанавливает границы деятельности суда по делу и в дальнейшем. Суд рассматривает дело лишь в пределах заявленного искового требования (ст. 273 ГПК). При вынесении решения суд не имеет также права без согласия истца изменить предмет и основание иска, кроме исключительных случаев, прямо предусмотренных актами законодательства (ст. 298 ГПК).

Таким образом, именно истец дает суду обязательное для него поручение сначала возбудить, а затем в рамках этого дела рассмотреть требование к ответчику, характер которого он (истец) сам определяет и контролирует на протяжении всего процесса.

Далее необходимо констатировать, что стороны предлагают суду и два обязательных для рассмотрения альтернативных варианта будущего решения по делу. *Первый вариант содержится в исковом заявлении.* Кроме поручения рассмотреть дело, оно (исковое заявление) предлагает и все основное содержание ожидаемого истцом решения об удовлетворении иска. *Второй вариант* возможного решения *предлагает ответчик в своих возражениях против иска.* Это своего рода проект решения об отказе в иске (полном или частичном). Оба предлагаемых сторонами варианта составляют для суда «поле выбора». Суд обычно выбирает один из этих альтернативных вариантов и оформляет его как свое решение по делу.

Нельзя, наконец, не отметить, что на сторонах и других юридически заинтересованных в исходе дела лицах целиком лежит обязанность представить суду доказательства, необходимые для установления истины по делу. При этом каждая сторона доказывает факты, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений (ч. 1 ст. 179 ГПК). Каждая из сторон, в принципе, обязана указать также правовое основание того варианта решения, на принятии которого она настаивает.

Обратимся теперь к «судебному блоку». Суд по определению является обязательным участником судопроизводства (процесса) по каждому гражданско-

му делу. В литературе всегда подчеркивают, что суд – орган власти, т. е. обладает властными полномочиями. В этом – правда, но далеко не вся. Суд прежде всего орган рабочий, производственный.

Властные полномочия необходимы для организации и координации процессуальной деятельности участников судопроизводства, соблюдения строгой последовательности в совершении процессуальных действий, поддержания порядка в зале судебного заседания. Эти полномочия дают суду также возможность выносить обязательные определения и решения, проводить их в жизнь с применением (в случае необходимости) мер принуждения. Без властных полномочий суд не смог бы осуществлять правосудие, исполнять отведенную ему роль в гражданском процессуальном правоотношении.

Но само правосудие осуществляется прежде всего через производственные полномочия суда, которые он может реализовать в тесном сотрудничестве со сторонами и другими участниками процесса. В целом ключевые действия суда сводятся к следующему: он принимает от истца исковое заявление, а от ответчика – возражения против иска; проверяет убедительность доказательств, представленных сторонами в подтверждение фактов, положенных каждой из сторон в основание предложенного ею альтернативного варианта решения; выбирает и оформляет в качестве решения тот из альтернативных его вариантов, который успешно прошел проверку, признан истинным. Это констатирует и законодатель, который к полномочиям суда относит разрешение дела, а также рассмотрение гражданского дела в кассационном порядке и в порядке надзора; пересмотр постановлений суда по вновь открывшимся обстоятельствам; рассмотрение вопросов, возникающих при исполнении решений и других документов (ст. 29 ГПК).

Надо отметить, что, как правило, не происходит слияния властных полномочий с производственными. Оба вида правомочий суда существуют и реализуются раздельно. При этом властные правомочия обычно используются судом лишь в случаях, когда нарушен нормальный ход процесса.

Учитывая изложенное, не имеет смысла обсуждать вопрос о том, который из рассматриваемых блоков важнее. Стороны и другие участники гражданского процессуального правоотношения не могут обойтись без суда, но и суд без участников гражданского процессуального правоотношения ничего сделать не может. Только вместе в ходе запрограммированного законом взаимодействия суд и стороны, другие участники правоотношения способны обеспечить достижение желательного результата. Только вместе эти две подсистемы составляют единую систему, именуемую гражданским процессуальным правоотношением.

Выделение и характеристика блоков (подсистем) гражданского процессуального правоотношения позволяет дать самое общее понятие о нем как о целостной системе. Такой подход к гражданскому процессуальному правоотношению необходим, но недостаточен. В рамках процессуального отношения как целого существуют и функционируют также элементарные правоотношения (отдельные акты процессуального взаимодействия), из которых в свою очередь складываются правоотношения среднего уровня, о чем будет сказано ниже.

Структурой гражданского процессуального правоотношения называют устойчивую связь между его элементами. Она имеет свое содержание (взаимодействие участников) и свою форму (процессуальные субъективные права, охраняемые законом интересы и обязанности), посредством которых эта взаимосвязь регулируется. Взаимодействие и права, интересы, обязанности взаимодействующих находятся в неразрывном диалектическом единстве.

Большинство ученых-процессуалистов считают, что элементарные процессуальные правоотношения не могут возникать между отдельными участниками судопроизводства, минуя суд. В частности, такой точки зрения придерживается проф. В. М. Шерстюк. Он утверждает, что гражданские процессуальные отношения возникают только между судом, рассматривающим дело, и любым другим участником процесса по типу суд – истец, суд – ответчик, суд – свидетель. «Стороны, третьи лица, прокурор, государственные органы между собой в процессуальных отношениях не состоят». Автор объясняет это прежде всего тем, что суду как органу государственной власти отведена главная роль в выполнении задач, стоящих перед гражданским судопроизводством[1]. Но ссылка на властные полномочия суда была бы в данном случае убедительной, если бы процесс состоял из распоряжений, которые суд отдает отдельным участникам, и исполнения ими этих распоряжений. Выше уже показано, что это не так. Суд не только и не столько властвует в процессе, сколько работает, совершает обычные процессуальные действия. Сказанное особенно верно в свете тех новелл, которые появились в процессуальном законодательстве в последнее время.

В. М. Шерстюк обосновывает рассматриваемое мнение также тем, что гражданское процессуальное право не представляет участникам процесса никаких прав и не возлагает на них никаких обязанностей по отношению друг к другу. А поскольку отсутствуют гражданско-процессуальные обязанности участников процесса по отношению друг к другу, то закон не предусматривает и правовые последствия на случай их невыполнения[2].

Но этот аргумент, если признать его достаточным, дает основание считать невозможными и элементарные правоотношения с участием суда. Разве суд имеет право требовать (да еще с применением «правовых последствий»), чтобы кто-то предъявил иск или защищался против иска? Думается, что при традиционном подходе к правам и обязанностям как единственно возможной связи между судом и участниками, а также между самими участниками гражданских процессуальных отношений на этот вопрос тоже следует дать отрицательный ответ. И тогда придется прийти к явно абсурдному выводу: в гражданском процессуальном правоотношении вообще нет связей между действующими лицами; суд и участники (кроме не имеющих заинтересованности в исходе дела) могут не согласовывать свои действия даже с судом. Как же в таком случае суды

[1] Гражданский процесс. С. 44.

[2] Там же.

республики ежегодно не только возбуждают, но и доводят до логического конца многие десятки тысяч гражданских дел?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно не забывать, что основные участники гражданского процессуального правоотношения являются лицами, *юридически заинтересованными в исходе дела.* В частности, истец заинтересован в удовлетворении иска, а ответчик – в отказе в иске. Поскольку судебное решение выносится лишь в конце процесса, этого интереса, как правило, достаточно, чтобы одна сторона предъявила иск и поддерживала его, а другая защищалась против иска на протяжении всего процесса. Стимулирующее воздействие на стороны оказывает и применение правил о распределении судебных расходов. В принуждении здесь нет надобности. Личная или служебная заинтересованность связывает в соответствующих случаях не слабее, чем обязанности и санкции.

Не вынуждая юридически заинтересованных в исходе дела участников совершать процессуальные действия, гражданское процессуальное законодательство достаточно подробно регулирует само совершение этих действий. Например, истец не обязан обращаться в суд, но если обращается, должен соблюдать требования гл. 24 (ст. 242–253) ГПК. Вместе с тем в случаях, когда юридический интерес в исходе дела оказался недостаточным, к участникам гражданского судопроизводства могут быть применены следующие меры: предупреждение, привод, судебный штраф, возложение на недобросовестных участников гражданского судопроизводства обязанности возместить судебные расходы. В предусмотренных законом случаях к виновным могут применяться также меры административной и уголовной ответственности (ст. 168 ГПК).

Гражданские процессуальные отношения существенно отличаются от гражданских материальных правоотношений. Последние возникают для удовлетворения различных материальных и духовных потребностей их участников. Первые же являются охранительными, выступают как способ снятия спорности, принудительного осуществления, преобразования материальных правоотношений (удовлетворяют потребность в правосудии).

Материальное правоотношение обычно связывает лишь две стороны. Процессуальные отношения гораздо более «многолюдны». Кроме суда и сторон, третьих лиц в них принимают участие прокурор, представители, эксперты и т. д. В связи с этим некоторые процессуалисты спорят о том, является ли процессуальное правоотношение целостным (единым) или системой (множеством) отношений. Спор представляется беспредметным. Понятия «целое» и «система» в философской литературе «характеризуются в принципе одними и теми же признаками», т. е. тождественны. Более того, «всякое целое есть часть другого целого, а любая часть в свою очередь является целым»[1]. Отсюда следует, что гражданское процессуальное правоотношение, с одной стороны, является

[1] *Блауберг И. В.* Целостность и системность // Системные исследования : ежегодник. М., 1977. С. 19.

отношением целостным, единым, а с другой – это система составляющих целое частных отношений, каждое из которых в свою очередь обладает признаками целостности.

Участниками материальных правоотношений являются чаще всего граждане и юридические лица. Среди участников процессуального отношения как целого всегда находится суд.

Все участники материального правоотношения равноправны и не зависимы друг от друга. В процессуальном правоотношении суд обладает властью (для управления процессом). Другие участники процессуальной деятельности подчиняются суду при осуществлении им властных полномочий.

Формальное различие между материальным и процессуальным правоотношениями заключается в том, что первое регулируется нормами материального, а второе – нормами процессуального права.

Процессуальное правоотношение в целом может быть определено как совокупность урегулированных нормами гражданского процессуального права частных отношений, обеспечивающих правильное и быстрое разрешение гражданских дел, а также исполнение принятых решений.

Содержание гражданского процессуального правоотношения

Участники процессуальной деятельности (взаимодействия) отправляются от определенной *исходной* ситуации (реально существующей или воображаемой), чтобы преобразовать ее в *конечную*. Для такой деятельности характерно предвидение каждым как желаемой (для него) конечной ситуации, так и деятельности, которая должна привести к ней. Предвидимая конечная ситуация называется *целью* деятельности, а предвидимая деятельность, которая должна привести к цели, – *программой*. Истец, например, имеет свои собственные исходную ситуацию (ИС), программу (Пр) и цель (Ц), что можно записать в виде формулы ИС → Пр → Ц.

В дальнейшем программу замещает реальная процессуальная деятельность (Д), а цель – результат (Рт) как действительно достигнутая конечная ситуация. Отличить программу от деятельности, а цель от результата необходимо, в частности, потому, что они совпадают не всегда. Нередки случаи, когда не удается осуществить некоторые запрограммированные процессуальные действия, а иск отклоняют или удовлетворяют лишь частично. Реально пройденный путь можно записать с помощью формулы ИС → Д → Рт.

Разумеется, формулы ИС → Пр → Ц и ИС → Д → Рт являются слишком общими и нуждаются в дальнейшем развертывании.

Исходная (проблемная) ситуация в нашем случае характеризует действительное или воображаемое состояние субъективного права и материального правоотношения в целом. Разговор идет о противоречии между должным (соответствующим закону) и сущим (реально существующим) в понимании лица, возбуждающего дело. Это лицо считает, например, что ему принадлежит право личной собственности на жилой дом, и одновременно констатирует, что его дом захватил и объявил своим кто-то другой. Именно такая ситуация лежит в основе возникновения процессуального правоотношения. Истец возбуждает

дело, если не удовлетворен существующим положением. Важно подчеркнуть, что в обращении к суду исходная ситуация формулируется как *основание* соответствующего требования (иска).

Исходная ситуация и цель находятся в тесной взаимосвязи. Если первая как противоречие между должным и сущим порождает неудовлетворенность, то вторая предусматривает устранение неудовлетворенности посредством ликвидации противоречия, приведения существующего в соответствие с должным. В обращении к суду цель предусматривается как *предмет* требования (иска). Каждый из лиц, участвующих в деле, преследует свои собственные цели. Но все они так или иначе связаны с целью, которую поставил истец (заявитель). Цели советского гражданского судопроизводства названы в ст. 2 ГПК.

Исходная ситуация как определенное состояние *материального* правоотношения порождает *процессуальное* правоотношение, но находится вне его, предшествует ему. Результат как преобразованное материальное правоотношение является следствием последнего акта процессуальной деятельности и тоже находится вне процессуального правоотношения. Располагаясь между исходным и конечным состоянием материального правоотношения, процессуальная деятельность обеспечивает преобразование первого во второе.

Обратимся теперь к самой процессуальной деятельности. Она состоит из ряда последовательно совершаемых действий, последнее из которых приводит к достижению конечного результата. Действие – отдельный (выделенный) отрезок целенаправленной деятельности, приводящей к достижению какого-то результата (Рт). Если последовательный ряд действий обозначить как $Д_1$, $Д_2$, $Д_3$... $Д_к$ (конечное), то формула деятельности как содержания процессуального правоотношения может быть записана следующим образом:

$$ИС \rightarrow Д_1 \rightarrow Рт_1 \rightarrow Д_2 \rightarrow Рт_2 ... \rightarrow Д_к \rightarrow Рт_к$$

Необходимо отметить, однако, что эта формула несколько упрощена. То, что мы обозначили здесь как одно действие, в действительности состоит из двух различных актов. Сначала принимается решение (т. е. совершается выбор одного из возможных действий), затем избранное действие выполняется. Решения (в широком смысле слова) принимает не только суд, но и каждый участник правоотношения. Они могут быть результатом длительных размышлений или интуитивными, предварительно сформулированными или сразу вылившимися в конкретное действие. Но они всегда есть. Ведь в процессуальном правоотношении мы имеем дело с людьми или группами людей (например, составами судов), которые могут действовать, только руководствуясь разумом и волей, т. е. принимая решения.

Таким образом, Д = Р + И, где Р – решение, а И – исполнение. Р и И чередуются. Так, истец сначала принимает решение о предъявлении иска (РД), а затем предъявляет его (ИД). В качестве результата у судьи возникает обязанность рассмотреть вопрос о принятии искового заявления ($Рт_1$). В соответствии с этим судья решает упомянутый вопрос ($Р_2$) и принимает либо отказывает в приеме

искового заявления (ИД). Результатом принятия искового заявления является возбуждение гражданского дела ($Рт_2$). В итоге принципиальная формула процессуальной деятельности выглядит так:

$$ИС \rightarrow (Р_1 \rightarrow И_1 \rightarrow Рт_1 \rightarrow (Р_2 \rightarrow И_2) \rightarrow Рт_2 \ldots \rightarrow (Р_к \rightarrow И_к) \rightarrow Рт_к$$

Необходимо отметить, однако, что последовательность в чередовании Р и И выдерживается не всегда. Определение о подготовке дела к судебному разбирательству можно рассматривать как Рз. Но это Р обычно имеет сложную структуру. В сущности, оно может содержать ряд решений: вызвать на собеседование ответчика ($Рз_А$), истребовать документ ($Рз_Б$), назначить экспертизу ($Рз_В$) и т. д. Ясно, что соответствующие И совершаются позже, с временными интервалами разной продолжительности. Следовательно, каждому Р соответствует свое И, но не каждое И следует сразу за своим Р. Если мы теперь снова возвратимся к Д как паре взаимосвязанных Р и Д, то обнаружим, что два таких действия (Д + Д) дают акт взаимодействия (АВ). О том, что акт взаимодействия следует выделить в самостоятельную единицу, свидетельствует и то, что второй результат имеет гораздо большее процессуальное значение. Первый Рт в каждой паре взаимосвязанных действий выражается лишь в том, что у участника взаимодействия возникает обязанность совершить второе, ответное действие. В определенном смысле можно сказать, что существенные результаты дают не отдельные действия, а акты взаимодействия.

А. А. Мельников полагает, что в каждом процессе по конкретному делу столько правоотношений, «сколько применено норм процессуального права»[1]. Это значит, что правоотношением является любое процессуальное действие, если оно предусмотрено отдельной нормой права. Следует, однако, помнить, что процессуальное правоотношение является разновидностью общественного отношения, т. е. отношения взаимодействия. Как уже было сказано, только два взаимосвязанных действия разных участников дают существенный правовой результат. Поэтому акт взаимодействия и следует считать первичным, элементарным правоотношением. Оно элементарно в том смысле, что здесь речь идет об однократном взаимодействии в «диаде», между минимально возможным числом участников. Это правоотношение является элементарным и потому, что его нельзя разложить на более дробные правоотношения. Элементами такого правоотношения являются отдельные действия как пары взаимосвязанных Р и И.

Акты взаимодействия как элементарные процессуальные правоотношения можно группировать по разным признакам. Например, в рамках процесса как последовательного ряда действий необходимо выделить совокупности АД, охватываемые одной стадией процесса.

Юридические факты-события отражают вторжение в нормальное движение процесса внешних факторов, нарушающих это движение. Факты-события обычно приостанавливают процесс или влекут за собой прекращение его. Развитие же процесса, его последовательный переход из одной стадии в дру-

[1] *Мельников А. А.* Гражданские процессуальные правоотношения.

гую обеспечивают именно акты взаимодействия. За возбуждением дела следует подготовка к судебному разбирательству, а за судебным разбирательством – принятие решения. Если суд что-либо присуждает, необходима также стадия исполнения решения.

Стадии различаются специфическим составом участников, особенностями целей и своеобразием путей к ним, способами взаимодействия. В частности, четко выделена стадия принятия решения. На этой стадии резко преобладает внутренняя работа суда. Состав суда удаляется в совещательную комнату. Оценка собранной информации, формулирование всех возможных вариантов решения, выбор и изложение одного из них – внутреннее дело судей, требующее большой сосредоточенности и доверительного сотрудничества между ними в обстановке полной изоляции от окружения.

В случаях, когда вынесенное судом решение, по мнению соответствующего лица, является незаконным или необоснованным, можно привести в действие «механизм контроля» (кассационное, надзорное производство, пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятельствам). В настоящее время с помощью «механизма контроля» подвергается пересмотру не более 6 % гражданских дел. Все остальные не выходят за пределы вынесения или исполнения решения.

Таким образом, в содержании процессуального правоотношения можно выделить: 1) элементарные действия Р и И; 2) действия как пары взаимосвязанных Р и И, совершаемых одним участником; 3) элементарные правоотношения как акты взаимодействия (АВ), т. е. пары взаимосвязанных действий, совершаемых двумя участниками процессуальной деятельности; 4) совокупность АВ в пределах отдельных стадий процесса или промежуточные (стадиальные) правоотношения; 5) совокупность стадиальных правоотношений в суде одной инстанции как производство (процесс) в суде данной инстанции; 6) совокупность производств в судах всех инстанций как законченный ряд процессуальных действий по гражданскому делу при наличии обжалования (опротестования).

Различают два основных вида взаимодействий: положительное (сотрудничество) и отрицательное (борьбу). Довольно долго считалось, что гражданский процесс есть борьба. Но в настоящее время сформулирована и другая точка зрения. В соответствии с ней гражданский процесс – гармоничное сотрудничество суда, сторон и других лиц, участвующих в деле[1].

Анализ процессуальной деятельности позволяет согласиться с новым взглядом лишь частично. Прежде всего нельзя отрицать тот факт, что между сторонами в делах искового производства, как правило, идет состязание, борьба. То, что выигрывает один, теряет другой. И это характерно не только для случаев, когда одна сторона действует недобросовестно. Борьба между сторонами придает состязательный характер всему процессу, поскольку каждая сторона обеспечивает вызов своих свидетелей, приглашает своего представителя и т. д. Борьба придает гражданскому процессу повышенную эмоциональную напряженность и динамичность, побуждает участников делать все возможное для обоснования

[1] Впервые в науке гражданского процесса это мнение высказал Г. Натан (*Nathan H.* Das Zivilprocessrecht der DDR. Berlin, 1957. B. 1. S. 36.)

своей позиции. А это помогает собрать весь необходимый процессуальный материал для установления истины по делу.

Вместе с тем борьба в процессуальном правоотношении, с одной стороны, подчинена определенным правилам, умеренна (об этом заботится суд), а с другой – ведется в сочетании с широким сотрудничеством. Нет, например, и не может быть никакой процессуальной борьбы между судом и прокурором. Вообще суд, как правило, сотрудничает с каждым из лиц, участвующих в деле. Да и стороны нередко сотрудничают между собой, особенно в тех случаях, когда иск предъявлен с целью преобразования или прекращения правоотношения. Так, обе стороны могут стремиться к получению решения суда о разводе, не споря между собой и относительно причин распада семьи. Более того, элементы сотрудничества имеются даже в отношениях между сторонами, которые ведут непримиримый спор. В целом процессуальная деятельность является сплавом борьбы и сотрудничества, что обеспечивает оптимальные условия для осуществления правосудия по гражданским делам.

Субъект и объект в гражданском процессуальном правоотношении

До сих пор мы рассматривали деятельность как содержание процессуального правоотношения, а точнее говоря – как содержание связи между элементами правоотношения. Обратимся теперь к самим элементам – субъекту и объекту. ***Субъект*** – активно действующий, обладающий сознанием и волей человек. ***Объект*** – то, на что направлена деятельность субъекта[1]. Такое отношение можно изобразить в виде формулы Сб → О, где Сб – субъект, а О – объект. Стрелка указывает направление воздействия.

Субъект и объект – парные понятия. Одно без другого невозможно[2]. Любое явление может рассматриваться как объект лишь в том случае, если на него воздействует субъект. Таков философский подход. Между юридической и философской теорией объекта отношения (правоотношения) расхождения не должно быть. Но, к сожалению, оно имеется.

По мнению О. С. Иоффе, Д. М. Чечота[3], Н. А. Чечиной, объектом правоотношения является поведение людей. В частности, Н. А. Чечина утверждает, что «под объектом гражданских процессуальных правоотношений следует понимать то явление, на которое направлена активная сила процессуального права, как сила, *воздействующая на поведение людей*[4]» (выделено нами. – *Н. Ю.*)

Эта точка зрения наиболее близка к истине. Но и она нуждается в корректировке. В частности, право здесь рассматривается как сила или как стимул, который прямо воздействует на поведение, вызывая его. Авторы фактически придерживаются формулы Ст → Ре, где Ст – стимул, а Ре – реакция. Психологи давно ввели в эту формулу недостающее звено. Сегодня она выглядит так: Ст → Л → Ре, где Л – личность. Право как стимул способно вызывать поведение (реакцию), только воздействуя на личность. Само поведение зависит не толь-

[1] Философский словарь. С. 399.

[2] Там же.

[3] *Чечот Д. М.* Участники гражданского процесса. М., 1960.

[4] Гражданский процесс / под ред. Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 1969. С. 59.

ко от стимула, но и от личности, ее разума и воли, ценностных ориентаций, нравственной и правовой воспитанности. Поэтому один и тот же стимул может у разных людей вызывать не только различные, но и диаметрально противоположные реакции.

Возвратимся теперь к теории объекта – действия. О. С. Иоффе изложил сущность ее следующим образом.

«Права и обязанности могут воздействовать лишь на поведение людей. Ни вещи, ни какие-либо иные явления объективной действительности не способны *реагировать* на воздействие со стороны прав и обязанностей. Такой способностью обладает только человеческое *поведение*[1]» (выделено нами. – *Н. Ю.*).

Прежде всего следует констатировать, что реагирует на поведение. Поведение есть реакция. Актом поведения человек реагирует на воздействие другого человека, юридического лица, суда. При этом субъект правоотношения осуществляет воздействие, опираясь на принадлежащее ему субъективное право, т. е. призывает к исполнению обязанности, предупреждает об обращении в суд или другой правоприменяющий орган. Это может быть адресовано только человеку, обращено только к его разуму и воле. То же самое следует сказать о предъявлении иска и совершении другого процессуального действия. Итак, в правоотношении воздействуют не права и обязанности, а человек, наделенный правом; реагирует не поведение, а другой человек, являющийся носителем обязанности. Следовательно, логика рассуждений неумолимо подводит нас к выводу: именно *человек является не только субъектом, но и объектом правоотношения*. Категорическое отрицание этого вывода некоторыми авторами совершенно не аргументировано[2]. Оно выводится из мыслительной традиции, в силу которой объект как философская и юридико-теоретическая категория целиком отождествляется с предметом права собственности. Иррациональность этой традиции в современных условиях кажется очевидной. Для представителя других общественных наук тот факт, что человек является не только субъектом, но и объектом социального процесса, относится к числу общеизвестных истин[3].

В литературе высказываются и иные мнения об объекте гражданского процессуального правоотношения. С. С. Алексеев и некоторые другие считают объектом материальное право (правоотношение)[4]. В сущности, такой же точки зрения придерживается Р. Е. Гукасян. «*Объектом* всякого правоотношения, – пишет он, – является то, по поводу чего возникают правоотношения и на что они воздействуют».

Здесь, следовательно, говорится об объекте, на который воздействует не субъект, а правоотношение. Такая постановка вопроса игнорирует философское

---

[1] *Иоффе О. С.* Советское гражданское право. М., 1967. С. 216.

[2] Советское гражданское право. М., 1965. Т. 1. С. 60.

[3] *Парыгин Б. Д.* Научно-техническая революция и личность. М., 1978. С. 8.

[4] *Алексеев С. С.* Об объекте права и правоотношения // Вопросы общей теории советского права. М., 1960. С. 307 ; *Ринг М. П.* К вопросу о гражданских процессуальных правоотношениях // Уч. зап. ВИЮН. М., 1963. Вып. 16. С. 72 ; *Жеруолис И. А.* Сущность советского гражданского процесса. С. 16.

понимание объекта общественного отношения. В результате оказывается, что объект, который является элементом общественного (в нашем случае – процессуального) отношения, находится вне этого отношения.

Но может быть, следует говорить об общем объекте воздействия всех субъектов процессуальной деятельности? Такая постановка вопроса тоже была бы неверной. Дело в том, что совместно все субъекты процессуального правоотношения ни на что не воздействуют. Воздействие субъектов на что-то (объекты) происходит только в актах взаимодействия как элементарных правоотношениях. Вне их нет процессуальной деятельности. Только последовательно совершаемые воздействия субъектов на объекты в рамках элементарных правоотношений обеспечивают поступательное движение процесса к той конечной цели, ради достижения которой он был возбужден.

Как было показано выше, материальное правоотношение (действительно существующее или воображаемое) является исходной (проблемной) ситуацией, а преобразование его – целью (результатом) процессуальной деятельности. Стало быть, признание материального правоотношения объектом процессуального правоотношения по сути дела означает отождествление объекта с исходной ситуацией и (или) целью (результатом) процесса. Прямо эту мысль выразил В. Н. Протасов, по мнению которого, «объект – это цель правоотношения»[1]. Однако в принципиальном различии объекта и цели нет никаких сомнений. Субъект не может воздействовать на цель хотя бы потому, что она достигается лишь после завершения процессуальной деятельности. Материальное правоотношение не может быть объектом и как исходная ситуация. Отправляясь от нее, деятельность участников процессуального правоотношения оставляет исходную ситуацию неизменной до конца. Изменение ее может наступить лишь как результат, следствие заключительного акта процессуальной деятельности.

Возвратимся теперь к формуле элементарного процессуального правоотношения:

$$\ldots Д_1 \rightarrow Рт_1 \rightarrow Д_2 \rightarrow Рт_{2\ldots}$$

С учетом изложенного в настоящем параграфе в эту формулу прежде всего необходимо ввести участников взаимодействия (субъект и объект). Затем следует констатировать, что Д является стимулом (Ст), а $Д_2$ – *реакцией* (Ре). Наконец, из приведенной формулы в интересах ее упрощения можно устранить Рт. Этот результат не имеет существенного значения. Он выражается только в возникновении у второго участника обязанности совершить ответное действие.

После внесения всех предложенных изменений формула акта процессуального взаимодействия (элементарного процессуального правоотношения) принимает следующий вид:

$$Сб \rightarrow Ст \rightarrow О \rightarrow Ре \rightarrow Рт.$$

[1] *Протасов В. Н.* К вопросу о предмете и объекте гражданского процесса // Проблемы повышения эффективности правового регулирования на современном этапе. Томск, 1977. С. 103.

Как уже было сказано, субъектом является носитель субъективного права, а стимулом – основанное на субъективном праве требование субъекта, адресованное объекту. Соответственно, объект – носитель субъективной обязанности, а реакция – действие, совершаемое объектом по требованию субъекта во исполнение упомянутой обязанности.

Совокупность элементарных правоотношений между каждыми двумя участниками процессуальной деятельности (между судом и истцом, истцом и ответчиком) составляет промежуточное правоотношение. Совокупность промежуточных правоотношений этого рода, в свою очередь, представляет целостное процессуальное правоотношение как «созвездие», в центре которого стоит суд.

Единство правоотношения (производства по одному делу) предопределяется единством сторон, а также исходной и конечной ситуацией (т. е. основанием и предметом иска). Пока спор продолжается «между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям», мы находимся в рамках одного процессуального правоотношения, сколько бы судов им ни занималось.

А. В. Барков
кандидат юридических наук

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Первоначальная редакция действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) не содержала ни термина «коррупционные преступления», ни тем более определения этой группы преступлений. Однако законодательное определение коррупции в праве суверенной Республики Беларусь уже было. Закон Республики Беларусь от 15 июня 1993 г. № 2399-XII «О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией» в преамбуле относил коррупцию к «наиболее общественно опасному явлению, выражающемуся в умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на государственной службе, своего служебного положения для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно выражающемуся в подкупе этих лиц». Закон Республики Беларусь от 26 июня 1997 г. № 47-З «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» в ст. 1 определил: «Коррупция – умышленное использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, или лицами, приравненными к ним, своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного приобретения для себя или близких родственников имущественных и неимущественных благ, льгот и преимуществ, а также подкуп указанных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами этих благ, льгот и преимуществ».

Специальным законом – Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией» – дано более полное определение: «Коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно

подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей».

Действующий Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» (далее – Закон о борьбе с коррупцией) остановился на следующем определении: «Коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного».

Это определение, а также законодательная характеристика коррупционных правонарушений в ст. 37 действующего Закона о борьбе с коррупцией позволяет выделить преступления, обладающие признаками коррупционных. В этом случае руководствуются следующими критериями:

1) определенное коррупционное поведение, названное в ст. 37 Закона о борьбе с коррупцией (использование служебных полномочий или злоупотребление ими, использование публичного статуса, активный или пассивный подкуп и др.);

2) участие в совершении деяния специального субъекта – должностного лица (в Законе о борьбе с коррупцией это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо); также участие лица, осуществляющего подкуп государственных должностных или приравненных к ним лиц либо иностранных должностных лиц;

3) корыстная или личная заинтересованность специального субъекта;

4) наличие уголовно-правового запрета за совершение коррупционного деяния, т. е. наличие уголовно-правовых норм, называющих юридически значимые признаки коррупционного преступления.

Учет коррупционных преступлений, анализ их состояния, динамики, структуры, необходимость обобщения практики противодействия этим преступлениям требовали определенности в установлении их круга. Поскольку законодатель непосредственно не дал перечня коррупционных преступлений, постольку

он был сформирован на основе правоприменительной практики. Перечень корректировался, в частности, в сторону сокращения круга деяний, признаваемых коррупционными.

Решением проблемы на самом высоком уровне стал Декрет Президента Республики Беларусь от 10 мая 2019 г. № 3 «О дополнительных мерах по борьбе с коррупцией», который определил: «Для целей настоящего Декрета к коррупционным преступлениям относятся преступления, предусмотренные статьей 210, частями 2 и 3 статьи 235 (при совершении указанных преступлений должностным лицом с использованием своих служебных полномочий), статьями 424, 425, частями 2 и 3 статьи 426 (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности), статьями 429–432, а также статьей 455 (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности) Уголовного кодекса Республики Беларусь».

Во исполнение положений названного Декрета Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2019 г. № 253-З «Об изменении Уголовного кодекса Республики Беларусь» ст. 90 дополнена примечанием, в котором сказано: «Под коррупционными преступлениями в настоящей статье и статье 91 настоящего Кодекса понимаются преступления, предусмотренные статьей 210, частями 2 и 3 статьи 235 (при совершении указанных преступлений должностным лицом с использованием своих служебных полномочий), статьями 424, 425, частями 2 и 3 статьи 426 (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности), статьями 429–432, а также статьей 455 (при совершении указанных преступлений из корыстной или иной личной заинтересованности) настоящего Кодекса». Так впервые в уголовном законодательстве Республики Беларусь появился термин «коррупционные преступления».

Рассмотрим, какие изменения претерпели нормы УК о преступлениях, включенных в круг коррупционных, с момента введения Кодекса в действие с 1 января 2001 г.

Статья 210 карает хищение путем злоупотребления служебными полномочиями.

Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» были смягчены санкции ч. 3 и 4 ст. 210 путем сокращения сроков лишения свободы: «в абзаце втором части третьей слова “от шести до пятнадцати” заменить словами “от трех до десяти”; в абзаце втором части четвертой слово “восьми” заменить словом “семи”».

Часть 1 ст. 210 имела следующую редакцию: «Завладение имуществом либо приобретение права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 211 настоящего Кодекса (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями)».

Законом Республики Беларусь от 18 июля 2007 г. № 264-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за преступления, связанные с коррупцией» (далее – Закон

от 18 июля 2007 г. № 264-З) дано следующее описание деяния: «Завладение имуществом либо приобретение права на имущество, совершенные должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями)». Исключены слова «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 211 настоящего Кодекса». Тем самым расширился круг должностных лиц, подлежащих ответственности по ст. 210 УК за счет должностных лиц, которым имущество вверено.

Предупреждая слишком широкое понимание этого изменения, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в п. 16 постановления от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам и хищениях имущества» разъяснил: «Хищение имущества путем присвоения или растраты (ст. 211 УК) может быть совершено только лицом, которому это имущество вверено. По этой же статье УК наступает ответственность должностного лица, не использовавшего своих служебных полномочий для завладения вверенным ему имуществом».

Тем же Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З изменены санкции. Установлено, что по ч. 1 ст. 210 деяния «наказываются лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью со штрафом или лишением свободы на срок до четырех лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Из санкции были исключены штраф, исправительные работы, арест и ограничение свободы. В санкции остались два основных наказания, контрастно отличающиеся по степени кары: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение свободы. Санкция стала явно неоптимальной.

Ужесточена и санкция ч. 2 ст. 210: увеличен срок лишения свободы – был от двух до пяти лет, стал от трех до семи лет (изменилась категория преступления на тяжкое); появилась обязательная конфискация имущества, стало обязательным дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью как к лишению, так и к ограничению свободы.

В санкциях ч. 3 и 4 ст. 210 лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью также стало обязательным дополнительным наказанием.

Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» (далее Закон от 5 января 2015 г. № 241-З) осуществлено некоторое смягчение санкции ч. 1 и 2 ст. 210 УК. Санкция ч. 1 ст. 210 дополнена ограничением свободы на срок до четырех лет со штрафом. Это создало альтернативу лишению свободы. В санкции ч. 2 ст. 210 появилось дополнительное наказание в виде штрафа и минимальный предел лишения свободы понижен с трех лет до двух.

Прослеживается поиск оптимальной санкции за данное преступление, совершенное при отсутствии особо квалифицирующих обстоятельств.

Действия, предусмотренные ст. 235 УК («Легализация ("отмывание") средств, полученных преступным путем»), признаются коррупционным преступлением, когда деяние совершено должностным лицом с использованием своих служебных полномочий.

Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З изменены в сторону ужесточения санкции ст. 235 УК. В санкции ч. 1 появилось дополнительное наказание – штраф, исключено ограничение свободы, которое было альтернативой лишению свободы. Вместо лишения свободы на срок до четырех лет предусмотрено лишение свободы на срок от двух до четырех лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В ч. 2 ст. 235 вместо лишения свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации установлено лишение свободы на срок от четырех до семи лет с обязательной конфискацией имущества и обязательным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В ч. 3 анализируемой статьи ранее предусматривалось лишение свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации. Стало – лишение свободы на срок от пяти до десяти лет с обязательной конфискацией имущества и обязательным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Законом Республики Беларусь от 27 декабря 2010 г. № 223-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» расширилась сфера ответственности за данное преступное поведение: в диспозиции ч. 1 ст. 235 слова «использование указанных материальных ценностей» заменены словами «а равно использование указанных материальных ценностей либо полученного от них дохода».

Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» изменено название преступления и содержание диспозиции. Это не сказалось на трактовке объективных признаков преступления: в ч. 1 примечаний к ст. 235 дано широкое толкование термина «финансовая операция»: «Под финансовой операцией в настоящей статье понимается сделка со средствами независимо от формы и способа ее осуществления».

Законодателем был расширен круг субъектов преступления путем исключения из примечаний нормы, гласившей: «Исполнитель преступления, посредством которого приобретены материальные ценности, не подлежит уголовной ответственности за деяния, указанные в настоящей статье, в случае приобретения им таких материальных ценностей в результате совершения:

1) преступлений, предусмотренных статьями 225, 231, 243 настоящего Кодекса;

2) иных преступлений, если он не использовал такие материальные ценности для осуществления предпринимательской или иной хозяйственной деятельности».

Таким образом, субъектами «легализации» стали все лица, совершившие предикатное преступление.

Первое после введения в действие УК ужесточение наказания за классическое коррупционное преступление – злоупотребление властью или служебными полномочиями (ст. 424) – осуществлено Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. № 227-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» (далее – Закон от 22 июля 2003 г. № 227-З).

В ч. 1 ст. 424 максимальный срок лишения свободы увеличен с двух до трех лет. Тем самым изменилась и категория преступления (оно стало менее тяжким).

Из санкции ч. 2 исключены альтернативные лишению свободы основные наказания в виде штрафа и в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Вместо лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения предусмотрено лишение свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения.

В ч. 3 ст. 424 лишение свободы на срок до восьми лет заменено лишением свободы на срок от трех до десяти лет.

Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З осуществлено дальнейшее ужесточение санкций ст. 424.

В санкции ч. 1 исключен штраф как основное наказание и введен как дополнительное наказание к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В качестве обязательного дополнительного наказания к лишению свободы введено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В санкции ч. 2 в качестве факультативного дополнительного наказания к лишению свободы введен штраф.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в санкциях ч. 2 и 3 ст. 424 из факультативного переведено в обязательное дополнительное наказание.

Чрезвычайно важное принципиальное изменение в ст. 424 было осуществлено Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон от 15 июля 2009 г. № 42-З).

Была исключена ч. 1 статьи, каравшая злоупотребление властью или служебными полномочиями при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности, т. е. при отсутствии признаков коррупции. Подобное деяние перешло в разряд дисциплинарного проступка и гражданско-правового деликта.

Признаки основного состава преступления были отражены в новой редакции ч. 2 ст. 424: «Умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (злоупотребление властью или служебными полномочиями)». Наличие корыстной или иной личной заинтересованности стало критерием криминализации деяния, что соответствует, как нами отмечалось, признакам коррупционного преступления.

Представляется, что одновременно следовало откорректировать и санкцию ч. 2 ст. 424, сделав ее альтернативной, что характерно в действующем УК для санкции менее тяжких преступлений при отсутствии квалифицирующих обстоятельств.

Но и сегодня, как и в 2007 г., деяние «наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью». Санкция ч. 1 ст. 424 оказалась практически жестче, чем действующая санкция за получение взятки без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 430).

Аналогичным со ст. 424 путем менялась редакция ст. 425 («Бездействие должностного лица»). Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З осуществлены следующие изменения.

Первоначальная диспозиция ч. 1 ст. 425 «Умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженное с попустительством преступлению либо повлекшее причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (бездействие должностного лица)» дополнена признаком «повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки». Появление данного признака ничем себя не проявило в последующей судебной практике.

Новая санкция к этой диспозиции стала строже: к основному наказанию в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрено обязательное дополнительное наказание в виде штрафа, увеличен до двух лет срок исправительных работ, увеличен срок лишения свободы с двух до трех лет (преступление стало менее тяжким), появилось обязательное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Ужесточилась санкция ч. 2 ст. 425. Исключено основное наказание в виде штрафа, он предусмотрен как обязательное дополнительное наказание к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, срок лишения свободы увеличен с трех до пяти лет, к лишению свободы предусмотрен факультативный штраф и обязательное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Из санкции ч. 3 ст. 425 исключены основные наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятель-

ностью и в виде ограничения свободы. Лишение свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения заменено лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без конфискации и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Законом от 15 июля 2009 г. № 42-З исключена ч. 1 ст. 425, каравшая бездействие должностного лица при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности. Как и в ст. 424, изменена конструкция основного состава преступления. Часть 2 ст. 425 изложена в следующей редакции: «Умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязанностей, сопряженное с попустительством преступлению либо повлекшее невыполнение показателей, достижение которых являлось условием оказания государственной поддержки, либо причинение ущерба в крупном размере или существенного вреда правам и законным интересам граждан либо государственным или общественным интересам (бездействие должностного лица)». Признак корыстной или иной личной заинтересованности отразил коррупционный характер преступления.

Законом от 5 января 2015 г. № 241-З санкция ч. 2 ст. 425 смягчена – дополнена основным наказанием в виде штрафа.

Превышение власти или служебных полномочий признается коррупционным преступлением лишь при наличии у виновного корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 или 3 ст. 426). Проследим изменение этих норм во времени.

Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З из санкции ч. 2 ст. 426 исключены основные наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ареста и ограничения свободы. Альтернатива лишению свободы исчезла. В свою очередь наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения заменено лишением свободы на срок от двух до шести лет со штрафом или без штрафа и с обязательным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Ужесточение наказания очень значительное.

В санкции ч. 3 ст. 426 срок лишения свободы от трех до восьми лет заменен сроком в интервале от трех до десяти лет. Введена факультативная конфискация имущества, а дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью стало обязательным.

Относительно стабильной следует признать редакцию ст. 429 («Незаконное участие в предпринимательской деятельности»).

Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З изменена санкция. Основное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусматривается в сочетании с обязательным дополнительным штрафом. Исключено альтернативное наказание в виде

ограничения свободы. Срок лишения свободы увеличен с двух до пяти лет; ему сопутствуют дополнительные наказания в виде факультативного штрафа и обязательного лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Законом от 5 января 2015 г. № 241-З санкция ст. 429 смягчена – дополнена основным наказанием в виде штрафа.

Самые многочисленные изменения претерпели нормы о взяточничестве (ст. 430–432).

Первые коррективы в ст. 430 («Получение взятки») внесены Законом от 22 июля 2003 г. № 227-З. В диспозиции ч. 1 ст. 430 уточнено, в чью пользу принимается вознаграждение: «для себя или для близких».

Из санкции ч. 1 исключены альтернативные лишению свободы арест и ограничение свободы. Срок лишения свободы увеличен: был до шести лет – стал до семи. Тем самым преступление переведено в категорию тяжких. В санкции ч. 2 интервал срока лишения свободы сужен: был от пяти до десяти лет – стал от шести до десяти.

Диспозиция ч. 3 ст. 430 пополнилась признаком получения взятки «в особо крупном размере». В санкции интервал срока лишения свободы также сужен: был от семи до пятнадцати лет, стал от восьми до пятнадцати.

Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З в санкциях всех частей ст. 430 конфискация имущества и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью из факультативных дополнительных наказаний переведены в обязательные.

Законом от 15 июля 2009 г. № 42-З смягчена ответственность за получение взятки. Это выразилось в следующем.

Санкция ч. 1 ст. 430 дополнена альтернативным наказанием: ограничением свободы на срок от трех до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Из диспозиции ч. 2 исключен квалифицирующий признак получения взятки «за заведомо незаконное действие (бездействие)», а в санкции минимальный предел лишения свободы с шести лет снижен до трех. В санкции ч. 3 ст. 430 также уменьшен нижний предел срока лишения свободы с восьми до пяти лет.

Законом от 22 июля 2003 г. № 227-З ответственность за дачу взятки была ужесточена. В санкции ч. 1 ст. 431 исключено альтернативное наказание в виде штрафа, срок лишения свободы увеличен: был до трех лет – стал до пяти. Из санкции ч. 2 исключено наказание в виде исправительных работ, срок лишения свободы был до пяти лет, а стал от двух до семи. Аналогично срок лишения свободы в ч. 3 в интервале от трех до семи лет заменен на срок от пяти до десяти.

Законом от 15 июля 2009 г. № 42-З из диспозиции ч. 2 ст. 431 исключен квалифицирующий признак дачи взятки «за заведомо незаконное действие (бездействие)».

Законом от 5 июля 2015 г. № 241-З в санкцию ч. 1 ст. 431 возвращено основное наказание в виде штрафа.

Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» примечание к ст. 431 дополнено словами «и активно способствовало раскрытию и (или)

расследованию преступления», что несколько усложнило условия освобождения взяткодателя от уголовной ответственности.

Ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 432) Законом от 22 июля 2003 г. № 227-З была также ужесточена. По ч. 1 максимальное наказание в виде лишения свободы увеличено с двух до четырех лет, по ч. 2 – с пяти лет до шести.

Диспозиция ч. 3 ст. 432 дополнена квалифицирующим обстоятельством: посредничество во взяточничестве «при получении взятки в особо крупном размере».

Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» примечание к ст. 432 дополнено словами «и активно способствовал раскрытию и (или) расследованию преступления». Воинские преступления: злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти (ст. 455) – отнесены к коррупционным преступлениям при их совершении из корыстной или иной личной заинтересованности. Первые корректировки первоначальной редакции данной статьи внесены Законом от 18 июля 2007 г. № 264-З.

В санкции ч. 1 вместо лишения свободы на срок до двух лет установлено лишение свободы на срок от двух до шести лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Санкция ч. 2 ст. 455 была дополнена альтернативным наказанием в виде направления в дисциплинарную воинскую часть на срок от одного года до двух лет. Вместо лишения свободы на срок до семи лет предусмотрено лишение свободы на срок от трех до десяти лет с конфискацией имущества или без конфискации и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Ужесточена и санкция ч. 3: вместо лишения свободы на срок от трех до двенадцати лет предусмотрены лишение свободы на срок от пяти до двенадцати лет с конфискацией имущества или без конфискации и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Законом от 15 июля 2009 г. № 42-З изменена редакция диспозиции ч. 1 ст. 455. Из составов преступлений этой статьи исключены признаки «если эти деяния совершались систематически» и совершение их «по мотивам расовой или национальной вражды или розни». Сфера ответственности сузилась. Трактовка преступлений максимально приблизилась к признакам деяний, караемых по ст. 424–426 УК.

Санкция ч. 2 ст. 455 смягчилась за счет введения еще одного альтернативного лишению свободы наказания: ограничения свободы на срок от двух до пяти лет.

Законом Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 318-З «О внесении изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу применения наказаний за воинские преступления» из системы наказаний исключено направление в дисциплинарную воинскую часть, и, следовательно, из санкций ст. 455 это наказание исчезло.

Законом от 5 января 2015 г. № 241-З санкция ч. 2 ст. 455 дополнена еще одним альтернативным лишению свободы наказанием – арестом.

Завершая экскурс в историю корректировок норм о коррупционных преступлениях, отмечаем, что Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г.

№ 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» в анализируемых нормах конфискация имущества заменена дополнительным наказанием в виде штрафа.

Как мы видим, корректировки диспозиций норм и, значит, признаков составов преступлений были немногочисленны, но важны.

Это, в частности, изменение трактовки основного состава злоупотребления властью или служебными полномочиями (ч. 2 ст. 424) и бездействия должностного лица (ч. 2 ст. 425). Декриминализация этих видов поведения при отсутствии корыстной или иной личной заинтересованности, перевод их в сферу дисциплинарных проступков и гражданско-правовых деликтов позволяет четко выделить область уголовно-правового противодействия коррупции.

Правильным представляется исключение из ст. 430 и 431 квалифицирующего признака дачи-получения взятки «за заведомо незаконное действие (бездействие)». Поскольку в подавляющем большинстве случаев дача взятки и, соответственно, ее получение связаны с выполнением противоправного «заказа», постольку, как правило, наступала повышенная ответственность по ч. 2 этих статей. Типичные признаки преступления не должны предусматриваться в качестве квалифицирующих обстоятельств, а подлежат учету при конструировании санкции основного состава преступления.

Как мы обнаруживаем, законодатель особое внимание уделял изменению и дополнению санкций. Здесь прослеживается неоднозначность в подходах, когда в последующем приходилось отступать от первоначального замысла. Думается, это связано с упрощенным пониманием задачи усиления ответственности. Показательным в этом отношении является Закон от 18 июля 2007 г. № 264-З, на основании которого во многих санкциях были исключены наказания, альтернативные лишению свободы. Это сузило возможности индивидуализации ответственности, повлекло увеличение доли осужденных к лишению свободы.

23 декабря 2010 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь № 672 «Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения». Среди основных задач Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, в частности, названы: оптимизация сроков наказания в виде лишения свободы в целях восприятия этого наказания обществом, потерпевшим и осужденным как достаточного и справедливого; дальнейшее расширение применения альтернативных лишению свободы видов наказаний и иных мер уголовной ответственности, усиление предупредительного воздействия отсрочки исполнения наказания, условного неприменения наказания, осуждения без назначения наказания.

Наш обзор свидетельствует, что последующая корректировка норм была действительно направлена на создание предпосылок индивидуализации наказания посредством введения в санкции основных наказаний, создающих альтернативу лишению свободы.

В санкциях анализируемых нами норм значительное место занимают дополнительные наказания. Во многих случаях они предусмотрены как обяза-

тельные. Судебная практика показала, что такое решение чревато проблемами. Например, обязательная конфискация имущества была не всегда возможна по объективным причинам. Сейчас, когда конфискация имущества отменена и во многих случаях в санкциях статей УК заменена на дополнительное наказание в виде штрафа, важно, чтобы у суда оставался выбор: применять это наказание или нет.

В рассмотренных нами нормах в настоящее время есть санкции, требующие обязательного применения штрафа в качестве дополнительного наказания к лишению свободы (ч. 2 и 3 ст. 210; ч. 2 и 3 ст. 235; ч. 1–3 ст. 430). В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 50 размер штрафа определяется с учетом материального положения осужденного. Если учесть, что пределы штрафа достаточно велики, а за преступления против интересов службы установлены в размере от трехсот до пяти тысяч базовых величин, то, пусть и в редких случаях, возникает трудность в применении этого наказания. Оптимальное решение – факультативный характер дополнительных наказаний.

Обеспечение на законодательном уровне усиления уголовной ответственности за те или иные преступные проявления может в полной мере согласовываться с принципом индивидуализации ответственности и, следовательно, с реализацией на практике принципа справедливости.

И. И. Горелик
(1921–2008)
доктор юридических наук

БЕЗДЕЙСТВУЮЩИЕ СТАТЬИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО КОДЕКСА[1]

Бездействие названных и некоторых других статей Уголовного кодекса является вполне естественным. Однако количество дел той или иной категории еще не определяет значение соответствующих уголовных законов: последние всегда выполняют и предупредительно-воспитательную функцию. И то, что ряда преступлений нет на практике или они встречаются крайне редко и только в отдельные годы, в определенной степени обусловлено наличием соответствующих уголовных законов, признающих такие деяния преступлениями.

[1] Друкуецца паводле: *Горелик И. И.*, *Тишкевич И. С.* Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР. Минск, 1976. С. 33–35.

Другое дело, когда уголовные законы, предусматривающие ответственность за деяния, встречающиеся в жизни, и нередко, не применяются. Это происходит по следующим причинам.

Во-первых, из-за несовершенства самого закона. Так, отсутствие случаев применения ст. 138 УК объясняется краткостью сроков давности привлечения к уголовной ответственности за это преступление – один год со дня совершения его, т. е. со дня выхода произведения в свет. Ознакомление с книгой, подозрение в плагиате, постановка вопроса об этом, реакция издательства, обычно не заинтересованного в возникновении дела, назначение экспертизы, изучение книги ею, заключение, передача материалов в органы прокуратуры – года на все это недостаточно.

Во-вторых, вследствие того, что преступления не становятся известными органам власти. Если потерпевшая не заявит об имевшем место понуждении ее лицом, от которого она находится в служебной или материальной зависимости, к вступлению в половую связь (ст. 116 УК), то и дела не может возникнуть. Нельзя практически проследить за исполнением запрещения скармливать скоту и птице хлеб и хлебопродукты (ст. 151 1 УК). Отказ от приема на работу или увольнение с работы женщины по мотивам ее беременности, а равно отказ в приеме на работу матери, кормящей грудью, по этим мотивам фактически обосновывается соответствующим лицом совсем иными побуждениями, и доказать наличие состава преступления едва ли возможно.

Латентная преступность всегда существовала и будет в дальнейшем. Однако следует отличать латентную преступность, выявление которой находится в зависимости от того, как работают соответствующие административные органы, и латентную преступность, выявление которой меньше всего зависит от качества работы этих органов. Упоминаемые нами бездействующие статьи действующего кодекса как раз касаются латентных преступлений второй группы.

Наконец, отсутствие в судебной практике некоторых дел о преступлениях, встречающихся в жизни, и весьма нередко, объясняется исключительно недостатками в работе административных и иных государственных органов. Имело бы место более широкое применение ст. 126 УК, если бы дела о неоказании медицинской помощи не задерживались в органах здравоохранения, принимающих в ложно понятых интересах престижа медицины решения о наложении дисциплинарных взысканий, но не о передаче материалов следственным органам.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 7 от 19 октября 1971 г. «О судебной практике по делам о выпуске недоброкачественной или некомплектной продукции» отмечает, что «выпуск из промышленных предприятий недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции наносит ущерб социалистической экономике и интересам потребителей. Решительная борьба с преступным выпуском таких изделий является одной из важнейших задач судебных органов».

Однако судебные органы могут решать эту задачу, только если на их рассмотрение будут поступать соответствующие уголовные дела. В БССР в 1962, 1965–1970, 1973 гг. они не поступали, а в остальные годы было всего несколько дел. Так же обстоит дело и с судимостью по ст. 154 УК. Что касается ст. 218 УК, то за

все годы, о которых идет речь в настоящей работе, суды применяли ее всего четыре раза и было осуждено четыре человека.

Почему виновные не привлекаются к уголовной ответственности? О том, что имеет место недооценка социальной опасности этих преступлений, спора нет. Однако чем в свою очередь вызвана эта недооценка? Почему органы прокуратуры не возбуждают уголовных дел даже в тех случаях, когда о выпуске недоброкачественной продукции, о загрязнении водоемов и воздуха сообщает печать?

Непривлечение к уголовной ответственности за деяния, образующие состав преступления, независимо от того, из каких побуждений это имеет место, противоречит принципу неотвратимости наказания и является нарушением социалистической законности.

Верховному суду БССР следовало бы изучить причины бездействия статей УК, которые должны действовать. И можно начать со ст. 149 УК. Пленум Верховного суда СССР в упомянутом постановлении обязал Верховные суды союзных республик «периодически изучать и обобщать судебную практику по делам о выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции и шире использовать эти материалы для устранения причин и условий, способствующих изготовлению и выпуску такой продукции». Верховный суд БССР не может изучать судебную практику по применению ст. 149 УК, поскольку такой практики, можно сказать, нет, но вместе с органами прокуратуры и другими заинтересованными организациями он мог бы изучить причины, в силу которых дела о выпуске недоброкачественной продукции не доходят до суда.

И. И. Горелик

(1921–2008)

доктор юридических наук

ОБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ[1]

По объекту посягательства преступления, опасные для жизни и здоровья, ни в чем не отличаются от преступлений против жизни и здоровья. Их групповым объектом является личность в системе социалистических общественных отношений, а непосредственным – жизнь и здоровье в системе тех же отношений.

Личность человека выходит за рамки только биологического понятия и является понятием социальным, независимо от того, в каком обществе человек

[1] Друкуецца паводле: *Горелик И. И.* Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973. С. 9–12.

живет. Однако положение личности в обществе определяется системой господствующих общественных отношений, которые создают определенные условия для жизни и деятельности людей, объем их прав и обязанностей. Значение этих условий не следует ни недооценивать, ни переоценивать, ибо наряду с ними действуют определенные субъективные факторы, способные усилить или, напротив, ослабить эти условия.

В системе капиталистических общественных отношений личность трудящегося человека охраняется лишь в той мере, в какой буржуазия вынуждена это делать. Объективные и субъективные факторы содействуют всемерной охране эксплуататорского меньшинства. Пределы же вынужденной защиты эксплуатируемого большинства определяются соотношением классовых сил в стране, организованностью рабочего класса и его партии, борющейся за интересы трудящихся.

В системе социалистических общественных отношений личность получила всестороннюю защиту, человек действительно стал самым ценным капиталом. Объективные условия в социалистическом обществе на стороне личности. Действие этих условий усиливается заботой Коммунистической партии и государственного аппарата об интересах личности. Но сила объективных факторов может быть ослаблена нарушением законов, что в какой-то мере имеет место, поскольку, как показывает практика, значительная часть лиц, совершающих преступления, опасные для жизни и здоровья, не привлекается к ответственности. С такими нарушениями нужно бороться, чтобы они не ослабляли объективную силу социалистических общественных отношений.

Указание на общественные отношения при определении объекта преступлений против личности способствует уяснению действительного содержания уголовно-правовой охраны жизни, здоровья, чести и т. д., охраны не на словах, а на деле. Такое указание, кроме того, отражает связь между понятием общего объекта и объекта конкретных преступлений. В советском уголовном праве, как известно, общим объектом всех преступлений являются социалистические общественные отношения. Общий объект определяет содержание объекта конкретных преступлений – непосредственного объекта. Но из этого вовсе не следует, что в качестве объекта каждого конкретного преступления должна рассматриваться какая-то доля общественных отношений. Это во всяком случае спорно в отношении рассматриваемых преступлений. Ни жизнь, ни здоровье не являются общественными отношениями, что, однако, не устраняет связи между общим, групповым и непосредственным объектами преступления. Объективно существующая связь между ними находит свое отражение в указании при определении группового и непосредственного объекта на соответствующую систему общественных отношений, от которой в конечном итоге зависит содержание и характер охраны жизни и здоровья людей.

Признание объектом рассматриваемых преступлений жизни и здоровья человека в системе социалистических общественных отношений вовсе не бесспорно.

Если объектом ряда преступлений, опасных для жизни и здоровья, все признают жизнь и здоровье, то объектом некоторых преступлений этой группы на-

зывают все, что угодно, только не жизнь и здоровье. Так, например, объектом преступного нарушения правил техники безопасности называют условия труда[1] или безопасность условий труда[2], объектом незаконного врачевания – порядок охраны народного здоровья[3] и т. д.

С определением объекта отдельных преступлений, опасных для жизни и здоровья, трудно согласиться. Ни условия труда, ни порядок охраны народного здоровья не являются тем, ради чего изданы соответствующие уголовные законы. Условия труда – лишь средство обеспечения безопасности жизни и здоровья людей. Определенный порядок охраны народного здоровья для того и необходим, чтобы защитить людей от невежественного врачевания. В указанных случаях закон охраняет жизнь и здоровье людей.

Отдельные преступления из числа рассматриваемых по характеру своему или юридической конструкции имеют своим объектом не только жизнь и здоровье, но и материальные ценности. Однако вследствие этого они не перестают быть преступлениями, опасными для жизни и здоровья.

Непосредственным объектом преступлений, опасных для жизни и здоровья, являются жизнь и здоровье других лиц. Создание конкретной опасности для самого себя не находится в сфере карательного воздействия.

С., работая прицепщиком тракторной картофелесажалки во время посадки картофеля, в нарушение правил техники безопасности перешел с задней площадки, где он должен был находиться, на переднюю часть картофелесажалки и стал проталкивать ногой в выходное отверстие застрявший картофель. Во время проталкивания С. был захвачен звездочкой за брюки, его левая нога была затянута под ведомый вал и раздроблена[4]. С., разумеется, не привлекался к уголовной ответственности.

Советское уголовное право не знает ответственности даже за покушение на самоубийство, совершенное сознательно. Тем более не может быть ответственности за создание конкретной опасности для самого себя, совершенное по неосторожности.

Создание опасности для своего здоровья иногда преследуется потому, что оно глубоко затрагивает общественные интересы и имеется отдаленная угроза здоровью нации. Поэтому ряд уголовных кодексов признает преступлением потребление наркотиков[5].

---

[1] *Вышинская З. А.* Преступления в области трудовых отношений. М., 1949. С. 96.

[2] *Келина С.* Об уголовно-правовой защите политических и трудовых прав граждан // Совет. государство и право. 1963. № 8. С. 67 ; *Зинченко Э.* Нарушение правил безопасности горных работ // Социалист. законность. 1971. № 7. С. 53.

[3] *Никифоров А. С.* Ответственность за телесные повреждения. М., 1959. С. 7.

[4] Приговор народного суда Ляховичского района Брестской области от 23 августа 1958 г. по делу М. См. также: *Зинченко Э.* Судебные дела о нарушениях правил по охране труда и технике безопасности // Социалист. законность. 1969. № 9. С. 39.

[5] Потребление наркотиков является преступлением согласно уголовным кодексам ТССР (ст. 257), АрмССР (ст. 229), КиргССР (ст. 2352), АзССР (ст. 226).

Объект преступлений, опасных для жизни и здоровья, конкретизируется в составах этой группы преступлений. Объектом одних преступлений может быть жизнь и здоровье, других – только жизнь, третьих – жизнь, здоровье и материальные ценности. При этом в одних случаях объектом является жизнь и здоровье конкретной личности, в других – жизнь и здоровье неопределенного круга лиц.

И. О. Грунтов

доктор юридических наук

ВИНА И НАЗНАЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Вина в уголовном праве многих государств выполняет несколько функций. Так, например, по уголовному праву Федеративной Республики Германия вина является: принципом уголовного права; основанием уголовной ответственности; родовым понятием умысла и неосторожности; мерой назначения наказания. В связи с этим немецкие ученые Й. Весельс и В. Бойльке отмечают: «…немецкое уголовное право покоится на принципе вины и виновной ответственности; наказание предполагает вину» [1, с. 92]. Другой немецкий исследователь Т. Ленкнер указывает на три функции вины: вина как принцип; идея вины, обосновывающая наказание субъекта; вина как критерий измерения наказания [2].

В уголовном праве Республики Беларусь функции вины имеют некоторые особенности и отличительные признаки. Рассмотрим это подробнее.

Так, в ст. 3 Уголовного кодекса (далее – УК) вина закреплена в качестве принципа уголовной ответственности и уголовного закона. В ч. 5 этой статьи раскрывается содержание принципа личной виновной ответственности. В УК говорится, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те совершенные им общественно опасные действия (бездействия) и наступившие общественно опасные последствия, предусмотренные настоящим Кодексом, в отношении которых установлена его вина, то есть умысел или неосторожность. Уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается».

Содержание принципа вины как постулата уголовного закона в УК не определено, зато раскрыто в научной литературе. Сущность его состоит в том, что

описание объективных признаков конкретного посягательства в уголовно-правовой норме должно происходить с учетом содержания интеллектуального и волевого признака законодательной модели умысла и неосторожности. Описание объективных признаков конкретного состава преступления должно соответствовать законодательной модели умысла или неосторожности [3; 4].

В соответствии с ч. 1 ст. 21 УК Республики Беларусь вина определяется как «психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженное в форме умысла или неосторожности». Вина как родовое понятие умысла и неосторожности понимается в уголовном праве Беларуси в трех аспектах: юридическом (это комбинация признаков, закрепляющая психическое отношения лица к фактическим обстоятельствам посягательства); психическом (это определенное интеллектуальное и волевое отношение человека к совершенному деянию и наступившим последствиям); социально-психическом (это отрицательное, что характерно для умысла, или недостаточно бережное или внимательное отношение, что характерно для неосторожности, отношение лица к социальным ценностям, охраняемым уголовным законом). В ст. 22 говорится об видах умышленной формы вины. В ст. 23 УК раскрываются признаки видов неосторожной вины.

Понимание вины в уголовном праве западноевропейских государств существенно отличается от содержания этого явления в отечественном уголовном праве. Так, например, в уголовном праве ФРГ вина понимается в двух аспектах. В первом аспекте содержание вины раскрыл Верховный суд ФРГ следующим образом: «Вина – это упречность. С отрицательной оценкой вины субъект упрекается в том, что он действовал неправомерно, что он решился на противоправность, хотя, действуя правомерно, он мог решить в пользу права… Внутреннее основание упрека в вине состоит в том, что человек ориентирован на свободное, ответственное, нравственное самоопределение и поэтому способен решать для права и против права» [5, с. 387]. Помимо этого, в законе в § 15 говорится об умысле и неосторожности. Содержание этих форм вины раскрывается в доктрине уголовного права [6].

Как уже отмечалось, третья функция вины состоит в определении меры наказания. Это положение прямо закреплено в УК многих западноевропейских государств. Например, в УК Австрии в ч. 1 § 32 (Общие начала) записано: «Основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего деяние» [7].

В УК Германии в ч. 1 § 46 (Основания назначения наказания) сказано: «Вина правонарушителя является основанием для назначения наказания. Должно учитываться воздействие, которое необходимо ожидать от наказания, на будущую жизнь правонарушителя в обществе» [8].

В УК Швейцарии в ст. 63 определено, что «судья определяет размер наказания соразмерно вине лица; он учитывает побудительные мотивы, предыдущую жизнь и личные отношения обвиняемого» [9].

В УК Польши в ст. 53 § 1 отмечено, что «суд назначает наказание по своему усмотрению в пределах, предусмотренных законом, обращая внимание на то, чтобы его строгость не превышала степени вины, учитывая степень общественной вредности деяния, а также принимая во внимание предупредительные и воспитательные цели, которые могут быть достигнуты в отношении осужденного, и потребности в сфере формирования правового сознания общества» [10] и др.

В ст. 62 УК Беларуси закреплены общие начала назначения наказания. В законе отмечается, что суд назначает наказание с учетом положений Общей части УК в пределах, установленных статьей Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. «При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре». Эти положения закона конкретизированы в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь [11].

При внешнем ознакомлении с содержанием ст. 62 УК Беларуси видно, что в законе в качестве субъективных обстоятельств, которые необходимо учитывать при назначении наказания, упоминается только мотив и цель посягательства, однако о вине (ее формах и видах) не говорится вовсе.

Вместе с тем необходимо отметить, что при индивидуализации наказания среди обстоятельств, которые суд обязан учитывать, первоначально в законе названы характер и степень общественной опасности. В связи с этим многие практические работники считают, что в ст. 62 УК не прямо, а косвенно говорится о том, что в процессе назначения наказания необходимо учитывать вину, человека, совершившего посягательство, так как «характер и степень общественной опасности преступления» зависит от формы и вида вины.

Вышеприведенный вывод в определенной мере подтверждается социологическим опросом, который проводился автором данной публикации в 2015 г. В процессе рассмотрения этого вопроса опрашивались судьи районных и областных судов, следователи Следственного комитета и его структур, стажеры прокуратуры и адвокаты, а также студенты юридического факультета Белорусского государственного университета. Опрос проводился путем анонимного заполнения в произвольной форме предложенных анкет. Результаты социологического опроса следующие: 66,8 % анкетированных лиц считают, что в ст. 62 УК содержится предписание, что при индивидуализации наказания следует учитывать вину; 29 % полагают, что в законе таких предписаний нет.

Попытаемся разобраться в сложившейся ситуации. В УК не разъясняется, что следует понимать под характером и степенью общественной опасности. В отечественной юридической литературе раскрываются признаки этих явлений.

Так, в учебнике уголовного права БССР (1978) под характером общественной опасности понимается «совокупность признаков, присущих данному виду

преступления в целом и свидетельствующих о его большей или меньшей общественной опасности… с учетом характера преступления бандитизм признается более опасным преступлением, чем разбой, разбой в свою очередь опаснее грабежа» [12].

На степень общественной опасности влияют «размеры ущерба («даже в том случае, когда он в какой-то мере учтен в диспозиции статьи…» [13]; форма вины (если преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, и это не влияет на квалификацию); степень осуществления преступного намерения (в том числе в пределах одной и той же стадии совершения преступления); характер и степень участия в выполнении преступления, совершенного несколькими лицами (соучастниками)» [14].

В другом учебнике уголовного права Беларуси (2002) при описании этих явлений отмечается, что «характер общественной опасности совершенного преступления, который учитывает суд, – это не индивидуальный признак преступного деяния, а признак, характеризующий все преступления конкретной группы или вида. Он определяется в первую очередь значением и важностью объекта посягательства (его ценностью), конструктивными признаками объективной и субъективной сторон преступления. Характер общественной опасности (качественная оценка преступления) зависит от того, отнесено преступление к тяжким или же к иным категориям преступлений, например не представляющим большой общественной опасности (ст. 12 УК), и в какую группу (раздел, главу) оно включено в Особенной части Уголовного кодекса».

«Степень общественной опасности преступления, которую должен учитывать суд, назначая наказание, определяется обстоятельствами содеянного (индивидуальными особенностями конкретного преступного деяния): степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, характером нанесенного вреда, размером причиненного ущерба, обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность, другими обстоятельствами, характеризующими способ, обстановку и время совершения преступного деяния» [15, с. 218].

Очень похожим образом характер общественной опасности определяется в учебных пособиях по уголовному праву Республики Беларусь (2005, 2006) [16, с. 412; 17, с. 220], а также в комментариях к УК Беларуси (2007, 2010) [18, с. 149; 19, с. 166].

Нетрудно заметить, что характер общественной опасности в отечественной литературе определяется отнесением преступного посягательства к той или иной главе УК или к группе преступлений определенного вида. При определении степени общественной опасности совершенного преступления исходят из совокупности всех обстоятельств, при которых было совершено конкретное преступное деяние. Такой же подход в понимании этого правового явления имеется во многих научных публикациях [20, с. 325; 21, с. 125–126; 22, с. 69].

Таким образом, подводя некоторый итог, можно согласиться с мнением большинства опрошенных практических работников, что в законе (в ст. 62 УК)

не прямо, а косвенно в качестве обстоятельств, учитываемых судом при индивидуализации ответственности, необходимо принимать во внимание вину.

Подобный вывод не позволяет ответить на главный вопрос: как суд должен учитывать вину при индивидуализации наказания? Ведь форма и вид вины являются обязательными элементами субъективной стороны и уже ранее учтены законодателем в конструкции конкретного состава преступления. Характер общественной опасности как характеристика групповых признаков, присущих данному виду преступления в целом, учтен в санкции конкретной нормы. Суд назначает наказание в пределах, установленных статьей Особенной части УК. Это положение прямо записано в законе. Вновь учитывать это обстоятельство при индивидуализации ответственности не совсем логично. Тем более, как отмечают некоторые авторы, практические работники затрудняются при ответе на вопрос о критериях оценки характера общественной опасности [23, с. 52–53].

Подсказку для ответа на этот вопрос можно найти в зарубежной уголовно-правовой литературе. Так, немецкий ученый У. Хелльманн по поводу третьей функции вины пишет: «Вина обуславливает наказание (вина как основание наказания [Strafbegrundungsschuld] и, кроме того, ограничивает его размеры, так как в соответствии с параграфом 46 (абз. 1 предл. 1 УУ ФРГ вина является основанием для определения размеров наказания (вина как определитель размеров наказания [Strafzumessungsschuld])» [24, с. 15].

Вопрос о вине как определителе размеров наказания ставится и в отечественных научных публикациях. В литературе в качестве «инструмента» этого явления используется уголовно-правовой термин «степень вины».

Так, А. Ф. Кистяковский говорит о трех степенях неосторожности и их различиях [25, с. 365]. Н. С. Таганцев отмечает: «…вина неосторожная, как и умысел, имеет оттенки, виды, причем и относительно ее существует несколько попыток деления» [26].

Б. С. Утевский полагает, что «при разрешении вопроса о степени вины для суда имеют значение, как и при решении вопроса о вине, различные объективные и субъективные обстоятельства, как, например, наличие или отсутствие вредных последствий от деяния подсудимого… Такое же значение могут иметь и обстоятельства, не зависящие от подсудимого, а также и обстоятельства, относящиеся к личности виновного. Все эти обстоятельства влияют на смягчение или усиление его вины» [27].

А. А. Пионтковский указывает, что «степень вины лица определяется конкретным содержанием умысла или неосторожности, которые нашли свое выражение в совершенном лицом общественно опасном деянии. Степень вины лица зависит и от форм вины, от формы субъективной стороны состава преступления. Преступление, совершенное умышленно, всегда более общественно опасно, чем такое же деяние, совершенное по неосторожности. При умышленном преступлении психические способности лица, его сознание и воля неизмеримо более активно участвует в достижении преступного результата. Характер

субъективной стороны совершенного преступления оказывает определяющее влияние на меру общественной опасности преступного деяния и степень вины лица, его совершившего» [28, с. 400–401].

В более поздний период П. С. Дагель, говоря об этом явлении, отмечает, что «при определении степени вины следует избегать двух ошибок. С одной стороны, ошибочно включение в характеристику степени вины всех объективных обстоятельств преступления и обстоятельств, характеризующих личность преступника, что неоправданно расширяет понятие степени вины, а следовательно, и само понятие вины. Это игнорирует различие объективного и субъективного в преступлении. Неточно поэтому определение степени вины как степени общественной опасности преступления – те или иные обстоятельства, влияющие на общественную опасность преступления, могут и не охватываться виной. С другой стороны, ошибочным является взгляд, согласно которому объективные обстоятельства преступления на степень вины не влияют. Этот взгляд основан на недооценке того факта, что нет бессодержательных психических процессов, что содержание вины определяется и объективными обстоятельствами преступления, которые охватывались или должны были и могли охватываться сознанием лица. Поэтому тяжесть наступивших последствий, опасность способа преступления и другие объективные обстоятельства влияют на степень вины, поскольку они отражаются в ее содержании. В то же время никакие объективные обстоятельства, не отразившиеся в содержании вины, на ее степень не влияют» [29, с. 71].

В УК БССР 1960 г. в ст. 36 понятие степени вины также отсутствовало. Вместе с тем Верховный суд СССР обращает внимание на то, чтобы суды при назначении наказания по отдельным уголовным делам учитывали степень вины лица, совершившего посягательство. Например, в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 13 марта 1975 г. по делу Геворкяна Г. Ш. отмечается, что «назначение наказания без должного учета степени вины и смягчающих ответственность обстоятельств повлекло изменение приговора» [30].

В современной научной литературе уже были предложения о включении в Уголовный кодекс понятия степени вины. Так, А. И. Рарог пишет, что «указание на форму и степень вины следует обязательно включить в законодательный перечень обстоятельств, учитываемых судом при назначении наказания. Законодательное закрепление понятия степени вины и ее роли в определении тяжести преступления и избрании наказания сделали бы излишними всякие попытки дать более тонкие градации психического отношения лица к совершаемому им деянию и наступившим вредным последствиям» [31, с. 69]. В Модельном УК для государств – участников СНГ также говорится о степени вины [32].

Указанное дополнение в УК полностью не исчерпывает решение этого вопроса. Дело в том, что в законе отсутствует определение понятия «степень вины», а в литературе оно понимается по-разному.

Вопрос исследуется в ряде научных работ. Так, С. В. Скляров предлагает внести дополнение в УК РФ и рассматривает степень вины как «величину

вины, определяемую судом с учетом обстоятельств совершения преступления по сравнению с виной в причинении вреда тем же правам и интересам, охраняемым настоящим Кодексом, но при иных обстоятельствах, выражающихся в выборе конкретного вида и размера наказания. При определении степени вины учитываются отношения лица к последствиям своих действий (бездействия), мотивы преступного поведения, обстоятельства, уменьшающие или увеличивающие вину» [33]. О рассматриваемом правовом явлении говорят и другие ученые [34; 35].

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 22 УК преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественную опасность своего действия или бездействия, предвидело их общественно опасные последствия и желало их наступления либо не желало, но сознательно допускало наступление этих последствий либо относилось к ним безразлично.

Сознание общественной опасности вовсе не означает, что лицо должно «задумываться над общественной опасностью своего деяния». Для наличия этого признака достаточно, что лицо сознает фактические обстоятельства и что оно причинило или по своему содержанию и направленности могло причинить существенный вред охраняемым уголовным законом интересам. «При совершении преступления в его сознании отражается множество различных обстоятельств. Однако в содержание вины входит отражение лишь тех, которые являются необходимыми условиями наказуемости деяния или влияют на степень этой наказуемости. Иными словами, это – признаки состава, характеризующие объект и объективную сторону преступления…» [36, с. 80].

Человек, сознающий, что своим деянием существенно нарушает социальную ценность, охраняемую уголовным законом, желающий этого или сознательно допускающий наступление этих последствий своего деяния либо относящийся к ним безразлично, отрицательно относится к ценности, охраняемой уголовным законом. Вина этого человека состоит в отрицательной позиции его к требованию правопорядка, которая взята в отношении его к конкретному деянию. Различные степени отрицательного отношения лица к объекту уголовно-правовой охраны отражают глубину изменений в социальной ориентации лица, совершившего преступления.

Сознание общественной опасности является необходимым элементом умысла, отражающим его социальную сущность. Отсутствие такого осознания, даже при наличии сознания фактических обстоятельств деяния, должно влечь за собой отсутствие умысла [37]. В научной литературе имеются предложения закрепить такую формулу в законе [4, с. 6–7].

В соответствии с ч. 2 и 3 ст. 23 УК преступление признается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но без достаточных оснований рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, хотя

при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Сознание общественной опасности не является признаком неосторожной формы вины. Вместе с тем человек, совершающий деяние, предвидевший наступление общественно опасных последствий, но без достаточных оснований рассчитывающий на их предотвращение либо не предвидевший возможности наступления таких последствий своего поведения, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть, не совсем бережно и внимательно относится к ценности, охраняемой уголовным законом. Вина этого человека состоит в недостаточно бережной или внимательной позиции его к требованию правопорядка, которая взята в отношении его к конкретному деянию. Различные степени недостаточно бережного или внимательного отношения лица к объекту уголовно-правовой охраны отражают глубину изменений в социальной ориентации лица, совершившего преступления.

Таким образом, различная степень отрицательного (при умысле) либо недостаточно бережного или внимательного (при неосторожности) отношения лица к основным социальным ценностям, охраняемым уголовным законом, отражает глубину изменений в социальной ориентации лица, совершившего преступления. Эти особенности социально-психического отношения лица к объекту уголовно-правовой охраны должны быть отражены в правовой норме, закрепляющей такие общие начала назначения наказания, как критерий измерения наказания [38].

Представляется, что для более четкого отражения в законе третьей функции вины необходимо внести дополнение в ч. 1 ст. 62 УК и изложить ее следующим образом:

«1. Суд назначает наказание с учетом положений Общей части настоящего Кодекса в пределах, установленных статьей Особенной части, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Назначая наказание в виде общественных работ, штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, суд руководствуется пределами, установленными в статьях 49, 50 и 51 настоящего Кодекса. Основанием для назначения наказания является вина лица, совершившего преступление. При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает степень вины, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре».

Помимо этого, в примечании к ст. 62 УК должен быть внесен дополнительно пункт следующего содержания:

«Под степенью вины понимается различная мера отрицательного либо недостаточно бережного или внимательного отношения к объекту правовой охраны (количественная характеристика социальной сущности умысла

и неосторожности – вины), которая отражает различную деформацию социальной ориентации лица, совершившего преступления. Степень вины определяется в зависимости от формы вины и ее вида, от объема и определенности сознания совершаемого деяния, характера предвидения последствий, от содержания волевого отношения к тому, что осознавалось и предвиделось лицом, от обязанности их предвидеть или причин их непредвидения, от мотива и цели, выбора способов и средств их достижения и других обстоятельств содеянного, которые влияют на глубину отрицательного, пренебрежительного или недостаточно бережного отношения лица к ценностям, охраняемым уголовно-правовой нормой, и отражают различную деформацию социальной ориентации лица, совершившего посягательство» [39].

Библиографические ссылки

1. Wessels J., Beulke W. Strafrecht. Allgemeiner Teil. 32 Aufl. Heidelberg, 2002.
2. Strasgesetzbuch. Kommentar / F. Schonke, H. Schroder, T. Lenkner. Munchen, 1991. S. 248–261.
3. Грунтов И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве. Минск, 2012.
4. Грунтов И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве : автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2014.
5. Уголовное право зарубежных государств / под ред. Т. В. Козочкина. М., 2001.
6. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный закон) Федеративной Республики Германия : науч.-практ. коммент. и пер. текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
7. Уголовный кодекс Австрии : пер. с нем. М., 2001.
8. Уголовный кодекс ФРГ : пер. с нем. М., 2001.
9. Уголовный кодекс Швейцарии : пер. с нем. М., 2001.
10. Уголовный кодекс Республики Польша / пер. с пол. Барилович Д. А. [и др.] ; адапт. пер. и науч. ред. Э. А. Саркисова, А. И. Лукашов ; под общ. ред. Н. Ф. Кузнецовой. Минск, 1998.
11. Постановление №1 от 26 марта 2002 г.» О назначении судами уголовного наказания»; постановление №1 от 25 марта 2009 г. «О назначении судами наказания в виде лишения свободы»; постановление №9 от 30 сентября 2010 г. «О применении судами мер уголовной ответственности, предусмотренных ст.ст. 77-79 УК» и др.
12. Уголовное право БССР. Часть Общая / И. И. Горелик [и др.] ; под общ. ред. И. И. Горелика. Минск, 1978. С. 210–211.
13. Иванов А. А. Индивидуализация юридической ответственности: правовые и психологические аспекты. М., 2003. С. 182–187.
14. Курс советского уголовного права. Часть Общая / Н. А. Беляев [и др.] ; под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1970. Т. 2. С. 32–37.
15. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. для юрид. вузов : в 2 т. / Моск. гос. ун-т ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. Т. 1 : Учение о преступлении / Г. Н. Борзенков [и др.].
16. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э. А. Саркисова. Минск, 2005.

17. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н. А. Бабий. Минск, 2006.

18. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. Минск, 2007.

19. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н. Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А. В. Баркова. 2-е изд., с изм. и доп. Минск, 2010.

20. Курс советского уголовного права. Часть Общая / Н. А. Беляев [и др.] ; под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1970. Т. 2.

21. Курс советского уголовного права. Часть Общая / С. Г. Келина [и др.] ; под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 3 : Наказание.

22. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М., 1969.

23. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006.

24. Головненков П. В. Уголовное уложение (Уголовный закон) Федеративной Республики Германия : науч.-практ. коммент. и пер. текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

25. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник Общего уголовного права. С подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая. 2-е испр. и доп. изд. Киев, 1882.

26. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая : в 2 т. М., 1994. Т. 1.

27. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950.

28. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.

29. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974.

30. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по уголовным делам (1971–1979). М., 1981. С. 190–193.

31. Рарог А. И. Вина и реформа уголовного законодательства // Совет. государство и право. 1988. № 10. С. 69.

32. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. М., 1987.

33. Скляров С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004.

34. Питецкий В. К вопросу о степени вины в уголовном праве // Уголов. право. 2006. № 3. С. 41–45.

35. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 77–78.

36. Дагель П. С. Содержание, форма и сущность вины в советском уголовном праве // Правоведение. 1969. № 1. С. 80.

37. Дагель П. Понятие умысла в советском уголовном праве // Совет. юстиция. 1966. № 20. С. 18.

38. Грунтов И. О. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства. Минск, 2017. С. 173, 175.

39. Грунтов И. О. Общие начала назначения наказания по уголовному кодексу Беларуси в свете принципа субъективного вменения // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию : материалы 6-го Рос. конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 г.) ; отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2011. С. 776–780.

И. С. Тишкевич
(1919–2001)
доктор юридических наук

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ НЕОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ОТЛИЧИЕ ОТ ОКОНЧЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ[1]

Признание состава преступления основанием уголовной ответственности означает, что эта ответственность может наступить лишь в случае совершения надлежащим субъектом виновного и уголовно наказуемого общественно опасного действия или бездействия, направленного на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям. Для наличия состава преступления, как оконченного, так и неоконченного, совершенное деяние обязательно должно содержать в себе четыре группы элементов (признаков), соответственно характеризующих объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону данного преступления. При этом степень выполнения состава преступления на разных стадиях его совершения является неодинаковой. В неоконченной преступной деятельности некоторые из элементов состава получают неполное воплощение. Поэтому теория советского уголовного права должна установить, в чем заключается сходство и различие между оконченным и неоконченным преступлением, а также между стадиями неоконченного преступления (приготовлением и покушением) с точки зрения наличия или отсутствия элементов состава преступления.

Из материального определения преступления, данного в ст. 6 УК, непосредственно вытекает, что не может быть признано преступным и уголовно наказуемым деяние, не направленное на причинение ущерба социалистическим общественным отношениям. Применительно к конкретным видам преступлений направленность действий лица на причинение вреда определенному объекту, находящемуся под уголовно-правовой охраной, является в одинаковой мере необходимым признаком как оконченного, так и неоконченного преступления. Различий по объекту между ними нет и быть не может, ибо отсутствие элементов состава, характеризующих объект, влечет за собой отсутствие всего состава данного преступления в целом. Так же обстоит дело и с элементами состава, характеризующими субъект и субъективную сторону преступления. Отсутствие хотя бы одного из признаков, необходимых для привлечения к ответственности за данный вид преступления, полностью устраняет такую ответственность.

[1] Друкуецца паводле: *Тишкевич И. С.* Приготовление и покушение по советскому уголовному праву (понятие и наказуемость) // Избранные труды. Минск, 2014. С. 40–45.

Единственным исключением из этого правила является квалификация в качестве приготовления к преступлению неудавшихся подстрекательства и пособничества, которые, подобно всякому подстрекательству и пособничеству, могут быть совершены любым вменяемым лицом, достигшим определенного возраста, в отношении всякого умышленного преступления, в том числе такого, исполнителем которого по закону может быть лишь так называемый специальный субъект.

Что касается элементов состава, характеризующих объективную сторону преступления, то они по своему значению для решения вопроса о возможности привлечения субъекта к уголовной ответственности могут быть разделены на две группы:

а) элементы, отсутствие которых устраняет уголовную ответственность, и

б) элементы, отсутствие которых при совершении соответствующих умышленных преступлений не устраняет ответственности за данное конкретное преступное деяние, а лишь делает невозможным вменение в вину действующему субъекту выполнения состава оконченного преступления. Ответственность в подобных случаях наступает за неоконченное преступное деяние.

К первой группе должны быть отнесены такие элементы объективной стороны преступления, как действие или бездействие.

Действие или бездействие, направленное на выполнение состава соответствующего преступления, является необходимым элементом как оконченного, так и неоконченного преступного деяния. Разница здесь состоит лишь в том, что для наличия оконченного преступления требуется, чтобы субъектом были совершены все действия, входящие в объективную сторону преступления, а для выполнения неоконченного преступного деяния достаточно совершения хотя бы части этих действий. В тех случаях, когда законодатель включает в число элементов состава соответствующего преступления также время, место и способ действия, они должны быть налицо при совершении как оконченного, так и неоконченного преступления. Так, для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 175 УК, необходимо, чтобы умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего отдельным лицам, было совершено путем поджога, затопления или каким-либо иным общеопасным способом. В равной мере и для наличия состава неоконченного преступления при совершении данного общественно опасного действия необходимо, чтобы виновный готовился или уже пытался истребить или повредить имущество именно общеопасным способом.

Ко второй группе элементов объективной стороны преступления относится общественно опасный результат, если он включен в состав преступления в качестве его необходимого признака, и отдельные звенья преступного действия. Неполное совершение действий, необходимых для выполнения преступления, или ненаступление преступного результата не исключают ответственности за данное преступление. Субъект в таких случаях подвергается наказанию за частичное выполнение состава преступления, т. е. за неоконченную преступную деятельность. Последняя отличается от оконченного преступления лишь степенью

осуществления преступного намерения, степенью развития объективной стороны преступного деяния.

При совершении неоконченного преступления объективная сторона не получает полного развития из-за отсутствия некоторых ее признаков. Получается как бы пробел в составе – отсутствие некоторых признаков состава при наличии всех остальных.

Обычно принято считать, что пробел в составе имеется в случаях, когда отсутствие одного из признаков состава влечет за собой отсутствие других и всего состава преступления в целом. Понятие пробела в составе противопоставляется случаям покушения. Такую точку зрения высказали, например, А. Н. Трайнин[1] и Н. В. Лясс[2]. Между тем ясно, что именно в приготовлении и покушении имеется пробел в составе. Только о неоконченном преступлении можно сказать, что в нем отсутствуют некоторые элементы состава при наличии всех остальных. В случаях же, о которых говорится в названных работах А. Н. Трайнина и Н. В. Лясс, имеется не пробел в составе, а отсутствие состава в целом. Ставить иначе вопрос – значит забывать о диалектическом единстве объективных и субъективных признаков преступления. Преступление не может иметь места, если отсутствует хотя бы один из следующих элементов состава: а) общественно опасное действие (или бездействие), б) его направленность на определенный объект, находящийся под уголовно-правовой охраной, в) совершение этого действия вменяемым, обладающим определенными признаками субъектом и г) наличие в его действиях вины. Могут отсутствовать лишь последствия и некоторые звенья самого преступного действия, в результате чего и образуется пробел в составе.

Нельзя согласиться с Н. Д. Дурмановым, утверждающим, что преступление в стадии покушения или приготовления «содержит все признаки состава преступления»[3]. Подобное решение вопроса о соотношении понятий неоконченного преступления и состава преступления может содействовать еще большему распространению глубоко ошибочного взгляда о том, будто наше уголовное законодательство не проводит различия между оконченным и неоконченным преступлением, между приготовлением и покушением. Интересы укрепления социалистической законности требуют, чтобы каждый работник суда и прокуратуры твердо усвоил, что приготовление и покушение лишь частично выполняют состав того или иного конкретного преступления, предусмотренного в статье Особенной части Уголовного кодекса, что влечет за собой, как правило, менее суровое наказание, чем за оконченное преступление. Не случайно Н. Д. Дурманов неоднократно указывает, что для приготовления и покушения характерно отсутствие некоторых элементов состава преступления вследствие неполного развития его объективной стороны[4]. Задача теории советского уго-

[1] *Трайнин А. Н.* Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 297.

[2] *Лясс Н. В.* Понятие и основания наказуемости приготовления и покушения // Уч. зап. ЛГУ. Вопросы уголовного права и процесса. 1956. № 202. Вып. 8. С. 60.

[3] *Дурманов Н. Д.* Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 31.

[4] Там же. С. 30.

ловного права – показать, какие элементы состава в приготовлении и покушении должны быть налицо, а какие могут отсутствовать, каково различие в этом отношении между отдельными стадиями преступления и в какой мере это должно учитываться при определении наказания.

Усматривая наличие всех признаков состава преступления в приготовлении и покушении, Н. Д. Дурманов предлагает уточнить определение состава преступления путем указания на то, что «понятие состава включает признаки, обрисованные не только в статье Особенной части советского уголовного закона, но и в соответствующих статьях Общей части»[1]. Действительно, некоторые элементы состава преступления указаны в статьях Общей части (общественная опасность деяния, вина, возраст, с которого наступает уголовная ответственность, вменяемость). Признаки объективной стороны приготовления описаны в ст. 19 УК. Но наличие в деянии, не доведенном до конца, этих признаков отнюдь не исключает пробела в составе. Дело в том, что ответственность за приготовление и покушение, как это признает и Н. Д. Дурманов, определяется применительно к тем конкретным составам преступлений, которые предусмотрены уголовным законом, причем «в отношении всех умышленных преступлений, при осуществлении которых возможна предварительная преступная деятельность, закон определяет ответственность всегда за оконченное преступление»[2]. При отсутствии некоторых элементов объективной стороны этих преступлений и возникает особое положение ответственности за неоконченную преступную деятельность. Если же в содеянном воплотились все элементы состава, то налицо оконченное преступление.

Стадии преступления (приготовление, покушение, оконченное преступление) можно различать лишь в отношении отдельных умышленных преступлений, при совершении которых возможна ответственность за неоконченную преступную деятельность, например убийство, кража. Поэтому целый ряд умышленных преступлений и все неосторожные преступления не могут быть названы оконченными, поскольку их реализация не может вылиться в неоконченное преступное деяние.

В связи с этим и является неточным определение оконченного преступления в учебнике Общей части советского уголовного права, в котором указывается, что «преступление является оконченным тогда, когда совершенное виновным деяние содержит все признаки данного преступления»[3]. Все признаки состава имеются налицо и в тех преступлениях, которые исключают возможность приготовления и покушения, однако они не могут быть названы оконченными.

Этого обстоятельства не учитывает в должной мере Н. Д. Дурманов. Правда, в своей монографии о стадиях совершения преступления он правильно указывает, что «оконченное преступление и предварительная деятельность по подготовке и совершению преступления – понятия соотносительные. Об

---

[1] *Дурманов Н. Д.* Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. С. 35.

[2] Там же. С. 15–17, 20, 32, 112–115.

[3] Советское уголовное право, часть Общая. М., 1952. С. 276.

оконченном преступлении мы говорим тогда, когда данный состав преступления предполагает возможность предварительной преступной деятельности». Однако вслед за этим, допуская явную непоследовательность, Н. Д. Дурманов неожиданно продолжает: «Многие из умышленных преступлений знают только стадию оконченного преступления, например преступления, совершаемые с косвенным умыслом»[1]. В другом месте он еще более категорически заявляет, что «оконченное преступление – это стадия, характерная для любого вида преступного деяния»[2]. Таким образом, соотносительность понятий оконченного и неоконченного преступления Н. Д. Дурмановым фактически игнорируется.

Подводя итог сказанному, можно следующим образом определить оконченное и неоконченное преступление.

Оконченным признается такое умышленное преступное деяние, объективная сторона которого при наличии остальных элементов состава получила развитие, предусмотренное соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса.

Под неоконченным преступлением следует понимать такую умышленную общественно опасную деятельность виновного, которая содержит в себе лишь часть признаков состава данного преступления вследствие неполного развития его объективной стороны.

В. М. Шыраеў

(1872–1937)

доктар юрыдычных навук

КРЫМІНАЛЬНЫ КОДЭКС БССР (УРЫВАК З АРТЫКУЛА)[3]

Да гэтае пары ў БССР дзейнічаў Крымінальны Кодэкс у рэдакцыі 1922 году, у тэкст якога былі ўнесены некаторыя частковыя зьмены і папраўкі, абумоўленыя – часткова зьменамі агульнасаюзнага заканадаўства, – часткова мясцовымі бытавымі асаблівасьцямі.

11 сэсія ЦБК БССР VIII скліканьня зацьвердзіла 23 верасьня 1928 г. проект Крымінальнага Кодэксу, складзены НКЮ БССР, перапрацаваны ў Падрыхтоўчай

[1] *Дурманов Н. Д.* Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. С. 17.

[2] Там же. С. 33.

[3] Друкуецца паводле: Крымінальны Кодэкс БССР // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы катэдры сучаснага права / пад рэд. праф. М. Грэдынгера. Менск, 1929. С. 68–77.

Камісіі Проектаў пры СНК БССР, перагледжаны пасьля, у сувязі з зробленымі на проект заўвагамі з месц, і зацьверджаны 30 ліпня 1928 г. СНК БССР.

Распрацаваўшы свой проект, БССР зрабіла так, як і іншыя самастойныя рэспублікі, што ўваходзяць у склад Саюзу, якія ня толькі пасьпелі зрабіць гэтую работу значна раней, але і ўвялі ў чыннасьць свае кодэксы. Аднак, некаторая затрымка ў гэтай рабоце, што грунтуецца на пэўных пастановах Констытуцыі СССР (разьдзел II, гл. - I, ст. I -п.), была да вядомай меры выгадна, бо яна дала магчымасьць ня толькі скарыстаць практыку іншых членаў Саюзу, але і не паўтараць зробленых імі памылак.

Выданыя ў 1924 годзе «Асноўныя падставы крымінальнага заканадаўства СССР» (З.З. СССР 1924 г., № 24, арт. 203) вызначаюць шырокае поле для разьвіцьця партыкулярызму ў галіне крымінальнай заканадаўчай творчасьці, даючы права заканадаўчым органам саюзных рэспублік устанаўляць: «паасобныя віды злачынстваў і парадак ужываньня да іх мер соцыяльнай абароны» (апроч дзяржаўных і вайсковых злачынстваў – арт. 30 Асноўн. падстаў), «устанаўляць і іншыя меры соцыяльнай абароны ў адпаведнасьці з гэтымі асновамі і агульнымі прынцыпамі крымінальнага заканадаўства Саюзу ССР» (увага 1 да арт. 13 Асноўн. падстаў); апроч гэтага, саюзныя рэспублікі, у адпаведнасьці з мясцовымі ўмовамі і асаблівасьцямі, маюць права вырашаць самастойна шэраг іншых больш дробных пытаньняў. Так, кодэксамі саюзных рэспублік вызначаецца:

а) век непаўналетніх і малалетніх, а таксама і абавязковыя выпадкі ўжываньня да непаўналетніх мер соцыяльнай абароны судова-папраўнага характару і межы палегчаньня апошніх (увага да арт. 8 Асноўн. падстаў);

б) тэрміны даўнасьці ў дачыненьні да іх зьмяншэньня (увага да арт. 10 Асноўн. падстаў);

в) парадак залічэньня папярэднага пазбаўленьня волі (арт. 18. Асноўн. падстаў);

г) характар і організацыя прымусовых работ і парадак іх замены (арт. 19 Асноўн. падстаў);

д) парадак высяленьня з паасобнай мясцовасьці ў межах аднае і тае самае саюзнае рэспублікі (арт. 22 Асноўн. падстаў);

е) колькасьць патрэбнага для профэсіянальнай работы інвэнтару, харчоў і грошай, якія павінны пакідацца асуджанай асобе (арт. 25 Асноўн. падстаў);

ж) умовы і парадак ужываньня ўмоўнага асуджэньня (арт. 37 Асноўн. падстаў);

з) парадак ужываньня ўмоўнага вызваленьня да тэрміну (арт. 38 Асноўн. падстаў).

З пералічанага відаць, што заканадаўства саюзных рэспублік мае права самастойна вырашаць ня толькі шмат якія паасобныя пытаньні крымінальнага заканадаўства, але – што далёка важней – паасобныя рэспублікі маюць магчымасьць пашыраць межы злачыннага па сваім погляду і ўводзіць новыя меры для змаганьня з злачыннасьцю.

Разгляд крымінальных кодэксаў паасобных рэспублік сьведчыць, што рэспублікі ў большай ці меншай меры скарысталі гэтае права, з прычыны чаго паміж гэтымі кодэксамі ёсьць некаторая розьніца. Скарысталі гэтае права самастойнай праватворчасьці, як будзе адзначана вышэй, і заканадаўчыя органы БССР у часе распрацоўкі свайго Кодэксу. Між тым агульныя «Асноўныя падставы» зьявіліся злучальнікам і параднілі ўсе гэтыя кодэксы і проекты, што распрацоўваліся паасобнымі рэспублікамі. Іх падабенству, апроч таго, дапамагала дадзенае Прэзыдыуму ЦВК Саюзу ССР права ў канечна патрэбных выпадках вызначаць саюзным рэспублікам роды і віды злачынстваў, датычна якіх Саюз ССР лічыць патрэбным ажыцьцяўляць пэўную лінію адзінай карнай політыкі (арт. 3, ч. 2 Асноўн. падстаў). У выніку такой політыкі крымінальнае заканадаўства СССР, ня гледзячы на яго знадворны партыкулярызм, прасякнута аднолькавымі прынцыпамі, аднолькавымі ідэямі, якія надаюць адзіны агульны характар кодэксам паасобных саюзных рэспублік.

Якія ж гэтыя характэрныя рысы крымінальнага заканадаўства, што ўстанаўляюцца «Асноўнымі падставамі» і прышчэплены імі крымінальным кодэксам паасобных рэспублік?

Адказ на гэтае пытаньне быў дадзены мною ў артыкуле «Основные начала уголовного законодательства СССР» (Праца Беларускага Дзяржаўнага Універсытэту № 11 за 1926 г.), у канцы якога мною, між іншым, было сказана: «Законодательство не отказалось еще окончательно от построения ответственности на принципе вины и не усвоило вполне и всецело учения об опасном состоянии» (стар. 19)[1].

Такі вывад быў зроблены мною пасьля разбору «Основных начал уголовного законодательства», устаноўленых у дачыненьні да мер змаганьня з злачыннасьцю (стар. 9–12), у дачыненьні да папярэдняй злачыннай дзейнасьці і яе стадыі, у дачыненьні да супольнасьці ў злачынстве – гэта з аднаго боку, у дачыненьні да паняцьцяў вінаватасьці, прытомнасьці, канечна патрэбнай абароны, крайняй патрэбы, даўнасьці, злучнасьці і інш. – з другога боку.

---

[1] Каб не паўтарацца, я адсылаю чытача да гэтае мае працы ва ўсіх выпадках, дзе Крымінальны Кодэкс БССР пераймае «Асноўныя падставы Крымінальнага Заканадаўства».

Падобны сутнасьцю погляд на савецкае крымінальнае заканадаўства выказвае: *Пашуканис Е.* Общая теория права и марксизм. 2-е изд. 1926. С. 126 ; *Старосельский*. Принципы построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 2. С. 92 ; *Эстрин А. Я.* К вопросу о принципах построения уголовной репрессии в пролетарском государстве // Революция права. 1927. № 1. С. 74 і далейшыя.

Гл. таксама: *Жижиленко*. Меры социальной защиты УК 1926 г. // Проблемы преступности. Вып. 3. С. 61 і інш.

Процілеглага пункту гледжаньня прытрымоўваецца Манс, але і ён лічыць, што КК 1926 г. не зрабіў усіх вывадаў, якія вынікаюць з яго адмовы ад віны.

Гл.: *Маннс Р. Ю.* Отношение УК 1926 г. к вине и опасному состоянию // Проблемы преступности. Вып. 3. С. 51 і далейшыя.

Гл. таксама: *Якубсон*. Лишение свободы как мера социальной защиты по Уголовн. и Исправ.-Трудов. Кодексам // Проблемы преступности. Вып. 3. С. 191 і далейшыя.

«Усвоение всех этих понятий Основными началами, – пісаў я ў гэтым артыкуле, – сближает их с существующими уголовными кодексами, стоящими до сих пор на компромиссной точке зрения: с одной стороны – опасное состояние и меры социальной защиты, с другой – виновность и наказание, соответствующие тяжести преступления. Различие заключается только в том, что в то время, как в русском дореволюционном праве и в современных западноевропейских кодексах уголовная ответственность строится на принципе вины и опасное состояние имеет значение дополнительное к главному основанию ответственности, в современном советском праве наблюдается тенденция отказаться от старых устоев уголовного правосудия и построить систему мер борьбы с преступностью прежде всего на признаке опасного состояния, с сохранением, однако, и прежнего традиционного построения уголовной ответственности» (стр. 14–15).

Гэтае імкненьне, уласьцівае ў большай ці меншай меры ўсім крымінальным кодэксам савецкіх рэспублік, сьведчыць толькі аб агульным кірунку шляхоў разьвіцьця савецкага крымінальнага заканадаўства, але ні ў якім разе не азначае яшчэ канчатковага заканчэньня гэтага разьвіцьця і ажыцьцяўленьня новых прынцыпаў пабудаваньня крымінальнай адказнасьці, бо гэта апошняе няўхільна зьвязана з грунтоўным перабудаваньнем усяго матар'яльнага і ўсяго процэсуальнага заканадаўства[1].

Агульны характар крымінальнага заканадаўства, уласьцівы КК у рэдакцыі 1922 г. і КК РСФСР у рэдакцыі 1926 г., а таксама КК УССР, ёсьць таксама і ў новым Крымінальным Кодэксе БССР, складальнікі якога не адыходзілі ад прынцыпаў, устаноўленых «Асноўнымі падставамі крымінальнага заканадаўства Саюзу ССР».

Для больш поўнай і ўсебаковай ацэнкі Крымінальнага Кодэксу БССР трэба канечна параўнаць яго з тымі кодэксамі, якія, бязумоўна, былі для яго ўзорам; тады відавочна выявяцца ўсе станоўчыя і адмоўныя бакі праробленай працы. Трэба, аднак, адзначыць, што гэтае параўнаньне, нямінуча, будзе мець больш знадворны і таму некалькі павярхоўны характар. Больш глыбокі аналіз паасобных нормаў і конструкцый ня толькі значна пашырыў бы аб'ём працы, але галоўнае давёў бы да канечна патрэбнага разбору і ацэнкі самых асноў савецкага крымінальнага заканадаўства, што зусім не ўваходзіла ў маю задачу. У сваёй

[1] «Превратить наказание из возмездия и воздаяния в целесообразную меру защиты общества и исправления данной социально-опасной личности – это значит разрешить громадную организационную задачу, которая не только лежит вне чисто судебной деятельности, но по существу при успешном ее выполнении делает излишними судебные процессы и судебные приговоры, ибо когда эта задача будет полностью разрешена, исправительное трудовое воздействие перестанет быть простым юридическим следствием судебного приговора, в котором зафиксирован тот или иной состав преступления, но сделается совершенно самостоятельной общественной функцией медицинско-педагогического порядка. Нет никакого сомнения, что наше развитие идет и будет итти дальше по этому пути». – *Пашуканис Е.* Общая теория права и марксизм. 3-е изд. С. 126.

працы я меў на ўвазе толькі паказаць, што новага дае Крымінальны Кодэкс БССР для крымінальнага заканадаўства Саюзу і наколькі гэтае новае зьяўляецца палепшаньнем у параўнаньні з тым, што існуе.

***

Агульная частка або «агульныя палажэньні» Крымінальнага Кодэксу БССР, дзе ажыццяўляюцца адзначаныя вышэй прынцыпы, складаецца з 62 артыкулаў, г. зн. больш, чымся КК у рэдакцыі 1922 г. (56 арт.), КК РСФСР у рэдакцыі 1926 г. (57) і КК УССР (53), але ў парадку разьмеркаваньня гэтых артыкулаў КК БССР значна адыходзіць ад сваіх узораў. Так, усе «Агульныя палажэньні» Крымінальнага Кодэксу БССР складаюць адзін толькі разьдзел, які не падзяляецца на часткі, як гэта было ў проекце, дзе ўвесь матар'ял агульных палажэньняў падзяляўся на тры часткі: I) Асноўныя палажэньні (арт. арт. 1–26), II) Меры соцыяльнай абароны і ўжываньне іх судом (арт. арт. 27–56) і III) Пра ўмоўнае вызваленьне да тэрміну ад вызначанай судом меры соцыяльнай абароны (арт. арт. 57–58), накшталт таго, як гэта зроблена ў КК 1922 г., КК РСФСР 1926 г. і ў КК УССР.

У межах паказаных 62 артыкулаў Агульных палажэньняў КК разьмяркоўвае ўвесь матар'ял, які адносіцца звычайна да агульнай часткі, не пераняўшы з КК РСФСР 1926 г. артыкулаў 8, 44 і 57 і з КК УССР артыкулаў 50 і 53, г. зн. пастаноў аб страце злачынным дзеяньнем грамадзка-небясьпечнага характару, аб абавязку загладзіць шкоду і аб магчымасьці прадоўжваць для непаўналетніх тэрмін іх прабываньня ў працоўных дамох або ў рэформаторыях. КК БССР увёў затое артыкул 12, які адмаўляе ўвагу да арт. 6 КК РСФСР 1926 г. I часткова зьмест арт. 8 КК РСФСР 1926 г. (у дачыненьні да страты асобаю ўласьцівасьці грамадзкай небясьпекі). Перанятая ў арт. 12 КК БССР рэдакцыя зьяўляецца бязумоўна больш удалаю, чымся рэдакцыя ўвагі да арт. 6 і арт. 8 КК РСФСР 1926 г., яна дае права суду ў паасобным конкрэтным выпадку, у залежнасьці ад об'ектыўнага характару зробленага ўчынку або ад суб'ектыўных уласьцівасьцей асобы, што яго зрабіла, ня ўжываць да апошняй якой-небудзь меры соцыяльнай абароны. Такая пастаноўка пытаньня адхіляе супярэчаньне, якое выклікаецца ўвагаю да арт. 6 і арт. 8 КК РСФСР 1926 г., бо яна ня ставіць у залежнасьць ад об'ектыўных умоў («відавочнай малазначнасьці і адсутнасьці шкодных вынікаў») прызнаньне злачынным таго дзеяньня, якое, як соцыяльна-небясьпечнае або спэцыяльна шкоднае, запісана ў сьпісы злачынных дзеяньняў, і гаворыць толькі аб няўжываньні, калі ёсьць некаторыя ўмовы, адпаведных санкцый, а ні ў якім разе не аб падняцьці крымінальнага прасьледваньня, г. зн. аб пытаньні процэсуальным[1].

Але ў той самы час арт. 12 пярэчыць арт. 52 КК БССР, які дазваляе такую магчымасьць няўжываньня мер соцыяльнай абароны або нават палегчаньня іх толькі паводле хадайніцтва перад ЦБК БССР (арт. 52 у сваю чаргу пярэчыць арт. 51 КК БССР).

[1] Гл.: *Чельцов-Бебутов*. Целесообразность и законность в УК 1926 г. Проблемы преступности. Вып. III. С. 78–84.

Асаблівасьці КК БССР у аддзеле агульных палажэньняў, якія варта адзначыць, наступныя:

І. КК БССР, так як КК РСФСР 1926 г. і КК УССР, пачынаецца ўстанаўленьнем задач Крымінальнага Кодэксу, якія выяўляюцца ў ахове правапарадку ад пасяганьняў, але ў формулёўцы гэтых задач КК БССР некалькі адрозьніваецца ад сваіх узораў: падобна КК УССР, ён гаворыць не аб праўнай абароне (КК 1922 г. арт. 5) і не аб ахове (КК РСФСР 1926 г. арт. 1), а аб судова-праўнай абароне, чым падкрэсьліваецца ня толькі характар абароны, але і самы шлях яе – судовы. Уносіцца далей большая конкрэтнасьць у азначэньне прадмету абароны: гэта ёсьць соцыялістычная дзяржава дыктатуры пралетарыяту.

У азначэньні самой крыніцы небясьпекі і сіл, што яе выклікаюць, КК БССР карыстаецца тэрмінамі, якімі карыстаюцца КК РСФСР 1926 г. і КК УССР: «грамадзянска-небясьпечныя дзеяньні» і «правапарушнікі», г. зн. выразамі, якія зварочваюць увагу на ўнутраны зьмест даных паняцьцяў, замест формальных тэрмінаў: «злачынства і злачынец», што ўжываліся ў проекце. Гэтая тэрмінолёгія, перанятая КК, больш адпавядае агульнаму характару нашага крымінальнага заканадаўства, хаця, як справядліва зазначае Пашуканіс: «Понятие преступления и наказания... суть необходимейшее определение правовой формы, от которых можно будет освободиться лишь тогда, когда начнется отмирание юридической надстройки вообще»[1].

ІІ. У азначэньні межаў дзеяньня матар'яльнага крымінальнага закону – КК БССР (арт. арт. 2 і 3) таксама пераймае КК РСФСР 1926 г. (арт. арт. 2–5) і часткова КК УССР (арт. арт. 2 і 3), якія ў гэтым пункце адышлі – ад КК 1922 г. (арт. арт. 1–4). Апошні, апроч дзеяньня так званага тэрыторыяльнага прынцыпу, гаварыў і аб нацыянальным і аб рэальным прынцыпе, устанаўляючы ўмовы і граніцы іх дзеяньня. Наадварот, КК РСФСР 1926 г., КК УССР і сьледам за імі і КК БССР маюць на ўвазе тэрыторыяльны прынцып і прынцып нацыянальны – грамадзянства БССР або іншых саюзных рэспублік; у дачыненьні да грамадзян БССР і іншых савецкіх рэспублік да месца ўчыненьня злачыннага дзеяньня прыроўніваецца месца затрыманьня, месца адданьня пад суд ці сьледзтва.

Звычайна суд данай дзяржавы можа ўжываць законы толькі данай дзяржавы, і гэтае палажэньне КК УССР праводзіць найбольш паступова, патрабуючы ўжываць украінскі закон да асоб, якія ўчынілі злачыннае дзеяньне за межамі ўкраінскай тэрыторыі, але затрыманы на тэрыторыі Украіны. Наадварот, КК РСФСР 1926 г., а за ім і КК БССР аддаюць у гэтым выпадку перавагу – месцу ўчыненьня злачынства – перад месцам затрыманьня і, значыцца, дапушчаюць, што суды РСФСР і БССР могуць ужываць законы іншых саюзных рэспублік.

Такія правілы дзейнічаюць толькі ў дачыненьні да грамадзян Саюзу ССР. У дачыненьні ж да чужаземцаў устанаўляецца дзеяньне толькі тэрыторыяльнага прынцыпу. КК БССР не аднаўляе нават нормаў, якія былі ў арт. 3 КК 1922 г., і ў гэтых адносінах яго пастановы нельга лічыць поўнымі, калі ўзяць пад увагу пагранічнае палажэньне БССР. Толькі ў дачыненьні да контррэволюцыйных злачынстваў на падставе арт. 63 ч. 2, які бярэ пад абарону ня толькі асновы

[1] *Пашуканис Е.* Общая теория права и марксизм. Изд. 3-е. С. 128.

савецкага ладу, але і асновы дзяржавы працоўных, нават калі яна і не ўваходзіць у Саюз, можна гаварыць аб дзеяньні рэальнага прынцыпу.

III. Проект, у адпаведнасьці з КК 1922 г., грунтаваўся на формальным разуменьні злачынства, зьмест якога выяўляўся ў арт. 4 КК БССР наадварот, так як КК РСФСР 1926 г. і КК УССР стараецца ня ўжываць гэтага тэрміну і замяняе яго грамадзка-небясьпечным дзеяньнем[1].

У сутнасьці ж азначэньне КК БССР адрозьніваецца ад азначэньня КК 1922 г., КК РСФСР 1926 г. і КК УССР толькі ў драбніцах, якія ня маюць вялікага значэньня.

Усе прадугледжаныя крымінальным законам злачынныя дзеяньні падзяляюцца ў КК БССР, як і ў іншых крымінальных кодэксах, на дзьве асноўныя групы, прычым крытэры для разьмежаваньня гэтых груп у КК БССР формуляваліся прыблізна так, як і ў КК 1922 г., КК РСФСР 1926 г., і ў КК УССР: там такім крытэрыем зьяўляецца разьмер, менш якога суд ня мае права ўжыць меры соцыяльнай абароны, або найбольшы разьмер, які толькі можа ўжываць суд, у КК БССР «толькі найменшы (мінімальны) разьмер, менш якога суд ня можа ўжыць да злачынца» і «толькі найбольшы разьмер», у проекце ж «самая лёгкая мера або самая цяжкая мера соцыяльнай абароны», г. зн. да мер соцыяльнай абароны ўжываліся эпітэты, больш уласьцівыя карным мерам у ўласным сэнсе гэтага слова. Аднак гэтая загана ёсьць і ў формулёўцы, перанятай КК БССР, бо меры соцыяльнай абароны адрозьніваюцца адна ад другой ня колькасьцю, а якасьцю, і ўжываньне іх дыктуецца ня цяжкасьцю злачыннага дзеяньня, а мераю і характарам соцыяльнай небясьпекі. Але ня так важна гэтая тэрмінолёгічная нявытрыманасьць, як нявытрыманасьць гэтага крытэрыя ў сутнасьці, калі на падставе гэтага крытэрыя адно і тое самае дзеяньне даводзіцца далучыць да першай і да другой катэгорыі, як гэта робіцца, напрыклад, у дачыненьні да дзеяньняў, прадугледжаных арт. арт. 79, 84, 85, 103, 106, 165, 166, 168, 170, 171, 175, 177–181, 188, 252, дзе адзін від дзеяньня ідзе з санкцыяю, якая паказвае найбольшы разьмер, а другі від таго самага дзеяньня – з санкцыяю, якая паказвае найменшы разьмер магчымых для ўжываньня мер соцыяльнай абароны; з прычыны такой нявытрыманасьці траціцца самы сэнс і значэньне клясыфікацыі.

Дый наогул гэтая клясыфікацыя, што грунтуецца на об'ектыўнай прымеце, не адпавядае духу Кодэксу, які будуе адказнасьць на ідэі небясьпечнага становішча. Дапраўды, дзеяньне можа быць цяжкім, але не небясьпечным і наадварот – небясьпечным, але не цяжкім; разуменьня цяжкасьці і небясьпекі не заўсёды супадаюць, напрыклад, калі ўзяць забойства ў афэкце, крадзеж, ліхвярства і інш.

IV. У дачыненьні да ўжываньня крымінальных законаў па аналёгіі (арт. 6) КК БССР аб'яднаў рэдакцыі арт. 10 КК 1922 г., арт. 16 КК РСФСР 1926 г. і арт. 7 ч. 11 КК УССР, з прычыны чаго вышла такая рэдакцыя, якая пашырае магчымасьць ужываньня аналёгіі (прапушчаны абмежавальныя адзнакі: «прямые указания»,

[1] Аднак гэтае імкненьне не праводзіцца пасьлядоўна ні ў адным з кодэксаў, гл. напр. арт. арт. 16, 9 і інш. КК РСФСР 1926 г., арт. арт. 6 і 7 КК УССР, арт. арт. 13, 16, 22, 23, 24, 26, 48, 49 і 50 КК БССР.

«прямо непредусмотрено») і, апроч таго, хварэе многаслоўем: апроч падстаў і межаў адказнасьці, КК БССР зазначае: «а таксама меры соцыяльнай абароны», як гэта было сказана ў КК 1922 г., які аднак не гаварыў аб падставах і межах адказнасьці.

Аднак, трэба заўважыць, што, калі пераймаецца ідэя небясьпечнага становішча, значэньне спэцыяльнай часткі Крымінальнага Кодэксу зьмяншаецца і ў адпаведнасьці з гэтым больш часта ўжываецца прынцып аналёгіі. І калі, у часе ўнясеньня арт. 10 КК 1922 г., патрэба папаўненьня крымінальнага закону праз аналёгію тлумачылася ў большасьці выпадкаў сьпешнасьцю работы, злучанай з магчымымі пропускам, а самы спосаб папаўненьня крымінальнага закону такім чынам разглядаўся як выключны, надзвычайны, дык цяпер пытаньне аб аналёгіі набывае прынцыповае значэньне і моцна зьвязана з усім характарам савецкага крымінальнага заканадаўства. Азначэньне падабенства злачынстваў па «роду», як гэта зроблена ў КК РСФСР 1926 г., больш выразнае і дакладнае, чымся азначэньне, ужытае ў КК БССР: «па характару і важнасьці».

КАФЕДРА ЭКАЛАГІЧНАГА І АГРАРНАГА ПРАВА

Т. И. Макарова
доктор юридических наук

С. А. Балашенко
доктор юридических наук

И. П. Кузьмич
кандидат юридических наук

В. Е. Лизгаро
кандидат юридических наук

И. С. Шахрай
кандидат юридических наук

Н. А. Шингель
кандидат юридических наук

БЕЛОРУССКАЯ АГРАРНО-ПРАВОВАЯ И ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ НАУКА: ИСТОКИ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Юбилейные даты – 95-летие образования юридического факультета и грядущее 100-летие Белорусского государственного университета – побуждают к анализу достижений, подведению итогов и изучению опыта предыдущих поколений, давших нашей стране плеяду блестящих ученых-юристов, среди которых имя доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси Николая Васильевича Сторожева занимает особое место. Оно прочно ассоциируется с развитием отраслей правовой науки, связанных с природной средой, – аграрным, экологическим и природоресурсным правом, а также с созданием и функционированием структурных подразделений (как в университете, так и в Национальной академии наук Беларуси), в которых эти отрасли получили наибольшее развитие, – Институтом государства и права НАН Беларуси и кафедрой экологического и аграрного права БГУ.

У истоков становления белорусской аграрно-правовой науки стоят такие известные белорусские ученые, как А. А. Головко [1], Н. В. Сторожев [2], И. В. Гущин [3], В. А. Круталевич [4]. Именно их труды заложили фундамент для формирования теоретико-правовой основы регулирования аграрных отношений, обеспечивший развитие первоначально таких отраслей права, как колхозное

и сельскохозяйственное, «правопреемником» которых в дальнейшем стала наука аграрного права. В результате плодотворной научно-исследовательской деятельности белорусских специалистов в области колхозного и сельскохозяйственного права был внесен весомый вклад в разработку ключевых аграрно-правовых институтов, оставивший заметный след в советской юридической науке. В связи с этим особо следует отметить работы Л. А. Приходько [5], В. С. Карпика [6], Н. А. Ядевич [7; 8], Л. Н. Молчадской [9], О. П. Марикова [10], А. А. Шингеля [11], Н. В. Пухонта [12], И. И. Веленто [13], Н. Г. Станкевич [14]. Для белорусских ученых советского периода было характерно исследование достаточно широкого спектра проблем, отражающих аграрную политику государства, базирующуюся на совхозно-колхозной системе производства и праве социалистической собственности. Особое внимание уделялось развитию кооперативных, трудовых и договорных отношений в сельском хозяйстве. Так, среди наиболее актуальных в рассматриваемый период была проблематика коллективизации сельского хозяйства Белоруссии, правового статуса колхозов, прав и обязанностей внутриколхозных органов управления, регулирования внутреннего распорядка в колхозах, соблюдения трудовой дисциплины, пенсионного обеспечения и материальной ответственности колхозников. Не оставались без внимания и вопросы, связанные с правовым обеспечением продовольственной безопасности, развитием сельской местности, межхозяйственной кооперации, семеноводства, сельскохозяйственного землепользования, агрохимического обслуживания сельскохозяйственных предприятий и многие другие [15, с. 274–284].

С обретением Республикой Беларусь независимости начался процесс формирования собственной школы аграрного права, основоположником которой по праву считается известный на постсоветском пространстве ученый доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси Николай Васильевич Сторожев [16, с. 8–11]. Ему удалось на базе объединения академической и вузовской науки заложить фундамент нового поколения исследователей, продолживших кропотливую работу по развитию теоретико-правовых основ регулирования аграрных отношений с целью формирования национальной доктрины аграрного права. Благодаря научным разработкам самого Н. В. Сторожева [17], а также С. П. Кацубо [18], Н. А. Шингель [19; 20, с. 499–505], И. П. Кузьмич [21, с. 143–164; 22, с. 439–446], В. С. Елисеева [23], В. В. Саскевич [24, с. 348–352], И. С. Шахрай [25, с. 128–134], И. П. Манкевич [26, с. 571–578], И. М. Чиж [27, с. 43–58; 28, с. 81–86], С. А. Дереченика [29] и других аграрно-правовая наука получила мощный импульс к развитию и обновленное содержание, приобретя иные черты в условиях становления независимой правовой системы Республики Беларусь. Результаты научной деятельности специалистов в области аграрного права нашли отражение в многочисленных публикациях, изданных монографиях [30; 31] и научно-практических комментариях к актам аграрного законодательства [32–34].

Современное аграрное право, выступая правовой основой функционирования аграрной экономики, представляет собой динамично развивающуюся отрасль, для которой характерно постоянное совершенствование содержания в соответствии с проводимой государственной аграрной политикой. Кардинальное переосмысление оценки значимости сельского хозяйства для государства и общества в целом, влияния аграрного законодательства на жизнь обычного человека существенно изменило соотношение приоритетов в регулировании аграрных отношений. Помимо детальной регламентации процесса и условий производства сельскохозяйственной продукции аграрно-правовые нормы лежат в основе обеспечения продовольственной безопасности государства, устойчивого регионального развития (сельской местности), производства качественных и безопасных продуктов питания, защиты территории от угроз ветеринарного и фитосанитарного характера, тем самым обеспечивая комплексное правовое воздействие на важнейшие сферы человеческой жизни, напрямую либо опосредованно влияя на питание, здоровье, доходы, занятость, условия проживания значительной части населения страны. Находясь в тесной взаимосвязи с нормами экологического и природоресурсного права, правовое регулирование аграрных отношений базируется на принципах рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей среды с учетом потребности в сохранении ландшафтного и агробиоразнообразия и поддержания территории страны в надлежащем санитарно-эпидемиологическом состоянии. Таким образом, применение междисциплинарного и комплексного подхода при изучении аграрных правоотношений – один из ключевых методов научного познания предмета аграрного права.

В целом особенности развития отрасли аграрного права обусловлены проводимой государственной аграрной политикой, которая находит закрепление и отражение в законодательстве, влияя тем самым на содержание традиционных и возникновение новых аграрно-правовых институтов, способствуя преобразованию аграрных отношений с учетом тех целей и задач, которые определены в качестве ключевых на том или ином этапе развития аграрной отрасли.

Среди основных тенденций и новых черт, присущих современному аграрному праву, можно отметить прежде всего существенное расширение предмета данной отрасли права в связи с появлением новых видов общественных отношений, активными либо основными участниками которых являются производители сельскохозяйственной продукции (агролизинг, агрострахование, органическое сельское хозяйство, развитие генно-инженерной деятельности, внедрение правовых механизмов идентификации сельскохозяйственных животных, агроэкотуризм и многое другое), что повлияло как на организационно-правовые формы хозяйствования, так и на производственные процессы, достаточно детальная правовая регламентация которых стала еще одной из характерных черт современного аграрного права.

Формирование экспортно ориентированной аграрной экономики повлекло за собой изменение аграрного законодательства в направлении соответствия

международным стандартам и требованиям в части обеспечения надлежащего качества и безопасности производимой сельскохозяйственной продукции, перестройки системы контроля и надзора в данной сфере, создания правовых условий для вовлечения субъектов аграрных правоотношений во внешнеэкономическую деятельность.

Существенное влияние на развитие аграрного права оказывают процессы межгосударственной интеграции. Проведение согласованной агропромышленной политики на территории Евразийского экономического союза привело к возникновению нового уровня правового регулирования аграрных отношений, изменив тем самым систему источников аграрного права и, как следствие, запустив процесс трансформации значительной части аграрно-правовых институтов, содержание которых уже напрямую зависит или определяется под воздействием норм права ЕАЭС.

Перспективы развития аграрно-правовой науки находятся в прямой взаимосвязи с формированием экспортно ориентированной аграрной экономики, усилением процессов межгосударственной интеграции и потенциальной возможностью членства Республики Беларусь в ВТО. В связи с этим не случайно ключевыми и наиболее востребованными направлениями аграрно-правовых научных исследований стали проблемы, связанные с совершенствованием аграрного законодательства в сфере государственной поддержки сельского хозяйства, обеспечения ветеринарной безопасности, карантина и защиты растений, обращения на рынке ЕАЭС сельскохозяйственной продукции, в том числе племенных животных, семян, средств защиты растений, кормов и кормовых добавок и т. д., в отношении которой в рамках аграрного законодательства установлен особый правовой режим.

Благодаря развитию аграрно-правовой науки студенты юридического факультета БГУ имеют возможность и получают знания не только в части определения правового статуса производителей сельскохозяйственной продукции, особенностей правового регулирования отношений по ее производству и реализации, но и о правовых механизмах, лежащих в основе обеспечения продовольственной безопасности страны, устойчивого развития сельских территорий, установленных требований к качеству и безопасности производимых продуктов питания. В рамках преподавания учебной дисциплины по аграрному праву подчеркивается значимость аграрного законодательства для сохранения агробиоразнообразия, предотвращения угроз в ветеринарной и фитосанитарной сферах, масштаб которых имеет не только важное национальное, но и межгосударственное значение. В ходе познания процесса регулирования аграрных отношений на практике студенты знакомятся с воздействием норм права ЕАЭС на аграрное законодательство в условиях проведения согласованной агропромышленной политики.

Таким образом, современное развитие аграрно-правовой науки и отрасли аграрного права способствует претворению в жизнь аграрной политики государства, позволяет охватить единым правовым регулированием общественные

отношения в аграрной сфере, направлено на активизацию научных разработок по актуальным аграрно-правовым проблемам и подготовку специалистов, способных эффективно защитить нарушенные права сельскохозяйственных организаций и граждан в сфере аграрного предпринимательства.

Важность отношений, возникающих по поводу окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и нахождения человека в благоприятной окружающей среде, обусловила их самостоятельное правовое регулирование в рамках экологического права. Особенности этой молодой отрасли правовой науки связаны в первую очередь с существенным влиянием международных процессов на ее становление и развитие. Официальным началом разработки современного подхода к охране окружающей среды является принятие резолюций Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Экономическое развитие и охрана природы» 1962 года [35], «Проблемы окружающей человека среды» 1968 года [36] и Декларации Стокгольмской конференции Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде 1972 года [37]. Однако в советской юридической науке этого периода превалировал природоресурсный подход, при котором, однако, не исключалась необходимость правового оформления отношений по охране отдельных компонентов природной среды (земли, недра, воды и др.).

У истоков формирования нового для нашего государства предмета правового регулирования – экологического – и, как следствие, новых научных направлений стоял первый заведующий кафедрой экологического и сельскохозяйственного права Белорусского государственного университета доктор юридических наук, профессор Анатолий Иванович Бобылев (1939–2010), который был инициатором создания данного структурного подразделения БГУ в 1991 году и руководил им до 1993 года [38, с. 613–618]. При его участии разрабатывались теоретические вопросы развития экологического права, концепция построения его системы, исследовалось содержание основных эколого-правовых понятий (А. И. Бобылев, С. А. Балашенко) [39]. Необходимость преодоления и минимизации последствий аварии на Чернобыльской АЭС 1986 года также повлияла на разработку правовых основ данной области общественных отношений и появление соответствующего направления в науке экологического права (Д. М. Демичев) [40].

Утверждение самостоятельной белорусской научной школы экологического права связано с именем доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента НАН Беларуси Николая Васильевича Сторожева (1934–2004), который руководил кафедрой экологического и аграрного права БГУ в течение более чем десяти лет (1993–2004), являясь одновременно директором Института государства и права НАН Беларуси. В этот период зарождаются и интенсивно формируются как сама отрасль экологического права, так и законодательство об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. Развиваются такие направления эколого-правовой науки, как международно-правовая охрана окружающей среды и права чело-

века (С. А. Балашенко, Т. И. Макарова) [41], деятельность государства по охране окружающей среды, рассматриваемая в качестве фундаментального фактора экологической политики (Н. А. Карпович) [42], право на благоприятную окружающую среду (С. А. Балашенко, В. Е. Лаевская, Т. И. Макарова) [43]. В это же время исследуются место и роль государственного управления в области окружающей среды (С. А. Балашенко) [44], правовая охрана окружающей среды городов (Н. А. Шингель) [45], правовой режим особо охраняемых природных территорий (В. Е. Лизгаро) [46].

Заложенные научные традиции были поддержаны доктором юридических наук, профессором Сергеем Александровичем Балашенко, который возглавлял кафедру экологического и аграрного права БГУ с 2004 по 2017 год. Обоснованная и разработанная научная база эколого-правового регулирования учитывает фактор расширения круга экологических правоотношений, что обусловлено имплементацией в законодательство Республики Беларусь международных соглашений по вопросам охраны окружающей среды, а также членством нашего государства в международных и межгосударственных образованиях. В частности, в предмет экологического права были включены отношения в области обеспечения экологических прав граждан, воздействия на климат, охраны озонового слоя, сохранения биологического разнообразия, обеспечения безопасности генно-инженерной деятельности и др. [38, с. 613–618]. Особенностью белорусской эколого-правовой научной школы данного периода стало и то обстоятельство, что разработка новых для Республики Беларусь научных и законодательных направлений оказалась сопряженной с подготовкой учебных программ и написанием учебной и учебно-методической литературы по экологическому праву [47; 48]. Представители эколого-правовой науки продолжают самостоятельные исследования, посвященные концептуальному развитию актуальных направлений экологического права (Т. И. Макарова [49], Н. А. Карпович [50; 51], Е. В. Лаевская [52; 53]), участвуют в коллективных разработках в области современных проблем правовой охраны окружающей среды [54; 55], результатами которых становятся опубликованные монографические работы, научно-практические комментарии [56]. Дальнейшие научные разработки проводятся при руководстве и поддержке высококвалифицированных ученых, внесших значимый вклад в развитие юридической науки (С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, Н. А. Карпович). Так, выполнены научные исследования в области экологического права, посвященные правовому режиму национальных парков (А. А. Жлоба) [57], правовому обеспечению экологической экспертизы (О. В. Мороз) [58], правовому регулированию экологического страхования (В. В. Манкевич) [59], правовому обеспечению участия общественности в принятии экологически значимых решений (Н. С. Губская) [60], правовому регулированию лицензирования в области охраны окружающей среды (Т. В. Рогожкина, Л. А. Самусенко) [61; 62].

Настоящий этап развития эколого-правовой науки характеризуется формированием современных доктринальных подходов в отношении правовой

охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов [63, с. 51–54; 64, с. 62–65] и связан с основополагающими идеями талантливого ученого доктора юридических наук, профессора Тамары Ивановны Макаровой, возглавившей кафедру экологического и агарного права БГУ в 2017 году. Абсолютно новым научным направлением белорусской школы экологического права в сравнении с подходами, сформировавшимися в эколого-правовой науке соседних государств, является разработка учения о правовых механизмах охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, в рамках которого предложены теоретические основы эколого-правового регулирования, включая его методологическое обеспечение; определено понятие механизма эколого-правового регулирования и выделены факторы и этапы его формирования; обоснована конечная цель эколого-правового регулирования – обеспечение права человека на благоприятную окружающую среду [55]. В рамках этого учения разработана теория экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности, нового для юридической науки направления охраны окружающей среды, актуальность которого обусловлена объективной необходимостью обеспечения непрерывности процесса учета экологического фактора на всех стадиях хозяйственной и иной деятельности [65, с. 85–124]. Научные направления, исследуемые молодыми учеными в настоящее время, формируются с учетом комплексного подхода и учета фактора расширения круга общественных отношений, называемых экологическими (Е. Э. Ванькович [66], Е. В. Речиц [67]). Участие Республики Беларусь в интеграционных процессах, глобальные вызовы и направления международного сотрудничества предъявляют новые требования к правовому регулированию отношений в сфере окружающей среды, в силу чего современный этап науки экологического права характеризуется выявлением проблем его эффективности [68, с. 515–537] в рамках разрабатываемого нового научного направления – формирования эколого-безопасного пространства.

Сфера природоресурсных отношений также подвергалась многочисленным и разносторонним научным исследованиям. В советский период круг научных интересов белорусских исследователей предопределялся общими особенностями развития земельного и иного природоресурсного законодательства: изучались тенденции и закономерности развития земельного права в условиях исключительной государственной собственности на землю, становления раздельного правового регулирования отношений по охране и использованию различных природных ресурсов и формирования достаточно развитых равноправных природоресурсных отраслей.

В числе ключевых земельно-правовых проблем следует назвать проблемы реализации прав на землю граждан, юридических лиц, в частности в сфере сельскохозяйственного землепользования (А. А. Шингель, М. Ф. Степанко, В. И. Чувичко) [69–73]. Широкомасштабное проведение мелиорации в нашей стране и ее влияние на состояние земельных и других природных ресурсов способствовало

проведению глубоких научных исследований в данной области правового регулирования, которая лежит на стыке земельного, водного, лесного права. Здесь следует отметить диссертации В. Н. Бохурова – по проблемам правового регулирования отношений в области осушительной мелиорации [74], Т. Н. Зацепиной – по правовым проблемам мелиорации сельскохозяйственных земель [75], монографию Н. В. Сторожева, представляющую исследование правового режима мелиорированных земель [76]. Проблемы правовой охраны одного из наиболее ценных ресурсов – подземных вод – были исследованы на диссертационном уровне Т. Я. Титовниной [77]. В области использования и охраны недр, в частности торфяного фонда, плодотворную научную деятельность осуществлял Л. Н. Мороз, а некоторые его идеи, связанные с закреплением в формируемом белорусском законодательстве о недрах особенностей состава и использования ресурсов недр в Беларуси, получили реализацию только в настоящее время с принятием в 2019 году Закона Республики Беларусь «Об охране и использовании торфяников» [78; 79].

Новый этап в развитии научных исследований в области земельных и природоресурсных отношений начался с момента обретения Республикой Беларусь государственного суверенитета и формирования самостоятельной белорусской системы права. Начиная с 90-х годов XX века юридическая наука рассматривала важные для становления белорусского государства и права проблемы, затрагивающие земельные и иные природоресурсные отношения:

– проблему трансформации отношений собственности на природные ресурсы как основы государственного суверенитета и национального богатства;

– развитие правовых форм использования природных ресурсов в новых социально-экономических условиях, связанных с внедрением рыночных регуляторов в сферу природопользования;

– обеспечение прав юридических и физических лиц в сфере природоресурсных отношений.

В ранний постсоветский период научно-исследовательская деятельность представителей земельно-правовой науки была направлена на осмысление возможностей и перспектив вовлечения земель в гражданский оборот и создания на этой основе комплексной правовой отрасли земельное право, радикально отличающейся от присущего земельным отношениям в предшествующий исторический период императивного подхода в регулировании земельных отношений (этими проблемами занимались Н. В. Сторожев, А. И. Бобылев, Н. А. Шингель, Д. М. Демичев и др.). Внедрение частноправовых инструментов воздействия на участников земельных отношений в ходе земельной реформы, в том числе закрепление в отношении земельных участков системы вещных (Н. Г. Станкевич) [80] и обязательственных прав; расширение способов распределения земельных участков и иных природных ресурсов, реализация принципа платности в сфере природопользования в целом (Л. Н. Мороз) [81] и землепользования в частности (О. Н. Хоменко) [82] и другие вопросы были предметом

исследования многих работ и помогли сформировать доктринальный взгляд на перспективы эффективного развития природоресурсного права.

Вместе с тем в науке природоресурсного права всегда отстаивалась идея о целостности правового регулирования всех природоресурсных отношений, взаимосвязанных между собой в силу объективных экономических и экологических причин. Одними из первых эту тенденцию постарались отразить авторы учебного пособия «Правовой режим использования и охраны природных объектов и природных ресурсов» профессор А. И. Бобылев [83, с. 71–72], Д. М. Демичев, Н. А. Шингель. В дальнейшем Д. М. Демичев и Н. А. Шингель активно работали над подготовкой учебных изданий для юридических вузов Республики Беларусь по земельному праву и иным природоресурсным отраслям, основанным на выработанных белорусской наукой концептуальных представлениях о развитии данных правоотношений.

Тем не менее с учетом специфики отдельных природных ресурсов в современной белорусской правовой науке активно развиваются исследования отраслевого природоресурсного законодательства. На диссертационном уровне изучены проблемы управления лесным хозяйством (С. А. Балашенко) [84], организационно-правового обеспечения охраны лесов (Е. В. Лаевская) [85], право специального лесопользования (И. С. Шахрай) [86]; правовые проблемы использования и охраны животного мира (Г. И. Зайчук) [87]; различные аспекты правового режима земель (О. А. Бакиновская [88], В. В. Саскевич (Игнатович) [89], О. А. Хотько [90]); право рекреационного природопользования (Л. А. Самусенко) [91]. В дальнейшем названные и иные авторы реализовали свои идеи в многочисленных научных статьях и монографиях, посвященных отраслевым и комплексным проблемам природоресурсных отношений.

Осмысление закономерностей развития правового регулирования природоресурсных отношений вызвало интерес к историко-правовым аспектам развития земельных и иных природоресурсных отношений, которые затрагивали в работах Д. М. Демичев [92, с. 10–15; 93, с. 173–177] и Н. А. Карпович [94]. Значительное внимание уделяется природоресурсным правовым институтам в контексте общих эколого-правовым проблем: государственной собственности на природные ресурсы (Т. И. Макарова) и ее связи с экологической функцией государства (Н. А. Карпович), права природопользования как эколого-правового института.

Актуальные в научном и прикладном аспекте направления развития земельного и иных природоресурсных отраслей права продолжают оставаться в поле зрения юридической науки, особенно из-за существенного изменения концепции развития высшего образования, вызвавшего потребность в системных научных исследованиях всей сферы правового регулирования природоресурсных отношений, в том числе в связи с выделением самостоятельной учебной дисциплины «Природоресурсное право» в юридических вузах Республики Беларусь. Белорусскими учеными (Н. А. Шингель [95], И. С. Шахрай [96, с. 88–97] и др.) раз-

рабатываются современные доктринальные подходы к определению места и системы природоресурсного права, соотношения отдельных природоресурсных отраслей между собой и с экологическим правом в целом.

Усложнение общественных отношений в сфере природопользования, развитие современных направлений правового регулирования обусловили активизацию междисциплинарных научных исследований, находящихся на стыке природоресурсного права и иных отраслей юридической науки: например, правового статуса государственных органов в сфере природопользования, обеспечения защиты прав природопользователей и развития альтернативных способов разрешения споров в этой области [97] и др.

Предложенный обзор истоков и современного состояния белорусской аграрно-правовой и эколого-правовой науки Республики Беларусь дает возможность не только в сжатой форме продемонстрировать пройденный путь, но и показать максимально обобщенно, обходя излишнюю детализацию, то новое, чем отличается уже сегодня предмет отраслей правовых наук, связанных с природной средой. Настоящий этап развития аграрно-правовой и эколого-правовой науки характеризуется формированием современных доктринальных подходов, которые базируются и развиваются на основе фундамента, построенного нашими предшественниками.

Динамичное развитие аграрного, экологического и природоресурсного права, обусловленное проводимой государством аграрной политикой и политикой в области охраны окружающей среды, указывает на особую значимость данных отраслей права для общества и государства, жизни обычного человека, что проявляется в таких направлениях, как обеспечение продовольственной безопасности, благоприятного состояния окружающей среды, устойчивого развития, производства качественных и безопасных продуктов питания, защиты территории от угроз ветеринарного и фитосанитарного характера. Таким образом, государственная политика, проводимая в интересах человека и гражданина, поднимает науку аграрного и экологического права на новый уровень исследований, лежащих в сфере осмысления взаимодействия человека с окружающей средой как средой его обитания, которая кормит и поддерживает баланс здорового существования, создает посредством природного окружения эстетическую атмосферу, формирующую человека как высоконравственного члена общества и от которой в конечном счете зависит будущее человечества в планетарном масштабе.

Библиографические ссылки

1. Головко А. А. Деятельность Советов Белоруссии по осуществлению экономической политики в деревне в 1927–1936 годах. Минск, 1968.

2. Сторожев Н. В. Правовое положение колхоза на современном этапе (внутрихозяйственные аспекты). Минск, 1975.

3. Гущин И. В. Право членов колхозов на пенсию. М., 1972.

4. Круталевич В. А. Формирование сельского поселения нового типа. Минск, 1977.

5. Приходько Л. А. Деятельность государственных органов Белоруссии по осуществлению коллективизации сельского хозяйства (1929–1935 гг.) : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Белорус. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Минск, 1968.

6. Карпик В. С. Исполнение договоров контрактации сельскохозяйственной продукции (по материалам БССР) / АН БССР, Ин-т философии и права. Минск, 1975.

7. Ядевич Н. И. Правовое регулирование производственно-хозяйственной деятельности межхозяйственных предприятий (организаций) в сельском хозяйстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06. Минск, 1979.

8. Ядевич Н. И. Договорные отношения сельскохозяйственных предприятий в системе АПК. Минск, 1991.

9. Молчадская Л. Н. Правовые формы управления внутриколхозными производственными подразделениями на современном этапе: по материалам БССР : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05. Минск, 1977.

10. Мариков О. П. Правовые средства обеспечения трудовой дисциплины членов колхозов. На материалах БССР : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1987.

11. Шингель А. А. Законодательство о личном подсобном хозяйстве граждан. Минск, 1984; Шингель А. А. Право землепользования колхозов и совхозов. Минск, 1980.

12. Пухонта Н. В. Семеноводство в СССР: правовые вопросы. Минск, 1985.

13. Веленто И. И. Правовое регулирование агрохимического обслуживания сельскохозяйственных предприятий в СССР : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / Акад. наук СССР, Ин-т государства и права. М., 1983.

14. Станкевич Н. Г. Правовое обеспечение Продовольственной программы. Минск, 1986.

15. Кацубо С. П. О некоторых аспектах развития аграрно-правовой науки в Республике Беларусь // Актуальные проблемы правового регулирования аграрных, земельных отношений, природопользования и охраны окружающей среды в сельском хозяйстве : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 31 марта 2010 г. / отв. ред.: Г. Е. Быстров, В. Ф. Понька. М., 2010. С. 274–284.

16. Н. В. Сторожев: жизнь, посвященная науке // Информационно-правовая поддержка охраны окружающей среды и устойчивого развития: по материалам круглых столов / редкол.: С. А. Балашенко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2014. С. 8–11.

17. Сторожев Н. В., Кузьмич И. П. Аграрное право Республики Беларусь. Общая часть : курс лекций. Минск, 2003.

18. Кацубо С. П. Правовое регулирование деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств в Республики Беларусь // Пром.-торговое право. 2000. № 1–2.

19. Шингель Н. А. Аграрное право: ответы на экзаменационные вопросы. Минск, 2012.

20. Шингель Н. А. Правовое регулирование агропромышленного производства в условиях инновационного развития экономики // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Ин-т правовых исслед. ; редкол.: Н. А. Карпович [и др.]. Минск, 2019. Вып. 14. С. 499–505.

21. Кузьмич И. П. Основные направления правового обеспечения развития «зеленой» экономики в сельском хозяйстве // Правовое обеспечение реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь / Е. В. Лаевская [и др.] ; под ред. Е. В. Лаевской. Минск, 2017. С. 143–164.

22. Кузьмич И. П. Сравнительно-правовой анализ законодательства в сфере животноводства и растениеводства государств – членов Евразийского экономического союза // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Ин-т правовых исслед. ; редкол.: Н. А. Карпович [и др.]. Минск, 2019. Вып. 14. С. 439–446.

23. Елисеев В. С. Механизм государственно-правового регулирования аграрных отношений в государственном секторе экономики (на примере законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / НАН Беларуси, Ин-т государства и права. Минск, 2002.

24. Саскевич В. В. К вопросу об источниках правового регулирования государственной поддержки сельского хозяйства в Республике Беларусь // Актуальные проблемы совершенствования правового регулирования агробизнеса : сб. науч. тр. / Белорус. гос. сельскохозяйств. акад. ; редкол.: П. А. Саскевич (гл. ред.) [и др.]. Горки, 2016. Вып. 1. С. 348–352.

25. Шахрай И. С. Понятие права сельскохозяйственного природопользования // Право.by. 2009. № 4. С. 128–134.

26. Манкевич И. П. Некоторые вопросы правового обеспечения продовольственной безопасности Республики Беларусь в контексте развития зеленой экономики // Право в современном белорусском обществе : юбилейн. сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2017. Вып. 12. С. 571–578.

27. Чиж И. М. Виды договоров в сфере реализации сельскохозяйственной продукции // Журн. соц.-экон. и правовых исслед. 2009. № 2. С. 43–58.

28. Чиж И. М. О правовом понятии «производитель сельскохозяйственной продукции» // Право.by. 2009. № 2. С. 81–86.

29. Дереченик С. А. Правовое регулирование производственно-технического обслуживания сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь. Минск, 2004.

30. Правовые проблемы обеспечения устойчивого развития сельских территорий и эффективного функционирования агропромышленного комплекса / И. П. Кузьмич [и др.] ; под общ. ред. И. П. Кузьмич. Минск, 2013.

31. Теоретико-правовые аспекты развития аграрного законодательства Республики Беларусь в области растениеводства и животноводства [Электронный ресурс] / И. П. Кузьмич [и др.]. Минск, 2017. (Электронная библиотека БГУ).

32. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 18 февраля 1991 года «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» в ред. Закона от 19 июля 2005 года / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т государства и права. Минск, 2006.

33. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О личных подсобных хозяйствах граждан» / И. П. Кузьмич [и др.] ; науч. ред. И. П. Кузьмич. Минск, 2009.

34. Садоводческие товарищества: научно-практический комментарий к Положению о садоводческом товариществе, утвержденному Указом Президента Республики Беларусь от 28 января 2008 г. № 50 «О мерах по упорядочению деятельности садоводческих товариществ» / И. П. Кузьмич [и др.] ; науч. ред. И. П. Кузьмич. Минск, 2014.

35. Экономическое развитие и охрана природы [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи ООН, 18 дек. 1962 г., № 1831/XVII // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/1831%28XVII%29 (дата обращения: 01.06.2020).

36. Проблемы окружающей человека среды [Электронный ресурс] : резолюция Генер. Ассамблеи ООН, 3 дек. 1968 г., № 2398/XXIII // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: https://undocs.org/ru/A/RES/2398%28XXIII%29 (дата обращения: 01.06.2020).

37. Декларация конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды [Электронный ресурс] : принята в г. Стокгольм, 17 июня 1972 г. // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 01.06.2020).

38. Макарова Т. И. Белорусская научная школа экологического права: место в эколого-правовой науке современности // Роль университетского образования и науки в современном обществе : материалы междунар. науч. конф., Минск, 26–27 февр. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. Д. Король (пред.) [и др.]. Минск, 2019. С. 613–618.

39. Бобылев А. И., Балашенко С. А. Вопросы общей теории экологического права. Минск, 1991.

40. Демичев Д. М. Чернобыльская катастрофа: государственно-правовые проблемы преодоления последствий. Минск, 1997.

41. Балашенко С. А., Макарова Т. И. Международно-правовая охрана окружающей среды и права человека. Минск, 1999.

42. Карпович Н. А. Законодательная деятельность Парламента Республики Беларусь как форма реализации экологической функции государства. Минск, 2001.

43. Балашенко С. А., Лаевская Е. В., Макарова Т. И. Право на благоприятную окружающую среду (как его защитить?). Минск, 2000.

44. Балашенко С. А. Государственное управление в области охраны окружающей среды. Минск, 2000.

45. Шингель Н. А. Правовая охрана окружающей среды городов : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / НАН Беларуси, Ин-т философии и права. Минск, 1999.

46. Лизгаро В. Е. Правовой режим особо охраняемых природных территорий и объектов Республики Беларусь : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / НАН Беларуси, Ин-т философии и права. Минск, 1999.

47. Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; под ред. Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. Минск, 2008; Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко [и др.]. Минск, 2013 ; Экологическое право : учебник / С. А. Балашенко, Т. И. Макарова, В. Е. Лизгаро. Минск, 2016.

48. Правовое обеспечение безопасности на территориях радиоактивного загрязнения : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; под ред. С. А. Балашенко. Минск, 2017.

49. Макарова Т. И. Эколого-правовой статус граждан Республики Беларусь. Минск, 2004.

50. Карпович Н. А. Экологическая функция государства : в 2 ч. Минск, 2011. Ч. 1.

51. Карпович Н. А. Экологическая функция государства : в 2 ч. Минск, 2011. Ч. 2.

52. Лаевская Е. В. Защита права на благоприятную окружающую среду: проблемы теории и практики. Минск, 2016.

53. Лаевская Е. В. Правовое регулирование стратегической экологической оценки: международный и зарубежный опыт, состояние и перспективы развития в Республике Беларусь. Минск, 2017.

54. Правовые основы устойчивого развития на местном уровне / Т. И. Макарова [и др.] ; под общ. ред. Т. И. Макаровой. Минск, 2010.

55. Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности / Т. И. Макарова [и др.] ; под науч. ред. Т. И. Макаровой. Минск, 2016.

56. Лаевская Е. В., Лизгаро В. Е., Макарова Т. И. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь от 26 ноября 1992 года «Об охране окружающей среды» в редакции Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. / науч. ред.: Е. В. Лаевская, Т. И. Макарова. Минск, 2005.

57. Жлоба А. А. Правовое регулирование национальных парков : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / НАН Беларуси, Ин-т философии и права. Минск, 2006.

58. Мороз О. В. Правовое обеспечение экологической экспертизы : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06. Минск, 2008.

59. Манкевич В. В. Правовое регулирование экологического страхования. Минск, 2010.

60. Губская Н. С. Правовое обеспечение участия общественности в принятии экологически значимых решений : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06. Минск, 2009.

61. Рогожкина Т. В. Правовое регулирование лицензирования в области охраны окружающей среды : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2011.

62. Самусенко Л. А. Право рекреационного природопользования. Минск, 2014.

63. Макарова Т. И. Доктрина международного права окружающей среды: формирование, основы, содержание // Евраз. юрид. журн. 2013. № 10. С. 51–54.

64. Макарова Т. И. Доктрина экологического права: формирование, содержание, отражение в законодательстве Республики Беларусь // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2014. Вып. 9. С. 62–65.

65. Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26–27 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Т. И. Макарова (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2018.

66. Ванькович Е. Э. Правовое обеспечение экологической безопасности при использовании возобновляемых источников энергии : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

67. Речиц Е. В. Правовая охрана водно-болотных угодий : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2017.

68. Макарова Т. И., Лизгаро В. Е. Проблемы эффективности экологического права в условиях участия Республики Беларусь в интеграционных процессах // Дискуссионные проблемы теории экологического права / под общ. ред. А. П. Анисимова. М., 2020. С. 515–537.

69. Степанко М. Ф. Правовой режим приусадебных земель в сельской местности (по материалам Белорусской ССР) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.714. Харьков, 1971.

70. Степанко М. Ф. Приусадебное землепользование на селе: правовые проблемы. Минск, 1973.

71. Комментарий к Земельному кодексу Белорусской ССР / В. Н. Бохуров [и др.]. Минск, 1978.

72. Шингель А. А. Право землепользования колхозов и совхозов. Минск, 1980.

73. Степанко М. Ф., Чувичко В. И. Право землепользования граждан. Минск, 1984.

74. Бохуров В. Н. Правовое регулирование отношений в области осушительной мелиорации (по материалам Белорусской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ин-т государства и права АН СССР. М., 1965.

75. Зацепина Т. Н. Правовые проблемы мелиорации сельскохозяйственных земель (на материалах БССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. М., 1986.

76. Сторожев Н. В. Правовой режим мелиорированных земель. Минск, 1986.

77. Титовнина Т. Я. Правовая охрана подземных вод в Белорусской ССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1977.

78. Мороз Л. Н. Правовой режим торфяного фонда: по материалам БССР : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. Минск, 1986.

79. Мороз Л. Н. Торфяной фонд БССР: правовые вопросы использования и охраны. Минск, 1989.

80. Станкевич Н. Г. Вещные права на землю. Гродно, 2003.

81. Мороз Л. Н. Правовые проблемы платного природопользования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права. Минск, 1999.

82. Хоменко О. Н. Экономическое обеспечение рационального использования земель: правовой аспект // Право.by. 2009. № 1(3). С. 82–88.

83. Бобылев А. И. Некоторые вопросы регулирования права собственности на землю и другие природные ресурсы в Белорусской ССР // Совет. государство и право. 1991. № 9. С. 71–72.

84. Балашенко С. А. Правовые основы управления лесным хозяйством Республики Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Минск, 1992.

85. Лаевская Е. В. Организационно-правовое обеспечение охраны лесов в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. / Моск. юрид. акад. М., 1994.

86. Шахрай И. С. Право специального лесопользования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. акад. наук Беларуси. Минск, 2003.

87. Зайчук Г. И. Правовое регулирование охраны и использования животного мира : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т государства и права. Минск, 2001.

88. Бакиновская О. А. Правовой режим земель городов: организационно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т государства и права. Минск, 2007.

89. Саскевич В. В. Правовой режим земель промышленности, транспорта, связи, энергетики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2008.

90. Хотько О. А. Правовое регулирование ограничений и обременений прав на земельные участки : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск, 2013.

91. Самусенко Л. А. Право рекреационного природопользования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06. Минск, 2013.

92. Демичев Д. М. Земельные отношения в Великом княжестве Литовском (XIII–XVI вв.) // Юрид. журн. 2008. № 2. С. 10–15.

93. Демичев Д. М. Аграрно-земельные отношения в Беларуси в предвоенный период (1935–1941 гг.) // Право.by. 2011. № 2. С. 173–177.

94. Карпович Н. А. Деятельность государства в области охраны окружающей среды и природопользования в 1917–60-х годах XX в. // Юстыцыя Беларусі. 2011. № 8. С. 54–57.

95. Шингель Н. А., Шахрай И. С. Природоресурсное право : учеб. пособие. Минск, 2017.

96. Шахрай И. С., Шингель Н. А. Концептуальные проблемы формирования и развития природоресурсного законодательства Республики Беларусь // Юрид. наука: история и современность. 2017. № 7. С. 88–97.

97. Правовое регулирование споров в сфере природопользования и охраны окружающей среды : пособие для магистрантов, обучающихся по специальности 1-24 81 05 «Правовое обеспечение альтернативных способов урегулирования конфликтов и споров» / Н. А. Шингель [и др.] ; под ред. У. Хелльманна, С. А. Балашенко, Н. А. Шингель. Минск, 2016.

Н. В. Сторожев

(1934–2004)

доктор юридических наук

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНО-АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ[1]

Конституция Республики Беларусь 1994 г. (в редакции 1996 г.) [1], в отличие от ранее действовавшей, не содержит специального раздела об экономических основах государственной и общественной жизни. Однако необходимые конституционно-правовые предпосылки для изменения форм собственности, хозяйствования и перехода к рыночной экономике она создает, предоставляя всем равные права для осуществления хозяйственной и связанной с ней деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантируя равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности.

Конституционное положение о том, что собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами, относится и к земле, которая в соответствии с Законом Республики Беларусь от 16 июня 1993 г. «О праве собственности на землю» [2] начала передаваться в собственность граждан. Кодекс Республики Беларусь о земле 1999 г. [3] расширил круг субъектов права частной собственности на землю, включив в него наряду с гражданами и юридические лица. Вместе с тем ст. 13 Конституции Республики Беларусь (в редакции 1996 г.) содержит принципиально важное положение о том, что земли сельскохозяйственного на-

[1] Друкуецца паводле: *Сторожев Н. В.*, *Кузьмич И. П.* Правовое обеспечение земельно-аграрной реформы в Республике Беларусь // Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага універсітэта : у 7 т. / рэдкал.: А. В. Казулін (старш.) [і інш.]. Мінск, 2001. Т. 3. С. 147–167.

значения являются государственной собственностью. Воды, недра, леса вообще объявлены исключительной собственностью государства.

Вышеназванные положения Конституции Республики Беларусь и Кодекса о земле, если спроецировать их на экономическую реформу, в целом гарантируют многообразие организационно-правовых форм сельскохозяйственного производства с использованием различных форм собственности, но при одном условии: если будет поступательно-адекватным образом совершенствоваться сориентированное на развитие рыночных отношений не только «общее» законодательство, т. е. законодательство, относящееся ко всей хозяйственно-экономической сфере, но и отраслевое – земельное и аграрное законодательство. Как существенный шаг в этом направлении можно рассматривать принятие таких «основообразующих» законов Республики Беларусь, как Гражданский кодекс (1998 г.) [4] и Кодекс о земле.

К существенным и социально значимым результатам земельно-аграрной реформы в Республике Беларусь следует отнести прежде всего земельные преобразования, являющиеся составной частью аграрной реформы. Основные направления земельной реформы были определены в Постановлении Верховного Совета Республики Беларусь от 18 февраля 1991 г. «О проведении земельной реформы в республике» [5].

Констатировалось, что задача реформы состоит в перераспределении земель в целях создания условий равномерного развития различных форм хозяйствования на земле, формирования многоукладной экономики в аграрном секторе. Одной из задач проведения земельной реформы является устранение монополии колхозов и совхозов.

Предусматривалось развитие арендных отношений в сельском хозяйстве; создание крестьянских (фермерских) хозяйств, сельскохозяйственных кооперативов, малых, совместных предприятий, личных подсобных хозяйств граждан; акционирование колхозов и совхозов, перерабатывающих агропромышленных предприятий; стимулирование развития других организационно-правовых форм ведения сельскохозяйственного производства.

Все земли республики были объявлены объектом земельной реформы. На период ее проведения все вопросы регулирования земельных отношений передавались Советам депутатов в соответствии с их компетенцией. Для правового обеспечения земельной реформы и координации работ по ее проведению местными Советами депутатов создавались комиссии из числа депутатов, землеустроителей и других специалистов, а также представителей общественности.

Землеустроительная, организационная, контрольная и консультативная функции при проведении земельной реформы возлагались на специально созданный Комитет по земельной реформе и землеустройству при Совете Министров Республики Беларусь.

Постановлением Верховного Совета «О проведении земельной реформы в республике» местным Советам депутатов вменялось в обязанности:

1) организовать регистрацию граждан, желающих создать крестьянское (фермерское) хозяйство, расширить личное подсобное хозяйство, заниматься индивидуальным садоводством, получить в пользование земельные участки для огородничества, сенокошения и выпаса скота, а также счет и анализ хозяйств, предприятий, учреждений, которым выделены земли для ведения подсобного сельского хозяйства, коллективного садоводства и огородничества;

2) сформировать на территории каждого сельского (поселкового) Совета депутатов специальный фонд земельного запаса за счет нерационально используемых угодий, земель, используемых не по целевому назначению или с нарушением установленных требований;

3) определять с участием других ведомств, представителей сельских населенных пунктов потребности граждан в земельных участках для строительства и обслуживания жилого дома, ведения личного подсобного хозяйства с возможным расширением его площади, передачей этих земель в ведение сельских (поселковых) Советов депутатов.

Областным и районным Советам депутатов, Комитету по земельной реформе и землеустройству, аграрному ведомству поручалось определить возможные пути и формы преобразования неэффективно работающих колхозов и совхозов в ассоциации крестьянских хозяйств, кооперативы, а также предоставления их земель арендаторам, крестьянским хозяйствам, промышленным и другим предприятиям.

Вместе с тем обращалось внимание на недопустимость принудительного реформирования колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий. Одновременно было установлено, что при отказе колхозом, совхозом в выделении конкретного земельного участка членам колхозов, работникам совхозов, выходящим из их состава для создания крестьянского хозяйства, районный Совет депутатов вправе самостоятельно, но при условии заключения земельной комиссии, определять месторасположение земельного участка и его размеры и принимать окончательное решение.

Комитет по земельной реформе и землеустройству и землеустроительные органы областного уровня были наделены правом принимать решения об изъятии у землевладельцев и землепользователей неиспользуемых и нерационально используемых земель и предоставлении их гражданам для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, личного подсобного хозяйства, коллективного садоводства и огородничества, в случаях непринятия этих решений районными органами управления.

Правовой механизм создания резерва земель для предоставления гражданам определен специальным Положением о порядке систематического выявления неиспользуемых и нерационально используемых земель и формирования специального фонда земельного запаса местных Советов депутатов, утвержденным Правительством Республики Беларусь от 15 июля 1991 г. [6].

Особо важным направлением земельной реформы является совершенствование законодательства, регулирующего право собственности на землю, поскольку

советское земельное законодательство закрепляло право государственной собственности на землю как единственный и монопольный источник возникновения земельных отношений.

Реализуя нормы законодательства об обеспечении государством равных прав, необходимых для развития всех форм собственности, и гарантии их защиты, Верховный Совет республики принял 1 октября 1991 г. постановление «О признании права частной собственности на землю на территории Республики Беларусь» [7], которое повлекло за собой кардинальные изменения в земельном законодательстве республики. Во исполнение этого постановления была разработана концепция Закона о праве собственности на землю, которая исходила из необходимости введения трех форм земельной собственности: государственной, коллективной и частной. Проект этого Закона был принят 15 марта 1992 г. в первом чтении. Однако в процессе дальнейшего обсуждения проекта Верховный Совет внес изменение в первоначально принятую концепцию, отказавшись от коллективной формы собственности на землю.

Закон «О праве собственности на землю», принятый Верховным Советом Республики Беларусь 16 июня 1993 г., закрепил две формы собственности – государственную и частную. Причем собственниками земли могли быть только граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие на ее территории или приравненные к постоянно проживающим. Однако данный Закон (в редакции от 24 декабря 1997 г.) [8] расширил круг субъектов права частной собственности на землю. Право приобретать земельные участки в собственность для определенных целей получили также юридические лица, в том числе с иностранными инвестициями. Порядок передачи земельных участков из собственности Республики Беларусь в собственность юридических лиц, в том числе с иностранными инвестициями, регулируется в настоящее время специальным Положением, утвержденным Указом Президента от 22 февраля 2000 г. № 81 [9].

Закон установил цели, для которых граждане могли приобретать в собственность земельные участки. Это – ведение личного подсобного хозяйства, строительство и обслуживание жилого дома, садоводство и дачное строительство.

Одновременно закреплялся исчерпывающий перечень земель, которые не подлежат передаче в частную собственность.

К ним отнесены: земли общего пользования (площади, улицы, проезды, дороги, набережные, парки, лесопарки, бульвары, скверы и т. п.); земли транспорта и связи, предоставленные для нужд обороны; земельные участки на территориях, подвергшихся радиоактивному загрязнению вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС (зона эвакуации (отчуждения) и первоочередного отселения); земли заповедников, национальных и дендрологических парков, ботанических садов, заказников, памятников природы и архитектуры; земли оздоровительного, рекреационного и историко-культурного назначения; земли лесного и водного фонда, сенокосы, пастбища и другие угодья населенных пунктов, используемые для общих нужд населения; земельные участки, предоставленные или предоставляемые гражданам для ведения личного подсобного

хозяйства, для садоводства и дачного строительства, если в соответствии с генеральными планами, проектами планировки и застройки городов и других населенных пунктов предусмотрено иное целевое использование этих участков; служебные земельные наделы; земли населенных пунктов, дачных и садоводческих товариществ на площадях залегания разведанных и в установленном порядке утвержденных месторождений полезных ископаемых. Перечень таких населенных пунктов, дачных и садоводческих товариществ утверждается Правительством Республики Беларусь.

Белорусский законодатель отказался от бесплатной передачи земель в собственность граждан. Земля передается за плату. Граждане, имеющие во владении земельные участки, предоставленные им до принятия Закона «О праве собственности на землю» для ведения личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, садоводства и дачного строительства, имели право приобрести по льготной цене только один из этих участков. Нуждающиеся в улучшении жилищных условий в соответствии с жилищным законодательством приобретают в собственность земельный участок также по льготной цене, установленной в размере пятикратной ставки земельного налога, уплачиваемого за эту землю в соответствии с Законом Республики Беларусь «О платежах за землю» [10] на момент выкупа. Цена земли по сделкам между гражданами устанавливается участниками сделки. Во всех остальных случаях земельные участки приобретаются в собственность по так называемой нормативной цене и по договорной цене (не ниже нормативной), если это предусмотрено законодательством Республики Беларусь.

Нормативная цена земли при продаже ее гражданам местными исполнительными и распорядительными органами устанавливается Правительством республики, исходя из качества земли и ее месторасположения. В соответствии с постановлением Правительства Республики Беларусь от 7 октября 1993 г. «О нормативных ценах на земли, передаваемые в частную собственность граждан» [11] районные, городские (поселковые) органы при передаче в собственность граждан земель могут понижать нормативные цены на земли, но не более чем на 50 % в зависимости от их мелиоративного состояния и т. д. Решение о понижении нормативных цен на земли, расположенные в сельских населенных пунктах и передаваемые в собственность граждан для строительства и обслуживания жилого дома, ведения личного подсобного хозяйства, принимает районный Совет депутатов на основании ходатайства соответствующего сельского Совета депутатов по заявлению гражданина.

Согласно правилу, установленному Законом «О праве собственности на землю», граждане сохраняли права на приобретение земельного участка по льготной цене до 1 января 1997 г. Новый Кодекс Республики Беларусь о земле продлил этот срок до 1 января 2000 г. После истечения указанного срока земельный участок может быть приобретен в собственность только по нормативной цене.

Следует также отметить, что Кодекс Республики Беларусь о земле 1999 г. воспроизводит все основные положения о праве собственности на землю, которые

содержались в Законе «О праве собственности на землю» (в редакции от 24 декабря 1997 г.).

Действующее законодательство подробно регулирует основания прекращения права собственности на землю. Право собственности на земельный участок или его часть прекращается в случаях: добровольного отчуждения земли соответствующему исполнительному и распорядительному органу; ликвидации юридического лица, которому был передан земельный участок в собственность; принудительного изъятия земельного участка, а также в иных случаях, предусмотренных законодательством. Например, при неисполнении залогодателем обеспеченного залогом обязательства, т. е. при невозвращении банку денежного кредита.

Принудительное изъятие земельных участков, находящихся в частной собственности, может иметь место только по решению суда и в определенных законодательными актами случаях: для государственных и общественных нужд; при систематическом невнесении земельного налога; в случаях утраты гражданства Республики Беларусь; в случае выкупа земельного участка, приобретенного для ведения личного подсобного хозяйства, не имеющими права приобретения земельного участка в собственность; при использовании земельного участка не по целевому назначению; при неиспользовании в течение одного года земельного участка, приобретенного для ведения личного подсобного хозяйства, и двух лет – в остальных случаях; при невыполнении требований природоохранного режима использования земель; при использовании земельного участка способами, приводящими к снижению плодородия почв, их химическому и радиоактивному загрязнению, ухудшению экологической обстановки.

В то же время следует особо отметить, что реализация прав собственников гарантируется тем, что все споры, связанные с правом собственности на землю, рассматриваются в судебном порядке.

Со времени введения в республике права частной собственности на землю прошло более восьми лет. В республике создана необходимая нормативно-правовая база, регламентирующая механизм передачи земель в собственность гражданам и юридическим лицам. На смену Закону «О праве собственности на землю» пришел Кодекс о земле 1999 г. Важную роль имеют постановления Правительства Республики Беларусь: «О нормативных ценах на земли, передаваемые в частную собственность граждан» (1993 г.); «О порядке выкупа земельных участков» (1993 г.) [12]; «Об утверждении формы договора купли-продажи земельного участка» (1993 г.) [13].

За прошедший период сотни тысяч граждан республики получили в собственность земельные участки. В ходе передачи земли в частную собственность накоплен определенный опыт. Поэтому, как бы ни оценивать возрождение частной собственности на землю, с точки зрения ее исторической перспективы факт налицо: в Республике Беларусь начал зарождаться и функционировать земельный рынок, хотя и с ограниченным кругом субъектов земельных правоотношений.

Между тем в белорусском обществе, его политических и научных кругах нет единого подхода к проблеме полномасштабного введения частной собственности на землю. Сложившаяся ситуация побудила Президента республики еще в 1996 г. вынести на референдум вопрос о частной собственности на землю. Он был сформулирован следующим образом: «Выступаете ли Вы за свободную, без ограничений, куплю и продажу земли?» Более шести миллионов граждан приняли участие в голосовании по данному вопросу. Из них лишь 948 756 человек, или 15,35 %, высказались за неограниченную куплю и продажу земли, а 5 123 386 человек, или 82,88 %, выступили против [14]. Несмотря на впечатляющие итоги референдума, следует иметь в виду, что референдум о земле носил не обязательный, а консультативный характер. Поэтому политическая борьба за полномасштабное введение частной собственности на землю будет продолжаться.

С проводимой земельной реформой неразрывно взаимосвязаны и аграрные преобразования, поскольку в сельском хозяйстве земля выступает как основное и незаменимое средство производства. Однако земельная и аграрная реформы полностью не совпадают. Земельная реформа связана с введением права частной собственности на землю и касается не только сельскохозяйственных предприятий, но и остальных субъектов земельных правоотношений. В свою очередь, основу аграрной реформы составляют преобразование самих субъектов сельскохозяйственной деятельности, а также преобразование отношений в сфере государственного регулирования сельского хозяйства в целом.

Современное аграрное законодательство, все его институты неразрывно связаны с социально-экономическими преобразованиями, проводимыми в стране с начала 90-х гг. Перестройка системы планирования, финансирования, ценообразования, банковской системы, земельных отношений, отношений собственности не могла не оказать своего влияния и на правовое регулирование отношений в сельском хозяйстве, которое выступает в качестве неотъемлемой части экономической системы.

Таким образом, преобразование аграрных отношений на современном этапе является объективной необходимостью. Она предопределена проводимой реформой экономических отношений, нашедшей отражение в таких нормативных актах, как Закон о собственности (1991 г.) [15], Закон об аренде (1990 г.) [16], Закон о предприятиях (1990 г.) [17], Закон о предпринимательстве (1991 г.) [18], Закон о разгосударствлении и приватизации государственной собственности (1993 г.) [19] и др. Однако наличие данных нормативных актов еще не является достаточным для осуществления преобразований в аграрной сфере. Для этого требуется также адекватное развитие аграрного законодательства, которое в настоящее время находится лишь в стадии своего становления.

Начало развитию аграрного законодательства Республики Беларусь положило принятие законов: «О приоритетном социально-культурном и экономическом развитии села и агропромышленного комплекса» (1991 г.) [20]; «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (1991 г.) [21]; «О племенном деле

в животноводстве» (1994 г.) [22]; «О ветеринарном деле» (1994 г.) [23]; «О патентах на сорта растений» (1995 г.) [24]; «О семенах» (1997 г.) [25].

Наличие аграрного законодательства позволяет, с одной стороны, осуществлять комплексное правовое регулирование аграрных отношений с учетом специфики ведения сельского хозяйства, с другой – ставит основной своей целью создание правовой основы для эффективного развития сельскохозяйственного производства, способного обеспечить продовольственную безопасность страны, потребности населения в качественных продуктах питания, промышленности (в соответствующем сырье) и поставку конкурентоспособной сельскохозяйственной продукции на мировой рынок.

В Республике Беларусь как на доктринально-научном, так и на официально-правительственном уровне предпринимались попытки разработать концепцию аграрной реформы, однако до настоящего времени они не увенчались успехом. И прежде всего потому, что сторонники активных рыночных реформ в агропромышленном комплексе (АПК) не в состоянии пока предложить рациональную альтернативу реально функционирующим крупным сельскохозяйственным производителям в лице колхозов и совхозов, которые худо-бедно, но реально обеспечивают страну продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.

Видимо, именно поэтому в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации и других государств – участников СНГ, в последние годы не было жестких правовых предписаний об обязательной реорганизации колхозов и совхозов в так называемые структуры рыночного типа. Думается, не случайно Президент Республики Беларусь неоднократно отмечал, что при решении проблем АПК следует говорить не столько о реформировании сельскохозяйственных предприятий, сколько о совершенствовании их производственно-хозяйственной деятельности в новых экономических условиях. Да и негативный опыт аграрных реформ у наших соседей не располагает Республику Беларусь к проведению аналогичных реформ.

Между тем практика проведения аграрной реформы в Республике Беларусь свидетельствует, что она проводится на слабой правовой основе. До последнего времени продолжается стихийный (правда, медленный) процесс реорганизации сельскохозяйственных предприятий. Функционируют хозяйства, где сформированы долевые имущественные фонды, есть попытки выделения и земельных паев, хотя для этого нет правовой основы. В отдельных хозяйствах созданы внутрипроизводственные кооперативы. На базе некоторых колхозов и совхозов созданы коллективные сельскохозяйственные предприятия, общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества и т. д.

Однако стихийно-самодеятельные преобразования в сельском хозяйстве республики, ориентированные на свободный рынок, не приносят ожидаемых результатов, а нередко ухудшают экономическое положение предприятий. Более того, в значительной степени подрываются основы крупного товарного производства, разрываются сложившиеся производственно-экономические отношения. Происходит дезинтеграция производства и его изоляция. В условиях недостаточности мер государственной поддержки и протекционизма в отношении

сельского хозяйства, падения ресурсного потенциала хозяйств, отставания законодательной базы реформирования агропромышленного комплекса наблюдается даже дискредитация идей, положенных в основу реформирования действующих организационно-правовых форм сельскохозяйственного производства.

Тем не менее аграрная реформа в республике набирает силу. Важным ее направлением является возникновение и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств. Действующий в Республике Беларусь Закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 18 февраля 1991 г. рассматривает крестьянские хозяйства в качестве самостоятельных субъектов аграрных отношений, деятельность которых основана преимущественно на личном труде членов одной семьи, совместно ведущих товарное производство сельскохозяйственной продукции.

В Республике Беларусь осуществляются меры как организационно-правового, так и финансово-экономического характера по поддержке этого направления аграрной реформы. Они нашли соответствующее отражение в ряде нормативно-правовых актов, непосредственно направленных на развитие крестьянских (фермерских) хозяйств.

Так, Указом Президента Республики Беларусь от 3 марта 1998 г. № 95 «О мерах по развитию крестьянских (фермерских) хозяйств и усилению их государственной поддержки» [26] районные исполнительные и распорядительные органы были наделены правом предоставлять гражданам Республики Беларусь по их желанию для ведения крестьянских (фермерских) хозяйств в пожизненное наследуемое владение земельные участки площадью до 100 гектаров без учета размера земельного участка, который предоставлен для строительства, обслуживания жилого дома и ведения личного подсобного хозяйства. При этом предписывалось, что при организации крестьянских (фермерских) хозяйств должны выделяться земельные участки, пригодные для ведения сельского хозяйства и не требующие значительных затрат на первичное обустройство.

Предприятиям государственной формы собственности было разрешено, а колхозам рекомендовано передавать крестьянским (фермерским) хозяйствам неиспользованные здания, сооружения, машины и оборудование в аренду с последующим их выкупом и отсрочкой до 3 лет с начала внесения арендной платы.

Совету Министров Республики Беларусь и Национальному банку вменено в обязанность ежегодно при разработке проекта бюджета и определении денежно-кредитной политики предусматривать выделение средств для выдачи крестьянским (фермерским) хозяйствам кредитов с уплатой процентов за пользование ими в размере не более половины ставки рефинансирования Национального банка, начиная со второго года после получения кредита. При предоставлении кредитов на создание и развитие крестьянских (фермерских) хозяйств в качестве гарантии их возврата разрешено использовать под залог имущество крестьянских (фермерских) хозяйств, включая урожай сельскохозяйственных культур. Министерству сельского хозяйства и продовольствия, Министерству экономики, Министерству финансов предписано выделять за счет средств республиканского бюджета, предусмотренных на финансирование крестьянских (фермерских) хозяйств, ссуды на возвратной основе для укрепления материально-технологической базы этих хозяйств.

Указом Президента Республики Беларусь от 1 апреля 1998 г. № 193 «О некоторых мерах по совершенствованию регулирования деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств» [27] признано целесообразным заключение между крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и соответствующими райисполкомами договоров о развитии сельскохозяйственного производства, осуществляемого этими хозяйствами. Установлено, что в указанных договорах должны предусматриваться:

- условия предоставления крестьянскому (фермерскому) хозяйству земли и пользования ей;
- основные направления деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, структура и объемы производства сельскохозяйственной продукции;
- обязательства райисполкома по оказанию крестьянскому (фермерскому) хозяйству помощи в обеспечении сельскохозяйственной техникой, инвентарем, оборудованием, транспортными средствами и другим необходимым имуществом;
- взаимные обязательства сторон по развитию сельскохозяйственного производства, осуществляемого крестьянским хозяйством;
- другие условия, не противоречащие законодательству.

На Совет Министров Республики Беларусь совместно с облисполкомами возложена обязанность обеспечивать заключение с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами указанных договоров. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 апреля 1998 г. утвержден Типовой договор между крестьянским (фермерским) хозяйством и райисполкомом о развитии сельскохозяйственного производства и порядок заключения соответствующего договора [28].

Установлено, что при заключении договора между крестьянским (фермерским) хозяйством и райисполкомом о развитии сельскохозяйственного производства стороны должны учитывать основные направления деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, структуру и объемы производимой им сельскохозяйственной продукции, необходимость принятия мер к предотвращению или уменьшению ущерба, который может возникнуть в связи с ненадлежащим исполнением сторонами взаимных обязательств, и своевременное информирование сторон об этих мерах, а также оказание содействия в исполнении обязательств.

В последнее время активизировалась также деятельность государства по финансовому оздоровлению и кредитному обеспечению предприятий и организаций агропромышленного комплекса. Так, в целях повышения эффективности деятельности неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий Указом Президента республики от 3 марта 1998 г. № 97 «О финансовом оздоровлении и реформировании неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий» [29] установлено, что неплатежеспособные сельскохозяйственные предприятия, которые после оказания им государственной поддержки не могут рентабельно осуществлять хозяйственную деятельность и погасить долги, реформируются с использованием организационно-правовых форм хозяйствования, предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

Предоставлено право предприятиям всех форм собственности в установленном порядке передавать неплатежеспособным сельскохозяйственным предприятиям в аренду неиспользуемые здания, сооружения, машины и оборудование с последующим выкупом переданного имущества и отсрочкой платы.

В соответствии с данным Указом Президента Советом Министров Республики Беларусь определен перечень неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий, подлежащих финансовому оздоровлению в 1998–1999 гг. На облисполкомы и райисполкомы возлагалась обязанность:

- разработать программы реструктуризации и финансового оздоровления каждого сельскохозяйственного предприятия, признанного в установленном порядке неплатежеспособным;
- провести аттестацию руководителей неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий и при необходимости предпринять меры по укреплению данных предприятий кадрами;
- при ликвидации неплатежеспособных сельскохозяйственных предприятий разработать проекты использования их земель, предусмотрев компактное размещение землепользования новых субъектов хозяйствования для эффективного ведения товарного сельскохозяйственного производства, рационального использования и охраны земель.

В республике идет процесс объединения (присоединения) реорганизованных (ликвидированных) убыточных сельскохозяйственных предприятий с промышленными и обслуживающими сельское хозяйство предприятиями. В целях усиления заинтересованности промышленных и обслуживающих сельское хозяйство предприятий в объединении с низкорентабельными сельскохозяйственными предприятиями и повышения эффективности сельскохозяйственного производства Указом Президента Республики Беларусь от 15 января 1999 г. № 29 [30] установлено, что промышленным и обслуживающим сельское хозяйство предприятиям, объединившимся в 1998–1999 гг. с низкорентабельными колхозами, совхозами и другими сельскохозяйственными предприятиями в процессе их ликвидации (реорганизации) и осуществляющим сельскохозяйственную деятельность, оказывается государственная поддержка на условиях, предуысмотренных для колхозов, совхозов и иных сельскохозяйственных предприятий.

Вышеназванные промышленные и обслуживающие сельское хозяйство предприятия освобождаются от уплаты многих видов налогов. Однако налоговые льготы предоставляются указанным предприятиям лишь при условии, если в объеме реализованной продукции, работ и услуг этих предприятий сельскохозяйственная продукция составит не менее 30 %, а начисленные по льготам суммы будут направлены на развитие материально-технической базы сельскохозяйственного производства, погашение краткосрочных финансовых обязательств. При нецелевом использовании этих сумм данные платежи взыскиваются в бюджет. Устанавливались и другие льготы вышеназванным предприятиям в сфере кредитно-финансовых отношений.

Кроме того, для сельскохозяйственных организаций с 2000 г. предусмотрена возможность перехода на упрощенную систему налогообложения в связи

с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 13 июля 1999 г. № 27 «О введении единого налога для производителей сельскохозяйственной продукции» [31].

Тем не менее для сельского хозяйства в целом характерно существенное отставание проводимых преобразований по сравнению с другими отраслями экономики, что во многом обусловлено недостаточностью законодательной базы в сфере правового регулирования аграрных отношений.

Одной из наиболее важных проблем остается проблема определения правового статуса сельскохозяйственных организаций, приведения их учредительных документов в соответствие с нормами гражданского законодательства.

Декретом Президента Республики Беларусь от 16 ноября 2000 г. № 22 «О внесении изменений и дополнений в Декрет Президента Республики Беларусь от 16 марта 1999 г. № 11 и некоторых вопросах государственной регистрации отдельных юридических лиц» [32] были продлены сроки приведения учредительных документов в соответствие с нормами действующего законодательства: для колхозов – до 1 июля 2003 г.; для совхозов, других сельскохозяйственных организаций и организаций, обслуживающих сельское хозяйство, – до 1 июля 2001 г.

Однако, несмотря на продление сроков, до настоящего времени так и не была создана правовая основа для реформирования отношений в сельском хозяйстве, что существенно тормозит процесс преобразования сельскохозяйственных предприятий (колхозов, совхозов) в современные организационно-правовые формы коммерческих организаций, предусмотренные Гражданским кодексом.

Рассмотрим более подробно данную проблему на примере колхозов, которые остаются основными производителями сельскохозяйственной продукции в Республике Беларусь.

Проблема изменения правового статуса колхозов возникла в связи с принятием нового Гражданского кодекса Республики Беларусь, в котором был установлен исчерпывающий перечень организационно-правовых форм коммерческих организаций в виде: хозяйственных обществ и товариществ, унитарных предприятий и производственных кооперативов.

Срок приведения учредительных документов в соответствие с законодательством для юридических лиц первоначально был определен непосредственно в самом Гражданском кодексе, ч. 2 ст. 1141 которого устанавливала: «Юридические лица, созданные до официального опубликования настоящего Кодекса, если их виды соответствуют предусмотренным Кодексом, до 1 июля 1999 г. обязаны привести свои учредительные документы в соответствие с Кодексом».

Колхозы, являясь в соответствии с Законом «О кооперации в СССР» [33] по организационно-правовой форме производственными кооперативами, должны были привести свои учредительные документы в соответствие с нормами Гражданского кодекса уже к 1 июля 1999 г.

Однако проблема заключалась в том, что одних норм Гражданского кодекса было недостаточно для регламентации правового статуса производственных кооперативов, учитывая изменения в правовом режиме имущества и систе-

ме органов управления, которые предусмотрены для данной организационно-правовой формы. Они столь существенны, что свидетельствуют не просто о необходимости внесения обычных изменений в учредительные документы, а фактически о реорганизации и реформировании такой организационно-правовой формы, как производственный кооператив, а следовательно, и колхозов. Например, обязательным является внесение паевых взносов, деление имущества производственного кооператива на паи, субсидиарная ответственность членов по долгам кооператива, вводится новый орган управления – наблюдательный совет. Компетенция наблюдательного совета Гражданским кодексом не определяется, лишь устанавливается, что членами наблюдательного совета могут быть только члены кооператива, при этом член наблюдательного совета не может быть одновременно членом правления либо председателем кооператива, исполнительные органы кооператива подотчетны наблюдательному совету.

Кроме того, специфика создания на базе колхозов и иных сельскохозяйственных предприятий коммерческих организаций не могла быть учтена непосредственно в Гражданском кодексе, поскольку он определяет общие черты правового статуса каждой организационно-правовой формы юридических лиц, независимо от специализации их производственно-хозяйственной деятельности. В свою очередь, в п. 3 ст. 107 Гражданского кодекса содержится норма о том, что правовое положение производственных кооперативов, права и обязанности их членов должны определяться в соответствии с законодательством о производственных кооперативах, которое до настоящего времени не принято.

Таким образом, приведение учредительных документов в соответствие с нормами ГК в первоначальные сроки по объективным причинам для производственных кооперативов, в том числе сельскохозяйственных, представлялось достаточно проблематичным. В связи с этим, как мы полагаем, данные сроки и были продлены, в частности для колхозов, как уже отмечалось выше, до 1 июля 2003 г.

В то же время, например, в Российской Федерации еще в 1992 г. был принят новый Примерный устав сельскохозяйственного производственного кооператива, осуществлена реорганизация колхозов, введен в действие Гражданский кодекс [34] и на основании его – Закон «О сельскохозяйственной кооперации» [35].

С 1997 г. на основании Закона «О сельскохозяйственной кооперации» [36] осуществляют свою деятельность и сельскохозяйственные кооперативы на Украине. В итоге была создана правовая основа для развития и функционирования не только сельскохозяйственных производственных кооперативов, но и различных видов потребительских кооперативов в сельском хозяйстве.

В Республике Беларусь до настоящего времени отсутствует законодательство о сельскохозяйственной кооперации. И только 2 февраля 2001 г. Указом Президента Республики Беларусь был утвержден Примерный устав колхоза (сельскохозяйственного производственного кооператива) [37], которым определяется правовой статус лишь одного из видов сельскохозяйственных кооперативов. Кроме того, принятие нового Примерного устава колхоза привело

к возникновению противоречий с нормами Гражданского кодекса о производственных кооперативах и вновь сделало актуальным вопрос о соотношении кооперативной и колхозной системы, о возможности отождествления колхоза с производственным кооперативом. В связи с этим определенный интерес представляет рассмотрение данной проблемы в историческом аспекте.

Как известно, термин «колхоз» расшифровывается как коллективное хозяйство. Анализ советского законодательства 20–30-х гг. свидетельствует о том, что процесс становления коллективных хозяйств, которые первоначально были представлены товариществами по совместной обработке земли, коммунами и артелями, сопровождался двумя противоположными тенденциями.

На первом этапе становления колхозов обсуждалась проблема вовлечения сельскохозяйственных коммун и артелей в кооперативное строительство, перевода их в кооперативные организации, в том числе на общекооперативный устав [38]. Постепенно коллективные хозяйства стали рассматриваться как наиболее сложная форма кооперативного строительства и как самостоятельный тип сельскохозяйственной кооперации [39]. К коллективным хозяйствам непосредственно применялся термин «кооперативная организация» [40], а их деятельность зачастую регламентировалась нормативными актами о сельскохозяйственной кооперации.

С другой стороны, прослеживалась явная тенденция противопоставления коллективных и кооперативных хозяйств, в том числе сельскохозяйственных производственных кооперативов, колхозам. Например, в налоговом законодательстве устанавливались различные ставки налогообложения для кооперативных хозяйств, применяющих общественную обработку земли, и для коллективных хозяйств, в пользу последних [41]. Ставилась задача – обеспечить неуклонное перерастание первичных кооперативно-производственных объединений в крупные коллективные хозяйства [42]. Производственная сельскохозяйственная кооперация рассматривалась как способ перехода от единоличных крестьянских хозяйств к коллективным хозяйствам. Для сельскохозяйственных производственных кооперативов был предусмотрен свой порядок накопления паевых и неделимых капиталов, который не распространялся на паевое накопление в коллективных хозяйствах [43]. В 1929 г. начался процесс ликвидации специальных сельскохозяйственных кооперативных организаций по снабжению с передачей функций сбыта и снабжения производственным кооперативам и коллективным хозяйствам [44]. А в 1930 г. законодательно был определен правовой механизм по преобразованию сельскохозяйственных производственных кооперативов в коллективные хозяйства [45]. В дальнейшем в основных нормативных актах, которыми определялся правовой статус колхозов, например в Примерном уставе артели 1930, 1935 гг., термины «кооператив» или «сельскохозяйственный производственный кооператив» применительно к коллективным хозяйствам не использовались.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что сельскохозяйственные производственные кооперативы и коллективные хозяйства отнюдь не отождествлялись. Коллективное хозяйство представляло собой самостоятель-

ную организационно-правовую форму ведения сельскохозяйственного производства. И если в период коллективизации шел процесс преобразования производственных кооперативов в коллективные хозяйства, то с принятием Закона «О кооперации в СССР», в соответствии с которым колхоз стал рассматриваться как форма сельскохозяйственного производственного кооператива, наметился обратный процесс – процесс преобразования коллективных хозяйств в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Реализация норм Гражданского кодекса о производственных кооперативах применительно к колхозам могла привести к завершению данного процесса и фактической ликвидации колхоза как организационно-правовой формы.

Однако утверждение Примерного устава колхоза 2001 г. свидетельствует о сохранении колхоза в качестве самостоятельной организационно-правовой формы ведения сельскохозяйственного производства, а также ставит под сомнение возможность отождествления на современном этапе развития законодательства колхозов с формой производственного кооператива. Это обусловлено наличием существенных противоречий между нормами Примерного устава колхоза и нормами Гражданского кодекса о производственных кооперативах.

Так, в соответствии с Гражданским кодексом под производственным кооперативом (артелью) понимается коммерческая организация, участники которой обязаны внести имущественный паевой взнос, принимать личное трудовое участие в его деятельности и нести субсидиарную ответственность по обязательствам производственного кооператива в равных долях, если иное не определено в уставе, в пределах, установленных уставом, но не меньше величины полученного годового дохода в производственном кооперативе. Имущество, находящееся в собственности производственного кооператива, подлежит разделу на паи его членов. Система органов управления представлена в виде общего собрания членов кооператива, наблюдательного совета, правления и (или) председателя.

В соответствии с нормами Примерного устава колхоза «колхоз (сельскохозяйственный производственный кооператив) является коммерческой организацией, созданной гражданами на основе добровольного членства для совместной деятельности по производству, переработке, сбыту сельскохозяйственной продукции, а также иной не запрещенной законодательством деятельности». Для членства в колхозе не требуется внесение паевого взноса. Трудовое участие в деятельности колхоза, с одной стороны, является обязательным для членов колхоза, с другой – членство сохраняется за членами колхоза, прекратившими работу в связи с выходом на пенсию по возрасту или инвалидности и в других случаях, установленных общим собранием членов колхоза. Система органов управления состоит из общего собрания членов колхоза, правления и председателя. В качестве контролирующего органа выступает ревизионная комиссия. Несмотря на нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь о наблюдательном совете, создание данного органа в колхозах не предусмотрено. Колхоз имеет право, но не обязан привлекать при необходимости на добровольной основе денежные и имущественные взносы членов колхоза, юридических и физических лиц, а также создавать долевой фонд членов колхоза за счет вновь создаваемых

собственных средств основных фондов. Все остальное имущество, как основные, так и оборотные фонды, является неделимым. Колхоз не отвечает по обязательствам и долгам членов колхоза. Члены колхоза не отвечают своим имуществом по обязательствам и долгам колхоза.

Таким образом, с одной стороны, колхоз называется производственным кооперативом, с другой – практически ни один из признаков производственного кооператива, установленных в Гражданском кодексе, не нашел отражения в нормах Примерного устава колхоза. При этом противоречия имеют место не только между нормами Примерного устава колхоза и Гражданского кодекса, а также между Декретом Президента Республики Беларусь от 16 ноября 2000 г. № 22 и Указом Президента Республики Беларусь от 2 февраля 2001 г. № 49. Так, в Положении о государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, новая редакция которого утверждена вышеназванным Декретом, предусмотрено требование к учредительным документам сельскохозяйственного производственного кооператива об обязательном указании субсидиарной ответственности членов по долгам кооператива, в то время как в Примерном уставе колхоза, утвержденном названным Указом, нормы о субсидиарной ответственности членов колхоза отсутствуют.

В рамках действующего законодательства сложившаяся ситуация может быть разрешена либо путем приведения норм Примерного устава колхоза в соответствие с гражданским законодательством, либо внесением соответствующих изменений в Гражданский кодекс.

На наш взгляд, основная проблема заключается в императивности норм Гражданского кодекса, устанавливающих исчерпывающий перечень видов коммерческих организаций, среди которых не нашлось места такой форме, как колхоз.

Негативное отношение к колхозам во многом было обусловлено преобладанием в юридической литературе с начала 90-х гг. точки зрения об огосударствлении колхозов, в связи с чем делался вывод о несостоятельности последних как организационно-правовой формы ведения сельскохозяйственного производства, что, на наш взгляд, не является верным.

Прежде всего необходимо отметить, что в советский период государственные и кооперативные предприятия отнюдь не отождествлялись. Если государственным предприятиям имущество предоставлялось только на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, то применительно к колхозам право распоряжения имуществом и денежными средствами закреплялось за самим колхозом в лице его компетентных органов управления. Колхоз был имущественно обособлен не только от государства, но и от иных субъектов хозяйствования. Важнейшим специфическим признаком, присущим колхозам и отличающим их от государственных предприятий, выступали также членские отношения между колхозом как хозяйствующей организацией и колхозниками, на основе которых была построена вся система внутриколхозных управленческих, имущественных, трудовых и иных правоотношений.

Таким образом, формально-юридически за колхозами всегда закреплялось право собственности на имущество, и они рассматривались в качестве самостоятельных субъектов хозяйствования. Проблема заключалась лишь в возможностях и пределах реализации предоставленных им прав.

Как отмечает, например, доктор экономических наук Е. Г. Лысенко, «по своей природе колхозы являлись той организационно-правовой формой хозяйствования, которая, не изменяя своего статуса, могла быстро адаптироваться к новым экономическим условиям функционирования, формировать рыночный тип поведения предприятия» [46, с. 90].

По нашему мнению, причина так называемого огосударствления колхозов, а следовательно и неэффективности части из них, кроется не столько в их организационно-правовой форме, сколько в проводимой аграрной политике государства, экономических условиях хозяйствования. Подтверждением тому служит правовое положение сельскохозяйственных предприятий в настоящее время. Независимо от их организационно-правовой формы по отношению к ним действует жесткая система государственного заказа на сельскохозяйственную продукцию [47]; предусмотрено заключение контрактов с руководителями сельскохозяйственных предприятий негосударственной формы собственности, другой стороной в которых выступают исполнительно-распорядительные органы [48]; определяется структура, объемы производства [49] и т. п. Данные способы правового регулирования касаются всех сельскохозяйственных предприятий, и организационно-правовая форма не имеет никакого значения. В современных экономических и правовых условиях ведения сельскохозяйственного производства можно говорить об огосударствлении уже не только колхозов, но и создаваемых в сельском хозяйстве акционерных обществ, обществ с ограниченной ответственностью и т. д. В то же время даже в данных условиях имеется немало колхозов, которые вполне успешно ведут сельскохозяйственное производство. Практика проведения аграрной реформы в Российской Федерации, где процесс реформирования колхозов носил более последовательный характер, также свидетельствует, что реорганизация колхозов не способствовала повышению эффективности сельского хозяйства. При этом сохранение организационно-правового статуса позволило многим колхозам постепенно перейти к хозяйствованию по правилам рыночных отношений, сохранив трудовые коллективы и крупнотоварное производство [46, с. 92]. В юридической литературе также отмечается, что «в настоящее время на уровень производства в меньшей степени воздействуют факторы, связанные с формами хозяйствования, а в большей степени – общие экономические условия, в которых сельскохозяйственным предприятиям приходится вести производство» [50, с. 27].

Поэтому представляется более целесообразным на первоначальном этапе проведения аграрной реформы сохранение колхоза как формы ведения сельскохозяйственного производства, предоставление права выбора самим сельскохозяйственным предприятиям. В связи с этим требуется либо отказаться от исчерпывающего перечня организационно-правовых форм коммерческих организаций в ГК, либо ввести еще одну организационно-правовую форму в виде,

например, коллективного хозяйства или предприятия, более близкую по своей правовой природе к колхозам. Вполне возможно, что данная форма станет переходной и сельскохозяйственные предприятия в дальнейшем сами откажутся от нее в процессе осуществления аграрной реформы. Однако это уже будет свободный выбор самих сельскохозяйственных предприятий. В настоящее же время законодатель пошел по пути игнорирования норм Гражданского кодекса, что и породило вышеотмеченные коллизии.

Возникшие противоречия между Гражданским кодексом и нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность колхозов, вовсе не свидетельствуют об отсутствии объективной необходимости в развитии законодательства о сельскохозяйственной кооперации. В Гражданском кодексе заложена хорошая правовая основа для создания различных видов сельскохозяйственных кооперативов, как производственных, так и потребительских. Однако одних норм Гражданского кодекса явно недостаточно для возрождения сельскохозяйственной кооперации.

Противоречивость правового статуса колхозов – это всего лишь одна из многих проблем, имеющих место в аграрном праве. Подавляющее большинство этих проблем в настоящее время обусловлено существенным отставанием аграрного законодательства от развития общественных отношений в сельском хозяйстве, что, в свою очередь, не может способствовать эффективному развитию сельскохозяйственного производства.

Наиболее важными направлениями развития аграрного законодательства на ближайший период, на наш взгляд, могут стать следующие.

1. Сельскохозяйственные предприятия не должны оказаться вне сферы действия Гражданского кодекса Республики Беларусь и гражданского законодательства в целом. Поэтому наиболее актуальным на данный момент является вопрос о необходимости приведения учредительных документов субъектов сельскохозяйственной деятельности в соответствие с нормами ГК, и в первую очередь в части их организационно-правовой формы. Это касается не только правового статуса колхозов, но и всех остальных производителей сельскохозяйственной продукции, в том числе совхозов, крестьянских (фермерских) хозяйств, агропромышленных объединений, межхозяйственных предприятий.

В этих целях возможно принятие Закона «О реформировании сельскохозяйственных предприятий Республики Беларусь», в котором необходимо предложить правовой механизм реформирования сельскохозяйственных предприятий как частной, так и государственной формы собственности. Это позволит сельскохозяйственным предприятиям привести свои учредительные документы в соответствие с нормами гражданского законодательства, учитывая существенные изменения в их правовом статусе, а также в случаях, предусмотренных Гражданским кодексом, провести реорганизацию в связи с необходимостью изменения организационно-правовой формы.

На основе норм ГК должно развиваться законодательство по каждой организационно-правовой форме юридического лица, на что имеются ссылки непосредственно в самом Гражданском кодексе.

Например, в Российской Федерации только по кооперации на основе норм ГК были приняты законы о производственных кооперативах, о потребительских кооперативах, о сельскохозяйственной кооперации.

Для эффективного развития аграрного законодательства государству необходимо определить приоритетные направления аграрной политики. Одним из таких направлений в сфере сельскохозяйственного производства может стать возрождение и развитие сельскохозяйственной кооперации: как горизонтальной, производственной кооперации, так и вертикальной, посредством создания снабженческих, кредитных, сбытовых, заготовительных и других кооперативов с участием непосредственных производителей сельскохозяйственной продукции (колхозов, совхозов, крестьянских (фермерских) хозяйств). При этом правовой статус сельскохозяйственных кооперативов должен определяться не общим законодательством о производственных и потребительских кооперативах, а специальным Законом «О сельскохозяйственной кооперации», который позволит учесть специфику создания и функционирования различных видов кооперативов в сельском хозяйстве.

Рассмотрение вопроса о правовом статусе сельскохозяйственных организаций возвращает нас к нормам Гражданского кодекса об исчерпывающем перечне видов коммерческих организаций. Необходимо отметить, что юристы-аграрники неоднозначно оценили данное нововведение. Например, по мнению Н. Н. Веденина, строгая обязательность предусмотренных ГК организационно-правовых форм коммерческих организаций «далеко не полностью соответствует принципу свободы выбора организационно-правовых форм хозяйствования и является тормозом свободной эволюции их» [51]. Такой же точки зрения придерживается Г. В. Чубуков, который полагает, что «унификация форм предпринимательства постоянно будет в силу жизненных реалий противоречить и не соответствовать законодательным правилам, не адекватно отражающим экономику, социальную жизнь гражданского общества» [52].

Справедливость данных высказываний подтверждается на примере субъектов аграрных правоотношений. Законодательство о колхозах, как отмечалось выше, уже вступило в противоречие с нормами Гражданского кодекса. Аналогичная ситуация имела место применительно к крестьянским (фермерским) хозяйствам, на которое первоначально было распространено законодательство о полном товариществе. При этом не было учтено, что применение норм ГК о полном товариществе к крестьянским (фермерским) хозяйствам представляется достаточно проблематичным. Так, например, участниками полных товариществ могут быть только индивидуальные предприниматели и коммерческие организации. Для крестьянских (фермерских) хозяйств это означало необходимость регистрации всех членов крестьянского хозяйства, а ими, как правило, были члены семьи в качестве индивидуальных предпринимателей. Полное товарищество не может быть организовано одним лицом, в то время как законодательство о крестьянских (фермерских) хозяйствах предоставляет такую возможность. Собственником имущества в полном товариществе выступает само полное товарищество как юридическое лицо. В крестьянском (фер-

мерском) хозяйстве правовой режим имущества установлен в виде совместной собственности членов крестьянского хозяйства. В результате в Гражданский кодекс были внесены изменения, и крестьянское (фермерское) хозяйство было признано в качестве самостоятельной организационно-правовой формы коммерческой организации.

Заслуживает внимания и такая организационно-правовая форма, как межхозяйственное предприятие, которой также не нашлось места в Гражданском кодексе.

Межхозяйственные предприятия начали создаваться в конце 70-х гг. как новые кооперативные формы организации производства в сельском хозяйстве [53]. И в данном случае можно полностью согласиться с Е. Л. Мининой в том, что именно межхозяйственные предприятия были единственными в советский период организациями, построенными по истинно кооперативному принципу [54, с. 34]. Хозяйства-участники создавали их на добровольных началах и могли свободно выйти из межхозяйственного предприятия. Имущество формировалось за счет долевого участия хозяйств и составляло их долевую собственность. Высшим органом управления межхозяйственного предприятия являлось собрание уполномоченных представителей хозяйств-участников, избираемых в равном количестве от каждого хозяйства.

Все работы и услуги должны были выполняться в первую очередь для хозяйств-участников, причем объем оказываемых услуг и работ зависел от размера долевого участия колхоза или совхоза.

Создание межхозяйственных предприятий, по нашему мнению, представляло собой процесс формирования так называемой «вертикальной кооперации» с тем лишь отличием, что участниками выступали не крестьянские (фермерские) хозяйства (как это было в начале века), а крупные сельскохозяйственные предприятия (колхозы, совхозы). К сожалению, дальнейшее развитие законодательства Республики Беларусь фактически привело к необходимости ликвидации данной формы кооперации, несмотря на положительный опыт и очевидные преимущества данной организационно-правовой формы.

Недостаточное внимание к развитию кооперативной формы предпринимательства привело в результате к массовому преобразованию предприятий, обслуживающих сельскохозяйственное производство (по снабжению материально-техническими ресурсами, техническому сервису, сбыту и переработке сельхозпродукции), в акционерные общества.

Как считает М. И. Палладина, «осуществленный (в России. – *Авт.*) в процессе приватизации государственных предприятий агропромышленного сервиса (предприятия по производственно-техническому обслуживанию сельскохозяйственного производства, по снабжению сельскохозяйственных товаропроизводителей материально-техническими ресурсами, по переработке и сбыту продукции сельского хозяйства) курс на создание единообразной агропромышленной инфраструктуры в форме только акционерных обществ открытого типа привел к недопустимой монополизации предпринимательства в данной сфере, что

нанесло всем сельскохозяйственным товаропроизводителям огромный урон» [55, с. 88]. Аналогичная ситуация складывается и в Республике Беларусь. Постановлением Кабинета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 1994 г. № 268 [56] также предусмотрено преобразование перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию и обслуживающих сельское хозяйство предприятий в открытые акционерные общества.

В Российской Федерации Законом «О сельскохозяйственной кооперации» Правительству было поручено «содействовать преобразованию сельскохозяйственных организаций (межколхозных строительных организаций, лесхозов, санаторно-курортных учреждений и др.), созданных за счет средств сельскохозяйственных организаций-пайщиков, в сельскохозяйственные потребительские кооперативы» (ст. 48). Однако, как отмечается в юридической литературе, сделать это будет достаточно сложно, так как данные предприятия уже были преобразованы в акционерные общества [54, с. 36].

В Республике Беларусь принятие нового Гражданского кодекса фактически ведет к ликвидации межхозяйственной кооперации, поскольку к межхозяйственному предприятию, с одной стороны, не применяется форма производственного кооператива, где требуется личное трудовое участие его членов, а следовательно, членом производственного кооператива может быть лишь физическое лицо, с другой – форма потребительского кооператива как некоммерческой организации означает, что доходы (прибыль) не подлежат распределению между его членами. И если последнее положение, может, и является справедливым (что, на наш взгляд, представляется спорным) по отношению к сложившейся системе потребкооперации в виде потребительских обществ и союзов, то по отношению к сельскохозяйственной кооперации данная норма, по нашему мнению, неприемлема.

В то же время сохранение межхозяйственной кооперации путем формирования на ее базе системы сельскохозяйственной обслуживающей кооперации позволило бы изменить существующее монопольное положение снабженческих, сбытовых, ремонтных и других агросервисных организаций и, как результат, защитить интересы сельскохозяйственных производственных кооперативов наряду с другими сельскохозяйственными товаропроизводителями. Однако все это требует принятия соответствующего законодательства, в котором будут определены правовой статус сельскохозяйственной обслуживающей кооперации и механизм преобразования межхозяйственных предприятий.

2. Не менее важное значение для развития аграрного предпринимательства имеет совершенствование земельного законодательства, так как именно земельные отношения предопределяют специфику аграрных отношений и правового статуса сельскохозяйственных организаций, а также в значительной мере и саму необходимость в особом правовом регулировании этих отношений.

Но в Кодексе Республики Беларусь о земле, на наш взгляд, недостаточно внимания уделено сельскохозяйственным организациям. Не представляется возможным однозначно решить вопрос о том, какой орган принимает оконча-

тельное решение о предоставлении земель сельскохозяйственного назначения для ведения товарного сельскохозяйственного производства, какой порядок предоставления данной категории земель в случае создания новых сельскохозяйственных предприятий. И если порядок предоставления земельных участков при создании крестьянских (фермерских) хозяйств и личных подсобных хозяйств граждан урегулирован достаточно подробно, то землепользованию сельскохозяйственных предприятий и организаций посвящено всего лишь две статьи (ст. 99 и ст. 100). При этом в Кодексе о земле рассматривается лишь случай предоставления земельных участков сельскохозяйственным предприятиям, создаваемым на базе подразделений сельскохозяйственных предприятий. Данный уровень правового регулирования земельных отношений в сельском хозяйстве уже давно не соответствует складывающимся в этой сфере общественным отношениям.

Неизбежным является процесс реформирования сельскохозяйственных предприятий. Граждане получили возможность осуществлять предпринимательскую деятельность в сельском хозяйстве, в том числе посредством создания коммерческих организаций различных организационно-правовых форм. Все это требует адекватного правового регулирования в сфере земельных правоотношений.

Важным направлением совершенствования земельного законодательства должно также стать максимальное использование возможностей, предоставленных Гражданским кодексом в сфере регулирования земельных правоотношений, например возможности передачи по наследству права аренды земельного участка, что актуально для крестьянских (фермерских) хозяйств, передачи в залог права аренды земельных участков, что представляется выгодным для сельскохозяйственных предприятий.

Нуждается в развитии и институт аренды земель сельскохозяйственного назначения, учитывая, что для сельскохозяйственных предприятий исключается право собственности на землю (ст. 13 Конституции Республики Беларусь). Принятие Закона «Об аренде земель сельскохозяйственного назначения» представляется наиболее оптимальным и позволит учесть и консолидировать как нормы земельного, так и гражданского законодательства.

Третье направление – развитие аграрного, или сельскохозяйственного, законодательства как отрасли в целом. Действующее законодательство в области сельского хозяйства нуждается в унификации и систематизации. Существует объективная необходимость в принятии унифицированных нормативных актов в сфере государственного регулирования агропромышленного производства, поставок сельскохозяйственной продукции для государственных нужд, обеспечения продовольственной безопасности, производства экологически чистой сельскохозяйственной продукции, создания стабильного механизма кредитования сельскохозяйственных предприятий и в первую очередь долгосрочного кредитования, обеспечения развития отраслей сельскохозяйственного производства (семеноводства, растениеводства, животноводства, пчеловодства и т. п.).

Библиографические ссылки

1. Конституция Республики Беларусь (с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г.). Минск, 1997.
2. Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. 1993. № 23. Арт. 285.
3. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 2–3.
4. Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. 1999. № 7–9. Ст. 101.
5. Ведомости Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 10. Ст. 115.
6. Собр. постановлений Правительства БССР. 1991. № 21. Ст. 262.
7. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1991. № 30. Ст. 526.
8. Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. 1997. № 36. Ст. 767.
9. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 23.
10. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1992. № 3. Ст. 49.
11. Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1993. № 28. Ст. 555.
12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 1993 г. № 754 // Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1993. № 31. Ст. 607.
13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1993 г. № 742 // Собр. постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1993. № 30. Ст. 600.
14. Рэспубліка. 1996. 28 лістап.
15. Ведомости Верхов. Совета Белорус. ССР. 1990. № 2. Ст. 13.
16. Ведомости Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 1 (3). Ст. 1.
17. Ведомости Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 3 (5). Ст. 13.
18. Ведомости Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 19. Ст. 269.
19. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1993. № 7. Ст. 41.
20. Ведомости Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 20. Ст. 288.
21. Ведомости Верхов. Совета Белорус. ССР. 1991. № 12. Ст. 125.
22. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1994. № 29. Ст. 501.
23. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1995. № 4. Ст. 11.
24. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1995. № 13. Ст. 235.
25. Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. 1997. № 9. Ст. 191.
26. Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1998. № 7. Ст. 157.
27. Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1998. № 10. Ст. 257.
28. Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1998. № 13. Ст. 339.
29. Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1998. № 7. Ст. 159.
30. Собр. декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. 1999. № 3. Ст. 43.
31. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 54.
32. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 109.
33. ВВС СССР. 1988. № 22. Ст. 355.
34. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3302.
35. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870.
36. Ведомости Верхов. Рады Украины. 1997. № 39. Ст. 261.
37. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. № 15.
38. Постановление XI Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов // СУ РСФСР. 1922. № 5. Ст. 48.
39. Постановление ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. // СЗ СССР. № 15. Ст. 161.

40. Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1924 г. // СЗ СССР. 1924. № 5. Ст. 61.

41. Положение об едином сельскохозяйственном налоге. Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 апреля 1924 г. // Вестн. ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 5. Ст. 162.

42. О путях подъема сельского хозяйства и о кооперативном строительстве в деревне. Постановление 5-го Съезда Советов Союза ССР от 28 мая 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 35. Ст. 312.

43. О накоплении паевых и неделимых капиталов сельскохозяйственной кооперацией. Постановление СТО от 27 сентября 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 64. Ст. 604.

44. О сельскохозяйственной кооперации и ее работе. Постановление ЦИК и СНК СССР от 18 сентября 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 61. Ст. 565.

45. О порядке погашения задолженности по ссудам при вступлении в коллективные хозяйства. Постановление СНК СССР от 4 февраля 1930 г. // СЗ СССР. 1930. № 9. Ст. 114.

46. Лысенко Е. Г. Хозяйственно-экономическая деятельность колхозов в условиях рынка // Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. М., 2000.

47. Об ответственности за невыполнение поставок сельскохозяйственной продукции для государственных нужд : Декрет Президента Респ. Беларусь от 8 апр. 1999 г. № 15 // Собр. декретов, указов Президента и постановлений правительства Респ. Беларусь. 1999. № 11. Ст. 276.

48. Положение о порядке заключения контрактов с руководителями сельскохозяйственных предприятий негосударственной формы собственности : утв. постановлением Кабинета Министров Респ. Беларусь от 12 апр. 1995 г. № 199 // Собр. указов Президента и постановлений Кабинета Министров Респ. Беларусь. 1995. № 11. Ст. 253.

49. О первоочередных мерах по подготовке сельскохозяйственных предприятий к весенним полевым работам и созданию прочной кормовой базы в 2000 году : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек.1999 г. № 2055 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2000. № 8.

50. Аграрная реформа в Российской Федерации: правовые проблемы и решения. М., 1998.

51. Правовые проблемы реформирования сельскохозяйственных предприятий (материалы «круглого стола») // Государство и право. 1996. № 3.

52. О субъектах предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве (материалы «круглого стола») // Государство и право. 1997. № 4.

53. Общее положение о межхозяйственном предприятии (организации) в сельском хозяйстве : утв. постановлением Совета Министров СССР от 14 апр. 1977 г. № 291 // СП СССР. 1977. № 13. Ст. 80.

54. Минина Е. Л. Сельскохозяйственная кооперация: правовое регулирование // Государство и право. 1997. № 11.

55. Палладина М. И. Закон о сельскохозяйственной кооперации – значительное ли правовое достижение? // Государство и право. 1996. № 6.

56. О преобразовании перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию и обслуживающих сельское хозяйство предприятий в открытые акционерные общества : постановление Кабинета Министров Респ. Беларусь от 28 дек. 1994 г. № 268 // Собр. указов Президента и постановлений Кабинета Министров Респ. Беларусь. 1994. № 15. Ст. 409.

В. Н. Бибило
доктор юридических наук

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

В процессе развития человеческого общества возникают различные социальные конфликты. В основе возникновения некоторых из них лежат споры о праве. Такие конфликты называются юридическими, и в их рассмотрении принимают участие различные государственные органы, среди которых суд занимает особое место, поскольку он предназначен для окончательного их разрешения. Функция суда – правосудие, эффективность которого в значительной мере зависит от состояния судебной системы. В юридической науке давно ведутся исследования о самом понятии судебной системы. Сложилось два направления: одно из них состоит в том, что судебную систему рассматривают как совокупность судов в государстве, разделенных на звенья (уровни); второе – судебную систему представляют в виде социальной организации, включающей кроме судов еще и судебное право, правовую культуру, правосознание судей, судейский корпус, народных (присяжных) заседателей с соответствующими связями между данными элементами.

Общенаучный термин «система» используется в различных сферах теории и общественной практики. Однако если в него включать широкие и далеко друг от друга находящиеся понятия, а иногда и просто разнонаправленные, то для искомого понятия не остается самостоятельного места, что, наоборот, осложнит его понимание. В связи с этим под судебной системой в государстве следует понимать иерархическую совокупность судов. Что касается смежных понятий, то они, хотя и связаны с судебной системой, детализируют ее понимание, но им необходимо придавать самостоятельный смысл.

На белорусских землях функционировали государственные образования под различными названиями. Наиболее крупным из них было Великое княжество Литовское (далее ВКЛ) – феодальное государство, образовавшееся в результате объединения ряда княжеств, занимавшее к началу XVI в. огромные территории между Балтийским и Черным морями. Согласно Статутам ВКЛ 1529 г., 1566 г.,

1588 г. на его территории было довольно развитое правосудие, однако единой судебной системы не существовало. Действовали суды, не находящиеся в инстанционной соподчиненности (сословные, городские, великокняжеский суд, а также суды для татар и евреев). Образование Речи Посполитой в результате объединения Польши и ВКЛ, а затем и ее раздел также не привели к упорядочению судебной системы как совокупности судов различных звеньев. Включение белорусских земель в состав Российской империи не сразу привело к реализации судебной реформы 1864 г., а только через 20 лет. Несмотря на в целом прогрессивный характер нововведений в Северо-Западном крае (так именовалась часть бывшего ВКЛ), судебная реформа до конца так и не была завершена по различным причинам, в том числе и из-за определенного противодействия политических сил, препятствовавших этому и направивших свои действия на возрождение Речи Посполитой.

Октябрьская социалистическая революция 1917 г. привела к отмене законодательства Российской империи и формированию государства и права нового типа. Воздействие законодательства России на белорусскую правоприменительную практику всегда было существенным, но особенно в первые годы советской власти. Многие нормативные акты советской России распространили свое действие на Беларусь. Вместе с тем, говоря о значимости законодательства России для Беларуси, следует иметь в виду, что реально оно не всегда могло действовать из-за того, что на территории Беларуси продолжительное время велись военные действия.

В разные периоды белорусской государственности на территории Беларуси действовали суды общей и специальной юрисдикции, а также военные суды. Кроме того, функционировали третейские и общественные суды, не входящие в судебную систему государства, а в 1994 г. в Республике Беларусь был учрежден Конституционный Суд.

Суды общей юрисдикции. После упрочения советской власти и образования Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) первые нормативные правовые акты о судоустройстве предусматривали функционирование судов общей и специальной юрисдикции.

Одним из наиболее важных нормативных правовых актов, регулирующих судоустройство в Белорусской Советской Социалистической Республике (далее – БССР), было Положение о судоустройстве, изданное 30 марта 1923 г. [1, с. 54–68]. В нем была закреплена судебная система, в которую входили суды общей и специальной юрисдикции. К судам общей юрисдикции относились: народный суд в составе постоянного народного судьи, народный суд в составе постоянного народного судьи и двух народных заседателей, Высший Суд республики, Верховный Суд республики и его коллегии. В Положении отмечалось, что специальные суды являются временными и к ним относятся: военные трибуналы – для рассмотрения дел о воинских преступлениях; особые трудовые сессии народных судов – по делам о преступлениях, совершенных с нарушением законов о труде, и земельные комиссии – по земельным делам. По делам о спо-

рах об имущественных правах между государственными органами Положение предусматривало функционирование Белорусской Арбитражной комиссии, состоящей при Совете Народных Комиссаров (далее – СНК).

Народным судьей мог быть неопороченный по суду гражданин и гражданка, имеющие стаж политической или юридической работы. Судьи избирались сроком на один год по представлению Высшего Суда республики, в уездах – уездными исполкомами, а в Минске – городским исполкомом и утверждались Наркоматом юстиции. Для формирования состава народных заседателей образовывались специальные комиссии под названием «комиссия по разверстке», в состав которых входили: член местного уездного исполкома (председатель комиссии), помощник прокурора и один народный судья. Комиссии определяли, сколько народных заседателей должно быть при определенном суде из расчета: 50 % – из рабочей среды, 35 % – от крестьян, 15 % – из воинских частей. Списки отсылались в трудовые коллективы и воинские части, где проходили выборы народных заседателей. Уездная комиссия утверждала общий список избранных народных заседателей.

В БССР в 1924 г. было принято новое Положение о судоустройстве [1, с. 68–92], однако оно не внесло существенных изменений в судоустройство и действовало непродолжительное время.

Для истории судебной системы Беларуси было характерно функционирование с 1924 г. национальных камер народного суда – специальных судебных составов при районных судах. Их создание – одно из практических мероприятий по проведению национальной политики. И хотя этот вид судов просуществовал недолго (до 31 марта 1934 г.), он оставил заметный след в истории белорусского суда. Было образовано десять национальных камер народного суда: шесть еврейских, три польских и одна латышская, в компетенцию которых входило рассмотрение уголовных и гражданских дел. Так, за 1926 г. в общей сложности еврейские национальные камеры рассмотрели 1902 уголовных и 4762 гражданских дела, польские соответственно – 136 и 191, латышская – 17 и 42 дела. Основную массу дел составляли гражданские дела (квартирные споры – 33 %, алиментные дела – 10 % и др.), но рассматривались и дела о преступлениях против порядка и власти (8 %), о кражах и торговле самогоном (1,5 %) и др. [2, с. 110].

31 октября 1925 г. в БССР было принято новое Положение о судоустройстве [1, с. 99–124], которое установило такую судебную систему: народные суды в составе постоянного народного судьи или в составе народного судьи и двух народных заседателей, окружные суды, Верховный Суд. Кроме судов общей юрисдикции, Положение предусмотрело суды специальной юрисдикции и судебно-административные органы: 1) по делам о воинских преступлениях – военные трибуналы; 2) по делам, связанным с нарушением законов о труде, – особые трудовые сессии народных судов; 3) по земельным делам – земельные комиссии, в том числе и Особая комиссия высшего контроля по земельным делам; 4) по делам об имущественных спорах между государственными

органами – состоящая при Экономическом совещании БССР Арбитражная комиссия; 5) по делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, – Комиссия по делам несовершеннолетних.

Положение о судоустройстве БССР 1931 г. [1, с. 140–151] закрепило двухзвенность судебной системы: народные суды и Верховный Суд БССР. Окружные суды были упразднены в связи с изменением административно-территориального деления и ликвидацией округов.

Конституция СССР 1936 г. отнесла регулирование судоустройства к ведению СССР. 16 августа 1938 г. был принят Закон «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» [3, с. 564–571], в соответствии с которым в БССР действовали три звена судов: 1) народные суды; 2) областные суды; 3) Верховный Суд БССР.

В соответствии с Основами законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г. в БССР 20 ноября 1959 г. был принят Закон о судоустройстве БССР [1, с. 156–168].

Закон о судоустройстве БССР от 1959 г. предусмотрел отчеты судей перед теми, кто их избрал: народные судьи районных (городских) народных судов избирались гражданами района (города) сроком на пять лет, а народные заседатели этих судов избирались на общих собраниях рабочих, служащих и крестьян по месту их работы или жительства (ст. 28). Судьи областных судов избирались областным Советом депутатов трудящихся сроком на пять лет. Областной суд действовал в составе президиума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам. Верховный Суд Белорусский ССР избирался Верховным Советом БССР сроком на пять лет и действовал в составе Пленума, судебной коллегии по гражданским делам и судебной коллегии по уголовным делам. Законом не было предусмотрено образование Президиума Верховного Суда.

В связи с принятием Конституции СССР 1977 г. и Конституции БССР 1978 г. 26 ноября 1981 г. был принят Закон БССР «О судоустройстве Белорусской ССР» [1, с. 261–281]. Он не привел к коренным изменениям в судоустройстве БССР. На момент принятия этого закона уже функционировал Минский городской суд, приравненный по своей компетенции к областным судам, о чем было сказано в Законе. В ст. 20 перечислены суды, входящие в судебную систему БССР, к которым относились: Верховный Суд, областные суды, Минский городской суд и районные (городские) народные суды. Образование судов специальной юрисдикции не было предусмотрено.

После упразднения СССР и объявления Беларуси самостоятельным и независимым государством началась подготовка нового законодательства о судоустройстве. Концепция судебно-правовой реформы, принятая 23 апреля 1992 г. Верховным Советом Республики Беларусь, подвела итоги деятельности советских судов и наметила пути совершенствования белорусской судебной системы в условиях независимого и самостоятельного государства [4].

13 января 1995 г. в Республике Беларусь был принят Закон «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь», регулирующий образование судов только общей юрисдикции. Статус функционировавших на тот момент хозяйственных судов и Конституционного Суда был определен в отдельных нормативных правовых актах. Особенностью указанного Закона является то, что он предусмотрел организацию суда присяжных. Однако в этой части Закон не был реализован. Верховный Совет Республики Беларусь 7 июня 1996 г. издал Временное положение о порядке утверждения списков народных заседателей. Однако дискуссии об участии общественности в осуществлении правосудия продолжаются [5, с. 29–39].

В Декрете Президента Республики Беларусь «О съезде судей Республики Беларусь» от 21 октября 1997 г. отмечалось, что высшим органом самоуправления судей Республики Беларусь является съезд судей Республики Беларусь. Первый съезд судей Республики Беларусь, который прошел 5 декабря 1997 г., принял ряд документов: Положение о Республиканском совете судей, Кодекс чести судьи Республики Беларусь, Резолюцию Первого съезда судей. На съезде был сформирован состав Республиканского совета судей.

29 июня 2006 г. был принят Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, в котором помещены правовые нормы, касающиеся статуса всех судов, входящих в судебную систему Республики Беларусь.

Суды специальной юрисдикции. Наряду с судами общей юрисдикции в Беларуси действовала система хозяйственных судов, предназначенных для осуществления правосудия в области хозяйственных (экономических) отношений в целях защиты прав и законных интересов юридических и физических лиц. До учреждения хозяйственных судов в Беларуси функционировали органы арбитража, созданные в 1931 г., которым предшествовали арбитражные комиссии, действовавшие в 1920-х гг. Арбитраж выполнял специфические функции по исполнению законов путем разрешения хозяйственных споров и по своей правовой природе был органом государственного управления. В БССР существовал арбитраж двух видов: государственный и ведомственный. Государственный арбитраж рассматривал гражданско-правовые споры между организациями различных министерств, а ведомственный – между предприятиями, учреждениями и организациями одного министерства.

Задачи арбитража состояли в обеспечении защиты имущественных прав и законных интересов организаций при разрешении хозяйственных споров; содействии повышению общественного производства, развитию сотрудничества в выполнении народнохозяйственного плана; соблюдению государственной дисциплины при выполнении плановых заданий и договорных отношений. За невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств арбитраж применял имущественные санкции в виде штрафа и неустойки. Арбитраж вмешивался в хозяйственную жизнь предприятий, организаций, информировал партийные, советские органы, органы народного контроля, прокуратуры, министерств, ве-

домств о нарушениях государственной дисциплины и законности с тем, чтобы виновные понесли установленную законом ответственность.

Законодательство о государственном и ведомственном арбитраже периодически обновлялось. На завершающих этапах существования СССР действовала следующая система органов государственного арбитража: Государственный арбитраж СССР, государственные арбитражи союзных республик, государственные арбитражи автономных республик, государственные арбитражи краев, областей.

Рассмотрение спора в арбитраже осуществлялось арбитром и представителями сторон. Арбитр способствовал достижению согласия между сторонами. Исполнение решения производилось на основании выдаваемого арбитром приказа, который являлся исполнительным документом.

После упразднения СССР в России стала действовать система арбитражных судов, а в Беларуси – система хозяйственных судов, учрежденных Законом «О хозяйственном суде» от 5 июня 1991 г. Они стали рассматривать споры, возникающие при заключении, изменении, расторжении и исполнении хозяйственных договоров либо по другим основаниям, а также споры о признании недействительными актов государственных и иных органов, не имеющих нормативного характера, не соответствующих законодательству и затрагивающих интересы предприятий и организаций (ст. 23). Такая слишком общая норма Закона «О хозяйственном суде» вызывала трудности в отнесении хозяйственных споров к юрисдикции общих или хозяйственных судов и впоследствии была конкретизирована постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 23 марта 1995 г. «О разграничении подведомственности дел между общими и хозяйственными судами».

В соответствии с Законом «О хозяйственном суде» от 5 июня 1991 г. были образованы областные хозяйственные суды и Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь, а в 1998 г. был создан хозяйственный суд г. Минска. Решения хозяйственных судов исполняли суды общей юрисдикции, и лишь 30 января 1998 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь было утверждено Положение о Службе судебных исполнителей хозяйственных судов в Республике Беларусь.

Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. обеспечил регулирование статуса всех судов и судей Республики Беларусь. Согласно ст. 59 систему хозяйственных судов составляли: хозяйственные суды областей (г. Минска) и Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь. Кроме того, в соответствии с ч. 2 ст. 59 в системе хозяйственных судов могли создаваться специализированные хозяйственные суды: по банкротству, земельные, налоговые и др., которые так и не были созданы. Более того, согласно Декрету Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» и Указу Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. «О некоторых вопросах деятельности судов Республики

Беларусь» Верховный Суд и Высший Хозяйственный Суд объединены в единый Верховный Суд Республики Беларусь, а хозяйственные суды областей и г. Минска переименованы в экономические суды областей и г. Минска, что открыло новый этап в осуществлении белорусского правосудия [6, с. 7–9; 7, с. 5–10].

Военные суды. В 1917–1918 гг. территория Беларуси входила в состав России со статусом Западной области. На нее распространялись декреты советской власти, в том числе и декреты о суде. Законодательство того периода не предусматривало образования военных судов (трибуналов). Уголовные дела о преступлениях военнослужащих рассматривались местными судами.

В Положении о судоустройстве БССР от 30 марта 1923 г. [1, с. 54–68] отмечалось, что органы военной юстиции относятся к категории временных специальных судебных органов, не входящих в судебную систему БССР. Верховный Суд БССР не рассматривал дела, отнесенные к компетенции военных трибуналов. Приговоры военных трибуналов Западного фронта подлежали обжалованию в Военную коллегию Верховного Суда РСФСР.

20 августа 1926 г. Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик приняли первый общесоюзный нормативный правовой акт о военной юстиции – Положение о военных трибуналах и военной прокуратуре [3, с. 10–11, 564–571], согласно которому военные трибуналы действовали как суды первой, кассационной и надзорной инстанции и подчинялись Военной коллегии Верховного Суда СССР, а приговоры выносили именем Союза Советских Социалистических Республик.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. территория Беларуси была объявлена на военном положении. Военный трибунал Западного фронта и подчиненные ему трибуналы в районах боевых действий принимали к рассмотрению дела о преступлениях, совершенных военнослужащими, а также дела о шпионаже, измене Родине, террористических актах, диверсиях. Остальные дела рассматривали военные трибуналы войск НКВД, а также военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта.

На освобожденной от немецких оккупационных войск территории Беларуси был создан Белорусский военный округ, в составе которого стал функционировать окружной военный трибунал Минского гарнизона [8, с. 75].

25 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР было принято новое Положение о военных трибуналах, согласно ст. 11 которого военным трибуналам были подсудны дела о всех преступлениях, совершенных военнослужащими, а также военнообязанными во время прохождения ими военных сборов; дела о всех преступлениях, совершенных лицами офицерского состава, прапорщиками, мичманами, сержантами, старшинами, солдатами и матросами органов государственной безопасности; дела о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных лицами начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений; все дела о шпионаже. Военным трибуналам были подсудны также дела при обвинении одного лица или группы лиц

в совершении одного или нескольких преступлений, если дело хотя бы об одном из преступлений или хотя бы одного из обвиняемых подсудно военному трибуналу, а в отношении остальных – любому иному суду, то дела в отношении всех обвиняемых по всем преступлениям рассматривались военным трибуналом (ст. 14).

После распада СССР военная юстиция в Республике Беларусь была включена в судебную систему Республики Беларусь постановлением Верховного Совета Республики Беларусь «О включении военных трибуналов в систему судов Республики Беларусь» от 16 января 1992 г. В Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь, утвержденной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь 23 апреля 1992 г., отмечается, что военные суды как органы правосудия входят в систему судов общей юрисдикции и действуют в Вооруженных Силах. Закон «О судоустройстве и статусе судей в Республике Беларусь» от 13 января 1995 г. определил, что военную юстицию образуют межгарнизонные суды, Белорусский военный суд и Военная коллегия Верховного Суда Республики Беларусь. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей от 29 июня 2006 г. не внес принципиальных изменений в военную юстицию.

Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» с 1 июля 2014 г. упразднены Военная коллегия Верховного Суда, Белорусский военный суд и межгарнизонные военные суды.

Конституционный Суд. Согласно Конституции Республики Беларусь 1994 г. Конституционный Суд Республики Беларусь предназначен для осуществления судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов.

Конституционный Суд Республики Беларусь был организован и стал действовать на основе Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» от 30 марта 1994 г. и Регламента Конституционного Суда Республики Беларусь, который был принят Конституционным Судом 27 мая 1997 г. В последующем порядок формирования и компетенция Конституционного Суда были подвергнуты правовому регулированию в Кодексе Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей.

Конституционный Суд Республики Беларусь формируется из 12 судей. Шесть судей назначаются Президентом Республики Беларусь, шесть судей избираются Советом Республики Национального собрания Республики Беларусь. Срок полномочий судей Конституционного Суда – 11 лет. Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь назначается Президентом Республики Беларусь с согласия Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь из числа судей Конституционного Суда Республики Беларусь сроком на пять лет. Заместитель Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь избирается Конституционным Судом Республики Беларусь из состава судей Конституционного Суда по представлению Председателя Конституционного Суда Республики Беларусь сроком на пять лет.

По результатам своей деятельности Конституционный Суд Республики Беларусь принимает заключения и решения, которые вступают в силу со дня их принятия, если в этих актах не установлен иной срок.

Конституционный Суд Республики Беларусь внес существенный вклад в направлении осуществления судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов [9; 10, с. 57–66; 11, с. 97–109; 12, с. 84–93]. Вместе с тем имеется определенный резерв для совершенствования законодательства о Конституционном Суде и практики его применения [13, с. 147–154].

Третейские суды. Третейские суды не входят в судебную систему Беларуси, но функционируют на ее территории. Они предназначены для защиты гражданских прав и рассматривают споры гражданско-правового и хозяйственно-правового характера. Уголовные дела им не подсудны.

Третейские суды на территории Беларуси имеют давнюю историю. Так, еще 29 мая 1925 г. постановлением ЦИК БССР было утверждено Положение о третейских судах. В нем отмечалось, что третейский суд образуется по усмотрению сторон. Соглашение о разбирательстве дела третейским судом должно было быть изложено в особом письменном документе, который подлежал удостоверению нотариусом. Третейский суд не был связан формальными правилами судопроизводства. В последующем Положение о третейском суде было помещено в виде Приложения № 3 к ГПК БССР 1964 г.

Третейское разбирательство не получило широкого распространения не только в советский период белорусской государственности, но и в современной Беларуси, несмотря на то что 18 июля 2011 г. был принят Закон Республики Беларусь «О третейских судах», в котором предусмотрено функционирование двух видов третейских судов: 1) постоянно действующий третейский суд; 2) третейский суд, образуемый по соглашению сторон для разрешения конкретного спора.

Общественные суды. Длительное время в Беларуси функционировали общественные суды. Они не входили в судебную систему государства и создавались в рамках гражданского общества, предназначаясь для рассмотрения социальных конфликтов, возникающих в сфере реализации норм нравственности либо локальных, корпоративных правовых норм. Применительно к ним в Беларуси использовались различные наименования (сельские, местечковые, колхозные), но наибольшее распространение получило название «товарищеские суды».

В конце 80-х гг. XX в. количество товарищеских судов стало неуклонно сокращаться. После объявления Республики Беларусь самостоятельным и независимым государством начались преобразования политического и экономического характера. Получила упрочение частная собственность, увеличилась безработица, ликвидировались предприятия. Товарищеские суды в этот переходный период не могли существовать в прежнем виде. На общих собраниях одних трудовых коллективов принимались решения о прекращении деятельности товарищеских судов, а на других они перестали функционировать сами по себе. Вместе с тем в последние годы наблюдается и такое явление: народ, особенно в сельской местности, начал проявлять инициативу в создании общественных судов.

В отличие от государственных судов сфера деятельности общественных судов – гражданское общество. В правовом государстве, где есть большой простор для реализации индивидуальной свободы человека, то или иное сообщество

людей, образующих коллектив, может выбрать такие нормы поведения, которые будут авторитетными именно для этих людей [14, с. 135–140]. Однако для принятия трудовым коллективом или иным сообществом людей таких нормативных правовых актов об общественных судах необходимо иметь предварительное разрешение со стороны государства, которое должно быть закреплено в общегосударственном правовом акте, иначе существует угроза, что трудовой коллектив или иное сообщество людей превысит свою компетенцию и закрепит такие нормы права, природа которых не будет соответствовать общественным судам. Желательно, чтобы было принято «Типовое положение об общественных судах», которое послужило бы ориентиром для принятия локального нормативного правового акта об общественных судах в тех коллективах, которые пожелают функционирования таких судов.

Библиографические ссылки

1. Белорусское законодательство о суде, прокуратуре, адвокатуре и органах охраны общественного порядка (1919–1991) / сост. В. Н. Бибило. Минск, 2011.

2. Практическое решение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике (к 10-й годовщине Октябрьской революции): работа среди национальных меньшинств. Минск, 1928.

3. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг. : сб. док. / под ред. С. А. Голунского. М., 1955.

4. Мартинович И. И., Пастухов М. И. Судебно-правовая реформа в Республике Беларусь. Минск, 1995.

5. Ракитский В. Суд присяжных заседателей: «за» и «против» для Беларуси // Суд. весн. 2014. № 2. С. 29–39.

6. Сукало В. Белорусское правосудие: пути совершенствования и развития // Суд. весн. 2011. № 4. С. 7–9.

7. Сукало В. Пути совершенствования судебной системы Республики Беларусь // Суд. весн. 2014. № 1. С. 5–10.

8. Адамюк О. И. Становление и развитие военной юстиции в Беларуси: от революционных военных трибуналов к военной судебной системе в Республике Беларусь. Минск, 2013.

9. Василевич Г. А. Конституционное правосудие по защите прав и свобод человека. Минск, 2003.

10. Миклашевич П. П. Конституционный контроль в современных условиях // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2016. № 1. С. 57–66.

11. Карпович Н. А. Интерпретация активности конституционного суда в демократическом обществе: опыт Республики Беларусь // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2016. № 2. С. 97–109.

12. Тиковенко А. Г. Конституционные принципы как основа динамизма конституционно-правового регулирования общественных отношений // Вестн. Конституц. Суда Респ. Беларусь. 2015. № 2. С. 84–93.

13. Бибило В. Н. Белорусское судоустройство. Минск, 2018.

14. Бибило В. Н. Теория и история права, судоустройства и уголовного процесса : сб. науч. ст. Минск, 2020.

А. А. Данилевич
кандидат юридических наук

О. В. Петрова
кандидат юридических наук

ПРАВО ЛИЧНОСТИ НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НОВОЕ ВИДЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Ключевое назначение уголовно-процессуального закона Республики Беларусь – способствовать формированию в обществе уважения к правам и свободам человека и гражданина, утверждению справедливости (ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК)).

В развитие данных положений норма ст. 10 Кодекса закрепляет принцип обеспечения защиты прав и свобод граждан, а в соответствии со ст. 17 предусматривается также и принцип обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту.

Право на защиту – традиционный уголовно-процессуальный институт. По мнению И. Я. Фойницкого, защита есть ответ обвинению и образует собой совокупность процессуальных прав и мер, направленных к ограждению невиновности подсудимого и его прав и интересов перед уголовным судом [1, с. 55]. Как отмечал М. С. Строгович, право обвиняемого на защиту есть основа всех процессуальных прав, предоставляемых законом обвиняемому, интегрированное выражение этих прав [2, с. 17]. В белорусской правовой науке С. П. Бекешко также определил право обвиняемого на защиту как совокупность предоставляемых обвиняемому прав, используя которые он может защищаться от предъявленного ему обвинения, осуществлять свои законные интересы в процессе [3, с. 80].

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 сентября 2009 г. № 7 «Об обеспечении права на защиту в уголовном процессе» указывает, что обеспечение права на защиту является принципом уголовного процесса, который выражается в предоставлении каждому подозреваемому, обвиняемому реальной возможности осуществлять защиту своих прав и интересов в уголовном процессе как лично, так и с помощью защитника. По этой причине орган, ведущий уголовный процесс, обязан неукоснительно соблюдать установленные законом предписания о средствах и способах защиты подозреваемого, обвиняемого, создавая необходимые условия для реализации стороной защиты своих процессуальных прав и выполнения обязанностей.

Уголовно-процессуальное законодательство развивается в данном направлении. Анализ некоторых норм общей части уголовно-процессуального закона и норм гл. 492 УПК показывает, что право на защиту признается в настоящее время и за умершим подозреваемым, обвиняемым, лицом, подлежащим привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого. С одной стороны, введение в 2016 г. данного института можно оценить положительно, так как прекращение производства по уголовному делу в отношении умершего может противоречить принципу презумпции невиновности (ст. 16 УПК) [4].

С другой стороны, реализовать данное право в случае смерти лицо может только условно, лишь посредством участия защитника. Появление такого участника уголовного процесса, как представитель умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого (ст. 571 УПК), поднимает вопрос и о сущности права на защиту, возможности его передачи или «отчуждения» [5].

Стирает границы традиционного представления о праве на защиту и появление такой процессуальной фигуры, как адвокат свидетеля (ст. 601 УПК). Послужившее основой для внесения изменений в уголовно-процессуальный закон решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 2 июля 2015 г. № Р-989/2015 «О праве граждан, выступающих свидетелями в уголовном процессе, на юридическую помощь» было основано на конституционных и международно-правовых принципах и понимании права на защиту. Закрепление права на юридическую помощь за свидетелем можно рассматривать как признание за изобличаемым свидетелем права на защиту.

Закон вместе с тем не дает ответа на вопрос о праве лица, в отношении которого ведется уголовное преследование на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе так называемой доследственной проверки.

Следует отметить, что судебные органы Российской Федерации при этом дают более широкое толкование права на защиту в уголовном процессе. Так, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» обращает внимание, что по смыслу ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих на всех его стадиях. В силу этого правом на защиту обладают: лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ; подозреваемый; обвиняемый; подсудимый; осужденный; оправданный; лицо, в отношении которого ведется или велось производство о применении принудительных мер медицинского характера; несовершеннолетний, к которому применена принудительная мера воспитательного воздействия; лицо, в отношении которого уголовное дело или уголовное преследование прекращено; лицо, в отношении которого поступил запрос или принято решение о выдаче; а также любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются или могут быть су-

щественно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица.

Следовательно, развитие уголовно-процессуальных форм, усложнение хода производства по материалам и уголовному делу, влияние конституционных норм и международно-правовых принципов трансформируют традиционные процессуальные институты, в том числе и право на защиту.

Многие положения Конституции Республики Беларусь указывают на универсальное понимание защиты (ст. 2, 21, 59). В норме ст. 60 Основного Закона определено право на судебную защиту. Следует добавить, что и в науке теории права существует институт защиты субъективного права [6].

Многогранная природа защиты в праве позволяет сформулировать тезис об универсальности права на защиту в конституционном и общетеоретическом понимании, которое имеет любое лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства [7]. Такое право можно именовать правом личности на защиту, а право на защиту в уголовно-процессуальном аспекте может выступать частным случаем такого права [8, с. 30].

В первую очередь вправе защищать свои права те участники, чьи интересы затрагивает рассматриваемый в уголовном процессе спор и которые наделены уголовно-процессуальным законом соответствующими процессуальными правами и обязанностями, в частности: обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, частный обвинитель и т. п.

В некоторой части законодатель уже не отрицает право свидетеля на защиту, закрепив возможность участия адвоката свидетеля (ст. 601 УПК).

Вместе с тем можно утверждать, что даже в части тех лиц, которые не обладают статусом какого-либо участника процесса, можно говорить об их праве на защиту. В число лиц, имеющих право на обжалование действий и решений органов, ведущих уголовный процесс, включены все лица, чьи интересы затрагивают данные действия и решения (ст. 138 УПК). Вместе с тем дальнейшего развития в уголовно-процессуальном законе требуют процессуальные гарантии при реализации права на обжалование в случае, когда процессуальный статус жалобщика не закреплен. Так, должно получить правовое закрепление и право на защиту лиц, в жилом помещении или ином законном владении которых проводится обыск, выемка, осмотр, чьи переговоры прослушиваются, жертвы преступлений на стадии возбуждения уголовного дела, когда невозможно признание лица потерпевшим или гражданским истцом.

Следует подчеркнуть, что, например, российский законодатель развивает подобные гарантии. Так, УПК РФ, в отличие от белорусского уголовно-процессуального закона, более широко закрепляет право на обжалование приговора суда и наделяет этим правом помимо участников процесса иных лиц в той части, в которой обжалуемое судебное решение затрагивает их права и законные интересы (ст. 389.1 УПК РФ).

Необходимо обратить внимание, что признание в установленном законом порядке участником процесса означает не возникновение права на защиту,

а только признание такого права в отраслевом законодательстве. В качестве примера можно привести ситуацию лица, пострадавшего от преступления. Согласно п. 1 Декларации ООН основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г. (далее – Декларация) термин «жертва» не имеет такого признака, как признание факта причинения вреда в процессуальном порядке. Однако для полноценной реализации права на защиту пострадавшему от преступления, безусловно, в первую очередь необходимо получить статус потерпевшего по делу [8, с. 41].

Понимание сущности защиты требует определения его содержания.

Наиболее признанна в теории уголовного процесса точка зрения, согласно которой выделяют следующие элементы права подозреваемого, обвиняемого на защиту: «1) право самого обвиняемого (подозреваемого, подсудимого, осужденного) использовать любые, не противоречащие закону средства и способы для оспаривания, полностью или частично, выдвинутого против него обвинения, выявление обстоятельств, смягчающих его ответственность; 2) право обвиняемого воспользоваться помощью защитника; 3) обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда разъяснить обвиняемому его права и обеспечить реальную возможность их осуществления» [9, с. 87].

В. М. Корнуков считает, что все эти элементы наличествуют в правовых установлениях, направленных на защиту интересов других участников процесса [10, с. 136]. Считаем, что нельзя элементы права обвиняемого на защиту автоматически распространять на содержание права личности на защиту.

В других отраслях права к содержанию права на защиту подходят по-иному. В цивилистике, например, В. П. Грибанов в содержании права на защиту выделяет, по крайней мере, три основные возможности:

во-первых, возможность управомоченного лица обратиться с требованием о защите нарушенного или оспариваемого права либо охраняемого законом интереса к компетентному государственному или общественному органу в исковой либо иной предусмотренной законом форме;

во-вторых, возможность пользоваться всеми предусмотренными законом правами и гарантиями в процессе рассмотрения этого требования, установленными применительно к данной форме защиты права;

в-третьих, возможность обжалования, опротестования в установленном законом порядке решения органа по данному делу, представляющегося заявителю неправильным [11, с. 104].

Очевидно, положения цивилистических наук нельзя безоговорочно приложить к другим отраслям права, в том числе к уголовно-процессуальному. На основе этих элементов невозможно построить содержание права личности на защиту в уголовном процессе.

Вместе с тем стоит обратить внимание на указанную возможность самого обращения к компетентным органам. Безусловно, каждое лицо, пострадавшее от преступления, либо от незаконных действий органа, ведущего уголовный процесс, должно быть своевременно наделено соответствующим процессуальным статусом. Без этого процессуального акта лицо не может участвовать

в уголовном процессе как субъект уголовно-процессуальных правоотношений. В процессуальном смысле право на защиту наиболее эффективно может быть реализовано только тогда, когда лицо признано обвиняемым, подозреваемым, потерпевшим или иным участником уголовного процесса.

Нельзя обойти вниманием возможность обжалования решений. Эффективная система обжалования действий и решений, органов, ведущих уголовный процесс, является надежной гарантией защиты прав и свобод личности по уголовному делу.

Анализ позиций как отраслевой науки, так и положений общей теории права и межотраслевых исследований позволяет утверждать, что право личности на защиту в уголовном процессе может включать:

а) возможность личности использовать все предусмотренные законом средства и способы для защиты законных интересов (ч. 1 ст. 20 УПК);

б) возможность получения юридической помощи (для обвиняемого, подозреваемого – помощь защитника, для свидетеля – помощь адвоката свидетеля) для осуществления и защиты своих прав (ч. 4 и 5 ст. 20 УПК);

в) обязанность соответствующего должностного лица компетентного органа, ведущего уголовный процесс, разъяснить лицу его процессуальные права и обеспечить реальную возможность осуществления этих прав, а при наличии оснований признать законные требования о восстановлении нарушенного права (ч. 1 ст. 10 УПК);

г) возможность обжалования действий и решений органов, ведущих уголовный процесс (ст. 138 УПК).

Таким образом, одна из тенденций в развитии уголовной юстиции современного периода – расширение внимания к защите прав всех лиц, которые вовлекаются в сферу уголовного процесса, изменение традиционного понимания процессуального института права на защиту в уголовном процессе на основе конституционного и общетеоретического представления о сущности защиты.

Библиографические ссылки

1. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. СПб., 1996. Т. 2.

2. Строгович М. С. Право обвиняемого на защиту. М., 1984.

3. Бекешко С. П., Матвиенко Е. А. Подозреваемый в советском уголовном процессе. Минск, 1969.

4. Самарин В. И. Производство по уголовному делу в отношении умершего: а как же право на защиту? // Стратегии развития уголовно-процессуального права в XXI в. : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 10–11 нояб. 2016 г. М., 2017. С. 92.

5. Петрова О. В. Оказание профессиональной юридической помощи адвокатурой как гарантия защиты прав и свобод личности // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз : сб. науч. тр., приуроч. к 90-летию д-ра юрид. наук проф. И. И. Мартинович / Белорус. гос. ун-т, юрид. фак., каф. уголов. процесса и прокур. надзора ; редкол.: А. А. Данилевич (отв. ред.), О. В. Петрова, В. И. Самарин. Минск, 2017. С. 85–87.

6. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968.

7. Данилевич А. А., Петрова О. В. Основы конвергентной модели защиты в уголовном процессе // Демократия. Закон. Право : сб. материалов круглого стола, посвящ. 90-летию со дня рождения А. А. Головко, Минск, 12 дек. 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; под общ. ред. Г. А. Василевича. Минск, 2016. С. 36–43.
8. Данилевич А. А., Петрова О. В. Защита прав и свобод личности в уголовном процессе. Минск, 2008.
9. Ларин А. М., Мельникова Э. Б., Савицкий В. М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М., 1997.
10. Корнуков В. М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1987.
11. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992.

И. И. Мартинович
доктор юридических наук

КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О СУДОУСТРОЙСТВЕ И СТАТУСЕ СУДЕЙ 2006 г. – ДОСТИЖЕНИЕ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ[1]

Введение. Прошло пятнадцать лет реализации в Республике Беларусь Концепции судебно-правовой реформы, одобренной Верховным Советом Республики Беларусь 23 апреля 1992 г. [1]. Являясь составной частью глубоких политических и социально-экономических преобразований, которые проводятся в стране в целях формирования демократического правового государства, многоукладной рыночной экономики и гражданского общества, эта реформа – одно из важнейших направлений деятельности всех органов государственной власти и управления республики.

Утверждение самостоятельной и независимой судебной власти в качестве основного гаранта прав и свобод граждан, действенности законов потребовало принципиальных изменений в судоустройстве и судопроизводстве белорусского государства. Одним из значимых событий последнего времени явилось принятие и вступление в силу с 13 января 2007 г. Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей (далее – Кодекс) [2].

Основная часть. Идея о необходимости кодификации белорусского судоустройственного законодательства не раз обосновывалось в юридической печати [3, с. 65; 4, с. 39–40; 5, с. 282–283]. Это и понятно, поскольку кодификация – ка-

[1] Друкуецца паводле: *Мартинович И. И.* Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. – достижение судебно-правовой реформы // Право и демократия : сб. науч. тр. Минск, 2004. Вып. 19. С. 3–13.

чественно новый уровень правового регулирования, позволяющий дать полное и системное изложение во внутренне согласованном виде всего нормативного материала по адекватной сфере общественных отношений, использовать новейшие достижения правовой мысли и правового опыта, устранить противоречия и дублирование в законодательстве.

Как показывает юридический анализ содержания Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей, в нем учтены десятилетний опыт применения Закона о судоустройстве и статусе судей 1995 г. [6], рекомендации юридической науки, более полно отражены общепризнанные принципы и нормы международного права. Суды в Кодексе предусматриваются в качестве центрального механизма разрешения социальных конфликтов, защиты прав и свобод человека и гражданина, достижения гражданского мира и согласия. Тем самым этот правовой акт обеспечит дальнейшую демократизацию, укрепление и развитие национальной судебной системы, повышение правового положения носителей судебной власти, окажет позитивное влияние на совершенствование организации и деятельности правоохранительных органов, содействующих суду в осуществлении правосудия.

Переходя к конкретному рассмотрению инновационных положений Кодекса, надо прежде всего заметить, что в нем более последовательное развитие и конкретизацию получили конституционные принципы построения и функционирования суда, состав, порядок комплектования и компетенция отдельных звеньев судебной системы и органов судейского сообщества, статус судей и народных заседателей, а также кадровое, организационное и материально-техническое обеспечение судебной деятельности и многие другие вопросы судоустройства.

С удовлетворением следует отметить, что в новом кодифицированном правовом акте впервые нормативно закреплено единство судебной системы Республики Беларусь с сохранением прежней модели организации судебной власти. Это единство обеспечивается путем: установления ее организации Конституцией и Кодексом; соблюдения всеми судьями предусмотренного законодательством порядка судопроизводства; признания обязательного исполнения на всей территории страны вступивших в законную силу судебных постановлений; единства статуса судей; финансирования судов из средств республиканского бюджета (ст. 4 Кодекса).

Принципиально значима фиксация в ст. 9 Кодекса принципа участия граждан в осуществлении правосудия. Дело в том, что ни в Основном Законе страны, ни в Законе о судоустройстве и статусе судей это руководящее положение не нашло прямого отражения, в отличие, к примеру, от Конституции Российской Федерации и Украины и их судоустройственных законодательных актов. Так, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 г. в соответствии с п. 5 ст. 32 Конституции РФ предусматривает три формы участия граждан в судебном рассмотрении дел: в качестве присяжных, народных и арбитражных заседателей (п. 1 ст. 1) [7]. В Украине участие народа в качестве народных и присяжных заседателей

закреплено в ст. 124 Основного Закона и в ч. 3 ст. 5 Закона о судоустройстве от 7 февраля 2002 г. [8]. Тенденция на расширение участия представителей гражданского общества в судопроизводстве проявляется в последние годы и в других странах СНГ (в частности, в Республике Казахстан [9, с. 61]), а также многих других государствах мира.

К сожалению, наш законодатель отверг идею Концепции судебно-правовой реформы о введении в республике суда присяжных и до минимума сузил участие граждан в судебном рассмотрении дел в качестве народных заседателей. Их участие предусмотрено по действующему Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь (ст. 32) лишь по уголовным делам о преступлениях, за которые может быть назначено наказание свыше десяти лет лишения свободы, и по делам о преступлениях несовершеннолетних. Причем эти дела рассматриваются в составе одного профессионального судьи и двух народных заседателей.

Закрепление в Кодексе о судоустройстве и статусе судей руководящего начала участия граждан в осуществлении правосудия позволяет надеяться, что рамки привлечения представителей общественности в белорусское судопроизводство будут со временем расширены. Ориентация на профессиональный суд, которая предлагается некоторыми юристами, хотя и может быть оправдана с экономической точки зрения, противоречит нашему национальному менталитету и национальным правовым традициям, а также взятому курсу на создание правового государства для народа, для Человека.

Одним из бесспорных достоинств анализируемого нормативно-правового акта является правовая регламентация в нем не только вопросов организации и компетенции системы общих судов (районных (городских), областных (Минского городского) судов и Верховного Суда Республики Беларусь), как было прежде, но и Конституционного Суда Республики Беларусь и хозяйственных судов (областей и города Минска, Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь). Военные суды (межгарнизонные и Белорусский военный суд) по-прежнему включены в систему судов общей юрисдикции во главе с Верховным Судом, в составе которого наряду с другими действует военная коллегия.

Согласно ч. 2 ст. 5 Кодекса Конституционный Суд Республики Беларусь определен как орган судебного контроля за конституционностью нормативных правовых актов в государстве, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Это положение находится в полном соответствии с содержанием ст. 116 Конституции Республики Беларусь, раскрывающей юридическую природу этого специализированного органа правовой охраны Основного Закона страны. Общие суды осуществляют правосудие посредством гражданского, уголовного и административного судопроизводства, хозяйственные – посредством хозяйственного и административного судопроизводства (ч. 3 и 4 ст. 5 Кодекса). Таким образом, эти положения концептуально отличают Кодекс о судоустройстве и статусе судей от предыдущего правового акта о судебной организации 1995 г., поскольку он не включал Конституционный Суд в судебную систему республики (ст. 1 и 17) и не регулировал организацию судов экономической юрисдикции.

Словом, в Кодексе, как и в предшествующем законодательном акте о судоустройстве, вместо существовавшей в советское время многие десятилетия централизованной судебной системы как составной части командно-административного аппарата установлена полисистемная, децентрализованная судебная организация, состоящая из трех параллельно действующих подсистем (частей): 1) Конституционного Суда Республики Беларусь; 2) общих и 3) хозяйственных судов. При этом допускается внутренняя и внешняя специализация в судах общей и хозяйственной юрисдикции. В соответствии с ч. 2 ст. 28 Кодекса в системе общих судов могут создаваться специализированные суды: по делам несовершеннолетних, семейные, административные и др., а в системе хозяйственных (ч. 2 ст. 59 Кодекса) – суды по банкротству, земельные, налоговые и др.

Думается, что установка на создание специализированных судов перспективна и целесообразна в связи с переходом к многоукладной рыночной экономике, усложнением общественных отношений и соответствующего законодательства, ростом численности и многообразия коллизий и противоречий в различных сферах жизнедеятельности общества.

Провозглашенный в Концепции судебно-правовой реформы 1992 г. принцип функционального разделения организационных форм судебной власти (присущий, кстати, судебным системам большинства стран мира) и зафиксированный затем в ст. 109 Конституции Республики Беларусь и судоустройственном законодательстве, неизбежно увеличивая количество судов и судей, обеспечивает максимальную доступность правосудия, снижает нагрузку судей, создает оптимальные условия для их узкой специализации по определенной категории дел, что в конечном итоге повышает эффективность и качество судебной деятельности, более надежно защищаются права и законные интересы граждан и юридических лиц, интересы государства и общества.

В связи с этим надо сказать, что в ближайшие годы для Беларуси особенно актуально введение судов по делам несовершеннолетних как центрального системообразующего звена ювенальной юстиции. Нас обязывают к этому международные обязательства, в частности ратифицированная республикой Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г., Закон Республики Беларусь о правах ребенка 1993 г., Уголовно-процессуальный кодекс. Своевременно ставить вопрос об этом и в контексте Итоговых выводов и рекомендаций от 13 июня 2002 г. Комитета по правам ребенка ООН – контролирующего международного органа (п. 51). Необходимость практического решения этого вопроса подтверждена Вторым съездом судей Республики Беларусь в феврале 2002 г. Группой белорусских ученых подготовлен проект Концепции о ювенальной юстиции. Учитывая важность и архисложность формирования в стране ювенальной юстиции с включением так называемых восстановительных (примирительных) процедур, социально ориентированных технологий, автором этих строк высказывалось предложение о необходимости обсуждения проекта Концепции о ювенальной юстиции в Парламенте страны с последующим принятием закона «О ювенальной юстиции» или «Организации юстиции в отношении несовершеннолетних»

[10, с. 39]. Повторяя это предложение, вновь замечу, что в Кодексе по-прежнему не содержится императивной нормы, обязывающей создать специализированные органы правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

Привлекающим внимание инновационным положением анализируемого правового акта о судоустройстве является появление в судебной системе республики апелляционной инстанции для проверки правильности не вступивших в законную силу судебных постановлений судов первой инстанции путем повторного судебного разбирательства (допросом свидетелей, потерпевших, проведением экспертиз и т. д.) и вынесением нового решения, которое является окончательным, либо подтверждением ранее постановленного судебного акта. Апелляционный порядок пересмотра судебных решений избавит судебную систему от многократного рассмотрения судебных дел, т. е. от волокиты и, следовательно, грубых нарушений прав и законных интересов участников процесса. Повысится качество и эффективность правосудия, его оперативность и экономичность. Упраздненная в 1918 г. Декретом о суде № 2 апелляция в новых исторических условиях может стать действенным правовым институтом, который поднимет на качественно новый уровень деятельность судов по отправлению правосудия.

В Беларуси апелляционный порядок пересмотра судебных решений, предусмотренный в качестве одного из принципов модернизации судоустройства и судопроизводства Концепцией судебно-правовой реформы, был введен лишь двенадцать лет спустя, законом от 6 августа 2004 г., вступившим в силу с 7 марта 2005 г. [11]. Апелляционные инстанции созданы и действуют в первичном звене системы судов хозяйственной юрисдикции, т. е. в хозяйственных судах областей и г. Минска (ст. 61 Кодекса). Что касается общих судов, то, как предполагается, они должны появиться с введением апелляционного производства в гражданском и уголовном процессах. Статьи 35 и 45 Кодекса допускают при необходимости образование кассационных и апелляционных, а также иных судебных коллегий для специализированного рассмотрения дел в областном (Минском городском), Белорусском военном судах и Верховном Суде Республики Беларусь. Обеспечению единства судебной практики в масштабе страны, единообразному пониманию и применению общими и хозяйственными судами законодательства будет способствовать правовое урегулирование в Кодексе оснований и порядка проведения совместных заседаний членов Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (глава 5 раздела 2 Кодекса).

Значительными нововведениями отличается в принятом Кодексе раздел III (главы 6–15), посвященный правовому регулированию статуса судьи и народного заседателя. Характеризуя эти новации, следует сделать прежде всего акцент на уточнении и повышении в соответствии с мировыми стандартами требований к кандидатам на судебные должности, а также введении института кандидата в судьи.

В статье 94, формулирующей требования к лицам на должность судьи общего и хозяйственного судов, в числе первых из них указывается, что гражданин

Республики Беларусь, претендующий на указанную должность, кроме возраста не моложе 25 лет, высшего юридического образования с присвоением квалификации «юрист», стажа работы по специальности не менее трех (ранее двух) лет, не совершивший порочащих его поступков, сдавший квалификационный экзамен, должен владеть белорусским и русским языками. Это требование соответствует ст. 17 Конституции Республики Беларусь, которая провозглашает названные языки государственными и позволит равноправие языков в суде сделать более реальным, обеспечить их равновесие в использовании и функционировании в сфере правосудия.

Устанавливая одинаковые требования для кандидатов в судьи общих и хозяйственных судов, Кодекс определил, что на должность судьи Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь, как и Верховного Суда, может быть назначено лицо, имеющее стаж судебной работы не менее пяти лет (прежде требовался стаж работы по специальности юриста такого же срока). Вполне логично предусмотрен в ст. 95 Кодекса стаж работы в должности судьи для кандидата на должность председателя, заместителя председателя районного (городского), межгарнизонного военного, специализированного суда, а также областного (Минского городского), Белорусского военного судов, хозяйственного суда области (г. Минска) соответственно не менее трех и не менее пяти лет.

Занятие вакантной должности судьи в системе как общих, так и хозяйственных судов осуществляется на конкурсной основе (ранее это предусматривалось лишь в Законе о хозяйственных судах 1998 г.).

Положительный результат квалификационного экзамена, который сдается экзаменационной комиссии (действует при Верховном Суде и Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь), является основанием для зачисления кандидатом в судьи. Надо отметить, что институт кандидата на судебную должность предложен Концепцией судебно-правовой реформы 1992 г., разработчики которой опирались на опыт введения такого института Учреждениями судебных установлений 1864 г. (ст. 407–419).

Квалификационная коллегия судей дает оценку деловым и морально-психологическим качествам претендента на судебную должность и осуществляет функции конкурсной комиссии, т. е. принимает решение о регистрации в качестве кандидата в судьи или отказе в этом. При наличии вакантной должности судьи квалификационная коллегия судей рекомендует зарегистрированного ею кандидата на судебную должность для назначения на эту должность и прохождения специальной подготовки, о чем информирует Министерство юстиции Республики Беларусь.

Специальная подготовка включает обучение до одного года в специализированном учебном заведении (Институте переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, открытом в 1998 г.) с совмещенной стажировкой в одном из судов республики под руководством опытного судьи, назначенного соответственно Председателем Верховного Суда или Председателем Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (ст. 93 Кодекса). Условия

и порядок прохождения специальной подготовки на должность судьи, а также ее программа определяется Министерством юстиции совместно с высшими судами. Словом, в Кодексе решен вопрос о порядке замещения судейских должностей, формировании судейского корпуса. По сути, как и в Российской Федерации и в некоторых других странах, этот процесс проходит две стадии: 1) отбор кандидата на должность судьи на конкурсной основе; 2) наделение его судейскими полномочиями путем назначения (избрания) в установленном порядке на вакантную судебную должность. Предусмотренный Кодексом порядок отбора, зачисления кандидатом в судьи и специальной подготовки на должность судьи позволит повысить качественный состав судейских кадров, выполнение на предъявленном уровне стоящих перед ними задач. Видимо, заботой о профессионализме судей продиктовано включение в ст. 90 Кодекса нормы о том, что судьи Конституционного Суда после истечения срока их полномочий (11 лет) могут быть назначены (избраны) на новый срок. Судьи же общих и хозяйственных судов после пятилетнего пребывания на судейской должности могут быть назначены на новый срок или бессрочно (п. 4 ст. 99 Кодекса). Насколько оправданны такие нововведения – покажет время, практика их применения.

В третьем разделе Кодекса регламентированы и многие другие вопросы, касающиеся статуса судей и народных заседателей, а именно: аттестация судей и присвоение им квалификационных классов, дисциплинарная ответственность судей, приостановление, возобновление и прекращение их полномочий, отставка судей, государственная защита судей и народных заседателей, материальное и социальное обеспечение, наконец, вопросы правового положения народного заседателя.

Следует отметить, что в основном в Кодексе воспроизводятся нормы предшествующего законодательства, хотя имеются и некоторые новые положения. К сожалению, отдельные из них, как представляется, не всегда отвечают демократическому направлению развития белорусского судоустройства. В частности, вряд ли целесообразна передача принятия решений по результатам рассмотрения дел о дисциплинарных проступках судей председателям соответствующих и вышестоящих общих и хозяйственных судов (ст. 119 Кодекса). Квалификационные коллегии судей правомочны теперь осуществлять лишь дисциплинарное производство в отношении судей за совершение ими дисциплинарных проступков (за исключением проступков о несоблюдении судьями правил внутреннего трудового распорядка) и принимать заключения, имеющие рекомендательный характер. Это не только значительно усложняет процесс привлечения судей к дисциплинарной ответственности, но и ограничивает полномочия органов судейского самоуправления, представляет определенную угрозу для судейской независимости.

В целом же нужно заметить, что вопросы, связанные с компетенцией, порядком формирования и деятельностью органов судейского сообщества, урегулированы в новом правовом акте по судоустройству с достаточной полнотой и не вызывают критических замечаний. Как и ранее, к ним отнесены: съезд судей Республики Беларусь; Республиканский совет судей; конференции судей

областных (Минского городского) судов, конференции судей военных судов и конференции судей хозяйственных судов. Первичным звеном системы органов судейского сообщества являются квалификационные коллегии судей Верховного Суда Республики Беларусь, квалификационные коллегии судей областных (Минского городского) судов, квалификационные коллегии судей военных судов и квалификационные коллегии судей хозяйственных судов.

Согласно статье 144 Кодекса основными задачами органов судейского сообщества названы: поддержание авторитета судебной власти; обеспечение соблюдения судьями в их профессиональной деятельности и личном поведении требований, предъявляемых к ним Конституцией Республики Беларусь, иными актами законодательства и Кодексом чести судьи; защита прав и законных интересов судей; содействие реализации гарантий независимости и неприкосновенности судей; совершенствование судебной системы и судопроизводства.

В Кодексе урегулированы основные вопросы обеспечения деятельности судов и органов судейского сообщества. Последний (шестой) раздел посвящен заключительным положениям.

Обеспечивая системное и сравнительно полное регулирование соответствующей области общественных отношений, Кодекс выгодно отличается от своего предшественника – Закона о судоустройстве и статусе судей 1995 г., в частности более совершенной законодательной техникой. В нем шесть разделов, 22 главы и 193 статьи (в Законе 1995 г. – шесть разделов, 11 глав и 90 статей).

Заключение. Таким образом, сохраняя преемственность и вместе с тем развивая и обогащая демократические основы организации суда, совершенствуя правовое положение судей, Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. открывает новую страницу в истории судебной власти и судебной организации белорусского суверенного государства. В нем учтены десятилетний опыт применения Закона о судоустройстве и статусе судей 1995 г. и рекомендации юридической науки. Более полное отражение получили принципы и нормы международного права. В новом кодифицированном правовом акте впервые нормативно закреплено единство национальной судебной системы, дана правовая регламентация организации и компетенции как системы общих судов (что было прежде), так и Конституционного Суда Республики Беларусь и хозяйственных судов. В соответствии с мировыми стандартами повышены требования к кандидатам в судьи, введены институт кандидата на судебную должность и специальная их подготовка.

Библиографические ссылки

1. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1992. № 16. Ст. 270.

2. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2006. № 107. 2/1236.

3. Мартинович И. И. О систематизации республиканского законодательства о судоустройстве // Вестн. БГУ. Сер. 3. 1980. № 2. С. 65.

4. Мартинович И. И. О судебной власти и судебной организации // Право и демократия : межвузов. сб. науч. тр. Минск, 1994. Вып. 6. С. 39–40.

5. Мартинович И. И. К вопросу о кодификации законодательства о судоустройстве // Теоретическое и правовое обеспечение реформы в сфере борьбы с преступностью в Республике Беларусь : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 22–23 апр. 1991 г. Минск, 1999. С. 282–283.
6. Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1995. № 11. Ст. 120.
7. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
8. Ведомости Верхов. Рады Украины (ВВР). 2002. № 27–28. Ст. 180.
9. Тейман С. Введение народного участия в отправление правосудия в Республике Казахстан // Рос. юстиция. 2004. № 6. С. 61.
10. Мартинович И. И. Проблемы создания ювенальной юстиции в Республике Беларусь // Юстиция Беларуси. 2000. № 2. С. 39.
11. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 138–139. 2/1064.

Е. А. Матвиенко
(1925–1998)
кандидат юридических наук

ЗАКОННАЯ СИЛА ПРИГОВОРА[1]

Приговор суда, вступивший в законную силу, приобретает особое качество, заключающееся в том, что его выводы и предписания получают общеобязательный характер, т. е. становятся как бы законом для данного конкретного случая.

Будучи выражением силы закона, проявлением его непоколебимости, законная сила приговора способствует укреплению правопорядка, повышению авторитета суда и выносимых им решений, усилению борьбы с преступностью. Посредством законной силы приговора достигается стабильность приговоров, создается атмосфера определенности и последовательности при отправлении правосудия.

Именно в законной силе приговора реализуется воля законодателя по принуждению к определенному поведению конкретных лиц.

Приговор вступает в законную силу по истечении срока на кассационное обжалование и опротестование. В случае принесения кассационной жалобы или кассационного протеста приговор вступает в законную силу с момента вынесения вышестоящим судом определения об оставлении его в силе или внесении в него изменений. Это положение относится и к тем случаям, когда кассационная жалоба или протест были принесены в части приговора или в отношении

[1] Друкуецца паводле: *Матвиенко Е. А.* Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968.

некоторых из осужденных. Статья 341 УПК БССР обязывает суд второй инстанции проверить каждое рассматриваемое дело в полном объеме независимо от доводов кассационной жалобы или протеста. Следовательно, приговор суда, обжалованный или опротестованный в части либо в отношении некоторых из осужденных, не вступает в законную силу в полном объеме до вынесения решения вышестоящим судом[1].

Иначе определяет момент вступления приговора в законную силу Я. О. Мотовиловкер. Правильно отметив, что ревизионный характер кассационного производства нельзя рассматривать в отрыве от принципа запрета преобразования к худшему, он пишет: «Из ст. 332 УПК РСФСР следует, что суд проверяет дело в полном объеме лишь в отношении всех осужденных, а не оправданных... Следовательно, необоснованный и неопротестованный приговор в части оправдания не может быть поколеблен кассационной инстанцией в ревизионном порядке, даже если дело будет подвергнуто пересмотру по одному из предусмотренных законом оснований.

Поэтому если подсудимый обжаловал приговор в части обвинения, по которому он судом признан виновным, а в части обвинения, по которому подсудимый оправдан, приговор не обжалован и не опротестован, то в части оправдания приговор вступает в законную силу не по рассмотрении дела вышестоящим судом, а по истечении срока на кассационное обжалование или опротестование»[2].

Это утверждение является ошибочным. Оно основано на неверной посылке, что не обжалованный и не опротестованный в части оправдания приговор не может быть отменен или изменен кассационной инстанцией в ревизионном порядке. Между тем, если при проверке приговора, которым часть подсудимых осуждена, а часть оправдана либо подсудимый в части обвинения осужден, а в части оправдан, суд второй инстанции устанавливает наличие предусмотренных ст. 353 УПК БССР безусловных кассационных оснований (например, незаконный состав суда, нарушение тайны совещательной комнаты и др.), он отменяет весь приговор целиком, в том числе и в части оправдания, хотя приговор суда в этой части не был обжалован или опротестован. Суд может также в ревизионном порядке изменить основания оправдания подсудимого на более благоприятные. Из этого следует, что если приговор суда был обжалован в кассационном порядке хотя бы частично, он вступает в законную силу целиком только после рассмотрения дела кассационной инстанцией. Приговоры, не подлежащие кассационному обжалованию или опротестованию, вступают в законную силу с момента их провозглашения.

---

[1] Эта точка зрения разделяется многими авторами. См.: *Цыпкин А. Л.* Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965. С. 112–113 ; Комментарий к УПК РСФСР. Изд. 2-е. М., 1965. С. 501–503 ; *Рыжков И. Н.* Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 5–6.

[2] *Мотовиловкер Я.* Установление момента вступления приговора в законную силу // Совет. юстиция. 1964. № 5. С. 3.

Приговор вступает в законную силу как в резолютивной, так и в описательной части. Одновременно силу закона приобретают и мотивы приговора, которые находятся в неразрывной связи с принятым судом решением. Не случайно законодатель установил, что мотивы приговора могут быть обжалованы наравне с решением вопроса о виновности или невиновности подсудимого, квалификации преступления, назначении меры наказания и др. (ст. 334 УПК БССР).

Юридическое значение вступившего в законную силу приговора заключается в его обязательности, исключительности, неизменности и преюдициальности[1]. Эти качества приговора являются неизменными и не могут быть поколеблены в процессе его исполнения.

Обязательность приговора выражается в непременном и безусловном исполнении его всеми органами и лицами, к которым он адресован. Эта обязательность вытекает из того положения, что приговор суда, являющийся важнейшим актом социалистического правосудия, выносится именем государства и по вступлении в законную силу приобретает столь же обязательный для исполнения характер, как и закон. Ни одно государственное или общественное учреждение, предприятие и организация, должностное лицо или гражданин СССР не могут игнорировать факта постановления приговора, отказаться от его исполнения. Равным образом они обязаны оказывать необходимую помощь и содействие тем органам, которые призваны осуществлять фактическое исполнение приговора.

Закон не устанавливает каких-либо различий и преимуществ в степени обязательности приговоров, вынесенных судами разных наименований. Поэтому все приговоры, независимо от того, каким судом и где они постановлены, обладают одинаковой степенью обязательности и подлежат исполнению на всей территории СССР.

Исключительность приговора – это такое его свойство, в силу которого не допускается (исключается) возможность вторичного рассмотрения уголовного дела в суде в отношении того же лица и по тому же обвинению, по которому имеется вступивший в законную силу приговор либо определение или постановление суда о прекращении дела.

Правило об исключительности приговора нашло свое нормативное выражение в п. 9 ст. 5 УПК БССР, которая устанавливает, что уголовное дело не

[1] В советской процессуальной литературе по вопросу об основных чертах, характеризующих вступивший в законную силу приговор, высказаны различные точки зрения. Ряд авторов полагают, что такими чертами являются: обязательность, исключительность и неотменимость приговора. (См.: *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 425 ; *Бушуев И. А.* Исправительные работы. М., 1959. С. 106 и др.) А. Л. Цыпкин в число основных свойств приговора включает: обязательность, исключительность, неопровержимость и неизменность приговора. Из дальнейшего изложения, однако, видно, что понятие неопровержимости и неизменности приговора он отождествляет. (См.: *Цыпкин А. Л.* Право на защиту в кассационном и надзорном порядке и при исполнении приговора. Саратов, 1965. С. 114.)

может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению, если в отношении лица по тому же обвинению имеется вступивший в законную силу приговор – обвинительный или оправдательный. Это правило имеет целью устранить конкуренцию приговоров, исключить такое положение, когда по одному и тому же обвинению может быть вынесено несколько различных судебных решений.

Исключительность приговора составляет одну из процессуальных гарантий законных прав и интересов советских граждан. Суть этой гарантии – не быть судимым дважды за одно и то же преступление. Особенно важна такая гарантия для лиц, оправданных по суду, а также отбывших назначенное им наказание: они должны иметь уверенность, что не будут вторично привлечены к уголовной ответственности и осуждены за действия, которые уже были предметом рассмотрения суда.

Новое рассмотрение уголовного дела, по которому имеется вступивший в законную силу приговор, возможно только после отмены этого приговора в установленном законом порядке[1].

Неизменность приговора, вступившего в законную силу, означает недопустимость его отмены или изменения судом первой инстанции, а также ограничение тех условий, при которых уголовное дело может быть пересмотрено вышестоящим судом в порядке судебного надзора либо по вновь открывшимся обстоятельствам[2].

Неизменность приговора является выражением его стабильности и преследует цель обеспечить устойчивость принятого судом решения, без наличия которой эффективность приговора, его воспитательное и предупредительное воздействие были бы значительно подорваны.

Вместе с тем требование о неизменности приговора не может носить абсолютного характера и служить препятствием к устранению ошибок и недостатков, допущенных при постановлении приговора. Если приговор вынесен с нарушением закона, не отражает объективной истины, он должен быть незамедлительно исправлен.

---

[1] См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса. М., 1964. С. 10.

[2] Отдельные авторы это свойство приговора, вступившего в законную силу, именуют по-разному. М. А. Чельцов называет его *неотменимостью* приговора (см.: Советский уголовный процесс. М., 1962. С. 425), А. Л. Цыпкин – *неопровержимостью* приговора (см.: Право на защиту в кассационном и надзорном производстве и при исполнении приговора. Саратов, 1965. С. 116), Б. С. Тетерин – *стабильностью* приговора (см.: Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам. М., 1959. С. 9), а авторы комментария к УПК РСФСР (с. 501) – *непоколебимостью* приговора.

Представляется, что эти термины не обладают каким-либо преимуществом по сравнению с термином «неизменность приговора», который наиболее точно и полно отражает существо обозначаемого явления.

Такое ограничение начала неизменности приговора вытекает из существа социалистического правосудия, которое не может мириться с фактом вступления в законную силу приговора, являющегося незаконным, необоснованным или несправедливым. Как правильно отмечает М. А. Чельцов, «советский законодатель, требующий, чтобы приговор отражал объективную истину, признает неотменимость приговора лишь до того момента, пока не будет установлено его несоответствие объективной истине или требованиям закона. Если приговор не отвечает этим требованиям, нет основания считать его законом для данного дела. Напротив, он должен быть немедленно исправлен»[1].

Исправление приговора, вступившего в законную силу, производится путем пересмотра дела в порядке судебного надзора либо путем возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

В отдельных случаях приговор суда может быть подвергнут определенным уточнениям и дополнениям в процессе его исполнения, если такие уточнения и дополнения не затрагивают существа приговора[2].

Преюдициальность приговора – одно из специфических последствий вступления приговора в законную силу. Она состоит в придании обязательного значения выводам суда по данному делу для последующих дел (уголовных или гражданских) в пределах установленных приговором обстоятельств. Это означает, что выводы суда о наличии или отсутствии юридически значимых фактов, зафиксированные во вступившем в законную силу приговоре, становятся обязательными для всех других судов, если они касаются тех же фактов при рассмотрении иных судебных дел. Преюдициальность приговора имеет своим правовым основанием презумпцию истинности вступившего в законную силу приговора, сущность которой заключается в том, что факты, установленные таким приговором, признаются истинными до тех пор, пока обратное не доказано в установленном законом порядке.

Преюдициальное действие приговора распространяется прежде всего на судебное решение по гражданскому делу. В соответствии со ст. 21 Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик вступивший в законную силу приговор обязателен для суда, рассматривающего дело в порядке гражданского судопроизводства о гражданско-правовых последствиях, вытекающих из действий осужденного, в части того, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом. В такой же степени вступивший в законную силу приговор обязателен для суда, рассматривающего другое уголовное дело.

Преюдициальным свойством обладает и судебное решение по гражданскому делу в отношении приговора суда по уголовному делу. Согласно ст. 28 УПК РСФСР вступившее в законную силу решение по гражданскому делу обя-

---

[1] *Чельцов М. А.* Советский уголовный процесс. С. 425.

[2] См. об этом гл. III настоящей работы [см. Полное содержание издания: *Матвиенко Е. А.* Приговор суда и его исполнение. Минск, 1968. – прим. ред.].

зательно для суда, прокурора и органов расследования по вопросу о том, имело ли место исследуемое событие или действие, но не в отношении виновности обвиняемого.

Это правило основано на том положении, что установление фактических обстоятельств в соответствии с объективной истиной составляет единую задачу как для суда, рассматривающего уголовное дело, так и для суда, разрешающего гражданское дело. Поэтому если решением суда, вынесенным в порядке гражданского судопроизводства, подтверждается наличие определенного факта, события или действия, их существование признается без доказывания судом, рассматривающим уголовное дело[1].

[1] В УПК БССР такой нормы нет.

Б. В. Асаёнок
кандидат юридических наук

И. Р. Веренчиков
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОЗНАНИЯ ВО ВНУТРЕННИХ ВОЙСКАХ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь о внутренних войсках «внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь – государственная военная организация, предназначенная для защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан, общества и государства, конституционного строя, безопасности и суверенитета Республики Беларусь от преступных и иных противоправных посягательств» [1]. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 37 УПК Республики Беларусь на командиров воинских частей и соединений возложено полномочие осуществлять дознание согласно их компетенции, что отражает полномочия внутренних войск по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности в нашем государстве [2]. Эта компетенция четко определена в данной норме и являет собой полномочие на предварительное расследование в форме дознания «по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами, на которых распространяется статус военнослужащих, а также о преступлениях, совершенных гражданским персоналом Вооруженных Сил, других войск и воинских формирований в связи с исполнением ими служебных (трудовых) обязанностей в расположении воинской части, соединения, военного учебного заведения, учреждения, организации Вооруженных Сил, гарнизона».

Это полномочие осуществляется ими в рамках компетенции органа дознания как самостоятельно, так и путем делегирования выполнения ряда функций органа дознания такому участнику уголовного процесса, как лицо, производя-

щее дознание (ст. 39 УПК Республики Беларусь). Уголовно-процессуальным законодательством четко определена процедура производства предварительного расследования: его сроки, этапы, порядок собирания, проверки и оценки доказательств, источники доказательств и т. п. Однако вне рамок правового регулирования остаются организационные, тактические и иные рекомендации о наиболее эффективном проведении данной формы предварительного расследования. Этот пробел должна восполнить и в определенной мере восполняет криминалистика, в частности в рамках учения о криминалистическом обеспечении расследования преступлений. В настоящее время в криминалистической доктрине имеется огромное количество рекомендаций, касающихся проведения предварительного расследования. Большинство из них, конечно же, относится к предварительному следствию или предварительному расследованию в целом. В некоторых же случаях выделяется в качестве отдельного предмета и деятельность органов дознания [3]. Нам, к сожалению, приходится констатировать, что криминалистическое обеспечение деятельности органов дознания по материалам и уголовным делам в качестве самостоятельного предмета изучения рассматривается несоизмеримо меньше, чем деятельность следователя в процессе предварительного расследования. И тем более это относится к такой специфической сфере, как деятельность органа дознания во внутренних войсках. Учитывая вышесказанное, а также существенное влияние преступных проявлений на военную безопасность нашего государства и морально-правовой климат в воинских коллективах, считаем необходимым особо обратиться к данной тематике.

Вопросами криминалистического обеспечения уголовного процесса и организации расследования занимались многие ученые-криминалисты: А. Ф. Волынский [4], В. Д. Зеленский [5], И. П. Можаева [6], А. П. Пацкевич [7], А. С. Рубис [8] и др.

Первоначально учение о криминалистическом обеспечении ставило своей задачей лишь «перебросить мостик» между достижениями криминалистической науки и криминалистической деятельностью экспертно-криминалистических подразделений, органов предварительного расследования. Несколько позже внедрение криминалистических инноваций стало самостоятельной задачей данного учения и даже начало рассматриваться как одна из задач криминалистики. Так, по выражению известного российского криминалиста А. Ф. Волынского, «в форме криминалистического обеспечения речь идет о внедрении как об одной из функций данной системы и о роли криминалистики в ее реализации» [9, с. 78].

Следует сказать, что в настоящее время в рамках отечественной криминалистической науки (как и на постсоветском пространстве) нами не обнаружено самостоятельных монографических исследований, которые бы были посвящены именно криминалистическому обеспечению производства дознания (в каком-либо государственном органе или вообще). Однако несколько схожим

мы считаем направление криминалистических исследований по поводу криминалистического обеспечения первоначального этапа расследования. Здесь можно указать работы П. Л. Боровика [10], А. А. Митрофановой [11], И. В. Пашуты [12] и др.

Абсолютное большинство исследований, связанных с криминалистическим обеспечением, посвящены вопросам криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Однако существуют и работы, рассматривающие криминалистическое обеспечение судебного разбирательства (причем в широком его смысле – в виде административного, арбитражного, гражданского судопроизводства) [13, с. 16].

В результате развития учения о криминалистическом обеспечении сегодня сформировалось достаточное количество направлений, к которым относятся:

1) криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений, а также отдельных этапов расследования (является основным, в русле которого осуществлено абсолютное большинство изученных исследований) [14 и др.];

2) криминалистическое обеспечение проведения отдельных следственных и иных процессуальных действий [15 и др.];

3) криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершенных определенными категориями лиц [16 и др.];

4) криминалистическое обеспечение судебного разбирательства [17 и др.];

5) криминалистическое обеспечение хозяйственного (арбитражного) и гражданского судопроизводства, а также ведения административного процесса (производства по делам об административных правонарушениях) [18];

6) криминалистическое обеспечение деятельности определенных субъектов осуществления криминалистически значимой деятельности:

а) правоохранительных органов и спецслужб [19];

б) криминальной милиции и органов предварительного расследования [20];

в) прокурора [8] и др.

В разработке указанных направлений представляются выраженными следующие подходы:

- объектный (криминалистическое обеспечение расследования определенной группы или вида преступлений);
- субъектный (криминалистическое обеспечение деятельности милиции, органов предварительного расследования и др.);
- деятельностный (криминалистическое обеспечение предварительного расследования, судебного разбирательства, административного процесса и т. п.).

С учетом субъектного подхода в рассматриваемом криминалистическом учении можно в полной мере говорить и о наличии такого самостоятельного направления, как криминалистическое обеспечение деятельности органов дознания. Это является частью криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования или раскрытия и расследования преступлений в целом. Однако криминалистическое обеспечение деятельности ор-

ганов дознания охватывает важные аспекты их работы: наличие у части из них функций на осуществление оперативно-розыскной деятельности, специфику выявления и пресечения ими преступлений в процессе осуществления повседневной служебной деятельности. В этом контексте несомненной спецификой обладает криминалистическое обеспечение деятельности внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь как органа дознания. Являясь частью подсистемы криминалистического обеспечения деятельности органов предварительного расследования, оно обладает рядом особенностей, которые не нашли отражения ни в рамках указанного учения, ни в системе криминалистики в целом.

В качестве одной из первых работ в рамках субъектного подхода следует назвать «Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования». В ней дается следующее определение: «Под криминалистическим обеспечением деятельности органов внутренних дел, и криминальной милиции в особенности, понимается система криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений их сотрудников использовать научные криминалистические рекомендации, применять криминалистические средства, методы и технологии их использования в целях предотвращения, выявления, раскрытия и расследования преступлений» [3, с. 64].

Такой ориентированный на субъекта подход в рассматриваемом криминалистическом учении позволяет говорить о месте криминалистического обеспечения деятельности внутренних войск как органа дознания с учетом следующих особенностей:

1) наличие полномочий на производство лишь неотложных следственных и процессуальных действий в качестве органа дознания с учетом временных рамок дознания (в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь это не более десяти суток со дня возбуждения уголовного дела);

2) условия ограниченности по месту совершенного преступления и субъектам его совершения (воинская часть как место совершения преступления, а его субъекты – военнослужащие и гражданский персонал воинской части);

3) дознание не является основным и единственным видом деятельности для данного органа дознания;

4) дознанию, как правило, предшествует служебная деятельность по выявлению и фиксации признаков нарушения законодательства.

Аккумулируя сложившийся опыт научного отражения содержания криминалистического обеспечения, следует предложить и самостоятельное определение криминалистического обеспечения деятельности внутренних войск как органа дознания – это система криминалистических знаний, умений и навыков, основанных на них рекомендаций, используемых в целях эффективного выявления внутренними войсками как органом дознания преступлений в сфере своей компетенции, а также производства по ним дознания.

Содержанием криминалистического обеспечения деятельности внутренних войск как органов дознания будут выступать соответствующие элементы системы учения о криминалистическом обеспечении с учетом специфики внутренних войск как органа дознания. К этим элементам (или подсистемам) относятся:

1) криминалистические знания, основанные на них умения и навыки;

2) технико-криминалистическое обеспечение;

3) тактико-криминалистическое обеспечение;

4) организационное и методико-криминалистическое обеспечение;

5) учебно-методическое обеспечение.

Библиографические ссылки

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г., одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2019 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

2. О внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 июня 1993 г., № 2341-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 22 июня 2015 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2020.

3. Криминалистическое обеспечение милиции и органов предварительного расследования / Т. В. Аверьянова [и др.] / под ред. Т. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997.

4. Волынский А. Ф. Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений как форма реализации социальных функций // Юрид. наука и правоохран. практика. 2008. № 3 (6). С. 64–69.

5. Зеленский В. Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. Ростов н/Д, 1989.

6. Можаева И. П. Криминалистическое учение об организации расследования преступлений : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.12 / Акад. упр. МВД России. М., 2014.

7. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования. Общая часть : курс лекций / А. П. Пацкевич ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2011.

8. Рубис А. С. Криминалистическое обеспечение деятельности прокурора в сфере борьбы с преступностью. Минск, 2005.

9. Волынский А. Ф. Инновационная деятельность в криминалистическом обеспечении расследования преступлений // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2011. № 3 (20). С. 77–79.

10. Боровик П. Л. Криминалистическое обеспечение возбуждения уголовных дел об обороте порнографии с изображением несовершеннолетнего : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2013.

11. Митрофанова А. А. Криминалистическое обеспечение первоначального этапа расследования нарушений безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (ст. 263 УК РФ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.12 / Куб. гос. аграр. ун-т им. И. Т. Трубилина. Иркутск, 2017.

12. Пашута И. В. Криминалистическое обеспечение первоначального этапа расследования хулиганства, совершенного с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2011.

13. Аксёнов Р. Г. Объект криминалистического обеспечения // Вестн. Калининград. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2010. № 4. С. 16–20.

14. Талалаев В. А. Криминалистическое обеспечение хищений оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ. Минск, 2009.

15. Бульбачева А. А. Криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. упр. МВД России. М., 2017.

16. Лозовой Я. Я. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершенных с участием лиц с психическими аномалиями : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Владим. юрид. ин-т ФСИН. Владимир, 2011.

17. Кудрявицкий А. С. Криминалистическое обеспечение – одно из условий повышения качества судебного разбирательства // Юрид. наука и правоохран. практика. 2010. № 2 (12). С. 117–123.

18. Сербин И. С. Криминалистическое обеспечение защиты коммерческой тайны. М., 2008.

19. Алиев Б. А. Криминалистическое обеспечение антитеррористической деятельности правоохранительных органов и спецслужб. Баку, 2010.

20. Криминалистическое обеспечение предварительного расследования : учеб. пособие для вузов / В. А. Адамова [и др.] / под ред. В. А. Образцова. М., 1992.

А. В. Дулов

доктор юридических наук

ЗАДАЧИ КРИМИНАЛИСТИКИ[1]

Приступая к изучению новой науки, всегда задаешься вопросом: с чего начать? Обычно начинают с изучения предмета науки. В некоторых случаях целесообразен несколько иной порядок, прежде всего следует определить, почему появилась данная наука, какие цели преследовались при ее создании.

Существуют две группы наук: одни развиваются по присущим им внутренним законам (математика, химия, биология), которые определяют задачи углубленного исследования, другие появляются под воздействием потребностей общества. По мере его развития возникают задачи, которые можно решить

[1] Друкуецца паводле: *Дулов А. В.* Задачи криминалистики // Криминалистика : учеб. пособие / Г. И. Грамович [и др.] ; под ред. А. В. Дулова. Минск, 1998. С. 4–9.

только благодаря проведению научных исследований, изысканий научных средств и методов.

Такая потребность в научных исследованиях возникает при осуществлении борьбы с преступностью, для чего государством создаются специальные учреждения, призванные предупреждать преступные проявления, выявлять их и наказывать за совершение действий, противоречащих установленным обществом правовым нормам. Для упорядочения действий по борьбе с преступностью служит уголовно-процессуальное законодательство, предусматривающее порядок расследования преступлений, рассмотрения уголовных дел в суде, который призван осуществлять правосудие, т. е. окончательно решать вопрос о наличии преступления и наказывать за его совершение.

Создание законов, повседневное осуществление практической деятельности по борьбе с преступностью требуют их глубокой научной разработки, определяют развитие целого ряда юридических наук: уголовного права, криминологии, уголовного процесса. Потребность практики сформировала еще одну науку – криминалистику. Она возникла в связи с необходимостью создания научной основы важнейшей составной части борьбы с преступностью – организации расследования преступлений. Поэтому чтобы понять содержание криминалистики, пути ее развития, следует выяснить те задачи, которые определили потребности в ее создании.

Основной задачей криминалистики является научное обеспечение борьбы с преступностью. Почему же тогда для этого недостаточно уголовного права, уголовного процесса, криминологии? На этот вопрос можно ответить, только конкретизировав задачи, стоящие перед криминалистикой. В чем же они заключаются?

Во-первых, возникла необходимость углубленного изучения такого отрицательного социального явления, как преступление. Чтобы бороться с преступлениями, их надо изучать. На первый взгляд представляется, что эта задача уже решена. Существует криминология, юридическая психология, наконец, уголовное право. Эти науки изучают социальные причины и условия, процессы образования дефектов психики, которые приводят (могут приводить) к совершению преступления. Изучаются и формально-логические основания формирования ответственности за совершенные действия, определяются действия и их результаты, которые признаются преступлением. Однако этого далеко не достаточно. Преступление надо изучать и как специфическую деятельность, даже как специфический технологический процесс, в котором действуют, оставляют следы материальные объекты (субъекты).

Один и тот же объект может исследоваться несколькими науками. Такая многопредметность исследования является результатом дифференциации наук, обеспечивающей полноту, многоплановость изучения, стремление выявить свойства, связи, отношения исследуемого объекта. Поэтому преступление изучается несколькими науками, каждая из которых, выполняя свою конкретную задачу, обеспечивает комплексное познание этого явления.

Имея общий с криминологией, уголовным правом и другими юридическими науками предмет исследования и воздействия – преступление, криминалистика призвана обеспечивать и достижение общей социальной цели: создание условий, затрудняющих совершение преступлений, способствующих ликвидации их отдельных видов. Достижение этой цели наиболее конкретно реализуется в деятельности по расследованию преступлений. Именно здесь объединяются криминологические, уголовно-правовые, криминалистические, психологические и этические знания для конкретного воздействия на условия, породившие данное преступление.

Из необходимости углубленного изучения преступления возникает и другая задача – детальное исследование того, что остается после совершения преступления, определение способов выявления, исследования оставшихся после преступления объектов, следов, воссоздание по ним модели прошлого преступного события.

Прежде всего приходится сталкиваться с результатами, последствиями преступления, сами же эти действия уже в прошлом. Для выяснения содержания преступных действий, причины появления преступных результатов, последствий необходимо знать, как воспроизвести уже произошедшее событие, что остается после его совершения. Для этого следует знать, как преступление отражается в окружающей действительности, выявить закономерности в процессах его отражения.

Отсюда необходимость научиться выявлять все отражения, оставленные следы от преступления, фиксировать их, систематизировать, обобщать и по совокупности собранных следов, отражений, сохранившихся отдельных деталей строить модель прошлого преступного события.

На этой основе может быть поставлена и решена задача о наличии преступления и виновности конкретных лиц.

Изучение процессов отражения преступления приводит к необходимости постановки задачи о разработке путей и возможностей их использования в деятельности по осуществлению правосудия. Как доказать, что данный факт отражает совершенное преступление, данный след оставлен именно обвиняемым?

К задачам криминалистики относится разработка правил, методов, средств отождествления объектов по оставленным следам, поскольку ни одна из существующих наук не исследует материальные процессы отражения такого специфического явления, как преступление. Наличие такой задачи для исследования и создает базу для формирования самостоятельной науки криминалистики.

Во-вторых, необходимо решение задачи по разработке путей, методов, средств выявления, сбора, фиксации. В системе права нормативное обеспечение деятельности по расследованию призвана осуществлять уголовно-процессуальная наука. Разработка процессуальных форм деятельности исключительно

важна, ибо она определяет порядок оформления обнаруженных доказательств, их оценки и многие другие факторы, гарантирующие полноту и правильность проведенного расследования, а затем и судебного решения по рассматриваемому делу.

Уголовный процесс разрабатывает и доказательственное право – наиболее целесообразный порядок, обеспечивающий установление истины: обобщение, синтез, оценку фактов, собранных при расследовании, судебном рассмотрении.

Доказательственное право учит, как оценивать конкретные факты, как их сопоставлять: систему фактов, которые в совокупности и устанавливают событие совершенного преступления. Однако есть и еще одна сторона, которая остается за пределами доказательственного права, – это умение находить факты, важные для установления истины по уголовному делу. Какие действия для этого надо совершить? На первый взгляд кажется, что на данные вопросы можно получить ответы в уголовно-процессуальном праве. Однако это далеко не так. Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает форму, в которую должны быть облечены совершаемые действия, а то, из чего должна складываться сама деятельность, требует дополнительного изучения.

Правовая регламентация деятельности обязательно должна дополняться (и базироваться) на изучении самого ее содержания. Мало знать, как оценивать, сопоставлять факты, прежде всего их надо отыскать. Необходимо создать теоретические основы поиска доказательственных фактов. Задачу разработки научных основ выявления, розыска, фиксации фактов, необходимых для установления преступления, также призвана решать криминалистика.

Чтобы добыть доказательства, надо применить конкретные приемы, технические средства, методы обобщения, сопоставления фактов, их розыска.

Эта общая задача может быть реализована только через решение множества конкретных задач, которые появляются в процессе расследования, в частности установление обстоятельств, связанных с событием преступления, через показания лиц, которые при этом присутствовали, знают о нем. Вековая практика осуществления правосудия неумолимо свидетельствует о том, что такие лица часто искаженно воспроизводят события, факты, забывают их, а в ряде случаев и сознательно утаивают, искажают истину. Как этому противостоять, как обеспечить получение судом неискаженного свидетельства о произошедших событиях, отношениях? Это одна из многих проблем, которые призвана разрешать криминалистика. Она должна обеспечить научное изучение объектов, явлений, которые надо познать в ходе практической деятельности по расследованию, разработку приемов, средств, методов этой деятельности и на этой основе создать единую научно обоснованную систему расследования преступлений. Наука должна научить, как раскрыть преступление, как изобличить лицо, его совершившее, как обеспечить профилактику преступлений в подобных условиях.

В-третьих, важно решить задачи организации деятельности по выявлению, фиксации, сопоставлению необходимой для полного расследования информации. Возникает задача разработки научных основ деятельности по выявлению, раскрытию преступлений, изобличению лиц, их совершивших. Для этого исследуется каждая в отдельности функция, выполняемая в общем процессе расследования, все взаимодействия при ее осуществлении, что обеспечит разработку общей теории расследования преступлений, используемых методов, средств, приемов.

В-четвертых, для оптимизации процессов расследования преступлений следует использовать методы и средства других наук. Приведенные задачи могут быть решены только в том случае, если для этого используется опыт борьбы с преступлениями, накопленный человечеством, достижения в науке, технике, которые можно использовать в этой борьбе.

Для борьбы с преступностью должны использоваться знания различных наук, которые могут оказать помощь в установлении истины в суде.

Это определяет необходимость постановки перед криминалистикой еще одной общей задачи – постоянного изучения и использования для борьбы с преступностью, сбора и исследования доказательственных фактов, возможностей обобщения и использования практического опыта, накопленного в деятельности по расследованию другими науками.

Особенностью преступления является то, что оно может осуществляться в самых различных сферах деятельности человека, может быть связано с различными явлениями, процессами, объектами, предметами, сущность которых изучается многими естественными, техническими, общественными науками. В таких случаях существенную помощь в процессе расследования преступлений способны оказать знания данных наук. Отсюда возникает задача огромной важности: постоянно изучать комплекс наук и использовать то, что может быть полезно при изучении явлений, процессов, объектов при расследовании преступлений.

Однако для борьбы с преступностью нельзя ограничиваться простым перенесением средств, методов, установленных другими науками. Они должны быть приспособлены, видоизменены для того, чтобы обеспечить наиболее оптимальное их использование для решения задач расследования.

Преступная деятельность постоянно изменяется, развиваются и науки, содержание которых может быть использовано для совершенствования процессов расследования. В соответствии с этим нуждаются в совершенствовании и процессы выявления, раскрытия, профилактики преступлений. Следовательно, должна совершенствоваться и наука, которая занимается изучением изменений, происходящих во всех проявлениях преступности.

Без решения комплекса перечисленных задач осуществлять в полной мере правосудие невозможно. Это задачи практической деятельности, и решены они могут быть только в результате многосторонних научных исследований.

А. В. Дулов
доктор юридических наук

ИЗУЧЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАУК УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА – ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ[1]

Развитие науки осуществляется на основе уже познанных закономерностей. К таким закономерностям относятся процессы интеграции и дифференциации. Интеграция проявляется в постоянно развивающихся закономерных связях между различными науками. Углубление и расширение целей научного исследования неминуемо приводит к тому, что для их достижения необходимо использовать данные других наук, тесно взаимодействовать с ними. Взаимодействие постоянно порождает новые методы, средства исследования, что и позволяет расширять сферу познания явлений, процессов.

В развитии современной науки все больше проявляются интеграционные процессы. Усложняются объекты исследования, что требует взаимодействия ряда уже сложившихся наук, создания новых отраслей знаний. Усложняющиеся процессы изучения объективного мира, социальной действительности делают интеграционные процессы обязательным условием развития наук. Такая же тенденция происходит и в праве. Появление новых объектов исследования (космос, экология и т. д.), новых углубленных задач исследований приводит к формированию новых отраслей права.

Но интеграционные процессы проявляют себя и в тенденции формирования циклов, блоков наук. Необходимость этого определяется наличием общей цели, единого объекта воздействия. Такая тенденция проявляется и в праве, в частности в формировании комплекса наук, призванных обеспечить борьбу с преступностью.

Изучение взаимосвязей между науками уголовно-правового цикла постепенно становится постоянным объектом их исследования. Наиболее часто упоминают о связях между уголовным правом и уголовным процессом.

К. Маркс отмечал, что судебный процесс рассматривают только как «надежный конвой, который должен препроводить противника в тюрьму, простое приготовление к экзекуции, а где процесс желает быть чем-то большим, там его

[1] Друкуецца паводле: *Дулов А. В.* Изучение взаимосвязей наук уголовно-правового цикла – основа формирования общей теории борьбы с преступностью // Проблемы развития юридической науки и совершенствования правоприменительной практики : сб. науч. тр. / редкол.: С. А. Балашенко (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2005. С. 244–251.

заставляют молчать» [1]. Далее К. Маркс, развивая свой анализ, писал: «Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности. С этой точки зрения китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры; материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. Как в китайском праве обязательно фигурирует палка; как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, – подобно этому гласный, свободный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания, продиктованного свободой, а не частным интересом. Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных – с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни» [2].

По поводу этой цитаты М. С. Строгович в своем «Курсе уголовного процесса» писал: «Эта яркая и выразительная характеристика очень хорошо показывает роль и значение процессуальных форм и их связей с материальным правом. Они неотделимы друг от друга, так как через уголовный процесс находит свое осуществление и применение в жизни уголовное материальное право» [3].

В действительности же приведенная цитата, образно характеризуя зависимость уголовного процесса и уголовного права, совершенно не претендует на раскрытие связей между этими науками. Да такая задача тогда и не стояла. Совершенно ясно, что исследование связей между науками требует глубокого раздельного исследования их содержания, выяснения общих задач этих наук, путей их разрешения.

В настоящее время без глубокого изучения связей нельзя развивать дальше ни уголовный процесс, ни уголовное право. Как они влияют друг на друга, какое влияние эти связи оказывают на конечный результат – борьбу с преступностью, как можно и следует регулировать эти связи? Эти и многие другие вопросы еще требуют внимательного исследования.

В юридической литературе рассматривались взаимосвязи уголовного права и криминологии. Но детально исследование целей, сущности, методов взаимосвязей не осуществлялось.

Имеются указания общего характера на взаимосвязь уголовного права и криминалистики. Интересно отметить, что наиболее точно сущность этой взаимосвязи определил еще Г. Гросс при формировании новой науки криминалистики. Он писал: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет своим предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) заключает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать

их, какие были мотивы совершения такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорит ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики» [4].

Впоследствии это общее указание оказалось забытым, и об уголовном праве в криминалистике упоминают лишь в разделе «Методика расследования отдельных видов преступлений» как об обстоятельстве, конкретизирующем направленность различного содержания методик расследования.

Обращалось внимание и на связь уголовного процесса и криминалистики. Так, П. С. Элькинд делала вывод, что «дальнейшее развитие уголовно-процессуальной науки и законодательства, как и дальнейшее совершенствование технико-криминалистических средств в уголовном судопроизводстве, возможно только при условии взаимообогащения науки уголовного процесса и криминалистики» [5]. Но на какой теоретической основе должно происходить это взаимообогащение, в чем оно заключается, как должно реализовываться?

Обычно ограничиваются указанием, что при осуществлении следственных действий обязательно должны выполняться все требования уголовно-процессуального законодательства. Но это только одна из сторон связи уголовного процесса и криминалистики. Проблема изучения связей стала настоятельно необходимой с появлением термина «науки уголовно-правового цикла». Значит, имеется целая группа наук, которые тесно связаны между собой. В чем заключаются эти связи, как их надо развивать и совершенствовать? Какое влияние они оказывают на развитие каждой науки, на достижение общей цели – борьбы с преступностью?

Ответить на эти и многие другие вопросы можно только в том случае, если целенаправленно, системно выявить, а затем комплексно исследовать все их связи.

К сожалению, «цикл уголовно-правовых наук» в комплексе пока не изучается. В то же время совершенно очевидно, что проблема активизации борьбы с преступностью настоятельно требует проведения таких исследований. Это, безусловно, выявит новые горизонты в управлении общим процессом борьбы с преступностью, откроет и новые возможности в развитии каждой из наук, входящих в этот цикл.

Практика крайне нуждается в подобных исследованиях. Такая потребность существует на тактическом и стратегическом уровнях. И следователь, и судья при расследовании, судебном рассмотрении уголовных дел комплексно применяют знания уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и других наук. Эти знания используются и при разработке государственных программ, мероприятий, направленных на организацию борьбы с преступностью. Отсюда требуется и комплексное изучение этих наук.

Что же надо делать для такого комплексного изучения? Прежде всего возникает необходимость формирования методологической основы исследования. Такая база имеется у уголовного права, процесса, криминалистики. Но когда ставится задача исследовать комплекс в целом, методологическая основа каждой

из этих наук уже недостаточна. Новая методологическая основа прежде всего обеспечивается применением структурного подхода. Совокупность наук всего цикла должна рассматриваться как система. Это дает возможность определить содержание данной системы: какие науки должны входить в совокупность ее элементов. Причем важно установить, какие науки-элементы являются системообразующими, а роль каких определяется только решением конкретных практических или теоретических проблем, возникающих в ходе борьбы с преступностью на отдельных ее этапах.

При изучении системы необходимо:

1) определить общую цель формирования, действия создаваемой системы. Такой общей целью является борьба с преступностью. Часто считается достаточным ограничиться указанием на то, что общность цикла уголовно-правовых наук определяется их относимостью к единой цели – борьбе с преступностью. Но определение общей цели является только первоначальным этапом расследования. Если мы хотим использовать все положительные свойства общности этих наук, управлять процессом воздействия этой общности на борьбу с преступностью, следует значительно глубже изучать их в комплексе, устанавливая роль каждой науки, определяя, как каждая из наук дополняет, влияет на другие для достижения общей цели – усиления борьбы с преступностью;

2) общая цель создает «дерево» целей, которые, в свою очередь, конкретизируют ее, определяют основные пути ее достижения. В связи с этим научные исследования постоянно направлены на выявление новых элементов в общей системе целей, всех составляющих, из которых складывается обеспечение цели (сбор информации, предупреждение преступления, пресечение преступлений, расследование, судебное рассмотрение, исполнение наказания, ресоциализация и т. д.);

3) определение всей системы функций, которые реализуются в деятельности по осуществлению борьбы с преступностью;

4) определение всех видов связей в изучаемой системе.

Науки рассматриваемого цикла определяют, что является преступлением, как его можно предупреждать, выявлять, доказывать, определять вину и т. д. В этом их общая логическая связь. Но надо устанавливать и всю совокупность научно необходимых и обоснованных связей. Это составная часть системно-структурного подхода, так как структура состоит не только из элементов (наук), но и связей между ними, отдельными функциями, действиями.

Для исследования связей в изучаемой системе уголовно-правовых наук предварительно необходимо иметь достаточно полное представление о самом понятии «связи».

Следует основываться на том, что философские исследования процессов отражения и многочисленные исследования естественных и социальных наук, подтвержденные экспериментальным изучением большого эмпирического материала, убедительно показали, что связи между явлениями проявляются как взаимодействие. Значит, уголовное право воздействует на процесс, а уголовный

процесс, в свою очередь, влияет на формирование уголовного права. И так во всех дисциплинах, входящих в данную систему наук.

Взаимосвязи создаются специально для достижения намеченных целей, для решения поставленных задач, имеют различные уровни, виды. Взаимосвязи могут быть причинно-следственными, выступать в виде прогнозируемых зависимостей, могут определяться результатами исследования. Они могут проявлять себя как взаимозависимости, взаимодействие, взаимовлияние (непосредственное, опосредованное), наконец, различными могут быть и цели взаимодействия: установление методологической или теоретической основы, взаимодействие при осуществлении функций, реализации средства, создании условий для явления, действия.

Все это указывает на исключительное многообразие роли взаимосвязей, а отсюда и сложности их изучения.

При реальном существовании множества отдельных наук формирование целостного комплекса может осуществляться только через изучение систем связей.

Для проведения подобных исследований представляется необходимым сформулировать основные методологические принципы их осуществления. Можно указать на следующие принципы:

1) изучение всех видов связей: системных, структурных, генезисных, функциональных, коммуникативных;

2) изучение всех форм проявления связей: причинно-следственных, зависимостей, спонтанных, внешне случайных и т. д.;

3) изучение связи каждой науки с основной целью образования системы. Конкретизируются цели, функции каждой науки по отношению к общей цели системы, ее функциям. Цели и функции конкретной науки основываются на общесистемных целях и функциях и в то же время конкретизируют, обогащают, совершенствуют их. Причем этот процесс может идти по следующим направлениям: а) осмысление и углубленное исследование реально существующих, функционирующих связей; б) поиски следов, возможно, существующей, но скрытой связи для исследования ее действительной значимости и ее полной легализации в системе наук; в) выдвижение гипотез о связях, которые надо развивать для формирования системы наук, развития каждой науки;

4) изучение всех связей с другими науками, входящими в изучаемую систему. Надо изучать связи со всеми науками, все виды связи. Только такой подход обеспечит достижение общей цели системы – организацию и активизацию борьбы с преступностью, развитие вклада каждой науки в достижение этой общей цели. Пока эти связи полностью не сформулированы, что и приводит к тому, что они изучаются недостаточно. Так, в науке уголовного права разрабатываются связи с криминологией, исправительным правом, в меньшей степени – с уголовным процессом, совсем мало – с юридической психологией, юридической этикой, теорией профилактики, криминалистикой.

В криминологии изучение внешнесистемных связей развито еще меньше. Так, не исследуются связи с уголовным процессом, криминалистикой. В то же время именно криминалистика изучает материальную сторону преступления, которая во многом определяется социальными связями, отношениями. Отсюда ясно, что использование результатов криминалистического изучения материальной структуры преступления крайне важно для исследования и тех социальных факторов, которые изучает криминология.

Можно выделить три основные группы связей, которые надлежит изучить при исследовании системы уголовно-правовых наук.

Первая группа – системообразующие связи. Они формируют цели, методологические основы, функции системы, т. е. все то, что создает базис любой интеллектуальной системы. Здесь создается основа связей между всеми науками: формируется их общая цель (древо целей), функции, выполняемые системой.

Вторая группа – внешние связи системы наук. Система не существует сама по себе. Это относится и к системам наук: они определяются и зависят от потребностей общества (тех экономических, социальных, технологических систем, которым призваны служить); от других групп наук и т. д.

Внешние связи не влияют на формирование теоретической, методологической основы наук, условия их развития, цели и направления предмета наук. Эти связи двухсторонние: система наук через них обогащается и в то же время обогащает их своими знаниями. Связи между науками позволяют устанавливать общие методологические основы исследования образуемой системы наук.

Только анализ и синтез всех внутренних и внешних связей каждой науки позволит правильно определить общую методологию исследования, сформировать в конечном итоге эффективно действующую систему борьбы с преступностью.

Третья группа – связи внутри системы. Они существуют между всеми элементами, системами (науками) и направлены на взаимообогащение каждой науки. Эти связи обеспечивают формирование методологической и теоретической основы каждой науки, возможность использовать уже разработанные в других науках методы, средства, рекомендации. Связи создаются для выполнения общесистемных целей, функций, что, в свою очередь, формирует системообразующие связи с целями, функциями общей системы.

Реализация системного подхода и изучение группы уголовно-правовых наук закономерно должны привести и к углубленному изучению каждой науки, входящей в систему. Каждая из них, в свою очередь, рассматривается как система и изучается по вышеизложенным принципам. Это значит, что должны изучаться: 1) все внешние связи конкретной науки, которые определяют, влияют на ее содержание и развитие, и те, которые обеспечивают воздействие содержанием, результатами своих исследований на другие науки; 2) связи, формирующие самостоятельность науки; 3) связи, формирующие систему данной науки.

Конкретное изучение связей между науками, безусловно, откроет еще много нового и неожиданного. Самое главное, что это определит новые горизонты

исследования, будет способствовать развитию общей системы научного обеспечения борьбы с преступностью.

Так, исследование связей закономерно приводит к созданию условий для более углубленного исследования функций как системы в целом, так и применительно к каждой науке.

Особенность цикла уголовно-правовых наук проявляется в том, что каждая из них обязательно оказывает влияние, обеспечивает, помогает становлению, развитию всех других наук своего цикла. Именно поэтому они и создают единую систему. Такая специфическая взаимосвязь наук приводит к формированию в каждой из них методологической функции. Каждая наука обязана обобщать, систематизировать свои теории, методы, средства, содержание таким образом, чтобы эта информация как можно полнее могла быть воспринята другими науками.

Методологическая функция уже прочно определилась в юридической психологии, юридической этике за счет тесных связей с такими науками, как психология, этика, теория права. Но эта функция существует и у уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, что определяется исследуемым содержанием, связями с социальными науками, общей теорией познания, отражения и т. д. Выделение такой функции будет способствовать консолидации и развитию каждой науки цикла, системы в целом.

Целостное исследование системы уголовно-правовых наук приведет к существенному обогащению методологических основ и каждой из них. Это обеспечивается внутренними связями каждой науки, общими целями и функциями, связями с другими науками, входящими в систему уголовно-правового цикла. Так, существенное развитие методологических основ закономерно ожидается от связей с развитием юридической психологии, юридической этики. Они изучают психологические, нравственные отношения в обществе, их влияние на правовую систему. Соответственно эти знания, уже в качестве методологической основы, будут использоваться в уголовном праве, исправительном праве, уголовном процессе, криминалистике.

Исследование связей позволит существенно активизировать изучение профилактической деятельности. У права имеется общая цель – предупреждение возникновения дефектов, опасностей, конфликтов в обществе. Решение этой задачи присуще в той или иной мере уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, юридической психологии. Таким образом, каждая наука выполняет профилактическую функцию.

Выделение связей, образующихся сочетанием функций профилактики в каждой науке, приводит к выводу о наличии общесистемной функции профилактики преступлений, которая уже определяет, организует, конкретизирует реализацию этой функции в уголовном праве, уголовном процессе, криминалистике и т. д. Множественность связей по функции профилактики между всеми науками требует их упорядочения, т. е. создания самостоятельной общей теории (а возможно, и самостоятельной науки) профилактики преступлений.

Изучение систем связей способно выделить еще одну функцию – предсказательную. Появляется возможность предвидеть, какие науки, теории следует разрабатывать в пределах системы уголовно-правовых наук.

Выявление всех видов связей между науками уголовно-правового цикла является необходимым средством развития каждой науки и всей системы в целом.

Изучение связей, объединение их в группы может привести к необходимости формирования новых отраслей в существующей системе уголовно-правовых дисциплин. Это происходит в тех случаях, когда цели установленных взаимосвязей не могут быть обеспечены существующим комплексом наук. Так, последовательное применение системного подхода к изучению цели и связей позволяет сделать вывод о необходимости формирования науки управления процессами борьбы с преступностью, комплексно исследующей возможности уголовно-правовых наук в реализации общей задачи правового государства по обеспечению безопасности общества и каждой личности во всех сферах жизни.

Изучение связей может привести и к изменению системы построения отдельных наук данного цикла. Они должны в большей степени учитывать необходимость исследования всех систем связей, последовательность в их изучении. Возникает необходимость более четко определять основные блоки каждой науки (например, выделять общую и особенную части) и изучать связи, зависимости между этими блоками. Это должно стать обязательным принципом развития всех наук уголовно-правового цикла. Так, например, в криминалистике последовательное применение системного подхода к изучению связей привело к формированию нового раздела – криминалистической стратегии.

Изложение значимости и путей исследования системных связей позволяет сделать вывод о том, что появилась потребность в формировании и разработке общей теории действия уголовно-правовой системы. Создание такой общей теории (а значит, и системы методов, средств) должно осуществляться самостоятельной наукой – теорией системы уголовно-правовых наук. Формирование такой теории явится существенным вкладом в развитие всех наук цикла, в повышение их роли в активизации практической деятельности по борьбе с преступностью, повысит системность, организованность, управляемость этой деятельностью.

Библиографические ссылки

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 157.

2. Там же. С. 158.

3. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. С. 86.

4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики : пер. с нем. СПб., 1908. С. 8.

5. Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 109.

В. Б. Шабанов
доктор юридических наук

А. Б. Скаков
доктор юридических наук

К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Приоритетным направлением деятельности любого цивилизационного государства определено обеспечение прав и законных интересов человека. Это требование распространяется и на осужденных. По этой причине наряду с принудительными мерами законодательством предусматриваются и иные способы воздействия на осужденных. Одним из них является стимулирование их правопослушного поведения путем реализации в процессе отбывания наказания прогрессивной системы.

В настоящее время значительная часть элементов прогрессивной системы уже реализована в законодательстве и правоприменительной практике. Из традиционно выделяемых форм прогрессивной системы в УИК предусмотрено постепенное изменение условий содержания осужденных как внутри одного исправительного учреждения, так и путем перевода в исправительное учреждение другого вида. В УК закреплена возможность замены наказания более мягким видом наказания, а также условно-досрочное освобождение осужденных.

Наличие основных элементов, образующих прогрессивную систему, казалось бы, должно полностью решить вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования соответствующих законодательных норм.

Прогрессивная система как способ организации отбывания наказания известна и применяется различными государствами более полутора веков. Ей посвящены многочисленные теоретические разработки. Несмотря на это, до сих пор существуют проблемные вопросы, неоднозначно решаемые правоведами. К таким дискуссионным положениям относятся вопросы о сущности прогрессивной системы, ее правовой природе, составляющих ее элементах, о возможности отбывания по прогрессивной системе наказания в виде не только лишения свободы, но и других, не связанных с изоляцией от общества, и т. д. Некоторыми учеными подвергается сомнению само внедрение прогрессивной системы и построение всего процесса отбывания наказания по принципу постепенного изменения положения осужденных, что способно в значительной мере облегчить решение многих острых проблем, с которыми сталкиваются органы внутренних дел и учреждения, исполняющие наказания, в странах СНГ.

В наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от поведения

осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения.

Прогрессивная система известна достаточно давно – с XIX в. Первоначально она была введена в Англии. Предложения о целесообразности постепенного изменения условий содержания заключенных и подготовке их к освобождению карательными и воспитательными мерами стали появляться в работах русских ученых во второй половине XIX в.

Основываясь на анализе действовавшего до Октябрьской революции законодательства, М. Г. Детков указывает, что «в теории пенитенциарного дела России в конце XIX – начале XX веков начинают закладываться прогрессивные тенденции развития системы уголовного наказания в виде лишения свободы, предпринимаются попытки классификации преступников, дифференциации и индивидуализации исполнения уголовного наказания».

В первые годы существования советской власти предпринимались попытки реализовать ее и в законодательстве РСФСР, в том числе в ИТК 1924 г., ст. 7 которого гласила: «Применение мер социальной защиты в исправительно-трудовом учреждении организуется по прогрессивной системе, соответственно которой заключенные подвергаются различному режиму, для чего они распределяются по исправительно-трудовым учреждениям разных типов и разделяются в них на разряды, с переводом из низших в высшие и обратно, в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работе и занятиях».

Несмотря на позитивную оценку прогрессивной системы учеными, в практику в полном объеме она не была внедрена главным образом из-за организационных трудностей и прежде всего ввиду переполненности мест лишения свободы. Кроме того, как подчеркивается в литературе, ИТК РСФСР 1924 г. «создавал неудачные юридические конструкции, касающиеся развития прогрессивной системы, включающие, во-первых, громадный перечень видов мест лишения свободы и, во-вторых, сложную, трудно применимую на практике схему разрядов и условий перехода из одного в другой».

По этим или иным причинам впоследствии процесс отбывания наказания стал строиться не по прогрессивной системе (соответственно, исчез из законодательства и сам термин «прогрессивная система»).

В действующих в настоящее время белорусском, казахстанском и российском уголовно-исполнительных кодексах термин «прогрессивная система» не используется.

Указанный термин гораздо чаще встречается в специальной литературе, нежели в нормативных правовых актах. Естественно, разные авторы вкладывают в него различный смысл. Отсутствует и общепринятая его дефиниция.

Вполне понятно, что постепенно представления о прогрессивной системе, формах и видах ее реализации существенно менялись. Ю. М. Ткачевский справедливо констатирует, что сам этот термин весьма условен, хотя в последнее время предпринята попытка его подкорректировать. Так, А. Е. Шевченко использует в диссертации понятие «прогрессивно-регрессивная система». По его мнению, в случае хорошего поведения осужденного и, соответственно, улучше-

ния условий отбывания наказания имеет место прогрессивный элемент, и наоборот, при плохом поведении и ухудшении условий – регрессивный.

С лексической точки зрения здесь, возможно, все правильно. Мы тем не менее условно относимся к такого рода терминологическому нововведению. Оно, на наш взгляд, не полностью отражает сущность прогрессивной системы. При ее применении ключевым является то обстоятельство, что осужденный постоянно ощущает перспективу изменения своего положения как в сторону улучшения, так и в сторону ухудшения. Таким образом, с точки зрения карательно-воспитательного воздействия возможность увеличения объема кары тоже выступает прогрессивным элементом. Противоречие здесь кажущееся. В данном случае, считаем, оба элемента (по терминологии А. Е. Шевченко – прогрессивный и регрессивный) следует рассматривать в диалектическом единстве как два способа выражения реакции общества на изменение поведения осужденного, имеющие в конечном итоге одну цель – исправление лица, отбывающего наказание. В работе мы намерены придерживаться устоявшейся терминологии – прогрессивная система исполнения наказания.

Сразу следует уточнить, что прогрессивная система представляет собой довольно сложное явление. В ней сочетаются как юридические, так и педагогические и психологические аспекты процесса реализации уголовного наказания. На это обстоятельство обращалось внимание в специальной литературе.

Прежде всего нужно определиться с правовой природой данного явления. В исследованиях высказывались мнения, что оно выступает единым институтом уголовно-исполнительного права. Впрочем, автор приведенной точки зрения Н. А. Стручков в отличие от многих других рассматривал прогрессивную систему достаточно узко, не включая в нее, например, условно-досрочное освобождение.

Правовой институт принято определять как совокупность норм, регулирующих в рамках какой-либо отрасли права некие однородные, достаточно обособленные правоотношения. Между тем нельзя отрицать существование межотраслевых институтов, ярким примером которого является прогрессивная система.

Представляется, что прогрессивную систему можно охарактеризовать как единый институт, состоящий из нескольких самостоятельных, включающих нормы различных отраслей права.

Действительно, такие элементы прогрессивной системы, как изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения и перевод в исправительное учреждение другого вида, обладают специфическими особенностями, не говоря уже о замене наказания в процессе отбывания и условно-досрочном освобождении, что позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные институты. Согласно теории к признакам правового института относят: наличие совокупности норм, имеющей собственную структуру; своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм, ее внешнее обособление и обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия па определенный участок общественных отношений; отраслевую чистоту норм. Самостоятельный характер институтов, являющихся структурными

элементами прогрессивной системы, казалось бы, должен служить препятствием для объединения их в единую систему, тем более что первые два имеют уголовно-исполнительную природу, а два последних – уголовно-правовую.

Между тем правовые институты могут образовываться не только в рамках одной отрасли. Тесная взаимосвязь уголовного и уголовно-исполнительного права, с помощью которого обеспечивается реализация значительной части предписаний уголовного законодательства и достижение стоящих перед ним задач, позволяет говорить о формировании межотраслевых институтов. В данном случае единые цель, правовые последствия, основания применения входящих в прогрессивную систему элементов позволяют говорить о ней как о едином институте, имеющем межотраслевой характер.

Хотелось бы отметить, что вопрос о формах реализации прогрессивной системы, или, иными словами, ее элементах, весьма неоднозначен. Разные авторы дают отличающиеся существенным образом перечни этих элементов, которые будут подробно рассмотрены ниже, в то время как данный раздел посвящен анализу более общих вопросов прогрессивной системы.

Один из таких принципиальных вопросов – возможность реализации прогрессивной системы не только применительно к исполнению наказания в виде лишения свободы, но и к исполнению других наказаний или, по крайней мере, некоторых.

В большинстве случаев в специальной литературе о прогрессивной системе упоминается как о способе организации исполнения наказания только в виде лишения свободы. Есть, однако, и другие мнения. Некоторые авторы считают, что действие прогрессивной системы распространяется и на другие наказания.

Своеобразна в этом отношении позиция О. И. Бажанова. Он, судя по всему, положительно относится к идее «распространить» действие прогрессивной системы и на иные наказания, т. е. наказания, не связанные с лишением свободы. Однако он не усматривает в действовавшем на момент написания его работы законодательстве достаточной правовой базы, чтобы говорить о возможности изменения правового положения осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, в ходе их исполнения. По этой причине речь в соответствующей главе его работы идет лишь о перспективе совершенствования законодательства.

По нашему мнению, «распространение» идей прогрессивной системы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, представляется весьма актуальным в плане дальнейшего совершенствования законодательства. Впрочем, эта проблема, на наш взгляд, требует специального изучения, поскольку ограничивается элементами прогрессивной системы, реализуемыми собственно в процессе исполнения лишения свободы, а также такими ее элементами, как замена лишения свободы более мягким наказанием, и наоборот – условно-досрочное освобождение от наказания в виде лишения свободы.

Рассмотрим далее еще один весьма важный вопрос. Несмотря на общеупотребительность термина «прогрессивная система исполнения наказания», некоторые исследователи высказывали довольно скептическое отношение к самой ее идее. Так, Н. А. Стручков писал об изменении условий содержания осужденных

как об аналогичной прогрессивной системе, но лишь по внешним признакам (как об институте). Впрочем, автор, судя по всему, не был столь уж принципиальным противником прогрессивной системы и допускал ее существование.

Здесь, на наш взгляд, особый интерес представляет анализ вопроса о том, насколько вообще правомерно употреблять понятия «прогрессивная система» и «изменение условий содержания» в качестве синонимов. Между тем такой подход встречается в литературе.

Прогрессивная система реализуется в правовых формах. Совершенно справедливо пишет по этому поводу Г. А. Аванесов: «…под "изменением условий содержания" следует понимать изменение объема прав осужденного…».

Ухудшение фактических условий содержания осужденного может объясняться удаленностью исправительной колонии-поселения от места жительства и места проживания его семьи. Такой перевод может осложнить реализацию права осужденного на свидания, так как члены семьи не всегда смогут посещать его. Кроме того, поскольку сроки, когда возможно представление осужденного на перевод в исправительную колонию-поселение, очень близки к срокам на условно-досрочное освобождение, может создаться коллизия двух институтов. Естественно, что условно-досрочное освобождение более привлекательно для отбывающего наказание, поэтому он предпочтет применение к нему именно такой меры. Некоторых может остановить и перспектива этапирования в исправительную колонию-поселение, которое может занять какое-то время.

Таким образом, проблема достаточно актуальна. Считаем, что не следует отождествлять прогрессивную систему как совокупность правовых форм изменения положения осужденных с собственно изменением условий содержания. Чаще они совпадают, но иногда, как видим, нет.

Один из последовательных сторонников прогрессивной системы Н. А. Беляев еще в 1963 г. писал: «Перевод с одной ступени на другую при выполнении заключенным требований, которые к нему предъявляются, должен быть обязательностью, а не правом администрации».

В связи с этим возникает важный теоретический вопрос: являются ли элементы прогрессивной системы субъективным правом осужденного или всего лишь законным интересом? Как известно, субъективное право осужденного неотъемлемо; ему соответствует обязанность администрации места отбывания наказания обеспечить реализацию этого права. Другое дело – законный интерес. Это юридическая возможность, реализация которой зависит от оценки администрацией степени исправления осужденного. Признать безусловной обязанностью администрации учреждения применение к осужденному элементов прогрессивной системы нельзя, ибо, как правильно пишет сам Н. А. Беляев, это возможно при выполнении заключенным требований, которые к нему предъявляются. Однако этот факт не может получить исчерпывающей регламентации. Здесь сложно обойтись без оценки поведения лица.

Общепринятой среди специалистов считается точка зрения, согласно которой подобные формулировки как раз и означают право, а не обязанность администрации: раз «могут быть», значит, «могут и не быть».

Подобной позиции придерживался, например, Н. А. Стручков, одновременно оговаривая, что подобное решение с точки зрения теории неверно: «Поощ-

рительная норма (а изменение условий отбывания наказания в лучшую сторону, несомненно, одна из разновидностей поощрительных норм. – *Авт.*) должна устанавливать обязанность компетентного органа при наличии определенных условий осуществлять соответствующее поощрение».

На основании изложенного считаем, что приводившиеся выше общепринятые определения прогрессивной системы, точно отражая ее суть, не затрагивают правовой природы данного явления. Не беремся оценивать это как недостаток, просто констатируем такое их свойство.

Представляется, что целесообразно было бы сформулировать следующее определение прогрессивной системы: «Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав».

В большинстве уголовно-исполнительных законодательств стран СНГ с установлением общего правила о различных условиях отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения прогрессивная система приобрела вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных.

Иными словами, будут созданы условия для реализации другого правового института – пробации, которая обеспечивает социальную адаптацию и реабилитацию лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, на всех ее стадиях (досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная пробации).

Г. А. Шумак

кандидат юридических наук

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С образованием на постсоветском пространстве самостоятельных государств в различных регионах и научных центрах бывшего СССР стали активно развиваться существовавшие ранее и формироваться новые научные криминалистические школы, отражающие потребности и специфику деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности. Научные направления криминалистических школ зависят от ряда факторов: социальной

оценки роли криминалистики в обеспечении практической деятельности по противодействию преступности, научных интересов лидера школы, потребности правоохранительных органов в решении актуальных практических задач, наличия подготовленных к научной работе кадров специалистов.

Эти и другие факторы наряду с особенностями общей оценки роли и значения криминалистики как науки и как сферы практической деятельности обусловливают различия в определении предмета, методов и системы криминалистики, ее взаимосвязи с другими науками. Придерживаясь в целом теоретических и практических традиций советской криминалистики, современные научные школы формируются с учетом особенностей преступности в регионе и научных традиций, заложенных предшествующими лидерами криминалистической науки.

Представляется, что в настоящее время с полным основанием можно говорить о сформировавшейся и постоянно развивающейся белорусской университетской научной школе криминалистики. Основателем и лидером школы являлся доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь Андрей Васильевич Дулов.

Каковы особенности и основные направления научных исследований белорусской университетской научной школы криминалистики?

Направления белорусской университетской криминалистической школы можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, с позиций ее внешних задач по обеспечению процессов противодействия преступности; во-вторых, с позиций внутреннего саморазвития криминалистической науки, ее собственных теорий, учений, методологии, системы.

Развитие системно-структурного подхода при осуществлении научных исследований в области борьбы с преступностью. Первоначально этот подход был использован при разработке на кафедре криминалистики Белорусского государственного университета новых учебных курсов и спецкурсов. Статус отрасли «стыковой» науки психологии и криминалистики и самостоятельной учебной дисциплины получила судебная (ныне юридическая) психология. В процессе ее разработки А. В. Дуловым был применен структурный подход к изучению психологического содержания правоохранительной деятельности. В общем комплексе выделялись элементы: познавательный, конструктивный, организаторский, коммуникативный и др. Это существенно конкретизировало процесс исследования, открывало новые возможности для дальнейшего изучения психологических основ расследования преступлений. В изданном в 1970 и 1975 гг. учебном пособии «Судебная психология» и ряде монографий ученым разработано структурное построение и осуществлен системный анализ следственной деятельности и отдельного следственного действия. Изложенные в работах подходы к изучению следственной деятельности не потеряли своего значения и в настоящее время [1].

Криминалистическое учение о тактической операции. Использование системного подхода в изучении криминалистической тактики привело профессора А. В. Дулова к выводу, что недостаточно изучать каждое следственное действие раздельно. Являясь средствами решения тактических задач рассле-

дования, они применяются в определенных связях, комплексах. Так сформировалось учение о самостоятельном тактическом средстве расследования преступлений – тактических операциях, разработка которых внесла существенный вклад в развитие криминалистической науки и общий процесс совершенствования предварительного расследования. Первоначально изложенная А. В. Дуловым на конференции в Ленинграде в 1972 г., эта идея была основательно рассмотрена им в монографии, вышедшей в 1979 г. [2]. Отдельные стороны и виды тактических операций разрабатывались сотрудниками и аспирантами кафедры криминалистики БГУ на уровне диссертационных исследований (А. В. Лапин, А. М. Хлус, А. В. Лагутин и др.).

Новое системное образование «тактическая операция» с большим интересом было встречено криминалистами. Появилось несколько монографий (В. И. Шиканов, Л. Я. Драпкин и др.), множество статей о возможностях применения тактических операций при решении различных задач, расследовании различных видов преступлений. Таким образом, эта разработка белорусской школы криминалистики прочно вошла в общую теорию и практику расследования преступлений.

Разработка теории и методологии криминалистической деятельности. В решении внешних задач белорусская криминалистика в настоящее время значительно расширяет сферу своего применения. Если раньше задачи криминалистики ограничивались только научно-техническим и методическим обеспечением процесса расследования преступлений, то теперь сферой криминалистики охватывается и ряд других, смежных с расследованием преступлений видов деятельности. Сегодня криминалистика в Беларуси рассматривается как наука, являющаяся методологической основой противодействия преступности в целом.

Исходная позиция заключается в том, что в деятельности многих государственных структур и институтов, непосредственно не занимающихся расследованием преступлений, имеется криминалистическая составляющая. Ряд органов и должностных лиц в нашей стране обеспечивают выявление правонарушений по их отражениям в окружающей среде. К числу таких органов и сфер деятельности относятся: экономический контроль, проверки, аудит, деятельность налоговых органов, сфера таможенного контроля, пограничная служба, государственные инспекции, сфера деятельности Министерства по чрезвычайным ситуациям, прокурорская деятельность по общему надзору за соблюдением законности и др. Все эти органы в той или иной мере занимаются выявлением нарушений законов, в том числе и преступлений. В силу этого указанные органы и должностные лица должны обладать знаниями о системе признаков преступлений, умением отличать случайные признаки от закономерных, оценивать их значение и обеспечивать сохранность как возможных будущих доказательств, осуществлять их предварительное исследование. Вышеперечисленные органы и должностные лица должны уметь также применять некоторые приемы криминалистической тактики в ходе получения объяснений от проверяемых лиц, истребования документов, проведения встречных проверок и т. д. Все это, по нашему мнению, относится к сфере криминалистики. Никакая другая наука

не дает теоретического обоснования и практических рекомендаций по выполнению этих функций.

Таким образом, одно из основных направлений развития криминалистической школы Беларуси – разработка теории и методологии криминалистической деятельности. Криминалистическая деятельность – сфера практического функционирования различных структур, направленная на выявление признаков правонарушений, выделение из них криминальных элементов, работа по превращению признаков преступлений в полноценные доказательства, их системное представление.

Важнейшая внешняя и внутренняя задача, которую ставит перед собой белорусская университетская криминалистическая школа, – *развитие учений о методах криминалистики.* Белорусские криминалисты считают, что необходимо различать методы криминалистики как научной отрасли знаний и методы, разрабатываемые криминалистикой для целей расследования. Пожалуй, именно в сфере разработки методов последней группы наиболее отчетливо проявилась оригинальность белорусской университетской криминалистической школы и массовость научных исследований в этом направлении. Так, предметом самостоятельных диссертационных исследований в названной области, осуществленных под руководством профессора А. В. Дулова и его учеников, были методы психологического анализа (Г. Г. Шиханцов, Ю. И. Новик), системный анализ криминалистической деятельности (А. С. Рубис, И. А. Лапина), методы организации расследования (И. А. Мороз), методы профилактической деятельности следователя (И. Р. Веренчиков), методы взаимодействия (Е. П. Чуприна), метод бухгалтерского анализа (Г. А. Шумак), метод криминалистического матрицирования (А. Е. Гучок), метод криминалистической ретроспекции (Ю. В. Пономаренко), методы расследования квартирных краж (А. В. Лапин), методы рефлексии и др.

Развитие представлений о системе криминалистики. С учетом важности этого элемента в формировании и развитии криминалистики различные научные школы предлагают свои представления о путях совершенствования системы криминалистики. Традиционно принятой в криминалистике считается четырехзвенная система, включающая следующие разделы: 1) теоретические основы криминалистики; 2) криминалистическую технику; 3) криминалистическую тактику; 4) методику расследования отдельных видов преступлений. А. В. Дулов предложил добавить еще один раздел – криминалистическую стратегию.

Обосновывая необходимость выделения в криминалистике этого раздела, автор отмечает возможность четко определить место ряда тем, которые относят то к введению в криминалистику, то к следственной тактике, то к общим положениям методики расследования отдельных видов преступлений. Структурно раздел «стратегия расследования» должен включать: выявление «союзников» следователя в расследовании преступлений и основы взаимодействия с ним, изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел, разработку общих рекомендаций по организации процесса расследования, изучение возможного противодействия расследованию и путей его преодоления.

Криминалистическое учение о материальной структуре преступления. В последние десятилетия в криминалистике постсоветских государств утвердилось определение предмета криминалистики как науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений [3, с. 42]. Белорусские криминалисты обратили внимание, что из большого числа закономерностей, которые должна изучать криминалистика, выпадает важнейшее звено – материальная сущность самого преступления, на выявление, расследование и предупреждение которого и направлена вся криминалистическая деятельность. Известно, что преступление изучается многими науками. Уголовное право изучает элементы состава преступления, обращая особое внимание на общественные отношения, на которые оно посягает. Криминология изучает преступление как социальное явление, его место и особенности среди множества других явлений. А какая наука изучает преступления как результат человеческой деятельности, что представляет собой преступление с точки зрения технологической, материальной?

Так родилась идея о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления [4, с. 72–83].

Криминалистическая структура преступления – оригинальное учение белорусской криминалистической школы, поставившее под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер понятия криминалистической характеристики преступлений, значительное время доминировавшего в нашей науке. Учеными кафедры криминалистики Белорусского государственного университета разработано представление о преступлении как системе взаимосвязанных материальных элементов.

Исследование криминалистической структуры преступления – выявление и изучение подсистем, элементов, без наличия которых не было бы самого факта преступления (преступного результата). Мы считаем, что в любом преступлении имеются такие материальные элементы, как субъект (лицо, совершившее его), объект (человек, предмет, иная материальная структура, на которые направлено преступное воздействие), орудие (средства) совершения преступления. Криминалистическое исследование имеет целью изучать параметры каждого элемента, их специфические свойства и взаимосвязи, которые приводят к тому, что объект, субъект становятся элементами структуры преступления. При этом используются методы различных естественных, технических, общественных наук.

Структура преступлений каждого вида различна. Меняются свойства субъектов, объектов, орудий, средств совершения уголовных преступлений. В различных преступлениях может различаться количественный состав элементов (несколько объектов, субъектов и т. д.). Изучение структуры преступления требует, чтобы исследователи не ограничивались постижением лишь перечисленных

элементов системы. Обязательно следует изучать и связи между ними. Связи обеспечивают целостность структуры, превращают хаотичный набор элементов в систему.

Формирование учения об отраслях криминалистики. Экономическая криминалистика. Учитывая широту охвата криминалистикой совершенно различных сфер жизни: физики, химии, биологии, медицины, экономики и др., белорусскими учеными предложена иная, альтернативная система построения криминалистики. Считаем правильным наряду с разделами криминалистики создавать ее отрасли. Речь идет о выделении в криминалистике отраслей по сферам деятельности, в которых совершается преступление. При этом отраслевое построение криминалистики должно внедряться не взамен существующей системы науки, включающей четыре вышеназванных раздела, а параллельно с ней, именно как дополнение, альтернатива.

Основным критерием для выделения отраслей криминалистики, по нашему мнению, являются особенности сферы деятельности и особенности образования следов преступления (в широком смысле этого понятия). Исходя из этого критерия, уже сейчас представляется возможным говорить о возможности формирования таких отраслей, как криминалистика насильственных преступлений, криминалистика взрывов и поджогов, транспортная криминалистика, банковская криминалистика, криминалистика информационных технологий. В настоящее время наибольшие предпосылки для выделения в самостоятельную отрасль в Беларуси имеет экономическая криминалистика.

Для формирования отрасли экономической криминалистики существует объективная необходимость и возможность.

Необходимость комплексного исследования проблем обеспечения борьбы с противоправной деятельностью в сфере хозяйствования в рамках одной отрасли диктуется рядом причин.

Во-первых, в последние годы произошел значительный рост экономической преступности. Она стала угрожать социально-экономическим устоям общества. Соответственно, требуется концентрация усилий криминалистов по разработке теории, методологии, тактики, методики, организации выявления, расследования и предупреждения этих преступлений. Во-вторых, экономические преступления имеют существенную специфику в методике их расследования. В-третьих, научная разработка этих проблем в рамках традиционной методики расследования отдельных видов преступлений значительно сужает предмет исследования, не позволяет подойти к проблеме комплексно, изучить само преступление, его структуру, факторы, влияющие на поведение субъектов преступления, особенности объекта.

Возможность формирования отрасли экономической криминалистики обусловлена наличием четкого критерия, в соответствии с которым те или иные преступления могут быть отнесены к категории экономических. С точки зрения криминалистики к экономическим преступлениям следует относить совершаемые под видом законных хозяйственных операций преступные действия, которые находят (должны находить) отражение в системе экономической инфор-

мации. Критерий чисто криминалистический, базирующийся на особенностях следообразования. Сформированная на его основе группа преступлений не будет совпадать по всем параметрам с уголовно-правовой классификацией, однако позволит объединить сходные по криминалистической структуре преступления в единую отрасль и исследовать их по единым принципам и методам.

Экономическую криминалистику представляется возможным определить как отрасль криминалистики, изучающую материальную структуру преступных деяний в сфере экономической деятельности, закономерности образования экономической информации об этих деяниях и механизм криминалистической интерпретации такой информации в научное следоведение в целях обеспечения деятельности по борьбе с экономическими преступлениями средствами криминалистической техники, тактическими рекомендациями и методами решения возникающих в процессе этой деятельности задач [4, с. 210].

Первичным предметом исследования экономической криминалистики является экономическое преступление. Его материальная структура имеет особенности по всем элементам – объект, субъект, орудие – и их взаимосвязям. Преобладающее значение для формирования системообразующего фактора (процесса следообразования) имеет объект преступления. В соответствии с рассмотренным выше криминалистическим пониманием объекта им в данном случае выступает конкретный субъект хозяйствования (группа субъектов), экономическим интересам которого причиняется ущерб в результате противоправных действий либо в структуре которого осуществляется преступление. Характер деятельности каждого субъекта хозяйствования определяет в конечном счете предметные возможности преступления, способы его совершения, закономерности формирования экономической информации, рассматриваемые в качестве следов-отражений, постпреступное поведение лиц и многие другие факторы, влияющие на расследование. Отсюда вытекает, что в задачу экономической криминалистики входит изучение экономической и управленческой структуры организации, производственных, технологических, маркетинговых функций, системы учета и контроля. Это изучение должно быть специфическим, целенаправленным, однако достаточно глубоким и высокоинформативным. Конечный результат изучения объекта – создание его нормативной матрицы и реальной модели, сопоставление которых позволяет выявлять информационные точки криминалистического исследования.

Объектом преступления в значительной мере детерминируются действия субъекта. Особенности субъекта как элемента структуры экономических преступлений хорошо известны. Их можно разделить на личностные (возрастные, психологические, нравственные) и профессиональные. Если первая группа особенностей в большей мере изучается в общей криминалистике, то профессиональные навыки и умения относятся к предмету отраслевой криминалистики. Оценивая и исследуя роль субъекта в структуре экономического преступления, необходимо учитывать, что это единственный активный элемент, поведением которого реализуются следообразовательные возможности объекта преступления, применяемых орудий, окружающей обстановки и т. п.

Необходимым элементом материальной структуры любого преступления являются орудия его совершения. В широком смысле под орудиями в криминалистике следует понимать средства воздействия субъекта на объект в целях получения преступного результата. Применительно к экономическим преступлениям термин «орудия» не самый подходящий, тем не менее роль их в общей структуре преступления не менее значима. С помощью чего преступникам удается под видом законной деятельности осуществлять противоправные хозяйственные операции и сделки? Очевидно, что средством, «орудием» совершения таких операций является противоправное использование норм, правил, требований, рекомендаций, которые регламентируют хозяйственную деятельность. Преступный результат достигается путем искажения правил и методик осуществления производственной, коммерческой, финансовой, кредитной, кассовой и других видов деятельности. Изучение орудий экономических преступлений – многочисленных правил совершения и оформления хозяйственных операций – выступает важнейшей и наиболее сложной частью экономической криминалистики, требующей привлечения знаний из весьма отдаленных от криминалистики отраслей науки и практической деятельности. Приведенное обстоятельство – одно из основных аргументов в пользу формирования экономической криминалистики в качестве самостоятельной отрасли этой науки.

Следуя традициям сотрудничества криминалистов советского периода, современная криминалистическая школа Беларуси активно взаимодействует с представителями криминалистической науки других государств по всем направлениям научного обеспечения правоохранительной деятельности.

Библиографические ссылки

1. Дулов А. В. Судебная психология. Минск, 1975.

2. Дулов А. В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979.

3. Аверьянова Т. В. Криминалистика : учеб. для вузов. М., 1999.

4. Гучок А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления. Минск, 2012.

5. Шумак Г. А. Особенности криминалистической структуры экономических преступлений // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. Минск, 2006. Вып. 4. С. 207–212.

Н. А. Антанович
доктор политических наук

Е. М. Ильина
кандидат политических наук

В. С. Михайловский
кандидат политических наук

С. Г. Паречина
кандидат политических наук

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ И ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: О ВЗАИМОВЛИЯНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ НАУК (МИРОВОЙ ОПЫТ И ПРАКТИКА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С КВАЛИФИКАЦИЕЙ «ПОЛИТОЛОГ-ЮРИСТ» НА ЮРИДИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ БГУ)

История политических идей имеет столь же длительный период существования, что и философия, а политическая наука (политология) считается довольно молодой в спектре социальных наук. Ее становление связывают с выделением политической подсистемы социума в качестве самостоятельной из других сфер общественной жизни. Данные процессы шли в период перехода ряда стран к индустриальному обществу, когда в результате общественных трансформаций эпохи Просвещения и буржуазных революций в странах Западной Европы прежние способы легитимаций властных отношений в форме религиозной сакрализации оказались поверженными. Усложнение политической реальности потребовало ее профессионального изучения. Как и все социальные науки, наука о политике имеет два измерения – *международное* (проявлениями которого являются универсальные теории, принятый категориальный аппарат, «твердое ядро» знаний о политике, разделяемых политологическим сообществом в различных странах мира) и *национально-государственное* (воплощается в знаниях закономерностей функционирования конкретной политической системы).

На мировом уровне усложнение политико-властных отношений сформировало запрос на их профессиональное осмысление. Сходные процессы были

характерны и для нашей страны. Начиная с периода перестройки и гласности в СССР формировался запрос на инновационное осмысление происходивших социально-политических и, что важно, духовных процессов. Марксистско-ленинская теория в ее советском варианте, став к тому времени догматизированной, не давала возможности адекватного анализа стремительных изменений в стране. Возник запрос на новую теорию и методологию исследования, запрос на политологию, ранее критикуемую как буржуазная лженаука. Кафедры марксистско-ленинской философии, истории КПСС, марксистско-ленинской политической экономии, научного коммунизма, марксистско-ленинской этики, эстетики и научного атеизма к 1990-м гг. стали не только менять свои названия, но и осваивать то знание западных социально-политических теорий, которое ранее не было доступно подавляющему большинству социальных ученых в бывшем СССР. Белорусская политология датирует свое восхождение вместе со становлением и развитием независимой Беларуси.

Центром преподавания и развития отечественной политологии, подготовки дипломированных специалистов-политологов является кафедра политологии юридического факультета БГУ, ставшая первой институциональной формой белорусской политической науки. На современном этапе кафедра политологии юридического факультета БГУ – ведущая кафедра, специализирующаяся на политической науке в Республике Беларусь. Кафедра реализует двуединую задачу: профессиональной подготовки студентов по специальности «*Политолог-юрист*» и преподавания *политологии и дисциплин политологического профиля* («Государственная политика и управление», «Общественная политика», «Политические технологии», «Политическая коммуникация», «Теория политических систем», «Политическая культура» и др.) на всех факультетах БГУ.

Разработка кафедрой политологии юридического факультета БГУ учебной и программной документации для подготовки специалистов с квалификацией «Политолог-юрист» – уникальный феномен на постсоветском пространстве, где политологическая подготовка осуществлялась в связи либо с философскими, либо историческими факультетами (в настоящее время в Российской Федерации созданы самостоятельные факультеты политологии/политических наук).

В данной статье поставлена цель выявить специфику междисциплинарного взаимодействия политологии и права в исследовании публичной политики и государственных институтов. Достижение поставленной цели будет реализовано с учетом уникального опыта подготовки политологов-юристов на юридическом факультете БГУ.

Несмотря на длительную историю междисциплинарного взаимодействия политологии и права, в изучении государственных институтов и публичной политики остается широкий спектр нерешенных вопросов, требующих дополнительных исследовательских усилий именно с политологических позиций в контексте зарубежного опыта и белорусских политико-правовых реалий.

На рубеже XIX–XX вв. политологическое знание находилось в парадигмальной зависимости от права. Политика изучалась в рамках государствоведения,

где основным методологическим подходом был формально-правовой. Это, например, было характерно для США, где в 1857 г. в Колумбийском колледже была создана одна из первых в мире кафедр политических наук. Российские ученые-юристы Б. Кистяковский, П. Новгородцев, С. Муромцев, М. Ковалевский, Б. Чичерин признаются основоположниками российской политологии [1]. В СССР ассоциация политологов именовалась Советской ассоциацией политических (государствоведческих) наук и являлась коллективным членом Международной ассоциации политических наук [2].

Парадигмальное включение политологии в право способствовало дисциплинарному становлению политической науки и сгенерировало дальнейшее ее развитие. Так, стремление преодолеть ограничения формально-юридического подхода определило в политологии «поведенческий поворот», связанный с группой исследователей Чикагского университета (Ч. Мерриам, Х. Госснел, Г. Лассуэлл, Л. Уайт, Э. Фройнд), работавшей в период с 1920-х по 1940-е гг. Постбихевиоральная революция 1960-х гг. вернула в политологию интерес к нормативному подходу и осмыслению сущности общего блага и справедливости. Вопросы должного в рамках нормативной политологии сблизили ее с общей теорией права и задали новый модус взаимодействия.

Междисциплинарный синтез политологии и права находится в мейнстриме современного развития глобальной науки. Интенсификация и интеграция научных дисциплин – модус развития современного знания, сформированный на постнеклассическом этапе развития науки. Расширение предметного поля исследований вследствие совершенствования методологического инструментария позволило углубить знания о специфических сторонах действительности, но и сгенерировало исследовательское дистанцирование между науками и фрагментарность картины мира. Президент Международного центра трансдисциплинарных исследований Б. Николеску отмечал, что еще в середине XX в. «такие слова, как “мультидисциплинарность” и “междисциплинарность” стали актуальными, выражая потребность… интеграции знания в существующей ситуации» [3, с. 77]. На постнеклассическом этапе развития науки стало понятно, что одно и то же явление можно описать с помощью разных наук или разных научных подходов.

Междисциплинарность затронула не только гносеологическое, но и институциональное измерение науки. Научный дискурс междисциплинарности закреплен в официальных документах государственных органов как международного, так и национального уровней. Во Всемирной декларации ЮНЕСКО «Высшее образовании для XXI в.: подходы и практические меры» (1998) отмечается, что для продвижения научного знания «необходимо поощрять и укреплять новаторство, междисциплинарность и трансдисциплинарность» [4].

Изменения в организации научной, научно-технической и инновационной деятельности учитываются и в Республике Беларусь. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040», разработанная Национальной академией наук Беларуси как документ долгосрочного характера, среди комплекса факторов, определяющих

научно-технологическое развитие Беларуси, указывает на «углубление предметных областей науки при нарастающем взаимном проникновении смежных отраслей и возникновении новых областей междисциплинарного научного знания». Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» уделяет особое внимание междисциплинарным исследованиям. Они заявлены как приоритетные направления научной деятельности на всех этапах реализации документа: актуализации заделов (2018–2020), создания точек роста (2021–2030), поддержания лидерства (2031–2040) [5].

Идея междисциплинарной близости политической и правовой наук очевидна – это *единый объект* исследования. В широком понимании политология и право изучают *публичное регулирование общественных отношений*. Разница в том, что для правовой науки видение возможности публичного регулирования сужается до принуждающих к определенному поведению правил, а политология концептуализирует публичную власть и в таких формах, как насилие, убеждение, манипуляция и авторитет.

Тесное взаимодействие политики и права обусловлено и их сущностными характеристиками в качестве фундаментальных регуляторов общественных отношений. Характеристиками права являются нормативность, общеобязательность, формализованность, государственная природа, направленность на стабилизацию общественных отношений. Характеристики политики – целенаправленность, властный характер, управление общественными делами, конфликтно-консенсусная диалектика, направленность на динамику социальных отношений. Как ни парадоксально, но политика, даже консервативного толка, есть подлинное воплощение социальной динамики. Право и политику объединяют рационально-волевой характер и интенциональная природа (направленность на регулирование отношений и закрепление определенного порядка вещей, иерархичных либо сетевых отношений), а также противоречивая диалектика сочетания социально-групповой и общесоциальной составляющих.

Тогда как право возникает вместе со становлением государства и его институтов, политику в ее широкой трактовке часто относят и к догосударственному периоду человеческой истории. В этом смысле в политологии используются две трактовки политики: политика как искусство управления государством и политика как искусство управления общественными/публичными делами. Политика многогранна: это и сфера общественной жизни, и вид социальных отношений по поводу завоевания, использования и удержания власти в условиях многообразия и противостояния социально-групповых интересов, и искусство нахождения баланса интересов для достижения консенсуса между различными социальными группами.

Сущность права состоит в объективной обусловленности и нормативном закреплении общей воли всех членов общества в результате рационального согласования индивидуальных и коллективных интересов по коренным проблемам жизни государства и общества. Право является формой и символом власти и государственного управления. Право закрепляет политическую организацию

общества посредством определения формы правления, структуры и порядка организации органов государственной власти; упорядочивает процесс государственного управления; фиксирует права и обязанности граждан; определяет формы экономической активности и политического участия.

Сама сущность права как регулятора общественных отношений связывает его не только с государственными институтами, но и с политическим процессом, а борьба и согласование социально-групповых интересов по поводу распределения ресурсов, статусов, духовных ценностей составляет ядро политического процесса.

Политика как сложный многоуровневый феномен проявляется:

- в деятельности институтов государства, санкционированной нормами права (формальное измерение политики);
- выработке и реализации политического курса, воплощенного в различных видах государственной политики (содержательное измерение политики);
- во взаимном оппонировании различных политических сил, предлагающих общественности свои проекты общественного развития, в динамике общественного мнения и политического участия (процессуальное измерение политики).

Право можно определить через описание его объективных, сущностных свойств: *формального равенства, всеобщей и необходимой формы свободы, справедливости*. Все эти сущностные свойства относятся и к политике. Граждане оценивают деятельность государства скорее не с чисто правовой, а *политико-правовой* точки зрения, ориентируясь именно на соблюдение принципов равенства, свободы и справедливости [6].

И политика, и право связаны с существованием государственных институтов. Многочисленные теоретические концепции политики прямо или косвенно ее центральным пунктом выделяют государство и политическую власть. Однако тогда как право является совокупностью норм, защищаемых государством, *политика рассредоточена в обществе*, постоянно продуцируется деятельностью различных социальных групп. Связывая политику с ее субстанциональной сущностью – властью, можно сказать, что в условиях демократии политическая власть не сводится к власти государственной. Государственная власть обладает признаками: суверенитет, территория, население, ряд монополий (на издание законов, на принуждение, сбор налогов). Политическая власть рассредоточена в обществе, так как существует много центров интересов и политического влияния. Это возможно благодаря наличию и гарантии политических прав и свобод. Такое понимание фиксируется в понятии «публичная политика» – политика как управленческая деятельность, находящаяся под влиянием гласного обсуждения значимых проблем общественностью.

Проблема соотношения права и политики в трансформирующихся обществах состоит в наличии разрыва межу закрепляемыми в праве демократическими принципами и практикой их реализации в политическом процессе. Особенности политико-правового взаимодействия в условиях политических трансформаций зависят от ряда факторов: особенностей национально-государственного

строительства, представления правящих элит о демократии (модели демократии), проблем общественной и государственной безопасности.

С точки зрения политологии право выступает одним из ресурсов политической власти. Однако в правовой науке политическая власть в лице государства является единственным генератором правотворчества. Право может сдерживать политические процессы, а политика может не соответствовать праву. Политика может синонимизироваться с правом, а с другой стороны, правовое и политическое могут фундировать противоборствующие общественные процессы. Тем самым вопрос первенства политического или правового может быть поставлен в рамках либо исторического контекста, либо сравнительных исследований. Но, несмотря на различные возможные варианты теоретической комбинаторики политики и права, основным предметом политико-правовой концепции выступает государство. Политическая и правовая наука смыкаются в изучении государственных институтов и публичной политики. Именно этот исследовательский предмет требует эвристичного взаимодействия политологии и права в рамках междисциплинарного синтеза знания.

Эвристика взаимодействия политической и правовой наук в изучении государственных институтов и публичной политики требует общих критериев проведения междисциплинарных исследований. Базовым положением для постулирования общей для политологии и права научно-исследовательской программы может служить концепт белорусского науковеда В. С. Степина о «парадигмальных прививках». «Парадигмальные прививки» – это «перенос представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую» [7, с. 578]. Такой подход к междисциплинарности предполагает взаимное обогащение политологии и права внутри дисциплинарных делений. Междисциплинарность изначально присуща политологии, обогатив политическую науку, став модусом ее становления и развития. В деятельности исследовательских комитетов Международной ассоциации политических наук значительную часть составляют междисциплинарные направления. Междисциплинарность свидетельствует о гносеологическом развитии политической науки – преодолении радикальной бескомпромиссности представителей различных политологических школ в XX в. (в первую очередь между сторонниками поведенческого подхода и теории рационального выбора).

На сегодняшнем этапе познавательное взаимодействие политологии и права актуализировано в рамках дискурса становления *юридической политологии* (*или политологии права)*. Выделение этого направления исследований находится в русле отмежевания политологической составляющей социологии права. Единого подхода к предмету политологии права не выработано. Трактовки предмета политологии права рознятся от широкого до узкого понимания. По мнению российского исследователя Н. П. Медведева, «юридическая политология должна изучать и анализировать все, что связано с юридическим началом политических процессов и институтов, политико-правовыми аспектами юридического оформления системы гражданского общества и правового государства» [8, с. 9].

Российские ученые А. Ю. Сунгуров, А. Е. Семикова в качестве предмета политологии права называют деятельность органов судебной власти как акторов публичной политики и их влияние на развитие института права; права человека как идеология; коррупцию; государственный суверенитет; «международные "договоренности о намерениях"» [9]. А. С. Карцов сводит предмет юридической политологии до «права… как политического ресурса и особенностей его использования группами интересов» [10, с. 94].

Самостоятельным направлением политологии права считается «политология судов». В США зарождение этой дисциплины связано с изучением С. Х. Притчеттом политического поведения судей, в западной Европе – с исследованием политики судов (Д. Коммерс, А. Суита). Предмет «политологии судов» – так называемая юридизация, понимаемая как «более активное участие судов в политике и обращение политиков к правовым средствам достижения политических целей», а также «как процесс приобретения судьями дополнительной власти» [11, с. 266].

В литературе нашел отражение и такой предмет политологии права, как *политическое право*. Российский исследователь А. В. Погодин определяет политическое право следующим образом: это «динамично развивающаяся, но пока не в полной мере структурированная и дифференцированная отрасль, в которую входят не только часть норм конституционного права (нормы политических правовых институтов), но и некоторые нормы уголовного, административного, финансового права и нормы других отраслей, адресованные участникам политики и регулирующие их деятельность» [12, с. 26]. Доктор политических наук А. В. Шашкова под политическим правом понимает «совокупность отраслей права и политико-юридических подсистем, регулирующих политическую деятельность» и выделяет следующие политико-юридические подсистемы: реализации гражданами и объединениями их политических прав (например, праймериз); избрания и назначения должностных лиц на центральном, региональном и местном уровнях; принятия политических решений (например, деятельность органов исполнительной власти по принятию нормативных актов в исполнение законодательных актов) [13, с. 31].

Междисциплинарная интенция политической и правовой наук к совместному познанию государственных институтов и публичной политики исходит из понимания сложности государства. По мнению белорусского исследователя В. В. Демирова, сложность дисциплинарно организованной науки становится новым горизонтом для современных интегрированных исследований [14, с. 54]. Если предметом классической науки были «простые» системы, то в настоящее время ученые изучают исторически развивающиеся, «человекоразмерные» системы. Междисциплинарный подход, адекватный структурной и функциональной сложности государства, позволяет раскрыть специфику государственного механизма, организованного как сеть.

На стыке политологии и права одно из ведущих мест в юридической мысли XXI в. занимает *правовая политика* как «особая форма государственной политики и средство закрепления и осуществления политического курса, направлений

деятельности государственной власти, воплощаемая в Конституции, законодательных и других нормативно-правовых актах» [15, с. 136]. Термин «правовая политика» используется в нормативных правовых актах довольно редко. В контексте теории права основными формами имплементации правовой политики являются доктринальная, правотворческая, правоприменительная, правоинтерпретационная, воспитательная (образовательная, обучающая) и др. [16, с. 163]. Ключевым инструментом правовой политики выступают нетипичные *правовые акты доктринального, политического, политико-программного и политико-правового характера* (доктрины, программы, стратегии, концепции, послания, обращения, заявления и т. д.). В отношении подобных «актов мягкого права» главной теоретической проблемой выступает признание или непризнание их правового характера, отнесение их к правовым актам [17, с. 7, 10].

Как отмечают отечественные правоведы С. А. Калинин, В. И. Павлов, С. М. Сивец, «наряду с Конституцией национальная правовая система нуждается в актах программного характера, содержащих в себе не только формально-юридические основы развития правовой системы, но и цивилизационно-культурное содержание как идейно-смысловое ядро права. Обычно таким актом является Концепция правовой политики» [18, с. 85].

Междисциплинарное взаимодействие политической и правовой наук в исследовании публичной политики и государственных институтов также детерминировано корреляцией научных школ и учебных дисциплин политологического и юридического профилей. Кафедра политологии юридического факультета БГУ – интеллектуальное ядро научной школы в области политических наук, основоположником которой является доктор политических наук, профессор С. В. Решетников [19]. Профессорско-преподавательским составом кафедры политологии (4 доктора наук, 12 кандидатов наук) разработаны 44 учебные дисциплины с учетом межпредметных связей с такими отраслями юриспруденции и авторитетными научными школами юридического факультета БГУ, как: теория и история государства и права (А. М. Абрамович, С. Г. Дробязко, С. А. Калинин и др.) [20–22], конституционное право (Г. А. Василевич, А. А. Головко, А. Н. Крамник и др.) [23–25], административное право и государственное управление (О. И. Чуприс, Т. Н. Михалева, Т. А. Червякова и др.) [26], информационное право (М. С. Абламейко, Н. В. Валюшко-Орса и др.) [27]. Например, в рамках междисциплинарного подхода на стыке политологии и информационного права можно выделить дисциплины, разработанные кафедрой политологии: «Теория государственного управления», «Система правления в Республике Беларусь», «Организация избирательных кампаний», «Государственная политика и управление», «GR: Организация отношений с органами государственной власти», «Политика в сфере цифровой трансформации» [28].

Таким образом, политология как самостоятельная наука сформировалась лишь во второй половине XIX в., впитав политические идеи предшествующих столетий. Ее становление связано с обособлением политической подсистемы социума, происходившим в период перехода ряда стран к индустриальному обществу. Усложнение политической жизни, вовлечение в политический процесс

новых участников привело к необходимости научного изучения такого общественного явления, как политика.

В СССР в силу ряда причин интерес к политологии возник только в период перестройки и гласности. Политическая модернизация в стране привела к стремительным изменениям в советском обществе и мировоззрении граждан, которые не вписывались в господствующую тогда марксистско-ленинскую науку. Сформировался запрос на новую теорию и методологию исследования политической сферы общества. В Республике Беларусь фундаментом отечественной политической науки стала кафедра политологии юридического факультета БГУ, которая сегодня по праву считается центром преподавания и развития политологии, подготовки дипломированных специалистов-политологов. Ведущие преподаватели кафедры – профессора С. В. Решетников, Н. А. Антанович, Л. Е. Земляков, Г. А. Круглова, доценты Н. П. Денисюк, А. П. Мельников, Л. В. Старовойтова и др.

Научная школа кафедры политологии юридического факультета БГУ может быть названа «Политология. Государственная политика и управление». Ее основные направления развития – *теория политики, методология политической науки* (теория государственной политики и управления, политическая аналитика)*; процессуальное измерение* публичной и государственной политики, политического и государственного управления; *институциональное измерение* государственной политики и управления (виды государственной политики в соответствии с системой органов государственного управления, политико-правовая система, взаимосвязь политики и права); *технологическое, инструментальное* измерение публичной и государственной политики, политического и государственного управления; организация отношений с органами государственной власти, политические технологии, лоббизм; *политическое пространство и политическое поле* (политические идеологии, политическая идентичность, массовая и политическая коммуникация, связи с общественностью); *проблемы глобального и регионального развития* (региональная подсистема международных отношений, феномен пограничных и трансграничных регионов, этнополитика, этнический и религиозный факторы политических процессов и государственной политики).

Современная глобальная наука активно использует междисциплинарный синтез – метод описания одного и того же явления с помощью разных наук. Это актуально для обществоведения и находит свою реализацию в институциональном измерении науки. Междисциплинарная связь политической и правовой наук основывается на едином объекте исследования – публичном регулировании общественных отношений. В то же время имеется и ряд существенных различий. Так, в юриспруденции публичное регулирование ограничивается принуждением к определенному поведению согласно установленным правилам, а политология концептуализирует публичную власть в таких формах, как насилие, убеждение, манипуляция и авторитет. Как было показано, и политика, и право связаны с существованием государственных институтов и публичной

власти. Однако если право – это совокупность норм, установленных государством, то политика рассредоточена в обществе, являясь выражением общественных интересов различных социальных групп. Политика и право тесным образом взаимосвязаны и взаимозависимы: право выступает одним из ресурсов политической власти, а политическая власть в лице государства – единственный генератор нормотворчества.

Междисциплинарный подход к исследованию политики и права привел к возникновению таких научных направлений, как «юридическая политология» (или «политология права»), «политология судов» (США), «политическое право». В XXI в. особое внимание уделяется такому направлению в исследовании политики и права, как «правовая политика» (А. Г. Тиковенко, С. А. Калинин). Свой вклад в междисциплинарное взаимодействие политической и правовой наук вносит кафедра политологии юридического факультета БГУ. Опыт работы кафедры политологии на юридическом факультете продемонстрировал успешность междисциплинарности в изучении государственных институтов и публичной политики, взаимопроникновения государственно-политического и юридического профилей образовательных программ. Нашей стране нужны профессиональные политологи с углубленной юридической подготовкой. Такие специалисты должны быть готовы к выработке рекомендаций по формированию и реализации важнейших направлений государственной политики, прогнозу и оценке эффективности последствий принятых решений.

Библиографические ссылки

1. Амелин В. Н., Дегтярев В. Н. Опыт развития прикладной политологии в России // Полис. 1998. № 3. С. 157–178.

2. Шатров В. П. О Советской ассоциации политических (государствоведческих) наук // Совет. государство и право. 1961. № 1. С. 143–144.

3. Nicolescu B., Volckmann R. Transdisciplinarity: Basarab Nicolescu talks with Russ Volckmann // Integral Rev. 2007. Iss. 4. P. 73–90.

4. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры (от 9 окт. 1998 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. ТехЭксперт. 2019. URL: http://docs.cntd.ru/document/901839539 (дата обращения: 06.05.2020).

5. Стратегия «Наука и технологии: 2018-2040» / НАН Беларуси. Минск, 2017.

6. Антанович Н. А. Политика и право: проблемы взаимодействия в современном обществе // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность : материалы науч.-теорет. конф., Минск, 29 сент. 2006 г. / Нац. акад. наук Беларуси. Минск, 2006. С. 332–337.

7. Степин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М., 2000.

8. Медведев Н. П. Юридическая политология как новое научное направление // Вопр. политологии. 2015. Вып. 1 (17). С. 5–11.

9. Сунгуров А. Ю., Семикова А. Е. Юридическая политология или политология права: эскиз исследовательского поля // Обществ. науки и современность. 2017. № 5. С. 83–93.

10. Карцов А. С. Юридическая политология как научная дисциплина (краткие заметки) // Обществ. науки и современность. 2017. № 5. С. 94–95.

11. Григорьев И. С. Политология судов: предмет и исследовательская программа // Полит. наука. 2012. № 3. С. 258–275.

12. Погодин А. В. Взаимодействие политики и права и проблемы правореализации в политической сфере // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2012. Т. 154, кн. 4. С. 25–33.

13. Шашкова А. В. Проблемы осуществления правовой политики // Соц.-полит. науки. 2018. С. 28–32.

14. Демиров В. В. Трансдисциплинарность как специфическая форма синтеза научного знания // Интеллектуальная культура Беларуси: методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 15–16 нояб. 2018 г. : в 3 т. / НАН Беларуси, Ин-т философии ; редкол.: А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск, 2018. Т. 1. С. 52–55.

15. Тиковенко А. Г. Правовая политика и ее принципы // Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 6 дек. 2013 г. / НЦЗПИ ; редкол.: В. И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2013. С. 136–139.

16. Пузиков Р. В. Формы реализации правовой политики // Вестн. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2014. № 1 (129). С. 163–171.

17. Малько А. В., Гайворонская Я. В. Доктринальные акты как основной инструмент правовой политики // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2018. № 1. С. 4–25.

18. Калинин С. А., Павлов В. И., Сивец С. М. Правовая политика Республики Беларусь: современное состояние и стратегия развития // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. № 2. 2014. С. 83–88.

19. Решетников С. В. Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. Минск, 2016. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/171096 (дата обращения: 10.06.2020).

20. Абрамович А. М. Избранные труды. Минск, 2019.

21. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права : учеб. пособие для вузов. Минск, 2013.

22. Калинин С. А. Методология юриспруденции в контексте парадигм научной рациональности // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2019. № 4 (48). С. 12–26.

23. Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. Минск, 2016.

24. Головко А. А. Избранные труды. Минск, 2018.

25. Крамник А. Н. Административное право и государственное управление в Республике Беларусь. Минск, 2001.

26. Чуприс О. И. Теоретико-правовые проблемы государственной службы Республики Беларусь. Минск, 2009.

27. Информационное право : учебник / Г. А. Василевич [и др.]; под общ. ред. Г. А. Василевича и Д. А. Плетенева. Минск, 2015.

28. Ильина Е. М. Политика в сфере цифровой трансформации [Электронный ресурс] : учеб. программа учреждения высш. образования по учеб. дисциплине для специальности 1-23 01 06 «Политология» ; рег. № УД-7733/уч. от 08.01.2020 // Электронная библиотека БГУ. URL: http://elib.bsu.by/handle/123456789/240721 (дата обращения: 10.06.2020).

Л. Я. Землякоў
доктар палітычных навук

ІДЭАЛОГІЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАВЫ[1]

Чалавечае грамадства кансалідуецца сістэмай ідэй, якія аб'ядноўваюць розныя слаі насельніцтва, абумоўліваюць каштоўнасныя арыентацыі, маральныя нормы, пэўны ўклад жыцця, сацыяльную актыўнасць. Такая сацыяльна значная і тэарэтычна аформленая сістэма ідэй, у якой адлюстроўваюцца глыбінныя інтарэсы адпаведных сацыяльных груп і слаёў і якая прызначана замацаваць або змяніць грамадскія адносіны, і з'яўляецца ідэалогіяй.

На думку Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі, «ідэалогія для дзяржавы – тое ж самае, што імунная сістэма для жывога арганізма. Калі імунітэт слабее, любая, нават самая нязначная інфекцыя становіцца смяротнай. Гэтак жа і з дзяржавай: калі распадаецца ідэалагічная аснова грамадства, яе гібель становіцца толькі справай часу, якой бы на выгляд дзяржава ні здавалася моцнай і грознай». Ідэалогія дзяржавы – гэта нацыянальная згуртавальная і мабілізуючая ідэя.

Нацыянальная ідэя (комплекс ідэй агульнанацыянальнага маштабу) ствараецца ў працэсе станаўлення дзяржавы, развіцця нацыянальнай самасвядомасці і фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці. Яна прэтэндуе на ролю сістэмы каштоўнасцей, арыентуючых светапогляд. Нацыянальная ідэя змяшчае ў сабе ўсеагульныя і ўніверсальныя каштоўнасці і накіравана на тое, каб даць праявіцца ім усім, не дазваляючы ніводнай з каштоўнасцей атрымаць перавагу над іншымі. У палітычным працэсе нацыянальная ідэя выконвае функцыі інтэграцыі і ідэнтыфікацыі нацыі, вызначэння ідэалу яе гістарычнага існавання, легітымацыі ўлады, а таксама прапагандысцкую і мабілізацыйную функцыі.

Ва ўмовах глыбінных зрухаў і катастроф амаль усе краіны свету прайшлі па шляху пошуку сваёй ідэнтычнасці, сваёй нацыянальнай ідэі. Дзяржавы заўсёды мелі патрэбу ў «цэментавальным рэчыве», у мабілізуючым нацыянальным дэвізе. У ЗША такім дэвізам стала «амерыканская мара», якая ў перыяд вялікай дэпрэсіі была дапоўнена рузвельтаўскім «новым курсам», а затым – ідэяй «новага грамадства» Дж. Кенэдзі. Сёння амерыканцаў натхняюць вобразам іх краіны як сусветнага лідэра, як цэнтра аднаполюснага свету. У свой час генерал Шарль дэ Голь абазначыў мэту – «веліч Францыі». Насельніцтва Японіі доўгія гады натхнялася роляй творцаў «японскага дзіва». Іран дэманструе скіраванасць да «ісламскай чысціні».

У Беларусі таксама на працягу большай часткі XIX і ў XX стагоддзях было актуальным пытанне пошуку сваёй ідэнтычнасці, натхняльнай нацыянальнай

[1] Друкуецца паводле: *Землякоў Л. Я.* Ідэалогія беларускай дзяржавы // Полымя. 2006. № 2. С. 130–135.

ідэі. У пераломныя моманты развіцця грамадства асабліва востра ўздымалася пытанне пошуку духоўнай ідэі развіцця Беларусі і яе месца ў свеце. У генезісе этнічнага развіцця і станаўлення самасвядомасці беларусаў, вынікам чаго і з'явілася іх канстытуіраванне ў якасці нацыі-дзяржавы, можна вылучыць некалькі этапаў, што супадаюць з асноўнымі гістарычнымі перыядамі, у плынь падзей якіх былі ўцягнуты жыхары цяперашняй тэрыторыі Беларусі.

Сутнасць зместу самасвядомасці беларусаў (іх этнічных продкаў) на кожным з такіх этапаў наступная: у перыяд Кіеўскай Русі – усведамленне славянамі, якія насялялі ў той час сучасныя беларускія землі, сябе рускімі людзьмі; у перыяд Вялікага княства Літоўскага – фарміраванне на аснове славяна-праваслаўнай культуры беларускага этнасу і яго самасвядомасці; у перыяд Рэчы Паспалітай – усведамленне беларусамі сваёй славяна-праваслаўнай цывілізацыйнай ідэнтычнасці, этнічнай і культурна-гістарычнай роднасці з велікарусамі (рускімі) і маларусамі (украінцамі); у перыяд Расійскай імперыі – фарміраванне беларускай нацыянальнай ідэі, вылучэнне на парадак дня грамадскага жыцця задачы нацыянальнага самавызначэння беларусаў.

У пачатку XX стагоддзя нацыянальная ідэя беларусаў была з надзвычайнай дакладнасцю сфармулявана народным паэтам Беларусі Янкам Купалам. Сутнасць яе ў наступных словах: «Мы – беларусы». У вершы «А хто там ідзе?» паэт абвясціў свету аб існаванні беларусаў як самабытнага народа і адразу ж заявіў аб іх праве на паважлівыя адносіны да сябе. Формула «Мы – беларусы» – гэта заява свету беларусамі аб сабе як самабытным народзе, як асаблівай разнастайнасці славяна-рускай супольнасці. Пазней гэтая ідэя была трасфармавана ў практычную задачу канстытуіравання беларусаў у якасці нацыі-дзяржавы ў складзе федэратыўнай (саюзнай) дзяржавы.

У дарэвалюцыйнай Беларусі асноўным інтэграцыйным фактарам, які характарызуе тып дзяржаўна-нацыянальнай ідэалогіі, была хрысціянская рэлігія (праваслаўе, каталіцызм). Агульнасць рэлігійных перакананняў пераважна беларускага насельніцтва, якое і было асновай станаўлення беларускай дзяржаўнасці, забяспечыла неабходную ступень грамадскай кансалідацыі і інтэграцыі ў Беларусі. Хрысціянская рэлігія наклала свой глыбокі адбітак на беларускую народную самасвядомасць, на станаўленне ідэалаў і каштоўнасцей патрыятызму, саборнасці, духоўнасці, самаахвяравання ў імя Радзімы, спрадвечнага пошуку праўды, асаблівага беларускага шляху. Акрамя таго, яна спадарожнічала ўстанаўленню гістарычнай спецыфікі развіцця нашай дзяржаўнасці – практычна заўсёды адстойвала моцную дзяржаўную ўладу, заклікала да агульнага яднання ў мэтах адстойвання агульнанацыянальных інтарэсаў.

Крызіс Расійскай дзяржавы і грамадства ў пачатку XX стагоддзя выклікаў станаўленне новай дзяржаўнай ідэалогіі, якая грунтавалася на марксісцка-ленінскай класавай канцэпцыі. Дамінуючай стала камуністычная ідэалогія, якая прэтэндавала на званне метанавукі. Новыя камуністычныя ідэі трывала замацоўваліся ў грамадскай свядомасці, выкараняючы хрысціянскі светапогляд. Аднак міфалагізацыя элементаў камуністычнай ідэалогіі – гістарычная місія пралетарыяту, мудрасць і безальтэрнатыўнасць марксісцка-ленінскага вучэння і г. д. – вялі да дагматызацыі і закасцянеласці ідэалогіі, страты яе інтэгруючага

патэнцыялу. Усё ж трэба адзначыць, што такая ідэалогія пэўны час аб'ектыўна выконвала інтэгруючую функцыю, знаходзячы мабілізуючыя сімвалы і ідэі, асабліва ў важныя крытычныя моманты, напрыклад у гады Вялікай Айчыннай вайны. Такім чынам, савецкаму перыяду былі ўласцівы пошукі формулы нацыянальнага самавызначэння і станаўленне інстытутаў беларускай дзяржаўнасці.

Постсавецкі перыяд характарызуецца пошукам беларусамі дзяржаўнай формы, адэкватнай іх цывілізацыйнай ідэнтычнасці і гістарычнаму вопыту, і шляху далейшага грамадскага развіцця ў свеце. У суверэннай Беларусі назіраецца новы ўсплёск цікавасці да тэмы беларускай нацыянальнай ідэі, беларускага шляху развіцця. З новай сілай разгарэліся ў канцы XX стагоддзя дыскусіі аб шляхах развіцця Беларусі, аб агульнанацыянальнай ідэі. Гэтыя спрэчкі прадыктаваны складанасцямі ў развіцці беларускага грамадства, а больш шырока – у эвалюцыі сусветнай цывілізацыі на пачатку новага тысячагоддзя.

Працэс змянення ідэалогіі беларускай дзяржавы праходзіў пад знакам «дэідэалагізацыі», якая пракламавалася дзяржавай з-за негатыўных адносін да савецкай ідэалогіі. Паслабленне суб'ектнасці дзяржавы (у пачатку 90-х гадоў XX стагоддзя) у сферы ідэалагічнага рэгулявання грамадства выклікала неадкладнае ўступленне ў барацьбу за грамадскую свядомасць розных груп, сярод якіх вылучаліся прадстаўнікі інтэлігенцыі і палітычныя арганізацыі.

Беларуская інтэлігенцыя імкнулася прымаць актыўны ўдзел у пераменах, якія адбываліся ў Беларусі, тым больш што змены ў эканоміцы і палітыцы непасрэдна вялі і да трансфармацыі каштоўнасных, духоўных і ідэйных кампанентаў грамадскага жыцця беларускага соцыуму.

Беларускія палітычныя партыі і грамадскія рухі таксама вылучылі свае адзіныя канцэпцыі, якія адлюстроўвалі пераважна партыйныя арыенціры. Такія партыйныя канцэпцыі новай беларускай ідэалогіі ўключаюць у сябе, па-першае, спецыфічны тып эканамічнай стратэгіі і форм уласнасці (напрыклад, прыватная або грамадская); па-другое, сацыяльныя арыенціры дзяржаўнай дзейнасці; па-трэцяе, палітычную форму дзяржаўнасці (форма дзяржавы, палітычнай сістэмы, тып дзяржаўнага ладу); па-чацвёртае, духоўныя арыенціры насельніцтва і жаданы дзяржаўны ідэал.

Дзяржаўныя структуры з пачатку 90-х гадоў XX стагоддзя, абвясціўшы сваю дзейнасць свабоднай ад ідэалогіі, фактычна праводзілі палітыку змянення беларускага цывілізацыйнага архетыпу, імкнуліся пераарыентаваць Беларусь згодна з «заходнімі» ўзорамі. Пры гэтым культывавалася барацьба з «імперскай» дзяржаўнасцю і «культам дзяржаўнасці».

Палітыка «дэідэалагізацыі» і «дэпалітызацыі» дзяржаўнага ўздзеяння на грамадска-палітычную сферу і пранікненне ў ідэйна-ідэнтыфікацыйную сферу нацыянальнай самасвядомасці разнавектарных ідэйна-каштоўнасных сістэм, якія не адпавядаюць беларускаму архетыпу і базісным устаноўкам, вядуць да страты грамадскай згоды і зніжэння суб'ектыўнай значнасці дзяржавы для яе грамадзян.

Дзяржаўныя структуры, якія прааналізавалі сітуацыю, што склалася ў беларускім грамадстве, і ўсвядомілі значнасць распрацоўкі нацыянальнай ідэа-

логіі, на аснове якой можа адбыцца яднанне беларускага грамадства і народа, прыступілі да фарміравання ідэалогіі беларускай дзяржавы.

Пошук дзяржаўнымі структурамі інтэграцыйнай сістэмы каштоўнасцей і ідэалагічных арыенціраў праходзіў у некалькі этапаў. Пасля перыяду «дэідэалагізацыі» былі спробы зрабіць стаўку на рэлігійныя каштоўнасці: уводзілася атрыбутыка Вялікага княства Літоўскага і інш. Свайго роду папярэднім аналізам стану распрацаванасці гэтай праблемы з'явілася правядзенне па ініцыятыве Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь 12 лістапада 1998 года навуковай канферэнцыі на тэму: «Ідэалогія беларускай дзяржаўнасці: праблемы тэорыі і практыкі». У прадстаўленых на канферэнцыі дакладах і паведамленнях закраналася шырокае кола тэарэтычных і практычных праблем ідэалогіі беларускай дзяржаўнасці.

Самая актыўная спроба ўладных структур сфарміраваць новую дзяржаўную ідэю звязана з дзейнасцю Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі. З прыходам яго ў вышэйшую кіруючую эліту настае і новы этап развіцця сучаснай ідэалогіі беларускай дзяржавы. На палітычным узроўні кіраўніцтвам краіны адзначана, што наша краіна заснавана на трох фундаментальных апорах: Саветах дэпутатаў, прафсаюзных арганізацыях і маладзёжных арганізацыях. На думку Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі, гэта «тры асноўныя апоры нашага грамадства, якія прызначаны забяспечыць сувязь народа з органамі ўлады, прыцягваючы грамадзян да актыўнага дзяржаўнага будаўніцтва».

Ідэалогія беларускай дзяржавы ствараецца духоўна-інтэлектуальнымі пошукамі айчынных вучоных, грамадскіх дзеячаў, праграмнымі распрацоўкамі палітычных партый, а таксама прыняццем шэрага афіцыйных канцэпцый і дактрын у асобных сферах дзяржаўнай дзейнасці і палітыкай Кіраўніка дзяржавы, сфармуляванай у пасланнях Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь на грамадскіх форумах узроўню Усебеларускага народнага сходу.

Дзяржаўныя структуры не абмежаваліся дэкларацыяй ідэалагічнага будаўніцтва. У сувязі з гэтым асаблівы інтарэс уяўляюць асноўныя дзяржаўныя дакументы: Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (са змяненнямі і дапаўненнямі), прынятая на рэспубліканскім рэферэндуме 24 лістапада 1996 года, і Канцэпцыя нацыянальнай бяспекі, якія маюць агульнанацыянальную каштоўнасную вартасць і ідэалагічныя арыенціры, накіраваныя на станаўленне новай сістэмы, і непасрэдна ўносяць новыя структурныя і арганізацыйныя элементы ў фарміраванне ідэалогіі беларускай дзяржавы. Магутным імпульсам для працэсу фарміравання ідэалогіі беларускай дзяржавы паслужылі некалькі выбарчых кампаній у Палату прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь (2000, 2004), выбары Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь (1994, 2001) і рэспубліканскія рэферэндумы (1995, 1996, 2004).

Пытанне аб неабходнасці сістэматычнай распрацоўкі ідэалогіі беларускай дзяржавы ва ўсёй паўнаце было пастаўлена Прэзідэнтам Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкам. «Грамадства, – гаворыцца ў яго дакладзе, – не можа існаваць без цэласнага зводу ідэй, каштоўнасцей і норм, якія аб'ядноўваюць

усіх грамадзян. Дзяржава без ідэалогіі, як і чалавек без думкі, не можа жыць і развівацца, тым больш супрацьстаяць унутраным і знешнім пагрозам».

Унікальнасць распрацоўкі ідэі нашага нацыянальнага развіцця на мяжы XX–XXI стагоддзяў абумоўлена спалучэннем некалькіх новых момантаў.

Па-першае, істотныя зрухі ў самавызначэнні сучаснай філасофіі прымушаюць пераглядаць цэлую традыцыю разгляду шэрага ключавых для філасофіі паняццяў, у тым ліку і паняцце «ідэалогія». Паварот філасофіі XX стагоддзя ў цэлым і фарміраванне прынцыпова новых напрамкаў і метадалогій апісання і разумення сацыяльнай рэчаіснасці ў межах сацыяльна-гуманітарных дысцыплін у прыватнасці робяць ідэалогію мнагамерным аб'ектам, да якога не прымяняюцца падыходы, метадалагічна арыентаваныя на філасофскія канцэпцыі XIX стагоддзя.

Другі момант звязаны з дынамікай сучасных грамадстваў, праблемамі ўзаемадзеяння розных суб'ектаў ва ўмовах мультыкультурнай сацыяльнасці, неабходнасцю выпрацоўваць і ўзгадняць розныя грамадскія стратэгіі, якія задаюць мэту, сэнс і гарызонты для жыцця канкрэтнага чалавека і грамадства ў цэлым.

Нацыянальная ідэя самым непасрэдным чынам пераклікаецца з такой з'явай духоўна-палітычнага жыцця, як ідэалогія, якая асабліва заяўляе аб сабе ў крызісныя этапы развіцця грамадства, валодае мабілізуючай сілай, спрыяе сацыяльнаму рэканструяванню. Аднак трэба падкрэсліць і шэраг асаблівасцей гэтай з'явы. У адрозненне ад нацыянальнай ідэі палітычная ідэалогія носіць логіка-рацыянальны характар з відавочна прысутным кампанентам «волі да ўлады». Яна з'яўляецца інструментам легітымацыі ўлады, які прадугледжвае выкарыстанне спецыялізаваных тэхналогій інфармавання і камуніцыравання ўлады і грамадства. Ідэалогія, усклаўшы на сябе місію канцэптуальнага і несупярэчлівага абгрунтавання палітычнай будучыні, у ідэале канкрэтызуе агульнанацыянальную ідэю на пэўным гістарычным этапе.

Ідэалогія беларускай дзяржавы ўяўляе сабой у агульным плане ўпарадкаваную сукупнасць ідэалаў, каштоўнасцей, канцэпцый, якія служаць абгрунтаваннем беларускага шляху развіцця, гэта складанаарганізаваная сістэма, у якой кожны з яе кампанентаў можа сам разглядацца як сістэма.

Ідэалогія беларускай дзяржавы – гэта вучэнне аб нормах жыцця, ідэалах і каштоўнасцях беларускага народа, ідэалагічнай палітыцы дзяржаўных інстытутаў і аб ідэалагічных працэсах, якія характарызуюць мэты і асаблівасці беларускага шляху грамадскага развіцця.

На палітычным узроўні ідэалогія набывае форму ідэалагічнай дактрыны, якая з'яўляецца светапоглядная асновай ідэалогіі дзяржавы ў канкрэтных гістарычных умовах. Наша ідэалагічная дактрына існуе ў форме беларускай нацыянальнай ідэі, асноўным зместам якой з'яўляюцца такія фундаментальныя паняцці, як агульначалавечыя хрысціянскія каштоўнасці, нацыянальна-дзяржаўная самасвядомасць, грамадзянскасць, патрыятызм.

Дык вось, прававой асновай ідэалогіі беларускай дзяржавы з'яўляецца Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь. Канстытуцыя выступае не толькі як сродак станаўлення прававых адносін, але і як сродак агульнанацыянальнай кан-

стытуцыйнай ідэалогіі (пэўнай сістэмы ідэй, канцэпцый і дактрын), які фарміруе развітую прававую і маральную свядомасць, грамадзянскую пазіцыю, грамадскую думку, а таксама выхоўвае патрыятызм і пачуццё грамадзянскага абавязку, павагу да інстытутаў дзяржаўнай улады. Канстытуцыяй замацоўваецца сістэма каштоўнасцей, маральных пачаткаў, ідэалагічных рэалій, якая адпавядае ідэалам і магчымасцям беларускага грамадства, а таксама прадугледжваецца стварэнне неабходных умоў і гарантый для актыўнага іх выкарыстання грамадзянамі. Яна аказвае такім чынам уплыў на думкі і пачуцці людзей, закранае іх маральныя ўстаноўкі, спрыяе фарміраванню ў членаў грамадства пэўнага светапогляду і выступае магутным спецыфічным сродкам ідэалагічнага ўздзеяння на свядомасць людзей, фарміраванне іх сацыяльна-палітычнай арыентацыі. Канстытуцыі характэрна пазітыўная, стваральная і канструктыўная для грамадскага развіцця накіраванасць. Вызначэнне напрамкаў і перспектыў развіцця грамадства, замацаванне і гарантыя рэальных сацыяльных і палітычных каштоўнасцей для ўсіх спрыяюць умацаванню адзінства, сацыяльнага ідэалу, пошуку рознымі палітычнымі сіламі кампрамісу і згоды. Канстытуцыя з'яўляецца важнай аб'яднальнай светапогляднай асновай для ўсяго беларускага грамадства. У гэтым і заключаецца канструктыўная роля ідэалагічнай функцыі Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь.

Эканамічнай асновай ідэалогіі дзяржавы з'яўляецца беларуская эканамічная мадэль, у аснове якой – моцная і эфектыўная дзяржаўная ўлада, якая забяспечвае палітычную стабільнасць, бяспеку, сацыяльную справядлівасць і грамадскі парадак; развіццё прыватнага сектара ў спалучэнні з дзяржаўным і не на шкоду нацыянальным інтарэсам; прыватызацыю не як самамэту, а як сродак зацікавіць інвестара, стварыць эфектыўнага ўласніка; інтэграцыю з Расіяй і іншымі краінамі СНД, перш за ўсё ў эканамічнай сферы; моцную сацыяльную палітыку дзяржавы, інвестыцыі ў ахову здароўя, адукацыю, прафесійнае і культурнае развіццё асобы, а таксама адрасную сацыяльную дапамогу.

Беларуская мадэль эканомікі вытрымала праверку часам. Яна дазволіла пераадолець глыбокі спад вытворчасці, шырока разгарнуць інстытуцыйныя рыначныя рэформы, пазбегнуць сацыяльных хваляванняў, умацаваць дзяржаўнасць і рэальны суверэнітэт краіны.

Наступнай састаўной часткай ідэалогіі дзяржавы з'яўляецца яе палітычная сістэма як палітычная аснова яе ідэалогіі. Беларуская палітычная сістэма заснавана на Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь. Галоўныя асаблівасці беларускай палітычнай сістэмы як састаўной часткі ідэалогіі беларускай дзяржавы яшчэ чакаюць свайго даследавання і развіцця вучонымі, грамадазнаўцамі, палітыкамі і аналітыкамі.

Неабходны далейшы пошук такой мадэлі, якая б адлюстроўвала як рэаліі сучаснай Беларусі, так і працэсы глабалізацыі сучаснага свету і пераходу чалавецтва да інфармацыйнага грамадства. Мадэль беларускага грамадскага ладу павінна ўлічваць не толькі трансфармаваныя рысы сучаснай мадэлі, але і традыцыйныя прагрэсіўныя рысы палітычнай сістэмы. Гэта мадэль павінна прадугледжваць новыя формы палітычнага ўпарадкавання, якія б забяспечвалі

рацыянальнае збалансаванае спалучэнне індывідуалісцкіх і калектыўных пачаткаў і прынцыпаў. У ёй неабходна разумнае спалучэнне грамадзянскай супольнасці і прававой дзяржавы з карпаратывізмам і рыначных механізмаў з дзяржаўным рэгуляваннем. Рацыянальнае спалучэнне гэтых характарыстык у палітычнай сістэме дазволіць Беларусі ўсебакова развівацца па шляху фарміравання постындустрыяльнага інфармацыйнага грамадства.

Беларуская ідэалагічная дактрына, або нацыянальная ідэя, як светапоглядная аснова дзяржаўнай ідэалогіі складае хоць і вельмі важную, істотную, але ўсё ж толькі частку ідэалогіі беларускай дзяржавы.

Калі падыходзіць да аналізу ідэалогіі сістэмна і разглядаць яе як сістэмную канструкцыю ці сістэмную мадэль, неабходна ўлічваць усе сферы жыццядзейнасці нашай дзяржавы і беларускага шляху развіцця. На сённяшні дзень можна гаварыць пра наяўнасць усіх чатырох гарманічных састаўных частак ідэалогіі беларускай дзяржавы: Канстытуцыя, беларуская эканамічная мадэль, беларуская палітычная сістэма, беларуская ідэалагічная дактрына ў выглядзе нацыянальнай ідэі.

Ідэалагічныя асновы беларускай дзяржавы з часам аформяцца ў адзіную зладжаную, інстытуцыянальна замацаваную ідэалогію, прызначаную выканаць, па-першае, мэтаўтваральную функцыю, якая зводзіцца да фармулявання мэт развіцця дзяржавы; па-другое, інтэграцыйную функцыю, выяўленую ў фарміраванні адзінай дзяржавы; па-трэцяе, матывуючую функцыю, якая павінна заахвочваць людзей да дзейнасці на карысць дзяржавы; па-чацвёртае, камунікатыўную функцыю, што дазволіць ідэнтыфікаваць людзей, якія не падтрымліваюць гэтай ідэалогіі; па-пятае, аксіялагічную функцыю, якая абазначыць найбольш важныя каштоўнасныя арыентацыі дзяржавы.

Што датычыцца дыскусій вучоных і спецыялістаў з прычыны таго, ці патрэбен яшчэ адзін універсальны дакумент, у якім закранаюцца палітычныя, сацыяльныя, філасофскія, рэлігійныя і эканамічныя адносіны, то такі дакумент набывае форму канцэпцыі дзяржаўнай ідэалагічнай палітыкі. Гэта канцэпцыя канкрэтызуецца на ўзроўні галін, ведамстваў і рэгіёнаў у выглядзе праграм інфармацыйна-аналітычнага забеспячэння дзяржаўнай ідэалагічнай палітыкі, якія ўключаюць у сябе дакладныя параметры: мэту, задачы, тэрміны, праблемы, прыярытэты, нарматыўную базу, механізмы рэалізацыі, рэсурсы, ацэнку эфектыўнасці ідэалагічнай палітыкі.

Структура ідэалогіі беларускай дзяржавы складаецца з чатырох блокаўкампанентаў: тэарэтычна-метадалагічнага, працэсуальнага, інстытуцыянальнага, інструментальнага.

Структурная мадэль дзяржаўнай ідэалагічнай палітыкі можа быць прадстаўлена як сукупнасць узаемазвязаных кампанентаў: каштоўнасна-мэтавага, нарматыўнага, інструментальнага (арганізацыйнага) і праксеалагічнага (дзейнаснага). У адносінах да кампанентаў мадэлі можна правесці наступную аналогію: структурныя кампаненты любой дзейнасці ўяўляюць сабой мэту, сродак, спосаб (як пэўнае ўпарадкаванне дзейнасці, якое найлепшым чынам забяспеч-

вае дасягненне мэты), акты дзейнасці (асобныя этапы, на якія дзейнасць можа быць падзелена) і яе вынік.

Першы з указаных кампанентаў мадэлі дзяржаўнай ідэалагічнай палітыкі – каштоўнасна-мэтавы (мэта) – уяўляе сабой сукупнасць мэт, каштоўнасцей і інтарэсаў асобы, грамадства і дзяржавы ў галіне ідэалагічных адносін, якая заснавана на пераважных у гэтым грамадстве ідэйна-светапоглядных уяўленнях аб месцы і ролі ідэалогіі беларускай дзяржавы ў жыцці краіны, аб характары ўзаемадзеяння суб'ектаў ідэалагічных адносін, аб функцыях і сферах дзейнасці суб'ектаў гэтых адносін. Нарматыўны кампанент (спосаб) – гэта заканадаўства, якое рэгламентуе правілы паводзін суб'ектаў ідэалагічных адносін. Інструментальны кампанент (сродак) – гэта дзяржаўныя органы ўлады і кіравання, прызначаныя непасрэдна рэалізоўваць ідэалагічную палітыку. Адпаведна праксеалагічны кампанент (акты дзейнасці) уяўляе сабой практычную дзейнасць органаў улады і кіравання ў цэнтры і на месцах.

Спосаб узаемадзеяння элементаў сістэмы паказвае, што калі кіраўніцтвам краіны згодна з чаканнямі грамадзян прымаюцца адпаведныя рашэнні, то ў палітычнай, эканамічнай і духоўнай сістэме дзяржавы захоўваецца пэўная раўнавага і грамадства ўпэўнена рухаецца ў напрамку вырашэння сваёй галоўнай ідэалагічнай задачы – павышэння эканамічнай магутнасці дзяржавы і дабрабыту грамадзян. Адлюстроўваючы сённяшнія рэаліі, ідэалогія беларускай дзяржавы звернута ў будучыню, нясе ў сабе адказ на пагрозы і выклікі новага стагоддзя.

Г. А. Круглова

доктор философских наук

ХРИСТИАНСКАЯ ГЛОБАЛИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ[1]

В условиях глобального кризиса особую актуальность приобретает исследование различных подходов и концепций, анализирующих общемировые проблемы современности. Подготовка долгосрочных комплексных программ решения глобальных проблем предполагает не только тесное взаимодействие всех наук, но и сотрудничество различных политических сил и общественных

[1] Друкуецца паводле: *Круглова Г. А.* Христианская глобалистика в современной философии // Новый ун-т. Актуал. проблемы гуманитар. и обществ. наук. 2016. № 9–10. С. 31–34.

объединений. И здесь следует обратить внимание на различные направления глобалистики, которые начали формироваться еще во второй половине XX в., прежде всего исследование этих проблем, предлагаемые в учениях христианских церквей.

Воздействие христианских церквей на население мира сегодня довольно значимо (около 1,5 млрд человек – верующие христиане). И в этом плане очень важно правильно оценить просветительское, воспитательное значение их деятельности. Именно здесь традиционные христианские ценности могут сыграть важную роль. Поэтому необходимо четко представлять их основные теоретико-философские разработки и мировоззренческие подходы. Можно уверенно говорить о том, что в нашем обществе назрела объективная необходимость в изучении всего разнообразия социальных разработок христианских церквей, где первостепенное место занимают их концепции глобальных проблем. Кроме того, начавшиеся в 90-е годы XX в. мировые процессы глобализации переместили акцент глобалистских исследований в несколько иную плоскость. Поэтому в наши дни, когда процесс глобализации развертывается все шире, для решения глобальных проблем должны быть задействованы все силы, ориентирующиеся на их решение XX в.

Современные противоречия и кризисы в развитии нашей цивилизации не могут остаться вне поля зрения религиозных теоретиков. Религия и церковь все более вовлекаются в реальную жизнь эпохи. Теологи придают универсальность всем своим концептуальным разработкам и по возможности пытаются повлиять на общественное развитие в целом. При этом активное включение христианских церквей в решение глобальных проблем современности показывает, что происходящая модернизация религиозного вероучения не временное и преходящее явление, а новая ориентация религиозных структур.

Целостное христианское осмысление глобальных проблем можно представить в виде интеллектуальной традиции «христианской глобалистики». Сама же «христианская глобалистика» предстает в начале XXI ст. как своеобразная целостная парадигма миропонимания и мироописания, основанная на базовых постулатах религиозного мировоззрения. Несмотря на существенные разногласия в подходах различных конфессий христианства к общецивилизационным проблемам и наличие у них множества концепций, «христианская глобалистика» может быть охарактеризована рядом существенных признаков содержательного и концептуального единства.

Рассматривая социальные разработки глобальных проблем христианскими теоретиками как основу концептуальной модели «христианской глобалистики», целесообразно выделить ее характерные черты: 1) апелляция преимущественно к сугубо личностным ценностям эмоциональной и духовной сферы жизни человека; 2) ориентация в первую очередь на морально-нравственные средства при определении возможных путей преодоления многомерного и разнофакторного глобального кризиса современной цивилизации Запада;

3) обращение к тем сферам культуры и человеческой психики, которые традиционно затрагивали прежде всего проблемы самосовершенствования человека и его сознания; 4) вера в возможность решения всех общечеловеческих проблем посредством улучшения индивидуальной сущности самого человека, обретения им должной гармонии с ценностями духовного и религиозного плана; 5) обоснованность единым миропониманием христианства, предполагающим сходные представления об иерархии ценностей мира, об аксиологическом измерении общественного прогресса, о значимой роли веры в структуре мотиваций и поведения индивидов; 6) трактовка глобальных проблем как результата проявления греховной сущности человеческих существ, позитивное изменение которой возможно в первую очередь посредством «евангелизации человечества»; 7) активное использование, прежде всего католицизмом и протестантизмом, разработок современной науки и философии – с первостепенным признанием в своих концепциях аргументации религиозного порядка; 8) рассмотрение глобальных проблем современности вне их действительного социального контекста, а ориентация на общецивилизационные оценки и выводы.

Обратившись к изучению общечеловеческих проблем еще в 70-е годы XX в., христианские богословы наработали серьезный багаж, который позволяет в нынешних условиях выстроить целый ряд концепций в исследованиях проблем, которые получили неравнозначную разработанность на различных исторических этапах. Проблемы войны и мира – это, пожалуй, одна из немногих глобальных проблем, которые всегда были включены западными течениями христианства в их социальные доктрины. Основные подходы западных христианских конфессий к анализу проблем войны и мира основываются на традиционных теологических догмах о «наказании Божьем» за «грехи человеческие». Тем не менее конкретные разработки этих проблем достаточно специфичны и нередко уходят далеко от традиционной религиозной методологии.

Позиция Русской православной церкви по проблемам войны и мира стоит в стороне от западных христианских учений, так как она формировалась в иных социально-политических условиях. Развивая идеи «примирения», иерархи православия считают, что «военный механизм в целом должен быть поставлен на службу мирному обществу» [1, с. 28]. Но при этом они не забывают подчеркнуть, что именно церковь будет «способствовать прекращению вражды в регионах межгосударственных, межэтнических, политических и гражданских конфликтов и противостояний…» [2, с. 17].

Обращение религиозных мыслителей к проблеме взаимодействия общества и природы далеко не случайно. Они преследуют здесь многочисленные цели как внутрицерковного характера, так и мировоззренческие. Тем более что эти проблемы, по замечанию самих теологов, оказались для религии ценнейшим аргументом в пользу проповеди «смирения». Теологи делают упор на утрату веры в Бога. Тем самым они подчеркивают возрастающее значение религии в деле

наставления человека на «путь истинный», следуя которому можно будет решить экологические проблемы.

Говоря о «приоритете этики перед техникой», религиозные иерархи доказывают, что использование достижений НТР должно быть поставлено под контроль «Божественного Промысла». Объединив усилия, христианские церкви выступили с осуждением «технологического мышления», против синтеза науки, техники, производства. Осудив «технологическую идеологию», они потребовали «введения науки и техники в определенные, четко ограниченные рамки» [3, с. 589].

Давая свое специфическое понимание наиболее важных глобальных проблем, христианские мыслители демонстрируют и различную степень готовности к практическому участию в их решении. Во многом это связано с тем, что христианские конфессии занимают различное положение в обществе. Соответственно каждая из них выстраивает и свое собственное понимание сущности глобальных проблем и путей их решения.

Формирование «православной глобалистики», происходившее в условиях социалистического общества, во многом ориентировало иерархов церкви на сотрудничество с советским государством. «Православная мирология» и «православная экология» в 70-е годы XX в. во многом развивали и дополняли наработки советских ученых. Принятие «Основ социальной концепции Русской православной церкви» в 2000 году позволило православию концептуально оформить уже имеющиеся разработки в рамках «православной глобалистики».

«Католическая глобалистика» складывалась и формировалась в условиях острой внутрицерковной борьбы, что отразилось в существовании нередко прямо противоположных оценок и подходов к анализу глобальных проблем. Принятие общего курса на «аджорнаменто» ознаменовало формирование и более устоявшегося, единого подхода к оценке общечеловеческих проблем и поиску путей их решения с ориентацией на интересы всего человечества.

Анализ протестантских разработок глобальных проблем позволяет выделить целый ряд существенных моментов. Особенностью «протестантской глобалистики» является ее стремление придать «наукообразность» своим теоретическим разработкам. При этом следует учитывать «многовариантность» самого протестантизма, который в отличие от католицизма и православия представлен множеством различных течений. Это обусловило отсутствие его единой социальной доктрины, что и послужило основой возникновения и формирования экуменического движения. А в разработке многих общечеловеческих проблем идеология экуменизма по сути олицетворяет собой идеологию протестантизма.

И хотя «христианская глобалистика» отличается многообразием подходов, основных позиций и оценок общечеловеческих проблем, она характеризуется и общими моментами, так как сущность всех концепций в рамках «христианской глобалистики» сводится к рассмотрению «первородного греха» в качестве основной причины возникновения глобальных проблем, духовно-нравственной трактовке сущности этих проблем и признанию «евангелизации» всего че-

ловечества главным средством преодоления глобального кризиса. Считая, что именно «глобальность греха» человечества породила все современные общецивилизационные проблемы, теологи отстаивают необходимость «фундаментальной» религиозно-этической концепции их решения.

Выделенные особенности концептуальной модели «христианской глобалистики» позволяют говорить о ее самостоятельности и значимости в рамках рассмотрения различного рода глобалистских разработок в современном цивилизационном процессе. При этом следует учитывать, что традиция собственно философского осмысления религиозных подходов к изучению глобальных проблем в нашей науке практически отсутствует. В этом плане очень важно четко различать конкретную социальную ориентацию церкви и ее мировоззренческие (идеологические) установки. Стремясь «сохранить чистоту христианской религии», деятели христианства нередко наполняют позитивные установки и призывы двойственным содержанием. Этот «внутренний» подтекст религиозных разработок как раз и раскрывает истинный богословский смысл их социальных концепций.

Совмещение в индивидуальном сознании человека религиозных и светских взглядов на окружающий мир нередко приводит к их отождествлению. Поэтому при научном анализе необходимо четко отделять пропагандистские призывы христианства от его теоретической сущности. Так, например, широкая массовость антивоенного и экологического движения отнюдь не вызвана деятельностью христианских церквей. Это достаточно убедительно разъясняет российский ученый профессор Марфенин Н. Н., отмечая, что антивоенное и природоохранное «движение зародились вне церкви», так как «задолго до христианства… идея бессмысленности борьбы с соплеменниками… и противопоставления человека природе неоднократно и ясно осознавалась самыми мудрыми представителями человечества» [4, с. 6–10]. Скорее, наоборот: теологи, озабоченные массовым светским характером этих действий, пытаются придать им якобы высший, «трансцендентный» смысл. Вполне рационально объяснимое беспокойство людей за мирное будущее, экологическую безопасность, социальный прогресс богословы пытаются обосновать стремлением человечества к религиозно-нравственному «оздоровлению», а религию объявляют главным двигателем социального прогресса. Поэтому все мировоззренческие лозунги христианства нуждаются в конкретно-аналитической социальной оценке.

Библиографические ссылки

1. Журн. Моск. патриархии. 1997. № 4. С. 26–31.
2. Мир всем: Журнал Православного братства Христова. 1996. Нояб.
3. La Documentation Catholique. 2000. 2 janv.
4. Марфенин Н. Н. Гуманизм и экология // Экология и жизнь. 2000. № 5. С. 6–10.

С. В. Решетников
доктор политических наук

Н. А. Антанович
доктор политических наук

О. Е. Побережная
кандидат политических наук

НАУЧНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ШКОЛЫ В ОБЛАСТИ ПОЛИТОЛОГИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД[1]

Формирование и развитие современной системной подготовки специалистов в нашей стране, вхождение Республики Беларусь в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) в контексте Болонского процесса требуют фундаментального теоретико-методологического и организационно-методического обеспечения с учетом национально-государственных интересов и ценностных ориентаций белорусского общества и государства.

В статье представлен многосторонний мониторинг состояния развития авторитетных научных школ в области политического образования с углубленной юридической подготовкой. Авторы ставили своей целью сформировать миссию специальности «Политология» на юридическом факультете БГУ с учетом зарубежного и отечественного опыта.

Статус и роль науки в обществе оцениваются по многим основаниям, в том числе по вкладу науки в познание мира, усовершенствование условий жизни человека, постижение и изменение его самого (как торжество человеческого разума), а также по достижениям и социальной миссии самих ученых, среди которых немало выдающихся личностей. Наука, с одной стороны, устремлена к достижению теоретических высот, а с другой – нуждается в социальном признании. Вклад же естественных наук в развитие человечества широкими массами оценивается по практическим достижениям, материализованным в различных технических приспособлениях. Вклад социальных наук не столь очевиден и не всегда материализован. Миссия социальных наук – не только исследовать общество, но и привносить гуманистический потенциал в его развитие.

Представители социальных наук предпринимают усилия по демаркации предметных полей в условиях, когда объект исследования является единым – это

[1] Друкуецца паводле: *Рашэтнікаў С.*, *Антановіч Н.*, *Пабярэжная В.* Навуковыя і прыкладныя школы ў галіне паліталогіі: палітыка-прававы падыход (Научные и прикладные школы в области политологии: политико-правовой подход) // Выш. шк. 2017. № 1 (117). С. 36–42.

социум в его многообразных проявлениях. Однако и для естествознания объект познания также един – природные явления и процессы во всем их многообразии. Для демаркации могут выдвигаться различные критерии: специфика конструирования предмета исследования (что проявляется в актуализации научной проблематики), применяемый методологический аппарат, уровень развития и социального признания науки. В документах ООН обозначена «миротворческая направленность социальных наук». Так, в 1946 г. под эгидой ЮНЕСКО была проведена первая Генеральная конференция по социальным наукам, философии и гуманитарным исследованиям. Ее результатом стало принятие решения о разграничении социальных наук, с одной стороны, и философии и гуманитарных наук – с другой. В целом науки об обществе рассматривались как «инструмент для борьбы с бесчеловечным использованием достижений естественных наук в военных целях». Несколько позднее, на конференции ЮНЕСКО 1948 г., были определены приоритетные направления в развитии политической науки, а также дан стимул для создания Международной ассоциации политических наук [1]. Указанные события послужили основой международного признания политической науки, рекомендаций по изучению политологии как дисциплины университетского образования[1].

Политическая наука изучает системы правления, а также специфику политического поведения. По поводу специфики политической науки ведутся дискуссии, в которых даются противоположные оценки развития политической науки (на деле они различаются лишь внешне в силу специфики применяемого дискурса): дифференциация и специализация политических исследований – с одной стороны, междисциплинарный синтез – с другой. Иногда и сегодня политологию стремятся представить не как самостоятельную науку, а как обобщающий термин, который состоит из различных отраслей, таких как государственная политика и управление, сравнительная политология, международные отношения, политическая философия, политическая психология, политическая антропология, политическая коммуникативистика. На практике в институциональном плане изучение и преподавание политологии может осуществляться либо на самостоятельной основе (в качестве отдельных факультетов либо школ политической науки), либо на базе факультетов социальных наук, социологии, философии, а также факультетов права.

[1] Любая научная дисциплина может расцениваться по достижениям и уникальному вкладу научных школ, возникших на национально-государственной почве. Формирование научных школ – процесс кропотливый и длительный, требующий вовлечения нескольких поколений исследователей, их создание требует систематических трудозатратных усилий. Ядро научной школы – идея, зависящая как от предметно-методологической специфики самих научных исследований, так и трансляции знаний в образовательном процессе. В рамках одной науки формируется несколько школ. Их достижения определяются не только институциональными характеристиками, но и персоналистским фактором.

Сбалансированный подход к гармоничному объединению изучения политической науки и правовых дисциплин является весьма эффективным для подготовки специалистов-политологов и практикуется в ряде ведущих университетов мира.

Примеры взаимосвязи политологических и правовых знаний в образовательных программах

Стэнфордская школа права реализует программу для аспирантов «Право и политическая наука». «Исследования на стыке права и политологии анализируют фундаментальные вопросы в обеих областях. К ним (среди прочих) относятся следующие вопросы: …почему и когда государственные органы или международные организации принимают нормативные акты, противоречащие интересам тех, кто их создал? Кто имеет власть в рамках законодательных собраний и как эта сила формируется за пределами законодательного органа? Чем объясняются различия в институтах представительной власти? Как меняется политика в рамках различных систем финансирования избирательных кампаний? Чем объясняются голоса в пользу регулирования в сфере политики телекоммуникаций? Какие причины побуждают страны соблюдать или нарушать нормы международного права? Как юридическая ответственность должна быть распределена между государственными институтами? Как правовая система и система социальных норм влияют на общественные отношения и корпоративное поведение? Как независимые регулирующие институты возникают в развивающихся странах?» [2].

В Гарвардском университете создана Школа государственного управления имени Кеннеди. Идея создания школы государственного управления (или государственных дел) в Гарварде родилась в разгар Великой депрессии. Гарвардская школа находится «в авангарде изучения государственной политики и подготовки своих практикующих специалистов. Сегодня школа включает 15 научно-исследовательских центров и институтов и более 30 образовательных программ. Более 46 тысяч выпускников работают в 200 странах в государственном, частном и некоммерческом секторах» [3].

В Колледже гуманитарных и социальных наук университета Монтклэр в Нью-Джерси (США) действует департамент политических наук и права, реализующий междисциплинарную программу для бакалавров по изучению политологических и правовых дисциплин, а также программу для магистрантов по изучению права и государственного управления, которая комбинирует изучение государственной политики с современным правовым анализом. Выпускники, как правило, работают в правовой и политической сферах, в государственных и местных органах власти, некоммерческих, а также международных организациях [4].

В университете штата Джорджия (Атланта, США) на факультете публичного права большое внимание уделяется политической науке, рассматривается ряд вопросов влияния политического процесса на правовые системы, например как социальные движения влияют на развитие права, почему правовые системы работают по-разному в разных штатах и странах, изучается влияние су-

дебных решений на экономическую и социальную политику, роль в судебном процессе внешних субъектов, международного права, правосудия переходного периода и конституционной теории [5].

Подытоживая сказанное выше, приведем мнение Ю. В. Ирхина из статьи «Парадигмальные основы, школы и этапы развития политической науки США»: «Диплом политолога традиционно котируется и рассматривается наравне с дипломами юриста, экономиста или социолога, а в силу универсальности подготовки политологов нередко имеет и преимущества» [6, с. 3]. «Модель американского студента-политолога предполагает наличие у него как общепрофессиональных, так и особенно прикладных знаний и умений для условий США, формирование облика сознательного гражданина и патриота. Нередко студенты обучаются в бакалавриате на "политолога", а в магистратуре – на "юриста" ("экономиста") или наоборот. Так, 42-й президент США Б. Клинтон закончил Джорджтаунский университет как политолог ("мировая политика"), а Йельский – как правовед…» [6, с. 13].

В канадском университете Виндзор предлагается специализация в области политических наук и права на факультете искусств, гуманитарных и социальных наук [7].

В Тринити-колледже в Дублине, старейшем престижном университете Ирландии, на факультете права реализуется четырехлетняя программа «Право и политическая наука» для первого уровня образования. На сайте факультета отмечается: «Дисциплины права и политологии неразрывно связаны между собой и оказывают непосредственное влияние на каждый аспект нашей повседневной жизни. Роль и сила конституции и судебной системы, прав человека и международного права, влияние ЕС и ирландского закона лучше всего понять, изучая оба предмета… Если интеллектуальные интересы к политике будут усилены знанием закона, то это поможет дальнейшей успешной карьере…» [8].

Работа в руководящих органах государства и бизнеса требует, чтобы студенты изучали определенные модули юриспруденции. Каждая из пяти программ бакалавриата гарантирует студентам возможность изучить такие модули. Программы также предлагают дополнительные правовые модули, необходимые для вступления в профессиональные организации Великобритании. Если студенты рассматривают карьеру юриста, то им следует проконсультироваться с соответствующей организацией, где планирует работать выпускник, чтобы уровень его подготовки соответствовал всем требованиям организации [8].

В Италии в Падуанском университете работает департамент политологии, права и международных отношений. Его создание явилось результатом объединения департаментов сравнительного права, международных исследований, а также исторических и политических исследований [9].

Во Франции также есть опыт совмещения политологии и права в образовательных программах. Широкое развитие и мировую известность получила французская политическая социология. Так, факультет права и политологии Парижского университета Нантера (http://ufr-dsp.u-paris10.fr/) реализует мультидисциплинарный инновационный образовательный проект, развивает новые

технологии, поощряет оригинальные теоретические и прикладные исследования в сравнительной перспективе. Выпускники факультета работают в области права, политики, экономики, СМИ, международных отношений [10].

Широкое распространение получили программы, связывающие изучение права и политологии в Китае и Японии.

Китайский университет политологии и права в Пекине, основанный в 1952 г., играет ключевую роль в формировании правовой системы Китая. Среди преподавателей – известные ученые, которые прошли обучение в Китае и на Западе, государственные чиновники и практики из ведущих юридических фирм в Пекине. Многие специалисты этого университета играют важную роль в разработке законов [11].

Шанхайский университет политологии и права, основанный в 1984 г., ведет подготовку специалистов на разных уровнях. Университет предлагает 3 программы на получение степени магистра, 25 программ бакалавриата и 7 программ получения высшей профессиональной степени. В нем обучается более 10 600 студентов-очников. Университет установил отношения со многими вузами из США, Франции, Японии и Гонконга [12].

В Токийском университете на факультете права создано три отделения: частного права, публичного права и политологии [13]. Юридический факультет университета является «главной движущей силой в исследованиях по праву и политике в Японии… Выпускники факультета работают в широком диапазоне областей, включая правосудие, государственное управление, политику, экономику, журналистику и науку. Количество выпускников превышает 60 тысяч». Право не является единственным предметом изучения на факультете, оно изучается в связи с политической наукой: «В современном обществе право и политика неотделимы друг от друга. Эти две сферы поддерживают друг друга взаимно: политика устанавливает и принимает законы, а законы формируют и направляют политику» [13]. На сайте факультета права отмечается: «Студенты должны приобрести навыки правового мышления и политическую проницательность. Для некоторых… термин “юридический факультет” может вызывать в воображении образы школы, которая обучает студентов быть юристами. Выпускники факультета избирают различные пути развития карьеры. Даже для студентов, которые стремятся быть юристами, образовательная политика факультета не фокусируется строго на узком определении “права”» [13].

Итак, мировая практика свидетельствует о том, что подготовка специалистов в области политологии во многих ведущих университетах мира осуществляется на юридических факультетах либо по совмещенным программам с углубленным изучением правовых дисциплин. В журнале «Поиск. Альтернативы. Выбор» № 1 за 2016 г. указывается, что факультет политологии Московского государственного университета планирует осуществлять совместные магистерские программы политолога-юриста. На электронном ресурсе www.internationalstudent.com, созданном для информирования иностранных студентов о возможностях обучения в США, указывается, что изучение политологии ока-

зывается полезным для различных направлений карьеры: государственный служащий, аналитик, политический консультант, специалист дипломатической службы, лоббист, специалист в сфере образования и публичных отношений, журналист, работник/аналитик спецслужб, работник компании в сфере бизнеса. Возможные сферы трудоустройства специалистов-политологов – государственная служба, политический анализ, государственная политика, мозговые центры и консультирование, право (с дополнительным образованием), неправительственные организации, журналистика, бизнес, образование.

Знание законодательства как инструмент политического анализа

Подготовка профессиональных специалистов-политологов может вестись по различным направлениям. Системное сочетание в образовательном процессе политологических и правовых дисциплин составляет основу предметного формирования профессиональных компетенций. В Образовательном стандарте высшего образования от 2013 г. (ОСВО 1-23 01 06-2013) по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)» определены требования к профессиональным компетенциям специалиста. В сфере организационно-управленческой деятельности: «работать с юридической литературой и трудовым законодательством; анализировать и оценивать собранные данные; разрабатывать и согласовывать представляемые материалы; вести переговоры с другими заинтересованными участниками; готовить доклады, материалы к презентациям». В сфере научно-исследовательской деятельности: «вести теоретические и прикладные научные исследования политико-правовых и экономических отношений; осуществлять научно-методическую работу в области политической науки; использовать научные методы исследований при анализе современных политических институтов и процессов; принимать участие в научных исследованиях, связанных с информационно-аналитическим обеспечением деятельности органов государственной власти и управления».

В сфере аналитической деятельности: «использовать методологию политологии в подготовке законодательных предложений и обосновании политических решений; применять методологию анализа политических аспектов общественных явлений и процессов; владеть навыками юридического оформления структуры, порядка образования, компетенции и текущей деятельности органов государственной власти и управления; владеть навыками отбора и проектирования вариантов политических решений и процедур выработки государственной политики».

Политологу необходимо владеть процессуальными и процедурными навыками. Максимально абстрактные выводы почти бессмысленны. К примеру, политический анализ и консалтинг избирательных кампаний невозможно обеспечить на профессиональной основе без глубокого знания законодательства в этой сфере. Еще одним источником данных, безусловно, являются эмпирические методики политического анализа, а также социологические методы сбора информации.

При подготовке специалистов-политологов существуют практики углубления их знаний и специализации в следующих областях: государственная политика и управление на основе юриспруденции, международные отношения, политическая социология, политическая история, а в последние годы – даже политическая лингвистика. Специализация политологов в области государственной политики и управления требует знаний в сферах юриспруденции, причем не только в сферах публичного/ государственного права (конституционного, административного), общей теории права, но и в различных сферах гражданского права. Известно, что политические решения в развитых политических системах облекаются в нормативно-правовую форму.

Правовые знания, будучи предметными по своей сути, эффективно дополняют знания в области методологии политической науки и приемов политического анализа.

Наличие знаний в областях политической науки и юриспруденции открывает широкие возможности в сфере политического анализа по следующим основаниям:

1) правовые документы являются отражением политики, проводимой государством. Анализ законодательства позволяет получить информацию о содержании проводимой политики в различных сферах;

2) анализ принимаемых законов и нормативных актов главы государства, а также правительства позволяет оценить, как реализуется политическая программа пришедшего к власти политика/партии/политической силы, насколько она соответствует заявлениям, сделанным в период предвыборной агитации;

3) содержание принимаемых нормативных правовых актов отражает наиболее актуальные политические тенденции. Изучение нормативных правовых актов, а также анализ процесса их реализации проясняет содержание реальной политической повестки дня;

4) функционирование политико-административной системы как властной вертикали устанавливается с опорой на нормативные правовые акты, которые закрепляют механизм взаимодействия государственных структур, их функционал и полномочия. Сравнительный анализ законодательства с практикой его реализации позволяет оценить, как реализуется принцип разделения властей, формальные и реальные роли в системе государственного управления, эффективность взаимодействия между государственными институтами;

5) анализ реализации законов и указов главы государства, программных документов главы государства и правительства является одним из инструментов оценки эффективности системы государственного управления и государственной политики в целом.

Итак, важнейшие задачи политической науки – определение путей повышения эффективности деятельности институтов государственной власти, нахождение оптимальных механизмов взаимодействия президентской, законодательной, исполнительной и судебной власти, обеспечение гармоничного соотношения деятельности органов государственного управления и местного самоуправления.

Организация подготовки политологов-юристов
на юридическом факультете БГУ

Учет мировых тенденций обусловил приоритеты подготовки политологов на юридическом факультете БГУ. Учебный процесс в университете не может быть отделен от проблем, которые волнуют и которыми живет наше общество. Очевидно, что политические знания должны базироваться на достижениях современной науки, особенно в таких областях, как философия, социология, история, психология, политическая экономия, право.

Современное право – важнейший инструмент, форма и символ власти и государственного управления. Наряду с другими средствами реализации политики право, и прежде всего публичное (конституционное, административное и др.), оказывает огромное воздействие на государственно-политическую жизнь, юридически оформляет и закрепляет политический строй, структуру, порядок образования и компетенцию органов государственной власти, права и свободы граждан, упорядочивает и регулирует процесс государственного управления.

В связи с этим студенты-политологи основательно изучают дисциплины юридического профиля, такие как история государства и права зарубежных стран, конституционное право, общая теория права, международное публичное право, история государства и права славянских народов, история государств и права Республики Беларусь, административное право, государственное право зарубежных стран, история политических и правовых учений, уголовно-правовая политика, гражданское и семейное право, организация работы государственного аппарата, финансовое право, гражданский процесс, хозяйственное право.

Программа подготовки политологов в БГУ составлена таким образом, чтобы обеспечить студентам общегуманитарное университетское образование, глубокие систематизированные знания в области классических политологических предметов, а также теоретические знания и практические навыки в сфере выбранной специальности. Теоретические знания и практические навыки в сфере выбранной специальности сочетаются с правовой подготовкой.

Учебная программа для отделения политологии предусматривает преподавание по пяти основным разделам политической науки: политическая теория, сравнительная политика, управление и администрация, методология и методы политической науки, международные отношения.

Специализация политологов в БГУ – «Политика и государственное управление» – предполагает их вовлечение в политическую деятельность и управление. Специалисты данного профиля могут работать в аналитических службах аппарата государственного управления, в системе управления персоналом в учреждениях различного уровня. Студенты-политологи БГУ получают обширные знания в тех сферах, которые обеспечивают соответствие их образования функциональному назначению административных должностей в государственном аппарате, предполагающих политологическое образование с углубленной юридической подготовкой.

Выпускники-политологи могут оказывать организационно-консультативную и практическую помощь органам законодательной, исполнительной и местной

власти, общественным объединениям Республики Беларусь, участвовать в подготовке законопроектов и заключений по ним, материалов и предложений, относящихся к ведению служб и ведомств Беларуси. Их компетенция подразумевает поддержку связей с общественностью со стороны государственных и общественных организаций, местных органов власти по вопросам политического, экономического, социального и культурного развития общества и государства.

Республике Беларусь нужны не только юристы, но и политологи с углубленной юридической подготовкой. Такие специалисты могут не только участвовать в законотворческом процессе, но и вырабатывать предложения по реализации важнейших направлений государственной политики Республики Беларусь, оценивать и прогнозировать последствия политических решений. Политологи – это специалисты, которые не только разрабатывают или участвуют в разработке и оценке государственной политики на правовой основе, но и оказывают содействие органам государственной власти и управления в ее реализации, обслуживают сферу государственной политики и политического управления в республике.

Новые задачи, возникающие в сфере государственного управления, требуют компетентных специалистов, обладающих как политологическими, так и юридическими знаниями. Функциональные обязанности политолога заключаются в оказании политико-юридической, организационно-консультативной и практической помощи органам государственной власти и управления в разработке и реализации государственной политики, относящейся к компетенции соответствующих министерств и ведомств. В связи с этим считаем необходимым и правомерным преподавание и включение юридических дисциплин в учебный план специальности «Политология».

На базе юридического факультета БГУ за два последних десятилетия сложилась системная комплексная модель подготовки специалистов-политологов: первая и вторая (магистратура) ступени высшего образования, а также углубленная подготовка кадров высшей квалификации (аспирантура и докторантура).

Подготовка по специальности 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)», направлению специальности 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» (в соответствии с ОКБР 011-2009) осуществляется согласно циклам дисциплин, которые призваны закрепить высокий уровень социально-гуманитарной, общенаучной и общепрофессиональной, а также специальной и специализированной подготовки будущих специалистов. Обучение длится четыре года. На каждом этапе делается акцент на одном из циклов подготовки с усилением по мере профессионализации студентов специальной и специализированной подготовки как в политологических, так и в правовых дисциплинах.

На начальном этапе обучения основное внимание сконцентрировано на цикле социально-гуманитарных, общенаучных и общепрофессиональных дисциплин, где наиболее широко представлен социально-гуманитарный цикл.

На первом и втором курсах в государственный компонент дисциплин включены обязательные модули «История», «Философия», «Экономика» (в объеме 540 ч.), а также дисциплина «Основы идеологии белорусского государства» (в объеме 34 ч.).

Цикл общенаучных и общепрофессиональных дисциплин (государственный компонент) на первом и втором курсах включает изучение белорусского языка (профессиональная лексика), «Введение в политическую теорию» (332 ч) и «Методологию политической науки» (280 ч). Подготовка по модулям «История», «Философия», «Экономика» углубляется на втором курсе за счет специализированных модулей (в объеме 144 ч) и включается в компонент УВО.

Изучение политологических дисциплин сбалансировано с изучением модулей и спецмодулей («История», «Философия», «Экономика»). На первом и втором курсах студенты получают базовую правовую подготовку в рамках компонента УВО (в цикле общенаучных и общепрофессиональных дисциплин, а также в цикле специальных дисциплин).

Учитывая направление специальности – политико-юридическая деятельность, студенты получают знания по общей теории права (178 ч), конституционному праву зарубежных стран (116 ч), судоустройству (104 ч), а также могут выбирать между рядом правовых дисциплин, знание которых обеспечивает грамотный политический анализ государственной политики в различных сферах (семейная политика, информационная политика, политика в сфере интеллектуальной собственности и др.).

В цикле специальных дисциплин на первом и втором курсах по государственному компоненту, компоненту УВО и дисциплинам по выбору изучается семь юридических дисциплин (в объеме 1416 ч) и три политологические (в объеме 550 ч).

На третьем и четвертом курсах политологи изучают только курсы в рамках цикла специальных дисциплин и цикла дисциплин специализации, связанные с углубленной политологической и юридической подготовкой. Из них специальные политологические дисциплины и дисциплины специализации составляют 13 предметов в объеме 2250 ч. Изучается также пять правовых дисциплин в объеме 910 ч.

Дисциплины политологического цикла ориентированы на знание государственной политики для решения социально значимых проблем, на конструктивное социальное действие, на формирование у студентов практических навыков, регулирующих гражданское поведение в соответствии с нормами и ценностями белорусского общества.

В настоящее время на повестку дня выходят вопросы формирования образовательных программ нового поколения, основанных на компетентностном подходе и практико-ориентированности подготовки специалистов с высшим образованием. Необходимость дальнейшего развития компетентностного подхода в контексте вхождения Республики Беларусь в ЕПВО была всесторонне проанализирована и рассмотрена [14].

Миссия кафедры и специальности «Политология» на юридическом факультете БГУ заключается в учебном, организационно-методическом и научном обеспечении профиля образования «Государственная политика и управление» в соответствии с программным Законом Республики Беларусь «Об основных

направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (в редакции от 12.12.2013 № 83-З).

Главной целью политологического образования в БГУ является формирование системы гражданской демократической культуры. Формирование гражданственности предполагает овладение студентами определенными способностями, такими как критическое мышление, коммуникационные навыки, толерантность в отношении окружающих, сознательное стремление анализировать события с позиции других людей, инициативность, самостоятельность.

Таким образом, опыт подготовки политологических кадров в различных странах показывает тесную взаимосвязь и взаимопроникновение государственно-политического и юридического профилей образовательных программ. Их взаимодействие позволяет готовить специалистов в рамках институционально-политического подхода к государственной политике и государственному управлению. Данный подход трактует деятельность государства и его институтов как решающий фактор эффективности государственного управления.

Библиографические ссылки

1. History – Prologue: Political Science, a Postwar Product (1947–1949). International Political Science Association [Electronic recourse]. Mode of access: http://www.ipsa.org/history/prologue (date of access: 18.10.2016).

2. Law and Political Science. Stanford University [Electronic recourse]. Mode of access: https://law.stanford.edu/educa-tion/degrees/joint-degrees-within-stanford-university/law-and- political-science/ (date of access: 18.10.2016).

3. Harvard Kennedy School – Jhon F. Kennedy School of Government [Electronic recourse]. Mode of access: https:// www.hks.harvard.edu/ (date of access: 18.10.2016).

4. Political Science and Law – Montclair State – College of Humanities and Social Sciences [Electronic recourse]. Mode of access: https://www.montclair.edu/chss/politicai-science-law (date of access: 18.10.2016).

5. Public Law. Georgia State University [Electronic recourse]. Mode of access: http://politicalscience.gsu.edu/re- search-2/public-law (date of access: 18.10.2016).

6. Ирхин Ю. В. Парадигмальные основы, школы и этапы развития политической науки США [Электронный ресурс]. URL: http://old.kpfu.ru/fl5/ bin_files/9.pdf (дата обращения: 30.11.2016).

7. Political Science, Law and Politics Specialization. University of Windsor. Canada, Ontario [Electronic recourse]. Mode of access: http://wwwLuwindsor.ca/future-students/program-profile/political-science-law-and-politics-specialization (date of access: 18.10.2016).

8. Law and political science. School of Law. Trinity College, Dublin [Electronic recourse]. Mode of access: https:// www.tcd.ie/courses/undergraduate/az/course.php?id=DUBAH- LWPO-1F09 (date of access: 18.10.2016).

9. Scienze politiche, giuridiche e studi internazionali (SPGI). Universita degli Studi di Padova [Electronic recourse]. Mode of access: http://www.spgi.unipd.it (date of access: 18.10.2016).

10. UFR de Droit et Science Politique (DSP) de l'Universite Paris Nanterre [Electronic recourse]. Mode of access: http:// ufr-dsp.u-paris10.fr (date of access: 18.10.2016).

11. China University of Political Science and Law [Electronic recourse]. Mode of access: http://www.lawschoolchina. com (date of access: 18.10.2016).

12. Shanghai University of Political Science and Law [Electronic recourse]. Mode of access: http://shupl.admissions.cn (date of access: 18.10.2016).
13. Faculty of Law. The University of Tokyo [Electronic recourse]. Mode of access: http://www.u-tokyo.ac.jp/en/academ- ics/facultyoflaw.html (date of access: 18.10.2016).
14. Журавков М. А. Об имплементации инструментов Европейского пространства высшего образования // Выш. шк. 2015. № 3. С. 3–5.

С. В. Решетников
доктор политических наук

О. Е. Побережная
кандидат политических наук

Л. В. Слуцкая
кандидат исторических наук

ОСОБЕННОСТИ УГЛУБЛЕННОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Политическая наука – целый комплекс рационализированного политического знания, образованного как обширной теоретической составляющей, так и знаниями, полученными эмпирическим и сравнительным путем. Развитие политической науки связано не только с научной работой в области политических исследований фундаментального и прикладного характера, но и с системой подготовки научных кадров в данной области, а также подготовки специалистов, которые могли бы заниматься консалтинговой и управленческой работой, опираясь на научное знание.

В Беларуси основную роль в разработке ключевых проблем политической науки и подготовке кадров высшей квалификации политологов играют университеты. Ведущим центром подготовки научных кадров в области политической науки является Белорусский государственный университет. С 1992 г. на юридическом факультете БГУ ведется подготовка по специальности «Политология» с квалификацией «политолог-юрист». В связи с переходом университета на многоуровневую систему образования, отвечающую современным тенденциям развития высшей школы, юридическим факультетом и кафедрой политологии были разработаны учебные программы подготовки политологов на первой, второй и послевузовской ступени. В настоящее время на базе кафедры политологии функционирует магистратура, аспирантура, докторантура [1, с. 6].

Программа подготовки политологов на юридическом факультете БГУ составлена таким образом, чтобы обеспечить студентам общегуманитарное университетское образование, глубокие, систематизированные знания в области классических политологических предметов, а также углубленную подготовку в правовых учебных дисциплинах. Учебная программа для специальности политологии предусматривает преподавание по пяти основным разделам политической науки: политическая теория, сравнительная политика, управление и администрация, методология и методы политической науки, международные отношения.

В русле этих направлений для студентов читают более 30 специализированных учебных дисциплин, в их числе: «Введение в политическую теорию», «Политическая идеология», «Теория государственного управления», «Политические партии и группы интересов», «Методология политической науки», «Сравнительная политика», «Политические проблемы современной глобалистики», «Организация избирательных кампаний», «Теория политики», «Политическая культура», «Теория принятия политических решений», «Политическая психология», «Теория политических систем», «Геополитические проблемы в современном мире», «Социальная политика современных государств», «Политика в сфере цифровой трансформации», «Основы идеологии белорусского государства», «Организация отношений с органами государственной власти», «Цивилизационный подход в современной политике», «Система правления в Республике Беларусь». Кроме того, разработана и преподается комплексная модульная программа учебных дисциплин по магистратуре с профилизацией «Публичная политика».

Магистратура – важная ступень для научного и профессионального роста специалистов-политологов и продолжает традицию углубленного изучения не только непосредственно политологических предметов, но и специализированных правовых [2, с. 38–40]. Ее цель – развитие знаний, навыков и умений у студентов второй ступени в инновационных областях политической науки и возможность непосредственного применения их в политико-управленческой практике. Магистратура по политическим наукам в БГУ прошла несколько этапов трансформации и в настоящее время отвечает актуальному запросу на научное обоснование государственной политики и управления.

В Образовательном стандарте 2019 г. отмечается, что объектами профессиональной деятельности магистра являются различные сферы общественно-политического, политико-правового, социокультурного и экономического пространства Республики Беларусь и мира. В политической сфере это структуры государственной власти и управления (республиканский и местный уровни), политические партии, общественно-политические движения и бизнес-ассоциации, международные организации; в социокультурном плане – политическая культура и самосознание, общественно-политические настроения; в экономическом аспекте – взаимодействие власти и бизнеса, политические интересы и устремления различных групп экономического сообщества [3]. В соответствии с этим были разработаны учебные (научно-исследовательские) модули, включающие учебные дисциплины, которые формируют компетенции и навыки

в указанных областях профессиональной деятельности и научной работы. Каждый модуль нацелен на выработку у магистрантов универсальных, углубленных профессиональных и специализированных компетенций.

В модулях, входящих в государственный компонент, на более высоком теоретическом и практическом уровне преподаются знания и прививаются навыки, развивающие и совершенствующие интеллектуальный и общекультурный уровень магистрантов. Эти знания и навыки позволяют им строить траекторию профессионального развития и карьеры в научно-исследовательской, педагогической и научно-инновационной деятельности. Модуль «Теоретические проблемы современной политологии» подразумевает изучение магистрантами инновационных актуальных направлений современной политической науки, а также ознакомление и развитие навыков в области применения методов политического анализа, в том числе и тех, которые разработаны и используются в рамках «цифровой политологии». При изучении данного модуля магистранты смогут применять методы научного познания в самостоятельной научно-исследовательской и аналитической деятельности, генерировать и реализовывать инновационные идеи, в том числе и с применением цифровых технологий.

Модуль «Политические процессы и институты в Республике Беларусь и современном мире» позволяет будущим профессионалам-политологам применять углубленные теоретические, методологические и практические знания и навыки для решения профессиональных задач повышенного уровня в сфере государственной политики и управления, использовать полученные знания и навыки в научных исследованиях политических институтов и процессов и владеть инструментарием формирования и реализации государственной политики. Таким образом, модули государственного компонента позволяют обеспечить многостороннюю и многогранную компетентность магистрантов-политологов как в научной, так и в практической деятельности.

Дисциплинарные модули компонента учреждения высшего образования нацелены на комплексное изучение актуальных направлений политических исследований, включающих сферу эволюции современных идеологий, региональную политику и деятельность межрегиональных организаций. Особый акцент сделан на изучении проблем обеспечения безопасности жизнедеятельности человека, общества и государства. Данные вопросы рассматриваются в рамках модуля «Государственная политика в сфере безопасности жизнедеятельности человека, общества и государства». Учебные дисциплины модуля разрабатывались в процессе реализации программы 530637-TEMPUS-1-2012-1-PS-TEMPUS-JPCR «Безопасность человека (охрана окружающей среды, контроль качества продуктов питания, охрана здоровья, социально-правовая защита на территориях, пострадавших от радиоактивного загрязнения» на юридическом факультете БГУ (https://law.bsu.by/index.php?option=com_content&view=article&id=6122&Itemid=7). Они представляют собой углубленный комплекс знаний и исследовательских данных, посвященных процессам принятия и реализации решений в области безопасности, а также решению проблем правовой защиты населения, проживающего

на территории, пострадавшей от радиоактивного загрязнения, что особенно значимо для Республики Беларусь. Данный модуль получил апробацию в различных программах магистратуры по политологии и остается актуальным и востребованным направлением в развитии отечественной политологии, а также примером комплексного изучения явления с политико-правовой точки зрения.

Большое внимание уделено также проблеме разработки и исследования технологий политического и государственного управления. Так, программа магистратуры предусматривает изучение модуля «Научно-инновационные технологии политического управления», который комплексно охватывает вопросы технологий управления в организациях и управления персоналом в государственных органах и общественных объединениях, позволяя дать магистрантам соответствующую их профилю работы подготовку. В рамках указанного модуля они овладевают научно-инновационными методами и технологиями политического управления, навыками реализации кадровой политики, ведения документооборота в государственных органах и общественных организациях [4]. В условиях совершенствования процессов управления изучение инновационных технологий при принятии кадровых управленческих решений и оказания помощи руководителям государственных органов и общественных организаций по вопросам управления персоналом приобретает особую актуальность [5].

В целом магистратура по политологии эффективно решает задачи подготовки как научных кадров, владеющих соответствующими исследовательскими и методологическими навыками, так и специалистов-профессионалов в сфере публичной политики.

По основным дисциплинам первой и второй ступени опубликованы учебные пособия, созданы ЭУМК и учебно-методические комплексы, по всем дисциплинам разработана учебно-программная документация. Многие лекционные курсы существуют в электронных версиях, и студентам открыт к ним доступ. В магистратуре и на первой ступени широко используется дистанционное обучение с применением электронных технологий на образовательном портале БГУ.

Помимо предметов, обязательных для всех факультетов БГУ, студенты-политологи основательно изучают правовые дисциплины: историю государства и права зарубежных стран, конституционное право, общую теорию права, международное публичное право, историю государства и права славянских народов, историю государства и права Республики Беларусь, административное право, государственное право зарубежных стран, историю политических и правовых учений, уголовно-правовую политику, гражданское и семейное право, организацию работы государственного аппарата, финансовое право, гражданский процесс, хозяйственное право.

Кафедра политологии предлагает сосредоточиться на специализации «Политика и государственное управление» тем студентам, кто предполагает быть вовлеченным в политическую деятельность и управление, включая местные органы власти, политические организации, профсоюзы, частные организации. Специалисты данного профиля могут работать в аналитических службах аппарата государственного управления, в системе управления персоналом в уч-

реждениях различного уровня. Студенты-политологи БГУ получают серьезную юридическую подготовку с тем, чтобы их образование соответствовало номенклатуре административных должностей в государственных органах и общественных организациях. Выпускники-политологи смогут оказывать организационно-консультативную и практическую помощь органам законодательной, исполнительной и местной власти, политическим партиям и общественным организациям Республики Беларусь. Они смогут участвовать в подготовке законопроектов и заключений по ним, материалов и предложений, относящихся к ведению служб и ведомств Беларуси. Их компетенция подразумевает поддержку связей с общественностью со стороны государственных и политических организаций, местных органов власти по вопросам политического, экономического, социального и культурного развития общества и государства.

Выпускники отделения, проявившие склонность к научно-исследовательской работе, направляются в аспирантуру. Кафедра политологии – ведущее научное учреждение Республики Беларусь по подготовке аспирантов и докторантов по следующим специальностям: 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки», 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии», 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», 23.00.05 «Политическая регионалистика. Этнополитика». После успешного окончания аспирантуры обучающиеся, как правило, получают диплом исследователя в области политических наук и подтверждают свою научную квалификацию, пройдя защиту кандидатской диссертации в докторском Совете по политическим наукам при БГУ. Докторанты кафедры, пройдя через процедуру защиты, становятся признанными специалистами в исследуемой области политического знания.

Совет по защите докторских диссертаций при БГУ действует с 1992 г. и осуществляет подготовку кадров высшей квалификации. Деятельность Совета по защите диссертаций хронологически выглядит следующим образом: Совет по защите диссертаций Д 056.03.11 (1991–1995), Д 02.01.18 (1997–2001), Д 02.01.18 (2001–2006), Д 02.01.18 (2006–2009), Д 02.01.18 (2010–2015), Д 02.01.18 (2015–2018), Д 02.01.18 (2019–2022). Защиты велись по трем специальностям, которые были востребованы на этапе формирования белорусской политической науки: «Теория политики, история и методология политической науки», подготовлено 12 кандидатов наук и 3 доктора наук; «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии», подготовлено 17 кандидатов наук и 4 доктора наук; «Политические проблемы международных отношений и глобального развития», подготовлено 3 кандидата наук и 3 доктора наук. Всего за последние 30 лет в Республике Беларусь подготовлено около ста кандидатов политических наук и 11 докторов политических наук. Две докторские диссертации защищены за пределами Беларуси [6, с. 10].

Одним из важнейших предметных полей научных исследований на кафедре политологии стало направление «Теория и философия политики, история и методология политической науки». В рамках этого направления кафедрой

и Советом по защите подготовлены значительные исследования в плане формирования белорусской национальной школы по политическим наукам. Знаковым явлением в научной жизни Беларуси стала докторская диссертация Н. А. Антанович «Теория и методы анализа государственного управления в политической науке» (июнь 2018 г.). Актуальность диссертации в свете вышесказанного не вызывает сомнений. В мире господствуют высокие технологии. Доминирующими технологиями, определяющими экономическое могущество государства и уровень благосостояния его граждан, являются высокие технологии в области государственного управления. Однако в основе технологий государственного управления заложены феномены более фундаментального порядка, которые находятся в области теории и методологии управленческих наук.

Согласно приказу Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 315 от 28 декабря 2018 г. «Об итогах ежегодного конкурса на лучшую докторскую и кандидатскую диссертации» исследование Н. А. Антанович стало победителем ежегодного конкурса на лучшую докторскую диссертацию с вручением диплома лауреата конкурса в номинации «Гуманитарные науки».

За 30 лет со времени основания кафедры политологии БГУ сложилась уникальная система подготовки кадров в области политологии как сферы науки и образования. Эта система включает несколько сопряженных направлений подготовки специалистов-политологов на различных ступенях:

- первое направление – методология и место политической науки в системе социально-гуманитарного знания;
- второе направление – политические процессы и технологии;
- третье направление – политические институты;
- четвертое направление – государственная политика и управление;
- пятое направление – политическая регионалистика и этнополитика;
- шестое направление – международные политические отношения и геополитика.

Подобная система подготовки специалистов-политологов, охватывающая различные направления политической науки и предполагающая углубленное изучение правовых дисциплин, позволяет обеспечивать национальное научное и образовательное сопровождение в области реализации основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Решетников С. В. Политическая наука в БГУ: теоретико-методологические и прикладные аспекты. Минск, 2016.

2. Решетников С. В., Антанович Н. А., Побережная О. Е. Научные и прикладные школы в области политологии: политико-правовой подход // Выш. шк. № 1. 2017. С. 36–41.

3. Образовательный стандарт высшего образования (ОСВО 1-23 80 07-2019). Высшее образование. II ступень (магистратура). Специальность: 1-23 80 07 Политология. Минск, Мин-во образования Республики Беларусь.

4. Типовой учебный план. Специальность: 1-23 80 07 Политология. Профилизация: Публичная политика. Рег. № Е-23-2-007/пр.-тип. [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/218310 (дата обращения: 11.06.2020).

5. Слуцкая Л. В. Инновационные технологии управления персоналом в государственных органах и общественных организациях. Учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности: 1-23 80 07 Политология профилизация: Публичная политика рег. № УД-76885/уч. от 12.07.2019 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека БГУ. URL: https://elib.bsu.by/handle/123456789/230240 (дата обращения: 12.06.2020).

6. Решетников С. В. Историографический обзор процессов развития предметных полей политических исследований на кафедре политологии БГУ // Политология: государственная политика и управление : сб. науч. тр. Евраз. собр. политологов / сост.: Н. А. Антанович, О. Е. Побережная, Л. В. Слуцкая ; редкол.: С. В. Решетников (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2018. Вып. 1. С. 5–23.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Абрамовіч Аляксандр Міхайлавіч (1944–2018) – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Авакаў Мірза Масэсавіч (1925–1987) – доктар юрыдычных навук, прафесар

Антановіч Ніна Арсеньеўна – загадчык кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар палітычных навук, дацэнт

Асаёнак Барыс Валер'евіч – дактарант кафедры крыміналістыкі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Бабіцкі Барыс Яўгенавіч (1908–1964) – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Багалейка Аліна Міхайлаўна – дацэнт кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Балашэнка Сяргей Аляксандравіч – дырэктар Нацыянальнага цэнтра ўстойлівага развіцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, прафесар кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Баркоў Аляксандр Уладзіміравіч – прафесар кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Бібіла Валянціна Мікалаеўна – прафесар кафедры крымінальнага працэсу і пракурорскага нагляду юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Бялова Тамара Аляксееўна – прафесар кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Васілевіч Рыгор Аляксеевіч – член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, загадчык кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Віхараў Сямён Раманавіч (1920–1976) – доктар юрыдычных навук, прафесар

Вярэнчыкаў Ігар Раманавіч – прафесар кафедры крыміналістыкі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Гадуноў Валерый Мікалаевіч – дырэктар УА «Інстытут перападрыхтоўкі і павышэння кваліфікацыі суддзяў, работнікаў пракуратуры, судоў і ўстаноў юстыцыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта», прафесар кафедры грамадзянскага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь

Галаўко Анатоль Аляксандравіч (1925–2014) – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Гарэлік Іосіф Ісаакавіч (1921–2008) – доктар юрыдычных навук, прафесар

Гаўзэ Файфель Ісаакавіч (1897–1990) – доктар юрыдычных навук, прафесар

Гаўрыльчанка Юлія Пятроўна – прафесар кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Грунтоў Ігар Алегавіч – загадчык кафедры крымінальнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Данілевіч Анатоль Аляксандравіч – загадчык кафедры крымінальнага працэсу і пракурорскага нагляду юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Дарогін Васіль Аляксандравіч (1912–1995) – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Дзенісевіч Аляксандр Віктаравіч – дацэнт кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Доўнар Таісія Іванаўна – прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Драбязка Сцяпан Рыгоравіч (1922–2019) – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Дулаў Андрэй Васільевіч (1924–2018) – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны дзеяч навукі Рэспублікі Беларусь

Здрок Аксана Мікалаеўна – прарэктар па вучэбнай рабоце і адукацыйных інавацыях Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, прафесар кафедры грамадзянскага працэса і працоўнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, дацэнт

Землякоў Леанід Яўгенавіч – прафесар кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар палітычных навук, прафесар

Ігнаценка Іларыён Мяфодзьевіч (1919–2002) – акадэмік АН БССР, член-карэспандэнт АН БССР, доктар гістарычных навук, прафесар

Ільіна Алена Міхайлаўна – дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат палітычных навук, дацэнт

Калінін Сяргей Артуравіч – загадчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Калядка Іван Мікалаевіч – прафесар кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Камянкоў Віктар Сяргеевіч – навуковы кансультант кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Кандратовіч Наталля Міхайлаўна – дацэнт кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Крамнік Аляксандр Мікалаевіч (1933–2018) – кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Круглова Галіна Анатольеўна – прафесар кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар філасофскіх навук, дацэнт

Кузьміч Ірына Пятроўна – дацэнт кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Куніцкая Вольга Міхайлаўна – дацэнт кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Курылёў Сяргей Васільевіч (1919–1968) – доктар юрыдычных навук, прафесар

Ландо Дар'я Дзмітрыеўна – дацэнт кафедры грамадзянскага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Лейзераў Аркадзь Цэвелевіч (1922–2007) – доктар юрыдычных навук, прафесар

Лізгара Вікторыя Яўгенаўна – дацэнт кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Макарава Тамара Іванаўна – загадчык кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Марціновіч Ізабэла Іванаўна – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Маслоўская Таццяна Станіславаўна – дацэнт кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Мацвіенка Яўген Аляксандравіч (1925–1998) – кандыдат юрыдычных навук, прафесар

Міхайлоўскі Вадзім Сяргеевіч – дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат палітычных навук, дацэнт

Мяшчанава Марыя Валянцінаўна – загадчык кафедры грамадзянскага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Пабярэжная Вольга Яўгенаўна – дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат палітычных навук, дацэнт

Парэчына Святлана Генадзьеўна – дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат палітычных навук, дацэнт

Петачэнка Тамара Міхайлаўна – дацэнт кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Піліпенка Аляксандр Анатольевіч – загадчык кафедры фінансавага права і прававога рэгулявання гаспадарчай дзейнасці юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Пічэта Уладзімір Іванавіч (1878–1947) – акадэмік АН БССР, акадэмік АН СССР, доктар гісторыі, заслужаны прафесар БССР

Пятрова Вольга Валянцінаўна – дацэнт кафедры крымінальнага працэсу і пракурорскага нагляду юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Раманава Вольга Мікалаеўна – загадчык кафедры грамадзянскага працэсу і працоўнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Рашэтнікаў Сяргей Васільевіч – прафесар кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар палітычных навук, прафесар, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь

Салей Алена Анатольеўна – дацэнт кафедры грамадзянскага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Сільчанка Мікалай Уладзіміравіч – прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Скакаў Айдаркан Байдзекавіч – прафесар кафедры крыміналогіі Акадэміі права і ўпраўлення Федэральнай службы выканання пакаранняў Расіі, доктар юрыдычных навук, прафесар

Слуцкая Людміла Уладзіміраўна – дацэнт кафедры паліталогіі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Сторажаў Мікалай Васільевіч (1934–2004) – член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Цікавенка Анатоль Герасімавіч – доктар юрыдычных навук, прафесар, суддзя Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Ціхіня Валерый Гур'евіч – член-карэспандэнт Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст БССР

Цішкевіч Іван Станіслававіч (1919–2001) – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Чудакоў Міхаіл Філіпавіч – прафесар кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Чупрыс Вольга Іванаўна – намеснік кіраўніка Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, прафесар кафедры дзяржаўнага кіравання юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Чыгір Васіль Фёдаравіч – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Шабанаў Вячаслаў Барысавіч – загадчык кафедры крыміналістыкі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, доктар юрыдычных навук, прафесар

Шаўцова Ала Васільеўна – дацэнт кафедры канстытуцыйнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Шахрай Ірына Сяргееўна – дацэнт кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Шынгель Наталля Адамаўна – дацэнт кафедры экалагічнага і аграрнага права юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Шыраеў Валяр'ян Мікалаевіч (1872–1937) – доктар юрыдычных навук, прафесар

Шумак Рыгор Аляксандравіч – прафесар кафедры крыміналістыкі юрыдычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат юрыдычных навук, дацэнт

Юркевіч Мікалай Рыгоравіч (1928–2017) – доктар юрыдычных навук, прафесар, заслужаны юрыст Рэспублікі Беларусь

Юхо Іосіф Аляксандравіч (1921–2004) – доктар юрыдычных навук, прафесар

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА. Развіццё юрыдычнай навукі і навуковых школ у БДУ 3

КАФЕДРА ТЭОРЫІ І ГІСТОРЫІ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА..... 7

Абрамовіч А. М. Канстытуцыйная рэформа: праблемы і перспектывы..... 7

Аваков М. М. Теория правопреемства государства
при социальной революции 11

Бабицкий Б. Е. Участие БССР в образовании Союза ССР.
Реорганизация органов государственного управления БССР..... 21

Дорогин В. А. Единство суверенитета Союза ССР и суверенитета
союзных республик 30

Доўнар Т. І. Навука і навуковая школа гісторыі дзяржавы
і права Беларусі..... 35

Доўнар Т. І., Калінін С. А. Тэарэтычныя і гісторыка-прававыя
даследаванні ў Беларускім дзяржаўным універсітэце..... 45

Дробязко С. Г. Принципы в праве 54

Ігнаценка І. М. Наша гісторыя..... 60

Калинин С. А. Конституционная реформа в Республике Беларусь: вызовы,
проблемы и перспективы 67

Пичета В. И. Волочная устава королевы Боны и устава на волоки 75

Сильченко Н. В. Особые группы правовых актов в системе
формальных источников права..... 93

Тиковенко А. Г. К вопросу о принципах национальной правовой системы..... 105

Юхо І. А. Старажытныя карані Беларусі..... 115

КАФЕДРА КАНСТЫТУЦЫЙНАГА ПРАВА 126

Боголейко А. М., Василевич Г. А., Шавцова А. В.
Личность, общество, государство: современный вектор развития 126

Василевич Г. А. Наука конституционного права
как эффективный инструмент преобразований государства и общества 136

Вихарев С. Р. К вопросу о формах национальной
государственности в СССР и признаках отличия союзных
и автономных республик 144

Головко А. А. Основные гарантии демократии 147

Денисевич А. В. Административно-деликтная политика
и третья реформа административно-деликтного законодательства 155

Кондратович Н. М., *Масловская Т. С.* Конституционное право
зарубежных стран: становление и развитие 164

Крамник А. Н. Понятие, задачи и система
административно-деликтного права Республики Беларусь..... 171

Лейзеров А. Т. Демократические формы деятельности местных Советов 177

Чудаков М. Ф. Мировой конституционный процесс: этапы развития 185

КАФЕДРА ДЗЯРЖАЎНАГА КІРАВАННЯ..... 198

Крамник А. Н. Служба государственного сектора 198

Чуприс О. И. Публично-правовая теория государственной службы
Республики Беларусь: основные идеи и направления развития 207

**КАФЕДРА ФІНАНСАВАГА ПРАВА І ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ
ГАСПАДАРЧАЙ ДЗЕЙНАСЦІ** 217

Гаврильченко Ю. П., *Куницкая О. М.* Правовые аспекты
краудфинансирования и его разновидностей.....217

Каменков В. С. От реформы хозяйственного права к перестройке
экономики и кадров 226

Пилипенко А. А. Теоретическое и прикладное осмысление
налога на прибыль в контексте динамики законодательного регулирования 232

КАФЕДРА ГРАМАДЗЯНСКАГА ПРАВА 240

Гавзе Ф. И. Договор по гражданскому кодексу.....240

Годунов В. Н., *Салей Е. А.*, *Мещанова М. В.*, *Ландо Д. Д.*
Кодификация гражданского законодательства Республики Беларусь:
состояние и перспективы 244

Чигир В. Ф. Законодательство об исключительных правах (интеллектуальной собственности) и вопросы его кодификации 263

КАФЕДРА ГРАМАДЗЯНСКАГА ПРАЦЭСУ І ПРАЦОЎНАГА ПРАВА 273

Белова Т. А. Мировое соглашение в процессуальной доктрине, законодательстве и практике судов общей юрисдикции 273

Здрок О. Н. Примирительные процедуры в соотношении с доктринальными понятиями цивилистического процесса 277

Колядко И. Н., Петоченко Т. М. Основные направления и итоги развития науки на кафедре гражданского процесса и трудового права 288

Курылев С. В. О праве на предъявление иска 300

Романова О. Н. Международный гражданский процесс Республики Беларусь: основные принципы 310

Тихиня В. Г. Апелляция как эффективное средство устранения судебных ошибок по гражданским делам в Республике Беларусь 318

Юркевич Н. Г. Сущность гражданского процесса 335

КАФЕДРА КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВА 348

Барков А. В. Эволюция норм о коррупционных преступлениях 348

Горелик И. И. Бездействующие статьи действующего кодекса 359

Горелик И. И. Объект преступления 361

Грунтов И. О. Вина и назначение наказания по уголовному праву Республики Беларусь и некоторых зарубежных стран 364

Тишкевич И. С. Общее понятие неоконченного преступления и его отличие от оконченного преступления 374

Шыраеў В. М. Крымінальны Кодэкс БССР (урывак з артыкула) 378

КАФЕДРА ЭКАЛАГІЧНАГА І АГРАРНАГА ПРАВА 386

Макарова Т. И., *Балашенко С. А.*, *Кузьмич И. П.*, *Лизгаро В. Е.*, *Шахрай И. С.*, *Шингель Н. А.* Белорусская аграрно-правовая и эколого-правовая наука: истоки, современное состояние и перспективы развития 386

Сторожев Н. В. Правовое обеспечение земельно-аграрной реформы в Республике Беларусь 401

КАФЕДРА КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАЦЭСУ І ПРАКУРОРСКАГА НАГЛЯДУ 425

Бибило В. Н. Становление и развитие белорусской судебной системы 425

Данилевич А. А., *Петрова О. В.* Право личности на защиту в уголовном процессе: новое видение традиционных процессуальных институтов 435

Мартинович И. И. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей 2006 г. – достижение судебно-правовой реформы 440

Матвиенко Е. А. Законная сила приговора 448

КАФЕДРА КРЫМІНАЛІСТЫКІ 454

Асаёнок Б. В., *Веренчиков И. Р.* К вопросу о понятии криминалистического обеспечения дознания во внутренних войсках Министерства внутренних дел Республики Беларусь 454

Дулов А. В. Задачи криминалистики 459

Дулов А. В. Изучение взаимосвязей наук уголовно-правового цикла – основа формирования общей теории борьбы с преступностью 464

Шабанов В. Б., *Скаков А. Б.* К вопросу о прогрессивной системе исполнения уголовных наказаний: проблемы реализации 472

Шумак Г. А. Формирование и развитие криминалистических учений в Белорусском государственном университете 477

КАФЕДРА ПАЛІТАЛОГІІ 485

Антанович Н. А., *Михайловский В. С.*, *Ильина Е. М.*, *Паречина С. Г.* Междисциплинарность в изучении государственных институтов и публичной политики: о взаимовлиянии политической и правовой наук (мировой опыт и практика подготовки специалистов с квалификацией «Политолог-юрист» на юридическом факультете БГУ) 485

Землякоў Л. Я. Ідэалогія беларускай дзяржавы 496

Круглова Г. А. Христианская глобалистика в современной философии 503

Решетников С. В., *Антанович Н. А.*, *Побережная О. Е.*
Научные и прикладные школы в области политологии:
политико-правовой подход 508

Решетников С. В., *Побережная О. Е.*, *Слуцкая Л. В.* Особенности
углубленной подготовки специалистов-политологов
в Белорусском государственном университете 519

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ 526

Навуковае выданне

ЮРЫДЫЧНАЯ НАВУКА І АДУКАЦЫЯ Ў БЕЛАРУСКІМ ДЗЯРЖАЎНЫМ УНІВЕРСІТЭЦЕ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ: ДА 95-ГОДДЗЯ ЮРЫДЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА

Зборнік навуковых прац

Рэдактар *М. К. Чарнякевіч*
Мастацкі рэдактар *Т. Ю. Таран*
Тэхнічны рэдактар *Л. У. Жабароўская*
Камп'ютарная вёрстка *К. В. Жданавай*
Карэктары *А. І. Бандарэнка, М. А. Ракуць*

Падпісана да друку 02.10.2020. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.
Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 31,15. Ул.-выд. арк 40,9. Тыраж 250 экз. Заказ 522.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.
Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства
«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/63 ад 19.03.2014.
Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.